ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1996

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

том III

602 - 717

ГОДЫ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1996

ББК Кул. (Рос.)
Кулаковский 14

Основатель и руководитель серии:

Абышко О. Л.

Ю. А. Кулаковский (1855-1919) — выдающийся русский антиковед, археолог и византинист, впервые в русской историографии создавший обобщающий труд по истории Византии в 3-х томах. В заключительном третьем томе автор доводит свое изложение до 717 года и основания новой династии Льва Исавра. В сочинении Ю. А. Кулаковского прекрасно изложена внешнеполитическая история и духовная эволюция *Византии*, описана жизнь столицы, императорского двора, достаточно много говорится о церковных делах и государственных учреждениях. По словам автора, он «ведет читателя своим изложением в самый templum historiae byzantinae (храм истории Византии)». Ярко и талантливо написанная работа адресуется как специалистам, так и всем интересующимся историей и культурой государства, которому столь многим во всех отношениях обязана Россия.

Текст книги заново отредактирован, значительно дополнен разнообразными вспомогательными материалами и хронологическими таблицами. Приведены очерк жизни и творчества Ю. А. Кулаковского, дана новейшая библиография по отдельным разделам.

«История Византии» открывает новую серию издательства «Алетейя» (г. СПб) — «Византийская библиотека», в рамках которой будут опубликованы основные первоисточники и исследования современных византинистов по истории и культуре Византии.

ISBN 5-89329-005-4

© Издательство «Алетейя»(г. СПб) — подготовка текста, составление, художественное оформление, 1996 г.
© «Византийская библиотека» — название сери
© А. Г. Грушевой — вступительная статья, научная редакция, 1996 г.

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ТОМ III

Фока. Ираклий. Константин, Мартина и Ираклий Младший. Констант. Константин IV. Юстиниан II. Леонтий и Тиверий. Вардан. Анастасий и Феодосий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три года тому назад, когда был закончен второй том моей Истории Византии, я имел надежду, что мне удастся обработать в третьем период двух веков и двух династий императоров. Но по мере обработки материала для меня выяснилась необходимость поставить иную грань, и законченный ныне в печати третий том доводит историю Византии до эпохи, какой явилось в ее судьбах вступление на царство Льва-Исавра в 717 году. Как продолжение начатого труда, этот том обработан по тому же плану, как два предшествующие: моей целью было представить последовательную, точную в хронологическом отношении и по возможности полную картину жизни империи на основании непосредственного изучения свидетельств источников на уровне современной разработки материала, как она дана в монографиях относящихся к этому периоду, а также и в многочисленных исследованиях по отдельным частным вопросам, появлявшихся в разных периодических изданиях, посвященных византиноведению. Так как империя жила под мощным воздействием старого принципа слияния церкви и государства, то в своем изложении я старался уделять равное внимание событиям как политической, так и церковной жизни Византии. Обзор источников и научной литературы представлен в списке, который является продолжением тех, какие были даны в двух предшествующих томах.

Хотя мое изложение сопровождается постоянными ссылками на источники и примечаниями, но в конце тома я нашел нужным прибавить «дополнительные примечания», которых набралось почти два листа. Они содержат по большей части указания на источники в дополнение к тому, что приведено под строкой в тексте, или более подробное обоснование высказанного в тексте утверждения, или поправку, а иногда возражения на ошибки и недоразумения, допущенные в работах других ученых.[1] Кроме этих примечаний дано также «Приложение», состоящее из пяти экскурсов, из которых четыре являются перепечаткой моих работ прежнего времени: три из них были изданы в 1904 году и относятся к разработке вопроса о земельном строе империи, а одна — написана два года тому назад и по своему содержанию является обоснованием установленной мною хронологии возвращения Креста Господня в Иерусалим. Работы эти перепечатаны с некоторыми мелкими поправками, где это оказалось нужным, и две из них с дополнением в конце. Вновь написан лишь второй экскурс, котором я старался обосновать принятую мною локализацию войн имп. Константина с болгарами и считал нужным дать краткий отчет том живом и интересном споре, который вызвала теория проф. Бьюри о болгарском летоисчислении. Я хотел было дополнить число экскурсов еще одним: о хронологии эпизода истории Фессалоники, связанного с именем Кубера, ввиду неправильного, как я думаю, приурочения этого событии как акад. Успенским, так и Марквартом. Но этот вопрос требует подробного изложения и с бóльшим удобством может быть рассмотрен в специальной статье.

В заключение считаю своим долгом выразить признательность Правлению нашего Университета за назначение пособия из университетских средств на издание этого тома, которое покрыло две трети типографских расходов.

15 апреля 1915 . Киев.

Ю. К.

[1] В нашем издании все дополнительные примечания внесены в текст как подстрочные. (Прим. *Издателя).*

ИСТОЧНИКИ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
(продолжение списков, представленных в I и II томах)

ИСТОЧНИКИ

Nicephori archiepiscopi Const. opuscula histórica, ed. De Boor. Lipsiae. 1880.
Georgii Pisidae. De expeditione persica. I—II—III; Bellum avaricum; Heraclias, I—II (Bonnae. 1837).
—Carmina inedita, ed. Leo Sternbach (Wiener Studien, XIII, 1891).
Analecta Avarica, ed. Leo Sternbach. Cracoviae. 1900.
Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores Syri, ser. tertia, tomus IV.
Chronica minora, pars prior. 1903; pars secunda. 1904; pars tertia. 1905.
—t. VII. Eliae metropolitae Nisibeni opus chronologicum. I—II. 1910.
Chronique de Denys de Tell Mahré, quatrième partie, publiée et traduite par Chabot. Paris. 1895.
Budge. The Book of Governors. The Historia Monastica of Thomas, Bishop of Margâ. I—II. London. 1893.
Severus ibn Mukaffa. Evetts. History of the Patriarchs of the coptic Church of Alexandria (Patr. Orient. I). Paris. 1907.
Chronique de Jean de Nikiou, trad, par Zotenberg (Notices et Extraits, XIV). Paris. 1883.
Eutychii Patriarchae Alexandiae Annales. P. G. IH, 907-1156.
Kitab al Unvan. Histoire universelle, écrite par Agapius de Menbidgj, trad, par A. Vasiliev. (Patr. Orient. VII).
Барон Розен. Заметки о летописи Агапия Манбиджского. Жур. Мин. Пр. 1884, январь.
Agnellus qui et Andeas, Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis, ed. Holder-Egger (M. G. h. Scr. rerum Langobardicarum). 1878.
Fredegari et aliorum chronica, ed. Krusch (M. G. h.). 1888.
Себеос. История императора Ираклa. Перев. с армянского (Патканова). Спб. 1862. - traduite de l'arménien et annotée par Macler. Paris. 1904.
Hübschmann. Zur Geschichte Arméniens und der esten Kriege der Araber aus dem armenischen übersetzt.
Гевонд. История Халифов. Перевод с армянского (Патканова). Спб. 1862.
Моисей Каганкатваци. История Агван. Перевод с армянского (Патканова). Спб. 1861.
Георгий Мтацминдели. Осада Константинополя скифами, кои суть русские, поход императора Ираклия в Персию. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVII). Тифлис. 1900.2
Isaaci Armeniae catholici Narratio de rebus Armeniae. P. G. 132, 1237-1257.
Géographie de Moise de Corène d'après Ptolèmèe. Texte arménien traduit français par Arsène SouJcry. Venise. 1881.3
Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 году. Изд. проф. Марр. (Тексты и разыскания по арм.-груз. фил. Кн. IX. 1909).
Couret. La prise de Jérusalem par les Perses en 614. Rev. de l' Or. Chr. II (1897), 125-164. (Элегии Софрония и арабский отрывок).
Завоевание Иерусалима персами (перевод с арабского того же текста). Сообщения Имп. Прав. Пал. Общ. 1897, стр. 598-614.
Incerti De persica captivitate. P. G. 86, 2, 3236-3268.
Vita s. Theodori Siceotae. Acta Sanct. Aprilis, III. 32-61.
Leontios von Neapolis. Leben des heiligen Johannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien, herausgeg. v. H. Gelzer. Freiburg. 1893.
Acta martyris Anastasii Persae graece primum edidit H. Usener. Bonnae. 1894.
Doctrina Jacobi nuper baptizati ed. Bonwetsch. Berlin. 1910.
S. Demetrii miracula, Acta Sanct., Octobris, IV, 104-209.
Tougard. De l'Histoire profane dans les actes grecs de Bollandistes. Paris. 1874
Mansi. Collectio conciliorum, XI-XII.
S. Martini Epistolae. P. L. 87, 119-204.
S. Maximi Confessoris Opera. P. G. 90; 91.
Anastasii bibliothecarii sedis Apostolicae Collectanea ad Joannem diaconum P. L. 129, 557-690.

---

[2] Автор, грузин, родом из знатного семейства, закончил свою жизнь монахом в Иверском монастыре на Афоне, где занимался переводом и исправлением книг. Скончался в 1066 г. Его сочинение выдает знакомство с историей *Никифора* и гомилией *Феодора Синкелла.*

[3] Два больших авторитета высказали противоположное мнение об отношении этого памятника к «Истории Моисея Хоренского». *Marquait.* Eransahr, p. 4,1 утверждал, что География и История «aufs engstezusammen-hângt und unbedingt demselben Verfasser angehòrt»; а *Hiibschmann,* Die altarmenischen Ortsnamen, Vierter Abschnitt, Anhang II, Moses von Choren und die armenische Géographie, 371-375, — высказывается вполне определенно за то, что оба эти творения принадлежат разным авторам и написаны в разное время: История — не раньше 536 года (так как в ней упомянута Четвертая Армения), а География — никак не раньше VII века, ***Гюбшманн*** решал на основании данных, касающихся Армении; если же принять в соображение упоминание об Аспарухе и его переселении на остров Певку, то придется передвинуть дату составления Географии на последнюю четверть VII века.

ЛИТЕРАТУРА
(монографии и исследования)

Spintler. De Phoca imperatore Romanorum. Jena. 1905.
Drapeiron. L'empereur Heraclius et l'Empire byzantin au VII siede. Paris, 1869.
Ласкин. Ираклий. Византийское государство в первой половине VII века. Харьков. 1889.
Pernice. L'Imperatore Eraclio. Firenze. 1905.
Kaestner. De imperio Constantini III (641-668). Lipsiae. 1907.
Vailbé. La prise de Jérusalem par les Perses, en 614. Rev. de l' Or. Chr. V (1901), 647-649.
Kretschmann. Die Kâmpfe zwischen Heraclius I und Chosroes II. Programm der Domschule zu Gastrow. I-II. 1875, 1876.
Gerland. Die persischen Feldziige des Kaisers Heraclius. Byz. Zeitsch. III (1898). 330-373.
Болотов. К истории императора Ираклия. Виз. Врем. XIV (1907), 68-124.
Norman Baynes. The first Compaign of Heraclius against Persia. Eng. Hist. Rew. XIX (1904), 694-702.
The Date of the Avar surprise. Byz. Zeitsch. XXI (1911), 110-128.
The military operations of the Emperor Heraclius. 609-630 A. D.[4]
Butler. The Arab Conquest of Egypt and the thirty years of the Roman dominion. Oxford. 1902.
Maspero. Organisation militaire de l'Egypte byzantine. Paris. 1912.
Patkanian. Essai d'une histoire de la dynastie des Sassanides. Journal Asiatique.Six. Sér. t. VII (1866), 101-235.
Duval. Histoire d'Edesse, ib. VIII Sér. t. XIX (1892), 5-102.
Ю. Кулаковский. К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки. Виз. Врем. XXI (1914), 1-14.
Васильевский. Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий. Виз. Врем. III (1896), 81-95.
Brooks. The Sicilian Expedition of Constantine IV.
—Who was Constantinus Pogonatus? Byz. Zeitsch. XVII (1908), 455-462.
—The Brothers of the Emperor Constantine IV. Eng. His. Rew. XXX (1915), January, 42-51.
Görres. Justinian II und das rômische Papsttum. Byz. Zeitsch. XVII (1908), 332- 454.
Успенский. О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни. Изв. Рус. Арх. Инст. в К-поле, XIV (1901), 1-61.
Ch. Diehl. Les mosaïques de Saint Démétrius de Salonique. Acad. des. Inscr. et Belles Lettres. Comptes rendus. 1911, 25-32.
S. Vailhé. Sophrone le Sophiste et Sophrone le patriarche. Rev. de l' Or. Chr. VII (1902), 360-385; VIII (1903), 32-69; 356-387.
Hefelle. Conciliengeschichte. B. III, 2-te, Autl. Freiburg. 1877.
G. Owsepian. Die Entstehungsgeschichte des Monothelismus nach ihren Quell geprüft und dargestellt. Leipzig. 1897.
Audollent. Carthage Romaine. Paris. 1899.
Кекелидзе. Сведения грузинских источников о препод. Максиме Исповеднике. (Труды Киевской Духовной Академии, 1912, т. 3, 1-41, 451-486).
Епифанович. Максим Исповедник и византийское богословие. Киев. 1915.
Weìl. Geschìche der Chalifen. I. Manheim. 1846.
Мюллер. История Ислама. I—II. Перев. под ред. Медникова. Пбр. 1895.
De Goeje. Mémoires d'Histoire et de Géographie orientales, 2, Leiden. 1900.
Медников. Палестина от завоевания ее арабами. I. Исследование источников. Пбр. 1902.
Wellhausen. Die Kàmpfe der Araber mit den Româern in der Zeit die Umaijiden. (Nachrichten von der K. Gesel. der Wiss. zu Gôttingen, Ph.-hi Klasse aus dem Jahre 1901).
Goldzieher. Vorlesungen über den Islam. Heidelberg. 1910.
J. Marquait. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin 1901.
Hübschmann. Die armenischen Ortsnamen. Indogermanische Forschungen. XV (1904), 197-532.
Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Джанашвили. Тифлис. 1904.
Ramsay. The historical Geographie of Asia Minor. London. 1890.
Amélineau. La Géographie de l'Egypte à l'époque copte. Paris. 1893.
Rawlinson. Memoir on the Site of the Atropaneian Ecbatana. The Journal of the Royal Geographical Society in London. X (1841), 65-158.
Hoffman. Auszüge aus den syrischen Acten der persischen Martyrer. Leip. 1880.
S. Uvarov. De Bulgarorum utrorumque origine et sedibus antiquissimis. Dorpati 1853.
K. Jirecek. Die Romanen in den Stádten Dalmatiens wàhrend des Mittelalters. Sitz. Ber. d. W. Ak. H-Ph. KI. 48 (1902), 3.
J. Marquart. Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fiirstenliste. Изв. Рус. Археол. Инст. в Кон-поле. Т. XV (1911), 1-30.
Смирнов. Очерк культурной истории южных славян. Вып. II. Казань. 1900.
М. Соколов. Из древней истории Болгар. Пбр. 1879.
К. Грот. Известия Константина Багрянородного о Сербах и Хорватах и их расселении на Балканском полуострове. Пбр. 1880.

[4] Автор любезно прислал мне корректурный оттиск еще не вышедшей в свет работы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.
Предисловие ... VII
Источники и литература ... IX
ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ
Фока
Начало правления. Дела на Востоке. Заговоры в столице. Успехи Хосрова и их последствия. Отношение Фоки к Италии ... 3
Бунт Ираклия и низвержение Фоки ... 18
Ираклий
Первое десятилетие правления Ираклия ... 27
Избрание на царство. Династический принцип верховной власти. Общее состояние государства и правительства ... 27
Успехи персов в войне с империей. Завоевание Сирии и Палестины. Судьба Иерусалима. Посольство к Хосрову от сената. Деятельность Никиты в Египте. Завоевание Египта персами ... 31
Дела в Италии и Испании ... 47
Водворение славян на Балканском полуострове. Авары. Эпизод 617 года. Мир с аварским ханом ... 49
Первая кампания Ираклия против персов
Приготовление Ираклия к войне с персами. Переезд в Пилы. Подготовка армии. Встреча с персами. Отъезд в столицу. Возвращение к армии. Вторжение в Атропатену. Отступление в Албанию. Характер войны в течение 624 года. Вытеснение Ираклия в Малую Азию ... 54
Осада Константинополя аварами. Поражение Шахина. Ослабление аварской державы ... 73
Вторая экспедиция Ираклия против персов
Хазары. Вторжение Ираклия в Ассирию. Битва при Ниневии и дальнейшие успехи Ираклия. Заговор против Хосрова и его низвержение. Широе и его сношения с Ираклием. Шахрбараз и его измена Хосрову. Свидание в Арависсе и его последствия. Возвращение Ираклия в Константинополь ... 87
Возвращение Креста Господня в Иерусалим. Дела в Персии ... 109
Церковные дела
Усиление монофизитской церкви на Востоке под владычеством персов. Начало монофелитства. Политические и церковные отношения в Армении. Попытка унии, осуществленная Ираклием в Сирии. Дела в Персии и посольство Ишояба. Собор в Феодосиополе. Уния в Египте. Софроний. Издание Эктесиса. Дела в Риме. Протест папы Иоанна против Эктесиса ... 114
Арабы и их завоевания
Арабы до Мухаммада. Ислам. Вторжение арабов в Сирию. Ираклий в Эдессе. Указ о крещении иудеев. Битвы при Габифе и на Ярмуке. Дальнейшие успехи арабов. Завоевание Персии. Вторжение арабов в Египет и его покорение ... 130
Последние годы жизни Ираклия и его кончина ... 152
Константин, Мартина и Ираклий Младший
События в столице и дела в Египте ... 161
Констант (Константин)
События в Риме. Мятеж Валентина. Дела в Армении. Успехи арабов в Африке. Попытка отвоевать Александрию. Борьба против монофелитства на западе. Восстание Григория в Африке. Типос ... 174
Муавия и его морские предприятия. Дела в Армении. Поход Константа против славян ... 188
Латеранский собор 649 года. Судьба папы Мартина. Прекращение раскола. Максим Исповедник ... 196
Отъезд Константа на запад. Война с лангобардами. Посещение Рима. Пребывание в Сиракузах. Смерть Константа ... 207
Константин IV
Начало правления. Война с арабами ... 213
Шестой вселенский собор ... 226
Водворение болгар за Дунаем и начало болгарского царства. Последние годы жизни Константина и его смерть ... 232
Юстиниан II
Мир с арабами. Переселение мардаитов. Покорение славян и славянская колонизация в Вифинии. Переселение киприотов в Кизик. Возобновление войны с арабами. Строительство в столице. Временщики ... 239
Церковные дела. Сношения с Римом. Трулльский собор. Раздор с папой. Низвержение Юстиниана ... 254
Леонтий. Апсимар-Тиверий
Утрата Африки. Дела с арабами. Судьба Армении ... 262
Вторичное правление Юстиниана
Пребывание Юстиниана в Херсоне и у хазар. Восстановление на царстве. Дела с болгарами и арабами. Посещение папой Константинополя. Дела Юстиниана в Равенне и Херсоне. Низвержение его и гибель ... 269
Филиппик (Вардан)
Предречение царства. Торжество монофелитства. Внешние бедствия империи. Низложение ... 287
Анастасий и Феодосий. Лев, его прошлое и восшествие на престол ... 295
ПРИЛОЖЕНИЕ

Экскурс I. К вопросу о дате возвращения Креста Господня в Иерусалим из персидского плена 314
Экскурс II. Свидетельства о водворении болгар за Дунаем и Именник болгарских ханов 323
Экскурс III. К вопросу о происхождении фемного строя Византийской империи 334
Экскурс IV. К вопросу о фемах Византийской империи 346
Экскурс V. К вопросу об имени и истории фемы «Опсикий» 367
Указатели ко всем томам «Истории Византии 381
А. Г. Грушевой. Несколько взглядов на раннюю византийскую историю 456

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

том III

Фока. Ираклий. Константин, Мартина и Ираклий Младший. Константин.
Константин IV. Юстиниан II. Леонтий и Тиверий. Вардан.
Анастасий и Феодосий

ФОКА

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ. ДЕЛА НА ВОСТОКЕ. ЗАГОВОРЫ В СТОЛИЦЕ. УСПЕХИ ХОСРОВА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ. ОТНОШЕНИЯ ФОКИ К ИТАЛИИ

Жестокие казни, которыми ознаменовалось избрание Фоки на царство, обеспечили положение старого безродного солдата, которому ирония судьбы предоставила трон римских императоров. Коренастый небольшого роста, с широкой грудью и безобразным лицом, на котором виднелся шрам от старой раны, черневший, когда он раздражался, рыжеволосый, свирепый по характеру, грубый и резкий в обращении, лишенный всякого образования и совершенно неподготовленный своим прошлым к высокому положению, Фока не мог привлечь к себе расположение придворных кругов и населения столицы.[5] Но на первое время столичная знать примирилась с переворотом, и один из самых видных членов ее, лучший полководец времени Маврикия, Приск, много раз стоявший во главе армии, в рядах которой служил Фока в звании центуриона, не счел ниже своего достоинства занять при новом императоре ближайший к его особе военный пост комита экскувитов. Высший гражданский пост магистра оффиций Фока предоставил своему брату Доменциолу.[6]

По установившимся издавна порядкам Фока принял консульство на первый год правления и справил консульский выезд не ближайшего 1 января, а в день Рождества Христова, как сделал это в свое время Маврикий.[7] Это торжество сопровождалось щедрыми дарами столичному населению из сокровищ, скопленных бережливым Маврикием. По всей империи рассылались, по обычаю, изображения императора и императрицы, и повсюду их встречали с почетом по старым формам, создавшимся под воздействием культа императоров давних времен.[8] Непопулярный в столице Маврикий не пользовался расположением в империи и особенно на Востоке, где его родственник епископ Домициан, принимал в последние годы его правления меры насилия против монофизитов.[9] В старом Риме, где папский престол занимал Григорий, прибытие портретов нового императора и его супруги явилось торжественным событием, о котором сохранилась современная запись в местной хронике. Клир, сенат и народ вышли на встречу в торжественной процессии со свечами и из толпы раздавались клики: «Exaudí Christe! Focae Augusto et Leontia Augustae vita!» Портреты были водворены в капелле св. Цезаря в императорском дворце на Палатине. Событие это записано под 2 апреля 603 года.[10] Первое письмо папы к новому императору (май 602 года) начинается с возгласа: «Слава в вышних Богу». Папа видит перст Божий в предоставлении власти Фоке, славит зарю нового правления, высказывает надежду на наступление лучших времен для империи.[11] В том же году папа заместил остававшийся вакантным пост апокрисиария при императорском дворе, о чем сообщил императору в весьма почтительном письме.[12] Весьма любезное послание направлено было к императрице Леонтии, а также и к патриарху Кириаку.[13] Фока сменил неугодного папе экзарха и назначил вновь любезного ему Смарагда, который поспешил заключить с лангобардами перемирие. Установившиеся добрые отношения между византийским двором и властным папой Григорием держались до его смерти (604 г.) и сохранились затем при его преемниках за все время правления Фоки.

Если на западе вступление Фоки на трон императоров было приветствовано, как заря лучшего будущего, то на востоке было иначе. Первым тревожным событием было восстание заслуженного полководца Нарзеса.

---

[5] Наружность Фоки описана у *Кедрина*, быть может, по сохранившемуся до того времени портрету или описанию портрета. *Cedren.* I, 703. Хотя статуи низверженных императоров по давнему обычаю ниспровергались и уничтожались, но одна статуя Фоки уцелела в Константинополе до поздних времен. Она стояла позади Магнавры к востоку от открытого портика. С памятью о ее сооружении связывалась память о Феодоре Сикейском, исцелившем Фоку от подагры — *Scr. Orig. Const,* ed. *Praeger.* 68-69, ср. 168. § 34.

[6] *Theoph.* 291, 1-3.

[7] См. т. II.

[8] Ср. *Mansi.* 12, 1014 — где помянуты обычные формы. — Первоначально были скульптурные изображения, позднее — рисованные восковыми красками портреты.

[9] Считаю недоразумением утверждение *Pernice.* Imp. Eraclio, p. 9-10, будто смерть Маврикия вызвала мятежное движение, обошедшее все области Востока. Самое движение относится к более позднему времени, о чем речь ниже. Неправильное толкование свидетельства автора «Чудеса св. Димитрия Фессалоникского» сделал впервые *Gelzer.* Zur Genesis der byz. Themenverfas-sung (Leipzig. 1899), стр. 37.

[10] Gregorii I Papae Registrum Epistolarum (M. G. H.), II p. 365. — Venit autem icona suprascriptorum Focae et Leontiae Augustorum Romae septim kalendarum Maiarum, et adclamatum est eis in Lateranis in basilicis Iulii omni clero vel (et?) senatu: Exaudi Christe! Focae Augusto et Leontia Augustae vita! Turn iussit ipsam iconam domnus beatissimus et apostolicum Gregorius papa reponi in oratorio sancti Cesarli intra palatio. *Gregorovi**us*** Gesch. d. St. Rom, II, 71, n. 3, — возражая *Баронию* и *Гиббону,* искал капеллу св. Цезария в Латеранском дворце, где тогда имел свое пребывание папа. *Бароний* указывал на храм св. Цезария на via Appia, а *Гиббон* предполагал капеллу в императорском дворце на Палатине. Локализация *Гиббона* оказывается, однако, совершенно правильной. В биографии папы Сергия — *Lib. Pontif.*, гл. 86, стр. 371 изд. *Dushesne'ÿ.* — с полной определенностью помянут — oraculum beati Caesarii Christi martyris, quod est intro... Palatium.
Ср. 12 прим. *Дюшена*, стр. 377-378.

[11] *Greg.* Epp. 13, 34.

[12] Ib. 13, 41.

[13] Ib. 13, 42 и 43.

Отставленный еще Маврикием от командования в угоду Хосрову, Нарзес отказался признать императором убийцу Маврикия и, опираясь, очевидно, на личную дружину, какие были в ту пору у всех командиров, и на свой заслуженный авторитет среди военных людей, захватил город Эдессу. К сожалению, наше предание сохранило слишком мало сведений о выступлении Нарзеса. Известно лишь одно, что захват Эдессы имел своим последствием казнь епископа Севера, который занял кафедру еще в правление Тиверия.[14] Местные люди обвинили его в верности Фоке, и Нарзес после допроса подверг его жестокой казни побиения камнями. Близкий по времени свидетель, Кир Батнский, сохранил описание этого события с точным обозначением места казни, совершенной в присутствии Нарзеса.[15] Византийское летописное предание приписывает Нарзесу сношения с Хосровом и прямой вызов его на войну с узурпатором,[16] а армянский историк Себеос, писавший в середине VII века, занес в свое произведение известие, будто Нарзес прислал Хосрову самозванца, выдавшего себя за сына Маврикия, Феодосия.[17] Из хода дальнейших событий не видно, однако, чтобы Нарзес имел сношения с Хосровом, и эти свидетельства предания являются, по всему вероятию, лишь осмыслением последующих событий.

Обязанный Маврикию своим восстановлением на царстве, Хосров не питал добрых чувств к империи, и последние годы правления Маврикия были омрачены угрозой возобновления войны на восточной границе. Маврикию удалось смягчить гнев своего названного сына, и мир не был нарушен. Весть о низвержении Маврикия и гибели его семейства послужила для Хосрова поводом выступить в роли мстителя и начать этим осуществление широких завоевательных планов, которые, по-видимому, давно назревали в его гордом сердце. Весною 603 г., на пятом месяце своего правления, Фока снарядил посольство к персидскому двору с извещением, согласно старому этикету, о совершившейся перемене на троне императоров. Исполнение посольства было поручено одному из ближайших помощников Фоки во время переворота, офицеру Лилию. Герман, сменивший Нарзеса в командовании на восточной границе, с почетом принял Лилия в Даре, откуда последний направился в Персию.[18] Но Хосров не принял посла, отверг привезенные им подарки и заточил его, а быть может, и казнил. Обошедший всю империю слух о том, что Феодосию удалось бежать к Хосрову, дошел до персидского двора, и в руках Хосрова оказался самозванец, выдававший себя за сына Маврикия. По сообщению анонимного сирийского летописца, писавшего в 80-х годах VII века, Хосров приказал монофизитскому патриарху венчать его на царство по римскому обычаю, т. е. с возложением венца на престол, снабдил его войсками и послал добывать себе царство.[19] Против мнимого Феодосия, вторгшегося в пределы империи, выступили римские войска под начальством Германа и нанесли ему поражение в местности Бет-Ваши (к западу от Дары и к югу от Мард).[20] Получив известие об этом, Хосров поспешил на помощь и выступил из Ктесифона еще зимой. Первая встреча с войсками Германа была неудачна для персов, и сам Хосров едва не погиб: на него был наброшен аркан, но один из телохранителей успел его перерезать.[21] В сражении, которое произошло на следующий день, персы нанесли тяжкое поражение противнику. Раненый Герман бежал с поля битвы к Константину (Теллу), где и скончался от раны на десятый день после битвы.[22]

Так началась последняя война между Персией и империей, которая затянулась почти на 25 лет. Она имела роковые последствия для обеих соперничавших держав и окончилась сокрушением Персии, как предсказывал это сам Хосров послу Маврикия.[23]

Слухи о том, будто Феодосию удалось спастись к Хосрову, поддержал сам Фока своим отношением к его убийце, Александру. Молва утверждала, что Александр дал себя подкупить Герману и, позволив царевичу бежать, подменил его для казни другим лицом. Александр вместе с некоторыми другими лицами, заподозренными в соучастии, был сослан в Александрию и там казнен.[24] В Александрии ходил слух, будто Феодосий нашел убежище в одном из тамошних монастырей. На архимандрита этого монастыря, по имени Мина, был сделан донос, вследствие чего он попал в тюрьму. Дело доходило до императора, доносчик был изобличен и понес наказание. — Этот эпизод увековечил в стихотворном произведении современник, знаменитый впоследствии патриарх иерусалимский Софроний, находившийся тогда в Александрии вместе с Иоанном Мосхом.[25]

Слухи о спасении Феодосия подняли настроение пострадавших от переворота, и в столице в придворных кругах составился заговор, имевший целью поставить царем Германа. Во главе заговорщиков стал придворный

---

[14] *Mich. Syr.* X 20, p. 355.
[15] *Дьяконов.* Кир Батнский, стр. 71 отд. отт.
[16] *Theoph.* 291, 30.
[17] *Себеос.* Гл. 20, стр. 80.
[18] *Theoph Sim.* 8, 15, 3-8.
[19] *Anon. Guidi,* ed. *Nöldeke,* p. 16 = *Scr. Syri.* t. IV. *Chr. min.* 18, 39-19, 5. 16. 19, 5-15.
[20] Бебаза, как называет *Аммиан Марцеллин,* 1, 236 (18, 7, 9; 10, 1), селение на границе безводной пустыни, на расстоянии 100 рим. миль от Константины. По догадке *Нёльдеке* — ныне Тель-Беш, в 40 километрах от Дары.
[21] Сирийский летописец знает имя телохранителя - Muskan.
[22] *Theoph.* 292, 8-11. — *Pernice.* Imp. Eraclio, p. 18, — переносит эту битву под стены Эдессы, очевидно, придавая значение свидетельству *Себеоса* (гл. 21, стр. 80) о том, что Хосров подступал к Эдессе и Нарзес выслал ему мнимого Феодосия. Предпочтения заслуживает сообщение сирийского анонима, приведенное в тексте.
[23] См. т. II.
[24] *Chr. de Jean de Nik.* p. 539.
[25] *Sophronii* Anacreontea, carmen 21 (P. G. 87, 3, 3824-3829).

евнух Схоластик. Партия венетов была на стороне Германа, который пытался склонить на свою сторону и прасинов. Он послал димарху прасинов Иоанну Крукису кентенарий золота; но главари партии не пошли на соглашение. Заговорщики воспользовались особой императрицы Константины, которая проживала, по распоряжению Фоки, в доме префекта города Леонтия. Ночью Схоластик провел императрицу и трех ее дочерей в храм св. Софии, и на утро разыгрался бунт. Сохранившие верность Фоке прасины, собравшись в кохлии, поносили императрицу. Беспорядки сопровождались поджогом претория, и пожар распространился от дворца Лавза до арки на Форуме Константина. Во время побоища погиб в огне димарх прасинов. Когда бунт был подавлен, Фока приказал вывести из храма императрицу с дочерьми. Патриарх вступился за царицу и потребовал от Фоки клятвенного обещания сохранить жизнь ей и ее дочерям. Фока сдержал обещание и заточил царицу в одном из столичных монастырей. Следствие по делу о бунте вел Леонтий. Схоластик умер под пыткой, а Герман принял духовный сан, который лишил его на будущее время возможности явиться претендентом на царский венец. Тогда же принял пострижение в монашество зять императора Маврикия Филиппик и поселился в основанном им монастыре в Хрисополе.[26]

Хотя прасины во время этого бунта стояли, по сведениям, сохраненным Феофаном, на стороне Фоки и тем содействовали его успеху, но в одном новооткрытом источнике, Doctrina Jacobi nuper baptizati, принадлежащем современнику, дело выставляется так, что виновниками пожара были прасины, которые подверглись затем жестоким преследованиям, причем их противники давали им кличку «поджигателей» и «манихеев». Автор был в ту пору молодым человеком и, прикидываясь венетом, чинил из ненависти к христианам всякие беды прасинам.[27]

В ту пору, когда Фока утверждал свое положение жестокими казнями своих врагов, дела на востоке принимали более тревожный вид. Разгромив армию Германа, Хосров осадил Дару, которую некогда сам отдал Маврикию.[28] Необходимость послать подкрепления на восточную границу заставила Фоку войти в соглашение с аварским ханом. Щедрым увеличением дани, которую получал хан от империи, куплено было обещание не тревожить соседних областей.[29] Издавна экспедиционные армии формировались во Фракии из федератов; но Фракия тяжко пострадала от славянских и аварских набегов и вторжений при Маврикии и вряд ли могла предоставить достаточные средства. Уже Тиверий формировал свой корпус федератов из задунайских варваров для войны с персами, не довольствуясь силами местного населения.[30] Положение дела с тех пор могло только ухудшиться. По всей вероятности, Фока воспользовался гарнизонной армией, из рядов которой сам вышел. Армия была сформирована и направлена на восток под начальством Леонтия, доказавшего свою верность Фоке во время подавления заговора.

Отправляясь на восток, Леонтий, кроме главной задачи — отражения персов, имел другое поручение — справиться с бунтом Нарзеса. Когда он подходил с войсками к Эдессе, население города не пожелало подвергаться бедствиям осады, и Нарзес с верным ему войском ушел в Сирию и укрепился в Иераполе.[31] Появление новых сил не спасло Дару. Близ Арзамона персы разбили Леонтия, и Фока, получив известие об этом, приказал доставить его в цепях в столицу. Гарнизон Дары храбро оборонялся. Хосров требовал от местного епископа воздействия на защитников и население в смысле скорейшей сдачи города и грозил ему за неисполнение этого требования страшными карами. Осада Дары затянулась, по сообщению Себеоса, на полтора года. Обычный в ту пору прием — подкопы городской стены — увенчался успехом, и когда стены дали бреши, персы ворвались в город и произвели страшное кровопролитие. Епископ Дары, предупреждая кары, которыми грозил Хосров, лишил себя жизни.[32] Мощные стены Дары были срыты, и Дара окончила свое существование, как пограничная твердыня империи. Гарнизон соседней крепости, Марды, опасаясь такой же участи, какая постигла Дару, покинул свою стоянку, и туда во множестве стеклись монахи из соседних местностей.[33] Взятие Дары, по свидетельству анонимной сирийской хроники, относится к 14 году правления Хосрова. Так как годы его правления начинаются с 24 июня 590 года, то 14-й будет соответствовать 604-605 г.[34]

На смену Леонтия в командовании на востоке Фока послал своего брата Доменциола. Историческое предание

---

[26] Chr. Pasch. 695; Theoph. 293, 8-28. — В датировке события следую показанию Пасх. Хр. — т. е. второй год Фоки, 603-604. Феофан помещает это событие под четвертым годом Фоки, который превращается в пятый, так как он помещает в него смерть патриарха Кириака и поставление Фомы, что случилось в январе 607 года.

[27] Doctrina Jacobi nuper baptizati, ed. Bonwetsch, p. 39, 5 — Новооткрытым этот источник можно назвать лишь в смысле публикации греческого подлинника, так как славянский перевод его вошел в Макарьевские Минеи под 19 числом декабря (изд. Археогр. Комиссии. Москва. 1907. Декабрь, стр. 1431).

[28] Интересно отметить, что в лагере Хосрова находился католикос персидских христиан, который и умер во время осады.

[29] Theoph. 292, 17-25.

[30] См. т. II.

[27] Theoph. 292, 17.

[32] Ser. Syri. IV. Chron. min. p. 19, 10-24.

[33] Mich. Syr. X 25, p. 378.

[34] В другой сирийской хронике, более поздней даты, так называемой Liber Calipharum. Chr. min. 113, 3 — читаем: Anno 915 ind. VII expugnata est Dara secunda vice. — Седьмой индикт — 1 сентября 603-31 августа 604 года. Совпадение этих свидетельств позволяет отнести взятие Дары к лету 604 года. — *Феофан* упоминает об этом событии — p. 293, 26 — под 4-м годом правления Фоки.

не сохранило никаких свидетельств о ходе войны с персами под его начальством; но в одном агиографическом памятнике, Житии Феодора Сикейского, составление которого относится к первым годам правления Ираклия, находится упоминание, что Доменциол потерпел поражение, спасся бегством с поля битвы и вернулся в столицу.[35] По свидетельству Феофана, Доменциолу удалось склонить Нарзеса к миру с императором; он дал ему ручательство от имени Фоки в личной безопасности и отослал в столицу. Но Фока не сдержал слова, и заслуженный полководец, именем которого в Персии матери пугали своих детей, погиб жестокой смертью на костре.[36]

Беспомощность Фоки в войне с персами и недостойное его поведение в личной жизни переполнили меру терпения столичной знати, окружавшей его трон, и в 3-й год правления (604-605) составился заговор на его жизнь. Заговор группировался около царицы Константины, заточенной в монастыре, и по этому делу в сношениях с нею состоял Герман. В заговоре принимали участие многие видные сановники. В числе их были префект претория Феодор, магистр императорской канцелярии Иоанн, Феодосий — субадъюва (помощник) магистра, комит царских щедрот Афанасий, схоластик Роман, иллюстрий Патрикий, спафарии и кандидаты Иоанн и Тцитта и другие. По доносу некоей Петронии, при помощи которой Герман сносился с царицей Константиной, заговор был открыт. Префект города Феопемт произвел строгое следствие, в результате которого были жестокие казни. Царица Константина была казнена вместе со своими дочерьми на том самом месте, где погиб ее муж с сыновьями: на моле Евтропия в Халкидоне.[37] Герман и его дочь, бывшая в замужестве с Феодосием, сыном Маврикия, были казнены на острове Проти, где они были заточены. Казнены были все замешанные в заговоре лица, и самой жестокой казни подвергся иллюстрий Ельпидий. Ему вырезали язык, отрубили руки и ноги, выкололи глаза, и в этом истерзанном виде бросили в лодку, которую подожгли. По записи Пасхальной Хроники казни эти были совершены 7 июня 605 года.[38]

Отвоевание Дары было для Хосрова началом осуществления широких военных замыслов. Из лагеря под стенами осажденной крепости он отправил войско в Армению с целью прежде всего отвоевать уступленные Маврикию области. В течение двух лет шла война в областях Айрарата и Тарона, а в 606 году персидский вождь Аштар-Иестайар вступил в Великую Армению, издавна принадлежавшую империи, и, разбив выступившие против него войска, гнал их до города Саталы на западной границе Армении. При участии мнимого Феодосия персам удалось овладеть этим городом, а после того был осажден старый опорный пункт римской власти в стране — Феодосиополь.[39]

После взятия Дары Хосров организовал две армии, во главе которых стали лучшие его полководцы, Расми-Озан и Шахин.[40] Первый из них имел прозвище, данное ему Хосровом, — Шахрбараз, т. е. дикий кабан, по объяснению Михаила Сирийца, а византийцы исказили его в слово Σάρβαρος. У армянских писателей он называется Хореям.[41] Оба полководца открыли военные действия против империи, по-видимому, не раньше 607 года. Шахин сменил Аштар Иестайара в Армении, довел до конца осаду Феодосиополя[42] и, утвердив власть персидского царя на всем пространстве римской Армении, перенес военные действия далее на запад, в Каппадокию, и подступил к городу Кесарии. Многочисленное иудейское население стало на сторону персов, христиане покинули город, и персы вступили в него. Шахин сделал после того конный выезд через Малую Азию и достиг Халкидона на азиатском берегу Босфора (610 год).[43]

---

[35] *Vita S. Theodori Siceotae. Acta Sanct.*, Aprilis, III, dies 22, c. 13, p. 56.

[36] *Theoph.* 292, 2-4. — Событие отнесено к третьему году правления Фоки, т. е. 604-05. Быть может, оно предшествовало назначению Доменциола магистром армии.

[37] Останки царицы Константины и ее дочерей были погребены в храме св. Маманта, и стихотворная эпитафия, составленная, вероятно, уже после гибели Фоки, сохранена позднейшими писателями. *Cedren*. I, 707; *Zonara*. 14, 14, 14-15.

[38] Chron. Pasch. 696-697. — У *Феофана* этот заговор разделен надвое и помещен под 5 и 7 годом правления Фоки. Оба раза в числе казненных назван Ельпидий. В первый раз его звание не обозначено, а во второй он назван начальником арсенала. Особенная жестокость его казни находит свое объяснение в том, что он на совещании заговорщиков брал на себя роль палача. *Феофан* приводит подлинные его слова, очевидно, из материала следствия. Убийство Фоки предполагалось совершить на ипподроме. — *Chronogr*. 294, 27-295, 13- и 297, 16-298, 4.

[39] Себеос подробно рассказывает об этих событиях, гл. 21-23, стр. 79-86. — Феодосиополь — Карин по армянски — ныне Эрзерум. Сатала — «арм. Satagh — севернее Ерзингяна на пути в Трапезунт, где и поныне стоит деревня Садаг» — *Адонц*. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 75.

[40] Anon. Guidi, p. 24 *Nöld*. — Из сирийских источников заимствовал свои сведения и Табари. Но он говорит о трех полководцах: Ромиузане, Шахине и Феррухане с титулом Шахрбараза. В рассказе об измене Шахрбараза Шахрбараз получает приказ от Хосрова прислать голову Феррухана. *Nöldeke. Tabari*. 290-92; 306.

[41] *Моисей Каганкатваци*. История Агван, гл. 10, стр. 99: «(Хосров) видя, что ему удаются военные действия, предпринятые им против императора греческого через полководца своего, которого прежде назначил против запада и которого настоящее имя было Хорьям, он за его уменье устраивать и устремлять войска и за одержанные победы с персидской хитростью, назвал его разными пышными именами, то Разми-Озан, то Шах-Вараз». Ср. относительно имени Шахрбараз: *Nöldeke. Tabari*. 290, η. 3; 292, η. 2; *Марр*. Антиох Стратиг. Предисловие, § 16, стр. 29-30.

[42] Поздний, но точный в своих показаниях источник, *Narratio de rebus Armeniae* (P. G. 132, p. 1249) сохранил дату взятия Феодосиополя персами: 5 год правления Фоки, т. е. 607 год.

[43] Себеос. Гл. 23, стр. 86. О походе через Галатию и Пафлагонию до Халкидона упоминает *Феофан. Cbronogr*. 296, 6-

О военных действиях Шахрбараза в Месопотамии сохранились лишь скудные летописные данные. Овладев крепостями Марды и Амида, он отвоевал затем другие города Месопотамии, и общую судьбу разделила на этот раз Эдесса, столько раз успешно отбивавшаяся от персов. В 610 году власть персидского царя признали над собой все города приевфратской области с крепостями Каллиником и Киркесием, и Шахрбараз перешел Евфрат близ Иераполя и занял город Зиновию.[44] Таким образом в последний год правления Фоки граница империи с Персией была отодвинута на линию Евфрата.

Ближайшим последствием утверждения персов в восточных областях империи было обострение исконной вражды между туземным христианским населением и многочисленным по всем городам востока иудейством. Христиане видели в персах национального врага, а иудеи ждали от персов избавления от того гнета, который они терпели в империи, а потому ревностно поддерживали их. Слухи о предательстве иудеев и их заговоре против христиан вызывали репрессии со стороны христиан, и беспорядки на этой почве обошли все города востока. В силу особого склада городской жизни эти беспорядки получали вид борьбы димов. Михаил Сириец, черпавший свои сведения из современных событиям источников, занес в свою летопись под 607 (918) годом такое свидетельство: «голубые и зеленые начали междоусобную войну», «города подверглись опустошению».[45] Эти бесчинства вызвали репрессии со стороны правительства. Дело было поручено Вонозу и магистру армии Востока Коттоне. С особенной жестокостью они расправились в Антиохии и Лаодикее, о чем сохранил скорбные сетования Антиох Стратиг в своей повести «Пленение Иерусалима».[46] Другой близкий по времени свидетель, Иоанн Никиуский, который также с ужасом говорит о злодействах Воноза, выставляет их в другом свете, а именно: придает им характер экзекуции за нарушение клиром монофизитской церкви в Антиохии запрета Фоки собираться для избрания епископов. Солдаты врывались в церкви и производили жестокую бойню христиан.[47] Третий современный свидетель, новокрещенец Яков, придает жестокому кровопролитию, происходившему в Антиохии, вид междоусобной войны димов, которую поддерживали и разжигали иудеи из ненависти к христианам. Яков свидетельствует о самом себе, что он нарочно отправился в Антиохию и, притворяясь венетом и благожелателем императора, всячески вредил прасинам, называя их изменниками.[48] Таким образом, кровавые события, обошедшие Сирию и простершиеся, по свидетельству Иоанна Никиуского, до Палестины, имели своим последствием вящее ухудшение в чувствах населения Сирии к чужому и враждебному по вероисповеданию константинопольскому правительству. Иудеи, за бедствия которых оказал возмездие император, почувствовали себя в Антиохии достаточно сильными, чтобы в 610 год устроить избиение христиан. Погибло много знатных антиохийцев вместе с ними престарелый патриарх Анастасий, труп которого подвергся издевательству и глумлению и был сожжен на главной площади города. Весть об этом бунте пришла в Константинополь в сентябре, и он, вопреки сообщению Феофана, остался неотомщенным.[49]

Об ужасах, обошедших города Востока, знали в Фессалонике, и составитель повествования о чудесах св. Димитрия занес в свое изложение скорбное сообщение о них. В его представлении дело является результатом междоусобицы димов.[50] «Все вы знаете, какую тучу пыли поднял дьявол в царствование преемника блаженной памяти Маврикия, погасив любовь и возбудив взаимную вражду на всем Востоке и в Киликии, и в Азии, и в Палестине и до такой степени взволновал все соседние области даже до самого царственного города, что димы не только не довольствовались тем, что упивались на площадях кровью соплеменников, но и нападали взаимно на жилища друг друга и безжалостно убивали тех, кого в них находили, или сбрасывали живыми наземь с верхних этажей женщин и детей, стариков и юношей, которые по слабости сил не могли спастись бегством. Словно варвары, грабили они своих сограждан, знакомых и родственников, и в довершение всего жгли их жилища».[51] — Знали об этих волнениях и на западе, как видно из краткого сообщения одной итальянской хроники и Исидора Севильского, которое дословно воспроизвел Павел Диакон.[52]

Кровавые события, облекавшиеся в форму борьбы димов, начались, как было указано, в Константинополе со времени первого заговора против Фоки, и это движение получило, как можно заключить из сообщения автора «Чудес св. Димитрия», анархический характер. Внешние бедствия империи, недостойное поведение императора, унижавшее престиж его сана, дикая жестокость, которую он проявлял в отношении своих врагов, усиливали общую деморализацию и поддерживали террор.

В пятый год правления Фока пришел к мысли упрочить свое положение на троне родством с заслуженным

10.

[44] *Scr. Syri. Chr. min.*, p. II, 113 — переход через Евфрат совершился 7 августа 610 года.

[45] *Mich. Syr.* X 25, p. 378.

[46] *Mapp.* Антиох Стратиг, стр. 7-8 русского перевода.

[47] *Jean de Nik.* c. 104, p. 539-540. — Ср. краткое сообщение *Себеоса*, гл. 21, стр. 29.

[48] *Doctrina Jacobi*, p. 39, 7-9.

[49] *Theoph.* 296, 17-25. — *Михаил Сириец* относит этот бунт к первому году правления Ираклия, XI 1, 401 b. — О смешении Феофаном в его сообщении событий разного времени см. мою статью «К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки». *Визант. Врем.*, XXI, 1-14.

[50] Считаю вполне неправильным освещение свидетельств автора «Чудес св. Димитрия», которое предложил *Перниче*, о. с. стр. 10. Акад. *Успенский*, История Византийской Империи, т. I - неточно перевел текст: при Маврикии. Автор монографии «De Phoca imp. Rom.», *Spintler*, стр. 47, неправильно отнес это свидетельство к Иллирику.

[51] *Acta Sanct.* Octobris, IV, p. 132.

[52] *Consularia Italica (Chr. min.* I, 338, 12), *Isidori Chron.* (ib. p. 478, 412 — civile bellum). *Paul. Diac.* 4, 36. Huius (Phocae) tempore Prasini et Veneti per orientem et Aegyptum bellum faciunt et sese mutua caede prosternunt.

полководцем Приском, который не гнушался оказывать ему поддержку своей личной службой на посту комита экскувитов. Фока выдал за него замуж свою единственную дочь Доменцию. Так как у Фоки не было сына, то женитьба Приска на Доменции приближала его к трону и была понята в столице, как избрание императором преемника. Во время игр на ипподроме по поводу этого радостного события в царской семье, димархи увенчали лавром статуи не только императора и императрицы, но также Приска и Доменции. Но почет, оказанный Приску, вызвал подозрение у Фоки. Он привлек к ответственности димархов обоих димов и хотел предать их казни на самом ипподроме. Усиленные просьбы народа спасли димархов от смерти.[53] Этот случай не мог не отозваться на отношениях зятя к тестю, и наше предание приписывает именно Приску инициативу того мятежного движения в Африке, которое положило конец правлению Фоки осенью 610 года. Весьма возможно, что связь между этими событиями установлена позднее, и Приск лишь оказал тайное содействие замыслам Ираклия, пользуясь своим влиятельным положением при дворе не в интересах своего тестя. То обстоятельство, что после катастрофы Ираклий Младший выставлял его кандидатуру на престол, служит несомненным свидетельством о его участии в низвержении Фоки.

Когда в Константинополь стали доходить вести о мятежном движении в Африке, Фока, жестокий и подозрительный по характеру, все более и более усиливал террор. Партия прасинов, которая взяла некогда инициативу возведения его на престол, стала к нему во враждебные отношения как в столице, так и в других городах империи. Престиж императора падал все ниже, и под последним годом правления Фоки летопись сохранила такой эпизод. — Когда во время ристаний на ипподроме император надолго прервал увеселение, удалившись для обеда, прасины встретили его возвращение криками «опять засунул нос в кувшин и разум потерял». Это оскорбление имело своим последствием жестокие казни многих димотов. Префект города Козьма одних вешал, других бросал в море, зашив их в мешки, третьих карал отсечением конечностей. Прасины ответили на эти репрессии поджогом претория, и в этом пожаре сгорели канцелярия и помещение военной команды, состоявшей при префекте.[54] Подозревая повсюду измену и предательство, Фока искал виновных и проявлял изобретательность в изощрении жестокости казней.[55]

Зима 609-610 года отличалась необычайной суровостью. Море близ столицы покрылось льдом, в котором замерзло множество рыбы.[56] Холода захватили и Сирию: замерз Евфрат в среднем своем течении, как то было занесено современником в летопись.[57] Эту зиму проводил в столице упомянутый выше Феодор Сикейский. По сообщению его биографа, император сильно страдал от подагры и, зная репутации Феодора, как целителя, пригласил его к себе. Феодор воспользовался этим случаем, чтобы внушить ему мысль о необходимости для него покаяния во всех своих грехах и преподать ему заветы кроткости и милосердия. Патриарх Фома, преемник умершего в конце 606 г. Кириака, разделял со всем населением столицы тревоги за ближайшее будущее и ужас настоящего. Перед Великим Постом он впал в болезнь, упросил Феодора не покидать его и молиться не о выздоровлении, а о скорейшей кончине, боясь дожить до худших дней. 20 марта 610 года патриарх Фома скончался. Посвящение преемника, в лице Сергия, совершилось 8 апреля. Феодор присутствовал на этом событии и, по словам своего биографа, ободрял Сергия, когда тот сомневался в своих силах для предстоявшего ему поприща.[58]

Общее состояние империи под властью недостойного правителя было ужасно. Помимо таких страшных бедствий, которые причинял империи Хосров отвоеванием целых областей на востоке, ближайшие к столице области оказывались в полной беспомощности перед аварским ханом и продолжавшейся иммиграции славян, состоявших под властью хана. В летописных преданиях византийцев нет никаких свидетельств о жизни этих областей в правление Фоки; но египетский повествователь, Иоанн Никиуский, близкий по времени свидетель, знает о нашествиях варваров, разорении городов и уводе в плен христианского населения. По его словам, один лишь город Фессалоники умел отстаивать себя за своими крепкими стенами и служил единственным опорным пунктом власти императора в опустевшей и обезлюдевшей стране.[59] Но и этот город страдал от того анархического движения, которое шло по всей империи под видом борьбы димов.

В одной лишь стране, входившей тогда в пределы империи, разоренной Италии, правление Фоки не ознаменовалось новыми бедствиями. С возвращением Смарагда на пост экзарха восторжествовала политика папы Григория в отношении лангобардов. Заключенное Смарагдом перемирие было возобновлено в 605 году на три года с обязательством уплаты 12 тысяч номизм ежегодно, и на тех же условиях возобновлено опять в 607 году. В 610 году начались непосредственные сношения лангобардов с центром империи. В Константинополь прибыло посольство от царя Агилюльфа, за которым последовало ответное посольство от константинопольского двора.[60]

---

[53] *Johan. Antioch.* 218 e. *Theoph.* 294, 11-26 - почти дословное совпадение.

[54] *Johan. Antioch*, frg. 218 e.; *Theoph.* 296, 25~297, 5. — *Феофан* заканчивает замечанием, что Фока воспретил прасинам πολιτεύεσθαι. Как понять это запрет, остается неясным в виду того, что вскоре после того прасины действовали, как дим, в последней катастрофе Фоки.

[55] *Theoph.* 297, 12-16. — Скривон Макробий, подозреваемый в соучастии, был привязан к столбу, служившему мишенью для солдат на военном поле и расстрелян.

[56] *Theoph.* 297, 11-12.

[57] *Chr. min. (Scr. Syri*. t. IV), p. 113.

[58] *Theodori Sìceotae* vita, c. 15, 1. c. p. 58-59.

[59] *Jean de Nik*. c. 108, p. 550.

[60] *Paul. Diac.* 4, 32; 35.

Сношения двора с папой Григорием носили дружественный характер до самой его смерти, последовавшей в 604 году, и упрочились при его преемниках: Себастьяне, который состоял апокрисиарием папы Григория при византийском дворе (†606 г.), Бонифации III (†607) и Бонифации IV, который занял римский престол 25 августа 608 года. При Бонифации III был устранен старый пункт раздора, столь сильно волновавший папу Григория: Фока воспретил константинопольскому патриарху именоваться вселенским и подтвердил тем первенство римского престола во вселенской церкви.[61]

Бонифаций IV получил от Фоки разрешение превратить в храм знаменитый памятник древнего зодчества, Пантеон Агриппы на Марсовом поле, уцелевший в целом и малоповрежденном виде среди окружавших его развалин. Вновь созданный храм был посвящен Деве Марии и всем мученикам. Это последнее обстоятельство имело своей причиной то, что для освещения этого здания в основание престола были свезены кости мучеников из всех римских катакомб на 28 телегах. Храм получил название Santa Maria ad Martyres.[62]

Добрые отношения между римским престолом и византийским правительством, налаженные экзархом Смарагдом, привели к тому, что Фока был увековечен на территории Рима великолепным по тому времени памятником. На форуме близ арки Септимия Севера была воздвигнута колонна со статуей императора из позолоченой бронзы. Колонна была взята из какого-то древнего здания и на ее пьедестале была высечена надпись, уцелевшая и до наших дней, в прославлении заслуг этого императора перед Италией. Сооружение этого монумента было закончено в 608 году. Надпись начинается так: [63]

Optimo clementissimo *pissi*moque
principi domino *Focae imperatori*
perpetuo a D(e)o coronato triumphatori
semper Augusto
Smaragdus ex praepos(to) sacri Palatii...

БУНТ ИРАКЛИЯ И НИЗВЕРЖЕНИЕ ФОКИ

Конец тому страшному режиму террора и крови, который царил в Константинополе, положило восстание экзарха Африки Ираклия. Земляк имп. Маврикия и его сподвижник в войне с персами при Тиверии, Ираклий оставался в числе вождей до конца войны.[64] На пост экзарха Африки его назначил Маврикий после смерти Геннадия, последовавшей, вероятно, в 598 году.[65] Магистром армии в Африке состоял при нем брат его, Григорий. Личные связи с Маврикием не помешали Ираклию признать императором его убийцу, и Фока оставил его во главе управления богатой и мирной в ту пору страны. В течение нескольких лет Ираклий доставлял в столицу подати с населения Африки хлебом и деньгами, и лишь в 608 году не отправил в столицу флота с хлебом. По-видимому, решение Ираклия созревало постепенно под воздействием жалоб на бесчинства Фоки и, быть может, прямых обращений к нему от членов столичной знати. Мятежное настроение Ираклия было известно Приску в 607 году, когда он обратился к нему с вызовом низвергнуть тирана.[66] Когда измена Ираклия выяснилась, Фока искал его соучастников в столице и казнил много знатных лиц;[67] но Приск умел вести свои сношения в такой тайне, что его причастность к заговору не открылась до самой катастрофы.

Подготавливая восстание, Ираклий не решился осуществить государственный переворот силами одной Африки и задумал присоединить к этому движению соседний Египет. Он вступил в сношения с представителями египетской знати, на сочувствие которых мог рассчитывать, и некто Феодор, сын Мины, бывший при Маврикии августалом Египта, обещал ему свое содействие. Щедрыми денежными подачками князьям варварских племен в Триполитане, принадлежавшей тогда к диоцезу Египта,[68] и Пентаполе Ираклий обеспечил себе военную поддержку с их стороны. В Триполитане был сформирован отряд в три тысячи человек, к которому присоединились значительные контингенты мавров. Во главе этой силы был поставлен вождь, имя которого сохранено в очевидно искаженной форме Бонакис. Вступив в Пентаполь, Бонакис поджидал главнокомандующего экспедиции, каковым был назначен племянник Ираклия, Никита, сын магистра армии

---

[61] *Lib. Pontif.* p. 316. Hic (Bonifacius) optinuit apud Focatem principem, ubsedes apostolica beati Petri apostoli caput esset omnium ecclesiarum.

[62] *Lib. Pontif.*, p. 317. — *Gregorovius.* Gesch. d. S. Rom. II, 219.

[63] *Corp. Insc. Latin.* VI 1200. — Курсивом набраны сбитые слова и буквы надписи. Тот же самый Смарагд увековечил память Фоки в Африке постановкой его статуи в Карфагене. Уцелела лишь надпись, см. *Corp. Inso Latin.* Vili, 10529. — Так как власть Смарагда не простиралась на Африку где пост экзарха занимал Ираклий, отец будущего императора, то самый факт постановки в Карфагене статуи Фоки от имени Смарагда является загадочным и трудно объяснимым.

[64] Ираклий был армянского происхождения. *Себеос.* Гл. 32, стр. 129, — называет Арсакидов родственниками внука имп. Ираклия, Константа.

[65] См. т. II.

[66] *Johan Antioch.* 218 d.

[67] *Theoph.* 296, 2.

[68] Триполитана входила в диоцез Африки, так как была отвоевана от вандалов — Cod. Just. 1, 27. Но у *Георгия Кипрского* она отнесена к диоцезу Египта. Вероятно, эта реформа принадлежит Маврикию. Ср. *Maspéro,* Organisation militaire de l'Egypte Byz., p. 8.

Григория. Префект Мареотиды, Леонтий, изменил Фоке и прислал Никите подкрепление.

Августалом Египта был в ту пору Иоанн. Узнав о мятежных замыслах Ираклия, Иоанн обсудил дело с патриархом Феодором, недавно принявшим назначение от Фоки, и начальником финансового управления, также Феодором. С общего согласия они отправили Фоке известие о готовящемся восстании. Фока послал военные подкрепления начальникам крепостей Менуфа и Атриба, приказал магистру армии Востока Коттоне направиться с войсками в Египет и для общего руководства военными действиями послал в Александрию префекта столицы Воноза, взяв с него торжественную клятву в предупреждение измены.

События в Египте развивались очень быстро и весьма счастливо для Ираклия. Никита, заручившись поддержкой Леонтия, двинулся в направлении Александрии, захватив по пути крепость Кабсен.[69] Освободив заключенных там узников, он присоединил их к своей армии. Продвигаясь дальше на запад, Никита вышел на канал, носивший имя Дракона, и здесь произошла битва с выступившими против него из Александрии войсками, которая окончилась полным поражением противника. Немедленно затем подвижное население Александрии перешло на сторону победителя. По-видимому, этот успех был в значительной степени обусловлен славой дикой жестокости, которую проявил в Сирии Воноз. Августал Египта Иоанн и оба Феодора, патриарх и начальник финансового управления, искали спасения в храмах, но они пали жертвой народной ярости.[70] Взбунтовавшееся население низвергло статую Фоки, овладело дворцом префекта, казной и, вывесив на воротах голову павшего в битве командира, открыло ворота перед победителями. Никита и Бонакис ввели в Александрию войска, заняли крепость на острове Фарос, овладели арсеналом и морскими силами, имевшими здесь свою стоянку. Приняв власть над городом, Никита послал Бонакиса приводить на верность Ираклию соседние города. Население охотно примыкало к восстанию, и в скором времени вся западная половина дельты Нила оказалась во власти Никиты. Епископ города Никиуса Феодор поспешил низвергнуть статую Фоки и склонял к тому же представителей власти в других городах. Враждебная Фоке партия зеленых поддерживала мятежное движение и производила конфискацию имущества властных лиц, сохранивших верность законному императору. Но в восточной половине дельты дело обстояло иначе. Верность Фоке сохранял Павел, префект города Себеннита, пользовавшийся большой популярностью у себя в области. Душою партии Фоки был Козьма, сын Самуила, связанный личной дружбой с Павлом. Верность Фоке сохранял также Маркиан, префект Атриба, и знатная дама, по имени Христодора, сестра некоего Айсалона, который погиб в начале этого восстания.

Известие о занятии Александрии Никитой Воноз получил еще в пути, когда он находился в Кесарии Палестинской. Он прибыл в Египет морем и высадился в Пелузии. Начальники военного отряда из армии Никиты, находившиеся невдалеке от Атриба, узнав о прибытии Воноза, дали знать об этом в Александрию, и оттуда выступил Бонакис с войском. Он прибыл в Никиус в тот самый день, когда Воноз высаживался в Атрибе, куда он прибыл на судах из Пелузия. Собрав военные силы вождей, сохранивших верность Фоке, Воноз пошел на Бонакиса. Битва произошла к западу от Менуфа и окончилась полным разгромом войска Бонакиса. Сам он был взят в плен и казнен. Войско было оттеснено к реке, много людей утонуло, другие попали в плен. Некоторые офицеры укрылись в одном монастыре, но были выданы монахами и казнены.

Виновный в измене Фоке епископ города Никиус, Феодор, вышел навстречу Вонозу крестным ходом с Евангелием в руках. Это не умилостивило Воноза, и епископ и многие другие видные люди были казнены. О людях военного звания Воноз вел строгое следствие. Те из них, которые начали службу при Маврикии, отделались ссылкой, остальные были казнены. Знатных людей Воноз подвергал позорящим карам и конфискации имущества. Кому удавалось бежать, направлялись в Александрию, где Никита, при полном единодушии населения, готовился отстаивать город от предстоящего нападения. Он формировал войска из местных людей военного звания, а также варваров и горожан, причем особенное рвение проявляла партии зеленых.

Подступив к Александрии, Воноз направил на нее флот под начальством Павла. Но попытка штурма была задержана удачным действием метательных машин со стен города. Выбирая место, удобное для штурма, Воноз сменил две позиции, и день штурма был уже назначен, как знали о том в Александрии. В эту пору на общее настроение оказал сильное воздействие один отшельник, проведший на столпе 40 лет и пользовавшийся славою провидца. Когда Никита обратился к нему за советом, он уверенно предсказал полный успех его предприятия. Ободренный этим, Никита сделал вылазку и сам напал на осаждавших. Войска Воноза понесли тяжкое поражение, пало много вождей, и в их числе командир Атриба, Маркиан, и другие видные люди. Воноз отступил в город Кериун[71] и оттуда прошел в Никиус. Павел, командовавший флотом после разгрома войск Воноза, отстранился от него и занял выжидательное положение.

Воноз не считал свое дело потерянным и готовился к новому наступлению. Никита рассылал своих людей в ближайшие города с требованием вспомогательных отрядов. Из Никиуса Воноз сделал попытку подойти к Александрии с западной стороны и занял город Мареотиду. Чтобы обезопасить себя от возможности нападения, Никита разрушил плотины в городе Дефашире, и Воноз отступил в Никиус.[72] Никита занял и укрепил город

---

[69] Amélineau, La Géographie de l'Egypte, p. 205-206 — подозревает правильность написания этого имени ввиду неегипетского характера звуков.

[70] О смерти патриарха упомянуто и в Пасх. Хр., стр. 699-710.

[71] *Кериун* — Amélineau. o. c. p. 217 - лежал в 24 милях от Александрии по дороге на Гермополь.

[72] *Иоанн Никиуский* рассказывает о неудаче покушения на убийство Никиты, которое устроил Воноз; замысел был

Мареотиду, взял Менуф и, обеспечив себя с тыла, двинулся в Никиус. Не располагая достаточными силами для борьбы с Никитой, Воноз покинул Египет и вернулся в Палестину, откуда переехал в столицу. — Изложенные события относятся к 609 и началу 610 года.

После удаления Воноза весь Египет оказался во власти Никиты. Проявляя мудрую уверенность в своей победе, Никита постарался привлечь на свою сторону и тех членов местной знати, которые хранили верность Фоке. Так как война послужила поводом к обострению борьбы димов и прасины хотели использовать победу насилиями над венетами, то Никита должен был принять меры против своих союзников и прекратить бесчинства, которые совершались во многих городах Египта. Близкий по времени свидетель, Иоанн Никиуский, сообщает, что Никите удалось подавить произвол и насилия и водворить всеобщий мир и спокойствие, чему содействовало и то, что он освободил население от податей на три года.[73] Вряд ли, однако, эта последняя мера имела тот общий характер, какой придает ей Иоанн, и вероятнее, что Никита ограничился частными облегчениями бремени налогов, и тем содействовал успокоению населения.

Оставшись во главе управления Египта, Никита изменил отношение правительства к туземцам в сфере религиозной политики, принявшей при Фоке характер нетерпимости; но его мероприятия в этом отношении принадлежат уже времени царствования Ираклия.

Присоединение Египта к восстанию против Фоки было первой частью задачи, которую принял на себя экзарх Африки Ираклий. Теперь настало время для выполнения главной цели — низвержения Фоки. В этом деле Никита не принимал уже непосредственного участия, вопреки представлению, водворившемуся в исторических изложениях со времен Гиббона, который вел Никиту с войском через Сирию и Малую Азию на Константинополь. Поводом к такому представлению служило краткое и неясное свидетельство Феофана, который не занес в свою хронику никаких сообщений о событиях в Египте.[74]

Морская экспедиция против столицы была снаряжена в Карфагене, и Феофан отмечает характер судов этого флота словом χαστελλώμενα. По-видимому, этот термин надо понимать в том смысле, что суда имели на своих палубах башни, на которых были установлены метательные машины. Предание не сохранило сведений о времени выступления этой эскадры, командиром которой был сын экзарха Ираклия, носивший имя отца, будущий император. Флот был поставлен под охрану Богородицы, ее образ в богатом киоте красовался на адмиральском корабле и на реях судов развевались изображения Богоматери.[75] Оказывал ли Ираклий содействие своей эскадрой Никите во время его военных предприятий на сухопутье, обеспечивая сообщения, как утверждает это Перниче в своей монографии, об этом нет никаких сведений. Иоанн Никиуский, наиболее полный источник, говорит о действиях Ираклия только в общих чертах и лишь за то время, когда дело Никиты было окончено — Эскадра подвигалась на север медленно. Ираклий делал остановки на островах Архипелага, вступал в сношения с прибрежными городами и повсюду встречал сочувствие и содействие партии зеленых.[76]

Никакого противодействия организовано не было. В конце сентября 610 г. Ираклий вступил в Дарданеллы и сделал остановку Абидосе. Начальник местной таможни устроил ему торжественную встречу и осведомил его о положении дел в столице. В Абидосе явилось к Ираклию много членов столичной знати, изгнанных Фокой или бежавших от террора. Жена Ираклия-старшего и невеста младшего находились в столице. Фока заточил их в монастыре «Нового раскаяния», построенного некогда Феодорой, чтобы в их лице иметь заложниц. Окруженный изменой, он продолжал и даже усиливал террор. Ожидая нападения с суши, Фока послал на охрану Долгой Стены своего брата Доменциола с небольшими военными силами, какие были в столице. Когда же стало известно, что Ираклий прибыл в Абидос, Доменциол вернулся в город. Ираклий из Абидоса проехал в Силимврию и там съезжал на берег, чтобы помолиться в храме св. Гликерии, а затем сделал остановку около острова Калонима (ныне Калолимни). Здесь к нему явился митрополит города Кизика и поднес царский венец, хранившийся в храме Богоматери в Артаке. Приск притворился больным и лежал во Влахернском храме, охраняемый своей личной дружиной. Фока отправился на свидание ним, а Ираклий в это время переехал на остров, ближайший к городу (вероятно, Проти). Пользуясь всеобщим замешательством, прасины освободили из заточения мать и невесту Ираклия и доставили их к нему на остров. 3 октября флот Ираклия вытянулся в линию до Евдома. Фока выехал за город и осматривал неприятельские суда из Евдома, затем вернулся верхом в город и сделал распоряжения об обороне.

Лучшая и наиболее обширная в ту пору гавань столицы на берегу Пропонтиды носила имя Софиан со времени больших работ, которые были произведены для расширения и укрепления порта при Юстине II. Сюда были стянуты все скудные средства обороны, какими тогда располагал Фока. То был александрийский флот,

---

выдан Никите одним лицом из свиты Воноза.

[73] *Jean de Nik.* с. 109, стр. 550.

[74] *Theoph.* 298, 19-20. — Ошибочное представление *Гиббона* было повторено еще недавно *Дилем* в его прекрасном исследовании: L'Afrique byzantine, p. 520.

[75] *Theoph.* 298, 14; *Georg. Pis.* Heracl. 2, 13-16.

[76] *Butler*, в исследовании The Arab Conquest of Egypte, p. 34, заставляет Ираклия сделать продолжительную стоянку в Фессалониках. Основанием для этого предположения служит путаное свидетельство, сохраненное в летописи патр. Евтихия, *Eutychii Annales*. Patr. Gr. Ill, p. 1085: Porro in urbe Salónica iuvenis fuit nomine Heraclius, cum quibusdam urbis illiuus patriciis. Patricii autem sumptas naves hordeoque tritico et ieguminibus impletas per Heraclium Constantinopolim miserunt ipsis in subsidium et alimentum, cum obsidione in angustias redacti essent.

задержанный в Константинополе после отпадения Египта, милиция димов, экскувиты и личная дружина Приска, его букелларии.[77] Египетские моряки были заточены в одной из городских башен и во время последовавшей катастрофы приветствовали из своего заточения Ираклия титулом августа. В гавани были собраны суда, вход в нее был затянут цепью по обычаю тех времен и на обеих сторонах входа в гавань были расположены вооруженные отряды димов: прасины — близ дворца Кесария, венеты — дворца Ормизды. Экскувиты и букелларии Приска заняли позицию в квартале Боранда, неподалеку от ипподрома.[78] По сигналу, который дал один возница, подъехавший на лодке к концу мола, прасины распустили цепь, закрывавшую вход в гавань, и подожгли дворец Кесария. Воноз, который со своими людьми хотел предупредить последствия измены, бросился к прасинам, но вынужден был спасаться от них, спрыгнул в лодку, был при этом ранен и погиб в волнах. Корабли Ираклия вошли в гавань и прекратили возможность сопротивления. Теперь открылась арена для междоусобной войны димов: прасины бросились на венетов и стали их избивать; венеты искали спасения в храме св. Софии.[79]

Считая свое дело потерянным,[80] Фока бежал и скрылся в храме Архангела Михаила.[81] Ночью его разыскал и вывел из убежища куратор дворца Плацидии Фотий, имевший с ним личные счеты за бесчестие своей жены. Он сорвал с него царские одежды и в жалком рубище доставил Ираклию. Грозно поглядев на Фоку, Ираклий задал ему иронический вопрос: «Так то ты, жалкий, управил царство», — на что Фока ответил: «Ты его управишь лучше».[82] В ответ на эти слова Ираклий ударил его ногой и приказал казнить. Немедленно Фоке отрубили голову и правую руку, и эти трофеи с торжеством носила толпа по городу, наткнув их на копья. Труп Фоки был доставлен на берег и его волочили по земле до площади Тавра.[83] Той же участи подвергся Леонтий, начальник императорской казны. Он был еще жив, и кто-то убил его камнем близ Халки ипподрома. Выловленный из моря труп Воноза подвергся той же участи. Эти три трупа были сожжены на площади Тавра. Казнен был также Доменциол, брат Фоки, а также несколько слуг прежнего режима низшего ранга. Казнь Фоки совершилась рано утром 5 октября 610 года.[84]

---

[77] Термин букелларии, обозначавший личную дружину вождя в V в., вышел, по-видимому, из употребления в течение VI в. Он появляется здесь неожиданно, и позднее еще один раз, в виде названия особой фемы в центре Малой Азии.

[78] Место стоянки Приска названо у *Иоанна Антиохийского,* — τα Βοραίδος.
О топографии этого места см. *Pargoire. Byz. Zeits.* XII, 459 — близ нынешнего Кадрига-лиман и Кум-Капу.

[79] *Jean de Nik.* с. 110. p. 552.

[80] Проф. *Терновский.* Греко-восточная церковь в период вселенских соборов (Киев, 1883), стр. 352-353, приписал имп. Фоке попытку поднять патриотизм населения проведением узаконения о причислении к лику мучеников воинов, павших в бою. Попытка эта не удалась, так как сама идея не встретила одобрения. Проф. *Терновский* ссылается на *Вальсамона,* P. G. 138, p. 635-638, но он заимствовал самое сведение у *Папарриогопуло,* которого раньше цитирует. По справке в тексте *Вальсамона* оказывается, что вопрос о канонизации воинов, павших в битвах за отечество, был поднят в X-м веке благочестивым императором Никифором Фокой. Таким образом, его соименник VII века неповинен в посягательстве на святость подвига мученичества.

[81] Близ ипподрома во втором регионе.

[82] *Мюллер* в своем издании отрывков *Иоанна Антиохийского* исправил έχεις на εχοις. Тогда фразе можно дать вопросительный характер, за что и стоит *Бейнз* в своем этюде об Ираклии. *Никифор,* Brev. 4, 26, передает ответ Фоки в такой форме: συ μάλλον κάλλιον διοικείν μέλλεις, т. е. еще яснее выражена ирония.

[83] Казнь Фоки изукрашена разными жестокостями у позднейших излагателей, охотно расписывавших, как его четвертовали живого.

[84] *Johan. Antioch.* 218 f. (F. H. G. V 37-38); *Theoph.* 298, 26-299, 8; *Chron. Pasch.* 700. - В тексте хроники день казни Фоки показан «6 число, понедельник». Поправку даты сделал *Паги.*

ИРАКЛИЙ

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПРАВЛЕНИЯ ИРАКЛИЯ

ИЗБРАНИЕ НА ЦАРСТВО. ДИНАСТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Казнь Фоки была заключительным моментом переворота. Его счастливый противник был первым кандидатом на освободившийся престол римского императора. Но Ираклий от имени своего отца заявил, что целью его похода было низвержение тирана, и предложил синклиту избрать на царство достойного, указав на Приска, а сам заявлял готовность вернуться к своему отцу.[85] Приск, скомпрометировавший себя изменой своему тестю, не мог явиться соперником сокрушителю тирана, и «в десятом часу» того же дня, когда был казнен Фока, патриарх Сергий, являвшийся единственным законным представителем пребывавшего в состоянии анархии государства, совершил венчание Ираклия на царство. Церемония состоялась внутри дворца в храме св. Стефана.[86]

Одновременно с венчанием на царство патриарх совершил бракосочетание Ираклия с его невестой Фабией, которая приняла при этом царское имя Евдокии. Она была также увенчана царским венцом и приняла титул августы. На третий день нового царствования император справлял в первый раз игры на ипподроме, и завершение победы было ознаменовано особым зрелищем, характеризующим нравы того времени: голова Леонтия, труп которого был сожжен вместе с истерзанными останками Фоки на площади Тавра, была принесена на ипподром и сожжена на костре. На тот же костер брошена была статуя Фоки, которая некогда была водворена на ипподроме с подобающей торжественностью, а также и знамя дима венетов, которые являлись партией Фоки после его разрыва с прасинами.[87]

По старой традиции Ираклий принял консульство на ближайший год. Но этот консулат был только титулярный и обошелся без торжественного выезда и без раздачи подарков чинам двора, синклиту и народу.[88] Очевидно, состояние государственного казначейства не позволяло обставить это торжество подобающей пышностью.

Облекшись царской властью, Ираклий с первых годов своего правления придал своему положению династический характер. От брака с Евдокией он имел дочь Евдокию, родившуюся 7 июля 611 года, и сына Константина — 3 мая 612. 4 октября 612 года он отправил церемонию венчания царским венцом своей дочери. Это торжество совершилось в церкви св. Стефана и закончилось выездом в колеснице в храм св. Софии. Царевну держали на руках два сановника: кубикуларий и хартуларий Филарет и кастриций Синет. 21 декабря того же года совершилось венчание на царство младенца Константина. Обряд возложения венца совершил сам император во дворце, вероятно, в том же храме св. Стефана; затем последовал высочайший выход на ипподром, где младенца-августа приветствовали члены синклита и славословили димы. Торжество закончилось выездом в храм св. Софии, которое младенец совершил на руках того же Филарета. Эти события жизни царского дома широко оглашались в империи, и автор Пасхальной Хроники занес их с точными деталями в свои записи.[89] В водворении чуждого по существу идее римского императора принципа династии Ираклий пошел дальше Маврикия и приобщал на государственных актах имя своего сына своему, как соправителя. Одновременно с венчанием на царство восьмимесячный август был помолвлен с малолетней дочерью двоюродного брата императора, Никиты, Григорией, а 17 лет спустя совершилось бракосочетание.

Надежда Ираклия создать династию осуществилась, и его род правил в течение столетия. Но сам Ираклий создал большие и тяжкие по своим последствиям затруднения своим вторым браком. Императрица Евдокия была подвержена эпилепсии и умерла в год рождения сына (13 августа); а через год после того Ираклий вступил в брак с дочерью своей сестры Марии, Мартиной, от первого ее мужа, Мартина. Брак с такой близкой родственницей был запрещен церковными канонами. Патриарх Сергий заявил протест, но вынужден был уступить и покориться воле государя; население столицы выражало на играх на ипподроме резкое осуждение императору, но партия прасинов отстаивала своего сочлена от нападок противников.[90] Мартина была увенчана царским венцом, получила титул августы и приняла имя Анастасия-Мартина.[91] От этого брака у Ираклия было девять детей. Современники видели гнев Божий в том, что первый сын от Мартины, носивший имя Флавия, имел врожденный недостаток: его расслабленная шея не держала головы; второй, Феодосий, был глухонемой. Первый жил недолго, второй был жив еще в 629 году. Два сына и две дочери умерли в младенческом возрасте. Пережило отца пятеро: две дочери и три сына. Старший из них получил при крещении имя Константина, но остался в

---

[85] Правильность этого сообщения *Никифора* (5, 10-13) подтверждается свидетельством письма сената к Хосрову от 615 года. *Chron. Pasch.* 708, 5-9.

[86] Ib. 701, 11-13. — Место венчания указано неверно: Великая церковь, т. е. св. София. *Иоанн Никиуский* (стр. 552) и *Феофан* (299, 1б) называют Церковь св. Стефана.

[87] *Chron. Pasch.* 701, 13-18.

[88] Ib. 702 — εἰ γάρ καί μή προσὲλθεν ἐπὶ δίφρου ἀλλ' ούν ἑκριθη λογισθεναι εἰς ὑπατείαν. — Консулат Ираклия считался с 14 января.

[89] *Chron. Pasch.* 702, 10-13; 703, 3-8, 17-704, 2; *Theoph.* 299, 18-20; 300, 7-10 14-16.

[90] *Theoph.* 300, 25-28; *Niceph.* 14, 11-15, 2.

[91] *Constan. Porphyrog.* De cer. II, 19, p. 630. — Описание выхода на ипподром 4 января 639 года.

истории с уменьшительным именем Ираклона.[92] Он родился в Лазике в 626 году, в 638 был венчан царским венцом и объявлен соправителем отца и единокровного брата Константина, сына Евдокии. Обе дочери были венчаны царским венцом и носили титул август. Кровосмесительный брак с Мартиной принес тяжкие осложнения, омрачившие последние годы жизни Ираклия, и вызвал после его смерти кровавый переворот.

Принимая в свои руки судьбы империи, Ираклий не мог не сознавать трудности предстоявшей ему задачи. После восьми лет несчастного и позорного правления Фоки, империя была в полном упадке. Персы отвоевали все армянские области, как те, которые входили в состав империи издавна, так и приобретенные вновь при Маврикии по договору с Хосровом. С отвоеванием Армении под власть персов вновь перешла Иверия, также уступленная Хосровом в 591 году. Походы Шахрбараза утвердили власть персидского царя во всей Месопотамии, и восточная граница переместилась на линию Евфрата. В западных областях, ближайших к столице, невозбранно утверждались славяне под верховной властью аварского хана, и города побережья поддерживали морем сношения со столицей империи. Военные силы империи были в полном расстройстве. Часть старых полков из Фракии была переведена Фокою на восток, где и подверглась разгрому в несчастных битвах с персами. Когда Ираклий вскоре после вступления на престол сделал расследование с целью выяснить имена военных людей, принимавших участие в бунте против Маврикия в 602 году, то во всем составе армии таких оказалось только два человека.[93] Утрата богатых и культурных стран за Евфратом и Армении должна была тяжко отразиться на состоянии государственного бюджета, а расстройство торговли с востоком, являвшееся неизбежным последствием войны, подрывало ресурсы государственной казны. Если можно дать веру сообщению Иоанна Никиуского, то Ираклий нашел казну совершенно пустой, так как Фока с Леонтием в последний час утопили в море все царские сокровища.[94]

Свидетельством о тех финансовых затруднениях, которые испытывал Ираклий в первые годы своего правления, является изданный в 612 году указ о числе клириков «Великой церкви» (т. е. храм св. Софии) и «святой Богородицы во Влахернах почитаемой», а также штаты служб патриархии. Точно определяя цифры разных категорий клириков и служащих, император запрещает всякие отступления от этих норм, а также прием в штаты сверх комплекта по происках заинтересованных лиц.[95] Придворная знать за время правления Фоки еще более развратилась, и всякого рода произвол властных людей царил даже в ближайшем окружении двора. Развращение общественных отношений в первые годы правления Ираклия рисует один эпизод, сохраненный Никифором. — Некто Вутилин, принадлежавший по рангу к кандидатам, как назывался особый разряд придворных чинов военного звания, обладал большими земельными угодьями вблизи столицы и обижал своих соседей в пограничных спорах. В числе его соседей была одна вдова. По приказанию Вутилина, его люди пошли войной на соседей, и в схватке был убит сын вдовы. С окровавленной одеждой сына вдова поспешила в столицу искать правды на суде императора. Она его увидала, когда он садился на коня, и, схватив за узду и показывая одежду сына, накликала на императора такую же беду, если он не отомстит за ее обиду. Ираклий успокоил несчастную мать и обещал наказать Вутилина. Кара, однако, замедлилась. Зная за собою незаконные поступки, Вутилин не являлся в столицу. Однажды во время ристаний на ипподроме император заметил Вутилина в рядах публики и приказал префекту города арестовать его. Вызвав затем вдову, он выдал ей Вутилина, предоставив ей осуществить свое право мести. И Вутилин погиб таким же родом смерти, как и сын вдовы.[96]

Дикий произвол и кровавые казни Фоки расстроили ряды служилой знати, окружавшей двор, и общая измена Фоке в роковые для него дни водворила полную анархию. Ираклию предстояла задача организовать правительство. Как он справился с нею, о том наше предание сохранило лишь самые скудные сведения. Следуя примеру предшественников, он старался, по-видимому, окружить себя родственниками. Его брат Феодор занял пост куропалата, а Никита сохранил завоеванное им положение правителя Египта.[97] Эти два человека стояли ближе всех к новому трону. Что касается Приска, который был связан с Ираклием соучастием в перевороте, то за ним было сохранено звание комита экскувитов, но Ираклий не оставил его при себе в столице, а поручил ему командование войском на восточной границе.

УСПЕХИ ПЕРСОВ В ВОЙНЕ С ИМПЕРИЕЙ. ЗАВОЕВАНИЕ СИРИИ И ПАЛЕСТИНЫ. СУДЬБА ИЕРУСАЛИМА. ПОСОЛЬСТВО К ХОСРОВУ ОТ СЕНАТА. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКИТЫ В ЕГИПТЕ. ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА ПЕРСАМИ

Перемена на троне императоров не оказала никакого воздействия на отношение Хосрова к империи. По

---

[92] *Theoph.* 301, 6.

[93] *Theoph. Sim.* 8, 12, 12; *Theoph.* 300, 4-6. — Это расследование, по правдоподобной догадке *Бейнза*, случилось в 613 году.

[94] *Jean de Nik.* с. 110, p. 552. — О потоплении сокровищ знали и на далеком Западе, как видно из заметки по этому поводу у *Фредегара*, Hist. Franc. 4, 63 (потопление сокровищ упомянуто, как свидетельство безумства Фоки, за что и восстало против него население).

[95] *Zachariae von Lingenthal.* Jus Graeco-Romanum. III, 33-38.

[96] *Niceph. 7*, 28-8, 28.

[97] Свидетельство одного папируса позволяет утверждать, что Никита не носил титула августала, а именовался патрицием и его имя, наряду с именем императора, стояло в тексте присяги. — *Cantarelli. Bull, de la Soc. Arch. d'Alex.*, 1912. 14 - *Byz. Zeits.* XX, 267.

старому этикету дипломатических сношений новый государь оповещал специальным посольством об этом событии дружественные дворы. Но в сношениях с Персией действовало правило об испрошении предварительного согласия на принятие посольства. Война устраняла возможность предварительного запроса, и в византийских источниках нет сведений о том, чтобы Ираклий делал попытку известить Хосрова о совершившейся перемене.[98] Полководец Шахин, закончивший отвоевание Армении, занял еще в правление Фоки город Кесарию в Каппадокии и утвердился в ней. Приск, приняв командование на восточной границе империи, обложил город и осадил его. Весною следующего года, когда земля покрылась травой и Шахин мог надеяться прокормить свою конницу, он вышел из города, поджег его, пробился через посты осаждавших и начал обратный путь в Армению. Приск его не преследовал и водворился в пострадавшем от персов городе.[99] Весною того же 611 года Шахрбараз, переходивший через Евфрат еще в 610 году, организовал поход для завоевания Сирии. Войска, стоявшие в Антиохии, выступили против него, но понесли тяжкое поражение, и в мае месяце Шахрбараз овладел столицей Востока. Он взял затем города Апамею и Эмессу.[100]

Хосров вызвал Шахина из Двина, где он имел свою стоянку, ко двору и приказал ему двинуться на поддержку Шахрбараза. В исполнении этого повеления Шахин прошел на Евфрат и овладел городом Мелитеной (612 г.).[101] Приск не проявлял никакой инициативы в отражении неприятеля, и это вызвало подозрение в отношении к нему со стороны Ираклия. Покинув столицу, он решил повидаться с Приском в Кесарии, чтобы обсудить план военных действий. Никифор, наш единственный источник в данном случае, выставляет дело так, что Приск притворился больным и не устроил императору подобающей встречи; а когда Ираклий посетил его на дому, оскорбил его замечанием, что император не должен покидать столицы. Заподозрив Приска в злых умыслах, Ираклий скрыл обиду и обставил самым почетным образом приглашение Приска в столицу, а именно: предложил ему быть восприемником первенца-сына от святой купели. На это торжественное придворное событие прибыл в Константинополь и Никита из Александрии. Приск явился с подобающей его положению военной свитой. Устроив заседание синклита, Ираклий обличил его в злых умыслах и, бросив ему в лицо изобличавшие его документы, постриг его в монахи и заключил в монастыре, носившем имя Хора.[102] Дружине Приска он объявил о его пострижении и зачислил ее в свои доместики. Событие это произошло 5 декабря 612 года.[103] Состояние Приска было конфисковано и разделено между Феодором и Никитой. Пост комита экскувитов занял Никита, но его не исправлял, так как вскоре отбыл в Египет.[104]

Устранив Приска, Ираклий искал в среде оскудевшей знати человека, опытного в военном деле, и остановил свой выбор на Филиппике, зяте имп. Маврикия, который в 603 г. принял пострижение в связи со следствием о первом заговоре против Фоки и проживал в своем монастыре в Хрисополе. Филиппик принял предложение и, сложив духовный сан, отправился в Кесарию, где и вступил в командование армией.

В 612 году Сирия подверглась нашествию арабов, о чем сохранил краткую заметку Феофан,[105] а в 613 г. Ираклий сделал попытку задержать наступательные действия персов. Ираклий приказал Филиппику совершить поход в персидскую Армению, а сам, вместе с братом Феодором, став во главе военных сил, выступил на отвоевание Сирии. Так как Шахин увел из Армении свои войска на соединение с Шахрбаразом, то Филиппику удалось вторгнуться в персидскую Армению. Он вступил в провинцию Арарат и достиг реки Аракса в области города Валаршапата (Эчмиадзин). Шахин, по приказанию Хосрова, быстро сделал обратный поход и, дойдя до Аракса, разбил свой лагерь поблизости от римских позиций. Хотя персы были страшно ослаблены быстрым походом, но Филиппик не чувствовал себя достаточно сильным для встречи с ним. Он покинул свои стоянки в области Ниг и, пройдя через области Ширак и Вананд, прошел на Феодосиополь и вернулся в Кесарию. Персы не могли его преследовать ввиду истощения лошадей от большого похода и заняли свои прежние стоянки в Армении.[106]

Попытка самого Ираклия дать отпор персам в Сирии окончилась полной неудачей. Его противником был Рахзад, с которым он встретился много лет спустя при более счастливых обстоятельствах.[107] В области Антиохии произошло кровопролитное сражение, окончившееся победой персов. Ираклий отступил к Киликийским воротам. Здесь произошла вторая битва, в которой победа досталась Ираклию; но персы получили подкрепление, и войска Ираклия бежали. Киликия была открыта, и персы заняли Тарс.[108] По-видимому, еще раньше этих

---

[98] *Себеос.* гл. 24, стр. 87, — упоминает о посольстве Ираклия к Хосрову в первый год правления, приводит надменный ответ Хосрова и сообщает, что, приняв дары, Хосров казнил послов. То же сведение воспроизведено у *Михаила Сирийца,* XI, 1, p. 400.

[99] *Себеос.* гл. 24, стр. 88.

[100] *Theoph. 299,* 14-18. — *Себеос,* гл. 23, стр. 85, свидетельствует о добровольной сдаче Антиохии самим населением. — О взятии Эмессы — «Liber Calipharum». *Chron. min (Scr. Syri,* t. IV), 113.

[101] *Себеос.* гл. 24. стр. 88.

[102] По преданию, сохраненному в источнике позднем и далеко не всегда достоверном, Приск украсил, обогатил и увеличил монастырь, в котором ему пришлось закончить свою жизнь. — *Patria Const.* § 184, p. 273 - *Praeger.*

[103] *Chron. Pasch.* 703. 9-12.

[104] *Niceph.* 5, 16-7, 2.

[105] *Theoph.* 300, 17-18.

[106] *Себеос. гл.* 24, стр. 88-89.

[107] Имя вождя сохранил Феофилакт Симокатта в кратком упоминании об этих событиях. *Theoph. Sim.* 8, 12, 12.

[108] О военных действиях 613 года нашим единственным источником является *Себеос.* гл. 24, стр. 89-90.

военных действий Шахрбараз овладел Дамаском.[109]

После этого нового удара Ираклий попытался вступить в переговоры с Хосровом и отправил к нему посольство; но послы не были приняты. Таково сообщение Феофана.[110]

Утвердившись в Дамаске, Шахрбараз двинулся на запад, на завоевание Палестины, и, быть может, в конце того же 613 года, или в начале следующего, занял главную крепость Палестины, Кесарию, а также порт Арсуф. По-видимому, персы не встречали в Палестине никакого отпора. Военные силы империи были в полном расстройстве, а местное иудейское население видело в персах избавителей от того гнета, который оно терпело в империи, и охотно признавало персидскую власть над собой. Овладев приморьем, Шахрбараз начал поход в направлении Иерусалима. Путь его лежал через город Диосполь (Лидда). Когда среди монахов, ютившихся во множестве в окрестностях Иерусалима, распространилась весть о приближении персидского войска, началась паника. Покидая свои монастыри и пещеры, они бежали в Аравию.[111] Хотя Иерусалим был окружен мощными стенами, над сооружением которых много потрудилась в свое время императрица Евдокия, имел весьма большие размеры и очень многолюдное население, умножившееся бежавшими перед нашествием персов христианами, но патриарх Захария не имел надежды отстоять город от персов; и когда Шахрбараз вступил с ним в переговоры и предложил сдать город без сопротивления, то патриарх, во избежание кровопролития, склонился к этой мысли. По сообщению Себеоса, сдача состоялась, и в город вступил отряд персидского войска. Но христианское население обвинило патриарха в предательстве и измене, и он, опасаясь за свою жизнь, прервал сношения с Шахрбаразом. Персидский отряд был перебит, и в городе началось жестокое избиение иудеев. Те из них, кому удалось спастись, бежали к персам.[112] В новооткрытом источнике, цветистой и риторически украшенной повести Антиоха Стратига «Пленение Иерусалима персами», также рассказывается о миролюбивом настроении патриарха Захарии и его готовности сдать город персам; но нет упоминания ни о вступлении в Иерусалим персидского отряда, ни о резне в среде иерусалимского населения. По словам Антиоха, сдача города была предупреждена взрывом народной ярости против патриарха, который вынужден был уступить и отправить настоятеля монастыря Феодосия, по имени Модест, в Иерихон, чтобы вызвать оттуда войска на защиту города. Персы предупредили приход войска и немедленно обложили Иерусалим. Арабы, союзники персов, грабили страну и избивали или брали в плен монахов. 15 апреля началась осада, которая продолжалась 20 дней. Таково точное показание Антиоха Стратига, пережившего ее.[113] Осадные башни, сооруженные персами, и их стенобитные орудия сделали свое дело, и город был взят. Началось беспощадное избиение всех, кому не удалось убежать или укрыться, а также и обычный, по тогдашним военным нравам, грабеж. В истреблении христиан приняли непосредственное участие иудеи, мстившие за прежние обиды. О живом участии иудеев в этом кровавом деле единогласно свидетельствуют монах Софроний (впоследствии патриарх Иерусалима) в своих

---

[109] *Theoph.* 300, 20. — *Бейнз* в своем исследовании The military operations of the Emperor Heraclius, стр. 26 — считает возможным утверждать, что дальнейшие успехи Шахрбараза в этом году были задержаны Никитой, выступившим против него из Египта. Основанием для этого предположения служит весьма путаное свидетельство в хронике продолжателя Исидора Севильского — *Mommsen.* Chr. min. II 335: Niceta magister militae per heremi deserta cum nimio labore Aegyptum pervenit ac nimia virtute et strenuitate adgressus Persis acie caesis Aegyptum, Syriam, Arabiam, Iudaeam et Mesopotamiam provincias optima dimicatione imperii (sic) restauravit. — Позволяю себе думать, что все это свидетельство есть лишь амплификация похода Никиты в Египет, о котором сохранилось повествование Иоанна Никиуского. Перечисление Сирии, Аравии, Иудеи и Месопотамии, как областей, в которых Никита будто бы восстановил власть императора, выдает фантастический характер самого свидетельства. Никита имел слишком много дел в Египте и слишком мало военных сил, чтобы действовать против Шахрбараза. Поход Филиппика в Армению я отнес к 613 году, как сделал это *Перниче* и *Бейнз.* Такая датировка этого события находится в противоречии с показаниями современника, автора жития Анастасия Перса, который кратко упоминает об этом походе. Он не приводит точной даты, как в других случаях, но связывает это событие с походом Шахина в Халкидон, который приходится отнести, на основании показания Пасх. Хрон., к 615 году. Рассказывая о том, как Анастасий стал христианином, он дает такое сведение. — «Блаженный, имея брата во плоти воином, оказался в войске, которым предводительствовал Шахин, и дошел до Халки- дона. Когда же Шахин узнал, что блаженной памяти (ἐν ἁγίοις) Филиппик предупредил его и вступил в Персию, то он повернул назад. Так случилось, что раб Божий Анастасий прошел с персидским войском до областей Востока. Уйдя из войска и покинув брата, он прибыл в Иераполь. Там он задержался у какого-то перса-христианина, серебряника по ремеслу». Изучив это ремесло, Анастасий прожил некоторое время в Иераполе, работая имеете со своим хозяином. Уверовав в Христа, Анастасий отправился в Иерусалим, где и был крещен, «в восьмой индикт, десятый год правления Ираклия», т. е. в 620 году. — Таким образом, поход Филиппика здесь выставлен как причина отступления Шахина из Халкидона, и отнесен тем самым к 615 году. В изложении *Себеоса* связь событий иная, и погоня Шахина за Филиппиком не связана с его походом в Халкидон. Хотя автор «Жития» современник, но мы вправе отвергнуть его свидетельство. Он знал Анастасия уже в более позднюю пору, и связь отступления Шахина с походом Филиппика есть его собственный домысел. Это видно из того, что, по его словам, Филиппик вторгся в Персию, а от *Себеоса* мы знаем, что Филиппик ходил в Армению, на Араке, куда за ним поспешил Шахин. Если Шахин шел через Иераполь, то он направлялся к царю Хосрову прямым путем, как ведет его в своем рассказе и Никифор.

[110] Ib. 300, 21-25.

[111] Vita *s.* Gorgii Chozebitae. Anal. Boll., *VII (1888), c. 31, p. 129-130.*

[112] *Себеос.* 29, стр. 90-91.

[113] *Антиох Стратиг.* стр. 9-15 рус. перев.

элегиях,[114] Антиох Стратиг, Себеос и сирийские летописцы.[115] Число убитых у Себеоса указано в количестве 17 тысяч, Антиох Стратиг дает гораздо большую цифру — 66509 человек, причем убитые перечислены по местонахождению трупов с точным указанием места.[116] Христианские святыни Иерусалима были не только ограблены, но и подверглись разрушению от местных иудеев. В огне погиб храм Воскресения, сооружение Елены, матери Константина Великого, с его великолепным мраморным убранством и мозаиками.[117]

Когда был дан сигнал прекратить убийство, и победители стали вызывать скрывшихся из убежищ, обещая сохранить им жизнь, пленные были собраны в одно место и, по Себеосу, их оказалось 35 тысяч. Шахрбараз распорядился вызвать из этой толпы мастеров разных ремесел с целью отправить их в Персию. В числе отосланных пленных был и патриарх Захария. Церковные сокровища, доставшиеся победителям, были вместе с пленными отосланы Хосрову. Шахрбараз знал, какое значение придавали христиане Кресту Господню, и эта святыня также была отправлена в Персию.[118] Сирийский летописец сохранил сказание о том, как Захария старался укрыть Крест от врага, закопав его в саду и засеяв это место огородными овощами. Легенда эта перешла и в «Историю Сасанидов» Табари.[119] Антиох Стратиг рассказывает, что Крест сопутствовал пленным в пути и был впоследствии отдан, с разрешения Хосрова, его любимой жене, христианке Ширине, которая поставила его «запечатанным» в своем дворце.[120]

Множество христиан бежало в Египет, в числе бежавших были и раненые. Патриарх Иоанн самым щедрым образом проявил в отношении к ним свое милосердие, разместил беглецов в странноприимницах и больницах и щедро расходовал церковные средства на их содержание.[121] Из числа святых предметов, хранившихся вместе с Крестом в Иерусалиме, два, а именно: копье и губка, были спасены и доставлены Никите, который препроводил их в столицу.[122]

Не ограничивая своей благотворительной деятельности помощью беглецам, патриарх Иоанн оказывал щедрую помощь и пострадавшему от персов населению Палестины. На средства своей церкви он снарядил большой караван со съестными припасами и отправил его в Иерусалим. Заботу о выкупе пленных он поручил трем епископам: Амафунта (на Кипре), Синая и Ринокоруры, снабдив их значительными суммами для этой благой цели.[123] Власть в разгромленном Иерусалиме была предоставлена Шахрбаразом, который вскоре покинул город, монаху Модесту, и он оставался в течение долгих лет заместителем патриаршего престола. Опорным пунктом персидской власти в стране была Кесария.

Бесчинства, совершенные иудеями во время взятия города, не остались без возмездия со стороны персидской власти. Йездин, начальник финансового управления в Персии, пользовавшийся большим расположением Хосрова,[124] осведомившись о злодействах иудеев, исходатайствовал указ, по которому иудеям было воспрещено проживать в Иерусалиме.[125] Тот же Йездин исходатайствовал у Хосрова разрешение на отстройку христианских храмов, пострадавших во время взятия города, и сам посылал щедрые пожертвования на это дело. Армянская церковь, поддерживавшая издавна сношения с Иерусалимом, также оказывала существенную помощь Модесту в его строительной деятельности, и Себеос сохранил переписку по этому делу между Модестом католикосом Комитасом.[126] Энергичный и предприимчивый Модест, пользуясь помощью отовсюду, в скором времени отстроил все пострадавшие храмы и святые места города.[127]

На следующий год после завоевания Палестины персидская армия под начальством Шахина прошла через всю Малую Азию и достигла Босфора. Халкидон был взят и войско стало лагерем близ Хрисополя.[128] Ираклий в

---

[114] Элегии Софрония напечатаны по рукописи Парижской Национальной Библиотеки в журнале *Rev. de l'Orient Chrétien.* II (1897), 123-125. — Софроний находился в пору взятия Иерусалима в Египте и не был поэтому свидетелем события.

[115] *Chr. min.* 1, 20, 13-24; 23, 11-28. — *Себеос* в письме патриарха Комитаса, гл. 25, стр. 97.

[116] Антиох Стратиг. 59-63. — В арабском тексте, изданном в *Rev. D'O. Ch.* I., цифра иная: 62455 (стр. 163), у *Мих. Сир.* — XI, 1, p. 400 — число убитых 90 тысяч.

[117] *Anon. Guidi. Chr. min. Scr. Syri*. t. IV, p. 23, 10-14.

[118] *Антиох Стратиг*. 16-20; 36.

[119] *Anon. Guidi.* 22, 21-28; Nöldeke. Tabari, 291.

[120] *Антиох Стратиг*. 52, 25 (р. перев.)

[121] *Gelzer.* Leontios von Neapel, Vita Iohannis. c. 7, p. 13-15.

[122] Губкабыла выставлена на поклонение в храме св. Софии 14 сентября 614 года. Копье прибыло в столицу 26 октября. Оно было доставлено уже из плена одним из людей Шахрбараза. — *Chr. Pasch.* 705, 3-14.

[123] *Gelzer.* Vita Johan., Anhang 2, p. 112; *Eutych.* Annales, *Patr. Gr.* 11, p. 1084.

[124] Сирийский летописец второй половины VIII века, *Anonymus Guidi*, дает такое свидетельство о Йездине (*Chr. min.* 1, p. 21, 8-15). — Nobilis erat eo tempore in aula regia Yazdin, Karkha Garamaeorum oriundus; erat hie ecclesiae defensor ut Constantinus et Theodosius, atque aedes sacras et monasteria ubicunque exstruxit, exempla Hierosolymae caelestis. Qui tam dilectus fuit Chozroi quam Iosephus Pharaoni et amplius, adeo ut propter hanc rem celeber esset in utroque regno, Persarum videlicet et Romanorum. Ferunt Yazdin hunc quotidie a mane ad posterum mane mille stateres mittere solitum ad regem.

[125] *Себеос.* гл. 24, стр. 91; 25, стр. 93 — письмо Модеста к католикосу Комитасу.

[126] Ib. гл. 25, стр. 92-97.

[127] *Перечисление восстановленных Модестом храмов сохранил современник. См. Epistola Antiochi monachi Laurae Sabae ad Eusebium, praepositum monasterii Attalinae*. *Patr. Gr*. 89, p. 1428.

[128] *Chr. Pasch.* 706, 9-13; *Niceph.* 9, 19. — Завоевание Египта Никифор приписывает Шахину и этот поход помещает

сознании своего полного бессилия в борьбе с персами достиг щедрыми дарами того, что Шахин согласился вступить в переговоры. Между ними состоялось свидание в гавани Халкидона, причем император не сходил на сушу, а переговаривался с лодки.[129] Ираклий просил посредничества Шахина в том, чтобы склонить Хосрова прекратить войну и вступить в переговоры о заключении мира. Дело закончилось тем, что Шахин согласился ходатайствовать перед Хосровом о разрешении прислать посольство. После получения благоприятного ответа было снаряжено посольство из трех лиц: патриция Олимпия, консулара Леонтия и эконома храма св. Софии Анастасия. Послы везли Хосрову грамоту, составленную от имени сената, а не императора. Вероятно, этот характер грамоты следует объяснить тем, что Хосров не признавал Ираклия и не принял от него посольства. Полный текст этого документа сохранен в Пасхальной Хронике.

«Бог, который все сотворил и держит все своим могуществом, дал роду человеческому дар, достойный его благости, — промысл царской власти, благодаря которой мы обретаем обеспечение жизни в мире и находим исцеление в случае каких-либо бедствий. Уповая на этот Божий дар — разумеем царскую власть — и на Ваше чрезвычайное милосердие, мы молим даровать нам прощение за то, что мы осмелились в противность прежде действовавшим отношениям обратиться с мольбой к вашей державе. Мы знаем обычай, соблюдавшийся в предшествующее время, по которому было принято разрешать раздоры, возникавшие между обеими державами, непосредственными заявлениями самих государей. Но этот обычай нарушил Фока, похититель римского царства. Взбунтовав римское войско во Фракии, он внезапно напал на царствующий град и казнил Маврикия, милостиво правившего нами, его жену, детей его и родственников, а также немалое число сановников. Не ограничившись этими великими злодействами, он не воздал чести, подобающей вашему чрезвычайному милосердию, вследствие чего вы, разгневавшись на наши прегрешения, привели в такое умаление дело римского государства. Благочестиво царствующий ныне государь и его приснопамятный отец, узнав о том, что творит этот злодей, решили поднять римское государство из такого крайнего положения и совершили это, найдя его надломленным вашим могуществом. После смерти тирана, наш теперешний царь хотел вернуться со своими родственниками в Африку к своему отцу и предложить нам избрать кого нам угодно в цари; но склонившись на наши мольбы, принял царство. Тревоги, одолевшие обе державы, и внутренние волнения не дозволили ему исполнить то, что надлежало, а именно: воздать должную честь через послов чрезвычайному могуществу вашей кроткости. И вот мы, ничтожные людишки, решили соблюсти обычай, о котором было упомянуто, обратиться с мольбами к вашему царскому величеству, царю царей, и отправить некоторых из нашей среды, чтобы они удостоились припасть к вашим стопам. Но вследствие случившихся в ту пору событий, мы не дерзнули исполнить этого до сих пор. Когда же Саин, знатнейший Бабманздаго,[130] командир персидского войска, явился в пределы Халкидона, то, вступив в сношение с нашим благочестивейшим царем и нами, был упрошен всеми вступить в переговоры о мире. Он заявил, что не имеет на это полномочия, но что он будет о том просить ваше человеколюбие. А теперь он прислал нам ответ через Спададуара, объявив нам клятвенно, что ваше чрезвычайное могущество примет, как подобает, наших послов и отпустит их назад невредимыми. Он присовокупил, что он получил приказ от вашего человеколюбия сделать это. Полагаясь на эти обещания и уповая на Бога и ваше величество, мы отправили к вам ваших рабов, знатнейшего консулара Олимпия, патриция и префекта претория, Леонтия, знатнейшего консулара и префекта города, и Анастасия, боголюбезного пресвитера и синкелла. Мы молим ваше величество принять их, как подобает, и в скором

после этого события. *Себеос*, гл. 24, стр. 99-100 — приписывает этот поход Хореяму, т. е. Шархбаразу. *Феофан* в своей заметке о завоевании Египта, занесенной под 615 годом (р. 301), сообщает, что персы подступили к Карфагену, не смогли его взять и, оставив под стенами города войско, ушли назад, а под 616 годом записал, что персы овладели Карфагеном. О взятии Халкидона и переговорах Ираклия с Шахином *Феофан* не сохранил никакой заметки. *De Boor* отстаивал историческую достоверность занятия Карфагена в статье: Zur Chronologie des Theophanes, *Hermes*, XXV (1890), 301-307. С ним согласился *Gelzer* в статье: Chalkedon oder Karchedon, *Rhein. Mus.* N. F. (1893), 161-174. Доводы обоих ученых неубедительны, и в тексте Феофана следует оба раза принять другое чтение и вместо имени Καρχηδών поставить Χαλκηδών. Господство персов в Африке не выходило на запад далее Александрии. Нашествие персов на Халкидон вызвало большую панику и бегство его жителей в столицу, причем была увезена местная святыня, мощи св. Евфимии из храма ее имени, где заседал в свое время Четвертый Вселенский собор. В числе драгоценностей, увезенных персами, когда они покидали Халкидон, была статуя Гелиоса (солнце), называвшаяся также Кроносом. Память об этом сохранена в сочинении Σύντομοι Χρονικαί, *Scr. orig. Const.* § 5 c, p. 22 *Praeger.* Роскошные окрестности Халкидона тяжко пострадали от этого нашествия. Между прочим в Брохтах сгорел храм св. Фомы, в котором покоились останки знаменитой диакониссы Олимпиады, друга св. Иоанна Златоуста. В Константинополе поблизости от храма св. Софии был монастырь, основанный Олимпиадой, который был заново отстроен Юстинианом после пожара во время бунта Ника и освящен 25 декабря 537 года. В числе братии, проживавшей в нем во время нашествия персов, была монахиня, по имени Сергия. Узнав о разорении храма св. Фомы, она отправилась в Брохты, собрала кости Олимпиады, плававшие в воде (вероятно, от тушения пожара), и привезла их в Константинополь. При участии патриарха Сергия, который поручил это дело одному из пресвитеров, останки Олимпиады были водворены в храме основанного ею монастыря. Событие это описано самим Сергием. *Analecta Bollandiana*, XVI (1897), 44-51: Narratio Sergiae de translatione Sanctae Olympiadis.

[129] *Niceph.* 9, 25.

[130] *Nöldeke.* Tabari, 291, η. 2 — Wahumanzadh agan — сын из рода Wahuman.

времени отослать их к нам с миром, любезным Богу и приятным вашему величеству. Умоляем ваше величество считать нашего благочестивейшего царя Ираклия родным сыном, который готов нести всякую службу вашему милосердию. Соизволяя на это, вы доставите себе двойную славу, как в воинской доблести, так и в даровании мира. Мы будем наслаждаться спокойствием, как вашим приснопамятным даром, и будем возносить молитвы к Богу за ваше долголетие, памятуя ваши благодеяния во веки веков римской державы».[131]

Приниженный тон этого послания дает живое и непосредственное свидетельство о беспомощности империи в эту тяжкую пору ее истории, а самый документ является единственным в своем роде образцом дипломатического языка того времени.

Смирение, проявленное правительством империи, не принесло ей пользы. Хотя посольство было снаряжено с разрешения Хосрова, как ясно это из текста, но опьяненный успехом своей завоевательной политики Хосров успел переменить свои мысли, не начал никаких переговоров, заточил послов и продержал их долгие годы в заключении. Никифор в своем повествовании об этом событии рассказывает, что Шахин сам заключил послов в оковы, как только вышел из пределов империи и вызвал против себя тем не менее гнев своего повелителя. Последний будто бы ожидал, что он привезет к нему в качестве пленника самого императора, и за неисполнение этой его воли предал его жестокой смерти: приказал с живого содрать кожу.[132] Так как Шахин оставался полководцем в войнах с Ираклием до самой своей смерти в 626 году, то свидетельство Никифора о его казни является ложным.[133] Но можно дать веру показанию Никифора о гневе Хосрова на Шахина в том смысле, что поход этот не имел ровно никаких результатов. По-видимому, в это время Хосров задумал организовать военные действия против империи на море и быть может именно для этой цели направлял Шахина на Босфор, чтобы создать сухопутную базу для поддержки действий на море. Византийское предание не сохранило никаких свидетельств о морских предприятиях персов; но мы имеем показание Себеоса, который, вслед за рассказом о сношениях Ираклия с Шахином, дает краткое сообщение о морском походе персов против Византии. Так как персы владели в ту пору побережьем Киликии и Сирии, то им была подвластна значительная линия берега Средиземного моря с привычным к морю населением. — «Снарядив корабли, персы приготовились к морской битве с Византией. Против них вышли морские войска. Произошла битва на море, но персидские воины позорно обратились в бегство. Погибло 4 тысячи человек вместе с кораблями». Таково сообщение Себеоса.[134] Хотя оно не подтверждается свидетельствами других источников, но оно вполне правдоподобно и находит себе подтверждение в том, что в 623 году персы сделали морской набег на остров Родос, о чем придется упомянуть в другой связи.

Отвоевание Сирии и Палестины, совершившееся так быстро, потребовало от персидского правительства немало забот и времени на приведение обширной территории в прочную зависимость от центра государства. Особого внимания требовали и церковные дела. В Ктесифоне состоялся собор, в котором принимал участие и патриарх Захария. Он имел, между прочим, своим последствием усиление монофизитской церкви в Персии, которая дотоле занимала приниженное положение по сравнению с несторианской.[135] Но завоевательные планы Хосрова в отношении империи шли дальше отвоевания Сирии, и предприимчивый и счастливый в своих предприятиях Шахрбараз нанес новый удар империи: начал завоевание Египта, житницы Константинополя и наиболее доходной провинции государства.

Под мудрым управлением Никиты, остававшегося бессменно на своем посту со времен переворота, положившего конец правлению Фоки, Египет не переживал никаких тревог. Популярности Никиты в стране много содействовало изменение в направлении церковной политики. В первый же год своего водворения в Египте Никита выказал не только терпимость к монофизитской церкви, но и содействие в том важном для монофизитов событии, каким явилось устранение церковного раскола между Сирией и Египтом. Раскол этот произошел вследствие разногласия в богословских вопросах между антиохийским патриархом Петром, преемником Павла (580-590), и александрийским — Дамианом (578-606).[136] Преемник Дамиана Анастасий (606-616) желал устранить раскол: но нетерпимый режим, который поддерживал в церковных вопросах Фока, лишал его возможности приступить к этому делу.[137] После кратковременного преемника Петра на антиохийском престоле, епископа Юлиана, патриархом сирийских монофизитов стал Афанасий (595-631). Когда Египет отпал от Фоки и находился под управлением Никиты, между патриархами Египта и Сирии начались сношения, которые завершились приездом в Александрию Афанасия. В личном общении в течение целого месяца патриархи устранили пункты старого разномыслия своих предшественников в вопросах христианской догмы, пришли к полному единодушию и возвестили о состоявшемся воссоединении своим паствам. Михаил Сириец

---

[131] *Chron. Pasch.* 707-709.

[132] *Niceph.* 11, 11-30.

[133] Весьма странно, что ему дал веру акад. *Успенский.* Ист. Виз. Имп., т. I.

[134] *Себеос.* гл. 26, стр. 100.

[135] Ib. гл. 33, стр. 134-136. — Ср. *Marquart.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, 400, прим. — Подробное изложение *Себеоса* о соборе в Ктесифоне, который состоялся по приказанию Хосрова, вызывает некоторое затруднение насчет хронологии события. В числе участников оно называет Сумбата Багратуни, заслуженного полководца Хосрова, который скончался в 617 году, а также «множество других мудрых людей, взятых в плен из города Александрии». Но взятие Александрии случилось не ранее 619 года.

[136] *Mich. Syr. X,* 22. p. 364-371 (из *Дионисия Тельмарского*).

[137] *Patr. Orient.* I, 480-483.

сохранил несколько относящихся к этой унии документов, в которых с благодарностью упомянуто доброе и благожелательное отношение Никиты к делу церковного мира.[138] Событие это относится к 610 году.[139] Кафедра православного патриарха в Александрии не была замещена после гибели в 609 году ставленника Фоки Феодора, и лишь в 611 году ее занял с соизволения Ираклия уроженец острова Кипра Иоанн, оставшийся в истории с эпитетом милостивого. Чуждый нетерпимости, отдававшийся делам милосердия и благотворения, Иоанн жил в добром согласии с Никитой и не создавал ему никаких затруднений в его примирительном отношении к монофизитам.[140]

Шахрбараз начал свой победоносный поход в Египет, по-видимому, в 617 году. Это столь тяжкое по своим последствиям событие крайне скудно засвидетельствовано в нашем предании. По всему вероятию, Иоанн Никиуский описал эту войну с той же подробностью, как войну Никиты и позднейшее завоевание Египта арабами, но в том тексте, который дошел до нас, эта часть его труда не уцелела. В Пасхальной Хронике под 618 годом есть лишь упоминание об отражении этого события в жизни Константинополя, а Феофан под 615 годом занес лишь краткую заметку о покорении Египта и Ливии с искажением действительных событий.[141] Несколько живых сведений о взятии Александрии сохранил анонимный сирийский летописец второй половины VII века.[142]

Единственный путь, по которому персы могли проникнуть в Египет, шел по побережью из Газы, и первая крепость на египетской территории была Ринокорура, а следующая — Пелузий, закрывавший доступ к дельте Нила. Пелузий был взят персами после продолжительной осады, о чем сохранил сведение один арабский источник.[143] Овладев этим ключом дельты, персы двинулись по правому берегу восточного рукава Нила на юг к Вавилону, крепости, расположенной в верховьях дельты, и, овладев ею, взяли затем Мемфис. Дальнейшее движение армии должно было иметь своим объектом важные в военном отношении пункты: Менуф и Никиус. Взятие Никиуса открывало путь на Александрию.[144] Как шли военные события, об этом гадать было бы излишне ввиду полного отсутствия сведений в сохранившемся предании. Осада Александрии началась, по всей вероятности, в 618 году. Так как персы не имели флота, то Александрия с ее мощными стенами и свободой морских сообщений могла долго отстаивать себя. Неизвестно, по каким причинам Никита отчаялся в возможности отстоять столицу Египта и, покинув свой пост, бежал в Константинополь. Вместе с ним уехал и патриарх Иоанн. На пути в Родос корабль выдержал страшную бурю и был в опасности крушения. Патриарх Иоанн, предчувствовавший близость кончины, отказался ехать в Константинополь и, покинув своего спутника, вернулся на родину в Кипр, где вскоре скончался в городе Амафунте. Его память празднуется 12 ноября.[145]

Бегство Никиты не убавило одушевления защитников. Город храбро оборонялся. О взятии Александрии близкий по времени сирийский летописец сохранил такой рассказ. — Один молодой человек, родом из северо-восточной Аравии, по имени Петр, проживавший в Александрии для получения образования, явился к Шахрбаразу и сообщил ему вычитанное им в одной книге предсказание, что город может быть взят только с западной стороны, с моря. Воспользовавшись этим указанием, персы захватили много рыбацких лодок и, посадив на них воинов, смешались на рассвете с множеством таких же лодок, направлявшихся каждое утро в город со своим уловом. Проникнув таким образом незаметно до западных ворот, персидские воины перебили стражу и, взобравшись на стены, возгласили победу Хосрова. Появление неприятеля с той стороны, где никто его не ожидал, вызвало страшную панику, и город оказался во власти персов. Среди ужасов паники и кровопролития началось бегство. Церковные сокровища и имущество граждан грузились на лодки в надежде увезти их в море. Но ветер был неблагоприятен для беглецов, и целая флотилия лодок досталась персам. Огромные богатства от грабежа Александрии и ключи от городских ворот были отосланы в Ктесифон к царю Хосрову. Умевший угождать своему повелителю Йездин заказал золотые ключи по образцу железных и поднес их царю в знак его победы.[146] Овладев Александрией, Шахрбараз совершил поход на юг, покорил средний Египет до пределов Эфиопии и, распространяя свою власть на запад, овладел Пентаполем и Ливией.[147]

---

[138] *Mich. Syr.* X, 26-27, p. 381-399 — текст синодики с изложением вероучения, подписанный обоими патриархами, энциклика Афанасия к епископам Востока, послание Анастасия к Афанасию и его же послание к Кириллу Амидскому.

[139] Так датирует это событие *Михаил Сириец*, иначе *Barhebraeus*, I, p. 270 - 616 год. Barhebraeus, S. I, p. 270, дата унии — 616 год, 927 эры Александра, т. е. последний год жизни Анастасия. Но так как преемник Анастасия Вениамин, по вступлении на престол, подновил унию своей синодальной грамотой — *Mich. Syr.*, XI, 3, 411, — то, быть может, дата его грамоты была причиной ошибочной датировки у *Барэбрея*. — Дату *Барэбрея* принимал *Gutschmid.* Kl. Schr. II, 499. *Butler.* The Arab Conquest of Egypt, 69, относит посещение патр. Афанасием Александрии и унию к осени 615 года.

[140] *Vita Johannis.* ed. *Gelzer.* — Более полная биография у *Метафраста.* Patr. Gr. 114.

[141] *Theoph.* 301, 9-11.

[142] *Anon. Guidi.* 22, 29-23, 10. (*Scr. Syri. Chr. min.* I).

[143] *Abu Salich*, привлеченный *Butler'oM.* The Arab Conquest of Egypte. Oxford. 1902, стр. 71, прим. 2.

[144] В тексте св. Спиридона Кипрского — *Usener.* Kleine Schriften, III, 78, принадлежащем перу автора середины VII века, отмечен эпизод бегства из Александрии на Кипр в ту пору, когда персы заняли Вавилон и Никиус.

[145] *Leontios von Neapel.* v. Joh. c. 14, p. 91. *Gelzer.* — Но день его смерти — 11 ноября, когда празднуется память св. Мины. Во избежание совпадения чествование памяти Иоанна передвинуто на один день. — Что касается Никиты, то он не остался в столице, а занял пост экзарха Африки, на котором и скончался раньше 629 года.

[146] Anon. Guidi. 22-23.

[147] Данные летописного византийского предания о завоевании Египта персами так скудны и неопределенны, что

Подобно тому, как в Палестине верховным начальником туземного населения оказался под персидским господством заместитель Ицхарии Модест, так и в Египте власть над туземцами была предоставлена монофизитскому патриарху Андронику, который являлся ответственным лицом за исправность платежа налогов в пользу победителя. По смерти Андроника (3 января 623 года) его заменил Вениамин.

Утрата Египта была страшным ударом для империи. Финансовые затруднения начались еще раньше, и уже в 615 г. вес серебряной монеты был понижен наполовину и соответственно этому уменьшены оклады всех служащих.[148] Теперь империя потеряла самую доходную провинцию, а столица — житницу. В Пасхальной Хронике под 618 годом есть заметка о том, что в этот год было сделано экстренное обложение всех лиц, имевших право на получение хлеба, по 3 золотых за каждый хлеб. Деньги были собраны, но правительство не было в состоянии управиться со своим обязательством, и в августе месяце раздача хлеба была полностью прекращена.[149] В довершение бедствий в Константинополе началась жестокая эпидемия, уносившая множество жертв. Ираклий пал духом, и у него появилась мысль бежать в Карфаген. Царские сокровища были погружены на корабли и отправлены в Африку. Намерение императора покинуть столицу огласилось и усилило общую тревогу. Патриарх Сергий и ближайшие к особе императора сановники заставили его отказаться от бегства, и патриарх потребовал от него публичной клятвы в храме св. Софии в том, что он ни при каких обстоятельствах не покинет столицы. Неудачи преследовали Ираклия: эскадра с царскими сокровищами была разбита бурей у берегов Африки и погибла в волнах.[150]

ДЕЛА В ИСПАНИИ И ИТАЛИИ

Одновременно с тем, как персы отторгали целые области на востоке, империя теряла свои владения на дальнем западе, в Испании. Переход Рекадера в православие из арианства, совершившийся при папе Григории Великом, устранил ту преграду, которая существовала до того времени между туземным населением и готами. После утрат, понесенных в Испании при Юстине II, владения империи представляли две разобщенные территории: округ Нового Карфагена с прилежащими землями и юго-западный угол полуострова, омываемый океаном. Царь Гунтимир, вступивший на трон в один год с Ираклием, продолжал наступательную в отношении империи политику своих предшественников, причинял беспокойства имперским гарнизонам, но не имел особого успеха. Положение стало менее благоприятным для империи при его энергичном преемнике Сисебуте (612-616). Войска Сисебута под начальством вождя Свинтилы отвоевали округ Карфагена, и Сисебут проявил свое великодушие тем, что выкупил на свободу у своего войска пленных солдат императора.[151] Ираклий примирился с этой утратой и заключил с Сисебутом мирный договор. То раздражение, которое вызвали против себя иудеи своим предательством во время завоевания Палестины персами, имело своим последствием воздействие со стороны императора на Сисебута в смысле побуждения начать преследование иудеев. Сисебут начал гонения на проживавших в его царстве иудеев и силою обращал их в христианство.[152] За империей остался только небольшой округ испанской земли на юго-западе полуострова. После краткого правления малолетнего сына Сисебута, царем вестготов сделался Свинтила. Он отвоевал и эти последние владения империи на крайнем западе (624 г.). Так при Ираклии закончилось непосредственное отношение империи к далекому придатку латинской земли, на который простер свои виды Юстиниан в своих гордых мечтах восстановления империи в ее величии.[153] В обладании империи остались только острова Майорка и Минорка.[154]

по ним нельзя установить года взятия Александрии Шахрбаразом. Сама продолжительность войны также не поддается определению. В капитальных трудах по хронологии, разумею *Muralt'a* и *Clinton'a,* взятие Александрии персами приурочено — к 615 у первого и 616 у второго. *Gutschmid.* Kl. Sch. II, 474, — всегда такой тонкий и проницательный исследователь в установлении хронологических дат, отнес вторжение персов в Египет к августу 616 года, а взятие Александрии к 617. *Gelzer* в своей статье: Chalkedon oder Karchedon, Rheinisches Museum, 48 (1893), стр. 161-171 и в примечаниях к Житию Иоанна Милостивого (Leontios von Byzanz, стр. 151-152) отстаивал, как дату взятия Александрии, — 619 г. С ним согласился покойный *Болотов. Виз. Врем.* XIV, 73, прим. 2. *Butler,* в своем капитальном труде: The Arab Conquest of Egypt, отнес начало похода к осени 616, взятие Вавилона — к весне 617, Александрии — к концу 617, а подчинение всего Египта — к 618 (стр. 504). *Pernice,* в своей монографии об Ираклии, стр. 80, приурочил взятие Александрии к 618 году. В недавнее время появился новый материал — папирусы. Документы об уплате податей имеют определенную форму датировки и содержат клятву именем императора. Английский ученый *Bell* собрал эти данные в статье: A dating Clause under Heraclius (*Byz. Zeitsch.* XXII, 1913, стр. 395-405). В числе формул имеются даты с именем Ираклия из Арсинои за 618 год, а именно: от 25 марта, 9 июня и 21 июля. Если Арсиноя летом 618 года находилась под властью императора и исправно платила подати, то, значит, в ту пору персы еще не успели овладеть Египтом и взятие Александрии нельзя относить к 618 году, а следует приурочить к 619 Такая датировка подтверждается свидетельством сирийского летописца, *Chronica minora.* I, p. 113, 22: Eo anno (930=619) mense haziran (июнь) ripugnata est Alexandria.

[148] *Chron. Pasch.* 706, 9-11.

[149] Ib 711, 11-15.

[150] *Niceph.* 12, 10-19. — *Pernice.* Ук. соч. 98-99, — считает это сообщение вымыслом, не приводя, однако, никаких доказательств.

[151] *Isid.* Hist. Got. 61 (*Chr. min.* II, 291).

[152] Ib. c. 60.

[153] Материал по истории византийских владений в Испании собран в статье Gorres'a. Die byzantinichen Besitzungen an den *Küsten* des Spanisch west-gothischen Reiches. *Byz. Zeits.* XIII (1907), 529-532.

[154] *Georg. Cypr.* Descr. orbis Rom., p. 34.

Немало тяжких забот создавала Ираклию и Италия. В первые годы его правления в отношении лангобардов продолжалась та политика, которая установилась при Фоке, и целью экзархов было лишь удержать то, что еще не было завоевано лангобардами. Затруднения создались на другой почве. При преемнике Смарагда, Иоанне, мятежный дух охватил армию и разыгралось восстание, жертвою которого был Иоанн, убитый своими солдатами в Равенне. Прибывший с войсками новый экзарх, евнух Елевферий, овладел Равенной и покарал виновников бунта. Ему удалось также справиться с "тираном" Иоанном из Комисы, который создал себе самостоятельное положение в Неаполе. В связи с подавлением бунта Елевферий вел войну с лангобардами, потерпел поражение и купил мир обязательством со стороны империи ежегодной уплаты 500 фунтов золота. Вскоре, однако, тот же Елевферий затеял государственный переворот и вознамерился отторгнуть Италию от империи. Он облекся в пурпур в Равенне и направился в Рим, чтобы там венчаться царским венцом. Предприятие это не удалось, вследствие мятежного настроения в рядах его воинства. По дороге в Рим он был убит в Луцеолах своими солдатами, и его голова была отослана в Константинополь (619 год).[155]

Утраты в Испании, тревоги в Италии, требования внимания, забот и расходов со стороны правительства, меркли в своем значении перед тем грозным бедствием, каким являлось персидское завоевание, наносившее империи удар за ударом, и о событиях, совершавшихся на западе, нет никаких свидетельств в византийском предании тех времен.

ВОДВОРЕНИЕ СЛАВЯН НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. АВАРЫ. ЭПИЗОД 617 ГОДА. МИР С АВАРСКИМ ХАНОМ

Одновременно с тем, как персы отвоевывали целые страны в восточных пределах империи, на запад от столицы в ближайших к ней областях невозбранно продолжался процесс, коренным образом изменявший этнические условия Балканского полуострова. Славяне, проникавшие в пределы империи в огромной массе еще в правление Юстина II, прочно утверждались на новых местах жительства, продвигаясь к морю в двух направлениях: на юг и на запад. Уже в 598 г. экзарху Каллинику пришлось отражать славян, вторгавшихся в Истрию.[156] В 600 году папа Григорий выражал епископу Салоны соболезнование по поводу той опасности, которой грозили славяне своими захватами в пределах его паствы.[157] По свидетельству Павла Диакона, лангобарды вступили в союз с аварами в 602 году, и последствием этого было нашествие на Истрию, совершенное соединенными силами лангобардов, аваров и славян. Под 611 годом тот же историк отметил страшное опустошение Истрии славянами.[158] Одновременно с тем славяне продвигались к Эгейскому морю, на берегах которого они оказались еще в конце правления Маврикия, когда впервые подверглись осаде от них Фессалоники.[159] Мирный договор аварского хана с Фокой не прекратил водворения новых полчищ славян в беззащитных областях, и значительная часть уцелевшего туземного населения попадала по-прежнему в плен к аварскому хану, который переселял пленников в Паннонию.[160] Старая область Иллирика постепенно сокращалась в узкую береговую полосу с греческим населением в Македонии и латинским в Далмации.

Придвинувшись к морю, славяне расширили свое знакомство с водной стихией. Издавна привычные к воде по условиям занятых ими земель на север от Дуная, они служили службу аварскому хану на своих однодеревках, μονόξυλα, как называли византийцы их суда, и хан старался поднять их искусство кораблестроения, вызывая из Италии корабельных мастеров, которых ему присылал вступивший с ним в союз царь Агилюльф.[161] Утвердившись на морском побережье, славяне стали предпринимать грабительские набеги на острова Эгейского моря. Датированные свидетельства об этом имеются от 20-х годов VII века, но весьма вероятно, что дело началось много раньше. В хронике Исидора, севильского епископа († 636 г.), под 16 годом правления Ираклия есть сообщение о том, что славяне отняли у римлян Грецию, персы — Сирию и Египет и многие провинции.[162] Это свидетельство с очевидностью доказывает, что даже в далекую Испанию доходили слухи о водворении славян в недрах империи. Скудное византийское предание не содержит никаких указаний на те беды, которые причиняли империи славяне и их верховный повелитель, аварский хан, в первое десятилетие правления Ираклия. Но некоторые заключения общего характера позволяет сделать Георгий Писида, прославивший впоследствии великое дело Ираклия в его борьбе с персами. Он сравнивает положение Ираклия до начала войны с персами с состоянием между Сциллой и Харибдой, разумея под этими мифическими образами Хосрова с одной стороны и аварского хана с другой. Наличие опасности с двух сторон парализовала волю Ираклия. По словам Георгия, Ираклий признавал в персах более опасного врага — Πηγήν γάρ ἤδεις κακῶν την Περσίδα (ты знал, что источник бедствий — Персия), как звучит один из стихов «Ираклиады» (2, 107); но угроза той опасности, которую

---

[155] *Paul. Diac.* 4, 32; *Liber Pontificalis*. p. 319 Duchesne; Consularia Italica (*Chron. min.* I, 339). — Главным источником сведений об этих событиях является *Liber Pontific.* Подавление бунта Елевферием относится ко времени папы Деусдедиты, т. е. 615-618 годы. Восстание Елевферия и его гибель относятся ко времени ante dies ordinationis папы Бонифация, т. е. к 619 году.

[156] *Gregorii Epp*. X, 15.

[157] Ib. X, 36.

[158] *Paul. Diac.* 4, 24; 40.

[159] См. т. II.

[160] Свидетельство об этом переселении дает эпизод с Кубером, относящийся к более позднему времени и сохраненный в повествовании о «Чудесах св. Димитрия».

[161] См. т. II.

[162] *Isidori Chronicon; Chr. min*. II, 479.

представлял аварский хан, не позволяла ему выйти из бездействия.

Беспомощность империи в отношении аваров рисует один эпизод, кратко упомянутый у Феофана под 619 годом, подробно рассказанным в Пасхальной Хронике под 623 г. и без указания даты — у Никифора.[163] Проницательной критике английского ученого Бейнза удалось установить точную хронологию этого события, а именно 617 год. Самый день события — 5 июня, воскресенье — точно указан в Пасхальной Хронике, а в святцах Константинопольской церкви установлен на все времена крестный ход на Военное поле 5 июня в память об избавлении от нашествия варваров.[164] В 619 году, под которым поместил это событие Феофан, 5 июня приходилось на вторник, в 623 г., под которым сохранен рассказ о событии в Пасхальной Хронике, Ираклий покинул столицу еще 25 марта и вернулся только через шесть с половиной лет, осенью 629 года. Так как показание хроники о воскресенье, как о дне события, не могло быть присочинено, то остается принять, как его дату, 617 год, когда 5 июня приходилось также на воскресенье.[165]

В гомилии Феодора Синкелла на чудесное спасение столицы от аварского нашествия в 626 году есть указание, что событие 617 года стояло в связи с переменой на троне аварских ханов. От старшего сына хана Баяна, основателя аварской державы, власть перешла к другому его сыну. По почину нового хана к нему было отправлено посольство. Его исправляли сановники высокого ранга: патриций Анастасий и квестор двора Козьма,[166] которые привезли ему богатые дары. Хан находился в ту пору не в Сирмии на Дунае, центре своей державы, а в имперских областях неподалеку от столицы. Прибыл ли хан в те места для сношений с императором, или же его орда была в такой близости от столицы вследствие грабительского похода, совершенного его умершим братом или им самим, это не поддается объяснению на основании имеющихся источников. Переговоры пришли к благополучному концу, мир был заключен, и договорный акт скреплен клятвами с обеих сторон, как то соблюдалось и прежде в сношениях с аварами.[167] Для упрочения добрых отношений решено было скрепить заключение мира личным свиданием императора с ханом и отпраздновать это событие играми в присутствии хана. Местом для свидания и игр была избрана Гераклея, где и должны были состояться игры 5 июня, в воскресенье. Император прибыл за три дня до того в Силимврию, последний город по сю сторону Долгой стены.[168] Императора сопровождали придворные чины, члены клира и синклита, а также и димы. Привезено было все богатое снаряжение для ристаний и других увеселений, обычных на играх. Предстоявшее роскошное зрелище привлекло в Гераклею множество народа из столицы.[169] В день, назначенный для ристаний, император собирался выступить из Силимврии. Хан со своей ордой находился по ту сторону Долгой стены. Местность эта холмиста и покрыта лесами. Когда хан получил известие о выступлении императора, он дал сигнал своей нагайкой, и по этому условленному знаку его всадники ринулись на стену и скоро показались на другой ее стороне. В Пасхальной Хронике дано и время этого события: 4-й час дня, т. е. ок. 10 часов утра. Сам хан остался со свитой по ту сторону стены. Ираклий понял злой умысел хана и спас свою жизнь бегством. Сбросив царское одеяние, он надел костюм простого селянина, подвязал свой венец к локтю и ускакал. Началось всеобщее бегство. Авары захватили все богатое снаряжение ристаний и множество пленных.

Вслед за императором, которому удалось избегнуть погони, конные отряды аваров понеслись к столице и к вечеру захватили Евдом, показались перед Золотыми воротами и стали грабить окрестности, что продолжалось, по всему вероятию, не один день. Во Влахернах была ограблена церковь Козьмы и Дамиана. Авары перешли мост на реке Варвиссе, впадающей в Золотой Рог, и разбойничали в Пере. В церкви Архангела Михаила, в предместье, носившем имя Промота, была унесена вся ценная утварь, и самый престол оказался изломанным. Так как во Влахернском храме Богоматери хранилась со времени императора Льва весьма почитаемая святыня — риза Богородицы, а Влахерны не были в ту пору окружены стеной, то какие-то военные люди, по чьему-то распоряжению, взломали ковчег, заключавший ризу, и доставили ее в храм св. Софии, где она и хранилась затем в течение некоторого времени и лишь 2 июля была возвращена во Влахерны в торжественной процессии.

Этим набегом ограничилась непосредственная опасность, и вскоре хан отступил от столицы, уводя с собой множество пленных и увозя богатую добычу. Никифор в своем рассказе дает огромную цифру пленных — 270 тысяч человек,[170] Георгий, монах, сокращает ее на 70 тысяч, а современник, Феодор Синкелл, не определяя цифры, говорит лишь о множестве попавших тогда в плен людей.[171]

День 5 июня был закреплен в святцах, как о том уже сказано; а вместе с ним и другой, 2 июля, в воспоминание о возвращении ризы Богородицы на прежнее ее место хранения во Влахернском храме.[172] Торжественное слово на это событие, составленное, по весьма вероятной догадке Васильевского, Феодором Синкеллом, дошло до нас.

---

[163] *Chr. Pasch.* 712, 12-713, 14; *Theoph.* 301, 26-302, 4; *Niceph.* 12, 29-14, 10.

[164] *Дмитриевский.* Описание литург. рукописей, т. I, стр. 78-79., Ἔλευσις τῶν βαρβάρον καί λιτή ἐν τῷ Κάμπῳ.

[165] Кроме изложенных здесь соображений, *Бейнз* привел и другие, см. его статью: The date of the Avar surprice. *Byz. Zeitsch.* XXI (1912), 110-128.

[166] *Niceph.* 13, 1-4.

[167] *Teodori* homilía, о перемене на троне — 5, 20-28, о подарках — 5, 27, о клятве — 6, 5. — *Изд. Sternbach'*а.

[168] К западу от города на недалеком расстоянии упиралась в море Долгая стена. План места см. В статье *Schuchardt'*a. Die Anastasius-Mauer bei Constantinopel. — *Jahrburch d. d. Arch. Inst.* XVI (1901) 107-122.

[169] *Chr. Pasch.* 712, 13-21.

[170] *Niceph.* 12, 27-14, 10; *Theoph.* 301, 26-302, 4.

[171] *Theod.* Hom. 5, 35: ὅσον ψυχῶν πλήθος ἐξ ἀδοκήτου κακίας αιχμάλωτον ἡρπασεν.

[172] *Дмитриевский.* Ук. соч. p. 86.

Исторические обстоятельства затемнены в нем богословской риторикой, что и было причиной неправильного его толкования.[173]

Наглый поступок аварского хана остался неотомщенным, и вслед затем Ираклию пришлось пережить страшный удар по империи, каким было завоевание Египта Шахрбаразом. Мера бедствий, выпавших на долю Ираклия, была преисполнена. А персы в сознании бессилия империи продолжали войну: Феофан сохранил под 620 годом заметку о захвате города Анкира в Галатии, являвшемся центром сообщений малоазиатского материка.[174] Но, очевидно, захват этого города имел такой же временный характер, как и занятие Халкидона Шахином в 615 году,[175] так как из позднейших событий не видно, чтобы этот важный центральный пункт сообщений в стране был в руках персов.

Перенесенное императором унижение не явилось препятствием для восстановления добрых отношений с ханом. В 620 году, по записи Феофана, к нему было снаряжено посольство, имевшее целью подновление мирного договора в обеспечение столицы от нашествия.

Мир был заключен, и послы вернулись в столицу.[176] Это было делом необходимости ввиду решения Ираклия начать войну с Персией.

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ ИРАКЛИЯ ПРОТИВ ПЕРСОВ

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ИРАКЛИЯ К ПОХОДУ. ПЕРЕЕЗД В ПИЛЫ. ПОДГОТОВКА АРМИИ. ВСТРЕЧА С ПЕРСАМИ. ОТЪЕЗД В СТОЛИЦУ. ВОЗВРАЩЕНИЕ К АРМИИ. ВТОРЖЕНИЕ В АТРОПАТЕНУ. ОТСТУПЛЕНИЕ В АЛБАНИЮ. ХАРАКТЕР ВОЙНЫ В ТЕЧЕНИЕ 624 ГОДА. ВЫТЕСНЕНИЕ ИРАКЛИЯ В МАЛУЮ АЗИЮ

Для организации войны нужны были прежде всего деньги.[177] Утрата богатых культурных областей и расстройство торговых сношений с востоком легли тяжким бременем на государственный бюджет, и уже в 615 году вес серебряной монеты был понижен наполовину и соответственно этому уменьшены все оклады служащих. Потеря житницы Константинополя вызвала страшный кризис и полное оскудение казны. Денег не было и негде было их добыть. Патриотизм патриарха Сергия открыл новый источник: то были церковные драгоценности, сосуды, предметы культа из драгоценных металлов, щедрые дары и пожертвования императоров и частных лиц, оставшиеся от старых добрых времен. Все драгоценности из церквей столицы, а вероятно также и других городов, переплавлялись на металл, из которого чеканили деньги.[178] Жертва, принесенная церковью, имела характер займа, так как император обещал возместить церкви взятые у нее драгоценности, и счастливая судьба позволила ему исполнить это обязательство. В связи с необходимостью водворить экономию в расходах на содержание клира столичных церквей и патриархии были изданы около этого времени два указа, дошедшие до нас. Первый, от 619 года, является по существу повторением указа, изданного в 612 году, в котором точно определено число клира со штатным содержанием в храме св. Софии и Влахернском храме Богородицы. Второй, относящийся, вероятно, к 620 году, заключает в себе подробно мотивированный запрет членам провинциальных клиров являться в столицу с целью пристроиться здесь и обеспечить себе средства существования.[179]

Когда деньги нашлись, явилась возможность заняться организацией военных сил государства. Скудное

---

[173] *Лопарев.* Старое известие о Положении ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании, применительно к нашествию русских на Византию в 860 году. *Виз. Врем.*, II (1895), 581-628. На эту статью ответил и опроверг ее выводы и толкования акад. *Васильевский* в статье: «Авары, а не русские; Феодор, а не Георгий». Ib. III (1896), 83-124.

[174] *Theoph.* 302, 15-21.

[175] Ложное представление, будто Халкидон оставался со времени занятия его Шахином в руках персов, ввел в науку *Гиббон*. Его повторил акад. *Успенский*. Ук. соч. 686.

[176] *Theoph.* 320, 15-21; *Mich. Syr*. IX, 3, p. 408.

[177] Подробный критический разбор свидетельств предания о войне Ираклия с персами представил *Gerland* в своей статье: Die persischen Feldzüge des Kaisers Heracleios, помещенной в 3 томе Byzantinische Zeitschrift, 350-373. Придав безусловную веру хронологической схеме, как она дана в Пасхальной Хронике, он допускал в компании Ираклия перерыв на 623-624 гг., вопреки той последовательности, какую имеют события у *Феофана.* Аргументация *Герланда* покорила и такого проницательного и глубокого критика, каким был покойный проф. *В. В. Болотов.* В своей неоконченной работе по хронологическим вопросам времен Ираклия, которая увидела свет уже после смерти автора на страницах *Византийского Временника:* К истории императора Ираклия (XIV, 68-124), *Болотов* во всем согласился с *Герландом,* кроме одного пункта, который *Герланд* считал ясным без детального рассмотрения, а именно: дата возвращения Ираклия в Константинополь. *Pernice* в своей монографии Imperatore Eraclio, переработав самостоятельно материал, отверг построения *Герланда* и признал правильной последовательность событий, как она дана у *Феофана.* Свои возражения он изложил в специальном экскурсе в конце книги (Appendix II, 310- 316). Английский ученый *Norman Baynes в* специальном этюде: The date of the Avar surprise, *Byz. Zeitsch.,* XXI, 110-128, блистательно доказал, что в тексте рукописи Пасхальной Хроники, по которому сделано Боннское издание, произошла перестановка листов, благодаря чему эпизод с нашествием аваров на Константинополь попал не в тот год, в каком он на самом деле совершился, и лишь по ошибке занесен под 623 годом, вытеснив другое содержание. В своей новой работе: The military operations of the Emperor Heraclius, он представил последовательность событий по схеме *Феофана* с самым детальным анализом всех свидетельств и с точным выяснением географических условий походов.

[178] *Theoph.* 302, 24-303, 3.

[179] *Zachariae von Lingenthal.* Jus Graeco-romanum, III, 38-44.

предание не сохранило никаких известий о формировании новых полков и вербовке солдат. Но у Феофана есть заметка под 621 годом, что Ираклий переправлял на малоазиатский материк «европейские полки» (τα στρατεύματα τῆς Ευρῶπης).[180] Бессилие империи перед аварами и нашествием славян в течение почти 20 лет, протекших со времени воцарения Фоки, не позволяет предполагать, что заключение мирного договора с аварами дало возможность извлечь из западных областей значительное число полков из той гарнизонной армии, какая существовала при Маврикии и создавала возможность экспедиций Приска и Петра за Дунай. Но самый факт переселения в Азию европейских полков не подлежит сомнению и доказывается тем, что впоследствии в юго-западной части Малой Азии существовала фема фракийцев, τῶν Θρᾳκήσίων. Старые полки во времена Ираклия не представляли боевых и тактических частей, а являлись лишь кадрами для комплектования экспедиционной армии. Таким образом, и перевод полков из одной страны в другую представлялся переселением военных людей с их семействами и домашним скарбом, что требовало, помимо больших расходов на переселение, забот об устройстве переселенцев на местах нового расквартирования. Каково было количество людей, переселенных Ираклием из европейских провинций, на это нет никаких указаний. Во всяком случае «европейские полки» составляли лишь незначительную часть тех контингентов, которые представляли малоазиатские провинции с их населением, малопострадавших от персидских вторжений. По всей вероятности, в армии, расположенной в гарнизонах по городам Малой Азии, шла подготовка людей к службе с гораздо большей интенсивностью, чем то бывало, когда не предстояло никакой войны и люди военного звания занимались в течение зимы торговлей, ремеслами и другими своими работами, на что жаловался еще Юстиниан и о чем упоминает автор «Стратегикона Маврикия».

Обязанности главнокомандующего взял на себя император. Но это случилось не без протеста и борьбы. Более чем двухсотлетняя традиция византийского двора была за то, чтобы император лишь направлял ход государственной жизни из центра империи, и когда Маврикий захотел в 592 году, по памяти о своем боевом прошлом, стать во главе армии, то это его решение вызвало живейший протест при дворе, который поддержал и патриарх.[181] Старого воззрения на роль императора в государственной жизни держались многие и в кругу воевавших сановников, и Георгий Писида сообщает, что по этому поводу шли совещания, в которых обнаружилось резкое разногласие, парализовавшее и самую решимость Ираклия.[182] После долгих колебаний Ираклий отстоял свое мнение и начал готовиться к трудным обязанностям главнокомандующего для предстоявшего похода против персов. Он покинул столицу и зиму 621-622 года провел в самом строгом отчуждении от великосветской жизни двора, связанной старым, давно сложившимся этикетом, обязательным для императора. Он поселился во дворце в Иерии на азиатской стороне Босфора. Подготавливая себя к роли главнокомандующего, он изучал теорию военного дела по научным сочинениям и составлял план кампании, который ему удалось впоследствии блистательно выполнить. Кто были его помощники в этом трудном деле, об этом предание не сохранило сведений, и Георгий Писида, прославляя Ираклия, говорит только о нем одном. По тяжким условиям того времени служилая знать оскудела опытными в военном деле людьми, и в первые годы правления Ираклию импонировал даже Филиппик, который не выказал никаких военных талантов при Маврикии. Теперь и его не было в живых. С течением времени выдались способные люди, в числе их был брат Ираклия Феодор и несколько членов армянской знати.

Первым предварительным условием возможности начать войну с персами было обеспечение мира с аварским ханом, и Ираклий достиг этого дорогой ценой. Ежегодная дань была увеличена до 200 тысяч номизм и в обеспечение уплаты ему были выданы заложники. Это были Иоанн, он же Аларих, незаконный сын императора, Стефан, сын его сестры Марии и брат его жены, Мартины, и Иоанн, побочный сын патриция Вона.[183] В письменных сношениях с ханом император называл его своим сыном, а тот его — отцом и благодетелем. В письмах к хану перед отъездом Ираклий поручил ему опеку над своим сыном и царством.[184] Обеспечив себя с этой стороны, Ираклий мог выступить в поход. Заместителем трона он оставил своего старшего сына Константина, который получил титул августа на первом году жизни и считался его соправителем; а ввиду его малолетства опека над ним и регентство на время отсутствия Ираклия были предоставлены патриарху Сергию и магистру Вону.

Отъезд в армию был назначен на второй день праздника Пасхи, т. е. 5 апреля (622 года). Прощание с двором и столицей было обставлено весьма торжественно, о чем сохранил несколько подробностей Георгий Писида, сопровождавший Ираклия в этом походе. — После церковного служения в храме св. Софии, где произошло затем прощание с двором, император вышел к народу со знаменем в руках, на котором был образ Нерукотворного Спаса.[185] Прощаясь с народом, Ираклий дал клятву сражаться с врагом до смерти и заботиться о своих подданных, как о родных детях. Готовая к отплытию эскадра ждала императора в гавани, и он вступил на свой корабль. Плаванье продолжалось один день. Конечным пунктом его была гавань Пилы на берегу

---

[180] *Theoph.* 302, 28-29.
[181] См. т. II.
[182] *Georg. Pis.* Exped. Pers. 1, 104-131.
[183] *Niceph.* 17, 16-24.
[184] *Theodori* homilía, p. 6, 9-20. — δόξας αύτῷ... Παῖδας καταπιστεῦσαι καὶ τὰ βασίλεια... οτε τον ευεργέτην και πατέρα... ἐκδημησαντα ἔγνω τής πόλεως...
[185] *Georg. Pis.* Exped. persica, 1, 139 и след.

Астаканского залива Пропонтиды, лежавшая южнее Никомедии.[186] Переезд был не вполне благополучен. Дул сильный встречный ветер, и близ Герейского мыса императорский корабль сел на риф. Дружными усилиями матросов, в которых Ираклий принял личное участие и разбил в кровь руку, опасность была предупреждена, и дальнейшее плаванье обошлось благополучно.[187]

Хотя поэтическое описание Георгия Писиды совершенно ясно, но так как первый издатель этого произведения, Кверчи, отождествил Пилы с Киликийскими воротами, то отсюда получилось совершенно превратное представление о первой кампании Ираклия, какое и дал Гиббон в своем классическом труде. Уже в 1852 году Тафель указал на ошибку; но авторитет Гиббона был так силен, что искаженное представление много раз повторялось повествователями судеб Византии, и в недавнее время вновь воспроизведено в весьма основательном труде Батлера.[188]

Ираклий ехал в Малую Азию не с готовой для похода армией, а с тем, чтобы ее собрать, сформировать, обучить и приготовить для далекого похода, в исполнение выработанного им самим плана. Георгий Писида в подробном, цветистом и панегирическом описании действий Ираклия в первый год кампании говорит лишь о передвижениях Ираклия, не называя при этом ни одного топографического имени, и только уже в описании столкновений с армией Шахрбараза можно скорее угадать, чем узнать от него территорию. Феофан, который для своего описания событий пользовался поэмой Георгия (быть может, через чужое посредство), ведет Ираклия из Пил «в местности фем». Он пользуется здесь термином, который в ту пору не обозначал собою территории, как было впоследствии, а употреблялся в смысле общего обозначения воинской части. Старый смысл слова известен и самому Феофану, который употребляет выражение ἐν πᾶσι τοις θεμασιν (p. 302, 28) в смысле — всех воинских частей, всех полков. Так как за год до этого Ираклий отправил в Малую Азию европейские полки, то, быть может, именно к этим войскам он и направился.

По условиям военных отношений, действовавших уже при Маврикии, формирование армии для похода было непосредственной обязанностью главнокомандующего.[189] Числящиеся в полках люди имели свою оседлость на месте расквартирования и жили со своими семействами. Полки представляли собою кадры, из которых по вызову главнокомандующего собирались отряды различной численности и разного боевого достоинства. Формирование из них строевых частей, имеющих тактическое значение, лежало на обязанности главнокомандующего. Экспедиционные армии делились на меры, которые слагались из турм, а турмы в свою очередь из тагм, которые являлись наименьшей тактической единицей. Командиров боевых частей назначал главнокомандующий как из тех, которые прибывали на сборный пункт со своими людьми, так и из своей личной дружины.[190]

В разных городах малоазиатских провинций были расквартированы старые полки, и Ираклий вызывал к себе отряды из них.[191] Сборы армии и ее комплектование Ираклий производил, постепенно продвигаясь с запада на восток; но каким путем он двигался, на это нет указаний в наших источниках. Армию нужно было не только собрать, но и сформировать и обучить. Это можно было сделать не в походе, а во время более или менее продолжительных остановок. По свидетельству Георгия, Ираклий нашел войска в полном расстройстве и в рассеянии по всей стране. Постепенный рост военной силы Георгий сравнивает с тем, как потоки, впадая один за

---

[186] *Georg. Pis.* Exped. Pers. 2, 10
αὐτάῖς ἐπέστης ταις καλούμεναις πυλαις ελθών απροσδόκητος ήμεροδρόμος.
Позднее Пилы были обычным местом высадки в императорском маршруте на пути в Малую Азию. *Const. Porphyr.* De cerim. p. 474.

[187] Ib. 1, 170 и сл.

[188] *Tafel.* Theophanis Chronographia (Sitz. Ber. d. W. A. d. W. B. IX) p. 21- 172; *Butler.* The Arab Conquest of Egypte, p. 124.

[189] По поводу состава армии Ираклия не можем не отметить тех соображений, которые привел акад. *Успенский* в своей «Истории Византийской империи», т. I. — Он пишет так: «Путем соглашений со славянскими старшинами начата была колонизация Малой Азии, прежде всего Вифинии, позволявшая провести новую административную и земельную систему, с которой стоят в связи военные успехи Ираклия». Далее читаем: «Не подлежит сомнению, что главная часть новобранцев происходила из славян, которые к этому времени наводнили Балканский полуостров и содействовали к (sic) образованию фемного устройства Малой Азии, давая из себя значительное число охотников для колонизации Вифинии». — Своих утверждений автор не подкрепил ни одной ссылкой на источники, чего он, впрочем, и не мог сделать, так как его рассуждения противоречат тому, что дают источники. Ираклий не мог вербовать славян, так как не имел с ними никаких сношений. Находясь под властью аварского хана, славяне делали захваты на территории Балканского полуострова и расселялись на ней, не встречая отпора и не вступая ни в какие отношения к правительству. Первые попытки селить славян в Вифинии относятся ко времени Юстиниана II, последнего потомка Ираклия на троне императоров, и тогда славяне, как должно быть известно акад. *Успенскому*, оказались совсем ненадежными помощниками в борьбе с арабами. Ираклий вел армию против врага Христа, похитителя Креста Господня; его речи к солдатам слышал Георгий Писида и рассказал нам о их действии на настроение армии. Армия Ираклия была «христолюбивое воинство», соблюдавшее посты, послушное гаданиям по тексту Евангелия. Какое же место могли иметь в ней славяне — варвары и язычники в то время? Хазары, как дикие конные хищники, могли быть ему полезны и то лишь в виде союзной силы. Но и они его оставили.

[190] *Maurícii* Strategicon. I. 4, p. 30: 5, p. 32-33.

[191] *Georg. Pis.* Exped. Pers. 2, 55 сл.

другим в реку, усиливают и расширяют ее русло.[192] Формируя боевые части, Ираклий обучал их военному строю и водворял дисциплину военного времени, давал людям военную выправку и устраивал учебные сражения. Он старался также поднять дух солдат в речах к ним и приказах, в которых выставлял беды, причиненные персами разорением городов и целых областей, а также пленением Креста Господня. Эти речи, по свидетельству Георгия, который их слышал и отчасти воспроизвел, имели большой успех: армия исполнилась бранного духа, привязалась к своему вождю, получила уверенность в своей силе и готовности к встрече с неприятелем, врагом Христа, похитителем Честного Древа.

В подготовке армии к встрече с врагом прошло все лето, и лишь осенью, когда Ираклий вступил в Каппадокию, он оказался поблизости от месторасположения персидского войска, состоявшего под началом Шахрбараза. Предупреждая возможность вторжения в отвоеванные от империи области, персы заняли проходы и укрепились на сильных позициях.[193] Продвигаясь непрерывно вперед, Ираклий высылал конные отряды на разведку, и один из них встретился с передовым отрядом персидской армии, состоявшем из арабов и имевшим целью, как это позднее выяснилось, тревожить наступавшую армию противника. Арабы попали в засаду, были разбиты, вождь их и много людей попали в плен. Ираклий милостиво обошелся с пленными, возвратил им свободу и принял на свою службу.[194] Так как арабы, признававшие власть императора, были уже давно отторгнуты от империи, то, по-видимому, именно эти пленники и составили тот арабский отряд, который затем в течение нескольких лет верно служил императору и участвовал в его последнем походе в Персию осенью 627 года.

Так как персы занимали сильные позиции и преграждали возможность дальнейшего движения на восток, то Ираклий составил искусный план действий с целью заставить неприятеля очистить проходы. Главные силы своей армии он направил к северу в обход персидских позиций, а сам сделал нападение с фронта и вызвал против себя персидского вождя. Он сумел уклониться от битвы, соединился с ушедшими вперед частями своих войск и, оказавшись в тылу персидской армии, занял проходы.[195] Шахрбараз был поставлен этими искусными маневрами противника в затруднение и, не располагая, быть может, достаточными силами для борьбы с противником, перешел на юг в Киликию, совершив трудный переход через горный хребет.[196] Он надеялся заставить Ираклия вернуться назад угрозой вторжения в малоазиатские области. Но Ираклий остался на занятых им позициях и продвигался вперед. Тогда Шахрбараз воротился назад и шел за Ираклием, «как пес на цепи», по выражению Георгия Писиды.[197] Обе армии находились на близком расстоянии друг от друга и между отдельными отрядами нередко происходили стычки. Наступившие зимние холода преградили возможность быстрых передвижений, и обе армии заняли позиции на зимовку. Шахрбараз собирался сделать ночное нападение на неприятельский лагерь, пользуясь полнолунием. Но солнечное затмение, случившееся 22 января, задержало исполнение этого плана.[198] Спустя две недели после того Шахрбараз хотел дать битву; но его военный план был выдан Ираклию, и дело окончилось решительным поражением персидской армии. Лагерь персов достался победителям, и остатки персидского войска рассеялись.[199] После поражения войска Шахрбараза Ираклий обратился к Хосрову с письмом, в котором предлагал ему заключить мир и в противном случае грозил вторгнуться в Персию.[200] Свои войска он отвел в Понт на зимовку, а сам поспешил в Константинополь ввиду тревожных известий о враждебных предприятиях хана.[201]

Источники оставляют нас в полном неведении о том, что предпринимал хан, и как удалось Ираклию восстановить добрые отношения с ним.[202] В столице Ираклий пробыл очень недолго и 25 марта выехал с женой и детьми в Никомедию, где отпраздновал Пасху (27 марта).[203] Здесь был получен ответ от Хосрова. Текст этого

---

[192] Ib. 2, 66-69; 163-202.
[193] Ib. 2, 256, 58.
[194] *Georg. Pis.* Exped. Pers. 2, 217-238.
[195] Ib. 2, 271-273.
καὶ πρῶτος εὐθὺς εὑρέθης ὁ δεύτερος
οὕτω νομίζων ευτυχῶς προεκτρέχειν
ἑκ σοῦ σκιλισθεις δυστυχῶς υποστρέφει
300-302... ἡλιον... ἐν τῇ παρατάξει τῆς μάχης εναντίον.
[196] Ib. 2, 340-345.
[197] Ib. 2, 357-358.
[198] *Георгий Писида* говорит только о затмении, не указывая даты (2, 368); но она вычислена; *Oppolzer.* Canon der Finsternisse, стр. 353.
[199] *Georg. Pis.* ib. 3, 30-31; 150 и след.; 210 и след.; 310-312.
[200] *Theoph.* 306, 23-26.
[201] *Georg. Pis.* ib. 3, 339-340.
[202] *Pernice,* о. с. p. 121, приурочивает увеличение дани и выдачу заложников к этому именно времени. Позволю себе высказать предположение, что к этому времени относится осада славянами Фессалоники, о которой сохранился подробный рассказ в «Чудесах св. Димитрия». — Acta Sanct. Aprilis, IV.
[203] Дата отъезда Ираклия дана у *Феофана* (306, 18) — 15 марта индикта 11; в *Пасхальной Хронике* — 25 марта индикта 12, с замечанием, что Пасху император встретил в Никомедии. 12-й индикт соответствует 624 году, а Пасха приходилась на 27 марта в 623. Это противоречие объясняется погрешностью в нашем тексте *Пасхальной Хроники* насчет даты аварского набега на Константинополь, который переставлен на 623 г. вместо 617, как доказал это *Бейнз.* Очевидно, автор хроники в согласии с *Феофаном* помещал выезд Ираклия

ответа сохранил Себеос.[204] — «Любимый богами господин и царь всей земли, рождение великого Ормузда, Хосров — Ираклу, несмышленому и негодному рабу нашему. Не желая отправлять мне рабскую службу, ты называешь себя господином и царем; ты расточаешь мои сокровища, находящиеся у тебя, и подкупаешь моих рабов.[205] Собрав разбойничьи войска, ты не даешь мне покоя. Разве я не истребил греков? Ты говоришь, что уповаешь на своего Бога. Почему он не спас Кесарии, Иерусалима и великой Александрии из рук моих? Неужели ты и теперь не знаешь, что я подчинил себе море и сушу? Разве я теперь не могу подкопать Константинополя? Но я отпускаю тебе все твои преступления. Возьми жену свою и детей и приди сюда. Я дам тебе поля, сады и оливковые деревья, с которых ты можешь жить, а я буду относиться к тебе благосклонно. Да не обманет вас тщетная надежда ваша — Христос, который не мог спасти себя от иудеев, и они убили его, распяв на кресте. Как же он избавит тебя от рук моих? Если ты сойдешь в бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя,[206] и тогда ты увидишь меня таким, каким бы не желал видеть». — Это оскорбительное послание с богохульствами против Спасителя содействовало еще большему ожесточению царя и войска против врага Христова. — В византийском предании нет упоминания об этом письме. Но у Феофана вслед за сообщением о вторичном посольстве к Хосрову, которое он помещает под 8 годом правления Ираклия, приведены, в виде цитаты, такие слова Хосрова: «Я не окажу вам пощады, пока вы не отречетесь от распятого, которого вы называете вашим Богом, и пока не поклонитесь солнцу».[207]

Отправив назад в столицу детей, Ираклий вместе с Мартиной снарядился в путь и 20 апреля выехал в Кесарию Каппадокийскую, где был центр расположения готовой к походу армии.[208] О численности ее византийские источники не дают никаких указаний, а Себеос определяет ее в 120 тысяч человек, цифра слишком высокая по тогдашним условиям войны.[209] Так как целью похода была далекая Персия, то Ираклий должен был оставить значительные силы в тылу, чтобы обеспечить себе сообщение с базой, каковой он, по-видимому, хотел сделать Великую Армению, оторванную от империи еще при Фоке. По всему вероятию, Ираклий нашел возможность еще до начала похода оживить те связи византийского двора с армянской знатью, которые действовали с давних пор. Дело облегчалось тем, что род Ираклия был армянского происхождения. Но наше скудное предание не дает никакого материала для выяснения подготовки к войне в этом отношении. Несомненно лишь то, что Ираклий не встретил никакого сопротивления в Великой Армении. Очевидно, туземное население встретило его, как законного повелителя, восстановлявшего старые отношения, насильственно прерванные персидским завоеванием. Некоторые свидетельства, относящиеся к последующему времени, позволяют утверждать, что Ираклий имел остановку в Феодосиополе, причем в кругозор его политики вошли тогда же церковные вопросы.

Из Феодосиополя Ираклий двинулся в пределы персидской Армении. Центр персидской власти в стране, город Двин, оказал сопротивление. Он был взят и потерпел жестокое разрушение.[210] Такая же судьба постигла и город Нахчаван. В июне месяце Ираклий перешел Аракс и вторгся в персидскую область Атропатену.[211] Так как целью войны была прежде всего месть Хосрову за те бедствия, которые претерпела империя, то стремительный набег войск Ираклия имел характер беспощадного истребления. Города и селения, жители и скот, поскольку ими нельзя было воспользоваться, предавались огню и мечу.

Так как Хосров не допускал, по-видимому, возможности, что Ираклий посмеет осуществить свою угрозу начать с ним войну, то никаких приготовлений в предупреждение вторжения сделано не было, и Ираклий не встречал противодействия в своем стремительном движении на юг.[212] Персидские цари по старому придворному этикету проводили весну в Мидии, и это, очевидно, было известно Ираклию. Здесь была первая резиденция основателя династии Сасанидов, Ардашира, и в ней — главное святилище огня, сооруженное, по преданию, основателем религии персов Зороастром. Византийские хронисты называют этот город Ганзаком, Георгий Писида дает ему имя Δαράστασις.[213] Город лежал на пограничье между областями Атропатеной и Мидией.[214]

на 623 год.

[204] *Себеос,* гл. 26, стр. 101.

[205] Быть может, намек на измену арабов, которые перешли на службу к Ираклию.

[206] Реминисценция из Псалма 139.

[207] *Theoph.* 301., 23-24. — С 6 до 9 года правления Ираклия хронология у Феофана спутана и одно событие передвинуто на целый индикт.

[208] *Pernice,* о. с. р. 122 — заставляет Ираклия ехать морем в Трапезунт. Веские возражения против морского пути сделаны в статье *Gerland' a. Byz. Zeitsch.* III, 345.

[209] *Себеос.* гл. 26, стр. 102.

[210] *Georg. Pis.* Heraclias, 2, 163.

[211] Географический термин «Мидия» обнимал всю горную область к востоку от горных цепей Эльбруса и Загроша до течения реки Аракса. Северо-западная часть этой страны называлась Мидия-Атропатена от фамильного имени Atropates, которое носил один род Ахеменидов, владевший этой страной при Селевкидах. — Ср. *Kiepert.* Lehrbuch der alten Geographie, § 73, стр. 71.

[212] *Georg. Pis.* Heracl. 2, 167-230. — Быстроту набега поэт сравнивает с молнией: ἀλλ' αὐτός ἐλθών ὡσπερ αστραπῆς τάχος (v. 204).

[213] *Rawlinson.* On the Site of the Atropatenian Ecbatana, *Jour, of the R. Ceorg. Soc.* 1841, p. 86, — читает это имя Dar Artesis, т. е. дом Ардашира. — У персидских царей было в обычае давать свое имя как местам, так и людям в виде отличия.

[214] Роулинсону принадлежит честь открытия грандиозных развалин в месте, которое носит имя Tacht-i-Suleiman,

Туда и направил свой поход Ираклий. Передовые отряды его войска, состоявшие из арабов, разбили отряд персидских войск, стоявший на охране города, и весть об этом заставила Хосрова бежать от грозного врага. Любимой его резиденцией был сооруженный им в начале царствования дворец Дастагерд в Ассирии, к северу от Ктесифона. Спешно собравшись в путь, Хосров покинул Ганзак на произвол судьбы и уехал в Дастагерд, для чего он должен был совершить переход через горную цепь, отделяющую Атропатену от Ассирии (Загрош). Старая резиденция Ардашира со святилищем огня досталась после штурма в руки победителя. Ираклий подверг город разгрому, разрушил святилище и потушил священный огонь. То была месть за разрушение Иерусалима. Узнав от пленных о бегстве Хосрова, Ираклий не последовал за ним, а продолжал грабить и разорять окрестную страну.[215] Хосров после бегства из Ганзака отдал приказ Шахрбаразу и Шахину вести войска из Сирии на борьбу с Ираклием. Но как большое расстояние, так и необходимость организовать охрану завоеванных областей замедлили прибытие обеих армий в Персию. Время шло, приближалась осень. До Ираклия дошли слухи, что Шахрбараз прибыл уже с войсками в Нисибин.[216] Ираклий обсуждал с вождями план дальнейших действий. Мнения разделились: одни были за то, чтобы вернуться на зимовку на север, другие считали возможным идти дальше и преследовать Хосрова. Высокое религиозное одушевление, которым был согрет Ираклий и которое он умел передать своей армии, сказалось в той форме, какая была придумана для решения вопроса о дальнейшем направлении похода. Ираклий отдал приказ по армии держать пост в течение трех дней, а затем, собрав войска и выступив перед ними, приказал принести себе Евангелие. Раскрыв его наудачу, он прочел в нем одно место и так как в нем было найдено указание на обратный путь, то и был отдан приказ к отступлению.[217]

С богатой добычей и большим числом пленных — 50 тысяч по сообщению Феофана — армия начала отступление на север, направляясь в Албанию, находившуюся под верховной властью персидского царя. Путь лежал через горные местности, где рано выпал снег, что весьма затрудняло передвижение. Население оправилось от той паники, которую нагнала стремительность вторжения, и Ираклию пришлось выдержать не одно нападение от персидских войск. Армия потеряла всех своих пленных, и Феофан выставляет это обстоятельство, как проявление великодушия и милосердия императора.[218]

На зимние квартиры Ираклий встал в Албании, захватив город Партав, на реке Тертер, южном притоке Куры в ее нижнем течении. Армия провела зиму в области Ути и кормилась грабежом окрестной страны. Население разбежалось и искало убежища в горных ущельях.[219]

Вступив в сношения с кавказскими христианскими народами, Ираклий надеялся усилить свою армию и повторить на следующий год вторжение в Персию; но действительность обманула его надежды, и ему удалось это только через три года после первого успеха. Весь следующий год прошел в маневрах на территории областей восточной Армении. Хосров направил против Ираклия три армии, одну за другой. Подробное и последовательное, хотя в то же время неясное, описание военных действий дает Феофан, сообщения которого существенно дополняет Себеос. — Первым поспел вождь Шахраплакан (Сарабланг ас у Феофана). Он не отважился напасть на Ираклия, но занял горные проходы с целью отрезать для него возможность вторжения в персидские пределы. Дождавшись подкреплений от лазов, абазгов и иверов,[220] Ираклий сделал обход на запад и

т. е. трон Сулеймана, со следами огромного храма. По его определению, здесь был город Экбатана Атропатенская, в отличие от древней Экбатаны, столицы Мидии (Hamadan). Этот город носил позднее у туземцев имя Шиз, а византийцы называли его то Γαζακόν, τά Γαζακά (у Феофана), Κανζάκα — в письме Ираклия (Chr. Pasch. 730, 12). Reclus. Nouvelle Geographie universelle, t. IX (1884), дает на стр. 254 план этих развалин. Географическое положение этого места: 46°9' долготы и 37°22' — широты (от Гринвича). Форма имени «Ганзака» засвидетельствована очень недавно одним вновь открытым эпиграфическим памятником, а именно: греческая надпись с датой 225 года Селевка, т. е. 88 до Р.Х., найденная в Авромане, где, между прочим, читается следующее: ...της ουσης εν κ[ωμ]η Κωπανει την επαναζομενην Γανζακην. Об этой находке кембриджский ученый Миннс делал доклад в одном английском научном обществе и был так любезен сообщить мне дешифрованный им текст и факсимиле надписи.

[215] Изложение *Феофана* — 307, 31-308, 10 — искажено непоправимым образом. Храм огня, разрушенный Ираклием, он помещает в город Θηβαρμαίς и ведет в него Ираклия в походе, имевшем целью преследование Хосрова. *Феофан* отделяет Ганзак от святилища огня, как далеко отстоящие местности, и помещает последний в область Θηβαρμάίς, куда он ведет Ираклия по следам Хосрова. По его сообщению, Ираклий преследовал Хосрова и во время этого преследования разрушил много городов. *Hoffmann.* Auszüge aus syr. Acten pers. Martyrer (Leipzig. 1880), стр. 252, указал на путаницу в тексте *Феофана*, как он сохранился. Θηβαρμαίζ он поправляет на Βηθαρμαίζ, Beith-Armaje, т. е. провинция к западу от Загроша; но Ираклий в этот свой поход туда не ходил.

[216] Эту последнюю подробность сообщает *Себеос.* гл. 26, стр. 102.

[217] *Моисей Каганкатваци.* Ист. Агван, гл. 10, стр. 102. — «Ирак л направил свои набеги по стране атропаканской до места, называемого Гайшаван, в местах укрепленных, тепличных, где персидские государи проводили лето для здоровья, на границах Мидии».

[218] *Theoph.* 308, 22-25.

[219] «Войско греческое в несметном количестве пришло и расположилось в области Ути, близ потока, на границах села Каганкайтук. Оно попрало и опустошило прекрасные сады и поля, через которые проходило. Выступив оттуда, они расположились у потока Трту близ деревни Дютакаия». — *Моисей Каганкатваци.* История Агван, пер. *Патканова,* стр. 102-103. Автор, писавший в X веке, был родом из селения Каганкайтук, откуда и его название.

[220] Что касается иверов, то помощь с их стороны является несколько сомнительной. Хотя по договору с Маврикием Хосров предоставил Иверию императору, но во время войны, которую он начал против Фоки,

затем направился на юг по изобильным припасами местностям.[221] Его противник, желая предотвратить вторжение, был обречен двигаться по трудным горным дорогам, что ослабляло силы его конницы. Скоро, однако, в армии Ираклия началось неудовольствие против вождя за рискованность его плана, в особенности когда стало известно, что Шахрбараз с большими силами вступил в Армению. Ираклий был вынужден приостановить свое движение на юг, обратился против Шахраплакана, разбил его в нескольких стычках и, оставив оба войска персов у себя в тылу, продолжал поход на юг.[222] Между тем, персидские вожди получили известие, что против Ираклия направляется третья армия под начальством Шахина. Рассчитывая разбить его своими силами и не желая делиться славой победы с Шахином, персидские вожди перешли в наступление, нагнали Ираклия и стали лагерем вблизи места его расположения. Ираклий ночью ушел от этого соседства и занял удобную позицию в лесистой местности. Перебежчики внушили персам представление, что Ираклий боится битвы и бежит от них. В уверенности, что Ираклий уклоняется от битвы в сознании своей слабости, персы стали его преследовать, но он отразил нападавших, обратил их в бегство, и во время отступления пал вождь Шахраплакан. В эту пору в театр военных действий подоспел Шахин со своей армией. Ираклий находился в это время близ города, который наше предание называет «второй Тигранокерт», в области Гардман в провинции Ути.[223] С одной стороны от места расположения его армии стояли войска Шахрбараза, а с другой — Шахина. Не дав им соединиться, Ираклий напал на Шахина, разбил его и овладел его лагерем.

Этот успех не обеспечил, однако, положения Ираклия, и когда Шахрбараз и Шахин соединили свои силы, Ираклий отступил и направился в горные местности, заселенные гуннами,[224] т. е. в сторону Кавказских гор. Персы следовали за ним. В армии Ираклия началось брожение, и лазы с абазгами, которые оказались теперь близко от родины, покинули своего союзника и ушли в свои земли. Армия Ираклия была в критическом положении, и в речах, которыми он старался подбодрить настроение своих соратников, он говорил уже о венцах мученичества. Был момент, когда враги встретились как бы для битвы, но простояли друг против друга целый день, не начав боя. Ираклий стал уходить на запад, чтобы выйти из пределов персидской Армении, где положение его противника было лучше ввиду поддержки со стороны местного населения.[225] Персы следовали за ним. В этих маневрах прошло лето и настали холода. Значительным эпизодом военных действий этого года была победа Ираклия над Шахрбаразом. Была уже зима и войска располагались на зимние стоянки. Шахрбараз находился в городе Арчеше (на северном берегу озера Ван). Отобрав лучших всадников из своего войска, Ираклий уничтожил передовой охранный отряд и, напав ночью на город, поджег его со всех сторон. Шахрбараз бежал, вскочив на первого попавшегося коня, и оставил в руках победителя все свое личное имущество и в числе его богатое золотое оружие.[226] Войска Шахрбараза были расквартированы в области Агиовит, куда он и направился.[227]

Военные действия Ираклия в кампанию 624 года выставлены, в изложении Феофана, как ряд побед; но даже из его повествования ясно, что Ираклий только удачно маневрировал, отбивался от персов, был оттеснен от персидской границы, покинут кавказскими союзниками и вынужден отступить. Перезимовав в армянских

Иверия вновь подчинилась персам. Царь Стефан I, утвержденный в своем сане императором, верно служил Хосрову и был казнен хазарами после взятия ими Тифлиса в 628 году. См. *Brosset.* Hist, de la Géorgie, I, 224. — Ср. *Пахомов.* Монеты Грузии. *Зап. Нум. Отд. Р. Арх. Общ.*, I., вып. 4, стр. 28; *Marquait*, Streifzüge, 400-401, прим.

[221] *Theop.* 312, 20-25.

[222] *Феофан.* 309, 29 — ведет Ираклия «против Хосрова», т. е. на юг. Более вероятно, что Ираклий потерял уже тогда надежду пробиться в Персию и направился на север.

[223] *Macler* в прим. к своему переводу Себеоса. стр. 82, прим. 1 — «близ Иверии, называлась также Aparner».

[224] *Герланд* в своем весьма тщательном этюде о войне Ираклия с персами допускает возможность, что Ираклий ушел на север в страну сабиров, стр. 354, прим. 4. Предположение совершенно недопустимое. Наиболее простым и вероятным изъяснением свидетельства *Феофана* является предположение, что это была область Сакашен, или Шакашен в пределах провинции Ути, в северной ее части. Имя этой области объясняется тем, что она была заселена переселенцами с севера, саками, старый термин, обозначавший кочевые племена, вторгшиеся на юг. Война шла на территории Армении и с участием армян, и местные условия не могли оставаться неизвестными Ираклию. Термин «гунны» обнимал для византийцев всех степных кочевников, как некогда термин «скифы». О насильственном водворении гуннов-сабиров в пределах римской власти сохранил свидетельство *Менандр* fr. 44, p. 242 b (Müller) в рассказе о событиях 576 года и сношениях Тиверия с сабирами и албанцами. Но та территория, где были поселены сабиры, указана на правом берегу реки Куры. Вряд ли можно предполагать, что Ираклий доходил до тех мест. Область Сакашен соответствует местностям округа нынешнего города Елисаветполя. Где бы ни жили те гунны, в землю которых вступил Ираклий, остается совершенно недопустимым, чтобы он переходил через Кавказский хребет. К крайнему своему изумлению я увидел, перечитывая интересную и остроумную статью *Маркварта* о Чаталарской надписи (*Изв. рус. арх. Инст. в К-поле,* XV), что почтенный исследователь готов, как и *Герланд,* вести Ираклия через горы в северный Дагестан. Непонятно мне и то, почему *Маркварт* называет кавказских гуннов эфталитами и отдает их властителю город Варачан. Эфталиты (кушаны-армяне) жили в соседстве с северо-восточными областями персидской державы и никакого отношения к Кавказу не имели.

[225] *Себеос.* гл. 26, стр. 103 — намечает путь Ираклия, называя области Нахчаван, Багреванд, Апагуник.

[226] *Theoph.* 312, 1-3; *Себеос.* гл. 26, стр. 103-104. — Имя города дано у *Себеоса; Феофан* называет его τό χωρίον Σαλβανῶν.

[227] *Себеос* опускает описание военных действий с этого момента и дальнейший рассказ ведет уже о походе осенью 627 года.

областях к северу от озера Ван, он поспешил начать поход раньше, чем Шахрбараз мог оказать ему противодействие. Путь на запад к Евфрату был для него открыт в двух направлениях: через Таруберан, «более короткий и удобный», и другой, который выходил на верхнее течение Тигра. Хотя этот последний являлся более трудным, но местности, по которым он пролегал, были надежнее в смысле возможности прокормиться, и Ираклий избрал это направление. Сняв войска с зимних стоянок, он выступил в поход 1 марта. С большими затруднениями, пробиваясь через снега, армия в 7 дней прошла через горный хребет и вышла на Мартирополь, откуда прошла в Амиду. Здесь Ираклий сделал остановку и послал оттуда в столицу отчет о своих военных успехах.[228] Шахрбараз, собрав свои войска с зимних стоянок, двинулся вдогонку Ираклию. Чтобы предупредить возможность нападения, Ираклий занял горные проходы и сам с лучшими силами пошел навстречу Шахрбаразу к востоку от своих позиций.[229] Но Шахрбараз уклонился от встречи с противником и, обойдя стоянки Ираклия, прошел на Евфрат, чтобы занять переправу и уничтожить мосты. Осведомленный о действиях противника, Ираклий перешел через реку Нимфий, вышел на Евфрат, переправился через него вброд, достиг города Самосаты и двинулся дальше на Германикею. Шахрбараз восстановил переправы на Евфрате, перевел свои войска на правый берег и следовал за Ираклием. Из Германикеи Ираклий направился в Киликию и, пройдя город Адану,[230] перешел через реку Сар и укрепил свой лагерь на правом берегу этой реки поблизости от моста, на котором выставил охрану и поставил башни. Шахрбараз занял левый берег Сара. Близость неприятеля соблазняла воинов Ираклия: они переходили через мост, делали наезды на персов и причиняли им большой урон. Император запрещал эти наезды, опасаясь, что, в случае неудачи, мост может оказаться в руках неприятеля. Но солдаты не слушались и продолжали свои вылазки. Этим воспользовался Шахрбараз. Устроив засаду, он выманил храбрецов притворным бегством и, увлекши их в преследование, сделал обычный маневр неожиданного поворота лицом к неприятелю, разбил и рассеял противника. Персы бросились на передовые посты, стоявшие на охране башен моста, смяли их и были уже на самом мосту. В этот критический момент Ираклий сам бросился на защиту моста. Он сбил с коня и сбросил в реку огромного человека, который попался ему навстречу, выехал на другой берег с храбрым отрядом, долго бился, осыпаемый тучей стрел, и своей храбростью привел в восторг Шахрбараза. Его похвалу слышал один перебежчик по имени Козьма. Битва длилась до заката солнца. Ираклий получил много ран, но ни одной опасной для жизни. В ту же ночь Шахрбараз покинул свои позиции, а Ираклий вскоре двинулся в Севастию и, перейдя реку Галис, остался в тех местах на всю зиму.[231]

Наш единственный источник, сохранивший последовательный рассказ о военных событиях в течение 624 и 625 годов, Феофан, держит в своем повествовании тон прославления успехов Ираклия.[232] Но конечный результат, т. е. отступление Ираклия в припонтийские области, выставляет дело в ином свете. Ираклию не только не удалось повторить своего вторжения в Персию, но он был вытеснен из областей, отвоеванных персами от империи. Такой исход смелого предприятия Ираклия персы могли рассматривать как блестящую победу над ним. За ними остались все завоевания, сделанные Шахрбаразом и Шахином, и эти области успели войти в более тесную связь с персидским царством, так как монофизитская церковь, освободившись от того гнета, который она раньше терпела от господствующей православной, нашла в персидском правительстве поддержку и невозбранно господствовала по всем областям Месопотамии и Сирии. В сознание достигнутых успехов Хосров простер свои завоевательные замыслы на столицу империи. Война с Ираклием, которую вел в течение двух лет Шахрбараз, была поручена Шахину, под начальство которого была поставлена вновь сформированная армия с присоединением к ней 40 тысяч из войск Шахрбараза. Сам Шахрбараз должен был идти на Босфор, чтобы там, завязав сношения с аварским ханом, разгромить при его помощи Константинополь. — Таково сообщение Феофана.[233]

Смелый замысел Хосрова не остался тайной для Ираклия, который находился в ту пору в приморских местностях области Понта. После трехлетней кампании его армия нуждалась в пополнении. Этим важным делом он должен был заняться со второй половины 625 года. Поддерживая живые сношения с магистром Воном, Ираклий давал ему, по свидетельству Георгия Писиды, свои указания относительно мер для усиления обороны столицы на случай нашествия аварского хана, и нашел возможность отправить в столицу значительный отряд армян для усиления гарнизона.[234] Преследуя выполнение своего военного плана, выработанного в Иерии еще в

---

[228] *Theoph.* 312, 30.

[229] Изложение *Феофана* является путаным вследствие неясности представлений автора о географических условиях страны, в которой происходили военные действия. Особенно сомнительным является вторичный переход через реку Нимфий, так как Ираклий был уже в Амиде, т. е. много западнее Мартирополя, расположенного на притоке Нимфия (ныне Батман-су), который носил у греков название Νικηφόριος (ныне Фаркин-су).

[230] *Рамзай.* Geogr. of Asia Minor, 278, n. §, предлагал изменить имя Адана на Адата (Hadath); но эту поправку справедливо отверг *Бейнз.* The date of the Avar surprise. *Byz. Zeitsch.* XXI, 116.

[231] *Theoph.* 312, 19-31, 23.

[232] *Моисей Каганкатваци* дает верное представление об этих событиях: — «Хотя персидские войска потерпели сильные поражения, однако, отразили преследователя и загнали его, завладев его городами, которые насильно отняли от него» (стр. 103).

[233] *Theoph.* 315, 2-6.

[234] *Georg. Pis.* Bel. Avar. 266.

622 году, Ираклий предоставил войну с Шахином своему брату Феодору, под начальство которого были поставлены достаточные силы, а сам с испытанными в боях сподвижниками, вероятно, еще летом 626 года, отправился морем в Лазику, или Колхиду, область течения реки Физида (Рион). Сухопутный путь в Лазику представлял немалые затруднения даже при прежних отношениях, тем более теперь, когда персы отвоевали армянские области. По всему вероятию, Ираклий совершил переезд из Трапезунта. Никифор, который в своем кратком описании военных событий опустил предшествующие четыре года кампании, начинает свой рассказ о походе против Хосрова с прибытия Ираклия в Лазику и ведет его туда морем.[235] Это сведение заслуживает доверия.

ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ АВАРАМИ. ПОРАЖЕНИЕ ШАХИНА. ОСЛАБЛЕНИЕ АВАРСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Весной 626 года Шахрбараз прошел с войсками через Малую Азию до самого Босфора, взял Халкидон и расположил свой лагерь на побережье. Этот поход был предпринят по предварительному соглашению с аварским ханом, которое, по тогдашним условиям, могло состояться не иначе, как при посредстве славян и благодаря тому, что персы владели в ту пору значительной линией морского побережья и имели под своей властью опытное в морском деле население покоренных восточных провинций и Египта. Персы не сумели использовать эти благоприятные условия, как позднее сделали это арабы; но в нашем предании есть след того, что персы предпринимали морские походы. Помимо сообщения Себеоса, приведенного выше, мы имеем свидетельство сирийского летописца с точным указанием даты события, а именно: в 623 году персы сделали морской набег на остров Родос, причем было увезено в плен много людей и в числе их местный стратиг.[236] Что касается славян, то они, придвинувшись к морю в первые десятилетия седьмого века, совершали на своих однодеревках грабительские набеги на побережье и острова Эгейского моря. Под тем же 623 годом у того же сирийского летописца записано сообщение об ограблении славянами острова Крита. Полная достоверность этого события подтверждается сообщением, что в числе погибших от славян на Крите было 20 монахов из города Кеннешрина близ Евфрата.[237] Если славяне в 623 году могли покушаться на такой далекий остров, то несомненно, что они уже в течение многих лет развивали свою привычку к морю в грабеже и разорении побережья и более близких к материку островов. Византийское летописное предание не сохранило никаких свидетельств об этом тяжком бедствии западных областей империи. Но в агиографическом материале есть один памятник, а именно: «Чудеса св. Димитрия», патрона города Фессалоники. Автор этого произведения дает живые картины тех тревог и опасностей, какие приходилось переживать населению от нашествия славян и аварского хана. Описанию двух осад, которые город претерпел после той, которая случилась еще в правление Маврикия,[238] автор предпосылает скорбное сообщение о том, что славяне в своих морских набегах грабят и разоряют «всю Фессалию, расположенные около нее острова, а также Киклады, всю Ахайю, Эпир, большую часть Иллирика, часть Азии».[239] Точно также и Феодор Синкелл в своем «Слове на избавление Константинополя от аваров» в 626 году свидетельствует, что хан после отъезда Ираклия на восток «наполнил море и сушу дикими племенами, для которых жизнь — война», собирал дружины славян и направлял их на разные предприятия на суше и море, строил осадные машины разных типов и умножал свою военную силу.[240]

Так как персы в то время не чуждались моря, а славяне, под эгидой хана, свободно хозяйничали на море, то весьма вероятно, что Шахрбараз мог завязать через славян сношения с аварским ханом для совместного похода на столицу империи. Хан принял вызов и стал готовиться к походу, имевшему целью захват столицы. По слухам о его военных приготовлениях, к нему был отправлен послом патриций Афанасий.

В письменных сношениях с магистром Воном Ираклий давал указания касательно усиления оборонительных средств города, и Георгий Писида в своей поэме *Bellum Avaricum* перечисляет меры, которые рекомендовал император: расчистка доступов к городской стене, углубление рвов, устройство палисадов, сооружение метательных орудий, заготовка снарядов, снаряжение военных кораблей и, наконец, сооружение новой стены.[241] По-видимому, это последнее относится к храму Богоматери во Влахернах. Хотя Влахерны издавна входили в черту города и составляли 14-й регион, но они оставались открытым предместьем, и стена Феодосия оставляла их вне города. Так как из описания осады видно, что Влахернский храм Богоматери не подвергался опасности во время осады, то, очевидно, что возведение этой стены было предпринято именно в это время ожидания нашествия хана. Сооружение было сделано наскоро, и через год после того укрепления были усилены, о чем и сохранилась

---

[235] *Niceph.* 15, 12. — Среди совершенно нелепых и путаных подробностей о походе Ираклия в Персию патриарх *Евтихий* сохранил свидетельство об организации этого похода из Трапезунта. *P. G.* 11, 1087 (231).

[236] *Chr. min.(Scr. Syri.* IV), 113; *Mich. Syr.* XI, 3, 408 (первый год геджры). — В летописи *Ильи Нисибинского* это событие отнесено к 6 году геджры, 938 г. «греков», т. е. 627 г. *Scr. Syri.* VII 62, 20.

[237] *Chr. min.* ib.

[238] См. т. II.

[239] Míracula S. Demetrii, *Acta Sanct.* Aprilis, IV, p. 162.

[240] *Theodorí* hom. 6, 17-27.

[241] *Georg. Pis.* Bel. Avar. 269-276; 280; *Theod.* hom. 7, 10-8, 1 — Τείχη γάρ ώχύρου καί πάντα τά προς πολεμικήν χρείαν έξήρτυε (Bonus).

запись в Пасхальной Хронике.[242] Ираклий нашел возможность прислать отряд армянских войск для усиления гарнизона столицы, а также мастеров для сооружения машин и других специальных работ. Под руководством Вона спешно шли работы при единодушной помощи со стороны населения.

Город жил в напряженном ожидании нашествия. Большое многолюдство, вызванное экстренными работами, а быть может и другие неизвестные нам причины, вызвали в мае месяце повышение цены на хлеб. Вина этого бедствия была приписана заведовавшему хлебной казной Иоанну Схиму.[243] И вот 14 мая схоларии и толпа народа ворвались в храм св. Софии, нарушили громкими криками течение церковной службы и требовали смещения виновного сановника. Патриарху удалось удалить толпу и закончить богослужение. На следующий день повторились те же беспорядки в еще более резкой форме. Патриарх и высшие чины обращались к толпе с амвона с увещанием, и префект претория взял на себя обязательство восстановить прежнюю цену на хлеб.[244]

Время шло в тревожном ожидании предстоящих бедствий. Патриарх Сергий поднимал религиозное настроение населения всенародными молениями и ночными бдениями. На всех воротах сухопутных стен, по его приказанию, был написан образ Богоматери с предвечным Младенцем на руках.[245]

Сначала, по-видимому, около середины июня, появились персы на азиатской стороне Босфора. Захватив Халкидон, они заняли берег своими военными силами и подвергли жестокому опустошению окрестности, жгли селения, дворцы, храмы и монастыри.[246] В день Петра и Павла (29 июня) передовой отряд хана, числом до 30 тысяч человек, подошел к Долгой стене, и хан сам известил столицу через посланного, что он займет как саму стену, так и местности внутри нее. Конные отряды византийской армии, стоявшие на передовых постах, в тот же день стянулись в город (то было воскресенье). Передовой отряд аваров, перейдя Долгую стену, расположился в селении Мелентиады (поблизости от города Афиры, ныне Буюк-Чекмедже) на пути к Силимврии. Аварские дозоры рыскали по окрестностям, появлялись перед городской стеной и навели такой страх, что никто не выходил из города. Так прошло десять дней. Аварские разъезды перестали появляться в виду города. Воспользовавшись этим затишьем, конюхи солдат под охраной конного отряда с присоединившимися к ним селянами, вышли за десять миль от города собрать жатву в одном имении. Отряд наткнулся на неприятеля и выдержал с ним серьезную стычку, защищая конюхов и селян. Вскоре после того отряд аваров в тысячу человек выехал на высоты по ту сторону Золотого Рога и, встав поблизости от церкви Маккавеев, сигнализировал огнем персам. Те ответили на сигнал таким же способом из Хрисополя (Скутари).[247]

Около того времени в Константинополь вернулся отпущенный ханом из Адрианополя Афанасий, исправлявший посольство к нему по поручению регентов. Хан прислал его с поручением узнать, за какую сумму город готов откупиться от его нашествия. Но Афанасий застал город в полной готовности дать отпор хану, видел на смотре 12 тысяч конного войска и убедился в бодром настроении населения.

Он отправился к хану с ответом, что по существующим в договоре обязательствам хан не имеет права приближаться к городу. Хан не принял Афанасия и грозился завоевать город.

29 июля, во вторник, население Константинополя увидело со стен несметные полчища хана, которые заполнили все пространство от моря до моря. По словам Феодора Синкелла, хан хотел этим зрелищем лишь навести ужас на город грозным видом своего воинства.[248] Огромная рать хана состояла, кроме аваров, из болгар, гепидов и в огромном большинстве — из славян. Последние делились по вооружению на два разряда: легковооруженных и панцирных. Патриарх Сергий старался ободрить население, внушая надежду на помощь свыше. Он совершил крестный ход вдоль стены с иконами Богоматери и Нерукотворного Спаса в сопутствии огромного числа членов клира и монахов. Такие же крестные ходы он продолжал и в следующие дни, когда началась осада.

30 июля воинство хана начало распределяться на позициях по всей линии стены города от Золотого Рога до Пропонтиды. Несмотря на свой явно враждебный образ действий, хан потребовал от города присылки провианта, и это требование было исполнено от имени молодого императора в виде личной любезности хану.[249] Ему было доставлено вино и разные пряности.

---

[242] *Chron. Pasch.* 726, 14-15. — Позднейшие сооружения, особенно от времени Мануила Комнина, охватили гораздо более широкое пространство, и стена Ираклия может быть лишь намечена в одном месте к северу от храма. См. *van. Millingen.* Byz. Const. 164 сл. *Никифор,* 18, 9, упоминает προτείχισμα Βλαχερνών, - значит, была и стена, τείχος.

[243] Когда и как была восстановлена хлебная раздача после кризиса 618 г., об этом нет известий.

[244] *Chr. Pasch.* 715, 9-716, 8.

[245] *Theod.* hom. 7, 14-32.

[246] Ib. p. 8. 31 — πρῶτος δε τοῦ πορπολεῖν ὁ ἐκ ανατολῶν ἀπήρξαιο βάρβαρος, ὁ τῆ γείτωνι πόλει τῆ Καλχηδόνι πανστρατιά προσκαθήμενος. *Chr. Pasch.* 716.

[247] Этот древний способ сигнализации, упомянутый в трагедии Эсхила «Персы», оставался в употреблении в армии времени Юстиниана. Анонимный автор Стратегики, Griechische Kriegsschriftsteller, *Köchly* und *Rüstow,* II, отводит целую главу этому важному по тем временам способу осведомления о наступлении неприятеля: VIII, p. 62-64. Позднее, в пору непрерывной войны с арабами и ежегодных вторжений в пределы империи их конных ополчений в определенные сроки зимы и лета, на линии от Тарса до Константинополя было восемь пунктов, сигнальные огни которых немедленно оповещали столицу о выступлении арабов. — См. *Const. Porphyr.* De cerim. p. 492, где дано точное перечисление сторожевых пунктов.

[248] *Theodori* horn. 9, 20-28. Ср. *Georg. Pis.* b. Av. 177 сл.

[249] Ib. 9, 30-36.

Самое высокое место по линии стены и спуск в долину Лика от ворот Полиандра (Харизия) до ворот Романа (Τοῦ Πέμπτου) занял сам хан с лучшими своими силами.[250] Дальше к югу до Пропонтиды расположились славяне. Вечером третьего дня началась установка метательных орудий, продолжавшаяся и весь следующий день. Орудия, как то было принято, прикрывались сырыми кожами в предупреждение возможности поджога. На своих позициях хан установил 12 осадных башен, которые высотой сравнялись с зубцами городской стены. На третий день, 31 июля, шла усиленная перестрелка со стены с целью помешать неприятелю в его приготовлениях (если можно так понять не вполне ясный текст Феодора). Тогда же произошла упорная битва близ храма Богородицы у Источника, неподалеку от Золотых Ворот, в которой славяне понесли большие потери.[251]

Пользуясь знакомством славян с морем, хан задумал осаду не только с суши, но и с моря. В обозе, сопровождавшем воинство, привезено было множество лодок, и хан распорядился спустить их на реку Варвисс, впадавшую в Золотой Рог, и в мелких местах северной части Рога, куда не могли проникнуть глубоко сидевшие военные суда имперского флота. Эскадра имперских судов вошла в Золотой Рог, вытянувшись в линию от Влахерн до предместья, носившего имя «Источник» (Пиги), и церкви св. Конона, к западу от нынешней Галаты. Ханские отряды заняли также побережье Босфора к югу от Сосфения и захватили гавань Хелы, имея ввиду устроить оттуда сообщение с персами. В приготовлениях к штурму города и спуске лодок прошли еще два дня, пятница и суббота.

Вечером в субботу, 2 августа, хан потребовал прислать к нему посольство для переговоров, что и было исполнено. Посольство исправляли четыре патриция, с Георгием во главе, и синкелл Софийского храма Феодор, описавший впоследствии эту осаду в патетическом Слове, которое дошло до нас. Прием посольства имел для него унизительный характер. Хан восседал на троне, рядом с ним сидели три знатных перса в шелковых одеждах, а послы императора должны были стоять перед ними. В гордой речи хан заявил послам о своем союзе с персами и, указывая на грозящую столице гибель, требовал безусловной сдачи. Он предлагал жителям выйти, сохраняя на себе лишь рубашку и верхнее платье: «Вы не можете, — говорил он, — обратиться ни в рыб, чтобы спастись в море, ни в птиц, чтобы улететь в небо». Послы выражали готовность вести переговоры о размере выкупа, но хан твердо стоял на требовании безусловной сдачи города и отпустил послов ни с чем.[252]

В ту же ночь персидские послы были отправлены назад в Хрисополь на двух лодках из гавани Хелы. Но обе лодки были захвачены, и одна из них — вследствие предательства рулевого. Голову одного из послов подбросили на следующий день в персидский лагерь с письмом, извещавшим Шахрбараза, будто хан заключил с императором мир и выдал послов. Другого перса с отрубленными руками и подвязанной головой третьего отослали в стан хана.[253]

В воскресенье, 3 августа, хан, еще не зная о гибели послов, выехал из Хелы, чтобы наблюдать за спуском лодок, которые должны были перевезти вспомогательный отряд персов из Хрисополя. Корабли имперского флота держали охрану пролива, но ночная темнота позволила славянам обмануть бдительность сторожевых судов и переправиться на азиатский берег.[254]

В течение трех последующих дней шли, по свидетельству Феодора, непрерывная перестрелка и попытки штурма по всей линии обложения города, а также и с моря на подплывавших лодках славян. Осаждавшие страдали при этом в гораздо большей степени, чем защитники, и кучи варварских трупов оставались на местах, где шел штурм. Защитники не терпели существенных потерь, хотя и среди них было немало раненых.[255] Хан, окруженный панцирными всадниками, сигналил с высокого места на северном берегу Рога персам. С особенным ожесточением штурм шел по всей линии в девятый день и не прекратился и ночью.

На 7 августа, в четверг, десятый день осады, хан назначил общий штурм города с суши и с моря. В глубине Золотого Рога было собрано множество судов и лодок, на которые были посажены панцирные воины. Большинство составляли славяне, но были также и болгары.[256] Вся эта флотилия должна была двинуться к городу по сигналу с мыса близ Влахерн, называвшегося «Крыло» (Πτερόν), сделать приступ со стороны Золотого Рога и оказать тем поддержку штурму с суши по всей линии стены. План хана был выдан Вону, и он принял свои меры. Вдоль обоих берегов Золотого Рога у Влахерн были расставлены готовые к бою диеры и триеры. Когда все было готово, был дан сигнал огнем с условленного места. Флотилия, принимая этот огонь за условный сигнал хана, двинулась всей своей массой к Влахернам. Византийские военные корабли атаковали врага с двух сторон, громили его из орудий на палубах, опрокидывали лодки, топили людей, и в короткое время кили опрокинутых славянских судов и плавающие трупы погибших представляли, по словам очевидца, зрелище суши на волнах Золотого Рога.[257] Армянский отряд вышел из Влахерн и поджег ограду церкви св. Николая. Спасшиеся от крушения, плававшие во множестве среди трупов и разбитых лодок, приняли этот огонь за условный сигнал хана

---

[250] Ворота Харизия называются ныне Эдирне-капусси, т. е. Адрианопольские.
[251] Ib. 9, 32-10, 12. Ср. позднейшие описания этой осады. — *Patr. Gr.* 92, 1349; 1357.
[252] Подробный рассказ о посольстве с приведением речей — *Chron. Pasch.* 721, 3-722, 15.
[253] *Chron. Pasch.* 722, 14-723, 15.
[254] Ib. 724, 8 — с этого места в тексте хроники есть пропуск, соответствующий событиям 5, 6 и 7 августа, отмеченный впервые *Васильевским. Виз. Врем.* III (1896), стр. 71, прим.
[255] *Theod.* hom. 12, 22-27.
[256] Эта подробность сохранена *Георгием Писидой.* Bel. Av. 409.
[257] *Theodori* hom. 15, 35-37.

и устремились к этому месту берега.[258] Но их встречали воины армянского отряда и нещадно избивали. Некоторые подплывали к подножью того холма, с которого хан наблюдал картину крушения славянского флота. В бешенстве за постигшую его неудачу, хан приказал избивать тех, кому удавалось выбраться на берег. Спаслись лишь те немногие, которые выплывали на другой берег Золотого Рога и, выбираясь из воды, укрывались в поросших лесом возвышенностях.[259] Весть о полном разгроме флота облетела город, подняла настроение защитников, дошла до осаждавших, и славяне не только приостановили штурм, но и стали покидать окопы. Защитники открыли ворота, сами перешли в наступление, преследуя отступавших. К воинам присоединились женщины и дети.[260]

Хан не имел уже возможности восстановить порядок в своем расстроенном воинстве, понесшем столько потерь. Выставив сторожевой отряд аваров, он в ту же ночь отдал приказ снять кожи с орудий, откатить их от стен, разобрать палисады, разрушить башни и сжечь весь этот огромный материал. Странное зарево осветило весь город. Пожар длился всю ночь, и дым разносило по всему городу. Персы, видевшие зарево над городом, полагали, что город взят, и радовались успеху своего союзника, который справился и без их помощи.[261]

Несмотря на полную очевидность своего поражения, хан начал переговоры. Но магистр Вон ответил, что он не уполномочен вести их, так как из Азии идет с войском брат императора Феодор, который вскоре переправится через пролив и будет преследовать хана до границ его владений. Хан заявил, что он вынужден отступить ввиду затруднений продовольствовать свое воинство и грозил вернуться опять с новыми силами, чтобы отомстить за свою неудачу. Началось отступление под охраной арьергарда, который, раньше чем покинуть свои стоянки, жег и уничтожал все уцелевшие постройки в окрестностях города. Из городских зданий в огне погибли две церкви: св. св. Козьмы и Дамиана и св. Николая.[262] В отступавшем воинстве хана было множество раненых и свирепствовала большая смертность, как стало то вскоре известно от перебежчиков.[263] В течение многих дней вытягивали на берег лодки славян и трупы утонувших и сжигали. При этом выяснилось, что у славян женщины принимали участие в войне вместе с мужьями, так как оказалось много женских трупов.[264]

Когда для персов выяснилась истина о полной неудаче хана и его отступлении с разбитыми остатками его воинства, Шахрбараз покинул свои стоянки и увел войска в Сирию.[265]

Население столицы торжествовало свою победу, и общий голос приписывал спасение от страшной опасности защите свыше. Пресвятая Богородица сама спасла свой город. Современник, описавший это событие в Пасхальной Хронике, занес в свой рассказ сообщение, будто аварский хан еще во время осады говорил, что он сам видел, как какая-то женщина в великолепном одеянии ходила одна по стене города.[266] Феодор Синкелл в своем восторженном «Слове» приписывает победу на море самой Богородице: грозный вид варварского флота привел моряков в смятение и они готовы были отступить под напором неприятеля, но сама Богородица «проявила свою мощь и силу, не как Моисей жезлом раздвинул и затем сомкнул Чермное (Красное) море, но мановением и единым хотением повергла в море колесницы Фараона и его силу и покрыла волнами всех».[267] В память чудесного спасения столицы был установлен обычай читать 8 августа в церквях «Краткую историю о нашествии персов и аваров». Таково свидетельство древнейшего пергаменного синаксария месяца августа, хранящегося в Венской Королевской Библиотеке. В патмосском синаксарии, рукописи IX века, под 7 днем августа читается следующее: «Справляется лития во Влахернах против варваров. И память о нашествии варваров, когда они молитвами Пресвятой Богородицы были потоплены в заливе (ἐν τῷ λάκκῳ)».[268] Во всех изложениях истории Византии со спасением столицы от нашествия аваров связывается возникновение великолепного вдохновенного гимна во славу Пресвятой Богородицы, носящего название Акафиста, который положено читать в пятницу шестой недели Великого Поста. Этот обычай перешел к нам на Русь, и Акафист Богородицы послужил образцом для многих подобных гимнов последующего времени. В поисках автора Акафиста Богородице многие видные ученые останавливались на патриархе Сергии, хотя в предании нет на то указаний.[269] Но в недавнее время появились два исследования, которые дали новое решение старому вопросу. Известный византинист Попандопуло-Керамевс на

---

[258] *Chr. Pasch.* 724, 11-15.
[259] *Theodori* hom. 15, 39-40.
[260] Ib. 16, 7-18.
[261] Ib. 17, 14-20.
[262] *Chr. Pasch.* 725, 18-20.
[263] *Theod.* hom. 16, 5-8.
[264] *Niceph.* 18, 22.
[265] *Theod.* hom. 17, 22-27. — Таково свидетельство очевидца. У *Феофана* (316, 26) Шахрбараз остается на зимовку в Халкидоне, грабит и разоряет окрестности. — Интересно отметить, что в сирийских источниках осада Константинополя аварами превратилась в осаду его персами. *Mich. Syr.* XI 3, 408-409. Вожди Шахрбараз и Кардариган переправили войска во Фракию и в течение целого года безуспешно вели осаду. В изложении патриарха *Евтихия* — *Annales*, P. G. 111, 1086 (227), — сам Хосров в течение шести лет держит Константинополь в осаде.
[266] *Chron. Pasch.* 725, 9-11.
[267] *Theod.* hom. 15, 17-35. — Ср. 9, 37-10, 12.
[268] *Пападопуло-Керамевс.* Акафист Божьей Матери, *Виз. Врем.* X (1903) 269. Ср. *Дмитриевский.* Описание литург. рукоп. 1, 101 — с указанием даты: κατά τούς καιρούς' Ηρακλείου τοῦ βασιλέως καί Σέργίον πατριάρχον.
[269] *Krumbacher.* Gesch. der. byz. Literatur, 2-te Aufl. 671-672.

основании точного анализа свидетельств предания об Акафисте Богородицы доказал, что нет никаких оснований возводить обычай чтения Акафиста в указанный день ко времени Ираклия. Чтение Акафиста было связано с воспоминанием о нескольких осадах Константинополя, а именно: при Ираклии, Константине IV и Льве Исавре. Самый день чтения был сначала передвижной и закреплен лишь при патриархе Фотии. По мнению П. Керамевса, самое поминовение осады было установлением Фотия в связи с пережитой в его патриаршество осады Константинополя русскими в 860 году. П. Керамевс готов признать автором Акафиста Фотия. Крыпякевич, остановившись в своем исследовании на содержании и характере самого текста Акафиста, сделал весьма вероятным положение, что Акафист был творением величайшего христианского поэта и гимнографа — Романа Сладкопевца, с добавлением к первоначальному тексту кондака «Взбранной воеводе». Это добавление было вызвано новым назначением Акафиста, не имевшего вовсе цели благодарения за спасение столицы империи от пережитых ею опасностей.[270]

Счастливый исход осады Константинополя аварами не был единственным успехом во внешних отношениях империи за 626 год. В том же году одержал блестящую победу над персами брат императора Феодор. К сожалению, сведения об этом событии, сохраненные преданием, исчерпываются скудной заметкой в хронике Феофана, который не отметил даже и места, где была одержана эта победа. Хосров поручил, как было уже указано, войну с Ираклием Шахину. Ираклий предоставил командование в пределах Малой Азии Феодору, а сам со своей армией удалился в Лазику. Где и как произошла встреча персов с войсками Феодора, остается неизвестным. Феофан упоминает лишь о блестящей победе, которая была одержана при особых обстоятельствах: над персами разразилась гроза, а над войсками Феодора сияло солнце. О Шахине он сообщает, будто тот от огорчения впал в болезнь и вскоре умер; а Хосров проявил свою жестокость тем, что потребовал присылки к нему трупа умершего, и подверг его всякому бесчестью.[271]

В ту пору, когда столица империи ликовала о своем спасении, император находился в далекой кавказской области и готовил новый удар Хосрову. Патриций Вон, благополучно справивший свой тяжкий подвиг управления государством в отсутствие государя, недолго пережил свою победу над ханом. 11 мая следующего 627 года он скончался и был погребен в храме Иоанна Предтечи в Студийском монастыре.[272] За его смертью регентство при малолетнем императоре осталось в руках одного патриарха Сергия.

Осада Константинополя была для аварского хана последним крупным предприятием. Неудачный исход ее имел своим последствием ослабление его власти над подчиненными ему племенами. Процесс разложения созданной аварами державы начался еще раньше 626 года. За три года до того в пределах нынешней Чехии возникло первое славянское государство, сумевшее отвоевать себе свободу от аваров и организоваться самостоятельно. Во главе этого движения против насильников стоял Само, которому наше предание приписывает франкское происхождение. Отбившись от аваров и изгнав их из пределов племен, которые он сумел объединить под своей властью, Само удачно справился и с франками, столкновение с которыми было вызвано обидами купцам, являвшимся к славянам из державы Дагобера. К сожалению, наши сведения о судьбе Само и его царства исчерпываются скудными данными, сохраненными франкским летописцем Фредегаром.[273]

Через несколько лет после того, как Ираклий был на высоте своей славы и водворял Крест в Иерусалиме, у аваров была тяжкая междоусобная война со славянами. Сведение об этом сохранил певец славы Ираклия, Георгий Писида, в своей поэме на торжество возвращения Креста из персидского плена. — «Скиф убивает славянина и сам погибает, и окровавленные взаимным истреблением сходятся они лицом к лицу в битве. А ты, с венцом на голове и со скипетром в руках, молчишь, как судья на состязании среди борцов, сам потрудившись в борьбе со многими, а теперь прекратив борьбу. Твоего мановения ждут пребывающие в состязании... и ты смеешься на позорище варваров, видя в унижении прежних гонителей».[274] Поэма написана под живым впечатлением вестей из Иерусалима о водворении Креста на Голгофе и относится, таким образом, к первой половине 630 года. Георгий не делает никакого намека на место события в обширной аварской державе. Но быть может правильно будет угадать, что он разумеет события в Далмации. В путаном и недостоверном в своем целом повествовании Константина Багрянородного о сербах и хорватах есть, однако, некоторые свидетельства, не возбуждающие сомнения относительно своей недостоверности. Таково показание царственного автора, что хорваты выгнали аваров из Далмации и отвоевали себе самостоятельность.[275] Изрезанная горными хребтами страна представляла большие удобства для обороны осевшего в ней земледельческого населения против кочевников, какими оставались и в ту пору авары. Освобождение хорватов путем кровавой борьбы могло

---

[270] *Krypiakewicz.* De hymni Acathisti auctore. *Byz. Zeitsch.* XVIII (1909), 356- 382. — Вопрос об Акафисте Пресвятой Богородице имеет чрезвычайно большую литературу, которая сведена в указанной статье *Крыпякевича.* Относительно авторства Акафиста в таком же смысле, как делает это *Крыпякевич,* высказывался *архимандрит Амфилохий:* Кондакарий в греческом подлиннике XII-XIII в., стр. 16. Но в русской богословской литературе это решение вопроса встретило немало возражений. См. исследование Алексия Попова. Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. Казань. 1903, стр. 26-28.

[271] *Theoph.* 315, 16-26.

[272] *Chron. Pasch.* 726, 16-727, 2.

[273] *Fredeg.* H. F. 4, 48; 68, p. 144; 154. Ср. *Успенский.* Первые славянские монархии, стр. 17.

[274] *Sternbach.* Georgii Pisidae carmina inedita (*Wiener Studien,* XIII, 1891). Стихи 78-91.

[275] *Const. Porph.* De adm. imp., c. 30.

послужить сигналом для восстания и в среде других племен на широком пространстве занятых ими областей. Повествование автора «Чудес св. Димитрия Фессалоникийского» о Кубере[276] и его попытке захватить Фессалоники (событие, относящееся к концу VII века) позволяет заключить, что славяне, утвердившиеся в Македонии поблизости от Фессалоник, стояли в определенных отношениях к городу и не находились уже под властью хана, имевшего своей столицей город Сирмий.[277]

Вскоре после войны со славянами, окончившейся неблагополучно для аваров, хан скончался, и вопрос о его преемнике вызвал новую междоусобную войну, и на этот раз — между аварами и подчиненными им болгарами в самых недрах аварской державы в Паннонии. Свидетельство об этом сохранил с точным указанием даты историк франков Фредегар.[278] По его сообщению, в 9-й год правления Дагобера (т. е. 631-632) одного претендента на ханский трон поддерживали авары, другого — болгары. Авары одолели своих противников. Побежденная болгарская орда принуждена была выселиться и искала убежища во владениях франков.[279] Дагобер разрешил болгарам перейти в Баварию; но когда они водворились в этой области, он приказал баварцам перебить пришельцев. Из целой орды спаслось только 700 человек, которые со своим ханом Альциоком (Alciocus), как называет его Фредегар, нашли убежище у славян. Но они там не ужились, и через 30 лет после того, завязав сношения с царем лангобардов Гримвальдом, перешли к нему и были поселены в пределах Беневентского герцогства. Павел Диакон дает болгарскому хану имя Альцеко и замечает, что в его времена (IX век) эти болгары говорили на латыни, но не забывали также и своего языка.[280] Выход целой болгарской орды являлся существенным ослаблением сил хана.

Вскоре после этой междоусобной войны в Паннонии, и быть может не без связи с нею, совершилось освобождение от верховной власти аварского хана всех гуннских племен Черноморского побережья. Во главе мятежного движения стал Кубрат, хан унногундуров, как называет Никифор его улус.[281] То был человек небезызвестный в столице. По сообщению Иоанна Никиуского, Кубрат прожил годы своего детства при дворе, будучи, вероятно, отдан в заложники, получил христианское воспитание и был лично предан Ираклию и его семье.[282] Около 636 года он изгнал гарнизоны аваров из пределов своих кочевий, вступил в соглашение с императором, заключил с ним союз и отвоевал свободу своих соплеменников от аваров. Император со своей стороны щедро его одарил и предоставил ему звание патриция. Таково сообщение Никифора.[283] Тот же автор сохранил свидетельство, что уже дядя Кубрата, по имени Органá, являлся в Константинополь ок. 619 года, принял крещение, был удостоен звания патриция и с щедрыми дарами отослан на родину.[284] В сообщениях о позднейших событиях Кубрат является родоначальником всех ханов пяти орд болгарского племени. Это свидетельство не может претендовать на историческую достоверность, но позволяет предположить, что Кубрату удалось подчинить себе всех своих соплеменников и отстоять их независимость от аваров. Таким образом, в конце правления Ираклия авары не представляли уже никакой опасности для империи и держава их сократилась до земель Паннонии, где имел пребывание хан со своей ордой и множеством переселенных на север от р. Савы пленников из задунайских областей. Скудность предания не позволяет выяснить, в какой мере это ослабление аваров было делом дипломатии византийского двора и самого императора.

---

[276] Акад. *Успенский* в своей статье «О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни», помещенной в *Изв. рус. арх. Инст. в К-поле,* XIV (1909), сделал попытку смешать в одном лице болгарского хана Кубрата, вступившего в союз с Ираклием ок. 638 года, с Кубером, о котором сохранил свидетельство автор «Чудес св. Димитрия». См. стр. 51-59. — Затрудняюсь понять, что могло навести почтенного академика на эту странную мысль, которая вносит лишь путаницу в исторически ясный образ Кубрата.

[277] *Acta Sanctorum Octobris,* IV, 179-184 (§§ 195-207).

[278] *Fredegar.* H. F. c. 72.

[279] *Фредегар* дает цифру 9 тысяч, но вероятнее — десять тысяч, так как эта цифра имела у кочевников типичное значение улуса.

[280] *Paul. Diac.* H. L. 5, 29.

[281] Имя унногундуры — ούνογ ουνδοῦροι — как транскрибирует его *Marquart* — принадлежало улусу, который выдвинулся после разгрома оногуров и кутургуров аварами, о чем сообщает Агафия. *Agap.* 5, 11. — Диакон Агафон, современник выдворения болгар за Дунаем и нашествия Тербела в 712 году во Фракию, называет болгар двойным именем: Ουννογοῦροι Βούλγαρον. — *Mansi,* XII, 193 B.

[282] *Chron. de Jean de Nik.* c. 120, p. 580.

[283] *Niceph.* 24, 9-15.

[284] *Niceph.* 12. 20-29. — Ср. *J. Marquart.* Die altbulgarischen Ausdriicke in der Inschrift von Catalar. *Изв. Рус. Арх. Инст. в Константинополе,* XV (1911).

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИРАКЛИЯ ПРОТИВ ПЕРСОВ

ХАЗАРЫ. ВТОРЖЕНИЕ ИРАКЛИЯ В АССИРИЮ. БИТВА ПРИ НИНЕВИИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ УСПЕХИ ИРАКЛИЯ. ЗАГОВОР ПРОТИВ ХОСРОВА И ЕГО НИЗВЕРЖЕНИЕ. ШИРОЕ И ЕГО СНОШЕНИЯ С ИРАКЛИЕМ. ШАХРБАРАЗ И ЕГО ИЗМЕНА ХОСРОВУ. СВИДАНИЕ В АРАВИССЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИРАКЛИЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Переправившись с войсками в Лазику, Ираклий имел совершенно определенный план военных действий. Он хотел повторить поход в недра персидского царства. Его расчеты на поддержку христианских кавказских народов в первую его кампанию не оправдались. Хотя после успешного набега на Атропатену в 623 году к нему явились вспомогательные отряды лазов, абазгов и иверов, но существенного значения эта помощь не имела, а военное искусство и отвага персидских вождей не дали ему возможности повторить в 624 году вторжение в персидские пределы. Покинутый своими союзниками, он был вынужден отступить, что и выполнил довольно успешно. Сформировав вновь армию в местностях с армянским населением, Ираклий не чувствовал себя достаточно сильным для осуществления своего военного плана и задумал привлечь в союз с империей против персов далеких турок. Турецкая волна, нахлынувшая при Юстине II в своем поступательном движении на запад в приволжские и придонские степи, вскоре отхлынула под воздействием внутренних междоусобиц, и лишь в 598 году великий повелитель турок, победив всех своих соперников и утвердив свою державу в великом море турецких племен, известил об этом имп. Маврикия письмом, текст которого сохранил Феофилакт Симокатта.[285] По-видимому, это обращение великого хана к императору не вызвало ответного посольства из Византии и не имело вообще никаких последствий. Тяжкие бедствия империи, причиненные ей успешными предприятиями вождей Хосрова, и ее бессилие во время правления Фоки и первого десятилетия Ираклия не могли не отразиться на ослаблении ее престижа и сокращении политического горизонта византийской дипломатии. Но события, совершавшиеся на севере, и слагавшиеся там политические отношения не оставались неизвестными членам армянской знати, состоявшим в непосредственных сношениях с персидским двором. Себеос упоминает также о непосредственных сношениях некоторых армянских князей с повелителем турок и переходе их к нему на службу.[286] Весьма вероятно, что уже во время первого своего пребывания в Феодосиополе Ираклий был осведомлен о политических отношениях северных стран.

Держава турок, обнимавшая огромное пространство от Монголии и до приволжских степей, разделилась на две части, восточную и западную. Центр западной державы передвинулся на нижнюю Волгу, и верховный ее повелитель, являясь по рангу вторым лицом после великого хана восточных турок, носил по прежнему титул Jabgu-kagan. Джебухан, как передавали его армяне, Ζιέβηλ, как исказил по Феофан.[287] Армяне называли западных турок хазарами, и от них усвоили это имя византийцы. Из Лазики, откуда в прежнее время шли непосредственные сношения с закавказскими народами, Ираклий снарядил посольство к Джебухану и поручил его исполнение одному из своих приближенных, имя которого, Андрей, сохранил армянский историк X века, Моисей Каганкатваци.[288] Щедрыми дарами царскому послу удалось склонить хана к союзу против персов, и он обещал оказать свою помощь. Событие это относится к 626 году. На следующий год хан с одним из подчиненных ему шадов, как назывались у турок удельные князья, прошел Дербентский проход, опустошил находившиеся под верховной властью персидского царя земли агван и иверов и осадил город Тифлис. Ираклий прошел со своими войсками из Лазики в Иверию, и под стенами осажденного города произошла встреча новых союзников.[289]

---

[285] См т. II.

[286] *Себеос.* гл. 19, стр. 76.

[287] См. т. II.

[288] *Моисей Каганкатваци.* История Агван, перев. Патканова, гл. 10, стр. 110.— О посольстве, не называя имени посла, упоминает *Никифор.* Brev. 15, 20-22.

[289] В изложении о союзе Ираклия с хазарским ханом я намеренно опустил одну подробность, которую дает в своем рассказе *Моисей Каганкатваци*, а именно: ответное посольство от хана к Ираклию. Моисей рассказывает об этом так — «Тогда он отправил с тем вельможей (Андреем) для утверждения условий 1000 всадников, отборных, мужественных и искусных стрелков, которые, внезапно устремившись на проход Джора, не обратили внимания на гарнизон, стражу городскую и войска персидского царя, назначенные для защиты ворот; как орлы устремились к великой реке Кур, не щадя никого из встречавшихся, и направив путь по стране иверцев, егерцев, перешли море и достигли царской резиденции. Они предстали пред лицом великого императора, утвердили друг с другом клятвы по законам обоюдным, и взяли от него пропуск, чтобы не быть никем подозреваемы». — Это событие отнесено к 36 году правления Хосрова, т. е. к 626 г.

Я считаю это сообщение простым вымыслом автора в целях придать своему изложению большую связность и цельность. Так как Ираклий завязал сношения с хазарами из Лазики, т. е. устроил дело при посредстве алан, как бывало то не раз в течение VI века, то одно уже упоминание о том, что послы хана явились к нему в Константинополь, в достаточной степени подрывает достоверность этого сообщения. Такой же характер вымысла имеет и дальнейший рассказ о вторжении шада в 37 году правления Хосрова в Агванию и Атропатену, посольстве его к Хосрову и ответ Хосрова (гл. 12, стр. 110-112). В этот год хан вместе с шадом совершил поход и осадил Тифлис, где и произошла встреча Ираклия с хазарами, красноречиво расписанная в источнике *Феофана* и *Никифора.* О встрече Ираклия с ханом под стенами Тифлиса *Моисей* не рассказывает, а равно ничего не говорит о союзном отряде хазар, который покинул Ираклия еще в пределах Армении. Таким образом, в изложении этого

Подробный рассказ об этой встрече сохранил Никифор. Союз был скреплен щедрыми подарками со стороны Ираклия хану и его близким, причем хану была подарена вся роскошная обстановка царского пира, которым чествовал его император.[290] Осада Тифлиса длилась два месяца. Оборону вел персидский вождь и царь Иверии Стефан из рода Багратидов.[291] Не доведя дело до конца, союзники отступили от Тифлиса.[292] Хан ушел на север, оставив Ираклию своего шада с 40 тысячами конного войска.

Так как лето ушло на осаду Тифлиса, то свой поход в Персию Ираклий начал уже осенью. Довольно определенные указания на маршрут армии Ираклия сохранил Себеос.[293] Из Иверии Ираклий направился на юг через область Ширак в провинции Арарат по течению реки Акурсана (Арпа-чай). Переправа через Аракс произошла, вероятно, близ Валаршапата (Эчмиадзин); затем Ираклий вступил в область Коговит и продолжал путь через земли Гер и Зареванд, к западу от озера Урмии. Поход среди враждебного населения в горной стране был настолько труден, что хазары стали покидать своего союзника. Сначала они уходили небольшими отрядами, а затем покинули его всей массой. Это ослабление военных сил не поколебало решимости Ираклия. Он умел владеть настроением своих людей и, лишившись поддержки варваров, имел с собою лишь христианское воинство, единодушное с ним в ненависти к врагу. Феофан сохранил отрывок из его обращения к армии — «Знайте, братья, что никто не хочет оказать нам содействия в войне и помощь пошлет нам один Бог и бессеменно родившая Его матерь, чтобы явить свое владычество, так как не во множестве воинов и оружия покоится спасение, но Он посылает свою помощь надеющимся на милость Его».[294]

Покинутый союзниками Ираклий перешел через горные хребты, отделяющие Мидию от Ассирии, носившие тогда имя Зарасп, и спустился 9 октября в область Хнайту (Χαμαηϑᾶ Феофана) на верховьях реки Большого Заба. После быстрого и весьма трудного перехода он дал своей армии отдых в течение семи дней.

автора, союз, заключенный в столице и утвержденный взаимными клятвами, оказывается совершенно праздным и не имевшим никаких важных последствий. Тем более ценно сведение *Моисея Каг.* о посольстве Андрея, для которого он имел, очевидно, какой-нибудь письменный источник. Что же до хазарского посольства к императору в столицу, то оно есть чистый вымысел, амплификация свидетельства о посольстве Андрея к хазарам, вызванное тем соображением, что заключение союза обыкновенно обставлялось ответным посольством.

Я бы вовсе не считал нужным останавливаться на этом фальшивом известии *Моисея Каганкатваци,* если бы это свидетельство не встретило веры у такого тонкого и проницательного критика, каким нельзя не признать *Маркварта.* В своем исследовании Die altbulgarischen Ausdrücke etc. он приводит это известие *Моисея Каганкатваци,* как достоверный факт, и заканчивает замечанием: «Посольство (хазар) не выбрало бы такого опасного пути, если бы был открыт старый путь, по которому совершались в прежние времена сношения с турками через гавани Крыма» (стр. 19). Точно также дал веру этому свидетельству и *Норман Бейнз* в своем этюде The military operations of the Emp. Heraclius, стр. 63. Вместо того, чтобы отвергнуть это свидетельство, он считает нужным его подправить и вместо Константинополя, как места свидания хазарского посольства с Ираклием, ставит Трапезунт. Но Ираклий в ту пору не мог быть в Трапезуйте, а находился, очевидно, уже в Лазике, где он пробыл довольно долгое время, как следует заключить из того обстоятельства, что его сношения с епископом Фазида Киром завершились перепиской между Киром и патриархом Сергием. С таким же доверием *Бейнз* относится и к сообщению *Моисея* о сношениях шада с Хосровом, которое также следует признать литературным вымыслом.

[290] *Niceph.* 15, 20-16, 20; *Theoph.* 316, 2-15.

[291] *Marquart.* Osteurop. u. ostas. Streifzüge, стр. 394.

[292] На следующий год хан повторил свой набег, взял Тифлис и покарал храбрых вождей, оборонявших город. Им выкололи глаза, предали смерти в страшных истязаниях, сняли кожу и, набив ее сеном, вывесили наверху стены взятого города. То была казнь за издевательство над ханом за год до того: они вывесили тыкву, прорезав на ней глаза, нос и рот и кричали, что это образ хана. *Моисей Каганкатваци.* Ук. соч. гл. 14, стр. 108-109; 120. В изданном г. *Токайшвили* переводе сочинения *Сумбата, сына Давида,* «Жизнь и известие о Багратидах» — «Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа», вып. XXVIII (1900) — есть рассказ об осаде Тифлиса Ираклием, причем хазарский хан превращен в «эристава Джибгу», которого Ираклий оставил осаждать Тифлис, а сам отправился в Персию. Издевательство над ханом в рассказе *Моисея Каганкатваци* перенесено на Ираклия. Начальник крепости кричал ему со стены: «У тебя борода козла и шея злого козла». На что Ираклий ответил угрозой: «Пришел козел с запада и сокрушил рога восточного овна». Казнь над виновными совершал Джибгу. Ираклию приписано сооружение храмов в Грузии и заботы о распространении христианства (стр. 124-134).

[293] *Себеос.* гл. 26, стр. 104. — Рассказ о последнем походе Ираклия в Персию *Себеос* дает вслед за изложением о событиях войны 624 г., закончившихся эпизодом в Арчеше. Отсюда получается некоторая неясность. Место переправы через Аракс он указывает так: «при местечке Варданакерте». Но местоположение этого города неизвестно, а путь из Ширака в Коговит шел на Валаршапат, как ясно это на карте. — О Хнайте см. *Rawlinson.* The Atropatenian Ecbatana. *The Journal of the Royal Geographical Society,* X, 1841, p. 73. Ср. *Hoffmann.* Auszüge, 216. Местом переправы Ираклия через Аракс *Себеос* называет «местечко Варданакерт» (стр. 104 перев. Патканова). В примечании к переводу *Гевонда* Патканов определяет местоположение этого города: «село на левом берегу Аракса, насупротив села Уго» (прим. 85, стр. 139), а о последнем дает такое сведение: «Угаео — местечко на Араксе, к югу от села Акури, у подошвы Арарата. Это то же, что Угэ или Угьяц, в области Масьяцотне (подножье Масиса) в араратской провинции (прим. 82)». Хотя я не могу ни по какой карте проверить свидетельство авторитетного знатока армянской истории, но я бы не позволил себе заменить Варданакерта Валаршапатом, если бы раньше ознакомился с примечаниями к *Гевонду.*

[294] *Theoph.* 317, 17-21.

Что касается численности армии Ираклия, то византийские источники не дают никаких указаний. Позднейший арабский историк Табари определяет ее в 70 тысяч человек, цифра, которая по тогдашним военным условиям является чрезмерно высокой.[295] Войско Ираклия было конным, как необходимо заключить это по всем указаниям нашего предания. Покидая Хнайту 17 октября, Ираклий отправил в Константинополь подробный отчет о своих первых успехах.[296] Борьбу с Ираклием Хосров поручил вождю Рахзаду (Râh-Zâdh, Ῥαζάτης). Из изложения Себеоса можно вывести заключение, что Рахзад находился в Армении и после отступления Ираклия от Тифлиса, не ожидая, что он предпримет вторжение в Персию, упустил время. Когда же до него дошла весть, что Ираклий вторгся в Атропатену, он двинулся вслед за ним из Нахчвана.[297] Возможно предположить, что он зашел в Ганзак (откуда его ведет Феофан), где были собраны новые силы на подкрепление к его войскам. Пройдя через горы Зараспа, он оказался в весьма затруднительном положении. Ираклий подвергал местности, которые он проходил, страшному опустошению, и конница Рахзада не имела подножного корма, от чего гибли лошади. Воспроизводя, по-видимому, стих Георгия Писиды, Феофан характеризует положение Рахзада такими словами: «как голодный пес, он едва кормился крохами с его стола».[298]

О действиях Ираклия с 17 октября, когда он покинул Хнайту, до 1 декабря нет сведений в нашем предании. Весьма вероятно, что в это время он опустошал ближайшую область к югу, носившую название Марга (ныне Кой-Санджак [299]). Рахзад посылал Хосрову сообщения о трудности своего положения и просил подкреплений; но получил от царя гордый ответ, что если он не может победить, то может умереть.[300]

1 декабря Ираклий перешел реку Большой Заб и разбил свой лагерь на равнине неподалеку от развалин Ниневии. Не покидая доверенного ему трудного дела, Рахзад совершил переправу вслед за Ираклием и расположился в трех римских милях от его лагеря. Стратилат Ваан с отборным отрядом напал на передовой отряд Рахзада, и в происшедшей схватке пали его предводитель и большая часть его людей. 26 человек и в их числе телохранитель Рахзада попали в плен. От пленных Ираклий узнал, что Рахзад, согласно приказанию Хосрова, намеревается дать битву и что он ждет подкреплений в количестве трех тысяч человек. Чтобы предупредить усиление противника, Ираклий решил ускорить битву. Выслав вперед свой обоз, он нашел широкую равнину близ развалин Ниневии и разбил на ней лагерь. Рахзад не уклонился от встречи с противником, и 12 декабря, в субботу, произошло сражение по всем правилам тогдашней тактики с разделением боевых сил на три колонны. Битва началась на рассвете, была очень упорна и продолжалась до 11 часов дня. Себеос сохранил сведение, что утром того дня стоял густой туман, который помог Ираклию напасть на персов раньше, чем они заметили его приближение. Ираклий на своем коне Дерконе сражался в первых рядах и сам водил своих людей в атаку. Три раза он сходился лицом к лицу с вождями врагов, и каждый раз оказывался победителем; в третьей схватке он был ранен в губу.[301] В битве пали Рахзад, три вождя трех колонн персидского войска и почти все офицеры. Разбитые персы не рассеялись, но, уступив врагу поле битвы, собрались опять и стали на расстоянии двух полетов стрелы от неприятеля. Потери Ираклия были весьма незначительны: 40 убитых и 10 умерших из числа раненых, которых было много.[302] В битве было взято 26 знамен. До позднего часа ночи персы стояли на месте, пока шел грабеж убитых. Набрано было много золотого оружия, золотых поясов и запястий, драгоценных камней, в числе добычи был также золотой щит и золотые доспехи Рахзада. Поздно ночью персы отошли в свой лагерь и, покинув его, заняли крепкую позицию на поросшем лесом холме. В числе взятых в плен был знатный ибер, по имени Барсамусис.[303]

Остатки армии Рахзада не представляли опасности, и Ираклий двинулся дальше по течению реки Заба. 23 декабря он получил донесение от разведчиков, что персы дождались подкреплений и идут следом за ним. Перейдя вторично реку Заб, Ираклий выслал вперед турмарха Георгия с тысячью всадников, поручив ему захватить мосты на Малом Забе. Пройдя в одну ночь 48 миль (около 75 верст), Георгий захватил четыре моста и взял в плен охранявшие их отряды персидского войска. 23 декабря вся армия перешла через Малый Заб, и Ираклий сделал остановку в богатых владениях недавно умершего Йездина, начальника финансового управления персидского царства. Здесь он отпраздновал день Рождества Христова. Когда Хосров, находившийся в своей любимой резиденции Дастагерд, узнал о том, что Ираклий овладел переправами на Малом Забе, он отдал приказ войску, следовавшему за Ираклием, спешить на защиту столицы. Переправившись через Малый Заб «в других местах», персы обошли Ираклия и направились на юг.

В стране, которая теперь лежала беззащитной перед Ираклием, находилось много роскошных резиденций персидского царя, и на своем дальнейшем пути Ираклий захватил и предал огню одну из них, которая у Феофана

---

[295] *Nöldeke, Tabari*, 295 — *Агапий Маббугский* дает цифру 310 тысяч, стр. 203.
[296] *Chr. Pasch.* 729.
[297] *Себеос.* гл. 27, стр. 104.
[298] *Theoph.* 317, 30.
[299] *Rawlinson.* Atropatenian Ecbatana, p. 91.
[300] *Моисей Каганкатваци.* Ист. Агв. о. с. гл. 12, стр. 112-113. — Ср. *Nöldeke, Tabari*, 295.
[301] *Себеос.* гл. 27, стр. 105; *Моисей Каганкатваци.* гл. 12, стр. 112-113.
[302] *Niceph.* Вг. 19. — В путаном рассказе об этой битве он упоминает о ране императора в губу и о том, что он собственной рукой сразил Рахзада и отрубил ему голову. По сообщению *Табари,* стр. 296, персов пало 6 тысяч.
[303] *Marquart.* Streífziige, 401, реконструирует его имя так: Bapham-Ашушай.

носит имя Дезеридан. Между тем персидское войско перешло реку Торна[304] и стало лагерем на другом берегу. Ираклий захватил и разорил другую резиденцию шаха, Руса.[305] Персы не задержались на Торне, и Ираклий беспрепятственно прошел ее по мосту. 1 января он вошел в замок Беклал, где был между прочим ипподром, отстроенный по обычному в империи типу.[306] Здесь явились к императору проживавшие в Персии армяне и сообщали ему, что Хосров, покинув Дастагерд, устроил военный лагерь в пяти милях оттуда, в местности Барасроф, куда и приказал стянуться всем своим войскам. Они прибавляли, что река труднопроходима, мост узок и позиция укреплена.[307] Ираклий держал совет о плане дальнейших действий с вождями своей армии в царском дворце. Большие стада страусов, оленей, съедобных диких ослов (онагры), фазанов, рогатого скота, баранов и свиней, содержавшиеся здесь для царского стола, Ираклий подарил своему войску.

Сообщенные армянами сведения оказались, однако, не вполне точными. От царских пастухов Ираклий получил более точные известия о Хосрове, чем от армян. Хосров покинул Дастагерд 23 декабря, увезя с собой на слонах и верблюдах свои сокровища, и приказал войскам Рахзада разыскать и доставить остальное в столицу.[308] Ираклий немедленно послал часть своего войска захватить Дастагерд, а сам, взяв другое направление, захватил и предал огню замок Бебдарх. По свидетельству автора Жития Анастасия Перса, войска Ираклия появились в Дастагерде 1 января.[309] Дастагерд был любимой резиденцией Хосрова и в течение всего своего правления он копил здесь свои сокровища.[310] Сам Ираклий прибыл в Дастагерд 3 января и здесь отпраздновал праздник Богоявления. Хотя Хосров вывез оттуда большинство ценного имущества, но на долю Ираклия досталась огромная добыча. Здесь было найдено 300 римских знамен, взятых в войнах прежнего времени. Огромные запасы алоэ, перца, сахара, имбиря и других припасов, а также множество шелка-сырца и шелковых одежд, походные палатки Хосрова, расшитые ткани и ковры были сожжены за невозможностью увезти это богатство. Много было всякой живности: страусов, оленей, онагров, а также диких зверей, тигров и львов. Ираклий предал огню весь роскошный дворец Хосрова. В Дастагерде явилось к императору множество пленников, уведенных персами из Александрии и Эдессы. От некоторых чинов двора, захваченных в Дастагерде, Ираклий узнал подробности о бегстве Хосрова из Дастагерда, а также и о том, что Хосров не остался в Ктесифоне, а перенес свою резиденцию в город Селевкию (по-персидски — Гундешир) на правом берегу Тигра. Из своего многочисленного семейства он удержал при себе свою любимую жену Ширин, с ее детьми, и трех жен, которые были его дочерьми. Остальные жены и их дети были отправлены в укрепленный город в 40 милях от Ктесифона к востоку. Из Дастагерда Ираклий обратился к Хосрову с письмом такого содержания: «Преследуя тебя, я стремлюсь к миру. Не по доброй воле я разоряю и жгу Персию, но будучи вынужден к тому тобою. Бросим оружие и заключим мир! Потушим огонь раньше, чем все погибнет в пламени».[311] Хосров не внял этому совету, не дал ответа Ираклию и принимал чрезвычайные меры защиты. Весь штат слуг его самого, его жен и придворной знати был поставлен под оружие и усилил армию Рахзада. Укрепленная позиция была выбрана на берегу реки Нахравана (Ναρβᾶς у Феофана) и в подкрепление к войску туда было собрано 200 боевых слонов.[312] Укрепившись на избранном месте, персы разрушили мосты.

7 января Ираклий выступил из Дастагерда и после трехдневного перехода сделал остановку на расстоянии 12 рим. миль от Нахравана. Отсюда он выслал на рекогносцировку турмарха армянских войск Георгия. Обследовав местность, Георгий донес, что мосты разрушены и переправа невозможна ввиду глубины реки и обрывистых ее берегов. Ираклий прекратил преследование и отступил в направлении на северо-восток по течению реки Диалы.[313] Пройдя провинцию Бет-герма, он занял город Шахразур (Сиазур у Феофана) на верхнем течении

---

[304] *Роулинсон* отождествляет Торну с северными рукавом канала, носившего имя Naharvan, который слывет у арабских географов под именем Катур, в 80 анг. милях от Малого Заба.

[305] *Роулинсон* переставляет слоги и видит в Русе — Sori или Bet Sori сирийцев.

[306] По *Роулинсону* имя Беклал — искажение сирийского названия Bet Germá.

[307] Беразруд — у арабов, канал, отведенный от реки Диалы.

[308] *Theoph.* 321, 14 — ошибочно названа река Торна вм. Заба. Эту ошибку заметил *Pernice,* о. с. 162, прим. 4.

[309] В тексте жития по изданию *Usener'a* стр. 12, а, 8 — названо первое февраля. Ошибку разъяснил *Nöldeke, Tabari,* 296, p. 1. Имя Kenun у сирийцев носили два месяца: декабрь и январь, и автор неверно приурочил мученическую кончину Анастасия к 22 января, тогда как следовало отнести ее к 22 декабря.

[310] Дастагерд локализуется на месте развалин, известных под именем Эски- Багдад. *Rawlinson.* о. с. 93 и сл.

[311] *Theoph.* 324, 17-20.

[312] *Ritter.* Erdkunde, 9, 505, — признавал в Нахраване нижнее течение реки Диалы и сообщает, что имя Narwa живет и доселе у туземцев. *Rawlinson* в своем исследовании, основанном на непосредственном знакомстве с местностью, сделал весьма существенную поправку. По его словам (о. с. p. 93) имя Nahrawan принадлежит южной части большого канала, отведенного от Тигра по восточному его берегу. Южная часть его, отклоняющаяся к юго- востоку от реки Диалы, называлась Nahrawan и составляла преграду на пути к Ктесифону с севера.

[313] *Перниче* в своей монографии об Ираклии, стр. 164, выразил недоумение по поводу того, что Ираклий отступил из Ассирии, не покончив с Хосровом, и высказывал несколько предположений, между прочим опасение Ираклия, что на театр войны явится Шахрбараз. Считая последнее соображение вполне неосновательным, позволяю себе указать на следующий мотив, весьма существенный и, конечно, не отмеченный нашим преданием. Ираклий награбил огромные богатства в Ассирии, которые позволили ему вскоре покрыть заем, сделанный перед войной из церковных сокровищ, и имел в обозе много пленных. Награбленное богатство нельзя было подвергать риску. Путь отступления лежал в горах Заразна. Сезон был поздний, и приближалось время, когда

реки.[314] На этой стоянке Ираклий оставался до 24 февраля, рассылая во все стороны грабительские отряды, которые продолжали разорение и опустошение страны. 24 февраля Ираклий начал переход через горный перевал и преодолел на пути немало трудностей под непрерывно падавшим снегом. Достигнув города Барзы, он сделал остановку на семь дней.[315] Здесь Ираклий получил определенное известие о важном событии, которое готовилось в Персии.

Жестокий режим, который держал Хосров, его алчность в собрании сокровищ и те тяжкие бедствия, которые причинил Ираклий своим вторжением в самое сердце государства, подняли волну недовольства в среде персидской знати. Малодушие, которое проявил Хосров во время своего бегства из Дастагерда, произвело глубокое впечатление на современников и сохранено в памяти потомства в точных записях у летописцев и историков. Но ближайшим поводом к заговору послужило то, что, находясь уже в Селевкии, он задумал обеспечить преемство власти по своему усмотрению и наметил своим преемником старшего сына своей любимой жены Ширин Мердасана, как передавали византийцы персидское имя Мердан-шах. Среди многочисленных сыновей Хосрова, которых он держал в большой строгости и которые могли по его смерти ждать печальной участи истребления, как нередко бывало в судьбах дома Сасанидов, проявилась энергия сопротивления, и старший сын Хосрова, Широе, он же Кавад, решился сделать попытку устроить переворот в свою пользу. Он вступил в сношения с тысяченачальником гвардии Хосрова, по имени Аспад-Гушнасп, который раньше был офицером в армии Шахрбараза. Сношения велись в глубокой тайне через молочного брата Широе. Изменив Хосрову, Аспад-Гушнасп подействовал на настроение других и скоро к нему примкнуло 24 офицера («комита») и много солдат.

Замыслы Широе нашли отклик в среде представителей персидской знати, из которых многие имели основания питать к Хосрову враждебные чувства. Таковы были сыновья Йездина, до смерти копившего сокровища для своего повелителя в звании заведующего управлением финансов. По смерти Йездина Хосров конфисковал его имущество и подверг пыткам его жену. Таков был Нагормизд (Mihrhormisd), сын падоспана (главнокомандующего) юга (Nimrôz), который верно служил Хосрову и тем не менее был казнен за 2 года до того по подозрениям, возбужденным предсказаниями астрологов.[316] К заговору примкнули и два сына Шахрбараза и много других членов знатных фамилий. Дело было слажено, и заговорщики предполагали осуществить переворот 23 марта. Желая обеспечить себе помощь Ираклия в случае неудачи, Широе отправил к нему посольство.

Во время остановки Ираклия в Барзе, Мезезий, один из армянских командиров армии Ираклия, настоящее имя которого было Мжеж Гнуни, был послан на разведку. Персидское посольство встретилось с ним и было препровождено к Ираклию. Главой посольства был Аспад-Гушнасп (Γουσδανάσπας — в письме Ираклия к синклиту), тысяченачальник армии Шахрбараза. Его сопровождали два гражданских сановника и три офицера в ранге комитов. Посольство имело целью вступить в личный договор с императором от имени Широе, восставшего против своего отца. Широе давал императору обещание немедленно по воцарении заключить мир и восстановить старые границы, отказавшись от всех завоеваний Хосрова. Ираклий, который, быть может, и раньше имел сведения о подготовлявшемся перевороте, принял любезно послов Широе и, удержав при себе главу посольства Аспад-Гушнаспа, отправил обратно остальных его членов с письмом, в котором давал совет открыть тюрьмы, выпустить узников и воспользоваться римскими пленниками, как военной силой.[317]

8 марта Ираклий двинулся из Барзы через хребет Зарасп и 11 числа подошел к Ганзаку. Население и представители власти бежали из города и оставили его пустым. Разбив свой лагерь поблизости от города, Ираклий отдал приказ, чтобы его люди, оставив при себе по одному коню, разместили остальных в домах опустевшего города. Непрерывный снегопад, начавшийся 24 февраля, продолжался до 15 марта. В этот день Ираклий отправил в Константинополь подробный отчет о своих блестящих успехах и сообщил о готовящемся в Персии перевороте.[318]

Переворот совершился раньше, чем предполагали заговорщики. 25 февраля Широе перешел мост на Тигре, гвардия изменила Хосрову, и Селевкия огласилась кликами в честь Широе. Застигнутый врасплох Хосров сделал попытку бежать, но был схвачен и под военной охраной водворен в частном доме. Принявшая участие в заговоре придворная знать потребовала от Широе казни Хосрова, и Широе дал согласие. Палачами были Шамта, сын Йездина, в Нагормизд. Шамта не решился нанести удар, но Нагормизд сделал дело. Орудием убийства была секира.[319] Казнь совершилась 29 февраля 628 года, и прах Хосрова был погребен в царской усыпальнице. По

снега могли сделать невозможным переход через горы. Хотя Ираклий вел войну со страшной жестокостью, жег селения, избивал жителей, но он все-таки набрал много людей в плен. Добыча и пленники требовали забот о себе, и те жестокости, которые он позволял себе уже при отступлении (о чем он сам упоминает в письме, насчитывая три тысячи убитых по пути) имели, очевидно, целью обеспечение своего огромного обоза с богатой, обильной добычей.

[314] *Rawlinson* локализует этот город на развалинах, носящих имя Jasin- Toppeh.

[315] Berozeh в области Baneh — по *Роулинсону.*

[316] См. подробный рассказ у *Табари. Nöldeke*, стр. 379-381.

[317] *Theoph.* 326, 20-23; об освобождении заключенных в «крепости забвения» знает *Моисей Каганкатваци* (стр. 114).

[318] Это письмо не дошло до нас, но, очевидно, его данные лежат в основе повествования *Феофана.*

[319] *Tabari.* 361-382; *Anon. Guidi.* 25, 2-5; *Моисей Каганкатваци.* гл. 13. 114-117. Очень подробный рассказ о

свидетельству Феофана, раньше убийства на глазах отца были зарезаны его дети от Ширин.

Шамта не удовлетворился смертью Хосрова, и по его инициативе от Широе было вырвано разрешение истребить все мужское потомство Хосрова (40 членов по свидетельству Себеоса и Феофана и 17 — Табари). Это кровавое дело обратилось скоро на голову Шамты. Он был заподозрен в стремлении совершить переворот в свою пользу, бежал к арабам в Хиру, но там был схвачен и доставлен ко двору. По приказанию Широе ему отрубили правую руку и заточили в тюрьму.[320]

Из лагеря под Ганзаком Ираклий посылал разведчиков на обе горные дороги, по которым шло сообщение между Атропатеной и персидской столицей — в Шахразур и на Малый Заб.[321] 25 марта разведчики доставили к нему двух человек, перса и армянина, с письмами от секретаря персидского двора, Хиздаи (он же Файяк), в котором он сообщал, что везет собственноручное письмо к императору от царя Широе, но вынужден был сделать остановку в Армане,[322] откуда и послал к нему своих людей с просьбой дать ему охрану на дальнейший путь. Ираклий немедленно послал магистра армии Илию Барсока и друнгария Феодора с отборным отрядом и 20 запасными лошадьми. К отряду присоединился Аспад-Гушнасп, остававшийся в лагере императора. Илии не удалось исполнить возложенное на него поручение, так как его отряд застрял в снегах. Известие об этом Ираклий получил 30 марта и тогда же обратился за помощью к местному персидскому начальнику, который, покинув Ганзак, находился в соседнем укреплении. Поручение императора передал ему перс, посланник царского секретаря. Извещая начальника области о происшедшем перевороте и воцарении Широе, Ираклий просил его принять меры к тому, чтобы выручить царское посольство. По словам самого Ираклия в его послании к синклиту (или «приказе», как он выражался) весть о низвержении Хосрова была встречена персами радостными криками в честь нового царя и самого Ираклия, и правитель немедленно выслал людей навстречу посольству.

Рано утром 3 апреля посольство явилось в лагерь императора. Широе извещал Ираклия о вступлении на престол отцов и в весьма почтительном тоне выражал желание заключить мир с императором и поддерживать затем дружественные отношения; согласно обычаю, посольство привезло богатые дары императору. Любезно приняв послов и обсудив условия мира, Ираклий отправил 8 апреля посольство в обратный путь и присоединил к нему табулария Евстафия с собственноручным письмом к царю.[323] Он заявлял о своем искреннем желании прекратить войну и полной готовности заключить мир, если бы даже был жив Хосров и предстояло с ним вести переговоры.[324] В том же письме он требовал возвращения Креста Господня, плененного в 614 году. Титулуя Широе своим сыном, он послал ему, по обычаю, щедрые подарки. Подробное описание хода событий с 15 марта Ираклий отослал в Константинополь 8 апреля и в тот же день покинул Ганзак и начал свой поход в Армению.

Письмо Ираклия сохранено в подлиннике в Пасхальной Хронике и является живым свидетельством того восторженного настроения, в котором находился тогда император в радостном сознании своей победы.[325]

«Ликуйте Богу вся земля, служите Господу в радости, выходите в сретение Его в веселии и знайте, что Бог есть сам владыко. Он нас сотворил, а не мы сами. Мы Его народ и овцы Его стада. Входите в сени Его с песнями и исповедуйтесь Ему. Хвалите имя Его! Во веки милость Его и в роды (родов) истина Его. Да возрадуются небеса, да торжествует земля, да возрадуется и море, и все, что в них. И все мы, христиане, вознесем хвалу, славословие и благодарение Единому Богу, радуясь великой радостью о Его святом имени. Пал высокомерный богоборец Хосров! Пал и низвергся в недра земные и истреблена с земли память его! Надменный и глаголавший неправду в гордыне и уничижении против Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, и пречистой матери Его, благословенной владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, погиб, нечестивец, с шумом. Труд его пал на главу его и неправда его взошла на макушку его»... (Далее следует изложение событий со ссылкой на предшествующее письмо императора в столицу.)

Вслед за письмом Ираклия в Пасхальной Хронике было помещено письмо царя Широе; но от него уцелело полностью лишь самое начало, а от дальнейшего текста лишь левая половина, 18 строк. На последнем листе Хроники сохранился отрывок из письма Ираклия к Широе в ответ на первое его обращение с извещением о приеме его посла и приветствием по поводу вступления на отчий трон. Из одного места отрывка первого текста видно, что Широе предлагал Ираклию выбрать место для съезда послов (очевидно, для выработки условий мирного договора) и изъявлял готовность исполнить все его требования.[326]

Дипломатические сношения с персидским двором имели издавна строго выработанный этикет, и составление мирного договора было обставлено множеством формальностей, которые нам отчасти известны из отрывков

низвержении Хосрова см. *Nöldeke, Tabari,* 361-383. Он разукрашен длинной вставкой речи Адар-Гушнаспа Хосрову с изобличением его в разных неправдах и обидах, какие он причинял подданным и своим сыновьям. В длинной ответной речи Хосров дает по пунктам отчет о состоянии государства и казны с весьма интересными подробностями, характеризующими как состояние Персии в то время, так и идеал восточного деспота.

[320] Chron. min. (Scr. Syri) 25, 11-18.

[321] *Hoffmann,* о. с. 262-267.

[322] По догадке *Бейнза* — высоты Авроман поблизости от Шахразура.

[323] В 639 году Евстафий занимал пост магистра оффиций. — *Const. Porphyr.* De cer. II, с. 28, 629.

[324] Цитата из письма Ираклия у *Никифора.* 20, 8-14.

[325] *Chron. Pasch.* 727-734.

[326] *Chron. Pasch.* 736, 22-23. — περί τόπου[ὅπου μέλλει γενεσ]θαι ειρήνη καί... οἵαν ἀῖτησιν ἔχετε... ημᾶς. Дополнения принадлежат *Болотову. Виз. Врем.* XIV, 77 прим. 1.

Менандра о заключении мира 562 года.[327] Поездка Евстафия к персидскому двору могла иметь характер лишь предварительного акта. О его пребывании в персидской столице сохранил свидетельство Себеос. По его сообщению, Широе принял посла с большим почетом, «вторично утвердил условия мира и клятвенно подтвердил размежевание границ». Себеос прибавляет, что Широе в присутствии посла приказал написать Шахрбаразу, чтобы тот перешел на персидскую территорию и очистил греческие пределы.[328] Требование Ираклия возвратить Крест Господень не было исполнено. Широе, как сообщает Никифор, оправдывался тем, что неизвестно, где находится Крест, и обещал прислать, когда его разыщут.[329]

Ответное послание Широе на посольство Евстафия Ираклий получил уже в Армении и, по-видимому, в Феодосиополе, имевшем издавна значение административного центра области, носившей некогда название Великой Армении.[330] Широе отослал Ираклию всех римских пленных, томившихся в персидских тюрьмах от долгих годов войны. Тогда же выяснилась судьба послов, увезенных в Персию Шахином в 615 году. Леонтий скончался естественною смертью, а два другие его товарища были казнены, когда Хосров получил известие о вторжении Ираклия в Ассирию.[331] Получив пленных, Ираклий со своей стороны отослал царю персидских пленных с посольством, которое исправлял его брат Феодор. По сообщению Феофана, это посольство имело целью выработать условия эвакуации персидскими войсками занятых ими областей и обеспечить мирное их поведение в отношении к туземному населению во время возвращения в Персию.[332] Армянские области на верхнем течении Тигра не были, по-видимому, заняты персами, и Ираклий вступил в обладание ими немедленно. Зиму 628-629 года он провел в Амиде [333] и ознаменовал свое пребывание в этом городе закладкой большого храма.[334]

Продолжительное, длившееся почти два десятилетия, отчуждение Армении от империи имело своим последствием возвращение всех ее областей в отношении управления и гражданской жизни к тем порядкам, какие действовали до времен императора Зенона в заевфратских землях, т. е. так называемый нахарарский строй, приближавшийся в общих чертах к средневековому западно-европейскому феодализму.[335] Отдельные знатные роды осуществляли прерогативы верховной власти на определенных территориях, имели свое войско, творили суд и расправу. Единство национальности поддерживалось принадлежностью к церкви св. Григория. Верховным руководителем церковной жизни был католикос, в избрании которого принимали участие, кроме епископов, также члены знатных родов всей Армении. Восстановляя свою верховную власть в Армении, Ираклий, по необходимости, должен был примириться с современным положением дела. Существовавшее в прежнее время административное деление страны не было восстановлено. Великая Армения с городом Феодосиополем осталась в церковной юрисдикции католикоса, имевшего свою резиденцию в Двине, а те области, которые при Юстиниане составляли «Четвертую Армению», были разделены на две провинции: северо-западную и юго-восточную. Последняя называлась теперь Верхней Месопотамией и имела свой центр в Амиде. В ее пределы включена была Арзанена, уступленная Хосровом Маврикию в 590 году и вновь возвращенная по договору с Широе.[336]

Если возвращение армянских областей совершилось беспрепятственно и быстро, то относительно других земель Месопотамии, Сирии и Египта, дело возвращения их под власть императора затруднилось вопреки распоряжениям Широе. Возможность исполнения принятых на себя персидским двором обязательств зависела от Шахрбараза, в руках которого находилась власть над завоеванными им областями. Так как во время переворота сыновья Шахрбараза и один из видных его офицеров были на стороне Широе, то можно предполагать, что Шахрбараз сочувствовал мятежному движению против Хосрова. Но переворот имел своим последствием истребление всего мужского потомства Хосрова и выдвинул на первое место при новом дворе лиц, с которыми у него были свои счеты.[337] Раньше, чем успело выясниться его отношение к новому двору, Широе впал в тяжкую болезнь и умер во время пребывания в Дастагерде, процарствовав около восьми месяцев.[338] На

---

[327] См. т. II.

[328] *Себеос.* гл. 27; стр. 107.

[329] *Niceph.* 20, 14-16.

[330] Сведение о том, что Ираклий направился из Ганзака в Армению, сохранил автор повествования о мученической кончине Анастасия Перса (22 декабря 622 года), свидетелем которой он был. К армии Ираклия он присоединился в Дастагерде и с нею совершил путь в Армению, откуда затем и прибыл в свой монастырь в Палестине. — *Acta mart. Anast. Persae.* ed. *Usener.* 12, b. 1.

[331] *Niceph.* 20, 16-20.

[332] *Theoph.* 327, 19-24.

[333] *Agap. Menb. Patr. Or*. VII, 465 (205). Интересно отметить, что *Агапий* ведет Ираклия из Ганзака не в Феодосиополь, а в селение Фомакин, место остановки Ноева ковчега.

[334] Den. de Tell-Mahr. ed. Chabot, p. 5.

[335] См. *Адонц*. Армения в эпоху Юстиниана. Петербург, 1908; Джавахов. Государственный строй древней Грузии и древней Армении, П-брг. 1905.

[336] *Georgii Cyprii*. Descriptio orbis Romani, ed. *Gelzer*. 1890, p. 46.

[337] *Nöldeke, Tabari*. 386. — Хосров и Широе запрашивали по всем важным вопросам мнение Шахрбараза, а знать, выдвинувшая Ардашира, обошлась без него.

[338] По догадке *Nöldeke*, смерть Широе последовала 15 сентября 628 г. *Tabari*. 385, п. 6. Новооткрытый источник, *Антиох Стратиг*, подтвердил эту догадку, стр. 64, 23.

смертном одре он обращался к Ираклию с просьбой охранить трон его малолетнего сына Ардашира. Никифор сохранил выдержку из этого письма такого содержания: «Как ваш Бог был вручен старцу Симеону, так я отдаю в твои руки раба твоего, моего сына. Пусть Бог, которому ты поклоняешься, будет свидетелем того, как ты с ним поступишь».[339]

Сплотившаяся вокруг Широе персидская знать обеспечила переход власти к Ардаширу. Первым по влиянию лицом при малолетнем царе оказался сановник по имени Мех-Адар Гушнасп. Отношения между новым двором и Шахрбаразом приняли характер взаимного недоверия, и дело окончилось изменой Шахрбараза своему государю. Как византийские, так и восточные источники единогласно свидетельствуют об измене Шахрбараза и притом относят ее еще ко времени правления Хосрова. Изъяснение причин измены варьируется в различных версиях. Наиболее простой, но и маловероятный вариант сохранен Никифором. — Когда Ираклий с хазарами вторгся в Персию, Хосров отправил приказ Шахрбаразу спешить ему на помощь. Письмо Хосрова попало в руки Ираклия, и он подменил его другим, в котором было написано, что Хосров справился с врагами и повелевает ему остаться в Халкидоне. Снятая с подлинного письма печать была наложена на подложное, и Шахрбараз не тронулся на помощь своему государю.[340] — Эта догадка дает лишь объяснение того, почему Шахрбараз остался на западе во время последнего похода Ираклия и не возлагает на него вины в измене. Тот же самый мотив имеет у Феофана иную форму.

По наговору некоторых придворных Хосров заподозрил Шахрбараза в злых умыслах против него и в соглашении с Ираклием. Он отправил приказ второму после него лицу в армии Кардаригану убить Шахрбараза и идти с войсками к нему на помощь. Посланный с этим письмом попал в Галатии в плен и был доставлен в Константинополь молодому императору Константину. Ознакомившись с содержанием письма Хосрова и посоветовавшись с патриархом Сергием, Константин вызвал Шахрбараза на свидание и передал ему письмо Хосрова. Шахрбараз заключил договор с императором и патриархом. Вернувшись к своим войскам, он прочел в собрании офицеров поддельное письмо Хосрова с приказанием казнить его самого и 40 человек из числа офицеров и спросил своего помощника, готов ли тот исполнить приказ. Всеобщее негодование повело к тому, что вся армия отложилась от Хосрова, вступила в соглашение с константинопольским двором и, покинув Халкидон, ушла на родину.[341] Обе изложенные версии предполагают, что Шахрбараз в 627 году находился в Халкидоне, чему противоречат показания Феодора Синкелла, очевидца осады Константинополя аварами, а именно: что Шахрбараз покинул Халкидон, когда выяснилась неудача хана.[342]

Михаил Сириец дает версию, весьма близкую к Феофану, с тем различием, что свидание происходит между Ираклием и Шахбаразом, причем Шахрбараз, изменив Хосрову, отдает Ираклию в заложники своего сына. Измена Шахрбараза в рассказе Михаила Сирийца предшествует сношениям Ираклия с хазарами и помещена в 15 год правления Ираклия и 35 — Хосрова.[343] Арабский источник, Табари, пользовавшийся сирийскими источниками, дает среднюю версию, в которой Шахрбараз является в раздвоении на двух братьев: Шахрбараза и Феррухана. Заподозрив Феррухана в желании занять персидский трон, Хосров послал приказ Шахрбаразу убить его. Повеление было прочитано в присутствии Шахрбараза. Тогда последний представил три письма Хосрова с повелением убить Феррухана. В результате — соглашение с императором, свидание с ним, союзный договор.[344]

Таким образом, византийские и восточные источники единогласны в том, что Шахрбараз изменил Хосрову и вступил в соглашение с византийским двором еще до кровавого переворота, отдавшего трон Широе.

При огромных размерах той территории, которую занимали персы, от Эдессы до Александрии и Тарса, сама подготовка эвакуации, даже при полной готовности персидского двора осуществить принятое на себя обязательство, требовала немало времени, и в краткое правление Широе дело осталось в стадии предварительных переговоров. А то обстоятельство, что Шахрбараз являлся представителем власти персидского царя во всех отвоеванных им областях империи, создавало для Ираклия необходимость вступить в личные с ним сношения, которые завершились свиданием в городе Арависсе Триречном.[345] В хронике Фомы Пресвитера записано такое свидетельство: [346]

«В том же году (940 эры Александра) в тамузе (июле) встретились друг с другом Ираклий, император ромеев, и Шахрбараз, патриций, в одной клисуре на севере — имя ее Арависс Триречный, и говорили там друг с другом о мире. Было решено между ними, чтобы границей был Евфрат. Так они заключили мир друг с другом. И поставили там церковь и нарекли ей имя Ирины» (Εἰρήνη — мир).

---

[339] *Niceph*. 20, 26-21, 1.
[340] *Niceph*. 17.
[341] *Theoph.* 323, 22-324, 16.
[342] Ib. hom. 17, 25.
[343] *Mich. Syr.* XI, 3, 408-409. Ср. *Agap. Menb.* 201-203.
[344] *Nöldeke, Tabari*, 300-303. — Та же версия с некоторыми отступлениями в подробностях сохранена у *Агапия Маббугского*, пер. Васильева, 461-462 (201-202). Измену Шахрбараза *Агапий* относит ко времени до сношений Ираклия с хазарами.
[345] Город Арависс лежал на старой военной дороге из Германикеи на Кесарию (Mazaca) и затем Анкиру в Галатии. *Ramsay*, о. с. 311, локализует его в современном Ярпузе и видит в самом имени искажение старого. То же самое имя Ярпуз принадлежит и другому городу на юге Киликии.
[346] *Chr. min.* (Lib. Caliph.), 108 и 114. — Ср. свидетельство *Себеоса.* гл. 28, стр. 109.

Так как тот же самый летописец занес в свою хронику известие, что персидские гарнизоны вышли из городов Сирии и Египта еще в июне месяце 629 года, то свидание в Арависсе является завершением этого важного дела. Свидетельство о том, будто Ираклий согласился считать границей Евфрат, т. е. отказывался от Месопотамии, невероятно, и его следует понимать в том смысле, что в ту пору города Месопотамии еще были заняты персидскими войсками. Уступчивость Ираклия тем менее вероятна, что Шахрбараз нуждался в поддержке с его стороны для достижения своих личных целей. Заключенный в Арависсе договор содержал, очевидно, и другие статьи, о которых не знал летописец. Шахрбараз видел в Мех-Адар Гушнаспе своего личного врага и хотел властно вмешаться в сложившиеся при дворе малолетнего шаха Ардашира отношения. Это вмешательство должно было принять вид военного похода. Он нуждался в военной поддержке со стороны императора, и Ираклий не отказал ему в ней. В одном новоизданном армянском источнике названы имена вождей, сподвижников Ираклия в его последнем походе в Персию, которые пошли в поход вместе с Шахрбаразом. То были: Георгий, Ваан, Давид и Сумбат.[347]

В числе пунктов договора было обязательство со стороны Шахрбараза возвратить Крест Господень, увезенный им из Иерусалима в 614 году. Добрые отношения новых союзников были скреплены личной связью: сын Шахрбараза Никита получил сан патриция, а дочь, по имени Ника, была помолвлена с сыном Ираклия от Мартины Феодосием.[348] Обеспечив мир союзом с Шахрбаразом, Ираклий предоставил своему брату Феодосию командование над армией, а сам направился в столицу. Себеос в рассказе о союзе Ираклия с Шахрбаразом выставляет дело так, что Ираклий выдал Ардашира Шахрбаразу и предоставил персидский престол ему и его детям.[349] По-видимому, дело обстояло не совсем так, и Шахрбараз не замышлял тогда переворота, который позднее осуществил.

О действиях Шахрбараза в Персии сохранил весьма подробный рассказ Табари. — Когда Шахрбараз вступил в Персию во главе своего войска, Мех-Адар Гушнасп, не располагая военной силой для борьбы с ним, усилил оборонительные средства Ктесифона и ждал прибытия врага. Так как у Шахрбараза было только 6000 воинов, то он не мог пытаться взять Ктесифон силой и завязал сношения с начальником гвардии Ардашира и Надар-Гушнаспом (сыном его бывшего офицера Адар-Гушнаспа), который занимал пост спахбада южных областей. По соглашению с ним Шахрбараз проник в город и расправился с ним, как завоеватель: предал смерти своих врагов из персидской знати, конфисковал их имущество, а его солдаты совершали насилия над жителями.[350] Жестокая судьба постигла Шамту. Он был извлечен из заточения и распят перед воротами церкви Бет-Наркос. Причиной такой жестокой казни сирийский летописец второй половины VII века выставляет оскорбление, нанесенное им дочери Шахрбараза.[351] Но по всему вероятию, были другие причины. Шахрбаразу было выгодно выставить себя мстителем за смерть Хосрова, а Шамта, кроме того, был убийцей Хосрова, главным виновником истребления всего его мужского потомства. По-видимому, несторианцы, представителем которых был дом Йездина, участвуя в революции, низвергшей Хосрова, имели свои политические виды, которые шли вразрез с планами Шахрбараза.

Население столицы с восторгом ожидало своего повелителя, поправшего врага Христа, сокрушившего персидскую державу и покрывшего славой побед римское оружие после стольких лет бесчестия и позора. Встреча счастливого победителя персов после шестилетнего отсутствия произошла с чрезвычайной торжественностью. Патриарх Сергий, сын Ираклия и его соправитель Константин, клир, синклит и народ встретили его на азиатском берегу Босфора, в Иерии, где он готовился некогда к тяжкой войне и куда вернулся в ореоле героя, воодушевлявшего свои войска личным примером доблести в боях. Его встретили с ветвями маслины — символ мира, зажженными светильниками, с кликами победы, благодарственными песнопениями Господу Богу за победу над врагом Христа и великие дела, им совершенные. Константин, приблизившись к отцу, пал ему в ноги, и оба они «оросили землю слезами», как записал летописец в своем повествовании об этом дне торжества.

Через несколько дней после того Ираклий переправился через Босфор и, объехав столицу с севера, вступил с триумфом в город через Золотые ворота. Его победную колесницу несли четыре слона, которые затем увеселяли народ на ипподроме. На играх в празднование победы над персами Ираклий раздавал народу щедрые подарки из персидской добычи.[352] Ираклий был на высоте своей славы. Его бранные труды, длившиеся шесть лет, были сравнены с шестью днями творения, и это прославление, нашедшее себе, вероятно, место в каком-либо торжественном похвальном слове тогдашнего витии, сохранилось для нас в хронике Феофана: «Царь... вернулся в Константинополь, выполнив некую мистическую феорию (θεωρίαν). Совершив в шесть дней создание мира, Бог нарек седьмой — днем покоя. Так и он, совершив многие труды в шесть лет, предался покою на седьмой,

---

[347] *Mapp.* Антиох Стратиг. Предисловие, § 23, стр. 57.

[348] *Niceph.* 21, 19-20. Феодосий умер во младенческом возрасте. — Патриций Никита упомянут в описании царского выхода 1 января 639 г. *Const. Porphyr.* De cerim. p. 629. — В рассказе *Табари* о свидании в Арависсе Шахрбараз выдает Ираклию своего сына заложником, что, по тогдашним нравам, весьма вероятно.

[349] *Себеос.* гл. 28, стр. 109.

[350] *Nöoldeke. Tabari,* 387-388.

[351] *Chr. min.* 1, 25, 30-33.

[352] *Niceph.* 22, 18-23. — *Drapeyron.* o. c. 277 — совершенно неосновательно поместил это событие на 14 сентября 628 года и нарисовал фантастическую картину триумфа Ираклия. За ним последовал и *Pernice,* o. c. 177-179.

вернувшись в город с миром и радостью».[353]

Огромные денежные средства, которые привез Ираклий из похода в Персию, позволили ему тогда же возместить церкви тот заем, который он сделал во время приготовления к войне. Никифор сообщает, что это было сделано в виде обязательства, возложенного на государственную казну выдавать клиру ежегодно определенную сумму.[354] В лексиконе Свиды сохранена другая версия, по которой император прислал патриарху Сергию «много денег, золота, серебра и драгоценных камней» в возмещение сделанного займа.[355]

В течение зимы Ираклий отпраздновал бракосочетание своего первенца и соправителя с дочерью Никиты Григорией, которая была обручена с ним еще в младенчестве. Невеста прибыла из Пентаполя в Африке, где она проживала после смерти своего отца, скончавшегося на посту экзарха Африки, т. е. области Карфагена и прилегающих земель побережья, оставшихся под властью императора после утраты Египта.[356]

От брака Константина с Григорией 8 ноября 630 года родился сын. Крещение его совершилось лишь через год, 3 ноября 631 года во Влахернском храме Богоматери. Его совершил патриарх Сергий и нарек младенцу имя Ираклий. Обряд крещения был замедлен вследствие династических соображений. Восприемником от купели был присланный для этого торжественного в царской семье события малолетний сын Ираклия от Мартины, родившийся в 626 году в Лазике.[357] При крещении он получил имя Ираклия, слыл в кругу семьи под уменьшительным именем Ираклона и с ним остался в памяти истории. Делая его восприемником внука и устанавливая духовное родство между единокровными братьями, Ираклий, в обеспечение династических интересов, намечал Ираклона в соправители Константина. На следующий год был объявлен консулат Константина, и на торжественном выходе в день 1 января 632 года Константин, очевидно, по воле отца, возвел пятилетнего Ираклона в звание кесаря, давая ему, таким образом, преимущество перед своим сыном.[358] В тот самый день, когда в Константинополе родился внук Ираклия, родился также и сын от Мартины, получивший при крещении имя Давида.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМ. ДЕЛА В ПЕРСИИ

Проведя зиму в Константинополе, Ираклий в конце февраля 630 года уехал на восток вместе с Мартиной, которая была верной спутницей в его походах с весны 623 года и до самого конца войны. Ему предстояла трудная задача воссоединить с империей области, пребывавшие так долго под персидской властью. Кроме этой общей задачи, спешный отъезд Ираклия на восток имел еще другую причину: заботу о возвращении Креста Господня из персидского плена. По всему вероятию, Шахрбараз поддерживал сношения с императором, и Ираклий был своевременно оповещен об отправке Креста из Ктесифона. Его привезли с собой возвратившиеся из Персии войска, которыми Ираклий снабдил Шахрбараза. По свидетельству, сохраненному Михаилом Сирийцем, Крест был доставлен в Иераполь, куда, вероятно, и прибыл за ним император.[359] Дальнейший путь его лежал на Берою, Эмессу, Дамаск и Тивериаду.

Правителем Дамаска состоял некто Мансур, сын Сергия. Он был утвержден в этом звании еще императором Маврикием и удержал его за собой во время господства персов в Сирии. Ираклий потребовал от него взноса податей за два года; но Мансур отказал, оправдываясь тем, что он отсылал подати Хосрову. Ираклий удовольствовался требованием выдачи ста тысяч золотых и оставил его на прежнем посту.[360] В Тивериаде прием императору устроил иудейский вельможа Вениамин. Но местные христиане принесли жалобу на те обиды, какие они от него терпели, и Ираклий наказал его тем, что на следующей остановке в Неаполе (Сихем), где прием был сделан христианином Евстафием, заставил Вениамина креститься. Таково сообщение Феофана.[361] У патриарха Евтихия (писавшего в X веке на арабском языке) сохранен такой рассказ. — Навстречу Ираклию из Тивериады вышли представители города и депутации от иудеев всех городов Галилеи. Они поднесли ему богатые дары и просили предать забвению их вины в прошлом, а в обеспечение от мести христиан выдать им грамоту. Ираклий внял их просьбам и выдал грамоту, скрепив ее печатью и клятвой.[362]

Точная дата вступления Ираклия в Иерусалим могла быть установлена лишь в самое недавнее время на основании свидетельства повести «О пленении Иерусалима персами» Антиоха Стратига. В кратком эпилоге этого творения имеется запись, что император прибыл в Святой город вместе со своей супругой Мартиной 21 марта.[363] Событие это должно было иметь весьма торжественный характер, так как доселе ни один император не посещал Иерусалима, и блеск этого торжества увеличивался еще и тем, что Ираклий возвращал Иерусалиму драгоценную святыню, украшавшую его в течение трех столетий.

---

[353] *Theoph.* 327, 25-328, 2. — Предположение насчет похвального слова принадлежит *Болотову.*
[354] *Niceph.* 22, 23-26.
[355] *Suidae* Lex. 1, 2; p. 882.
[356] *Niceph.* 21, 21-24.
[357] Или, может быть, в Трапезунте.
[358] В хронике *Феофана*, p. 301, 17 — это событие, как и консулат Константина, ошибочно помещены в 616 г., на что указал и что исправил *Болотов. Виз. Врем.* XIV, 73-76.
[359] *Mich. Syr.* XI, p. 427.
[360] *Eutych. Ann.* P. G. III, 1089 (240).
[361] *Theoph.* 328, 15-23.
[362] *Eutych. Ann.* P. G. III,. ib.
[363] *Марр.* Антиох Стратиг, стр. 65 перевода.

Поэма, написанная во славу этого события Георгием Писидой, начинается такими стихами:

Ω Γολγοθά σκίρτησοῦ ἤ κτίας πάλιν
ὅλη σε τιμᾶ καί καλέί θεηδόχοῦ
έκ Περσίδος γάρ ὸ βασιλεύς άφιγμένος
τον σταυρόν έν σοί δεικνύει πεπηγμένχοῦ

(т. е. Торжествуй, Голгофа! Вся тварь тебя опять чтит и называет богоприимницей, ибо царь, вернувшийся из Персии, показывает Крест, на тебе утвержденный).

К сожалению, Георгий Писида не обладал искусством повествователя и превращал свой стих в риторические амплификации. Он говорит о пальмовых ветвях, молениях, слезах, бдениях, но не дает никакого описания самого торжества встречи и водворения Креста на его старом месте на Голгофе. Не лишено значения случайное указание в тексте поэмы на то, что весть о водворении Креста в Иерусалим пришла в Константинополь в Лазареву Субботу, которая приходилась в тот год на 30 марта.[364] Из других свидетельств нашего предания об этом событии полнее других согретый теплым чувством краткий рассказ Себеоса: «В день вступления в Иерусалим немало происходило там ликования. Раздавался голос плача и печали, лились слезы умиленного сердца у царя и знати, всех войск и жителей города. И никто не мог петь Господних песен от плачевного умиления царя и всей толпы. Царь водрузил Крест на своем месте, всю церковную утварь расположил по своим местам и роздал всем церквам и жителям города подарки и деньги на ладонь».[365] Патриарха Захария не было уже в живых. Императора встретил заместитель его трона, монах Модест, сумевший в короткое время отстроить и украсить все пострадавшие в 614 году храмы и святыни города. Ираклий в признание его заслуг предоставил ему патриарший трон. Но Модест лишь в течение девяти месяцев занимал престол и 17 декабря того же года скончался в городе Созусе в Палестине на пути к вызвавшему его по какому-то делу императору.[366]

По свидетельству патриарха Евтихия, пребывание Ираклия в Иерусалиме ознаменовалось тяжкими репрессиями иудеев. Христиане ознакомили императора со всеми злодействами, какие себе позволяли иудеи во время взятия Иерусалима, и просили его позволить им отомстить за прошлое. Но император был связан клятвою, которую дал в Тивериаде. Тогда монахи предложили отмолить грех нарушения клятвы установлением поста в течение недели перед четыредесятницей. Ираклий согласился, и христиане перебили множество иудеев как в Иерусалиме, так и во всех городах Галилеи. Успевшие спастись от смерти иудеи бежали в Египет и к арабам. Свой обет монахи в Палестине держали до самой смерти Ираклия, а затем считали себя уже свободными от этого обязательства. Но в коптской церкви пост этот сохранился и при патриархе Евтихии (т. е. в X веке).[367] Феофан не упоминает о репрессиях, но и он занес в свою хронику заметку о том, что Ираклий воспретил иудеям проживать в Иерусалиме и в 3 милях от него.[368]

Во время пребывания Ираклия в Иерусалиме к нему являлся с письмом от католикоса персидских несториан епископ, имевший также поручение и к Модесту. Сведение об этом сохранил современник, который имел с ним общение и сопровождал его в объезде монастырей, а затем вместе с ним совершил путешествие в Персию.[369] То был автор Жития мученика Анастасия Перса, свидетель его кончины, вернувшийся с войсками Ираклия из Персии. В чем состояло поручение, возложенное католикосом на епископа, об этом нет сведений в нашем предании. Но возможно предположить, что его обращение к императору стояло в связи с жестокой судьбой Шамты, сына Йездина, который был виновником избиения мужского потомства Хосрова. Ослабление династии Сасанидов не могло не заключать в себе политических мотивов, не чуждых Шамте, как представителю самого видного и богатого рода, являвшегося столпом несторианской церкви в Персии. Весьма вероятно, что иесториане не оставались в стороне от тех тяжких политических интриг, которые разбивали на партии персидскую знать, оберегавшую судьбы отечества, и католикос искал в чем-то поддержки у Ираклия.

Сколько времени пробыл Ираклий в Иерусалиме, на это нет никаких указаний в нашем предании. По единогласному свидетельству источников, он направился из Палестины в Месопотамию, которая еще не была в ту пору оставлена персами. Его путь лежал на Иераполь, обычное место переправы через Евфрат. В этом городе Ираклий получил известие о новом перевороте, происшедшем в Персии.[370] Шахрбараз не удовольствовался положением властного вершителя судьбы отечества при малолетнем государе: Ардашир был убит, и Шахрбараз возложил на себя тиару Сасанидов. День гибели Ардашира — 27 апреля 630 года.[371] Но в среде персидской знати

---

[364] Заслуга издания этой поэмы принадлежит *Штернбаху* — Georgii Pisidae carmina inedita. *Wiener Studien.* XIII (1891).

[365] *Себеос.* гл. 29, стр. 111. Патканов перевел — «благословение и деньги на ладонь», очевидно, не зная значения слова εύλογία — дар.

[366] *Феофан.* 328, 24 — приписывает Ираклию возвращение Захарии в Иерусалим. Но гораздо вероятнее, что Захария умер еще в Персии. *Кекелидзе.* Иерусалимский Канонар, стр. 52; *Антиох Стратиг.* стр. 65; *Eutych. Ann.* 1083 (215), 1089 (241-243), 1091 (248).

[367] *Eutych. Ann.* P. G. III, 1089-1090.

[368] *Theoph.* 328, 27.

[369] Acta mart. Anast. ed. *Usener*, p. 12, b, 30-13, a, 11.

[370] *Theoph.* 329, 1-6.

[371] Правление Ардашира продолжалось год и 8 месяцев. См. *Nöldeke. Tabari.* 386-388; *Scr. Syri. Chr. min.* p. 25, 37-38;

было живо чувство преданности дому Сасанидов, и Шахрбараз, устранивший убийством законного царя, являлся узурпатором в глазах тех, кто не был с ним связан личными интересами. Заговор против него быстро созрел, и на сороковой день после восшествия на трон Шахрбараз был убит во время выезда на дворцовый парад. Надругавшись над его трупом, заговорщики перебили соучастников убийства Ардашира и приверженцев Шахрбараза из числа членов знати. Так как представителей дома Сасанидов мужского пола не оказалось, то на престол была возведена женщина, дочь Хосрова и жена Широе, Боран. Убийца Шахрбараза занял первое место при новом дворе. Вступая на трон предков, царица дала торжественное обещание блюсти правду и справедливость, сложила недоимки за прошлое время и в своих обращениях к народу выражала горячее стремление уврачевать беды, постигшие Персию.[372]

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА

УСИЛЕНИЕ МОНОФИЗИТСКОЙ ЦЕРКВИ НА ВОСТОКЕ ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ ПЕРСОВ. НАЧАЛО МОНОФЕЛИТСТВА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АРМЕНИИ. ПОПЫТКА УНИИ, ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ИРАКЛИЕМ В СИРИИ. ДЕЛА В ПЕРСИИ И ПОСОЛЬСТВО ИШОЯБА. СОБОР В ФЕОДОСИОПОЛЕ. УНИЯ В ЕГИПТЕ. СОФРОНИЙ. ИЗДАНИЕ ЭКТЕСИСА. ДЕЛА В РИМЕ. ПРОТЕСТ ПАПЫ ИОАННА ПРОТИВ ЭКТЕСИСА

Продолжительное господство персов в восточных областях империи отразилось самым существенным образом на церковных отношениях в их пределах. Монофизитская церковь, имевшая свою иерархию еще со времен Юстиниана и деятельности Якова Барадея, нередко терпела насилия со стороны представителей господствующего православия. Когда Месопотамия, а за нею и Сирия подпали под власть персов, представители туземной церкви, опиравшиеся на многочисленное и фанатичное монашество, а также и сочувствие народных масс, сумели использовать новое положение. По свидетельству, сохраненному Михаилом Сирийцем, все епископы, находившиеся в изгнании в Египте от преследований Домициана в последние годы правления Маврикия, вернулись в Сирию, а все православные епископы подверглись изгнанию; все церкви и монастыри, отнятые некогда от яковитов, были им возвращены, и «память халкидонитов была истреблена от Евфрата и до Востока».[373] Последним православным патриархом Антиохии был Анастасий, погибший жестокой смертью во время народного бунта в последний год правления Фоки (610 г.), а последовавшие затем тревожные события не дали возможности византийскому правительству заместить этот престол.[374] Таким образом, Афанасий остался единым главой сирийского патриархата. Первым крупным успехом его было устранение раскола с монофизитами Египта, как о том уже упомянуто выше. Позднее, в 619 году, ему удалось воссоединить с господствующим монофизитством приверженцев партии Конона и Евгения, отколовшихся на почве тритеитских споров, о чем сохранил свидетельство современный летописец.[375] Этим не ограничились его успехи. Существовавшее некогда церковное общение между христианской церковью в Персии с иерархами, находившимися под властью императора, было резко нарушено еще в правление Пероза, современника имп. Зенона. Видную роль в этом деле сыграл знаменитый ученый того времени Барсаума, достигший торжества несторианских идей в среде персидских христиан. На соборе в Бет-Лапате в 484 году несторианское исповедание было объявлено господствующим. В связи с этим событием стояло закрытие знаменитой школы в Эдессе и возникновение нового просветительского центра в Нисибине.[376] Оспаривавшее истину христианского учения против несториан монофизитство не исчезло в Персии после собора в Бет-Лапате, но несторианство пользовалось преимущественным покровительством верховной власти, которая видела в этом способ оградить Персию от воздействия империи на своих подданных.[377]

Хосров, благодаря тому, что его любимая жена Ширин исповедовала монофизитство, оказывал покровительство этой церкви и она выросла в своем значении. Себеос сохранил свидетельство о многолюдном соборе в Ктесифоне с участием патриарха Захарии, на котором монофизиты успешно состязались со своими противниками и достигли затем положения покровительствуемой царем церкви.[378] Когда Месопотамия и Сирия подпали под власть персидского царя, патриарх Афанасий в интересах борьбы с «халкидонитами» пользовался поддержкой представителей власти Хосрова в Сирии. Теперь не было преграды для общения персидских

Mich. Syr. XI, 3, 410. Но во всех этих кратких изложениях возвращение Шахрбараза в Персию и гибель Ардашира представляются в виде одного события. Но это было не так. Армянский историк *Моисей Каганкатваци* дает полное основание раздвинуть эти события довольно значительным промежутком. Он рассказывает о вторжении хазар во второй год правления Ардашира в Агванию и Армению. Шахрбараз снарядил войско для борьбы с насильниками, которое, однако, потерпело поражение. В связи со снаряжением армии Шахрбараз начал открыто агитировать за низвержение младенца, представителя дома Сасанидов, и предоставление ему верховной власти в Персии. *Ист. Агван.* гл. 16, стр. 131-134. О вторжении хазар в Персию знал в 630 году Георгий Писида, помянувший об этом в своем гимне на возвращение Креста.

[372] *Nöldeke. Tabari*. 391.

[373] *Mich. Syr.* X, 25, p. 379, b: 25, p. 381, b.

[374] См. выше, стр. 13-14.

[375] Chron. min. (Scr. Syri) p. 113, 24.

[376] См. т. I.

[377] *Labourt.* Le Christianisme dans l'Empire Perse, p. 131-154.

[378] *Себеос.* гл. 33, 134-136.

монофизитов с сирийскими, и престиж антиохийской кафедры содействовал взаимному сближению. Хосров посылал из Персии епископов на кафедры в Месопотамию. В начале это вызывало протест со стороны туземцев,[379] но тем не менее в пору восстановления власти императора в Месопотамии кафедра в Эдессе была занята прибывшим из Персии епископом Исайей, который был признан в своем сане Афанасием. Патриарх состоял в сношениях с персидским двором, и Михаил Сириец сохранил свидетельство о поездке его синкелла Иоанна ко двору младенца Ардашира. Устроив дела при дворе, Иоанн заехал на обратном пути в монастырь Мар-Маттаи. Случилось так, что там находился местный митрополит Христофор. Встреча его с синкеллом Афанасия имела своим последствием то, что Христофор с тремя монахами отправился к Афанасию в Антиохию, и патриарх посвятил всех трех монахов в епископы, предоставив им три митрополии в пределах Персии. В послании к архимандриту монастыря Мар-Маттаи, патриарх воздавал хвалу монахам за строгое соблюдение устава, о чем ему сообщил синкелл, давал монастырю привилегию первенства перед всеми монастырями Персии, извещал о возведении побывавших у него монахов в митрополиты трех епархий и с радостью свидетельствовал о восстановлении своих патриарших прав в пределах персидской державы. Событие это относится к 629 году, с середины которого антиохийский патриарх стал вновь подданным императора и должен был почувствовать умаление того значения, каким он пользовался под властью персидского царя.[380]

Патриарх Сергий, сириец по происхождению, понимал опасность для будущего в отъединении монофизитской церкви от империи. Не теряя надежды на политическое воссоединение Сирии с империей, он искал еще задолго до блестящих побед Ираклия над персами нового пути для устранения раскола с Востоком. Он усмотрел его в одном догматическом вопросе, который не был еще определенно решен в богословских спорах и не поднимался еще на вселенских соборах. Вопрос этот был возбужден около 600 года египетскими богословами. Развивая определение Кирилла μία φύσις τοῦ θεοῦ Λόγου σεσαρκωμενη (единая природа Бога-Слова воплощенная), египетские богословы выставили положение о единстве энергии (ενέργεια) во Христе. Патриарх Евлогий, современник папы Григория (580-607), обратил внимание на это новое развитие догмата о природе Богочеловека и отнесся к нему с полным осуждением.[381] Около 616 года патриарх Сергий поднял этот вопрос, считая его неразъясненным в святоотческих писаниях, и завел сношения по этому поводу с некоторыми восточными епископами. Через Сергия Макарона, епископа Арсинои в Египте, он обратился с запросом к епископу Фарана в Аравии (на Синайском полуострове) Павлу. О том же он писал к некоему Георгию, по прозвищу Арса, прося его привести свидетельства в доказательство единства энергии во Христе. Об этих сношениях патриарха узнал Иоанн Милостивый и, получив от Георгия его письмо, хотел предать анафеме Сергия. Нашествие персов в Египет лишило возможности Иоанна заняться этим делом и определенно высказаться по существу вопроса. — В таком виде предстает начало монофелитства в изложении Максима Исповедника.[382]

Сергий продолжал свои поиски за доказательствами учения о единой энергии во Христе и в свои богословские искания посвятил императора, когда тот готовился в поход против персов. Успех великого замысла Ираклия перенести войну в Персию зависел прежде всего от отношения к нему армян, так как он мог проникнуть в Персию только через Армению. После походов Шахина при Фоке Армения была насильственно объединена под властью персидского царя и вместе с тем исчезло державшееся прежде разделение армянской церкви между двумя патриархами, имевшими свои кафедры: один — в Двине, другой — в Феодосиополе. Патриарх феодосиопольский, Иоанн, после взятия города персами в 609 году, был уведен вместе с представителями местной знати в Персию, где вскоре скончался. Прах его был привезен на родину и упокоен в созданной им церкви. Около того же времени скончался и двинский патриарх Авраам, а католикосом Армении стал Комитас, имевший свою кафедру в Двине.[383] Комитас оживил вражду к Халкидонскому собору в своих многочисленных писаниях и тем содействовал отъединению армян от империи.[384] Хотя, таким образом, обстоятельства слагались в противность интересам империи, но персидское владычество не пользовалось популярностью в Великой Армении, издавна стоявшей под властью императора. По всему, вероятно, местная знать сохраняла свои старые связи с византийским двором. Церковный раскол мог, однако, явиться существенной преградой в восстановлении прежних отношений после того, как осуществилось церковное объединение армянского народа под властью одного патриарха. Очевидно, патриарх Сергий подготовил императора к предстоящей ему задаче, и уже во время первого своего пребывания в Феодосиополе в 623 году Ираклий имел совещание с каким-то представителем правоверных монофизитов, «севериан», по имени Павел, и вел с ним переговоры о соединении церквей, о чем и уведомил патриарха.[385] Переговоры с Павлом имели своим

---

[379] *Mich. Syr.* X, 26, 380, b.

[380] *Mich. Syr.* XI, 4, 414-417.

[381] В недавнее время был опубликован текст сочинения Евлогия по этому вопросу в журнале *Theologische Quartalschrift* за 1896 год: *Bardehower.* Eulogios von Alexandrien über Trinitat und Incarnation. — За указание на эту работу приношу благодарность проф. *Епифановичу*, но я не имел возможности ознакомиться с нею.

[382] Maximi opera. P. G. 91, 333.

[383] *Себеос.* гл. 23; стр. 86.

[384] *Isaaci Armeniae catholici.* Narratio de rebus Armeniae. *P. G.* 132, 1249-1252.

[385] *Hefele.* Conciliengeschichte, III, p. 133 — видит в Павле главу армянской колонии на Кипре; *Owsepian* в своем интересном этюде: Die Entstehungsgeschichte des Monothelismus (Leipzig. 1897), стр. 56, не считает это вероятным

последствием то, что Ираклий издал указ на имя Аркадия, епископа Кипра, с воспрещением учения о двух энергиях во Христе.[386] Так как на Кипре была со времен имп. Тиверия колония армян, выселенных Маврикием из Арзанены,[387] то возможно предположить, что там вышли какие-то недоразумения между православным епископом и армянами, не потерявшими старых связей со своей родиной.

В 626 году, во время пребывания в Лазике, Ираклий имел совещание по вопросу об энергиях во Христе с епископом Фазиды Киром. По инициативе императора, между Киром и патриархом Сергием началась переписка по существу вопроса. Сергий препроводил Киру в качестве материала обращение патриарха Мины к папе Вигилию во время его пребывания в Константинополе,[388] и между Киром и патриархом установилось полное единомыслие, которое имело важные последствия.

По окончании войны с персами Ираклий более года пробыл в армянских областях и за это время упрочил свою власть в стране в тех границах, какие были установлены при Маврикии по договору с Хосровом. Широе назначил правителем Армении Вараз-Тироца, сына Сумбата Багратуни.[389] Около того же времени скончался католикос Комитас (628 г.) и на кафедру был избран Христофор. Своим строптивым характером он вызвал против себя раздражение в среде армянской знати и был низложен после двухлетнего управления церковью св. Григория. На вакантный престол был избран Езр, состоявший при Комитасе ключарем храма св. Григория.[390] Ираклий поручил верховные полномочия в римской Армении своему храброму сподвижнику в войне с персами, Мжежу-Гнуни (Мезезий у Феофана). Так как Армения была объединена в одном патриаршестве, то Мжеж потребовал от Езра, чтобы тот вступил в церковное общение с императором, грозя ему в противном случае поставить для римской Армении другого патриарха, как то было раньше. Угроза подействовала, и Езр обратился к императору с просьбой представить ему исповедание веры. Ираклий исполнил его просьбу. В этом исповедании был предан анафеме Несторий и другие еретики, но не было отречения от Халкидонского собора. Тогда Езр отправился в Месопотамию для личного свидания с императором. Сомнения Езра насчет правоверия императора были утрачены, и он причастился с ним из одной чаши. Ираклий вознаградил Езра предоставлением ему по его просьбе соляных копей в Кульпи.[391] Таким образом, церковные отношения с Арменией устроились на время благополучно.

Свиданию Езра с императором предшествовали другие события, которые раскрыли Ираклию трудность его положения в отвоеванном им антиохийском патриархате. Когда он прибыл в Константину, брат его Феодор стоял под стенами Эдессы. Персидский гарнизон, занимавший город, вопреки приказанию, полученному им от персидского двора, не покинул своей стоянки. Такое поведение персов наше предание объясняет противодействием иудеев, которые составляли влиятельную часть населения этого города. Феодор подступил к Эдессе во главе своих сил и грозил осадой. Персы не стали упорствовать и очистили город. Заняв Эдессу, Феодор намеревался покарать иудеев за их предательство. Но одному из видных представителей иудейской общины, по имени Иосифу, удалось тайком уйти из города, спустившись ночью со стены. Он отправился в Константину, где тогда находился Ираклий, и вымолил прощение иудеям, о чем и поспешил принести известие Феодору.[392] Себеос сохранил несколько отклоняющуюся версию. Не поминая вовсе о сопротивлении персов, он сообщает, что «в Эдессу собрались 12 племен из всех колен Израиля». По уходе персов, иудеи заперли ворота, укрепились в городе и хотели защищаться. Когда же Ираклий приказал начать осаду, иудеи смирились и вышли ему навстречу с просьбой о пощаде. «Ираклий приказал им удалиться, и они ушли к сынам Измаила и звали их к себе на помощь, доказывая им из Священного Писания свою единоплеменность».[393] В этом варианте мятежное поведение иудеев приведено в связи с теми событиями, которые вскоре имели место в Палестине.

Подчинение Эдессы завершило собою политическое воссоединение Месопотамии с империей. Ираклий прибыл в этот город в конце 630 года. Епископ Исайя устроил ему торжественную встречу. Ираклий милостиво обошелся с населением и сделал щедрые пожертвования на храмы. Но в день Рождества Христова случилось знаменательное событие. Присутствовавший на богослужении император пожелал причаститься св. Тайн; но Исайя не допустил его к причастию, потребовав предварительно, чтобы он анафематствовал Халкидонский собор. Разгневанный император низложил епископа и передал главный храм города халкидонитам. Исайя

ввиду того, что армянская церковь считала севериан еретиками.

[386] Упоминание об этом указе сохранено также в послании Сергия, преемника Аркадия. *Mansi.* X, 913.

[387] См. т. II.

[388] Письмо Сергия к Киру — *Mansi.* XI, 525, 27; и письмо Кира — ib. 560-61. — Подлинность сообщения Мины к Вигилию была подвергнута сомнению на Шестом Вселенском соборе, ib. 528, D. Текст послания Мины был известен *Иоанну Никиускому. Chron.* p. 520.

[389] *Себеос.* гл. 18, стр. 70.

[390] Ib. гл. 28, стр. 108-109.

[391] Ib. гл. 29, стр. 112. — *Орбели.* Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII века. *Христ. Восток.* II (1913), стр. 113, доказывает, что под церковью св. Григория следует разуметь храм в Багаванде, а не в Двине. На месте этого храма Езр построил в 631-639 г. великолепный храм, и надпись ктитора сохранилась и доселе. Орбели считает возможным предположить, что «сооружение величественного храма на месте, освященном преданием, должно было служить к утверждению халкидонитского течения, в противовес настроениям Двинской кафедры» (стр. 115).

[392] *Mich. Syr.* XI, 3, p. 470; *Agap. Menb.* 205-206.

[393] *Себеос.* гл. 30, стр. 116.

покинул Эдессу, а вместе с ним удалились многие члены местной знати, поддерживавшие церковь своими щедрыми пожертвованиями.[394] Краткость сообщения об этом событии лишает нас возможности гадать о том, поднимался ли вопрос об унии в Эдессе. По-видимому, дело имело вид резкого столкновения, не подготовленного предшествующими переговорами. Из Эдессы Ираклий вступил в сношения с патриархом Афанасием и отправил к нему свое исповедание веры, которое было обращено ко всем, «различающим» διακρινόμενοι, термин, которым обозначали монофизитов при Юстиниане. Михаил Сириец сохранил текст этого интересного документа. Начав со скромного заявления о своей малой компетентности в трактовке догматических вопросов, император дает краткое изложение веры с указанием на признание двух природ во Христе, но единой энергии и заканчивает признанием четыре соборов.[395] — По всему вероятию, это вероопределение было составлено патриархом Сергием в Константинополе перед отъездом императора на Восток.

Халкидонский собор был искони камнем преткновения во всех попытках унии за предшествующее время. Сам Ираклий вряд ли был искушен в тонкостях богословских споров и в своем окружении не имел специалистов-богословов, которые могли бы вести дебаты с монофизитскими епископами. Он надеялся решить дело проще, прямым соглашением с патриархом Афанасием. Свидание состоялось в Иераполе (Маббуге), куда в начале 631 года прибыл император из Эдессы. Афанасий явился в сопровождении 12 епископов своей паствы, в числе которых находился и низложенный императором Исайя. Патриарх представил императору исповедание веры с подробным изложением старого вопроса о том, что препятствует монофизитам признать Халкидонский собор. В течение 12 дней шли совещания, которые не смогли, конечно, привести ни к какому соглашению. Император предлагал Афанасию признание за ним его сана на условии принятия Халкидонского собора. По сообщению сирийских источников, Афанасий и его епископы отказались вступить в церковное соглашение с императором, признав его веру единомышленной с Несторием. Оскорбленный император ответил на это указом, по которому повелевал резать носы и уши тем, кто не признает Халкидонского собора, и подвергать их имущество конфискации. В результате начавшихся репрессий монахи монастырей Иераполя, Эмессы и южной части Сирии признали Халкидонский собор, изменили вере отцов, за что и были вознаграждены предоставлением им церквей и монастырей, отнятых от упорствующих.[396] Патриарх Афанасий не принял унии и 26 июля того же года скончался.[397] На его престол Ираклий не пытался поставить заместителя, а монофизитская церковь в Сирии признала своим главой Иоанна, который был посвящен в Амиде митрополитом Нисибина Авраамом.[398]

О том, как развивались церковные отношения после собора в Иераполе,[399] в нашем предании нет точных указаний. По-видимому, Ираклий провел довольно долгое время в Сирии, посетил важнейшие города, не миновал, конечно, и столицы Востока, Антиохии. По всему вероятию, именно к этому времени относится посещение им монастыря Марона, находившегося поблизости от города Эмессы, о чем сохранил память патриарх Евтихий. По его словам, монахи устроили императору торжественную встречу и за свой прием были щедро вознаграждены предоставлением больших земельных владений, которые богато обеспечивали благосостояние этого монастыря в последующее время.[400] О том, что монахи Эмессы приняли унию, записал в свою летопись и Михаил Сириец.[401]

К 631 году, и быть может к первым его месяцам, относится прием Ираклием посольства от царицы Боран в городе Берое. Наиболее подробное описание этого события сохранено у Фомы Маргского.[402] Посольство исправлял католикос Ишояб с несколькими епископами. Император принял посольство с чрезвычайной любезностью и исполнил все желания царицы. Переговоры с послами царицы не ограничились политическими вопросами, речь шла также и о вере. Ираклий нашел веру Ишояба истинной и выразил свое признание тем, что причастился с ним из одной чаши. По возвращению посольства в Персию дело огласилось, и ревнители чистоты веры заявили протест против католикоса за общение с еретиком. Ишояб должен был оправдываться, и близкие

---

[394] *Mich. Syr.* XI, 3, p. 411-412. — У *Агапия Маббугского* этот эпизод искажен. См. стр. 467 (207), перевод проф. *Васильева.* — Об отнятии церкви от «Несториан» в Эдессе сохранил заметку и *Феофан*, 328, 28; 329, 1.

[395] Ib. XI, 1, p. 402-03.

[396] *Mich. Syr.* XI, 3, p. 412-413; *Barhebr.* I, 273-274.

[397] Ib. XI, 5, p. 419; *Chron. min.* (Scr. Syri) 112, 8: mortuus est anno 942 (631), ind. IV, mense tamuz, die 26.

[398] *Barhebr.* I, 276. — Иоанн скончался в 649 г. — Ib. 280.

[399] В полном противоречии со свидетельствами сирийских источников о соборе в Иераполе стоит версия, занесенная *Феофаном* в свою летопись (329, 21- 330, 8), по которой инициатива догмата о единстве воли во Христе приписана патриарху Афанасию. Та же версия дана и в житии Максима Исповедника, *P. G.* 90, с. 8, p. 76-77. Это неправильное представление об истории возникновения монофелитства явилось, быть может, результатом стремлений оградить память Сергия, имевшего большие государственные заслуги в тяжкие времена невзгод империи.

[400] *Eutych. Ann. P. G.* III, 1089 (240). — *Евтихий* помещает посещение монастыря в другое время, а именно: путешествие Ираклия в Иерусалим.

[401] *Mich. Syr.* XI, 3, 412.

[402] *The Book of Governors, ed. Budge.* II, 124-127. Он относит это посольство ко времени Широе. — Правильная датировка дана в анониме Гвиди — *Chron. min.*, 26, 3-10. Имена спутников Ишояба: Cyriacus nisibenus. Gabriel urbis Karkha Garamaeorum et Marutha urbis Gustra.

отношения ко двору помогли ему отстоять себя от нападок противников.[403] Посольство побывало, вероятно, вместе с императором, в Антиохии, и здесь Ишояб похитил мощи, которые и привез затем на родину.[404] Два епископа из свиты католикоса побывали в городе Апамее на Оронте. Здесь они встретились с неким Иоанном, епископом несториан, проживавшим в области Дамаска, и путешествовали вместе с ним. В одном монастыре они занялись миссионерской деятельностью. Монахи обратились к старцу, имевшему репутацию великой учености, для диспута с ними. Иоанн и Ишояб (который был впоследствии католикосом после своего соименника) уклонились от диспута; но епископ Сахдохн вступил в состязание, которое имело для него роковые последствия, так как он убедился доводами противника-халкидонита. По возвращении в Персию он открыто стал пропагандировать халкидонскую веру, за что и был отрешен от кафедры и удалился в Эдессу, где принял имя Мартирия.[405]

Вскоре по возвращении посольства в Персию царица Боран погибла насильственной смертью, и персидский престол был предоставлен далекому родственнику Хосрова. Через несколько месяцев он был смещен, и на трон Сасанидов была возведена другая дочь Хосрова, по имени Азармидохт, которая слыла самой красивой женщиной. Через шесть месяцев она погибла в новом перевороте. Продолжались прежние смуты и смена царей до тех пор, пока правитель Хорасана не отстоял прав на трон малолетнего внука Хосрова Йездигерда, который явился последним царем Персии и рода Сасанидов.[406]

Долго ли пробыл Ираклий в Сирии, этого не позволяют выяснить скудные известия нашего предания; но в 633 году он опять проживал в Эдессе. К этому году относится важное событие в судьбах армянской церкви. Личное соглашение, которое состоялось между патриархом Езром и императором на свидании в Месопотамии (630 или 631 год), оказалось недостаточным для успеха унии в Армении. Агитацию против унии вел Иоанн, выдвинувшийся еще при патриархе Комитасе и намечавшийся тогда в преемники ему. Чтобы упрочить достигнутое соглашение и устранить агитацию, Ираклий предложил патриарху Езру собрать собор в Феодосиополе. По армянским сведениям, собор собрался в 23 году правления Ираклия, т. е. в 633 году, и продолжался в течение месяца.[407] Главным предметом обсуждения было отношение к Халкидонскому собору. После продолжительного обмена мнениями и разъяснений догмата о двух природах во Христе были составлены соборные определения, в которых армянская церковь приняла обязательство не продолжать более споров о Халкидонском соборе.[408] По окончании собора Езр вернулся в свою резиденцию — Двин. Агитация, однако, не прекратилась, так как на собор не явились два епископа, имевших репутацию лучших богословов своего времени, Стефан и Мафусал. Иоанн продолжал обличать Езра и принявших унию епископов в предательстве веры за подачки императора, но уже не имел такого успеха. Езр правил армянской церковью до смерти, последовавшей в 640 году, а его преемник Нарзес обличил Иоанна на соборе и, подвергнув его позорному наказанию, отправил в ссылку.[409]

Наибольший успех имела уния в Египте, хотя, как показали позднейшие события, успех был только видимый. И здесь, как и в Сирии, монофизитская церковь под персидским владычеством усилилась в своем значении и стала господствующей. Монофизитский патриарх являлся посредником между персидской верховной властью и туземным населением. Андроник, при котором произошло завоевание Египта персами, скончался 3 января 623 года и кафедру занял Вениамин, пользовавшийся большим авторитетом и популярностью во всей стране. После того как Иоанн Милостивый бежал из Александрии вместе с Никитой и скончался на острове Кипре, кафедра православного патриарха не была замещена в течение нескольких лет, и лишь в 621 году ее занял Георгий. Но это замещение было долго лишь титулярным, так как он проживал в

---

[403] *Barhebr.* II, 116.
[404] Book of Governors. II, 127-128.
[405] Ib. 128-130.
[406] *Nöldeke.* Tabari, 393-397; *Eutych. Ann.* 1092.
[407] *Hefele.* Conciliengeschichte, III 1333 — пришел к выводу, что Каринский собор был в 622 году, и заявлял, что такая датировка устраняет все затруднения. Но этому противоречит то обстоятельство, что Ираклий только в 628 мог встретиться с Павлом Северианином. Проф. *Болотов* в своем неоконченном этюде по хронологии Ираклия пришел к выводу, что собор в Карине состоялся в 629 году и притом в его начале. *Виз. Врем.* XIV (1907), стр. 89. Эта датировка столь же неприемлема, как и 622 год. — *Owsepian* в своем этюде о начале монофелитства приходит к правильному выводу, но его аргументация искажена хронологическими ошибками вследствие малого знакомства с ходом событий того времени и неустановленности многих важных дат правления Ираклия.
[408] *Isaaci Catholici.* Narratio de rebus Armeniae, *P. G.* 132, 1251. — 23-й год правления Ираклия уравнен с четвертым по смерти Хосрова, что не вполне точно. — В общем очерке политической и церковной истории армян, *Rev. de l'Orient Chrétien,* 1902-1903 гг., дата Каринского собора оставлена под сомнением, но автор (стр. 208) склоняется к 629 году. За 629 год высказывался *Болотов* в своем неоконченном этюде, которому дано заглавие в посмертном издании: «К истории имп. Ираклия». *Виз. Врем.* XIV (1909), стр. 89. Эту датировку позволяю себе считать ошибочной. К правильной датировке Каринского собора пришел *Owsepian* в названном выше издании, несмотря на целый ряд хронологических ошибок, допущенных им вследствие неосведомленности с общим ходом исторических событий того времени и неправильных утверждений Гиббона и Драпейрона, не располагавших тем материалом, который имеется в настоящее время.
[409] Ib. p. 1253.

Константинополе до оставления Египта персами в 629 году.[410]

Через два года после восстановления власти императора в Египте Георгий скончался, и летом 631 года Ираклий предоставил престол св. Марка Киру, бывшему дотоле епископом лазов.[411] Местные отношения, как они сложились к тому времени в Египте, под воздействием господства персов, а также и возложенная на Кира миссия, имели своим последствием то, что новый патриарх был облечен не только полномочиями церковной власти, но получил в пределах своей паствы также полномочия правителя страны. В ознаменование двойственного характера своей власти Кир носил один красный, другой черный сапог.

Вениамин в предвидении предстоящих насилий покинул Александрию. О своем удалении он оповестил всех епископов и убеждал их стоять за веру до конца. Монофизитское предание объясняет такой образ действий Вениамина внушением свыше.[412] Переходя из монастыря в монастырь, Вениамин провел в безвестном для Кира отсутствии десять лет и только уже после арабского завоевания появился опять и вступил в управление церковью. Безвестное отсутствие популярного патриарха облегчало положение Кира, но в то же время грозило сделать мнимыми все его успехи. Облеченный всей полнотою власти в стране и опираясь на местную военную силу, Кир немедленно приступил к выполнению взятого на себя поручения. Его усилия направлены были главным образом на то, чтобы воздействовать на численно преобладавшую в Египте церковь феодосиан. Кир не останавливался ни перед какими мерами насилия. Брат патриарха Вениамина, по имени Мина, был схвачен, подвергнут жестоким мучениям, и так как он остался непреклонным в своем отношении к Халкидонскому собору, то был казнен утоплением в море.[413] Монахи многочисленных монастырей разбегались в пустыни, чтобы избежать грозивших им насилий. Кир действовал также мерами убеждения, соблазна и прельщения. Монофизитское предание сохранило имена лишь двух епископов, которые склонились на сторону унии. То были епископ Файюма Виктор и Никиуса — Кир. После долгих усилий Киру удалось оформить богословскую сторону унии на соборе в Александрии (лето 633 года). Унициальный акт был облечен в старую форму кратких положений, заканчивавшихся анафематствованием непризнающих истины данной формулы. Всего пунктов (κεφάλαια) было девять и наибольшее значение имел седьмой, в котором утверждалось единство энергии во Христе. Принятие на соборе этих положений было завершено торжественной литургией 3 июня в главном храме Александрии, на которой из рук Кира причастились «все клирики феодосиан города Александрии, вместе со всеми гражданскими и военными сановниками и многими тысячами народа». Таково показание самого Кира.[414] О своем успехе он известил императора, находившегося тогда в Эдессе, через своего диакона Иоанна, а письмо к патриарху Сергию повез в Константинополь знаменитый палестинский монах Софроний, находившийся в Александрии во время осуществления унии Киром. Софроний самым решительным образом восставал против учения о единстве энергии в Богочеловеке, но его протест не воздействовал на Кира. Патриарх Сергий смотрел на дело иначе и, признавая огромное политическое значение за унией с египетскими феодосианами, которую провел Кир, старался переубедить Софрония, но не успокоил его сомнений. В своем ответе Киру Сергий внушал ему обходить вопрос о двух или одной энергии во Христе и советовал стоять лишь на том, что Христос, Бог Слово, — един.[415] Софроний отправился из Константинополя на родину в Палестину. Патриарший престол в Иерусалиме не был замещен со смерти Модеста, последовавшей в декабре 630 года, и авторитет Софрония, известного своей ученостью и блестящим ораторским талантом, открыл ему путь к патриаршей кафедре, которую он занял в самом конце 633 или начале 634 года.

Ввиду успеха, достигнутого Киром в строптивом Египте, патриарх Сергий счел своевременным укрепить дело, над которым он сам так давно трудился, одобрением со стороны римского патриаршего престола, который тогда занимал папа Гонорий. Свое послание Сергий составил в чрезвычайно осторожных выражениях и, излагая историю возникновения учения о единой энергии во Христе, выставлял на первый план инициативу императора. Отзываясь с похвалой о богословских познаниях Ираклия, он сообщал о встрече его в Армении с Павлом Севериянином, об указе Аркадию Кипрскому, о сношениях с Киром в Фазиде и о своей переписке с последним. Он указывал на послание патриарха Мины к папе Вигилию и сослался на авторитет самого папы Льва, в словах которого в знаменитом «Томосе» можно было видеть как бы подтверждение нового догмата.[416] Сергий счел нужным помянуть о протесте Софрония (которого знали в Риме), своем с ним объяснении, а также и о том, что вопрос об одной энергии вызвал споры и разногласия в Константинополе. Упоминая о Софронии, он отметил, что тот занял уже патриарший престол в Иерусалиме, но не прислал ему своей синодальной грамоты.

Папа отнесся благосклонно к совершившемуся в Египте воссоединению феодосиан, одобрял усилия Сергия и Кира к восстановлению церковного единства и, не высказываясь вполне определенно по существу нового догмата, признавал праздными и опасными споры о вопросах вероучения, которые не были разрешены на вселенских

---

[410] *Gutschmid.* Kl. Sch. II, 475.
[411] Ib. II, 477. — Между 9 апреля и 4 октября 631 года.
[412] *Severus ibn Mukaffa.* History of the Patriarchs. — *Patr. Orient.* I, 490.
[413] Ib. 491-492.
[414] *Mansi.* XI, 561-564.
[415] Ib. 537 A.
[416] *Mansi.* XI, 529-537. — Слова папы Льва: agit enim utraque forma cum alterius communione, quodproprium est. *Mansi.* V, 1375.

соборах, предоставляя прения об изъяснении смысла слов и терминов грамматикам.[417]

Сочувственный ответ папы мог бы, казалось, побудить Сергия довести дело до конца, но этого не случилось, быть может ввиду опасений протеста со стороны патриарха Софрония. Его синодальная грамота была составлена не позднее начала 634 года. Такое заключение позволяет сделать то обстоятельство, что о нашествии арабов он говорит как о преходящем бедствии и с полной уверенностью высказывает надежду на то, что меч сарацинов обратится на них самих. По своему содержанию синодальное послание Софрония представляет обстоятельный богословский трактат, в котором предстает в полном блеске богословская ученость автора и сила его диалектики. Анафематствуя всех еретиков, Софроний резко отгораживается от монофизитов, назвав при этом недавно умершего Афанасия и упомянув о его «нечестивом союзе» с Анастасием Александрийским.[418] Софроний не мог не знать о попытке провести унию, которую делал император в Сирии, но он, очевидно, знал о ее неуспехе и считал эту затею безнадежной.

Патриарх Сергий во время заминки с делом о новом пункте вероучения изменил первоначальную его формулировку, с которой император выступал в Сирии на соборе с Афанасием и Кир в Александрии. Изменение состояло в том, что он отстранял решение вопроса об одной или двух энергиях и лишь утверждал единство воли, θέλημα. Эта новая формулировка вошла в текст императорского указа, который был издан во второй половине 638 года и получил название «изложения», Ἔκθεσις.[419] Около этого времени умер папа Гонорий (12 октября) и на престол св. Петра был избран Северин. В конце года был отправлен к тогдашнему экзарху Италии Исаакию магистриан Евстафий с текстом эктесиса. По пути в Италию он должен был заехать в Александрию и доставить Киру текст эктесиса. Патриарх Сергий отправил при этом Киру великолепный золотой крест с частицей Креста Господня. Ответное послание Кира не застало Сергия в живых. Он скончался 9 декабря 638 года.[420] Из текста послания Кира видно, что он знал об избрании Северина в Риме, не сомневался, что он примет эктесис и выражал надежды на светлое будущее империи и церкви.[421]

20 декабря на вакантный константинопольский престол был посвящен Пирр. Не ожидая соглашения с избранным, но еще не утвержденным папой Северином, он принял меры к тому, чтобы все епископы его паствы подтвердили своей подписью принятие эктесиса.[422] В Константинополе находились в это время апокрисиарии папы Северина. Им был предъявлен текст эктесиса и требование, чтобы папа его принял. Но они не считали себя вправе принять на себя какие-либо обязательства за папу и выражали лишь готовность доставить папе указ императора.[423] Дело об утверждении папы в его сане затянулось надолго, и он вступил на кафедру лишь в апреле 640 года. Воспользовавшись неопределенным положением папского престола, хартуларий Маврикий поднял в Риме бунт против папского правительства. Он подступил к Латеранскому дворцу с войском, опечатал папскую казну и дал знать об этом в Равенну экзарху Исаакию. Очевидно, он действовал по указаниям экзарха. Исаакий прибыл в Рим, выслал из города влиятельных членов папского двора, окружил Латеран военной стражей и произвел конфискацию сокровищ папской казны. Этот насильственный образ действий был, по всему вероятию, предписан из Константинополя, так как Ираклий в ту пору страшно нуждался в деньгах как для войны с арабами, так и для устройства своих семейных дел. Задержка с утверждением папы Северина была, очевидно, вызвана его несогласием принять эктесис. В апреле 640 года он был утвержден, но его правление продолжалось только четыре месяца и 23 дня. Вопрос об эктесисе не поднимался за это время.[424] 24 декабря на престол св. Петра вступил папа Иоанн. В его лице римская церковь определила свое отношение к новому догмату в формулировке эктесиса. На соборе в Риме папа выступил с резким осуждением новшества и признал в нем ересь. Ираклий был в ту пору уже на одре смерти, а поэтому весьма сомнительным является сообщение Максима Исповедника о том, будто Ираклий в своем ответе папе Иоанну отрекался от авторства эктесиса и возлагал всю ответственность на почившего патриарха Сергия.[425] Возгоревшаяся между Римом и Константинополем борьба перешла в наследие сыновьям Ираклия и патриарху Пирру.

АРАБЫ И ИХ ЗАВОЕВАНИЯ

АРАБЫ ДО МУХАММАДА. ИСЛАМ. ВТОРЖЕНИЕ АРАБОВ В СИРИЮ. ИРАКЛИЙ В ЭДЕССЕ. УКАЗ О КРЕЩЕНИИ ИУДЕЕВ. БИТВЫ ПРИ ГАБИФЕ И НА ЯРМУКЕ. ДАЛЬНЕЙШИЕ УСПЕХИ АРАБОВ. ЗАВОЕВАНИЕ ПЕРСИИ. ВТОРЖЕНИЕ АРАБОВ В ЕГИПЕТ И ЕГО ПОКОРЕНИЕ

Напряженные усилия Ираклия упрочить политическое воссоединение с империей восточных областей путем устранения раскола между православной и монофизитской церквами встретили непреодолимое препятствие в противодействии как клира и монашества, так и народных масс. Могущественную поддержку этому протесту

---

[417] Ib. 538-543.
[418] *Sophronii.* Epistola Synodica, *P. G.* 87, 3, 3148-3200 (*Mansi.* XI, 831-853, латинский перевод).
[419] *Mansi.* X, 992-997.
[420] Погребение Сергия совершилось 13 декабря. Документ об этом событии сохранен *Константином Багрянородным*. *De cerim*. II, c. 30, p. 630.
[421] *Mansi.* X, 1004 E-1005 C.
[422] Ib. 1001-1004.
[423] Ib. 677-678. — Письмо Максима Исповедника к авве Талассию, читанное на Шестом Вселенском соборе.
[424] *Lib. Pontif*. 328-329.
[425] *Mansi.* XI, 9 B.

оказала внешняя сила, появившаяся в это именно время на арене мировой истории. То были арабы. Разбитые на множество племен по самим условиям природы той страны, которой они дали свое имя, арабы в течение долгих столетий не создали никаких форм для объединения в смысле государственного союза.[426] Зарождение культурной жизни на юго-западной окраине полуострова, как результат торгового обмена между Египтом и далекой Индией, выразилось в возникновении Минейского царства и сменявших его Сабейского, а затем Химьярского. За много веков своего существования до покорения персами при Хосрове, сыне Кавада, это царство не оказало воздействия на множество арабских племен, занимавших обширные территории к северу от него. Отдельные племена, занимавшие оазисы сирийской пустыни, издавна приходили в соприкосновение с обеими великими державами, Персией на востоке и Римской империей на западе. Свободные и недоступные на своих оазисах, отделенных пустынями друг от друга и от областей, заселенных земледельческим населением, участвовавшим в сложении государственных образований, арабы являлись для них постоянной внешней угрозой, но также и подчинялись их воздействию ради тех культурных благ, какие доставляло общение с ними. В течение веков обе державы сумели подчинить своему авторитету ближайшие к своим границам племена и в мирных договорах V и VI веков взаимно обязывались не нарушать сложившихся отношений зависимости. Так возникло царство Лахмидов с центром в Хире на пограничье с пустыней на нижнем течении Евфрата, признававшее зависимость от персов, а на западе — царство Гассанидов с центром в области, носившей имя Джолан, лежавшей к югу от Дамаска. Эти царства находились во взаимной вражде, которая нередко вызывала обострения в отношениях Персии и империи. Сирийские арабы жили вне всякого общения со своими соплеменниками, занимавшими аравийский полуостров, хотя род Гассанидов вел свое происхождение из земли химьяритов. Христианство рано проникло в царство Гассанидов, а затем и Лахмидов и явилось мощным фактором связи кочевников с культурным миром.

В первой четверти VII века в той полосе по восточному берегу Красного моря, где издавна пролегал караванный путь для торгового обмена между Индией и странами Азии и Европы, в Мекке с ее святилищем, которое с течением времени стало религиозным центром для ближайших арабских племен, принимавших участие в этом торговом движении, явился человек, выступивший с проповедью новой религии. В ту пору религия арабов представляла собою смешение тотемизма, фетишизма и идолопоклонства с неясными воспоминаниями о представлениях и наименованиях божеств древневавилонских и древнеизраильских (Мюллер). Близкие по расе к арабам, иудеи, жившие среди них в значительном числе, оказывали воздействие на их религиозные представления, и предание об общем происхождении от Авраама пользовалось всеобщей верой. Мухаммад, родившийся около 570 года, уже в зрелые годы своей жизни уверовал в призвание свыше очистить религию своих соплеменников и выступил с проповедью новой религии, основным положением которой являлось изречение: «нет Бога кроме единого Бога, и Мухаммад пророк Его». В течение долгого времени проповедь Мухаммада не встречала отклика и ставила его нередко в трудное и опасное положение. Но мало-помалу тесный круг людей, уверовавших в него, как в пророка, расширился. Он сам верил и заставил уверовать других, что архангел Гавриил является посредником между ним и Богом. Припадки эпилепсии, которым он был подвержен, понимались, как моменты наития. В судьбе нововозвещенной веры, именовавшейся исламом, огромное значение имело бегство пророка из родной ему Мекки в город Ятриб (Медина), когда жизнь его подверглась опасности от корейшитов, господствовавших в Мекке. Событие это случилось в сентябре 622 года, и эта дата явилась началом новой эры, которая живет и поныне в мусульманском мире. Авторитетный исследователь ислама Гольдциер определяет значение совершившегося переворота в таких словах: «Только в Медине ислам сложился в определенное учение и притом — в организацию воинствующую, трубный глас которой звучит на протяжении всей истории позднейшего ислама. Покорный смиренник вчерашнего дня, проповедовавший маленькой кучке своих приверженцев, находившихся в презрении у мекканских патрициев, терпеливую покорность воле Божьей, затевает военные предприятия; человек, отвергавший всякую собственность, приступает к упорядочению раздела добычи, к установлению законов, регламентировавших права наследства и имущественные отношения. Впрочем, и в последнее время Мухаммад не переставал поучать об отвержении всего земного».

Будучи признан в Ятрибе пророком единого Бога, избравшего его орудием откровения, Мухаммад прочно утвердил свое господство и создал новую форму объединения для пребывавших дотоле в непрестанной вражде и взаимной борьбе арабских племен. Это объединение получило характер политического союза с теократической идеей в своей основе. Оно совершалось путем кровавой междоусобной борьбы, в которой пророк всегда оставался победителем. В 626 году Мухаммад был уже настолько силен, что совершил поход на Мекку и, подчинив ее себе, дал ее древнему святилищу, из которого он удалил всех идолов, значение центра новой религии. По позднейшим арабским сведениям (современных свидетельств не сохранилось), Мухаммад в 627 году обратился с требованием принять ислам к правительствам областей Аравии: Йемена, Бахрейна и других, к персидскому царю Хосрову, шейху сирийских арабов Аль-Харису, правителю Египта Георгию (?), царю Аксума (Абессинии) и императору Ираклию. Правитель Бахрейна подчинился пророку и принял ислам. Правитель Йемена ответил резким отказом, но вынужден был покориться и принял ислам; царь Аксума дал благоприятный

---

[426] См. т. II. — Общий очерк древнейшей истории южной Аравии дан недавно в русской ученой литературе *Крымским*. Старинная история южной Аравии. *Древн. Вост. Моск. Археол. Общ.*, т. IV, Москва. 1913, стр. 1-30.

ответ, а Хосров разорвал в мелкие куски письмо пророка и приказал своему наместнику в Химьяре прислать ему голову самозванца. Узнав об этом, Мухаммад предсказал ему крушение его царства. Правитель Египта оказал самый внимательный прием послу, обещал рассмотреть предложение и отправил посольство в обратный путь с щедрыми подарками. В числе их были две рабыни из Сирии. Одну из них, Марию по имени, пророк взял себе в жены и имел от нее сына. Что до Ираклия, то он будто бы обещал принять ислам. Свидетельство об этих посольствах не может, конечно, претендовать на полную историческую достоверность и, быть может, является обобщением событий разного времени. Наиболее сомнительным представляется свидетельство о посольстве к Ираклию, который в ту пору готовился в свой последний поход против Хосрова в далеких областях севера, неведомого тогда арабам.

В то время, когда Мухаммад предлагал соседним державам принять ислам, все северные племена арабов, разобщенные со своими соплеменниками, стояли вне всяких отношений к событиям, совершавшимся внутри полуострова. К одному из шейхов дома Гассанидов, носившему имя Шурахбил Ибн Амр,[427] Мухаммад послал в Бостру требование принять ислам. Но тот убил посла пророка. Дело требовало мщения, и в 8 году хиджры (с 1 мая 629 г. по 19 апреля 630) Мухаммад послал своего любимца и названного сына, по имени Зайда, отомстить за убийство посла. Зайд с тремя тысячами войска направился в область, лежавшую к востоку от Мертвого моря, которую арабы называли Аль-Белька, и прошел до города Муты. Власть императора в этих областях была лишь недавно восстановлена после оставлении их персами. Викарий Феодор получил известие о вторжении от одного араба из племени кодаитов (Κονδαβά у Феофана), кочевавших к югу от крепости Петры. Собрав наличные силы, Феодор напал на Зайда в тот самый день, когда тот готовился напасть на своих соплеменников. Битва была чрезвычайно упорна и окончилась полным разгромом арабов. Зайд и еще два вождя пали в битве, спастись удалось немногим, и в числе их был Халид ибн Валид, прославившийся позднее и получивший прозвание «меча Божия».[428] Это событие не произвело тогда особого впечатления и не привлекло к себе должного внимания римской власти, так как тревоги на пограничье с пустыней издавна были обычным явлением.

Ближайшие к границам империи арабские племена составляли некогда могущественное царство Гассанидов. Близорукая политика Маврикия в самом начале его правления содействовала ослаблению этого заслона со стороны пустыни, вызвала разделение среди арабов и переход племен под верховную власть персидского царя.[429] Нашествие персов и утверждение их власти в Сирии оказало воздействие в том же самом направлении, так как арабы, разделенные между двумя державами, находились в исконной взаимной вражде, и персидское завоевание надолго оставило следы разорения в цветущих некогда оазисах.[430] В интересах империи было восстановить добрые отношения с арабами и обеспечить старую охранную службу их на границах. По свидетельству Никифора, арабы получали 30 фунтов золота за охрану торговых караванов, направлявшихся по старым торговым путям к морю из пустыни и обратно.[431] Ираклий был, по-видимому, мало знаком с этим прошлым и не имел времени заняться лично делами Сирии. Побывав в Иерусалиме, он поспешил в Месопотамию. Дукс Палестины Сергий вместо того, чтобы привлечь арабов на старую охранную службу, оттолкнул их от империи своим высокомерным отношением к их шейхам. Свидетельство об этом сохранил Феофан. Когда царский евнух прибыл с деньгами за границу для уплаты жалованья пограничным войскам, к нему явились арабские шейхи в надежде получить, как и прежде, полагавшиеся дары. Но евнух (вероятно, это был Феодор Трифирий, сакелларий Ираклия) отказал им в очень резкой фразе, заявив, что «у царя едва хватает денег уплачивать жалованье солдатам и он не будет платить этим псам».[432] Оскорбленные таким отношением, арабы вступили в соглашение со своими соплеменниками, принявшими ислам, и послужили им впоследствии проводниками по знакомым им дорогам пустыни в их нападениях на империю. Последующие события позволяют, однако, утверждать, что среди арабских племен были и такие, которые восстановили свои старые отношения с империей и держали ее сторону и впоследствии во время тяжких войн, отторгших Сирию от империи.

Получив известие о гибели Зайда и его отряда, Мухаммад в октябре того же года назначил нового начальника на охрану сирийской границы и стал, по-видимому, замышлять поход в Сирию с большими силами. В следующем году во главе большого войска он двинулся из Медины на север, но дошел только до Табука (на полпути от Медины до Муты). Этот поход имел своим последствием признание верховной власти Мухаммада на побережье Акабского залива. Главный город — Эйлат и соседние поселения, имевшие преимущественно иудейское население — покорились пророку и обязались платить ему дань. Весною следующего года Мухаммад совершил паломничество в Мекку и по возвращении оттуда в Медину назначил командиром воинства, собранного для похода в Сирию, Осаму, сына павшего при Муте Зайда. Но раньше чем войска могли выступить в поход, Мухаммад захворал и 8 июня 632 года скончался. Его преемником стал Абу-Бекр. Во исполнение воли почившего пророка он приказал собравшемуся в путь войску сделать поход на север; дело ограничилось,

---

[427] *Nöldeke.* Die Ghassanischen Fürsten. *Abh. der Berl. Akad.* 1887, p. 44.

[428] *Theoph.* 335, 14-23. — В летописи *Илии Нисибинского* гибель Зайда отнесена к 8 году геджры (с 1 мая 629 по 19 апреля 630); поражение приписано лично Ираклию с огромной армией в 200 тысяч человек, что указывает на арабский характер источника.

[429] См. т. II.

[430] *Nöldeke.* Tabari, 299.

[431] *Niceph.* 23, 17-21.

[432] *Theoph.* 335, 23-336, 3.

впрочем, набегом на арабов южной части Сирии, не принявших еще ислама.

Вступление Абу-Бекра в наследование того чрезвычайного положения, которое создал себе Мухаммад, сопровождалось восстаниями во многих местах, которые были подавлены кровавыми репрессиями. Большие заслуги имел при этом Халид, получивший именно за это свое прозвище «меч Божий». Утвердившись во власти, Абу-Бекр стал рассылать воззвания к арабским шейхам с требованием поставки людей на войну с неверными, и скоро в Медину стали стекаться отряды от всех племен, принявших ислам. Свои завоевания арабы начали в двух направлениях: в 633 году они начали завоевание Ирака, а в 634 — Сирии. Армия, отправленная на покорение Сирии, состояла первоначально из трех отрядов по 3 тысячи человек каждый. Во главе их стояли вожди Йазид, сын Абу-Суфьяна, Шурахбил и Амр ибн Аси. По сведениям арабских источников, описавших эти события лишь через столетие и больше, Омар сопровождал свое воинство при его выступлении и, расставаясь с ним, преподал вождям наставление, как вести себя в подлежащих завоеванию землях. Предостерегая от излишней жестокости, он внушал им принципы справедливости и милосердия к покоренным. Иазид и Шурахбил направились по старой дороге из Медины на Табук, чтобы сделать вторжение в южную Сирию. Путь Амра лежал на город Эйлат на северной оконечности Акабского залива и оттуда через синайские пустыни на крайний южный приморский пункт Палестины, старую крепость Газу. Вторжение Амра в область Газы совершилось в самом начале 634 года. Дукс Палестины Сергий, получив известие о вторжении арабов и разорении страны, выступил из Кесарии с наскоро собранными силами, состоявшими в большинстве из самаритян. По свидетельству, сохраненному одним сирийским летописцем, битва произошла в 12 милях к востоку от Газы 4 февраля.[433] Арабы разгромили самаритян, и Сергий бежал с поля битвы с небольшим отрядом воинов; во время преследования он был настигнут и убит.[434] Арабы рассеялись по стране, подвергли ее страшному опустошению и с богатой добычей и множеством пленных отступили в свои пустыни. В арабских источниках место первой битвы носит имя Датина.[435] Одновременно с вторжением Амра Йазид и Шурахбил успешно действовали в землях к востоку от Мертвого моря и течения реки Иордана. К ним присоединился третий вождь Абу-Убайда с новыми силами из Медины. Вожди требовали от Омара подкреплений, и он отправил гонца к Халиду, «мечу Божию», который в течение 633 года успешно действовал против персов в Ираке, как называли персы землю между Тигром и Евфратом. Халид прошел через пустыню на запад, в день Пасхи (или Троицы) разгромил по пути одного из шейхов рода Гассанидов и еще весной 634 года присоединился к вождям, действовавшим в Заиордании.[436] Усиленные его приходом арабы двинулись на Бостру, и этот старый опорный пункт римской власти в стране сдался победителям.

В то время как дела в Палестине принимали такой тревожный характер, Ираклий находился в Месопотамии и имел свою резиденцию в Эдессе.[437] Здесь в 633 году он получил известие от патриарха Кира об успехе унии в Александрии, сюда писал ему патриарх Сергий в ответ на его запросы богословского характера. После продолжительного господства персов в восточных областях империи Ираклию пришлось заняться организацией пограничных военных сил и восстановлением старых крепостей. Главная из них, Дара, лежала в развалинах после взятия ее Хосровом в 604 году, и Ираклий отстроил ее заново.[438] Юго-восточная часть Четвертой Армении с присоединением Арзанены получила название Верхней Месопотамии, и все ее поселения, перечисленные в «Описании римской империи» Георгия Кипрского, названы не городами, а укреплениями, κάστρα.[439] Наряду с этими заботами Ираклий прилагал все усилия к водворению унии в Месопотамии и Сирии, и протест туземного населения вызывал его на меры насилия, память о которых сохранило сирийское церковное предание.[440] К тому же времени относится новое начинание Ираклия в сфере религиозной политики: он издал указ о насильственном крещении иудеев по всей империи. Дату этого события сохранил Михаил Сириец, который отметил издание

---

[433] *Chron. min.* (Scr. Syri. t. IV) p. 112.

[434] *Theoph.* 336, 14-20; *Mich. Syr.* XI, 4, p. 413. — О мучительной казни, которой подвергли арабы взятого в плен Сергия, ходили слухи, записанные *Никифором.* 23, 13-17. — Он был зашит в шкуру верблюда. Причиной этой жестокости было то, что он считался виновником отказа арабам в уплате даров. Очевидно, что в рядах армии Амра были арабы, признававшие раньше власть императора. Де-Гуэ в своем исследовании о завоевании Сирии не дает веры *Феофану* в его свидетельстве о гибели Сергия в этой именно битве на том основании, что в деяниях Шестого Вселенского собора сохранилось письмо патриарха Софрония к патриарху Сергию с выражением уверенности в победе над арабами, а начало патриаршества Софрония он относит не к самому началу 634 года, так как принимает неверное свидетельство о том, что Модест скончался в 634 году. Но Софроний занял кафедру после продолжительного перерыва, и Модест скончался в конце 630 года. Таким образом, нет оснований сомневаться, что Софроний писал свою синодику в самом начале года и своего патриаршества в пору сборов дукса Сергия на войну с арабами, которые тогда вовсе не казались столь грозными, какими были в действительности.

[435] *De-Goeje.* Mémoire sur la conquête de la Syrie, 2-de éd., p. 32.

[436] Маршрут Халида см. *De Goeje.* о. с. 37-50 и *Медников.* Палестина etc., стр. 43 и сл.

[437] *Agap. Menb.* p. 207. — Ираклий пробыл в Эдессе целый год.

[438] Через несколько лет Дара оказалась последним укрепленным пунктом, который был взят арабами при завоевании Месопотамии. — *Theoph.* 340, 25.

[439] *Georg. Cypr.* 46-48.

[440] *Mich. Syr.* XI, 3, p. 412-413.

этого указа вслед за изложением событий 634 года.[441] По сообщению одного египетского писателя конца VII века, поводом к изданию этого указа послужил вещий сон, в котором Ираклию было открыто, что образованный народ одержит над ним победу и овладеет его царством.[442] Другая версия проникла на далекий запад и сохранена для нас Фредегаром. Ираклий был человек глубоко сведущий в науках, а также в астрологии. Благодаря этим познаниям, он открыл тайну будущего об опасности, которая грозит империи со стороны обрезанного народа и понял эту угрозу, как указание на иудеев, а поэтому издал указ о насильственном крещении их по всей империи. В своих сношениях с царем франков Дагобертом Ираклий склонял его к такому же образу действий в его царстве, и Дагоберт внял внушениям императора и старался искоренить иудейство в пределах своей державы в Галлии.[443]

Действие указа о насильственном крещении иудеев распространялось на всю империю, но предание сохранило нам сведения о его применении лишь в одном месте, а именно: в Карфагене. Новооткрытый в греческом подлиннике памятник «Учение новокрещенца Якова», в котором описаны события, относящиеся к первой половине 634 года, начинается с рассказа о том, как новоприбывший префект Африки, Георгий, немедленно произвел насильственное крещение представителей местной иудейской общины и продолжал затем применять новый закон даже в отношении к иудеям, случайно прибывшим в Карфаген по торговым делам. К числу последних принадлежал некто Яков, образованный иудейский «учитель», который после насильственного крещения глубоко воспринял истину христианства и примирил с ним своих соплеменников, крещенных раньше него. В числе последних был Иосиф, автор названного сочинения.[444] Насилия над иудеями усилили солидарность между ними и арабами, которая существовала еще ранее. По словам Иосифа, гибель Сергия в Палестине вызвала всеобщую радость иудеев в Кесарии и других городах Палестины, так как уже тогда были люди, которых Иосиф называет «смешавшимися с арабами» (μιγέντες μετά τῶν Σαρακηνῶν [445]). После издания указа о насильственном крещении множество иудеев бежало к арабам.[446]

После гибели Сергия Ираклий поручил руководство военными действиями против арабов своему брату Феодору. Главным военным центром Палестины была приморская крепость Кесария. Сформировав здесь армию, Феодор выступил против арабов, прошел в Заиорданье и дошел до города, который назван у Феофана именем Γαβιθᾶ (Джабия).[447] Соединенные силы арабских вождей превосходили войско Феодора как числом, так и воодушевлением, и Феодор понес страшное поражение. В числе павших было много офицеров высшего ранга.

---

[441] Ib. XI, 4, p. 414.

[442] *Severus ibn Mukaffa.* History of the Patriarchs. — *Patr. Orient.* I, 492.

[443] *Fredegarii.* H. F. c. 65.

[444] *Bonwetsch.* Doctrina Jacobi nuper baptizati.

[445] Ib. p. 88, 4.

[446] *Михаил Сириец,* XI, 4, 415, вслед за рассказом о поражении Феодора, землетрясении и комете, предвещавшей нашествие арабов, что он относит к 945 году эпохи Александра, т. е. 634 г. по Р. Х., дает такое сообщение: «В это время Ираклий предписал, чтобы все иудеи, которые проживали в землях римской империи, сделались христианами. Вследствие этого иудеи бежали из земель римлян; они пришли сначала в Эдессу; но, испытав новые насилия в этом месте, бежали в Персию. Большое число их приняли крещение и стали христианами». — Таким образом, даты *«Учения Якова»* и *Михаила Сирийца* совпадают, и так как события, сообщенные в первом памятнике, не могут не вызывать к себе полного доверия, то остается принять за вполне достоверный факт издание эдикта Ираклием о насильственном крещении иудеев. В журнале «*Христианский Восток*», III, вып. II (1914), появилась статья г. *Блейна:* «Об отношениях евреев к правительству Восточной Римской империи в 602-634 гг. по Р. Х.» Автор сопоставил материал главным образом из Doctrina Jacobi nuper baptizati и попутно задел другие вопросы. Полное отсутствие исторической перспекивы и незнакомство с такими элементарными вопросами, как димы в столице и других городах империи, лишают научного значения эту работу. Могу дополнить свое изложение о насильственном крещении иудеев в Африке в 634 г. свидетельством другого современника, помимо новокрещенца Якова, а именно: Максима Исповедника. Я обязан им проф. *С. Л. Епифановичу,* который для своего исследования о св. Максиме собирал материал по рукописям из разных библиотек западной Европы. В тексте одного письма Максима к Софронию, будущему Иерусалимскому патриарху, по фотографическому снимку с рукописи Ватиканской Библиотеки, читается между прочим следующее (привожу текст перевода): «Благословенный и истинный раб Господа Бога, преславный эпарх, достигший по божественной благодати цели согласно изволению благочестивейших царей, вернулся (к нам), блистая благодатью. Духа Святого, и в день святаго Воскресения Христова сделал сразу христианами всех живущих по всей Африке иудеев и самаритян, туземцев и пришельцев, числом во много десятков тысяч душ, с женами, детьми и слугами».

[447] Город Джабия, Γαβιθά у *Феофана,* по определению *Михаила Сирийца,* XI, 6,20, был расположен — dans la region de Bostra, qu'ils appelent Gabitha, sur le fleuve nomme Yarmouka. *Nöldeke.* Z. d. M. G., 29, (1876), стр. 79; 430, помещает его в оазисе Голан, центре царства Гассанидов. Город этот имел большое значение, и его имя носили ворота Дамаска, обращенные в ту сторону пути к нему. По замечанию *Нёльдеке,* в первые годы своего господства в Сирии арабы рассматривали старую резиденцию Гассанидов, как главный город своих новых завоеваний. Здесь побывал Омар во время своего путешествия в Сирию и здесь он на совещании с Амром дал тому разрешение на поход в Египет.

Феодор спасся бегством и вернулся к Ираклию в Эдессу.[448] Битва произошла летом 634 года, и весть об этом успехе была получена в Медине еще при жизни Абу-Бекра, который скончался 22 августа 634 года.

Арабские хронисты, сохранившие немало точных и не вызывающих сомнения относительно своей достоверности сведений, хотя их литературная деятельность отделена от времени этих событий промежутком в сто и более лет, резко расходятся в определении места битвы с указанной выше локализацией ее в Заиорданье. Они локализуют ее близ города, которому дают имя Аджнадейн. Де-Гуэ в своем исследовании о покорении Сирии по арабским источникам определяет место этого города на узловом пункте дороги из Иерусалима в Газу, неподалеку от города Елевферополя. Проф. Медников в своей «Истории Палестины» изъяснил и самое имя Аджнадейн, как искажение имени Джаннаба, какое носили два поселения в бассейне реки Вади-с-Самт, и приложил карту этого места.[449] Отдавая должное блестящей критике Де-Гуэ и предложенной им комбинации данных, сохраненных арабами, мы считаем заслуживающей предпочтения ту локализацию битвы, которую сохранил Феофан.[450] С его показанием сходится свидетельство одного отрывка сирийской хроники, изданного проф. Нёльдеке,[451] а также и Себеоса, который локализует эту битву в Раббат-Моабе, в пределах колена Рувимова, т. е. в южной части Заиорданья. Тот же историк сообщает, будто после этой битвы все сыны Израиля соединились с арабами и составившееся таким образом огромное воинство предъявило Ираклию требование предоставить потомству Авраама, какими признавали себя и арабы, обетованную землю.[452]

Поражение Феодора имело тяжкие последствия в личной жизни Ираклия. В нашествии арабов Феодор видел кару Божию за грех брата, а именно: его кровосмесительный брак. На этой почве между братьями вышло резкое столкновение, которое кончилось тем, что Ираклий не только лишил Феодора командования, но отдал его под стражу и отослал в столицу, приказав своему сыну и соправителю Константину заточить его.[453]

Войну против арабов Ираклий поручил своему боевому сподвижнику, армянину Ваану, и доверенному лицу, своему сакелларию, евнуху Феодору Трифирию. По-видимому, командование войсками было возложено на Ваана, а Феодор должен был сформировать новую армию и привести ее на театр военных действий. Раньше, чем Ваан и Феодор могли исполнить возложенное на них поручение, арабы использовали свою победу.

Опорный пункт римской власти на юге Палестины, старая крепость Газа, сдалась арабам, которые рассыпались в своих грабительских набегах по всей стране. В Иерусалимской церкви был обычай совершать в праздник Рождества Христова паломничество в Вифлеем. Но бродившие по Иудее грабительские шайки не позволили патриарху Софронию соблюсти старый обычай. В день праздника он держал к своей пастве великолепное слово, в котором упоминал о тревогах настоящего и увлекал мысли своих слушателей в горний мир изъяснением тайны нашего спасения через Богочеловека.[454]

По арабским сведениям, после битвы при Аджнадейне вожди арабов разделились. Амр направился в земли самаритян и покорял города в этой области, Халид прошел в Галилею. Близ Скифополя он выдержал битву с имперскими войсками и затем нанес им тяжкое поражение близ Пеллы (23 января 635 года). В руки арабов перешел город Тивериада. Предоставив покорение Галилеи Шурахбилю, Халид направился к Дамаску, а из Гаурана высылал летучие отряды на север.

В январе месяце 635 года, по свидетельству сирийского летописца, город Эмесса, испытав страшное опустошение своей области, вступил в переговоры с арабским вождем и сдался ему.[455] Но вскоре, 25 февраля, отряд арабов под начальством соименника «меча Божия», другого Халида, наткнулся на византийское войско и был истреблен; в битве пал вождь, и смерть его увековечена в арабской народной поэзии. По свидетельству, сохраненному Феофаном, Ваан отогнал арабов до Дамаска, перешел через реку Варданисий, на которой стоит Дамаск, и разбил свой лагерь вблизи арабского стана.[456] Его силы были, однако, недостаточны, и когда арабы дождались подкреплений, Ваан отступил к Эмессе. Арабы продолжали осаду Дамаска. Гарнизон потерял надежду отстоять город и бежал с большими затруднениями за десять дней до сдачи. Переговоры о сдаче вел Мансур, имя которого осталось в памяти с клеймом предателя.[457] Наступление арабов в Дамаск совершилось одновременно из двух противоположных ворот (20 августа 635 года).[458]

Ираклий проживал в то время, по всему вероятию, в Антиохии и, по-видимому, не принимал личного участия в организации армии для борьбы с арабами. Приготовления к решительному удару затянулись надолго, и только летом 636 года армия была готова к выступлению. Численность военных сил, находившихся под

---

[448] *Theoph.* 337, 1-3; *Scr. Syri.* VII, 63, 26-27.
[449] *De-Goeje. o.* с. 63; *Медников.* Палестина etc., стр. 422, где дана и карта.
[450] Ср. *Pernice,* о. с. App. IV. Rabbath Moab o Agnadein, стр. 321-322.
[451] *Nöldeke.* Zur Gesch. d. Araber (*ZdDMG*, XXIX, p. 76, 579). Текст переиздан в латинском переводе. — *Chr. min.* (*Scr. Syri.* IV). p. 60.
[452] *Себеос.* гл. 30, стр. 117.
[453] *Niceph.* 23, 6-11.
[454] Латинский перевод этой проповеди (неполный) издан *Минем. P. G.* 87, 3, 3201-3212. Подлинный полный текст был издан *Usener'*ом. Kleine Schriften, IV, 162-177.
[455] *Nöldeke.* Zur Gesch. d. Araber. *ZdDMG,* XXIX (1876) 76 и сл. *Chron. min, (Scr. Syri.)* p. 60.
[456] *Theoph*. 337, 5-8.
[457] *Eutych. Ann*. 1097-1098.
[458] *Феофан.* — 338, 10 и *Михаил Сириец.* XI, 6, 421 относят сдачу Дамаска ко времени после битвы при Ярмуке, но тогда арабы взяли его во второй раз.

начальством Ваана и Феодора Трифирия, Феофан определяет в 40 тысяч человек, и эту цифру можно признать вероятной.[459] По военным условиям того времени, то была огромная армия. В ее составе было 12 тысяч христианских арабов под начальством Гассанида, носившего имя Джабала бен аль Айхам. При грозном наступлении этой сильной армии арабы очистили Дамаск и стянули свои силы в Заиорданье. Враждебные армии встретились в горных местностях по течению реки Ирмука, левого притока Иордана. Первая битва произошла 23 июля во вторник. Войско Феодора потерпело жестокое поражение, но военные действия продолжались затем в течение целого месяца. Роковому для империи исходу этой компании содействовали раздоры и разногласия между Вааном и Феодором, которые окончились тем, что войско Ваана, изменив Ираклию, провозгласило своего вождя императором. Феодор с той частью армии, которая сохранила верность Ираклию, отделился от изменников. Этим воспользовались арабы, и 20 августа произошла битва на берегах Ярмука, в которой арабы разгромили войска обоих вождей. По сообщению, сохраненному Феофаном, разгрому содействовало то обстоятельство, что в день битвы сильный южный ветер нес тучи пыли в лицо византийцам, которые не видели противника и не могли обороняться от нападения. Оттесненные на берега реки имперские войска попадали на крутизны и гибли здесь во множестве. Армия была уничтожена, в битве погибли как Ваан, так и Феодор.[460] В арабских источниках сохранено сведение об измене в день битвы Джабалы с 12 тысячами соплеменников. Но Джабала не ужился с халифом, вернулся в Сирию, и, сохраняя верность императору и своему христианскому вероисповеданию, после утверждения арабов в Сирии переселился со своими людьми в Каппадокию.

После разгрома при Ярмуке Ираклий потерял надежду отстоять Сирию от арабов. Иудеи и самаритяне открыто переходили на сторону победителей, а туземное монофизитское население, озлобленное насильственным воссоединением с халкидонской церковью, видело в арабах освободителей от ига империи. Ираклий покинул Антиохию со скорбным возгласом: Σῶζου Συρία, т. е. Прощай, Сирия! — как записал его слова по-гречески в свой текст сирийский летописец. Одновременно с отъездом императора в столицу, был увезен из Иерусалима Крест Господень. По сообщению Себеоса, это случилось, когда арабы перешли Иордан и встали лагерем в Иерихоне. Приближение неприятеля вызвало страшную панику в Иерусалиме, и ее последствием было спасение Креста от нового плена.[461]

Михаил Сириец, пользовавшийся монофизитскими источниками, в дополнение к сообщению о бегстве Ираклия прибавляет замечание, будто отказавшийся от защиты Сирии, он отдал приказ войскам грабить и разорять города и селения, прежде чем их покинуть.[462] По военным нравам того времени поведение солдат нередко получало такой характер даже вопреки приказам вождей. Достоверно то, что отъезд Ираклия не был сигналом к отступлению военных сил, стоявших в гарнизонах в разных городах Сирии, и окончательное завоевание страны потребовало еще нескольких лет непрерывных военных действий. Но в этом свидетельстве сказывается глубокое раздражение туземных христиан против императорской власти, сливавшейся в представлении тогдашних поколений с халкидонской верой, которую император тщетно пытался насадить в Сирии.

После битвы при Ярмуке арабы в течение нескольких месяцев вторично осаждали Дамаск, который и был взят ими в конце 636 года. Затем последовало завоевание Палестины. Амр основался в области самаритян с городами Севастией и Неаполем. То обстоятельство, что самаритяне в течение нескольких лет не были обложены никакой данью в пользу победителя, свидетельствует о добровольном подчинении их новым властям. Абу-Убайда осадил Иерусалим. Огромный город с его мощными стенами, над возведением которых трудилась в свое время императрица Евдокия, не мог быть взят арабами силою, так как они в то время не владели еще умением вести осаду по тогдашним правилам военного искусства.

В конце 637 года халиф предпринял путешествие в Сирию, чтобы принять под свою власть новые завоевания. Он основался в Джабии, старой резиденции Гассанидов, которая в течение некоторого времени имела значение центрального пункта завоеванных у империи областей. Патриарх Софроний вступил с ним в переговоры и сдал ему город, выговорив свободу христианского исповедания для населения. Омар, который в своем высоком сане

---

[459] Во фрагменте *Сирийской хроники* — 50 тысяч, *Михаил Сириец* дает цифру 40 тысяч, но видит в ней число павших в битве. *Себеос.* гл. 30, стр. 118 — армия — 70 тысяч, число павших — 2 тысячи, но разгром полный.

[460] *Theoph.* 338; *Себеос.* гл. 30, стр. 117-118. — Описание битвы у *Себеоса* носит характер живых рассказов участников боя, но относится к одному эпизоду, когда погибло 2 тысячи человек. *Mich. Syr.* XI, G. p. 420-421. Точная дата битвы сохранена в отрывке *сирийской хроники*, изданной *Nöldeke. ZdDMG*, XXIX, 79. *Eutych. Ann.* p. 1097 — сохранил другую версию о судьбе Ваана: он бежал на Синай и стал монахом под именем Анастасия.

[461] *Себеос.* гл. 30, стр. 118. — Проф. *Бьюри* (И, 266) повторяет вслед за другими ни на чем не основанное утверждение, будто сам Ираклий заезжал в Иерусалим.

[462] *Mich. Syr.* XI, 7, 421. — *Михаил Сириец* (XI, 6, 421) сохранил память об участии в войне с арабами одного из сыновей Шахрбараза. Он был в числе вождей армии Ваана, участвовал в битве при Ярмуке, спасся и подчинившись арабам проживал в Эмессе. Он обратился с предложением к Омару дать ему войско для покорения Персии арабам. Омар готов был согласиться на это, но дочери Хосрова, находившиеся в плену у арабов, рассказали об измене Шахрбараза Хосрову и об убийстве Ардашира и выставили его предложение, как желание завоевать себе царство. Омар приказал распять его в Эмессе. — Другой сын Шахрбараза, Никита, не был втянут ни в какую катастрофу и в 639 году состоял при византийском дворе в сане патриция.

преемника пророка и достигнутом под его руководством могуществе сохранял первобытную простоту бедуина, произвел глубокое впечатление как на патриарха, так и на жителей Иерусалима. Он въехал на верблюде, которого не желал заменить конем, в грубой, потертой шерстяной одежде. Вид халифа вызвал скорбное восклицание патриарха: «Воистину это мерзость запустения, предреченная пророком Даниилом, водворившаяся на месте святе». Он просил Омара принять льняную одежду и рубашку; но тот согласился воспользоваться этим лишь на то время, пока его одежда будет вымыта, после чего и возвратил патриарху его дар.[463] Христианам была дана полная свобода сохранить свою религию с обязательством относиться с уважением к исламу. Омар вернулся в Медину, а весной того же 638 года патриарх Софроний скончался.[464] Арабы продолжали свои завоевания к северу от Эдессы, и в том же 638 году их власть признала над собой столица Востока, Антиохия.

В 639 году Омар опять собрался посетить свои новые владения. Но в городе Эммаусе началась чума, распространившаяся оттуда на всю Палестину и Сирию, уносившая повсюду множество жертв. Получив известие об этом еще в пути, Омар вернулся в Медину. Позднейшие арабские писатели определяют число жертв своих соплеменников в 25 тысяч. В числе умерших от чумы были заслуженные вожди Абу-Убайда и Шурахбиль. Правителем Сирии вместо Абу-Убайды был назначен Йазид; когда же и он умер от чумы, то его преемником стал его брат Муавия, достигший впоследствии сана халифа. В ту пору еще держался последний опорный пункт римской власти в Сирии — Кесария в Палестине. Приморское положение города давало ему возможность получать подкрепления и провиант, а невладевшие инженерным искусством арабы были беспомощны в своей осаде. Ее начал в 639 году Амр ибн Аси; но не желая оставаться под начальством человека, который был раньше его подчиненным, он сдал командование и, с разрешения Омара, начал другое предприятие. Осада Кесарии продолжалась, и город был взят уже по смерти Ираклия.[465]

Во время второго посещения Сирии Омаром, прерванного чумой, решена была судьба Месопотамии. Абу-Убайда предлагал поручить распространение владычества арабов за Евфрат Йазиду, но Омар оставил Йазида в Палестине и поручил дело вождю Ийаду. Вновь назначенный Ираклием правитель Осроены, Иоанн Катея, вступил с Ийадом в переговоры и предложил ему, в предупреждение похода арабов за Евфрат, дань в размере 100 тысяч золотых в год. Заключив договор, Иоанн собрал деньги и отослал их Ийаду в Халкиду. Когда Ираклий получил об этом известие, он сместил Иоанна и отправил его в ссылку, а на его место прислал стратилата Птолемея. Не получив дани на следующий год, Ийад перешел Евфрат и начал покорение страны. Так как Ираклий за время своего пребывания в Эдессе изгонял монофизитских епископов, не принимавших унии, и предоставлял церкви халкидонитам, то появление арабов в стране являлось для туземцев освобождением от гнета чуждой им церкви. Когда Ийад появился под стенами Эдессы, к нему вышло посольство из представителей городского населения и отдало город под власть арабов на условии уплаты дани. Примеру главного города области последовали Карры и остальные города Месопотамии. Лишь старые крепости Константина (Телла) и Дара, куда собрались покидавшие свои стоянки гарнизоны, пытались отстоять себя от арабов, но были взяты силой.[466]

С водворением власти арабов все халкидониты подверглись и инанию и находившиеся в ссылке местные епископы вернулись и иступили в свои прежние права. Не везде, однако, водворение арабов проходило благополучно для туземцев. Михаил Сириец сохранил свидетельство о бедствиях, которые постигли монахов двух монастырей, расположенных между городами Марды и Решайна. Приняв их за персидских шпионов, арабы перебили значительное число их. Успевшие спастись основались на новых местах к западу от старых: одни в пустыне на реке Балихе, другие близ Каллиника на Евфрате. Этот последний монастырь получил название «монастыря колонны», так как перед церковью, которая там существовала, стояла колонна, сооружение которой приписывалось императрице Феодоре.[467]

Все завоеванные арабами земли были признаны государственной собственностью. Прежние собственники сохранили свое имущество, но их право из собственности превратилось в пользование. Верховная власть халифа выразилась в обложении всего населения данью, которая носила имя «харадж». Кроме этой дани, все жители, не

---

[463] *Theoph.* 339, 15-28; *Eutych.* 1099. Подробный рассказ эпизода об одежде халифа дает *Михаил Сириец* — XI, 7, 425-426. *Илия Нисибинский. Scr, Syri.* VII, 64 — помещает посещение Омаром Иерусалима в 17 год геджры — с 23 января до 11 декабря 638 года. Омар пробыл в Иерусалиме 10 дней.

[464] Его память празднуется 11 марта.

[465] *Mich. Syr.* XI, 8, 430; *Theoph.* 341, 23, *De-Goeje.* o. c. 167. — *Феофан* помещает взятие арабами Кесарии в 641 год (p. 341, 21-23); *Михаил Сириец* в более подробном сообщении об этом событии (XI, 8, 430-31) относит его к маю 951 года эры Александра, т. е. 640. *Де-Гуэ* в своем исследовании о покорении Сирии (изд. 2, стр. 167-168), разбираясь в арабских свидетельствах, принимает 641 год. Проф. *Медников* в своей Истории Палестины (стр. 633), после тщательного сопоставления тех же арабских свидетельств, высказывается зà 19 год геджры, который начался 24 сентября 639 года и окончился 12 сентября 640. *Мюллер.* Ист. Ислама, т. I, стр. 289, принимает дату — октябрь 640 года. Не принятый во внимание исследователями источник, *Иоанн Никиуский,* выставляет взятие Вавилона в Египте и Кесарии в Палестине как события одновременные. Дата взятия Вавилона точно установлена — 8 апреля 641 года. Таким образом, взятие Кесарии произошло в мае 641 года.

[466] *Theoph.* 399, 33-340, 10; 340, 20-26; *Mich. Syr.* XI, 7, 126; *Scr. Syri.* VII, 64; *Eutych. Ann. P. G.* Ill, 1101, D: *Beladhori,* франц. перевод — *Jour. Asiatique,* 1892, т. 19, 55-58.

[467] *Theoph.* 341, 8-10; *Mich. Syr.* XI, 5, 419. — Река Балиха — Belius у *Амм. Марц.,* II, 161 (23, 3, 7), ныне Белих, приток Евфрата.

принявшие ислама, обложены были поголовным сбором, термином для которого было слово «джизия». В ознаменование завоевания Сирии и Месопотамии Омар приказал в 640 году произвести перепись как населения, так и имущества жителей.[468]

За год раньше вторжения в Сирию, арабы начали наступательную войну с персидской державой. Ослабленная войной с Ираклием Персия не могла оправиться вследствие непрерывных перемен на троне Сасанидов. Персидская знать разбилась на партии, и после гибели царицы Азармидохт одновременно были выдвинуты два претендента, оба малолетние, Хосров, а по другим известиям Пероз, и Йездигерд, первый в Ктесифоне, второй в Атропатене. Приверженцы последнего оказались сильнее и водворили его в столице Персии, устранив его соперника. Йездигерду было тогда 8 лет, и власть перешла в руки сомкнувшихся для его поддержки членов персидской знати.[469] Сын и преемник правителя Хорасана Ферруха-Гормизды, убитого в краткое правление Азармидохт, Рустем, выдвинулся на первое место в раздираемом смутами царстве. Правление Йездигерда началось в конце 632 года.

Войну с Персией начал вождь Мусана ибн Харис. Уже в начале 633 года он приблизился к южным границам Персии, течению Шат-эль-Араба. Решив начать завоевание Персии, Абу-Бекр поставил во главе военных сил храброго Халида и приказал ему начать вторжение в Ирак, или Севад, как называли арабы область реки Тигра и Евфрата. Одновременно с тем другой вождь, по имени Ийад, был послан через пустыню к Хире, чтобы подчинить исламу соплеменников, давно и тесно связанных с персидской державой. Гормизда, наместник южных областей Персии, в ожидании арабского вторжения стянул войска на юг близ города Казимы, в двух днях пути от позднейшей Басры. Здесь произошла битва, персы потерпели поражение, и в бою пал Гормизда (март 633 года). Арабы перешли через Евфрат и стали грабить южную часть междуречья. Война шла с большой жестокостью: арабы убивали всех взрослых, брали в плен жен и детей и отсылали пленных в Медину. Близ города Мазара арабы встретили войска, посланные против них из Ктесифона, разбили и рассеяли неприятеля и продолжили свое дело грабежа. В этом походе арабы дошли до рукава, соединяющего Евфрат с Тигром. Здесь произошла битва, после которой арабы отступили. В мае месяце на правом берегу Евфрата собрались арабы, признававшие власть царя, и соединились с войском персов в местности Уллейс на Евфрате. Халид перешел Евфрат, напал на неприятеля и одержал новую победу. Путь на Хиру был открыт, и Халид взял город, овладел затем крепостью Анбаром на левом берегу Евфрата и Айн-Темром на северо-восточной границе пустыни.[470] Ийад, действовавший против арабов, занимавших оазисы к западу от Евфрата, успел только с помощью Халида справиться со своей задачей. Так, к началу 634 года оба берега Евфрата оказались во власти арабов.[471] Но в это время Абу-Бекр отозвал Халида на запад. Халид совершил свой прославленный потомками поход через пустыню и присоединился к Абу-Убайде и Йазиду для руководства военными действиями против войск императора в Сирии. Во главе арабского войска, воевавшего на Евфрате, остался Мусанна, которому арабское предание приписывает блестящую победу близ развалин Вавилона. Сознавая трудность своего положения, Мусанна летом 634 года отправился в Медину, но застал Абу-Бекра на смертном одре. Его преемник Омар послал на Евфрат нового главнокомандующего Абу-Убайду. Арабское предание сохранило память о битве на левом берегу Евфрата, в которой погиб Абу-Убайда: он был схвачен и растоптан слонами (ноябрь 634 года). Но как эту битву, так и другую, в следующем году, в местности неподалеку от Хиры арабское предание выставляет как блестящие успехи своего оружия. Счастливый для арабов исход последней битвы является вероятным, так как к этому году (635) относится основание ими на Шат-эль-Арабе нового города, получившего имя Басра.

Дальнейшие успехи арабов в их войне с персами связаны с именем близкого друга Мухаммада Саада ибн Абу-Вакасса. Битва, решившая судьбу Персии, произошла в 637 г. при Кадесии неподалеку от Хиры. Персидское войско под начальством Рустема билось четыре дня с противником и потерпело поражение. Рустем пал в бою.[472] Заменивший Рустема Хорох-Азат поспешил в Ктесифон. Двор покинул столицу, и малолетний царь был перевезен в крепкий город Хульван на верховьях реки Диалы. Арабы вступили в Ктесифон. Там им досталась огромная добыча, о дележе которой в Медине ходили впоследствии легенды.

В упрочение своей власти в Ираке арабы основали свой второй город, имевший характер укрепленного лагеря. Место для него было выбрано на западном побережье Евфрата на полпути между течением реки и старой столицей лахмидов Хирой. Он получил имя Куфа. Через несколько лет сюда были переселены иудеи, изгнанные халифом из Неджрана в Йемене.[473]

Утвердившись в Ираке, арабы распространяли свои завоевания в южной области персидского царства, Сузиане (Хузистан). Когда завоевание этой обширной страны было закончено, Хульван оказался в опасности, и персидский двор с малолетним царем переселился в Мидию. Вскоре арабы проникли в Мидию с юга, и в

---

[468] *Mich. Syr.* XI, 7, 426; *Theoph.* 341, 7-10.

[469] Подробное изложение судьбы последних представителей рода Сасанидов см. *Nöldeke.* Tabari, 390-399.

[470] «Айн-Темр лежал по середине узкой полосы, простирающейся между Евфратом и пустыней, от оконечности Персидского залива до большой излучины реки». *Мюллер.* I, стр. 279.

[471] Позволяю себе сослаться на изложение этих событий *Мюллером.* История ислама, т. I, 251-257.

[472] В персидской армии были армянские войска под начальством Мушега Мамиконьяна и Григория Сиунийского. — *Себеос.* гл. 30, стр. 119.

[473] В летописи *Илии Нисибинского* основание Куфы отнесено к 16 году геджры (со 2 февраля 637 г. — по 22 января 638), а переселение иудеев — к 20 году (с 21 декабря 640 г. — по 9 декабря 641).

Нехавенде к югу от Экбатаны произошла битва, в которой персидское царство сделало последнюю попытку отстоять свою самостоятельность. Военное счастье было на стороне арабов.[474] Двор бежал в Атропатену, но в 644 году арабы овладели главными городами этой области, и Йездигерд бежал в город Истарх (Персеполь). В 648 году была завоевана и эта крепость, и царь искал убежища в Хорасане. Измена правителя этой области заставила его бежать в Маргиану к туркам, но турки его убили. Это событие относится в 31 году хиджры (24 авг. 651 — 12 авг. 652 г.) Царская тиара была отослана в Медину и хранилась в Мекке, в храме Кааба, главной святыне ислама[475]. В лице Йездигерда окончила свое существование династия Сасанидов, державшая в своих руках судьбы Персии более 400 лет. В горных областях северо-восточной части персидской державы арабы встретили большие затруднения, которые, однако, не помешали им продвинуть свои завоевания до реки Окса в области бывшего там некогда царства ефталитов, или кушан, как называли их армяне.

Завоевание Сирии не было завершено, когда арабы начали новое смелое предприятие: двинулись на покорение Египта. Хлебородный Египет, житница империи, не имел со времен Юстиниана общего военного управления. В это время он был разделен на десять провинций, правители которых имели своей главной обязанностью сбор податей с населения.[476] По отдельным городам стояли гарнизоны, носившие имя полков (ἀριθμοί, numeri) весьма незначительного состава, вряд ли превышающего число 300, которые пополнялись из местного населения. По исчислению Масперо, вся военная сила Египта в то время не превышала 23 тысячи человек. Эта столь незначительная армия имела своей задачей обслуживать территории отдельных провинций под общим начальством правителя каждой из них в отдельности. Патриарх Кир, облеченный высшей властью в стране, пользовался своими полномочиями для водворения церковной унии и своими насилиями содействовал вящему отчуждению туземного населения от чуждой ему по языку и исповеданию империи. Внешний мир, которым пользовался Египет после восстановления верховной власти императора в стране в 629 году, имел своим последствием ослабление местной военной силы, которая имела характер военной полиции, а не армии, готовой для встречи с внешним врагом. Нашествие арабов с гениальным полководцем во главе явилось неожиданностью для центрального управления и застало военную силу Египта в полном расстройстве.[477]

Инициатива и блестящее выполнение смелого предприятия были делом Амра, выказавшего в этой войне свои блестящие дарования полководца. С соизволения Омара во время его второго путешествия в Сирию Амр с отрядом в 4 тысячи человек начал в конце 639 года поход из Палестины и справил национальный арабский праздник, приходившийся по нашему календарю на 12 декабря, уже на египетской территории в городе Ринокоруре, который у арабов получил название Аль-Ариш. Хотя судьба Сирии должна была явиться угрозой Египту, но, очевидно, никаких мер к усилению охраны страны не было своевременно принято, и первый укрепленный город на старом пути из Газы в Египет, Ринокорура, достался арабам без боя. Вторым пунктом, преграждавшим путь Амра, была старая крепость Пелузий. Амр подступил к городу со своими ничтожными силами, и хотя Пелузий мог получить подкрепление с моря, он был взят после осады, длившейся один месяц. Первый решительный успех Амра привлек под его знамена бедуинов ближайших пустынь, которые примкнули к своим соплеменникам в надежде на богатую добычу. Усиленный этой помощью Амр направил свой путь вдоль пустыни через холмистую местность Вади Тумилат и подступил к городу Бильбаису. На этом пути арабы благополучно отбили ночное нападение неприятеля под начальством вождя, которому арабское предание дает имя Артабуна — искажение имени Аретиона, как назывался военачальник, бежавший из Иерусалима раньше сдачи города в Египет.

Дельту Нила с юга закрывала сильная крепость Вавилон, на правом берегу реки.[478] Выше этого места был мост и близ него большая гавань со множеством судов, обслуживавших сообщения по рукавам Нила в дельте. Арабские источники дают этому месту название Умм-Дунайн, которое по догадке Батлера, является искажением имени Тендуниас, сохраненного в эфиопском переводе хроники Иоанна Никиуского.

Общее руководство военными действиями против арабов принадлежало Феодору, которого Ионанн Никиуский называет главнокомандующим. Его стараниями из провинций Египта Второго, обеих Августамник и Аркадии были стянуты войска в крепость Вавилон. Феодор не имел авторитета в глазах подчиненных ему военачальников, между которыми были свои личные счеты. Слабая попытка сопротивления была организована вождем Иоанном, которого Ираклий прислал недавно из столицы для защиты Египта. В то время как Феодор, находясь в дельте Нила, стягивал войска для предстоящей борьбы с вторгающимися насильниками, Иоанн с небольшим отрядом войска следил за движениями арабов на левом берегу Нила и, отбивая у них добычу, преграждал путь в Файюм. Амру удалось захватить город Бахнесу, где он произвел страшное кровопролитие, а затем напасть на противника и истребить весь его отряд. Труп Иоанна был брошен в реку. Получив известие об этом поражении, Феодор озаботился разыскать труп Иоанна, который затем отослал в столицу. Меж тем Амр беспрепятственно совершил обратную переправу через Нил. Он ожидал прибытия подкрепления из Медины, о котором просил халифа. Подкрепление пришло под начальством одного из ближайших к почившему пророку

---

[474] *Себеос.* гл. 32, стр. 124; *Mich. Syr.* X, 7, 424.
[475] *Mich. Syr.* XI, 8, 430 — «где она хранится и досель».
[476] Политическая география Египта того времени представлена в описании римского мира Георгия Кипрского. — *Georg. Cypr.* ed *Gelzer,* 35-41.
[477] *Maspero.* Organisation militaire de l'Egypte Byzantine. Paris, 1912.
[478] На месте нынешнего Каира.

советников, по имени Аз-Зубайр. В области города Илиополя произошло соединение. Когда стянувшиеся в Вавилон войска вышли из крепости, чтобы общими силами раздавить неприятеля, Амр разделил свое войско на три отряда, окружил противника, вызвал панику в его рядах и одержал блестящую победу. Жалкие остатки разбитой армии бежали в Вавилон, а укрепленная переправа на Ниле с ее гаванью и· судами досталась победителю. Отряд в 300 человек, остававшийся на ее охране, бежал в Никиус. Эта роковая для империи битва произошла в июле 640 года. Доменциан, которому была поручена охрана Файюма, прослышав об этом разгроме, бежал ночью из города и направился в Никиус.

Овладев переправой, Амр соорудил мост на Ниле и тем прекратил возможность сношений между дельтой и южными областями Египта. На юге он занял оазис Файюм, на севере овладел крепостями Атрибом и Менуфом и в сентябре обложил Вавилон. Занятие арабами городов и селений сопровождалось грабежами и жестоким кровопролитием. Страшная паника охватила население дельты, началось бегство в Александрию, а одновременно с тем и добровольное подчинение арабам туземцев во избежание меча и насилия. Феодор с другими начальниками отправился в Александрию, оставив Доменциана командиром крепости Никиус и поручив охрану реки командиру гарнизона города Себеннита.[479]

В сознании полного бессилия и невозможности бороться с арабами Кир вступил в переговоры с Амром и заключил перемирие. Амр требовал принятия ислама или уплаты дани. Полномочий на заключение мира Кир не имел и, возвратившись из Вавилона, откуда он вел переговоры, известил императора о положении дел в Египте. Ираклий заподозрил Кира в измене и приказал доставить его в столицу, где над Киром был произведен суд, который проходил публично перед большой толпой любопытных. Император уличал его в измене, а Кир, оправдывая себя, набрасывал подозрение на других и ручался императору, что дань арабам не уменьшит доходов, какие казна получала доселе с Египта. По сообщению Никифора, Ираклий честил Кира язычником (ἕλλην), грозил ему казнью, приказал префекту города подвергнуть его пытке и затем сослать в заточение далеко от столицы.[480] Событие это относится к поздней осени или зиме 640 года, а ll февраля 641 года Ираклий скончался, и судьба Египта была решена уже по его смерти в правление его сыновей.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ИРАКЛИЯ И ЕГО КОНЧИНА

Тяжкие неудачи, постигшие Ираклия в отвоеванной им Сирии, сломили его энергию и отразились на его здоровье. Храбрый воин, не раз принимавший личное участие в боях, опытный полководец, он не нашел в себе сил встать во главе воинства и поручил дело другим. Бедствия империи в войне с арабами лишили его того обаяния, какое он производил некогда в пору своих славных подвигов. Связанные с ним борьбой с персами армяне, составлявшие, по-видимому, главную силу его некогда победоносной армии, отложились от него на поле битвы с арабами в Заиорданье и провозгласили императором своего вождя. Самая возможность такого события, когда армия была лицом к лицу с врагом, указывает на то, что в ее глазах император не был окружен подобающим ему ореолом его высокого положения и боевых заслуг. Религиозное разномыслие императора с населением Сирии и его усилия заставить туземцев воссоединиться с халкидонитами не могли остаться без воздействия на дух и настроение армии, поскольку она состояла из туземцев. Его кровосмесительный и осуждаемый церковью брак был источником многих осложнений в ближайшем его окружении. Его брат и сподвижник в бранных трудах, резко разошелся с ним и подвергся опале. Скудость государственной казны вследствие утраты Сирии и расстройство торговли не могли не отражаться на общественном настроении.

Отказавшись от руководства обороны государства от арабов, Ираклий, после возвращения из Сирии, проживал во дворце в Иерии, где он некогда готовился к борьбе с Хосровом, и, живя в кругу своей многочисленной семьи, был озабочен устройством дел своей династии. Долгое время он вовсе не являлся в столицу и свое представительство в обязательных для императора по придворному этикету церемониях, как церковных, так и происходивших на ипподроме, он поручал своим сыновьям, проживавшим вместе с ним в Иерии. Так прошел весь 637 год. Темные интриги и личные интересы в среде придворной знати повели к тому, что назрел заговор на жизнь императора. Но заговорщиков выдал один соучастник, занимавший пост куратора одного из дворцов. По сообщению Себеоса, который является наиболее полным свидетелем об этом событии, заговорщики решили убить Ираклия и возвести на трон его незаконного сына Алариха, который был отдан в заложники к хану в 623 году и недавно выкуплен, как и другие его товарищи.[481] К заговору примкнуло много лиц высокого положения и в числе их племянник императора, Феодор, сын опального брата Ираклия, занимавший пост магистра, а также члены армянской знати, пользовавшиеся доверием императора и имевшие придворные звания. Таковы были Ваган Хорхоруни и Вараз-Тироц. Воспитывавшийся при дворе Хосрова и взысканный его милостями в юные годы, Вараз-Тироц был сын заслуженного полководца Сумбата Багратуни, оказавшего большие услуги персидскому царству в войнах на севере.[482] Широе назначил его правителем персидской Армении. Гордый и властолюбивый, он не признавал над собою власти правителя Атропатены Гормизды и вступил с ним во вражду. Мжеж-Гнуни (Мезезий у Феофана), назначенный правителем римской Армении, также

---

[479] *Jean de Nik*. 555-560.
[480] *Niceph*. 26, 15-27, 3.
[481] *Niceph*. 24, 3-8.
[482] *Себеос.* гл. 14-19, стр. 64-76. — Он умер в Персии в 28 год правления Хосрова (617-618), занимая при дворе пост третьего лица по рангу.

оказался во вражде с ним и доносил на него Гормизду. Враги покушались схватить его. Предупрежденный об опасности, он бежал к Ираклию, когда тот находился в Месопотамии. Ираклий отнесся к нему весьма любезно и обещал помочь ему вернуться на родину. Ему был предоставлен дворец в Константинополе, в котором он и проживал в роскоши, соответственно своему положению. Хотя он и примкнул к заговору, но, как выяснилось на следствии, соглашался лишь на низложение Ираклия и был против убийства «наместника Божия» и его детей. Участником заговора в самой Армении оказался Давид Сааруни, которого Мжеж-Гнуни арестовал и отослал в столицу. Причастность к делу армян позволяет предположить, что этот заговор имел отношение к тому, что произошло в Палестине во время военных действий на Ярмуке. Когда заговор был раскрыт и вина его участников была выяснена, Ираклий приказал отрезать носы и правые руки виновным и отправил их в ссылку на острова. Для Вараз-Тироца кара ограничилась ссылкой ввиду его протеста против убийства императора. Давид Сааруни избежал ответственности за соучастие. Он убил своих провожатых, вернулся в Армению, начал войну с Мжежем-Гнуни и убил его. Завоеванное им положение и популярность в среде туземной знати имели своим последствием то, что Ираклий признал его правителем римской Армении и дал ему высокое придворное звание куропалата.[483]

Желание Ираклия обеспечить участие в верховной власти Мартины и детей от нее создало необходимость переезда в столицу. Но страх моря был непреодолим, и переезд был обставлен очень сложно. Был сооружен мост на судах через Босфор, по которому Ираклий переехал верхом на европейский берег пролива и затем через мост на реке Варвиссе вступил кружным путем в Константинополь.[484] Событие это относится, по-видимому, к лету 638 года. 4 июля в церкви св. Стефана во дворце совершилась блестящая церемония. Патриарх Сергий после обычных молитв венчал царским венцом Ираклона, которому было тогда 12 лет.[485] Одновременно с тем малолетний Давид, родившийся 7 ноября 630 г.,[486] был провозглашен кесарем, звание, которое раньше носил Ираклон. Вслед за тем все три императора и новый кесарь принимали приветствия от высших чинов двора. По окончанию этой церемонии приносили свои приветствия полки, схолы и димы. Среди радостных кликов шествие направилось в храм св. Софии и там, согласно этикету, совершилась своя церемония.[487]

Улаживание династического вопроса при непосредственном участии патриарха стояло, по-видимому, в связи с официальным завершением дорогого патриарху вопроса об окончательном и формальном признании нового догмата о единой воле во Христе, в котором он видел способ устранить раскол с монофизитами. Неуспех Ираклия в Сирии, по-видимому, охладил его ревность к этому вопросу, и составленный задолго перед тем патриархом Сергием текст императорского указа о вере не был опубликован, хотя было уже достигнуто согласие папы Гонория. В конце того же 638 года указ был подписан императором и выставлен на стенах храма св. Софии. Красноречивый и авторитетный противник нового догмата, патриарх Софроний, скончался еще весной того же года, и патриарх Сергий, так долго подготавливавший это дело, имел утешение видеть завершение своих долгих трудов и стараний. Сирия была уже утрачена, но Месопотамия еще оставалась под римской властью, и кафедры занимали епископы, поставленные Ираклием. Невозбранно и неоспоримо власть императора действовала в Египте, и патриарх Кир, являвшийся его наместником в этой стране, осуществил на основе нового догмата церковную унию с египетской церковью. По-видимому, в столице не были достаточно осведомлены о действительном положении церковных дел в Египте и верили тому, что сообщал сам Кир.

Начало следующего 639 года ознаменовалось двумя блестящими торжествами. 1 января был торжественный выход из внутренних покоев дворца в храм св. Софии. Во главе шествия был Ираклий, с ним шли Константин, облеченный в хланидий и, опираясь на его руку, Ираклон в претексте, как несовершеннолетний. Пять ближайших ко двору патрициев были облечены в тоги. То были: Никита, сын Шахрбараза, Иоанн, Кортак, сын Йездина, Дометай и магистр Евстафий. Остальные патриции были облечены в белые шелковые одежды (χλανίδια ὁλοσήρικα) и некоторые, имевшие консульский сан, были в лорах. Вступив в храм, возжигали свечи «и все совершилось по обычаю и имело блестящий вид». 4 января состоялся прием в Августее чинов, имевших на то право, а перед тем как предстояло идти на ипподром, император вновь принимал в том же зале всех чинов. Рядом с Ираклием стояла Мартина. Перед ними стояли две дочери, Августина и Анастасия. Тут же стоял патриарх. Направо от императора стояли его сыновья, налево — кубикуларии. Прокричав три раза возглас: Ευτυχῶς τῇ πολιτείᾳ (благополучие царству), сановники возглашали старый клич τοὺβικας (tu vincas, твоя победа) последовательно всем членам императорского дома: Ираклию, Анастасии-Мартине, Константину, Ираклию, Августине и Анастасии, именуя их августами, Давида — кесарем и младенца Мартину — нобилиссимусом.[488] Вслед затем шествие тронулось на ипподром. Описание этих блестящих торжеств сохранено

---

[483] *Себеос.* гл. 29, стр. 113-115; *Niceph.* 25, 17-26. — Местом ссылки Вараз-Тироца была Африка, о чем сохранил сведение тот же *Себеос* в другой связи. — Правление Давида в Армении продолжалось три года. Против него взбунтовалось войско и он был изгнан.

[484] *Niceph.* 27, 17-28, 9.

[485] Он родился в 626 году. — *Niceph.* 15, 18-20.

[486] *Theoph.* 335, 1-2.

[487] Официальное и точное описание этого события сохранил Константин Багрянородный. — *De Cerim.* II, с. 27, p. 627-628.

[488] Титул *nobilissimus* существовал в придворном обиходе уже в третьем веке и применялся к особе цезаря, т. е. наследника (*Mommsen.* R. Staatsrecht, II, 1141 — 3-е изд.). В начале V века Константин, принявший провозглашение императором в Британнии, объявил старшего сына цезарем, а младшего нобилиссимусом (*Olymp.* fr. 12). Титул

в документах дворцового архива, которыми пользовался император Константин Багрянородный в сочинении «Об обрядах императорского двора».[489]

Блеск придворных торжеств, которые правил Ираклий после долгого перерыва, вряд ли смягчает впечатление тяжких вестей, приходивших из Сирии и Египта. Сознание собственного бессилия в борьбе с арабами не помешало ему, однако, признать измену в поведении Иоанна Катея в Месопотамии и Кира — в Александрии. Он покарал обоих ссылкой. Нужда в деньгах заставила его одобрить грабеж папской казны в Риме. Число недовольных в ближайшем окружении императора росло, и его настойчивость в обеспечении права на трон своим детям от кровосмесительного брака усиливала недовольство и вызывала интриги в среде придворной знати. Как выяснили последующие события, Ираклий не имел вблизи себя верных и преданных людей в тяжкое для него время. Ближе других был к нему патриарх Пирр, которого он вовлек в свои семейные интересы. Хотя Анастасия-Мартина была облечена саном августы и старший ее сын был провозглашен августом и соправителем своего отца и брата, но Ираклий предвидел возможность, что верная спутница его жизни будет вытеснена из того положения, каким она пользовалась и какое он хотел обеспечить за нею по своей смерти. Это опасение сказалось в том, что он доверил Пирру большую сумму денег на случай, если Мартине придется покинуть дворец.[490] Надломленный физически и морально, Ираклий впал в тяжкую болезнь, которая имела своим последствием водянку. Некоторые проявления его телесной немощи были истолкованы зложелателями, как явное проявление кары от Господа Бога за кровосмесительный брак.[491] С тяжелым сознанием разбитых надежд и в тревоге за дорогих ему людей Ираклий скончался 11 февраля 611 года, в возрасте 66 лет, процарствовав 30 лет, 4 месяца и 6 дней.

Погребение совершилось с обычной торжественностью по давно установленному придворному чину. Согласно выраженному им при жизни желанию, гроб его в храме св. Апостолов оставался три дня открытым под охраной дежуривших при нем придворных евнухов.[492] Он был погребен в мраморном саркофаге и с головы его не был снят царский венец, богато украшенный драгоценными камнями, который оценивался в 70 фунтов золота. По приказанию Константина, эта оплошность была исправлена: через несколько дней гроб был вскрыт и венец снят с разложившегося уже трупа.[493]

Так среди тяжких разочарований и разбитых надежд закончил Ираклий свой жизненный подвиг. В расцвете сил и энергии он принял в свои руки верховную власть в империи, которая пришла в полное расстройство в правление его недостойного предшественника. Вступив на царство с ясным сознанием династического принципа, он сумел упрочить свое положение в столице, но был бессилен уврачевать нанесенные империи раны и в течение десяти лет переживал одни лишь утраты, все более и более ослаблявшие силы государства. Последовательный и планомерный ход персидских завоеваний сопровождался угрозой самому существованию Константинополя, которую представляло варварское нашествие из-за Дуная, захватившее все северные области Балканского полуострова и вытеснявшее старое культурное наследие на морское побережье. Ираклий правильно оценил соотношение Сциллы и Харибды, по выражению современника, и патриотизм верховного представителя церкви, патриарха Сергия, открыл ему возможность начать борьбу с персами. Шесть лет непрерывной войны, которая велась по его собственному плану, под его личным руководством и при непосредственном участии в военных действиях, покрыли его имя неувядаемой славой сокрушителя персидской державы. Но ему не дано было использовать плоды своих побед. Его усилия привести отвоеванные у персов области к единению с империей путем устранения застарелого церковного раскола оказались тщетными, и судьба поставила его лицом к лицу с новым врагом, выступившим в ту пору на арену мировой истории, арабами с их исламом, — превратившим их из диких кочевников в грозную завоевательную державу. Надломленный физически и нравственно, Ираклий пережил утрату Сирии, а в последний год жизни видел перед собой угрозу окончательной потери Египта, житницы империи. Горькая ирония судьбы повторила ему вопрос, который он некогда задал низверженному Фоке: «Так то ты управил государство?

С утратой Сирии и Египта империя вступила в новую фазу своей истории и из мировой римской империи превратилась в национальное греческое государство с латинским придатком северного побережья Африки и частей полуострова Италии с ее островами. Умаленному в своих силах и пределах государству предстояла тяжкая борьба за существование с мощным противником в его завоевательном движении на запад. Это будущее было сокрыто от взоров Ираклия. Он скончался в тревожном опасении за последствия созданных им семейных отношений. Он хотел оставить царство в наследие двум сыновьям-соправителям и своей супруге; но уже при жизни он имел достаточно поводов опасаться за то, что его желание не осуществится и по его смерти не

нобилиссимуса носил Валентиниан, сын Плацидии, до провозглашения его цезарем. Одна новелла времени Тиверия свидетельствует о применении этого титула в конце VI века (*Zachariae von Liugenthal*. Jus Graeco-romanum, III, p. 30). Ср. *Bury.* The imperial Administrative System in the Ninth Century. London. 1911, p.35.

[489] *De Cerim*. II, c. 28, 29, p. 628-630. Имя сына Йездина не названо, но его сохранил автор *Жития Анастасия Перса,* стр. 9, а, 13.

[490] *Niceph*. 28, 12-17.

[491] Ib. 27, 3, 13.

[492] *Niceph*. 27, 19-22.

[493] Ib. 29, 10-13.

останется в силе задуманная им новая форма организации верховной власти в старой империи, имевшей свои сложившиеся с давних пор традиции.

КОНСТАНТИН, МАРТИНА И ИРАКЛИЙ МЛАДШИЙ

СОБЫТИЯ В СТОЛИЦЕ И ДЕЛА В ЕГИПТЕ

Старания Ираклия обеспечить по своей смерти властное положение Мартине, верной спутнице его жизни, разделявшей с ним его далекие походы и сносившей вместе с ним тяжкие удары судьбы, не привели к желанному для него результату. Враждебное Мартине настроение столичного населения резко сказалось в весьма обидной для нее форме в первом после смерти Ираклия царском выходе на ипподром. В сопутствии двора Мартина и с нею оба августа появились перед народом. Мартина объявила волю почившего супруга о ее непосредственном участии в представительстве верховной власти. Из толпы раздались громкие клики в честь обоих августов, причем предпочтение отдавалось Константину, как старшему и облаченному саном императора с первого года жизни. Тут же раздались обидные для Мартины возгласы: «Ты только мать царей! Они наши цари и владыки! Когда в наше царство являются варвары и иноплеменники, ты не можешь принимать их и вести с ними переговоры. Не дай Бог, чтобы в такое состояние пришла держава римлян!» Под эти возгласы Мартина удалилась, а народ продолжал славословить обоих императоров.[494] — Так соправительство Мартины было отвергнуто и выяснилось враждебное к ней отношение народа.[495]

Положение государства было тяжко. Судьба Сирии была давно решена, хотя держался еще последний оплот имперской власти в Палестине и сильный гарнизон Кесарии продолжал отбиваться от арабов, осаждавших город под начальством Муавии. В Египте после отъезда Кира арабы упорно вели осаду крепости Вавилон. Бессилие и беспомощность египетских войск в борьбе с арабами побудили Константина иначе отнестись к планам патриарха Кира, чем это сделал его отец. Он вызвал Кира из ссылки, имея в виду восстановить его в сане и снабдить полномочиями для заключения мира с арабами из условий уплаты дани. Из Александрии был вызван Феодор для осведомления о положении дел и в его отсутствие его пост замещал Анастасий.[496] Одновременно с тем были сделаны распоряжения о снаряжении флота и войска в подкрепление слабых сил Египта. Пока шли эти приготовления, гарнизон Вавилона был доведен до крайности и сдался победителю на условии беспрепятственного выхода из крепости. 9 апреля 641 года, накануне Пасхи, гарнизон, с разрешения Амра, сел на суда и отплыл в Александрию, отдавая тем в руки арабов все области южного Египта.

После взятия Вавилона Амр двинулся на север в направлении Никиуса. Охрана этого ключа к Александрии была поручена Доменциану, который раньше позорно бежал из Файюма и отдал его врагу. Точно также поступил он во второй раз. Когда дошла весть, что арабы взяли один город поблизости от Никиуса, Доменциан, не ожидая прибытия неприятеля, покинул свой пост и, оставив на произвол судьбы свое войско, бежал в Александрию. Оставшиеся без командира солдаты последовали его примеру; но арабы настигли их на середине реки и перебили. Вступив без сопротивления в Никиус (13 мая), арабы произвели жестокое избиение мирного населения, не давая никому пощады. Из Никиуса они стали занимать соседние поселения.[497] Попытка Амра захватить Дамиетту не удалась, и этот важный пункт остался за империей. Верхний Египет сдался без сопротивления. Когда арабы подошли к Антинуполю, население готово было защищаться, но правитель области Иоанн, считая дело безнадежным, отказался от сопротивления и поспешил очистить город, уведя из него гарнизон и увезя подати, какие успел взыскать.[498] Так шли дела в Египте.

Одновременно с успехами арабов в Египте было довершено завоевание Сирии. Муавия самолично вступил в командование армией, осаждавшей Кесарию Палестинскую, и с 1 декабря по май месяцы арабы громили стены осадными орудиями. Гарнизон, состоявший из семи тысяч воинов, упорно защищался. Когда стены дали бреши, арабы ворвались в город, и в течение трех дней шло кровопролитие на улицах. Из гарнизона спаслись лишь немногие, успевшие уйти на судах. Арабские источники единогласны в свидетельстве о том, что своим успехом арабы были обязаны предательству одного иудея. После этого успеха арабы вторглись в Киликию, прошли в Каппадокию и взяли город Евхаиты.[499]

Между тем, в столице империи собирались новые тучи. Между Константином и Мартиной не было взаимного доверия. Опасаясь за судьбу Мартины, Ираклий вручил, как было о том упомянуто, втайне от Константина значительную сумму денег патриарху Пирру в обеспечение своей супруги на случай, если ей придется покинуть дворец. Комит царских щедрот Филагрий, через которого шло это дело, выдал тайну Константину, и тот, вызвав к себе патриарха, потребовал передачи ему этого фонда. Патриарх был вынужден подчиниться и исполнил волю царя. После этого отношения между Константином, с одной стороны, и Мартиной и ее детьми с другой, приняли явно враждебный характер, и двор разделился на две партии. Слабый от природы Константин, сын матери, страдавшей эпилепсией, впал в тяжкую болезнь — вероятно, то была

---

[494] *Niceph.* 27, 23-28, 10.

[495] Хотя Мартина была венчана на царство и носила по праву титул августы, но интересно отметить титул, какой ей давал современник, Максим Исповедник, в письме из Африки в середине ноября 641 года: ἡμῶν δέσποινα θεοφύλακτος πατρικία. — Письмо адресовано придворному евнуху Иоанну.

[496] В тексте *Иоанна Никиуского* допущено искажение: вызывается Анастасий, а Феодор остается; но далее рассказано, как плохо справлялся Анастасий в отсутствие Феодора.

[497] *Jean de Nik*. 568.

[498] Ib. 562-563.

[499] *Mich. Syr.* XI, 8, 430-431; *Theoph.* 341, 21-23. — Арабские свидетельства см. *Медников,* о. с. 631-634.

чахотка. В целях облегчения от снедавшего его недуга он покинул столицу и переехал в Халкидон, где у него был собственный дворец.

В связи с отстранением Пирра от двора церковная политика в кратковременное царствование Константина приняла иной характер. Папа Иоанн, получив известие о смерти Ираклия, обратился с приветствием к Константину и жалобой на те тревоги в церковной жизни западных областей, которые были вызваны посланиями Пирра в оправдание монофелитства. Упомянув о том, что Пирр указывал на солидарность с Сергием папы Гонория, папа представил краткий обзор истории вопроса, защищал православный образ мыслей Гонория и настоятельно просил императора сделать распоряжение, чтобы текст эктесиса (charta) был снят со стены храма св. Софии.[500] По- видимому, папа получил от императора обещание, что хартия с текстом эктесиса будет снята, так как преемник Иоанна, папа Феодор, в письме к патриарху Павлу строго упрекал его за неисполнение этого обещания.[501]

Тяжкая болезнь Константина принимала между тем роковое течение. Вражда к Мартине в кругах знати, стоявшей на стороне Константина, вызвала злостные толки об отравлении его Мартиной и единомышленным с нею патриархом Пирром. Старшему сыну Константина шел 11-й год. Недоверие к Мартине вызывало у отца опасение за его судьбу, и те лица из придворной знати, которые связали свою судьбу с Константином, имели основания опасаться за себя. По инициативе Филагрия было принято решение обратиться к армии и вручить ей заботу о наследнике Константина. Посредником в этом деле был знатный армянин Валентин Аршакуни (Никифор называет его оруженосцем Филагрия). Ему было вручено послание к армии с просьбой императора постоять за законного наследника против Мартины, а также и значительная сумма денег в количестве 216 тысяч золотых.[502] Старый в империи институт донатива, о применении которого есть свидетельство из времени правления Тиверия, позволяет определить численность той армии, которая имелась при этом в виду. Так как нормальный размер донатива был 5 золотых на человека, то эта сумма соответствует 44 тысячам человек.[503]

Валентин отправился на восток исполнять возложенное на него поручение. Между тем, болезнь Константина усиливалась, и 25 мая он скончался от тяжкого приступа кровоизлияния.

За смертью Константина Ираклон, которому шел тогда 16-й год, оказался единственным августом и верховная власть перешла в руки властной Мартины. Враждебные отношения, успевшие утвердиться между обоими дворами, дали этому событию характер переворота. Пирр был восстановлен в своих правах, а Филагрий был пострижен в духовный сан и сослан в крепость Септем на Гибралтарском проливе; много знатных людей, так или иначе близких к Филагрию или связавших свою судьбу с Константином, подверглось опале и разным карам.[504] Драгоценный царский венец, снятый Константином с головы мертвого Ираклия, был принесен в дар храму св. Софии.

Важнейшей заботой нового правительства было выяснение отношений в Египте. Вернувшийся из ссылки Кир, вызванный еще Константином, был восстановлен в своих правах патриарха, снаряжение флота было закончено, и, вероятно, в конце августа Кир с большой свитой отплыл в Александрию. Ему сопутствовали вновь назначенный начальник военных сил Египта Константин и возвращавшийся на свой пост августала Феодор. Эскадра имела остановку на Родосе и прибыла в Александрию в ночь под праздник Воздвижения Креста Господня. Пользовавшийся полным доверием Мартины, державшей в своих властных руках бразды правления, Кир возвращался с торжеством на свою кафедру и, очевидно, по заранее сделанному распоряжению ему была подготовлена торжественная встреча. Немедленно после высадки на берег, Кир заехал вместе с Феодором в церковь монастыря Табеннисиотов, где хранился драгоценный крест с частицей Честного Древа, присланный ему патриархом Сергием в 638 году, и из этой церкви начался крестный ход в главный храм Александрии, носивший имя « Кесарион». Улицы были покрыты коврами, повсюду толпился народ, выражавший радостными криками и пением гимнов свой привет возвратившемуся владыке. Напор ликующей паствы едва давал возможность продвигаться вперед патриарху. Во время торжественного богослужения диакон вместо положенного по чину псалма запел в прославление возвращения патриарха другой: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оне», который поется в дни Пасхи. Это отступление от обычного чина было всеми замечено, понято, как предзнаменование и истолковано в том смысле, что Кир не доживет до следующей Пасхи.[505] Пред-

---

[500] Mansi. X, 682-686.

[501] Mansi, p. 703. Quamobrem fraternitas tua a publicis locis chartam, quae suspensa pridemque cassata fuerat, non abstulit?.. Si deiciendum ergo eiusdem Pyrrhi conamen fraternitas vestra ducit, qua pro causa praedictam chartam de pariete non deposuit? — *Патриарх Евтихий.* Annales. P. G. III, p. 1111 — приводит ответ имп. Константина папе Иоанну, в котором он дает полное удовлетворение папе и заявляет, что эктесис уже сожжен. Письмо это не застало в живых Иоанна и было передано Феодору. Подлинность этого документа сомнительна.

[502] *Себеос.* гл. 32, стр. 128; *Niceph.* 28, 19-29, 5.

[503] В изложении *Кедрина* о смерти Константина есть одна подробность, не отмеченная у *Феофана* и *Никифора*, а именно: Ираклон раздал от имени Константина по три золотых всем солдатам — ἑκάτῳ στρατευομενῳ (l, 753, 16-20). Эта дача названа старым словом λεγάτον. Донатив в этих тревожных обстоятельствах являлся способом обеспечить верность войска новому правлению, чего, однако, не удалось достигнуть несчастному сыну Ираклия.

[504] *Niceph.* 29, 8-19.

[505] *Jean de Nik.* 574-575. — Позволяем себе исправить несомненное искажение в тексте, как он дошел и переведен *Цотенбергом.*

сказание это сбылось.

За время отсутствия Феодора из Александрии жизнь столицы Египта шла тревожно. Вследствие соперничества и вражды военных командиров Доменциана и Мины, разыгрались крупные беспорядки, получившие вид хронического междоусобия димов. Эта вражда имела свои поводы в церковных вопросах. Брат Доменциана, Евдокиан, раньше чем покинуть Вавилон, позволил себе жестокости в отношении туземцев-монофизитов. К такому поведению отнесся с полным осуждением Мина. В эти раздоры был вовлечен правитель Аркадии, Филаид, находившийся в ту пору в Александрии. На улицах города произошло кровавое побоище, окончившееся разграблением дома Филаида. В этом междоусобии голубые стояли за Доменциана, а зеленые за Мину. Феодор по возвращении в Александрию отставил Доменциана и назначил на его место Мину, и население города выразило полное сочувствие удалению Доменциана.[506] Пока в Александрии водворялось спокойствие, дела в столице империи принимали весьма тревожный характер.

Валентин исполнил возложенное на него поручение относительно воздействия на армию. Когда же он получил известие о смерти Константина и ссылке Филагрия, то двинулся с войсками к столице и занял Халкидон. Предлогом этого похода было опасение за судьбу детей Константина, малолетних Ираклия и Феодосия. Ввиду угрозы, которую представляла собою армия Валентина, в Константинополь были стянуты войска из ближайших городов. Когда двор был, таким образом, обеспечен поддержкой военной силы, решено было воздействовать на настроение столицы. В сопутствии патриарха Пирра с Древом Креста Господня Ираклон сделал выход к народу, выведя с собой детей Константина. Касаясь рукой Честного Древа, он принес всенародно клятву, что ни он сам и никто другой не причинит никакой обиды детям Константина. Народ ответил восторженными кликами в честь Ираклона, и настроение столицы стало спокойнее. Ираклон намеревался повторить свою клятву перед армией, которую привел Валентин, и переправился в Халкидон со старшим сыном Константина. Но Валентин имел свои виды, не желал примирения и не допустил Ираклона повторить свою присягу. Вернувшись в столицу, Ираклон изложил перед народом, как было дело, и в ответ на речь императора раздались клики в его честь и поношение Валентина.[507]

Положение дел в столице оставалось, однако, по-прежнему весьма тревожным, так как Валентин держал свое войско в Халкидоне. Настало время сбора винограда, и жители Халкидона боялись за судьбу урожая. Клятва Ираклона, принесенная всенародно, в свидетельство его добрых чувств к наследнику Константина, не успокоила волнения, и народ стал требовать, чтобы патриарх венчал на царство сына Константина. Пирр видел в этом народном движении происки Валентина, которого подозревал в желании сделать переворот в свою пользу. Но Ираклон поступил иначе: он явился в храм св. Софии вместе с сыном Константина, и немедленно было совершено венчание на царство малолетнего Ираклия, причем был употреблен в дело тот царский венец, который побывал в гробе с его дедом и находился теперь в храме св. Софии. Хотя сын Константина получил при крещении имя деда и являлся соименником сыну Мартины, но в народе он слыл под уменьшительным именем своего отца, Κώνστας (по нашему — Костя). Это имя осталось за ним на востоке и сохранилось в греческих текстах. На западе его называли именем отца, Constantinus. Венчание на царство сына Константина сопровождалось буйной демонстрацией против патриарха Пирра. Вооруженная толпа ворвалась в алтарь, произвела там всякие бесчинства и, овладев ключами храма, дерзко разгуливала по улицам города. Пирр ночью вошел в храм, возложил на жертвенник свой омофор и, отказавшись тем самым от своего сана, покинул патриарший дворец и проживал в течение некоторого времени в доме одной благочестивой женщины.[508] Резкое и озлобленное раздражение против Пирра стояло, по-видимому, в связи с теми слухами, которые тогда пускали в народ враги Мартины. Болезнь Константина и его смерть объясняли действием отравы, и само отравление приписывали совместно Мартине и Пирру.[509] Ираклий, стараясь обеспечить положение Мартины, рассчитывал прежде всего на Пирра, и весьма возможно, что, по тогдашним обычаям, взял с него в том клятву, поставив его тем в трудное положение в отношении своего сына — соправителя и наследника Константина. Будучи вынужден венчать на царство сына Константина, Пирр, по-видимому, разошелся с Мартиной в отношении к совершавшимся событиям и, не имея возможности отстоять свой авторитет, предпочел покинуть свой пост. Помимо политических осложнений, созданных Валентином, к тому времени назрели и другие, вызванные изданием эктесиса. Пирр подвергся опале и был сослан в Триполис (на африканском побережье).[510]

---

[506] *Jean de Nik*. 570-571.

[507] *Niceph*. 29, 20-30, 11.

[508] *Niceph*. 30, 12-31, 15.

[509] *Theoph.* 341, 14-16. С полной уверенностью, как о действительном событии, записал кратко в свою хронику то же сведение и *Михаил Сириец* — XI, 8, 430.

[510] Сведение об этом сохранил *Иоанн Никиуский*. Chronique, 564, 572. Автор был недостаточно осведомлен относительно событий, происходивших в столице, и видел в ссылке Пирра наказание за его измену Мартине, сказавшуюся в том, что по смерти Ираклия он провозгласил императором Константина. Но Константин не нуждался в помощи Пирра и провозглашении императором, так как являлся соправителем отца с первого года своей жизни. Арест Пирра и его ссылку в Африку *Иоанн Никиуский* приписывает Давиду и Марину. Быть может, то были сановники, принадлежавшие к партии, стоявшей за Константина и враждебной Мартине. Если положиться на сообщения патр. *Никифора* (Χρονιογραφικόν σύντομον, p. 119 *De Boor) о* продолжительности срока первого патриаршества Пирра, а именно: 2 года 9 месяцев и 9 дней, а мы знаем дату его посвящения: 20 декабря

Движение, поднятое Валентином, имело с самого начала совершенно определенную цель, а именно: низложение Мартины и устранение ее потомства от императорского престола. Еще будучи на пути к Халкидону, Валентин рассылал воззвания к правителям провинций, приглашая их присоединиться к своему предприятию. Когда Феодор, на пути в Александрию, находился на Родосе, он получил такое воззвание от Валентина. По сообщению Иоанна Никиуского, он отнесся к нему с полным сочувствием, скрыл от других это известие и хотел, отделившись от флота, с которым доселе плыл вместе, направиться в Пентаполь. Но капитан корабля завез его в Александрию, ссылаясь на неблагоприятный ветер.[511]

Венчание на царство сына Константина входило в виды Валентина, но его планы шли дальше, и он по-прежнему стоял со своим войском в Халкидоне. Мартина и Ираклий хотели добиться соглашения с ним и готовы были на денежные жертвы. В переговорах, которые начал двор с Валентином, ему были сделаны такие предложения: пост комита экскувитов, освобождение от обязательства дать отчет по расходованию денег, которые он получил от Константина, и щедрое вознаграждение солдатам его армии. Вместе с тем ему было предъявлено требование согласиться на венчание на царство Давида, имевшего уже звание кесаря, которого при этом имелось в виду переименовать в Тиверия. Эти переговоры велись уже при участии в делах нового патриарха Павла, бывшего эконома храма св. Софии.[512] Переговоры не привели к желательному для Мартины результату, и враги ее довели свою борьбу против нее до кровавой развязки. Предание не сохранило нам описания переворота, а только сам факт. Некоторые указания на характер интриг, приведших к роковому результату, занес в свою хронику Иоанн Никиуский. — Враги Мартины огласили письмо Мартины и Пирра к логофету Давиду, в котором ему давалось поручение взять на себя командование в борьбе с Валентином, расправиться с неблагонадежными людьми, жениться на Мартине и устранить детей Константина. Хотя это письмо было подложное, но ему дали веру, и население столицы признало в этом плане дело болгарского хана Кубрата, лично преданного Ираклию и обещавшего ему свое содействие в устроении судьбы его детей от незаконного брака. Находился ли в ту пору Кубрат в столице и мог ли он оказать вооруженное содействие, об этом Иоанн не упоминает и самое письмо склоняется признать подложным.[513] Как бы то ни было, оглашение этого письма вызвало такое возбуждение против Мартины, что Валентин выступил открыто против нее. Давид искал спасения «в армянской крепости», как значится в искаженном тексте хроники Иоанна, но был убит. Затем последовала расправа с Мартиной и ее детьми.

Мартине был отрезан язык, Ираклию нос, как, вероятно, и младшим его братьям в признание незаконности их посягательства на верховную власть ввиду происхождения от кровосмесительного брака. Верная сподвижница жизни Ираклия и его дети были сосланы на остров Родос и безвестно окончили свою жизнь.[514] Императорская власть была предоставлена единолично сыну Константина, которому тогда шел 11-й год. Когда переворот совершился, малолетний император произнес перед синклитом речь, текст которой сохранил Феофан. «Родитель мой Константин, который при жизни родного отца, а моего деда Ираклия царствовал с ним достаточно долгое время, а после него очень краткое, был лишен жизни из зависти Мартиной, его мачехой, и это случилось из-за Ираклона, незаконно рожденного от нее и Ираклия. Ее с ее сыном извергло из царства ваше Богом вспомоществуемое решение, ваше хорошо засвидетельствованное чрезвычайное благочестие. Поэтому я прошу вас быть советниками и пестунами всеобщего благополучия подданных».[515] Так началось царствование малолетнего императора в ноябре 641 года. Филагрий был возвращен из ссылки, и его заменил на месте изгнания бывший патриарх Пирр.

Около того времени, когда совершился этот переворот, Кир, в исполнение данного ему от Мартины и Ираклона полномочия заключить мир с арабами, отправился в Вавилон к Амру. Переговоры длились довольно долго, и 8 ноября был заключен мир на следующих условиях: 1) уплата дани, 2) перемирие и прекращение военных действий до 28 сентября следующего года; 3) во время перемирия арабы занимают все те позиции, какие они успели занять, и обе стороны не предпринимают никаких военных действий; 4) византийские войска в Александрии обязуются покинуть город в течение 11 месяцев и могут увезти с собой свое имущество и сокровища; 5) никакая новая византийская армия не может вступить в Александрию; 6) все те военные люди, которые захотят ехать сушей, обязаны уплатить помесячную плату; 7) арабам будут выданы заложниками 150 воинов и 50 туземцев; 8) византийские войска прекратят всякие наступательные действия против арабов, и арабы обязуются не захватывать церквей и не вмешиваться в дела христиан; 9) иудеи в Александрии сохраняют право

---

638 года, то удаление его с кафедры приходится на самый конец сентября 641 года, а венчание на царство Ираклия-Константа на непосредственно предшествовавшие дни сентября. Павел занял патриарший престол 1 октября 641 года.

[511] *Jean de Nik.* 573-574.

[512] *Niceph.* 31, 17-27.

[513] Действовавший столь неудачно в Египте, Доменциан, пользовавшийся раньше расположением Мартины, оказался в числе ее врагов и вместе с Валентином участвовал в венчании на царство Константина. *Jean de Nik.* 573, 579. — По всему вероятию, следует видеть его в участнике церемонии 1 января 639 года. *Const. Porphyr.* De cerím. II, с. 28, где он назван Δομέτιος. Ср. *Болотов. Виз. Врем.* XIV, 123.

[514] *Jean de Nik.* 579-580. — Из двух младших сыновей Мартины один был оскоплен и умер от раны, другой был глухонемой.

[515] *Theoph.* 342, 10-20.

жительства. Выработка условий мирного договора, по которому весь Египет оказался во власти арабов, была личным делом Кира, который действовал по уполномочию, полученному им от Мартины и Ираклона. Августал Египта Феодор и начальник военных сил Константин не принимали никакого участия в переговорах и оставались в Александрии во время пребывания Кира в Вавилоне. По возвращении в Александрию Кир сообщил об условиях договора Феодору и Константину для утверждения их императором. Представители александрийского гражданства с Феодором и Константином во главе явились к Киру с выражением благодарности за заключение мира. Население огромного города еще не было осведомлено о решении своей участи, когда под стенами Александрии появились арабы для получения условленной дани. Это вызвало страшное возбуждение, и население поспешило на защиту своего города. Но войска заявили, что бороться с арабами невозможно и что следует подчиниться решению патриарха. Кир был в опасности побиения камнями, но сумел успокоить народные страсти, и население доставило ему деньги для уплаты дани арабам.[516] — Таков рассказ об этом событии Иоанна Никиуского. Он оставляет много недоумений, для разъяснения которых нет материала в нашем скудном предании. О том, как было принято в Константинополе известие об этом договоре и кем был утвержден этот договор, нет известия в нашем предании. Дело относится к ноябрю 641 года, а в это время успела уже осуществиться в столице революция, положившая конец правлению Мартины и ее сына и отдавшая верховную власть в руки малолетнего Константа, вокруг которого сплотилась клика знати, враждебной Мартине.

В Египте настал мир. Многочисленные беглецы из разных местностей страны, скопившиеся в Александрии, пожелали вернуться на родину. Кир вступил по этому поводу в сношение с Амром, и беглецы получили возможность покинуть Александрию. Хотя многие города побережья не были еще подчинены, но арабы являлись уже властителями всей долины Нила и, не учреждая новых форм управления, разделили страну на три области в целях взимания податей с населения. Мина, получивший еще от Ираклия пост начальника Нижнего Египта, остался на нем и под властью арабов и выказывал большое рвение в смысле умножения доходов победителей. Правителем Аркадии был назначен Филоксен,[517] а области, носившей имя Риф, — Синода.[518] Амр основал новый город близ Вавилона, получивший имя Фустат (искажение слова φοσσᾶτον, в значении лагерь, укрепление, от латинского слова fossa, ров, окоп). Вместе с тем была предпринята расчистка старого, запущенного в течение долгого времени канала Траяна, соединявшего Нил с Чермным морем, и эта работа легла тяжким бременем на туземное население. Хотя военные действия в Египте были прекращены, но Амр сделал набег в область Пентаполя. Правитель страны, войска и местная знать бежали в крепость Тенхиру, а арабы с большой добычей и огромным числом пленных вернулись на свои стоянки. Патриарх Кир, которого удручала гибель Мартины, вражда к нему властного в ту пору Валентина и вернувшегося из ссылки Филагрия, смерть кипрского епископа Аркадия, с которым он был связан тесной дружбой, оставался, однако, непреклонным в своей политике преследования монофизитской церкви. Тяжкая дизентерия, постигшая его перед Пасхой 642 года, свела его в могилу 21 марта.[519] 14 июля представители власти императора поставили патриархом на вакантный трон диакона Петра. Срок, предоставленный по договору для эвакуации Александрии, близился к концу, и 17 сентября 642 года Феодор и Константин со всеми войсками сели на суда и направились на остров Родос. 29 сентября в условленный по договору срок Амр вступил в Александрию и водворил свою власть в центре управления Египта.[520]

Легкость завоевания богатой и густонаселенной страны обитателями пустыни объясняется прежде всего тем глубоким раздражением местного населения против императорской власти, которая в течение последнего десятилетия слилась воедино с политикой насильственной унии с халкидонской церковью. Со слепым непониманием местных отношений Кир в течение десяти лет насаждал унию, пользуясь всей полнотой верховной власти в стране. Военная сила в Египте, обращенная еще при Юстиниане в орудие для извлечения доходов с населения в пользу императорской казны, получила при Кире еще и другую обязанность — содействовать соединению местной церкви с халкидонитами. Под руководством назначаемых из столицы вождей, относившихся с полным презрением к туземцам, она действовала с беспощадной жестокостью. Евдокиан, покидая в день Пасхи Вавилон, сданный арабам, выпустил из заключения содержавшихся в тюрьмах упорствующих, но подверг их бичеванию и разным членовредительным казням. Иоанн Никиуский с ужасом упоминает об этих злодействах и видит в религиозных преследованиях причину утраты империей Египта.[521] Туземцы видели в новых владыках избавителей от гнета прежних и становились на их сторону. Измена туземцев отчетливо обнаружилась уже после разгрома при Илиополе. Изменяли и командиры. Об одном таком случае

---

[516] *Jean de Nik*. 575-576.

[517] В документе 642 года — *Rainer. Mittheil. a. d. S. d. P. E.*, 1, 9 — он назван δούξ τῆς Ἀρκαδίων επαρχίας — приведено *Болотовым.* I с., стр. 112.

[518] Риф — Верхний Египет. См. *Amélinau.* о. с. 404.

[519] *Jean de Nik.* 578-582 (два сообщения о том же событии, вероятно, из двух источников). Пасха в 642 году приходилась на 24 марта.

[520] Ib. 583. *Цотенберг* принимал 643 год; но это результат неправильной датировки смерти Кира. *Eutychii Annales*, p. 1108 — Capta autem est (Alexandria) die Veneris mensis Maharram novilunio, anno Heirae vicésimo (с 21 декабря 640 г. по 9 декабря 641).

[521] Ib. 567.

сохранил свидетельство Иоанн Никиуский.[522] А после утверждения власти арабов среди туземцев началось отпадение от христианства в ислам, и среди принявших ислам тот же автор упоминает об одном монахе синайского монастыря, по имени Иоанн, который, сняв свой постриг, стал воином и сам преследовал христиан.[523]

[522] *Jean de Nik.* 561.
[523] Ib. 585.

КОНСТАНТ (КОНСТАНТИН)

СОБЫТИЯ В РИМЕ. МЯТЕЖ ВАЛЕНТИНА. ДЕЛА В АРМЕНИИ. УСПЕХИ АРАБОВ В АФРИКЕ. ПОПЫТКА ОТВОЕВАТЬ АЛЕКСАНДРИЮ. БОРЬБА ПРОТИВ МОНОФЕЛИТСТВА НА ЗАПАДЕ. ВОССТАНИЕ ГРИГОРИЯ В АФРИКЕ. ТИПОС

Первые годы правления Константа[524], когда он, по малолетству, не мог самостоятельно направлять государственные дела, управление находилось в руках сплотившейся вокруг его трона придворной знати, при непосредственном участии патриарха Павла. Крайне скудное для того времени византийское предание не сохранило даже имен тех лиц, которые в ту пору действовали от имени императора. Сообщения близкого по времени писателя, епископа Себеоса, позволяют с большой вероятностью утверждать, что преобладание при дворе имела армянская знать, в среде которой еще Ираклий нашел лучших сотрудников в своих бранных трудах. Положение империи было весьма тяжко. Халифат по существу теократической идеи, лежавшей в его основе, не знал для себя ни территориальных границ, ни различия национальностей. Эта основная черта новой державы и подъем воинственных инстинктов арабского племени создавали для империи перспективу непрерывной борьбы за существование. Внутренние отношения империи в умаленных после арабских завоеваний пределах были потревожены тяжкой смутой, которую вызвала религиозная политика Ираклия и эктесис, как ее последствие. Протест папы Иоанна имел огромное значение для настроения западных областей латинского языка, оставшихся за империей. Хотя после утраты Месопотамии, Сирии и Египта эктесис потерял свое значение в смысле орудия для достижения унии православной церкви с монофизитской, но оставалась Армения, единодушие с которой в сфере религиозных вопросов имело особенное значение по тогдашним политическим условиям. Родственные связи соединяли дом Ираклия с армянской знатью, и ее представители являлись ближайшей опорой трона малолетнего государя. Несмотря на всю трудность положения государства византийский двор сумел отстоять

---

[524] Сохраняя это имя для внука Ираклия, отметим, что официальное имя было Константин, как он назывался на монетах: «D. N. Constantinus p. p. Aug». См. *Wroth.* Catalogue of the Imp. Byz. Coins. V. 1. У византийских историков не было обычая обозначать одноименных императоров цифрами, но позднее были в употреблении прозвища. Первый случай имел место относительно Константа, которого прозвали ὁ Πωγωνάτος, бородач. Прозвища этого нет у *Феофана* и *Никифора*, но его знал *Константин Багрянородный*, который дает ему имя Κωνσταντίνος ὁ Πωγωνάτος. Позднее это прозвище было перенесено на сына Константа. *Кедрин* и *Зонара* не знают официального имени Константа, а прозвище бородача дают его сыну. См. *Brooks.* Who was Constantinus Pogonatus? *Byz. Zeitsch.* XVII (1908). 460-625. То обстоятельство, что три потомка Ираклия носили имя Константина, отразилось на судьбе их в нашем предании. Патриарх *Никифор* в своем хронологическом обзоре императоров и патриархов, Χρονογραφικόν σύντομον, называет Константина, убитого в Сиракузах в 668 году, сыном Ираклия, тогда как он был его внуком — Κωνσταντίνος, υιός Ἡρακλείου ἐβασίλευσε ετη κή. Ουτος ἐν Σικελία ἀνηρεθη (p. 99, 12-13 *De Boor).* Его сына и преемника *Никифор* называет внуком Ираклия, εκγονος Ηρακλείου (99, 16). *Феофан* знает внука Ираклия под именем Κώνστας и только раз, уже в описании событий времен правления его сына, дает ему имя Константина, с пояснением — ὁ εις την δύσιν (357, 12). На монетах и в официальных документах внук Ираклия именовался Константином. Папа Мартин в своем обращении к императору после Латеранского собора именовал его так: Δεσπότη εύσεβεστάτῳ καί γαληνοτάτῳ νικετῆ τ ροπαιούχῳ υἱῷ ἀγαπῶντι τον Θεόν καί Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν Κωνσταντίνῳ Αὐγούστῳ (Μαρτίνος ἐπίσκοπος δοῦλος τοῦ Θεοῦ) — *Mansi.* X, 789. Прозвище Погонат, т. е. бородач, которое ему дали современники, засвидетельствовано *Константином Багрянородным* в описании части храма св. Апостолов, которая называлась Ἡρῷον τοῦ μεγάλου Ἰουστινιανοῦ. Отметив саркофаг Ираклия и его жены Фабии, царственный автор называет рядом с ним два. —Ἕτερος λάρναξ Προκοννησιος Κωνσταντίνου Πωγωνάτου, ἕτερος λάρναξ ἀπὸ λίθου πρασίνου Θεσσαλικοῦ, ἐν ᾧ ἀπόκειται Φαῦστα ἡ γονή Κωνσταντίνου Πωγωνάπη). Ἕτερος λάρναξ Σαγαρινός, ἐν ᾧ ἀπόκειται Κωνσταντίνος, εγγων Ηρακλείου, υιός Κωνσταντίνου τού Πωγωνάτου (*Constant. Porphyrog.* De cerim. II, c. 42, p. 644). Безымянный для нас автор сочинения Πάτρια Κωνστανινοπόλεως, которого издатель *Praeger* приурочивает к X веку, называет Константина Погоната сыном Ираклия, p. 235, §49: Τά δε Καρπιανοῦ ἀνήγειρεν Καρπιανός πατρίκιος ἐν τοις χρόνοις Κωνσταντίνου, υἱοῦ Ἡρακλείου, του Πωγωνάτου.

Эпитет бородача, в приложении к Константу, делают вполне понятным его изображения на монетах. Уже в труде *Дюканжа,* Historia Byzantina duplici commentario illustrata, воспроизведено несколько монет Константа, где он изображен с большой окладистой бородой (p. 98). В издании *Sabatier,* Description Générale des Monnaies Byzantines, II, PI. XXXIV, дан целый ряд монет такого типа, а также и в новейшем нумизматическом издании. *Wroth.* Catalogue of the Coins of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. I (London. 1908), PI. 30, nn. 17, 18, 19; PI. 31, nn. 8, 9, 10; PI. 32, n. 8; PI. 33, n. 21; PI. 34, n. 8; PI. 35, n. 10.

Феофан, Никифор и Георгий Монах вовсе не знают прозвища Погонат; оно появляется у *Кедрина* и затем *Зонары* и у обоих в приложении к правнуку Ираклия, а не внуку, как у *Константина Багрянородного. Кедрин* не дает никакого объяснения этого прозвища, а у *Зонары* оно объяснено следующим образом: когда старший сын убитого в Сиракузах Константа отправлялся с экспедицией мстить за смерть отца, на его подбородке только пробивался пушок, а из похода он вернулся с бородой. Это привлекло такое внимание населения столицы, что молодого императора прозвали «бородачом» (*Zonara.* 14, 20, 4, p. 222). Этот рассказ производит впечатление позднейшего вымысла, вследствии трех преемников Ираклия. Так как в литературном предании внука Ираклия знали только под именем Константа, как его называл *Феофан,* наложивший свою печать на всю последующую историю предания, а имя Константин Погонат было уже известно, то этот эпитет был перенесен на того императора, который никогда не назывался иначе, как Константином, и пользовался у потомков большим уважением, как столп православия, восстановивший его на Шестом Вселенском соборе.

трон законного потомка Ираклия и единство государства, а подраставший в тяжелых условиях соперничества за власть и влияние в среде придворной знати отрок-император обнаружил, когда его возраст позволил ему самостоятельно направлять жизнь империи, сильную волю и твердый характер.

Первый год нового правления ознаменовался бунтом в Риме. Хартуларий Маврикий, инициатор недавнего ограбления папской казны в Латеране, распустил слух о том, будто экзарх Исаакий намеревается отложиться от империи и провозгласить себя императором. Под этим предлогом он начал приводить к присяге на свое имя гарнизон Рима и соседних городов. Исаакий, остававшийся верным дому Ираклия, получив известие о мятежном движении Маврикия, отправил в Рим войско под началом магистра Дона, которому удалось без кровопролития воздействовать на настроение солдат, и покинутый всеми Маврикий укрылся в одном из римских храмов. Дон вывел его из убежища и отослал в оковах вместе с ближайшими соучастниками этого движения в Равенну. По приказанию Исаакия, Маврикий был казнен по пути, и голова его, доставленная в Равенну, была выставлена в цирке. Соучастники Маврикия в ожидании следствия содержались в тюрьме. Но в ту пору скоропостижно скончался Исаакий, и подсудимым удалось освободиться и вернуться на места своей службы. Пост экзарха занял присланный из Константинополя Феодор Каллиода.[525]

Около того же времени скончался папа Иоанн (11 октября 642 года) и на престол св. Петра был избран Феодор, грек по происхождению, сын епископа, родом из Иерусалима. Выбор клира не встретил возражений и 24 ноября началось правление нового папы. Разделяя воззрения своего предшественника, Феодор относился с осуждением к эктесису, отверг синодику патриарха Павла, в которой признал единомыслие с Пирром, и в своем ответном послании к нему указал на незаконность занятия им епископской кафедры при жизни предшественника, который был устранен не постановлением церковного собора, а мятежным движением населения столицы.[526] По этому последнему вопросу папа писал также епископам, посвятившим Павла.[527] Таким образом, церковный раскол, возникший при папе Иоанне, обострился еще более при его преемнике.

В третий год правления Константа его трон подвергся покушению со стороны того самого Валентина Аршакуни, который был инициатором переворота, низвергшего Мартину и ее сына и утвердившего преемство императорского сана за законным прямым потомком Ираклия. Это событие засвидетельствовано в нашем предании весьма скудно. Папа Мартин на допросе, которому он был подвергнут в Константинополе в 654 г., говорил о нем, как о военном бунте, который не встретил должного отпора со стороны членов придворной знати. Из его слов видно, что Валентин восседал в императорском облачении рядом с Константом, и что это его возвышение было узаконено императорским указом.[528] В кратком упоминании о мятежной попытке Валентина у Иоанна Никиуского отмечено, что он дал клятву в том, что облекся в пурпур лишь для командования армией.[529] У Феофана дело Валентина представлено, как посягательство на трон Константа, которому, однако, удалось, привлекши на свою сторону население столицы, устранить претендента.[530] Гораздо полнее сообщение Себеоса. — Задумав совершить переворот, Валентин заставил обманом сенат согласиться на венчание его царским венцом, имея ввиду принять главное начальство над войском. Он привел с собой в столицу личную дружину в 3 тысячи человек и присоединил к ней много другого войска. Опираясь на эту силу, он «отяготил иго жителей города». Против Валентина взбунтовалось городское население и, собравшись в храме св. Софии с патриархом во главе, заявило протест против насилия. Подавить волнение взялся один из приспешников Валентина, по имени Антонин. С тысячей человек он ворвался в храм и начал расправу с возбужденной толпой. Патриарх вмешался в дело, указав на оскорбление святости места палочной расправой в церкви; но Антонин ударил его по лицу. Это вызвало такую ярость, что Антонин был убит и труп его вытащили за ноги из храма и сожгли на площади. Толпа ворвалась во дворец, вытащила оттуда Валентина и подвергла его такой же участи.[531]

Покушению Валентина на верховную власть предшествовал поход против арабов, организованный, по-видимому, из Константинополя. Одновременно с выступлением Валентина должны были выступить из Армении войска под начальством вождя Давида Уртайи. Эти армии должны были встретиться на вражеской территории. Но армия Валентина понесла поражение и бежала с поля битвы (по-видимому, в Сирии), а Давид вступил в Месопотамию, и так как арабских гарнизонов там не было, то он позволял себе в отношении беззащитного местного христианского населения всякие насилия и жестокости. Покоритель Месопотамии Ийад находился тогда в Дамаске. Получив известие о вторжении армян, он поспешил в Эдессу и стал преследовать отступавшего

---

[525] Единственным источником сведений об этом событии является сообщение *Liber Pontif.* p. 331-332. Надгробная надпись Исаакия см. *Corp. Insc. Gr.* η. 9869. — В надписи отмечена его армянская национальность и принадлежность к знатному роду.

[526] *Mansi.* X. 702-705. Синодика Павла не сохранилась.

[527] Ib. 716-718.

[528] *Mansi. X,* 856. Cum praecepto imperatoris indutus est purpura et consedit ei.

[529] *Jean de Nik*. 582.

[530] *Theoph.* 343, 3-5.

[531] *Себеос.* гл. 32, стр. 125-126 — относит бунт Валентина ко второму году правления Константа. В таком случае поход его в Месопотамию пришлось бы отнести к первому году, т. е. 642. *Феофан*, 343, 3-5, поместил свою краткую заметку под третьим годом Константа и под тем же годом занес сообщение о затмении 5 ноября. По *Оппольцеру,* затмение в этот день было в 644 году. *Дионисий Тельмарский* записал о походе Валентина под 955 годом эры Александра, т. е. 644.

уже неприятеля. Давид был вынужден вступить в сражение, был разбит и его войско было истреблено. Благополучно ушел со своим отрядом в Амиду не оказавший ему поддержки отряд Тита, который резко осуждал поведение своего товарища относительно туземцев во время похода. — Таково сообщение, сохраненное Михаилом Сирийцем.[532] Весьма возможно, что неудача похода послужила для Валентина поводом для его мятежного предприятия в столице.

По смерти Валентина пост главнокомандующего в Армении был предоставлен Феодору, князю области Рыштуни, лежавшей к югу от озера Ван, в пределах персидской Армении. Это дело сладилось при посредстве католикоса Нарзеса, преемника Езра, скончавшегося в 640 году. Возможность такого назначения объясняется особыми условиями, в которых находилась Армения в ту пору. Армянская знать восточных областей страны была связана тесными узами с двором Сасанидов, и Феодор провел свои юные годы, как и многие другие его соплеменники, при дворе Хосрова. До битвы при Кадисии (637 год), в который армяне бились на стороне персов против арабов, старые отношения были в полной силе. Но с тех пор дело пошло иначе, и в последних судьбах последнего сасанида армяне стояли в стороне. Нахарарский строй, близкий к западному средневековому феодализму, в котором жила Армения, не давал возможности сложиться единому национальному политическому целому. Отсутствие форм политического порядка восполнялось единством армянской церкви св. Григория, и католикос получил значение представителя всего армянского племени в пределах его расселения. Обособляясь в своем церковном сознании, армяне сознавали свою близость к империи, как к христианскому государству. В 648 году католикос Нарзес выражал отношение соплеменников к империи в послании к императору от имени собора в таких словах: «Твое царство велико и сильнее, чем все царства; оно увенчано не рукою человека, но десницею Бога. Его ничто не может заменить, кроме царства Христова... Так как Бог избавил нас от рабства мрачному владычеству (персов) и удостоил нас небожительного твоего царства, сколь более мы должны молить Христа Бога нашего, чтобы благочестивое и боголюбивое царство твое осталось непоколебимо до века, как дни неба на земле, с многими победами, владычеством над вселенной — на море и на суше».[533] Так идея царства Божия на земле сливалась с представлением о единой мировой римской христианской державе. Армянский народ почувствовал себя заодно с империей перед лицом того нового грозного врага, каким тогда являлись арабы со своим исламом.

Вступив в сношения с императором, при посредстве католикоса, Феодор Рыштуни ходатайствовал о смягчении участи своих соплеменников, членов армянской знати, которые томились в ссылке по делу о заговоре на жизнь Ираклия в 638 г. То были Вараз-Тироц, сын Сумбата Багратуни, и Ваган Хорхоруни. С первым из них он был связан воспоминаниями юности, проведенной при дворе Хосрова. Предоставляя Феодору Рыштуни высшие полномочия в Армении, император внял его просьбе, вернул из ссылки обоих и возвратил им их придворные саны. Сын Вараз-Тироца, Сумбат, был зачислен в кандидаты и получил звание протоспафария.[534] Положение Феодора в Армении, ввиду междоусобий армянских князей, не было прочно, несмотря на признание его прав императором. Против него составилась партия, обвинявшая его в измене. Он был схвачен и отослан в столицу на суд императора. Разобрав его дело, Констант оправдал его и «с великой честью» отослал назад в Армению.[535]

В первые годы правления Константа покоритель Египта Амр расширял пределы арабского господства по северному побережью Африки. В 642 году он завоевал Пентаполь с главным городом Баркой,[536] а в следующем завладел городом Триполисом на Сирте.[537] Когда после этой победы он вернулся в Барку, то получил известие, что племя леваты, жившее в пределах нынешнего оазиса Феццана, признало над собой власть халифа. Но этим и закончились успехи Амра. Халиф Омар, относившийся с полным признанием к военным его талантам, имел свои подозрения насчет расходования им денежных средств, которые должны были обогащать казну халифа в Медине, Не смещая его с поста, Омар дал ему соправителя в лице Абд-Аллахи ибн Саада, поручив в его заведование дельту Нила с городом Александрией. Первым делом нового правителя было увеличение дани, которую платила Александрия, что и вызвало неудовольствие туземцев. 3 ноября 644 г. скончался халиф Омар от раны, которую ему нанес в мечети на молитве один перс, принявший ислам.[538] Омар прожил несколько дней после этого покушения, обеспечил по возможности дела на будущее время, и его преемником стал Осман. Новый халиф отозвал Амра в Медину, предоставив Египет единоличному правлению Абд-Аллаха.[539] Гарнизон Александрии состоял из одной тысячи человек.

Все эти обстоятельства были учтены византийским двором, и так как арабы в ту пору еще не делали попыток

---

[532] *Mich. Syr.* XI, 10, 443-444. — В хронике *Дионисия Тельмарского* под 642-643 годами записано о походе в Сирию Прокопия и Феодора. *Chabot.* p. 6.
[533] *Себеос.* гл. 33, стр. 133 и 137.
[534] *Себеос* относит это событие к пятому году правления Константа — гл. 32, стр. 127.
[535] *Себеос*, стр. 127.
[536] *Scr. Syri.* t. VII; *Elias Nisib.* p. 65 — под 21 годом геджры — с 10 декабря 641 г. по 30 ноября 642.
[537] *Eutychii* Annales, p. 1108 — Cepit etiam Amrus Ebnol Asi Tripolini occidentalem anno Heirae vicésimo secundo — 22-й год геджры — с 30 ноября 642 г. по 18 ноября 641.
[538] Theoph. 348, 8-12 — день смерти 5 ноября, четвертого года правления Константина. Подробное свидетельство *Михаила Сирийца,* XI, 8, 430. 3 ноября, Пик день смерти, дает *Мюллер.* Ист. Ислама, 1, 317.
[539] *Scr. Syri.* VII, 65-25 год геджры — с 28 октября 645 г. по 17 октября 646.

создать морские силы, и византийский флот невозбранно господствовал на море, то явилась надежда отвоевать Александрию и вытеснить арабов из Египта. В 645 году был снаряжен в Константинополе большой флот в 300 судов. В конце года он направился к берегам Египта под начальством армянина Мануила.[540] Высадка совершилась благополучно, арабский гарнизон был застигнут врасплох, и Мануил овладел Александрией. Но этот успех был непрочен.

Вместо того, чтобы двинуться на Фустат, Мануил держал свои войска близ Александрии, и из свидетельств, сохраненных преданием, нельзя с уверенностью заключить, занял ли он крепость Никиус. Византийская армия, проявляя свое обычное презрение к туземному населению Египта, вела себя как в завоеванной стране, грабила и разоряла окрестности Александрии. Из Фустата арабы послали известие в Медину о положении дел в Египте, и халиф немедленно отправил Амра на прежний его пост. Собрав свои силы в Фустате, Амр не спешил идти на Александрию, а выжидал, что Мануил пойдет на него сам. Встреча противников произошла под стенами города Никиуса. Военные таланты Амра доставили ему полную победу. Остатки разбитой армии, и с ними Мануил, бежали в Александрию.[541]

Мощные стены города представляли надежную защиту, но население не было заинтересовано в деле обороны, и арабы без больших затруднений проникли в город и подвергли его страшному кровопролитию. Восточные кварталы Александрии погибли в огне. Мануил бежал в Константинополь. Монофизитский патриарх Вениамин, как представитель туземного населения, настроенного враждебно против халкидонитов, заключил с Амром договор, окончательно подчинивший Александрию арабам. В предупреждение возможности отпадения Александрии, Амр срыл ее стены и укрепления, лишив на будущее время возможности обороняться. Это второе и окончательное взятие Александрии относится к лету 646 года. Так попытка воротить Александрию под власть императора окончилась полной неудачей, и местное население ясно выказало, что оно предпочитает новое иго старому.

Возвратившийся в Константинополь Мануил занимал в течение некоторого времени пост магистра армии. Темные интриги в среде придворной знати вовлекли его в заговор против императора. Дело раскрылось, и другой член высшей армянской знати, Сумбат, сын Вараз-Тироца, зять Мануила, занимавший в эту пору пост стратига фракийских войск, арестовал его и представил на суд императора. Мануил был казнен.[542]

Год, ознаменовавшийся неудачей Мануила в Александрии, отмечен и другим важным событием на территории Африки, которое стояло в ближайшей связи с текущими тревогами религиозной жизни империи. Население латинской Африки было искони тесно связано с Римом в церковном отношении и твердо стояло за православие. Богословская наука имела среди африканского клира видных представителей даже в пору вандальского господства в стране, и римский престол придавал нередко большое значение голосу африканской церкви. Возглашение нового догмата о единстве воли во Христе, окончательно сформулированное в эктесисе, было встречено африканскими богословами, как отпадение от истинного учения церкви и новая ересь. Помимо этой общей внешней причины тревожного настроения были и другие, имевшие местный характер. Утверждение владычества арабов в Сирии и Египте вызвало бегство в Карфаген людей с востока, которые находили в процветавшей тогда стране убежище от бедствий родины, как некогда, в пору утверждения власти вандалов в Африке, бежало много народа из Карфагена в Египет и Сирию.[543] Так как в Сирии и Египте господствовало монофизитство, то и большинство беглецов принадлежало к этому исповеданию. Стоявший во главе управления Африки экзарх Георгий (с 634 года) принимал все меры, чтобы устроить беженцев и обеспечить их существование. Среди беженцев было много монахов и монахинь. Георгий щедро расходовал денежные средства, находившиеся в его распоряжении, на обеспечение вновь возникавших монастырей.[544] Но тот дух религиозной нетерпимости и фанатизма, которым всегда отличались сирийцы, сказался в живой пропаганде монофизитского исповедания среди африканского православного населения. Такое поведение беженцев создавало большие тревоги в среде туземцев, и Георгий, действуя в согласии с епископом Карфагена, сделал об этом доклад императору, а также константинопольскому патриарху и римскому папе, с которым карфагенская церковь всегда состояла в тесном общении.

Это случилось около того времени, когда Ираклий скончался и верховная власть перешла к Константину. Твердый в православии Константин в ответ на донесение Георгия приказал требовать от еретиков отречения от их заблуждений и в случае упорства изгонять их, конфисковать имущество еретических общин и передавать монастыри и церкви православным.[545] Сначала строгости возымели свое действие и временно настало успокоение; но вскоре вышли опять беспорядки из-за обладания монастырями, и Георгий продолжал

---

[540] Мануил принадлежал к армянскому роду Аршакидов. *Marquait.* Streifzüge, 438.

[541] У *Феофана* — 338, 20-27 — это событие отмечено под 635 годом с полным Искажением исторической последовательности. Точно также и *Михаил Сириец* (XI, 7, 425) в согласии с *Феофаном* помещает Мануила в правление Кира. Точно также и у *Агапия Маббугского,* стр. 212-213. Ясный и краткий рассказ о попытке возвратить Александрию сохранил патриарх Евтихий. Annales, 1112.

[542] *Себеос.* гл. 34, стр. 150. — Год этого события трудно поддается выяснению. По-видимому, это случилось в 648 году.

[543] Свидетельства о последнем сохранены в переписке *Феодорита Кирского.*

[544] Восторженные похвалы Георгию см. в письмах *Максима Исповедника.* p. G. 91, 364, 373, 648-649.

[545] Ib. p. 464-465 (Письмо *Максима* к кубикуларию Иоанну).

применение строгих мер в согласии с указом императора.

В борьбе за торжество православия поддержку Георгию оказывал видный борец против всяких ересей и, особенно, монофелитства, монах Максим, оставшийся в истории с эпитетом «Исповедника». Он родился в Константинополе ок. 580 года в семье, принадлежавшей к высшей знати и состоявшей в родстве с императорским домом.[546]

Богатоодаренный от природы и высокообразованный, искусный в диалектике, владевший пером, Максим имел все данные занять высокое положение в среде придворной знати и в молодые годы занимал пост протоасикрита в императорской канцелярии. Но он оставил служебный пост, принял монашество и состоял в числе братии монастыря в Хрисополе. Это случилось около 630 года. В 633 году он был вместе с Софронием в Александрии и боролся против Кира, проводившего унию с феодосианами на почве учения о единстве энергии и воли во Христе. В год смерти Ираклия он находился в Карфагене, сблизился с Георгием и был его советником в делах, касавшихся религиозных вопросов.

Когда Константин скончался и верховную власть стала осуществлять Мартина от имени своего сына, отношение правительства к монофизитам изменилось. Мартина стояла за эктесис, и это создавало иное положение для египетских и сирийских монофизитов, нашедших приют в Африке. В ноябре 641 года в Карфаген прибыл посланный от Мартины с указом на имя Георгия, заключавшим в себе повеление прекратить всякие преследования монофизитов. Когда это огласилось, местный клир и народ были в таком возбуждении, что Георгий счел возможным объявить, что полученный им указ поддельный и, в целях успокоения туземцев, продолжал преследования упорствующих в ереси, сажал их в тюрьму и подвергал телесным наказаниям.[547] Вскоре, однако, он был отозван в столицу. Георгий пользовался огромной популярностью в Карфагене, и его проводы имели, по свидетельству очевидца, весьма трогательный характер. Максим направил два письма влиятельному при дворе евнуху Иоанну еще в то время, когда в Карфагене не знали о перевороте, совершенном Валентином.[548] Он настоятельно внушал своему корреспонденту употребить все способы воздействия к тому, чтобы такой почтенный и популярный в стране правитель был поскорее возвращен на свой прежний пост. Но этого не случилось. Георгий остался в столице и, по-видимому, занял пост магистра армии.[549] Правителем Африки был назначен Григорий, который был, по всему вероятию, сыном Никиты, двоюродного брата Ираклия.

Как складывались местные отношения в первые годы правления Григория, об этом нет сведений в нашем предании. Что же до Максима, то он сохранил свое влиятельное положение и при Григории. Воспользовавшись тем, что Пирр, являвшийся главным столпом монофелитства, был вынужден оставить свою кафедру и находился в ссылке в Африке, Максим заставил его вступить в публичное состязание по вопросу о новом догмате единства воли во Христе. Диспут состоялся в июле месяце 645 года в присутствии патриция Григория, епископов и членов местной знати. Полный протокол диспута с точной записью прений сохранился в творениях Максима.[550] Результат торжественно обставленного состязания был тот, что Пирр признал себя побежденным и публично отрекся от монофелитства. После этой победы Максим отправился вместе с Пирром в Рим. Пирр представил папе Феодору исповедание веры, в котором отрекался от прежних своих заблуждений. Папа обставил воссоединение Пирра с церковью весьма торжественным образом. В базилике св. Петра, в присутствии клира и народа, он принял Пирра в церковное общение и, признавая в нем патриарха константинопольской кафедры, предоставил ему епископский трон близ главного алтаря. Проживая в Риме, Пирр пользовался содержанием из средств папского престола.[551]

Диспут Максима с Пирром, совершившийся с большой публичностью, был победой западного православия над восточной ересью. Это подняло настроение во всех областях латинской Африки, и в начале 646 года, быть может по инициативе Максима, состоялись соборы в Нумидии, Бизацене и Мавритании, а несколько позднее в области Карфагена (Africa Proconsularis), на которых с полным единодушием монофелитство было признано ересью.[552] От имени африканской церкви было составлено послание к патриарху Павлу с требованием отречься от ереси и возвратиться к исповеданию истинной веры, утвержденной на пяти вселенских соборах.[553] Другое послание было обращено к императору с настойчивой просьбой заставить патриарха отречься от еретических заблуждений и прекратить соблазн, который он вносит в жизнь церкви.[554] Одновременно с тем африканские епископы обратились к папе Феодору с посланием, в котором оповещали его о принятых ими на соборах постановлениях и, прославляя римскую церковь, как «неисчерпаемый источник божественной благодати, обогащающий всех христиан», просили папу проявить свой верховный авторитет побуждением Павла отречься

---

[546] Констант в приказе о нем писал: προγενικόν ήμων καί γενόμενον αὐτοῖς τίμιον — *Acta Maximi.* P. G. 90, p. 161.

[547] *Максим* называет Мартину —Ἡμῶν δέσποινα θεοφύλακτος πατρικία, отказывая ей в сане августы. P. G. 90, p. 460.

[548] *Максим* говорит о двух императорах: τοίς ἐπί γῆς τό θεῖον εἰκονίζουσι κράτος εὐσεβέσι καί πανημένοις ημῶν βασιλεῦσι. — Ib. p. 549 B.

[549] Он был казнен вместе с Мануилом.

[550] *Maximi Opera.* P. G. 91, 288-353; (*Mansi.* X, 709-760).

[551] *Lib. Pontif.* 332, § 127. Ср. *Mansi.* X, 859. — Показание папы Мартина на суде в Константинополе в декабре 654 г.

[552] Биограф Максима приписывает ему инициативу этих соборов — Vita, c. 14.

[553] *Mansi.* X. 929-931.

[554] Ib. 925-927.

от своих заблуждений и, в случае упорства, отсечь его «как больной член от святого тела церкви Христовой».[555]

Раньше чем папа мог осуществить то, на чем настаивали африканские епископы, брожение в Африке приняло характер восстания против императора. Правитель Африки, Григорий, задумал воспользоваться всеобщим возбуждением на почве религиозного раскола в свою пользу, и провозгласил себя императором. Максиму Исповеднику, который находился в Риме, его враги приписывали, впоследствии, прикосновенность к этому мятежу. В вещем сне он будто бы слышал возгласы ангельских хоров на одной стороне: «да здравствует император Константин» (Κωνσταντίνε Αὔγουστε τούβικας), а на другой: «да здравствует император Григорий» (Γρηγόριε Αὔγουστε τούβικας). Первые были заглушены вторыми. Находившийся в постоянных сношениях с Африкой папа также не мог быть в неведении о мятежных замыслах Григория.[556] Уверенный в сочувствии туземцев, Григорий привлек на свою сторону племена соседних мавров и, вероятно с целью иметь поддержку мавров в предстоявшей войне с императором, перенес свою резиденцию из Карфагена на юг Бизацены, в цветущий тогда город Суфетулу (646 г.)[557]

Императору не пришлось, однако, вести борьбу с претендентом: это сделали за него арабы. Управившись в 646 году с Мануилом в Александрии, арабы восстановили свою власть в Барке, Киренаике и Триполисе, и в 647 году Абд-Аллах ибн Саад, с армией в 20 тысяч человек сделал набег на Африку. Григорий выступил против него из своей резиденции, и на расстоянии одного дня пути от нее, на равнине Бакуба, произошла битва, окончившаяся полным поражением его войска. Сам Григорий пал в бою. Арабы взяли приступом Суфетулу и разграбили город.[558]

Вторжение Абд-Аллаха имело характер набега, так как он согласился за щедрый выкуп очистить Африку. С кем он вел переговоры и от кого получил выкуп, об этом нет свидетельств в нашем предании.[559] В арабских свидетельствах имеется сведение, что император, узнав об уплате дани в 300 кентенариев золота, отправил в Карфаген патриция «Вадиму» и потребовал такую же сумму для себя. Но правитель Африки, заменивший Григория, «Дженаха» (быть может, искажение имени Геннадий) отверг это требование, прогнал Вадиму, и население Африки, отложившись от империи, избрало своим правителем Елевферия.[560] Если в этом свидетельстве можно признать долю истины, то придется заключить, что воссоединение Африки с империей не произошло немедленно после гибели Григория; несомненно, однако, что в 60-х годах VII века Африка признавала над собой власть императора и была предметом особых забот Константа.

Бунт Григория в Африке не задержал дальнейшего хода борьбы Запада с Востоком в сфере церковной жизни. Папа Феодор, в осуществление настояния африканских епископов, послал константинопольскому патриарху Павлу требование отречься от своих заблуждений. Павел отвечал уклончиво, оставаясь при своих прежних мыслях, и папа изрек над ним отлучение.[561] Около того же времени, вероятно еще в 646 году, Пирр, находясь в Равенне, отправил папе отречение от своего воссоединения с римской церковью и вернулся к монофелитству.[562] Оскорбленный папа обставил отлучение Пирра торжественным образом. Осудив на своем соборе Пирра в базилике св. Петра, он спустился в пещерный храм, где была гробница апостола, и, обмакнув перо в чашу с кровью Христовой, подписал грамоту отлучения.[563]

Византийский двор понимал политическую опасность, которую заключал в себе раскол с Римом и сделал попытку найти средний путь. В 648 году был издан указ от имени императора, получивший название «типос» (Τύπος). Он был опубликован по всей империи и послан папе Феодору. В тексте его констатируется разногласие по вопросу о двух и одной воли во Христе и для умиротворения раздора объявляется категорический запрет всяких споров в такой форме: «Воспрещаем всем нашим подданным католикам спорить впредь каким бы то ни было образом об одной воле и одном действии, двух действиях или двух волях, и чтобы содействовать единству церкви и отнять всякий предлог у желающих спорить без конца, мы повелеваем снять прибитые пред дверьми Великой церкви этого царствующего града папирусы, касающиеся этого вопроса. Кто дерзнет противиться этому повелению, будет подвергнут тяжкой каре». По старой традиции, кары, которыми грозил император, находились в соответствии с общественным положением виновных: епископы и клирики подлежали лишению сана, члены синклита — конфискации имущества, гражданские и военные чины — лишению пояса, т. е. отставке, монахи — отлучению, люди простого звания — телесным наказаниям и ссылке на всю жизнь.

---

[555] Ib. 943-949.

[556] Во время процесса Максима Исповедника один из обвинителей утверждал, будто папа Феодор ободрял Григория в его мятежных замыслах и обещал победу на основании вещего сна Максима. Сам Максим резко отвергал это обвинение, как вздорный слух. — P. G. 90, p. 112.

[557] *Theoph.* 343, 18 — пятый год правления Константа. *Mich. Syr*. XI, 10, 440 — 25-й год геджры — с 28 октября 645 г. по 17 октября 646.

[558] *Theoph.* 343, 25-28 — шестой год правления Константа. *Elias Nisib,* p. 66 — под 27 годом геджры — с 7 октября 647 г. по 27 сентября 648.

[559] *Илья Нисибинский* дает цифру выкупа — «две тысячи динариев», и договаривавшейся стороной называет «жителей области».

[560] *Audollent*. Carthage Romaine, p. 137-138 — со ссылкой на арабского историка *Ez Zohri.*

[561] Послание папы не сохранилось; ответ Павла — *Mansi.* X, 1020-1025.

[562] Это случилось в то время, когда пост экзарха в Равенне занимал Платон.

[563] *Lib. Pontif.* 332, § 127; *Theoph.* 331, 17-24.

Издание типоса имело целью восстановление церковного общения с римским престолом и умиротворение того возбуждения, в каком находилось население западных областей латинского языка.[564] Отказ от эктесиса и снятие его текста со стен храма св. Софии было уступкой настойчивым требованиям папы Феодора и африканских епископов. Но волнение, длившееся столько лет, не могло прекратиться по слову императора, и признание невозможности дать категорический ответ на давно поставленный и страстно дебатировавшийся вопрос, который был к тому же определенно решен в эктесисе, не могло являться приемлемым для римского престола, который претендовал на верховное право толкования христианской догмы для всего мира. Папа Феодор, скончавшийся 13 мая 649 года, не осуществил этого права и оставил эту заботу в наследие своему преемнику.

МУАВИЯ И ЕГО МОРСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ. ДЕЛА В АРМЕНИИ. ПОХОД КОНСТАНТА ПРОТИВ СЛАВЯН

В тот самый год, когда Абд-Аллах покончил своим вторжением в латинскую Африку восстание Григория, наместник Сирии Муавия организовал два похода в двух направлениях. По приказанию халифа он направил большие силы арабов под начальством Хабиба ибн Мусальмы в Армению, а сам вторгся в Каппадокию. С утверждением арабов в Месопотамии, римской и персидской, путь в Армению был открыт. Через Атропатену арабы проникли в область озера Ван и, разделив свои силы на три отряда, прошли далеко на север, подвергая страну по пути жестокому грабежу и опустошению. Враждовавшие друг с другом армянские князья не сумели организовать сопротивление насильникам, и арабы взяли и разорили главную крепость страны Двин (6 октября 647 г.). Феодор Рыштуни устроил засаду в области Коговит и во время обратного похода арабов отбил у них много пленных. Из доставшейся ему добычи он послал в дар императору сто коней.[565] С тех пор арабы стали повторять из года в год свои вторжения в Армению под начальством того же Хабиба.

Муавия опустошил Каппадокию, взял город Кесарию, который сдался ему без сопротивления и был пощажен, прошел далее на запад во Фригию, пытался взять крепкий город Аморий, но ему это не удалось, опустошил его цветущие окрестности и вернулся в Дамаск с огромной добычей и множеством пленных.[566] Еще в правление Омара Муавия помышлял перенести войну с империей на море. Но Омар боялся моря и не дал разрешения на это предприятие. Осман отнесся к этому иначе, и Муавия в 649 году организовал, при помощи египетского флота, первый морской поход, который был направлен на остров Кипр. Арабы овладели главным городом Констанцией, и Муавия поселился во дворце епископа. По слухам о приближении имперского флота Муавия покинул остров; но слух оказался ложным, и часть эскадры вернулась назад и подвергла грабежу весь остров. Доставшейся добычей Муавия поделился с командиром египетских кораблей. На обратном пути к берегам Сирии Муавия сделал попытку овладеть островом Арадом (вблизи сирийского побережья). Город был сильно укреплен и арабам не удалось его взять открытой силой. Муавия послал к поселению одного сирийского епископа, который взял на себя поручение воздействовать на жителей: но город не сдался.[567] На следующий год Муавия повторил свою попытку, и на этот раз ему удалось овладеть городом. Он срыл его стены, переселил население на материк, и с тех пор остров стал необитаем.[568] В 651 году Муавия организовал из Киликии поход на Исаврию, опустошил страну и увел из нее пять тысяч пленных.[569] Предприятия арабов на море, которое было дотоле в невозбранном обладании империи, побудили византийский двор вступить в переговоры с Муавией. В Дамаск был отправлен, послом от императора Прокопий, которому удалось заключить перемирие на три года за щедрый выкуп. В обеспечение исправности платежа император выдал Муавии заложником своего близкого родственника, Григория, сына Феодора, брата Ираклия. Через два года Григорий скончался в Илиополе (Бальбек) и его набальзамированный труп был препровожден в Константинополь.[570]

Мир был очень нужен империи ввиду как тех тяжелых тревог, которые вызывал на западе раскол с Римом, так и опасного положения в Армении. Арабы продолжали свои вторжения в Армению, единодушия среди армянской знати не было по-прежнему, а Феодор Рыштуни вызывал своим поведением подозрения в измене, о чем его враги доводили до сведения двора. Дело осложнилось замешательством религиозного характера. Хотя

---

[564] Близкие императору люди, в споре с Максимом, говорили ему так: πλήν μή λύπησης τόν βασιλέα, διά την ειρήνην καί μόνον ποιήσαντα τόν τύπον. — *S. Maximi Confessons acta*. P. G. 90, 121.

[565] *Себеос.* гл. 32-33, стр. 129-131, — по словам *Себеоса* разорению от арабов подверглись провинции Арарат, Тайк, земля иверов и агван. Крепость Нахачван арабам взять не удалось. — *Себеос* относит это событие ко второму году правления Константа.

[566] *Mich. Syr.* XI. 10. 441.

[567] *Theoph.* 343, 30-344, 10: *Mich. Syr.* XI, 10, 441-442; *Elias Nisib. Scr. Syri.* VII, 66; 28 год геджры — с 25 сентября 648 г. по 13 сентября 649. — *Eutychii* Annales, p. 1112. Moavias iste cum Cypri incolis foedus pepigit anno Heirae vicésimo octavo, idque anno caliphatus Othmani quarto, tributo aureorum septies mille ducentorum quotannis ab ipsis in perpetnum Moslemis pendendo, ac tanti etiam Romanorum imperatori. — *Cedr.* I, 755 — дает цифру судов первого арабского военного флота — 1700. Вряд ли это простой домысел автора, но источник этого сведения нам неизвестен.

[568] *Theoph.* 344, 12-15; *Mich. Syr.* Ib.

[569] *Theoph.* 344, 19-24; *Mich. Syr.* ib. — Поход на Исаврию был предпринят как месть за неуплату в срок условленной дани.

[570] Ib. 344, 21-24; 345, 1-2; *Себеос.* гл. 33, стр. 131-132.

армянская церковь на соборе в Двине при патриархе Езре и обязалась прекратить борьбу против Халкидонского собора, и догмат о единой воле во Христе являлся оправданием унии, но Халкидонский собор по-прежнему являлся камнем преткновения в сношениях армян с греками. Имперские войска, находившиеся в Армении, испытывали на себе враждебное настроение туземцев, которые считали их еретиками и отказывали в церковном общении. Ввиду явной враждебности армян, от имени императора и патриарха было отправлено увещевательное послание к католикосу и Феодору Рыштуни. Нарзес собрал собор в Двине, на котором был выработан весьма обстоятельный ответ императору с подробным изложением исповедания веры в историческом освещении ее утверждения и с осуждением Халкидонского собора. Текст ответа приведен полностью у Себеоса.[571]

Отстаивая самостоятельность своей национальной церкви, и выставляя на вид ее связь с монофизитской церковью Сирии, армяне признавали свою принадлежность к империи, как единой мировой христианской державе. Но это отношение имело форму скорее союза, нежели включения в государственное единство. Бедствия, которые терпела Армения от непрерывных нашествий арабов, имели своим последствием то, что Феодор Рыштуни и многие другие армянские князья предпочли вступить в договорные отношения с сирийским наместником халифа, Муавией. Предложенные армянами условия сводились к военному союзу, причем Муавия обязывался не требовать армянских контингентов в Сирию. Император воспользовался перемирием с Муавией и во главе армии прибыл в Карин.[572] К нему явились представители армянской знати, оставшиеся верными империи, из провинции Тайка, Арарата, Великой Армении и областей верхнего и нижнего течения Тигра, сохранивших старое имя Четвертой Армении. Прибыл также и католикос Нарзес. Феодор Рыштуни был объявлен лишенным своего княжеского достоинства, но он сумел отстоять свое положение. Наш единственный источник об этих событиях, Себеос, выставляет дело так, что Мушег Мамиконян и патриарх Нарзес удержали императора от войны против отложившейся восточной части Армении.[573] Констант побывал в Двине, жил в доме католикоса и приобщался с ним из одной чаши. Пребывание императора в Двине было весьма непродолжительно. Начальником военных сил он назначил вождя Мавриана. Вместе с императором уехал из Двина католикос и в течение шести лет имел свое пребывание в провинции Тайк, откуда был родом, ввиду враждебного отношения к нему Феодора Рыштуни и примкнувших к нему князей. Феодор скрепил свой союз с Моавией тем, что принял военный отряд арабов, который поселил в областях Аговите и Бзнунике.[574] Таким образом, Армения вновь разделилась на две части, и лишь западная половина сохранила свои связи с империей.

Когда истек срок перемирия, Муавия возобновил свои морские предприятия. В 654 году был ограблен остров Родос. Во время этого грабежа погиб великолепный памятник греческого искусства, колоссальная статуя бога Гелиоса, слывшая одним из чудес света даже и в ту пору, когда она лежала на земле, будучи повергнута землетрясением в 225 году до Р. Х. Арабы продали статую на металл одному купцу, иудею из Эдессы, который увез ее бронзу на 900 верблюдах.[575] В следующем году арабы завоевали остров Кос и ограбили Крит.[576]

В год своего набега на Родос Муавия снарядил поход в Армению под начальством того же Хабиба. Мавриан, командовавший имперскими войсками, был разбит, и арабы его преследовали «до Кавказских гор». Такова краткая запись Феофана.[577] Гораздо полнее сообщение Себеоса. По его словам, арабское нашествие нагнало такой страх на армян, что Мушег Мамиконян отложился от империи и присоединился к Феодору Рыштуни. Арабы перешли Аракс и расположились на зимовку в Заревагане. Когда наступили холода и арабы бездействовали, Мавриан двинулся с войсками на Двин, ограбил этот город и подступил к Нахчавану. Осада затянулась до весны, и Мавриан не хотел отступить в надежде взять город. Но арабы напали на него, разгромили его войско, и он с остатками своих сил бежал в Иверию. Арабы его не преследовали, а пошли на Феодосиополь и осадили его. Город сдался, и арабы ограбили все его богатства. С большой добычей, множеством пленных и заложников Хабиб направился назад. В числе лиц, сопровождавших его добровольно, был и Феодор Рыштуни, который вскоре скончался в Дамаске. Его прах был доставлен на родину и упокоен в погребальнице предков.[578]

Расширяя свои морские предприятия, Муавия задумал морской поход на Константинополь. Местом сооружения военного флота был избран город Триполис на финикийском побережье. Лесной материал был запасен в большом количестве, и постройка и снаряжение кораблей велись весьма успешно. Но поход был, однако, задержан следующим обстоятельством. — Двое римских пленных юношей, сыновья Букцинатора, которых приблизил к себе Муавия, воспользовались доверием к ним с его стороны, чтобы помешать ему в его

---

[571] *Себеос. гл.* 33, стр. 133-148. — Этот собор состоялся по всему вероятию в 648 г.

[572] *Феофан* — 344, 26-29 — под десятым годом правления Константа занес краткую заметку об измене Феодора («Пасагнафис») и выступлении императора, который, однако, не пошел дальше Кесарии Каппадокийской, «отчаявшись в Армении». Но армянские источники заслуживают предпочтения.

[573] По свидетельству *Моисея Каганкатваци*, князь Агвании (Албании) Девоншир вступил в сношения с императором, имел с ним свидание и был принят с великой честью. — *История агван*, гл. 20, стр. 144-145; гл. 22, стр. 147.

[574] *Себеос.* гл. 35, стр. 152-159.

[575] О славе колосса см. *Plin.* h. n. 34, 41. О судьбах памятника — *Theoph.* 345, 5-10; *Mich. Syr.* XI, 10, 442.

576 *Mich. Syr*. Ib.

[577] *Theoph.* 345, 12-14.

[578] *Себеос.* гл. 38, стр. 166. — Феодор умер в 654 г.

враждебных империи замыслах.[579] В это время в местной тюрьме содержалось много заключенных туземцев. Взломав двери тюрьмы, братья выпустили заключенных и с их помощью напали на арабского эмира, убили его и подожгли корабли и лесной материал, заготовленный для постройки.[580] Справив свое дело, они бежали в Константинополь. Муавия не отступился от своего замысла, и вскоре был выстроен новый флот вместо сгоревшего. Сам Муавия отправился в набег на Каппадокию, а начальником флота назначил Абулафара. Император в ожидании арабского флота собрал свои морские силы в гавани города Финики на ликийском побережье. Близ этой гавани и произошла морская битва, окончившаяся блестящей победой арабов. Когда императорский корабль оказался в опасности, один из сыновей Букцинатора перевел Константа на другое судно и стал сам на его место, имея при себе человека, носившего императорские регалии. Он погиб, храбро сражаясь с нападавшими на него арабами, и только после его смерти стало известно о спасении императора.[581]

Это тяжкое поражение (655 год) не имело, однако, никаких последствий. В халифате уже давно шли внутренние смуты и нестроения вследствие недовольства многих видных вождей распоряжениями старого Османа, который проявлял старание обогатить своих родственников. Смуты закончились убийством Османа в Медине 17 июня 656 года. После его смерти внутреннее состояние халифата стало еще тревожнее вследствие того, что явилось два претендента на наследие Османа. В Медине был провозглашен халифом Али, сын сподвижника пророка и его зять, а в Сирии — Муавия, сумевший создать себе большую популярность в среде соплеменников.[582] Между соперниками началась междоусобная война. Раздоры в халифате пошли на пользу империи, так как Муавия заключил в 659 году мир с императором, по которому обязался уплачивать за каждый день 1000 монет, одного раба и одного коня.[583] Междоусобия в халифате продолжались до 661 года. Али был убит в Хире (21 января 661 г.), а сын его Хассан, провозглашенный халифом приверженцами своего отца, отказался от своей кандидатуры в пользу Муавии.

Тревоги в халифате отразились на настроении армян. Хотя в руках арабов находилось огромное число заложников из разных знатных семейств, тем не менее, жертвуя ими, отпавшие от империи армяне вступили в сношения с византийским двором и, отложившись от арабов, вновь признали над собой власть императора. Гамазасп Мамиконян был возведен в сан куропалата, получил в подарок от императора серебряный трон и признание верховных прав в Армении. Армянские войска стали получать царское жалование.[584]

Мир на восточной границе и улучшение в отношениях с армянами позволили императору обратить свои заботы на ближайшие к столице области, пребывавшие издавна в пренебрежении. Современное свидетельство, сохранившееся в одном агиографическом памятнике, позволяет утверждать, что в ту пору такие близкие к столице города, как Бизия, Силимврия, Месембрия, считались пограничными.[585] Отсюда приходится заключить, что территории старых провинций: Фракии, Эмимонта, Родоны вышли из-под власти императора. Их заселили славяне, жившие в своем раздроблении на племена вне всякого отношения к империи. Славянской страной стала к тому времени и Македония. Старый политический и культурный центр этой страны, город Фессалоника, сохранял за своими крепкими стенами старое население и служил убежищем для беглецов из Сардики, Наисса и других городов, захваченных аварами в их грабительских походах в первые десятилетия VII века. По-видимому, еще при Ираклии и, быть может, ранее 630 года Фессалоника выдержала две осады, которые подробно описаны анонимным автором интересного памятника «Чудеса св. Димитрия».[586] Ближайшие к городской территории славянские племена носили имена: драгувиты, сагудаты, белезигиты, байуниты, берзиты, как записал их автор повествования.[587] Вознамерившись овладеть Фессалоникой, славяне осадили город с моря и суши. Но дело им не удалось, и они были отбиты с большими потерями. Их князь, по имени Хацон, пробравшийся в город и укрывавшийся там, благодаря личным знакомствам, поплатился жизнью за свою смелость. Не справившись с городом своими силами, славяне, через два года после того, пригласили на помощь аварского хана, который привел с собой большую силу своих соплеменников, а также болгар. Осада длилась 33 дня, город удачно отбивался, и хан отступил, взяв с населения выкуп.[588]

---

[579] Латинское слово buccinator значит трубач и употреблялось в виде военного термина.

[580] *Elias Nisib*. 67, 12-18 (*Scr. Syri.* VII).

[581] *Theoph.* 345, 16-346, 18; *Mich. Syr.* XI, 11, 445-446.

[582] Провозглашение Муавии состоялось в Иерусалиме, причем Муавия посетил Голгофу, Гефсиманский сад, гробницу Богоматери и везде совершал молитву. *Chr. min. (Scr. Syri.* IV), 54. Ср. *Nöldeke.* Bruchstucke einer Syr. Chr. *ZdDMG.* XXIX (1876), 85.

[583] *Theoph.* 347, 16-18. — Если под номисмами разуметь золотую монету, то сумма дани за год выразится в количестве ок. 5 тысяч фунтов. *Илия Нисибинский* поместил заметку о заключении мира под 662 годом (42 г. геджры — с 26 апреля 662 г.)

[584] *Себеос.* гл. 38, стр. 168.

[585] *Acta S. Martini.* I. c. 14 (P. G. 90, p. 129). - Неподалеку от Силимврии лежало укрепление Перберис, находившееся на самой границе — ὸ οὐκ ἔχει βῆμα ποδός ἡ Ῥωμαίων βασιλεία.

[586] *Laurent.* Sur la date des Eglises S. Démétrius et S-te Sophie à Thessalonique. *Byz. Zeitsch.* IV (1895), 424-431.

[587] Писатель X века *Иоанн Камениат,* в своем описании осады Фессалоники арабами в 904 году, дает топографические указания о первых двух племенах. Они платили в ту пору дань городу и занимали своими поселками (κῶμαι) ближайшую территорию к западу от города в направлении города Берои. Племена, жившие к северу от них, были тогда подчинены болгарскому хану. — *Theoph. contin.*, p. 496. Bon.

[588] *Tougard.* De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. 1874, 119-141.

Война с арабами и другие тяжкие заботы отвлекали внимание двора от тяжких бедствий ближайших к столице областей, и лишь в 658 году Констант смог снарядить поход против славян. Феофан сохранил такое свидетельство: «В этом году император предпринял поход против Склавинии (κατά Σκλαβινίας), многих взял в плен и покорил». Об этом походе и успешном его окончании знали современники и на сирийском востоке, как видно из летописных заметок под тем же годом.[589] По-видимому, это тот самый поход, о котором сохранил память автор «Чудес св. Димитрия».[590] — Славяне, жившие в области рек Стримона и Рихнина, захватывали в море и грабили суда, подвозившие хлеб в столицу. Посланные императором войска прошли через Фракию, наказали виновных и тем облегчили положение Фессалоники.[591] Феофан говорит о покорении славян. Оно могло выразиться в наложении на них дани, но, вероятно, также заключало в себе обязательство ставить военные контингенты под знамена императора. Что такое обязательство лежало на славянах в ближайшее время, можно судить из сообщения Феофана под 665 годом. В тот год арабский вождь Абдаррахман не ограничился обычным набегом и зимовал в пределах империи. Находившиеся в войсках императора славяне, составлявшие особую военную часть, изменили и перешли в лагерь неприятеля. Абдаррахман увел их в Сирию и поселил в количестве пяти тысяч человек в Селевкоболе, городе в пределах бывшей провинции Второй Сирии.[592]

ЛАТЕРАНСКИЙ СОБОР 649 г. СУДЬБА ПАПЫ МАРТИНА. ПРЕКРАЩЕНИЕ РАСКОЛА. МАКСИМ ИСПОВЕДНИК

Преемником папы Феодора был избран Мартин, итальянец по крови, родом из города Тудера (Тоди) в Тусции (Тоскана), бывший апокрисиарий папы при императорском дворе. Так как типос был издан в 648 году, то требование принять его могло явиться предварительным условием утверждения Мартина в его сане. Во избежание затруднений в Риме обошлись без утверждения, и Мартин был посвящен 5 июля 649 года. Первым делом нового папы было созвание собора для суждения о новом догмате о единой воле во Христе. Папа придал этому собору характер вселенского. По его приглашению прибыло в Рим 105 епископов, преимущественно из Италии, Сицилии и Сардинии и некоторое число из Африки. Епископ Равенны Мавр прислал своего представителя, оправдываясь тем, что экзарх отсутствовал, лангобарды грозили войной и население Равенны и Пентаполя просило его не покидать города в такое тревожное время.[593] Местом заседаний собора был назначен храм Спасителя в соседстве с Латеранским дворцом, называвшийся Базиликой Константина.[594] Собор открылся 5 октября, имел пять заседаний и окончился 31 октября. Во втором заседании выступал с докладом епископ города Дора в Палестине, Стефан, посланный в Рим патриархом Софронием в 638 году, а также 37 греческих архимандритов, пресвитеров и монархов, в числе которых был настоятель лавры св. Савы в окрестностях Иерусалима.

Папа сделал распоряжение о немедленном переводе протоколов заседаний собора на греческий язык, чтобы иметь возможность осведомить о деятельности собора весь греческий восток. С высоты апостольского трона должно было раздаться непререкаемое изъяснение истинного учения церкви Христовой, затемненного новшествами Сергия и Кира. Формулировка соборных решений была сделана в старой форме анафематствований, и вскоре их было 20. Эктесис Сергия и типос Павла были признаны противными православию, и патриархи Кир, Сергий, Пирр и Павел, а также епископ Фаррана Павел объявлены еретиками. Соборное определение было подписано папой, всеми епископами, участвовавшими в соборе, а также и многими другими, которые не могли прибыть в Рим и принять личное участие в деятельности собора.[595] По окончании собора папа издал энциклику, в которой оповещал епископов и членов клира всего христианского мира о восстановлении истинного учения церкви.[596] Особое послание было препровождено императору вместе с экземпляром соборных актов.[597] В сознании верховных прав престола ап. Петра папа назначил своим викарием на сирийском востоке епископа Филадельфии Иоанна, поручив ему низлагать епископов, незаконно поставленных еще при жизни патриарха Софрония и после его смерти, сохранять кафедры лишь за теми, кто отречется от монофелитской ереси, и посвящать новых на места низложенных.[598] Единомышленная с папским престолом карфагенская церковь удостоена была особого послания, в котором папа воздавал хвалу верности православию ее

---

[589] *Theoph.* 347, 6-9: *Elias Nisib. Scr. Syri.* VII, 64 — 39 год геджры (с 29 мая 659 г. до 16 мая 660); Chronicum maroniticum. Chr. min. *55.*

[590] Греческий ученый *Папагеоргиу* в своем исследовании об археологическом материале храма св. Димитрия Солунского, помещенном в греческом подлиннике в журнале *Byz. Zeitsch.* XVII (1908), дал на стр. 380 ошибочное чтение одного слова надписи: прочел имя Κῶστας вместо Κτίστας и увидел мнимое свидетельство в объяснение хронологии событий, о которых сохранил повествование автор «Чудес св. Димитрия». Мозаичное изображение и подпись под ним воспроизведены в точности в исследовании акад. *Успенского. Изв. Р. А. Инст.* XIV (таблица XV).

[591] *Tougard*. о. с. 183-187.

[592] *Theoph.* 348, 16-20. — *Феофан* называет Селевкобол поселком (κώμη) города Апамеи. Но в Синекдеме *Иерокла* (v. 712, 9) Σελευκόβηλος (sic) назван в числе городских общин Второй Сирии.

[593] *Mansi.* X, 883.

[594] *Lib. Pontif.* 338 — ecclesia Salvatoris, qui (sic) et Constantiana appellatur.

[595] *Mansi.* X, 863-1170 (cánones — 1151-1162).

[596] *Martini papae.* Epp. P. L. 87, Ep, I, 119-136.

[597] Ib. Ep. II, 137-145.

[598] Ib. Ep. VI, 153-164.

представителей.[599] Особо писал папа всем православным в патриархатах Иерусалима и Антиохии, находившихся под властью арабов.[600]

Когда в Константинополе стало известно о начинаниях папы Мартина, экзарху Олимпию был послан приказ отправиться с войсками в Рим, арестовать Мартина, не признанного императором папой, и добиться от всех епископов подписи под текстом типоса. Олимпий прибыл в Рим, когда собор уже открыл свои заседания, и вместо того, чтобы исполнить данное ему поручение, решил воспользоваться возбужденным настроением запада, чтобы отложиться от империи и создать себе самостоятельное положение. Вступив в соглашение с папой, он надеялся, по-видимому, найти поддержку своим мятежным замыслам у арабов, для чего и переправился в Сицилию. Папа Мартин не был, по всей вероятности, виновен в поддержке мятежа Олимпия, так как он впоследствии на суде в Константинополе гордо отрицал свое соучастие и в письме к Феодору дает очень презрительный отзыв об Олимпии, честя его эпитетами infamis и vanus. К сожалению, наше предание не сохранило никаких сведений о том, как развивались события. Византийский двор, имевший в ту пору много других забот, не принимал, по-видимому, никаких мер для подавления этого бунта, и дело окончилось само собой смертью Олимпия в 652 г. от чумы, распространившейся в его войске.[601]

Постановления Латеранского собора были приняты в Константинополе как мятежный вызов, но расправа с папой Мартином последовала лишь в 653 году. На пост экзарха был вторично назначен Феодор Каллиона. К нему был отправлен с инструкциями от двора сановник Иоанн Пелларий.[602] В его сопутствии во главе своих войск Феодор направился в Рим и вступил в город 15 июня. Папа в ту пору тяжко страдал от подагры еще с октября прошлого года и лежал больной в своем Латеранском дворце. От его имени чины его двора приветствовали экзарха в Палатинском дворце. Он принял их весьма любезно, выразил соболезнование о состоянии здоровья папы и заявил, что явится самолично для свидания с ним. В Латеране настроение было весьма возбужденное, была стянута военная охрана и подготовлялись меры обороны. Экзарх предупредил папу о тщетности сопротивления, и тот отказался следовать внушению своих советников. Удалив стражу, он приказал перенести себя в базилику Константина, и, лежа в постели близ главного алтаря, окруженный своим клиром, ожидал посещения экзарха. Каллион с военной свитой вошел в храм и передал чинам папского двора императорский указ о низложении папы, как незаконно занявшего престол, и предложил выбрать нового кандидата. Солдаты обнажили мечи, порубили горевшие в храме свечи, разогнали защитников, и Каллион предложил папе переселиться в Палатинский дворец. На следующий день он дозволил папе сделать прием своему клиру, и многие стали готовиться сопровождать его в Константинополь. Но Каллион, приняв меры охраны города, распорядился увезти папу ночью 18 июня на корабле по Тибру в Порт, ограничив его свиту шестью слугами. В июле месяце папа был доставлен на остров Накос и пробыл там в заточении больше года. Помещение ему было отведен в странноприимнице.[603] Лишь 17 сентября 654 года папа был привезен в Константинополь и отдан под стражу экскувитам. Суд над ним состоялся через 93 дня после его прибытия в столицу, и обвинение имело форму политического процесса. Папу обвиняли в том, что он взбунтовал против императора западные области и склонил к измене Олимпия.

Суд проходил в присутствии синклита под председательством сакеллария.[604] Папу внесли на кресле, так как он не мог стоять вследствие тяжелого недуга, которым давно страдал. Сакелларий приказал ему встать, и так как он не мог сам этого сделать, то два экскувита подняли и поддерживали его. Сакелларий в резкой форме предъявил ему обвинение в измене императору; так как папа начал свой ответ с упоминания об издании типоса, то председатель заявлением, что все присутствующие православны и вопрос не подлежит обсуждению, исключил возможность объяснений по существу и выставил свидетелей, обвинявших папу в соучастии в мятеже Олимпия. Папа отрицал возможность своего воздействия на Олимпия ввиду его военных полномочий в Италии,

---

[599] Ib. Ep. V, 145-153.

[600] Ib. Ep. XI — ad Ecclesiam Jerosolymitanam et Antiochenam.

[601] *Lib. Pontif.* 337-338. — Представленная в этом источнике версия затушевывает соглашение папы с экзархом и выставляет дело так, что Олимпий хотел посягнуть на жизнь папы, но попытка не удалась, благодаря чуду. Он приказал своему оруженосцу убить папу, когда он будет принимать из его рук св. Дары в церкви св. Марии in Praesepe (ныне S. Maria Maggiore). Но оруженосец был чудесным образом ослеплен и не видел папы.

[602] Папа *Мартин* называет его cubicularius.

[603] *S. Martini.* Ep. XV, ad Theodorum, P. L. 87, 200-201. Сам папа *Мартин* описал это событие так. — Ep. ad. Theodorum. — Ego itaque ante altare ecclesiae lectulum meum habebam, in quo iacebam. Nondum transacta media hora, ecce exercitus cum eis veniens in ecclesiam, obumbrati omnes tenentes lanceas et spathas suas, quin et arcus suos paratos una cum scutis suis. Facta sunt illic quae nec dicenda sunt. Quemadmodum namque in hiemali tempore vento valido fiante follia ex arboribus concussa cadunt, ita percutiebantur armis candelae sanctae ecclesiae et retunsae excutiebantur in pavimentum. Audiebatur sonitus qui in eadem fiebat ecclesia, veluti tonitrus quidam horribilis ex pressura armorum, quam ex multitudine candelarum ab eis fractarum. *(Mansi.* X, 852). — Итак, дело происходило ночью во избежание огласки и в предупреждение возможности заступничества за папу населения Рима.

[604] Этот сан, явившийся, по-видимому, взамен другого, ταμίας τῶν βασιλικῶν χρημάτων, существовавшего при Юстиниане, обозначает центральный орган финансового управления и уже в правление Фоки занимает очень видное место в имперской администрации. *Bury.* The Imperial Administrative System, p. 80-81, 84-87. Имени сакеллария нет в протоколе суда, но, по-видимому, это был патриций Епифаний, которого так резко поносил автор памфлета на суд над Максимом Исповедником. *P. G.* 90, 202.

которые были ему предоставлены от императора помимо всякого его участия, и со своей стороны напомнил о двух военных мятежах, имевших место в столице империи, когда синклит оказался беспомощным в обуздании мятежников. Закончив допрос свидетелей, которые были из числа военных людей, бывших в Риме с Олимпием, сакелларий приказал вывести папу на площадь перед залом заседания и отправился с докладом к императору. Огромная толпа заполнила всю площадь до самого ипподрома. После доклада императору сакелларий вышел на площадь, приказал поставить папу на лобное место, объявил его виновным в измене, приказал снять с него саккос и обувь, присвоенную сану, и сдать его префекту города на казнь, как осужденного преступника. По приказанию префекта палач сорвал с него одежды, и папа в холодный декабрьский день остался в одной разорванной тунике. Военная стража препроводила его в тюрьму, куда он и был заключен вместе с ожидавшими казни преступниками. Две женщины из тюремной стражи позаботились обогреть его после всех его мучений, и он недвижимо и безгласно пролежал весь вечер. Один из придворных евнухов, префект Григорий, прислал ему поесть и утешал его сообщением, что его не казнят. Через несколько времени папу перевезли в «тюрьму Диомеда», в которой он пробыл 85 дней, когда его перевел в свой дом чиновник императорской канцелярии Сеголеба, имевший поручение отправить его в Херсон, служивший издавна местом ссылки.

Когда шел суд над папой, его противник, патриарх Павел, был при смерти. Император посетил его и рассказал ему о публичном позоре, которому был подвергнут папа. По сообщению современника, патриарх повернулся лицом к стене, застонал и выразил соболезнование унижению высокого сана. Очевидно, жестокое обращение с папой было личным делом мести самого императора, и не встречало одобрения в ближайшем его окружении. Патриарх Павел скончался 27 декабря. В преемники ему был выдвинут его предшественник Пирр, но его кандидатура вызвала протест со стороны многих духовных лиц, ставивших ему в вину его покаяние перед папой Феодором в Риме. Пирр оправдывал свое поведение тем, будто он сделал это по принуждению и много претерпел в Риме. По приказанию императора к папе в его заточение явился помощник сакеллария с секретарем. На предложенные вопросы папа заявил, что отречение Пирра от монофелитства совершилось без всякого принуждения, что папа Феодор принял его, как епископа Константинополя, потому что и раньше опротестовал избрание его преемника при его жизни, как акт, противоречащий канонам, и указал на то, что Пирр пользовался содержанием и денежной помощью от щедрот папской казны.[605] Эти разоблачения не воздействовали, и 4 января 655 года Пирр вновь занял патриарший престол.

15 мая 655 года папа прибыл в Херсон и в письмах к своим близким сообщал о трудных условиях жизни в Херсоне, о дороговизне хлеба, приходившего туда из «Романии», т. е. Малой Азии, и просил о присылке ему припасов и денег. Он знал о том, что его трон замещен в Риме, и высказывал горячее желание, чтобы его преемник остался тверд в защите истины.[606] 16 сентября он скончался и был погребен в храме Божьей Матери Влахернской.

Насильственное низложение папы Мартина сделало вакантным римский престол. Настойчивые старания экзарха найти преемника Мартину и тем заставить римский клир признать его низложение увенчались успехом, и 10 августа 654 года, когда папа Мартин еще томился в своем заточении на острове Наксосе, римский клир избрал папой прирожденного римлянина по имени Евгений. Весной 655 года прибыли в Константинополь его апокрисиарии с письмом к императору. Патриарх Пирр старался склонить их к церковному общению новым толкованием учения о воле во Христе, которое имело такой вид: если рассматривать Христа, как ипостась, то в Нем следует признать одну волю, так как Он есть одно лицо: если же видеть в Нем две природы, то в Нем две воли. Это толкование удовлетворило апокрисиариев, и они были согласны вступить в общение с патриархом. Во время пребывания апокрисиариев папы в Константинополе скончался патриарх Пирр (27 мая) [607] и на вакантный престол был посвящен пресвитер Петр (31 мая 655 года), который при их посредстве препроводил папе свою синодику. Римский клир признал ее неопределенной и запутанной по содержанию и настоял на том, чтобы папа не вступал в общение с новым патриархом. Раскол, таким образом, оставался в силе до смерти папы Евгения.[608] Преемник Евгения, Виталиан (с 30 июля 657 года) оказался более терпимым. Его апокрисиарии привезли послание не только к императору, но и к патриарху. Император любезно принял их, немедленно утвердил избрание клира и вместе с утвердительной грамотой послал великолепный подарок: золотое Евангелие (т. е., очевидно, писанное золотом), роскошно украшенное драгоценными камнями весьма крупных размеров, вставленных кружком на переплете.[609] Ответ патриарха Петра удовлетворил папу, и с тех пор раскол

---

[605] *Mansi. X,* 859 (=P. L. 87, 117-118).

[606] Суд над папой описан в послании, составленном сочувствовавшим ему очевидцем процесса и последующих страданий. — *Mansi. X,* 853-861 (=P. L. 87, 111-120). Письма папы из Херсона — Ep. XVI и XVII P. L. 87, 201-204. О ссылке папы Мартина в Херсон и его пребывании на месте изгнания см. подробный экскурс проф. *С. П. Шестакова* в его исследовании «Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр.» Москва, 1908 (Вып. III издания графини *Уваровой*. «Памятники христианского Херсонеса»). Приложение III, стр. 115-124.

[607] *Крумбахер* в своем списке константинопольских патриархов (Gesch. d. byz. Liter., 1149), следуя за *Бруксом,* относит смерть Пирра к 17 мая 655 года. Но патриарх *Никифор* определяет продолжительность его второго патриаршества в 4 месяца и 23 дня. Так как Пирр вторично занял престол 4 января 655 года, то днем его смерти следует признать 27 мая.

[608] *Lib. Pontif.* 341. — Политические затруднения не дали возможности византийскому двору воздействовать на папу в принудительном смысле. См. *Acta Maximi,* с. 30, P. G. p. 168

[609] *Lib. Pontif.* 343. — Evangelia aurea cum gemmis albis mirae magnitudinis in circuitu ornatas.

прекратился, в ознаменование чего имя папы было включено в диптихи константинопольской церкви.[610] По тогдашним отношениям восстановление церковного мира с Римом было крупным успехом политического значения.

Восстанавливая общение с востоком, папа Виталиан предавал забвению не только горестную участь папы Мартина, но и тяжкую судьбу идейного борца за истину христианской догмы и верховные права римского престола, монаха Максима. В пору издания типоса Максим проживал в Риме в уединенной келье с двумя верными учениками, носившими одно и то же имя Анастасия. Один был греческий монах, по рангу дьякон, другой — пресвитер и апокрисиарий римского престола. В его уединении к нему являлся один сановник византийского двора, чтобы осведомиться насчет того, можно ли рассчитывать на принятие типоса папой. Максим с уверенностью предсказывал неудачу и в беседе с ним развивал положение, что император не имеет дара священства и ему не принадлежит право решать от себя вопросы христианской догмы.[611] Когда был арестован Максим и его ученики, на это есть лишь косвенные указания в протоколе допроса. Весьма вероятно, что Максим проживал в монашеском уединении в Италии до того времени, когда его арестовал экзарх и отослал в Константинополь, куда он прибыл в начале 655 года.[612] На корабль явились экскувиты и, взяв подсудимых под стражу, отвели их в тюрьму. Суд над Максимом проходил под председательством того же сакеллария, который судил папу Мартина. Делу был дан сначала политический характер, и обвинение было предъявлено, во-первых, в том, что 22 года тому назад из вражды к императору Ираклию он содействовал завоеванию Египта арабами, так как удержал от похода на помощь египетским войскам префекта Нумидии Петра, которому был послан соответственный приказ; во-вторых, в том, что девять лет назад он поддержал мятежное настроение Григория в Африке, предсказав ему победу над Константином. Оба эти обвинения Максим резко отверг, сославшись на лица, которые могли бы быть свидетелями. На третье обвинение, в приверженности его к оригенизму, Максим ответил анафемой Оригену. На этом первый допрос закончился и Максим был отведен в тюрьму.

Вечером того же дня явились в тюрьму к Максиму патриций Троил и царский стольник Сергий Евкрат. Они имели поручение от императора убедить его вступить в церковное общение с константинопольской церковью и примириться с типосом, цель которого была умиротворение церкви. Они указывали ему на пример апокрисиариев папы Евгения, которые вступили в общение с патриархом Пирром. Но Максим остался непреклонен и настаивал на невозможности для него вступить в общение с константинопольским престолом ввиду отпадения его от православия признанием формул Кира Александрийского и изданием эктесиса и типоса. Поступок апокрисиариев папы Евгения он не считал решающим дело, так как они действовали по собственному усмотрению и не имели на то полномочий от папы. Сановники указывали Максиму на то, что неприятием типоса он наносит оскорбление императору. Но Максим заявлял, что типос есть творение Павла, как эктесис — Сергия; что император был введен в заблуждение, и как Ираклий отказался от авторства эктесиса в письме к папе Иоанну, так может поступить и император Констант.[613]

Летом 655 года Максима и его ученика Анастасия Пресвитера допрашивали в присутствии двух патриархов, Петра и Макария антиохийского, насчет того, виновны ли они в анафематствовании типоса. Обвиняемые подтвердили свою вину. На следующий день, з воскресенье, был составлен приговор о ссылке Максима и его учеников: Максим был сослан в город Бизию, а его ученики — один в Месемврию, другой — в укрепление Перберис на самой границе с варварами, водворившимися в империи.

14 августа 656 года к Максиму на место его ссылки явился епископ Кесарии Вифинской Феодосий от лица патриарха Петра и два антипата, Павел и Феодосий, — от лица императора. Спор был поставлен на богословскую почву и окончился тем, что убежденные доводами Максима епископ и сановники решили просить императора отправить посольство к папе для окончательного решения спорного вопроса о воле и энергии во Христе. Было предположено, что если в Рим будет послан епископ Феодор, то Максим будет его сопровождать. 8 сентября в Бизию прибыл «консул» Павел с милостивым рескриптом императора, по которому Максим был переведен из Бизии в монастырь св. Феодора близ Силимврии, где ему было предоставлено соответствующее его годам и видному положению помещение и содержание. 14 числа того же месяца к нему явились патриции Троил и Епифаний с епископом Феодосием с личным предложением от императора принять типос и обещанием устроить ему торжественный прием в столице.[614] Но Максим оставался непреклонен. Ввиду упорства

---

[610] На Шестом Вселенском соборе был зачитан ответ Петра Виталиану. *Mansi.* XI, 573. Упоминание о внесении имени папы в диптихи сохранено в письме имп. Константина — Ib. 200.

[611] *Acta S. Maximi*. c. 4, P. G. 90, 113-117.

[612] Ib., c. 5, p. 117-120. Καί στραφείς ο σάκελλάριος είπε τυῖς άνθρώποις τοῦ έξάρχου μετὰ κραυγῆς: Είπατε τῷ έξάρχφ: Τοιοῦτου άνθρωπον ὤφειλες έᾶσαι ζῆυ ὄῦπον ἄρχεις.

[613] Ib., c. 7, p. 125. — Свидетельство *Максима* о письме Ираклия папе Иоанну является весьма сомнительным.

[614] *Acta S. Maximi.* c. 33, P. G. *90,* 160-161. — Император писал Максиму так: «Так как весь запад и все разномыслящие (διαστρεφοντες) на востоке взирают на тебя и все из-за тебя бунтуют, не желая иметь с нами общения из- за веры, то да побудит тебя Бог приобщиться к нам на основе изданного нами типоса. И мы сами выйдем в Халку и облобызаем и возложим на вас (Максима и его учеников) нашу руку и со всякой честью и славой введем вас в великую церковь и станем вместе с тобой на том месте, где обычно становятся цари, и вместе справим обедню, и приобщимся честных и животворящих Тайн животворящего тела и крови Христовой, и мы тебя провозгласим нашим отцом, и будет радость не только нашему царствующему граду, но и всей вселенной. Ибо мы вполне уверены, что если ты вступишь в общение со святым здешним престолом, то соединятся с нами

он был лишен предоставленной ему обстановки и сослан в Перберис. В этой новой ссылке Максим пробыл до конца 661 года. Его и обоих его учеников привезли в столицу, осудили на заседании синклита, предали анафеме вместе с Софронием и папой Мартином и передали в распоряжение префекта города, как осужденных преступников. Страдальцы были подвергнуты бичеванию, отсечению правой руки, урезанию языка и отправлены в ссылку в Лазику. 8 июня 662 года они прибыли на место изгнания. 80-летний старец Максим был разлучен со своими учениками и сослан в крепость Схемарий, а оба ученика в другие крепости — Скотор и Букул. Дьякон Анастасий скончался 24 июля, а Максим — 13 августа. Апокрисиарий Анастасий пережил обоих и скончался 11 октября 666 года. В письме последнего к пресвитеру Феодосию Гангрскому дана скорбная повесть о судьбе изгнанников в дикой и далекой окраине империи.[615]

Жестокая участь Максима и его учеников и публичная казнь, над ними совершенная, вызвали живое сочувствие к ним в широких кругах столичного населения. Литературное предание сохранило нам горячий памфлет одного монаха, неизвестного по имени, написанный вскоре после этих событий. Автор честит императора эпитетами «безумный и несмысленный», поносит патриция Епифания и епископа Феодосия, как главных виновников злой участи, постигшей Максима.[616] На монофизитском Востоке знали о судьбе Максима, но видели в нем лишь еретика, утверждавшего халкидонскую ересь.[617]

ОТЪЕЗД КОНСТАНТА НА ЗАПАД. ВОЙНА С ЛАНГОБАРДАМИ. ПОСЕЩЕНИЕ РИМА. ПРЕБЫВАНИЕ В СИРАКУЗАХ. СМЕРТЬ КОНСТАНТА

Последние годы своего правления Констант провел на западе в полном отстранении от столицы и направления государственных дел из центра империи. Отъезд его из Константинополя имел характер резкого разрыва. По свидетельству Кедрина, Констант выразил свое настроение тем, что сев на корабль и трогаясь в путь, послал плевок в сторону столицы. Наше предание объясняет этот разрыв причинами морального характера. У Константа был младший брат по имени Феодосий. Заподозрив его во властолюбивых замыслах, Констант насильственно посвятил его в духовный сан и принимал из его рук Св. Причастие, а вскоре казнил его (659 г. или 660 г.) Образ убитого брата преследовал его, являясь ему во сне с чашей в руках, предлагая напиться крови.[618] По словам современного сирийского летописца, это убийство вызвало страшное негодование против императора со стороны столичного населения, которое чествило его именем Каина.[619]

Чувствуя себя предметом ужаса для окружающих, Констант покинул столицу, не имея, по-видимому, никакого определенного плана действий. Семью свою он оставил в Константинополе. Он побывал в Фессалонике,[620] прожил довольно долго в Афинах и в 663 году переехал в Тарент. В своем окружении он имел военную силу, состоявшую, по-видимому, из армян, и это обстоятельство позволило ему начать военные действия против лангобардов, которые в ту пору заняты были своими делами и находились в мире с империей. В 661 году скончался их царь Ариперпт и оставил царство двум своим сыновьям, Пектариту и Годеперту. Скоро братья начали междоусобную войну, и Годеперт призвал к себе на помощь герцога Беневента, Гримвальда. Но этот союзник, по интригам одного члена лангобардской знати, убил Годеперта и завладел царством. Пектарит

все отколовшиеся от общения из-за тебя и твоего учительства — P. G. 90, 161, 164.

615 *Anastasii presbyteri et apocrisiarii — epístola ad Theodosium, presbyterum Gangrensem.* P. G. 90, 173-178. — О месте ссылки Максима и его учеников детальное рассмотрение представил проф. *С.П. Шестаков* в вышеназванном исследовании, стр. 121-124. С еще большей подробностью, со знанием местной топографии и грузинских источников сделал это *о. Кекелидзе* в исследовании: «Сведения грузинских источников о преподобном Максиме Исповеднике» *(Труды Киевской Духовной Академии.* 1912, т. III, стр. 19-35). В письме Анастасия к Феодосию точно указана топография трех горных укреплений, куда были сосланы Максим и его ученики: in castro Schemari vocitato iuxta gentem illorum qui dicuntur Alani; in castro Scotoni dicto Apsiliae, quae est prope Abasgoiam; in castro, cuius nomen Buculus erat, regionis, quae Misimiana vocabatur, in iam dictorum confinibus Alanorum, quod videlicet castrum iidem Alani captum nune retinere noscuntur (P. G. 90, 173 C). Схемарий — по-грузински Химар, ныне крепость Мури, поблизости от города Цагери, на реке Цхенис — Цкали. Скотоний — ошибочное написание вместо Σκοτόριον, — в грузинском тексте Котори, от имени реки Кодори в Цебельде. Третье имя известно *Агафию* в описании войн времен Юстиниана Великого в форме Βούχλοόν. В грузинском тексте Жития это имя локализовано в крепости Бокери в Мингрелии.

Место упокоения Максима Исповедника в Лечхумском уезде Кутаисской губернии привлекло к себе внимание местной администрации в 1908 г., когда уездный начальник вошел с ходатайством в Грузино-Имеретинскую Синодальную контору, в котором предлагал принять меры к исследованию развалин часовни, построенной в XVII веке на месте бывшего монастыря имени св. Максима. В 1913 г. вопрос этот рассматривался в свят. Синоде, а весною 1914 г. поступил на рассмотрение Академии Наук, которая постановила произвести раскопки на месте, поручив это дело акад. *Марру.* — См. *Изв. И. Акад. Наук.* 1914, № 15, стр. 1109-1112.

616 P. G. 90, 201-205.

617 *Mich. Syr.* XI, 9, 435-436.

618 *Cedr.* I, 762; короче запись *Феофана.* 348, 4-5.

619 *Chr. min. (Scr. Syri.* IV) 55. —39 год геджры, с 29 мая 659 г. по 16 мая 660 г. В летописи *Ильи Нисибинского* убийство Феодосия отнесено к тому же году и объяснено так: quia auderat eum velle regnum sibi ademere. *Scr. Syri.* VII, 68.

620 О пребывании в Фессалонике по пути на запад сохранено свидетельство в грузинской редакции Жития Максима Исповедника. — *Кекелидзе. Труды К. Дух. Акад.* 1912, ноябрь, стр. 480.

спасся бегством к союзному с лангобардами аварскому хану. Упрочивая свое новое положение, Гримвальд остался в столице царства, Павии, а своим заместителем в герцогстве оставил своего юного сына Ромвальда. Беневентское герцогство в ту пору занимало значительную часть южной Италии. Имея свой центр в старой провинции Самии, оно охватывало всю Луканию и значительную часть Кампании. Неаполь и морское побережье к югу от него оставались под властью императора.

Констант выступил с войском из Тарента на север и стал захватывать города, признававшие над собой власть герцога. Города сдавались без сопротивления и при приближении императора открывали ворота. Сопротивление было оказано лишь в Луцерии, и город был взят силой. Затем он подступил к Беневенту и начал его осаду, применяя в дело тогдашние орудия. Молодой герцог дал знать отцу о своем опасном положении, и Гримвальд поспешил на выручку сына. Опасение встречи с войском императора, при неуспевшем еще упрочиться положении самого Гримвальда, имело своим последствием то, что многие отряды лангобардов покинули его в пути, за что впоследствии Гримвальд покарал их вождей. По слуху о приближении лангобардского войска с севера, Констант, не доведя осады до конца, начал переговоры с Ромвальдом, заключил с ним договор и, взяв в заложницы его сестру Гизу, направился в Неаполь. Наш главный и почти единственный источник сведений об этих событиях, Павел Диакон, сообщает, что войска императора вскоре потерпели поражение от капуанского комита близ реки Калоре и что выступивший после этого противник лангобардов, вождь Сабур, был разбит Ромвальдом и понес большой урон в битве, окончившейся бегством войск императора. Дочь Гримвальда Гиза осталась в руках императора и скончалась в Неаполе.[621]

Из Неаполя Констант проехал в Рим. Событие это имело особую знаменательность, так как со времени отвоевания Италии при Юстиниане ни один император не посещал Рима. Папа Виталиан вышел с клиром и народом в торжественной процессии навстречу императору за шесть миль от города и сопровождал его вступление в древнюю столицу. Это событие случилось 5 июля 663 года. Новые условия жизни, определившиеся к тому времени в Риме, дали посещению его императором вид паломничества. Император посещал храмы. Особенной торжественностью было обставлено посещение храма св. Петра. Император со всем своим войском совершил шествие со свечами в руках и, поднеся в дар златотканное облачение, отстоял обедню. Рим по тогдашним условиям не представлял никаких удобств в смысле резиденции, и Констант пробыл в нем только 12 дней. Этим кратким временем он воспользовался, чтобы лишить город уцелевших остатков его былого величия. В числе других собранных им ценных предметов, была бронзовая золоченая черепица, сохранившаяся на Пантеоне Агриппы, превращенном в храм Девы Марии ad Martyres. Он приказал ее снять и отослал в Константинополь. В воскресенье 17 июля император отстоял обедню в храме св. Петра, простился с папой и уехал морем в Неаполь.[622] Оттуда он прошел походом в Регий, переправился на Сицилию и основал свою резиденцию в Сиракузах. Он послал в Константинополь требование выслать ему жену и детей, но оно не было уважено двором, и Констант, предоставив восток его судьбе, сосредоточил свои заботы на западе. Нуждаясь в средствах для содержания двора и войска, он значительно усилил обложение населения в южной Италии, Сицилии, Сардинии и Африке. Свидетельство о тягости обложения сохранено в Хронике пап и у Павла Диакона.[623] Во время своего пребывания в Сиракузах Констант поддержал честолюбивые стремления епископа Равенны Мавра признать его автокефальным и не подлежащим утверждению со стороны римского престола.[624] Таким положением задолго до того пользовались епископы Медиолана и Аквилеи. Это умаление верховных прав римского престола не отразилось, однако, на отношении к императору папы Виталиана, который сохранил верность во время тяжкого кризиса 668 года.

Византийское летописное предание не сохранило никаких свидетельств о жизни западных областей империи за время пребывания Константа в Сиракузах, кроме краткой заметки Феофана под 664 годом о том, что арабы сделали морской набег на Сицилию и увели много пленных, которые по собственному желанию поселились в Дамаске.[625] Был ли император в ту пору в Сиракузах, или же это случилось до его переселения на Сицилию и послужило для него поводом покинуть Италию, остается неизвестным. Возможно, что именно этот набег и послужил императору поводом усилить обложение западных областей для нужд войны. Латинская Африка не подвергалась, по-видимому, нашествиям арабов со времени рокового для Григория набега Абд-Аллаха в 647 году. Устранение церковного раскола при папе Виталиане должно было иметь своим последствием восстановление верноподданнических чувств в латинском населении Африки. С 658 года во главе правления Египта встал опять его покоритель Амр ибн Аси. Событие это стояло в связи с соперничеством Али и Муавии за наследие пророка. Амр стал на сторону Муавии и отвоевал Египет от сторонника Али, Мухаммада, сына Абу-Бекра, который был предан победителем жестокой казни.[626] Амр управлял Египтом до смерти, последовавшей в 563 году. С соизволения Муавии, это пост перешел к его сыну Абд-Аллаху. Ни Амр, ни его сын не распространяли арабского владычества на области, оставшиеся под властью императора. Но в 667 году Муавия отозвал Абд-Аллаха и

---

[621] *Paul. diac.* 5, 6; 8-9, 11. — Некоторые весьма интересные подробности о походе Константа и осаде Беневента сохранены в Житие епископа Барбата. *Ser. rer. Langobar.* p. 558-559.
[622] *Lib. Pontif.* 348
[623] Ib. 341; *Paul. diac.* 5, 11.
[624] *Angelli.* Lib. Pontif. Ecclesiae Ravennatis, c. 112, p. 351.
[625] *Theoph.* 348, 12-13.
[626] *Elias Nisib.* 68, 5-9. — Труп Мухаммада был зашит в брюхо осла и сожжен.

назначил на его пост Муавию, сына Худайджа.[627] Новый правитель возобновил вторжения в южную Бизацену. Все дальнейшие успехи арабов в Африке связаны в арабском предании с именем вождя Окбы ибн Нафи, превратившегося в народной памяти в сказочного героя. Мюллер в своей «Истории Ислама» считает достоверным, что в эту пору арабы прочно утвердили свою власть в оазисе Феццана до Джармы и Гадамеса, проникли в южную Бизацену и в 670 году положили основание новому городу Кайрувану, имевшему характер укрепленного лагеря.[628] В арабских источниках есть известие о большом морском походе, который снарядил Констант из Гидрунта (Отранто). Армия в 30 тысяч человек под начальством Никифора высадилась в Гидрунте, но потерпела поражение, после чего продолжались тяжкие для туземного населения вторжения арабов в Бизацену и далее на запад до самого океана.[629]

Пребывание Константа в Сиракузах закончилось тяжкой катастрофой. Жестокость, которую он проявлял в отношении близких к нему людей, вызвала заговор на его жизнь в ближайшем его окружении. 15 июля (?) 668 года он был убит в бане.[630] Его убийцей был Андрей, сын заслуженного сановника Троила, имя которого нам известно из протоколов процессов папы Мартина и Максима Исповедника. Андрей утопил императора в ванне, накрыв ему голову умывальной чашкой, когда тот намылил себе голову. После смерти Константа войско провозгласило императором одного из офицеров, по имени Мизизий, как называет его Феофан. Имя Мизизий — искажение родового армянского имени Мжеж, которое носил один из сподвижников Ираклия. Выдававшийся своей необыкновенно красивой наружностью и храбростью Мизизий явился претендентом не по собственной воле, а по принуждению солдат. Он не долго пользовался предоставленным ему высоким положением, и через семь месяцев после убийства Константа мятеж был подавлен.[631]

По западным сведениям мятеж Мизизия был подавлен войсками экзархата, которые направились в Сицилию морским путем через Истрию и по сухопутью через Кампанию; третий отряд прибыл из Сардинии, входившей в экзархат Африки. Это единодушие войск запада в борьбе с претендентом было поддержано папой Виталианом, о чем впоследствии с благодарностью вспоминал сын и преемник Константа в письме к его преемнику.[632] Мизизий был казнен, и его голова была отослана в Константинополь. Такая же участь постигла и некоторых причастных к мятежу сановников. В числе казненных был патрикий Юстиниан, а его сын Герман, будущий константинопольский патриарх, подвергся оскоплению.[633] Прах императора был перевезен в Константинополь и погребен в храме св. Апостолов.[634] Феофан в своей заметке об этом событии не упоминает об участии в подавлении мятежа войск запада и приписывает это дело старшему сыну и преемнику Константа, Константину, который прибыл в Сицилию из Константинополя с большим флотом.[635] Но положение империи и самой столицы было в то время настолько трудно, что участие Константина в подавлении бунта в Сицилии является весьма сомнительным, как выяснил это в специальной заметке об этом событии английский ученый Брукс.[636] Гораздо вероятнее, что юный соправитель Константа не был сам мстителем за убийство своего отца.

---

[627] Ib. 69, 1-2, 21-23.

[628] *Мюллер,* о. с. II, 21-22. — Противоречивые известия арабских источников сопоставлены *Weil'*ем. Gesh. d. Chalifen., I. 183, прим. 6.

[629] Известие *Ибн Халдуна,* 1, 211, которому дает веру *Diehl.* L'Afrique Byzantine, 570.

[630] День и год смерти Константа сохранен в *Хронике пап, Liber Pontificalis,* p. 344, в такой форме: XV die mensis iulii per XII indictonem praedictus imperator in balneo occisus est. Месяц и год не сходятся, так как 12-й индикт начался 1 сентября 668 года, а июль 668 года нашей эры приходился на 11 индикт. Но так как другие источники, и в частности протоколы заседаний Шестого Вселенского собора, ставят вне всякого сомнения год смерти Константа, то ошибку приходится искать в обозначении месяца. Вместо «июля» следует читать «сентября». Итак, более вероятная дата смерти Константа — 15 сентября 668 года.

[631] *Theoph.* 351, 26-352, 8; *Niceph.* 31, 28-32, 2; *Lib. Pontif.* 344; 346; *Mich. Syr.* XI, 13, 455: «сын Мизизия, Иваннис, восстал в Сицилии и через семь месяцев был убит».

[632] *Mansi.* XI, 200, в письмах к папе Дону: διά προσαχθεῖσαν ἡμῖν ἀγάπην παρά τοῦ αὐτοῦ Βιταλιανοῦ... ἐπί τῆς κινήσεως τῶν ἡμετερων τυράννων.

[633] *Cedr.* I, 762.

[634] Constant. Porphyr. *De cerim. 644.*

[635] *Theoph.* 352, 4-5.

[636] *Brooks.* The Sicilian Expedition of Constantine IV. *Byz. Zeitsch.* XVII (1908), 455-459.

КОНСТАНТИН IV

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ. ВОЙНА С АРАБАМИ

Скудное летописное предание от времени правления Константа не сохранило никаких записей о жизни двора и семейных событиях в императорском доме, которые по старой традиции должны были сопровождаться придворными торжествами и всенародными празднествами. Остается неизвестным, когда и на ком женился Констант. Иоанн Никиуский в кратком упоминании о бунте Валентина сообщает, что дочь Валентина была помолвлена с императором. Вряд ли, однако, этот брак мог состояться после мятежного движения 644 года, окончившегося гибелью Валентина. Константин Багрянородный сохранил имя супруги Константа: она называлась Фауста.[637] От брака с нею он имел трех сыновей: Константина, Ираклия и Тиверия. Текст одного указа от 1 марта 666 года позволяет утверждать, что Констант, следуя примеру деда, венчал своих детей царским венцом в младенческом возрасте, и они считались его соправителями. Датировка указа такова: Datum Kal. Mart. Syracusa, imperantibus dominis nostris piissmiis perpetuis augustis Constantino maiore imperatore anno XXV et post consulatum eius anno XXIV, atque novo Constantino, Heraclio et Tiberio, a Deo coronatis filiis, Constantini quidem anno XIV, Eraclio autem et Tiberio anno VII.[638] Указанные здесь годы соправительства сыновей Константа позволяют заключить, что старший, Константин, родился в 652 году, а младшие его братья, вероятно близнецы, — в 659 и что в ту пору, когда Констант покинул столицу, старшему его соправителю шел 11-й год. Но цифра 14 для обозначения года соправительства Константина в 666 году находится в противоречии со свидетельством таких официальных документов, какими являются протоколы заседания Шестого Вселенского собора. Заседания, происходившие до 5 апреля 681 года, отнесены к 27 году правления Константина, а заседание 26 апреля и дальнейшие — к 28.[639]

На основании этих данных приходится заключить, что Константин был венчан на царство и удостоен титула августа весной 654 года; а так как венчание царским венцом произошло, по всей вероятности, вскоре после рождения, то в ту пору, когда Констант покинул столицу, его старшему сыну было не более 9 лет. Констант, удалившись на запад, не принимал никакого участия в управлении государством из его центра и сосредоточил свои заботы на делах Италии и Африки. При таких условиях в столице должно было возникнуть регентство, отправлявшее функции верховной власти от имени оставшихся в столице малолетних августов. Супруга Константа была жива, но принимала ли она какое-либо участие в государственных делах, на это нет указаний в нашем предании. Случайное сообщение Феофана позволяет заключить, что руководящую роль при дворе играли два лица: евнух Андрей и патриций Феодор, армянин из города Колонеи в Каппадокии.[640] Когда в Константинополь пришла весть о смерти Константа, Константин ознаменовал начало своего самостоятельного правления принятием консульства. Событие это не записано в летописи, но приблизительную дату его позволяют определить те же соборные акты. Все заседания собора, с 7 ноября 680 года и до 16 сентября 681, датированы 14 годом после консулата. Таким образом, консульский выезд приходится приурочить ко времени между 16 сентября и 7 ноября 668 года.

Хотя младшие братья Константина, Тиверий и Ираклий, были венчаны своим отцом на царство и имена их ставились в официальных актах, как соправителей отца, но Константин принял верховную власть единолично, устранив братьев от принадлежавшего им по праву соправительства. Этот его поступок не мог не вызвать толков и пересудов в армии, так как в империи сохранялся старый римский обычай ежегодного повторения присяги. Он возник в республике вследствие ежегодной смены консулов, сохранился после реформ Мария, когда граждане поступали в солдаты на 16 лет, удержался и при императорском режиме.[641] О том, что этот порядок держался в конце VIII века, сохранил свидетельство Феофан в изложении о правлении Константина VI и его матери Ирины.[642] При таком порядке военное сословие империи имело основание ожидать, что по смерти Константа формула присяги будет содержать имена трех его сыновей, пользовавшихся при его жизни титулом августов. Но Константин привел к присяге войска лишь на свое имя. У «анатоликов», как теперь впервые в нашем предании названы полки южных областей Малой Азии, началось по этому поводу брожение, и к императору явились из Хрисополя (Скутари) депутаты от армии с требованием приобщить к участию в верховной власти отстраненных

---

[637] *Constant Porphyr.* De cerim. II, c. 42, p. 644

[638] Документ сохранился в библиотеке города Эсте. *Holder-Egger.* издал его в примечании к тексту *Агнелла. Vitae Pontif. Ecci. Raven,* p. 350-351.

[639] *Mansi.* XI, см. начало протоколов с обозначением дня заседания. Что касается братьев Константина, то до заседания 26 апреля 681 года их соправительство определяется 22-м годом, а на заседаниях с 9 августа (после летнего перерыва) — 23-м. Таким образом, их рождение приходится приурочить к летним месяцам 659 года.

[640] Theoph. 351, 27 — Θεόδωρος ὁ Κολωνείας. Город этот лежал в предела тогдашней фемы армениаков, а впоследствии стал центром особой фемы. Михаил Сириец. XI, II, 447, приписывает Феодору участие в церковных делах. По его свидетельству, Феодор имел сношения с папой Агафоном побудил его собрать собор для осуждения монофелитства. Он называв его: un soldat qui avait le rang de comte, qui s Sappelait Theodore et qui était de Colonie des Arméniens. — Проф. Бьюри. Ук. соч. II. 345 — из обозначения его происхождения ὁ τῆς Κολωνείας извлек (правда, со знаком вопроса) указание на существование в VII веке особой стратигии Колонеи. Не считаю это возможным и полагаю, что выделение Колонеи в особое военное командование было событием гораздо более поздним.

[641] *Tacit.* Hist. 1, 12.

[642] *Theoph.* 466.

от нее братьев. Божественный элемент в понятии императорской власти, действовавший в течение веков до того времени, когда империя стала христианской державой, сохранял и позднее свое значение в обрядах, обычаях и самой форме обиходных выражений. Латинское слово sacer, применявшееся к особе императора и всему непосредственно от него исходившему и его касающемуся (sacra constitutio, sacra vestís и тому подобное), передавалось греческим словом θείος, божественный, божеский: θεῖα χείρ, θεῖον κράτος. Это смешение божественного с человеческим нашло свое выражение в форме требования, как оно было предъявлено анатоликами молодому императору. Депутаты заявляли: «Мы веруем в Троицу, троих и увенчаем». Успокоив солдат при посредстве Феодора из Колонеи, Константин принужден был уступить и признал за братьями титул августов. Но затем, пригласив к себе представителей от анатоликов, повесил их в предместье Сиках, а братьям урезал носы.[643] Звание августов они носили и в последующие годы, и имена их, как соправителей, выставлялись на официальных актах, как то засвидетельствовано протоколами заседаний Вселенского собора 680-681 года. Но в самом конце 681 года Константин лишил своих искалеченных братьев их сана.[644] Михаил Сириец сохранил

---

643 Theoph. 352, 18-23.

644 Ib. 360, 17-20; *Mansi.* XI, 697, 712. — Лишение Константином своих братьев царского титула *Феофан* относит к 13-му году его правления (с осени 680 по осень 681) и заканчивает это сообщение словами: «и начал царствовать один вместе со своим сыном Юстинианом» (p. 360). Так как все время заседаний собора братья являются соправителями, а собор закончился 16 сентября 681 г., то приходится заключить, что лишение братьев царского титула последовало вскоре по окончании собора до истечения 13-го года правления Константина. И действительно, письмо императора к папе Агафону, датированное 13 декабря 681 года, обращено от имени одного Константина без упоминания соправителей *(Mansi.* XI. 697). Таким образом, сообщение *Феофана* находит свое подтверждение в современном событию документе. Но *Феофан* затруднил понимание своего свидетельства о единовластии Константина добавкой, что он правил вместе со своим сыном Юстинианом. Это замечание было бы правильным только в том случае, если бы Константин венчал на царство своего сына и сделал его соправителем. Но этого не случилось, Юстиниан не был соправителем отца, его царское достоинство началось только по смерти отца и совпало с его консулатом. Это документально засвидетельствовано датировкой его письма папе от 17 февраля 687 г., где показан второй год правления и второй после консулата *(Mansi.* XI). Та же дата имеется на эпитафии отца папы Иоанна VII: indict. XV, imp. dn(= domino nostro) Justiniano Aug. anno II, p(ost) c(onsulatum) eius anno II.

В прежнее время консулат считался как целый год, а потому второй год власти считался первым после консулата. Так датировали при Маврикии, примеры чему есть в письмах папы Григория, и этот обычай держался еще в правление Константа, как видно на дате указа из Сиракуз от 1 марта 666 года, где 25-й год власти соответствует 24-му после консулата: но в Византии забыли консулат в смысле целого года, и 14-й год правления Константина отождествлен в протоколах соборных актов с 14-м после консулата. Таким образом, консулат получил значение начала правления, вступления на престол.

Нумизматический материал от царствования Константина IV находится в соответствии с тем, что Юстиниан не был соправителем своего отца. Пока братья Константина считались соправителями, их изображения чеканились на оборотной стороне монет, а после того на монетах оставалось изображение одного Константина. Во всем известном доселе нумизматическом материале нет ни одного случая, где был бы присоединен к отцу Юстиниан. Отрицая соправительство Юстиниана на основании того, как он сам считал годы своего правления, не могу оставить без возражения суждение по этому вопросу акад. *Латышева*. В своей новой работе «Неизданные греческие агиографические тексты» (*Зап. Имп. Акад. Наук*. VIII сер., Ист. Фил. отд., т. XII, № 2), акад. *Латышев* коснулся вопроса о соправительстве Юстиниана и, признав его за достоверный факт, воспользовался им для датировки Жития Льва, епископа города Катаны в Сицилии. В Московской рукописи, по которой г. *Латышев* издал это Житие, одно рассказанное в нем событие датировано так: Ἐκράτει δὲ τηνικαῦτα τά σκῆπτρα Ῥωμαίων Κωνσταντίνος ὸ ευσεβέστατος σῦν' Ιουστινιανῷ τῷ νίῷ υίος Κώνσταντος, έκγονος δε Ἡρακλείου (p. 18, 22-23). Последствием этого события было обращение к императору со стороны префекта Лукия, и само послание, приведенное полностью в тексте Жития, имеет такое начало: Τοῖς θεοστεφέσιν Αὐτοκράτορσι νικηταῖς τροπαιούχοις, τῆς οικουμένης δεσπόταις καί φιλοχριστοις βασιλεύουσιν ήυῶν Κωνσταντίνῳ καί ' Ιουστινιανῷ Λούκιος ὑπαρχος, ὁ ἐλάχιστος δοῦλος τῆς ὑμετερας μεγαλειότητος ἐν ειρήνη βαθεία χαῖρειν (c. 17, ρ. 18, 24- 26). Это свидетельство было бы очень интересно, если бы вопрос об этой редакции Жития еп. Льва можно было разрешить так, как попытался сделать г. *Латышев*. Но то противоречие, в котором он оказался с самим собой из-за свидетельства о соправительстве тем, что предположил смерть еп. Льва раньше 680 года, т, е. до мнимого соправительства Юстиниана, лишает убедительности его предположение об отношении редакций Жития, так как само письмо оказывается выдумкой. Могу указать также и на то, что мотив чудесного путешествия по морю с помощью дьявола известен *Агнеллу*, автору жизнеописаний равеннских епископов (*Lib. Pont. Eccl. Raven*., c. 131-132, p. 363-365) и трактован гораздо проще, как историческое событие времени правления еп. Дамиана (692-708). Это обстоятельство решает вопрос не в пользу гипотезы акад. *Латышева*.

Тринадцатый лист моей книги был уже напечатан, когда я получил оттиск статьи проф. *Брукса* из январской книжки журнала *Eng. Hist. Rew.* за 1915 год, любезно присланный мне автором. Статья озаглавлена «The Brothers of the Emperor Constantine IV». Она имеет целью выяснить дату низложения братьев Константином путем критического сопоставления всего материала, какой можно привлечь для решения этого вопроса. Сопоставляя свидетельство *Михаила Сирийца* о низложении братьев по обсуждении дела в синклите, где слова о Троице приписаны протестовавшему против низложения сановнику Льву (La Trinité régne dans les cieux: que la Trinité règne sur la terre! Je ne renie pas la Trinité qui est dans le ciel. Je ne mépriserai pas la Trinité qui est sur la terre) с протестом анатоликов, автор приходит к выводу, что здесь имеется в виду одно и тоже событие, а не два,

свидетельство, что это дело обсуждалось в заседании синклита, и лишь один из числа высших сановников, по имени Лев, протестовал, за что и подвергся жестокой каре: ему был урезан нос и он был отправлен в ссылку.[645]

Положение восточных областей империи в ту пору, когда Константин находился на западе, было весьма тяжко. Муавия, упрочив свое положение в халифате, направил опять грабительские инстинкты арабов на империю. В хронике Феофана под 663 годом записано о вторжении арабов в Малую Азию и уводе в плен множества людей; под 665 — о вторжении под начальством вождя Абдаррахмана, сына Халида, «меча Божия», причем арабы остались на зимовку в пределах империи. Феофан не сообщает, где именно зимовали арабы, но дает интересное сведение о том, что состоявшие в войсках императора славяне перешли к арабам, ушли с ними в Сирию и были поселены на территории города Селевкобола в бывшей провинции Вторая Сирия.[646] Под 666 и 667 годами Феофан занес краткие заметки о вторжении арабов под начальством вождя Бусура, причем отметил и территорию, которая подверглась разграблению во втором походе, а именно: Эксаполь. Это имя обозначало восточную половину Вифинии, выделенную при Феодосии II в особую провинцию Гонориаду. Другой арабский вождь, по имени Фадалб, остался на зимовку в этой области.[647] Скудные сведения, сохраненные Феофаном, существенно восполняет относительно вторжения Абдаррахмана один, безымянный для нас, сирийский летописец, который был современником Муавии. Он относит это событие к 22 году правления Константа, а не к 23, как у Феофана. По его рассказу Абдаррахман потерпел вначале неудачу. Желая овладеть одним городом, расположенным на острове озера (которому он дает имя Asqdrin), Абдаррахман послал отряд своего войска на лодках. Когда арабы вышли на берег и привязали на берегу лодки, население города угнало лодки, а высадивший на берег отряд был загнан в болото и перебит, и стоявшие на берегу главные силы арабов не могли оказать помощи избиваемым соплеменникам. На дальнейшем пути Абдаррахман вступил в переговоры с жителями города Аморий во Фригии и занял его без сопротивления. Оставив гарнизон в Амории, Абдаррахман подступил к сильной крепости Силус и, пользуясь услугами одного механика из Пафлагонии, принялся строить осадную башню. Удачным выстрелом из метательного орудия башня была разбита и арабы отступили с большими потерями. Дальнейшие предприятия Абдаррахмана также были весьма удачны. Он захватил города Пессинунт, Пергам и Смирну. К взятым арабами городам летописец присоединяет крепость Хиос, т. е., очевидно, разумеет остров этого имени. Но так как Абдаррахман действовал на суше, то захват острова, если он осуществился, был делом другого вождя, командовавшего флотом.[648]

В сводной сирийской летописи, составленной в начале XI века, Илии, епископа Нисибинского, начиная с 663 года и до 678 включительно, отмечены вторжения арабов в Малую Азию под каждым годом, причем названы имена многих вождей и о каждом вторжении прибавлена заметка, что арабы оставались на зимовку в пределах империи.[649]

Как выдерживали малоазиатские области ежегодные нашествия арабов, сопровождавшиеся грабежом, разорением и уводом людей в плен, об этом нет никаких сведений в наших скудных источниках. Положение стало еще тревожнее, когда главнокомандующий фемы армениаков, перс по происхождению, Шапур (Саборий, как его называет Феофан), задумал при помощи арабов свергнуть императора и занять его место. Когда весть об этом дошла до Византии, то к Муавии в Дамаск было снаряжено посольство, имевшее своей целью предупредить союз халифа с изменником. Посольство исправлял евнух Андрей. Прибыв в Дамаск, он застал при дворе халифа посла от Шапура, стратилата Сергия. Муавия принял Андрея в присутствии Сергия. За первой аудиенцией последовала вторая, в которой оба посла были приняты вместе. Обе эти аудиенции подробно описаны каким-то современником с дословной передачей речей той беседы, какой удостоил обоих послов Муавия. Эта запись сохранилась у Феофана и в летописном своде Михаила Сирийца. Признавая обоих послов своими врагами, Муавия соглашался принять сторону того, кто предложит более щедрые условия, и заявил претензию на получение всех доходов от всех провинций империи. Андрей признал это требование неприемлемым и покинул Дамаск, а Сергий остался для дальнейших переговоров. Муавия согласился оказать помощь Шапуру и начальником вспомогательного отряда назначил вождя Фадалу, который и должен был немедленно выступить на

хронологически отстоящие на 12 лет. Указывая на последовательность событий в изложении *Георгия Монаха,* который рассказывает о бунте анатоликов после изложения об осаде Константинополя арабами (p. 728 De Boor), *Брукс* полагает, что свидетельство *Феофана* о том, что Константин урезал носы своим братьям в первый год правления (p. 352, 23), есть недоразумение и относится к тому времени, когда он их низложил, т. е. к концу 681 года. Урезание носа есть внешний символ непригодности данного человека к отправлению функций верховной власти и должно было поэтому совпасть с низложением.

Соглашаясь с блестящей аргументацией проф. *Брукса,* я готов признать, что урезание носов, устранение от власти и лишение титула августа были событием 681 г. Позволю себе прибавить еще одно соображение, на которое меня наводит мозаичный портрет Константина и его братьев в Равенне, явившийся результатом милостей императора равеннскому клиру по личной просьбе еп. Репарата во время его поездки в столицу. Репарат занимал епископскую кафедру с 671 по 677 г. Если бы братья императора были уже тогда в таком униженном положении, то, вероятно, их портреты не были бы вовсе воспроизведены, так как они и тогда считались бы состоящими в опале, а не соправителями.

[645] *Mich. Syr.* XI, 13, 455-456. — Тождественное сообщение см. *Agap. Mabua.* 234.
[646] *Theoph.* 348, 10-11, 16-20.
[647] *Theoph.* 348, 22-27.
[648] *Chronicum Maronìtìcum. Chr. min. 57*. Ср. *Nöldeke*. Zur Gesch. d. Araber, *ZdDMG*, 29, 87-88.
[649] Scr. Syri. VII, 68-70.

соединение с Шапуром. Удачно покончив свое дело, Сергий отправился вперед, чтобы известить о своих успехах Шапура, который тогда находился в местностях поблизости от города Мелитены. Андрей направил свой путь через Мелитену и, прибыв в город Арависс, вступил в сношения с местным клейсурархом (т. е. начальником охраны горного прохода), который сохранил верность императору и не вступил в сношения с мятежным стратигом армениаков. Андрей поручил ему захватить Сергия, довел обо всем до сведения императора и, сделав остановку в городе Амасии, ожидал результатов своего соглашения с клейсурархом.[650] Сергий был захвачен на пути и доставлен Андрею, который предал его жестокой казни за измену и нанесенное ему оскорбление во время аудиенции у Муавии.

Против Шапура, который успел продвинуться со своим войском до пределов Вифинии, были отправлены из Константинополя войска под начальством патриция Никифора. Несчастный случай с Шапуром предупредил междоусобную войну. — В ожидании наступления Никифора, Шапур, имевший свою штаб-квартиру в городе Адрианополе,[651] занимался обучением своих войск. Возвращаясь однажды с учения в город, он был убит своим конем, который от неожиданного удара плетью прижал седока к городским воротам и разбил ему голову. «Так Господь Бог даровал победу императору», — заключает свой рассказ Феофан.

Фадала с войском арабов прибыл в Эксаполь, когда Шапура уже не было в живых. Он известил о своем положении Муавию и просил прислать ему подкрепление, ввиду того, что он оказался без поддержки союзника. Муавия отправил в поход своего сына Йазида, которого желал видеть своим преемником и старался сделать популярным в войске. Во главе больших сил Йазид прибыл в Эксаполь и вместе с Фадалой совершил поход до самого Халкидона. Ограбив окрестности города и захватив много народа в плен, арабы направились назад в Сирию и по пути захватили город Аморий, где и оставили гарнизон в пять тысяч человек. Зима в тот год была очень снежная и холодная. Под начальством евнуха Андрея имперские войска ночью взобрались по лестницам на стены Амория, захватили врасплох арабский гарнизон и истребили его до единого человека.[652]

Феофан поместил рассказ об измене Шапура, посольстве Андрея к Муавии и последующих событиях под 26 годом правления Константа, т. е. в 668 г. Так как посольство Андрея в Дамаск, поход Фадалы в Эксаполь, выступление ему на помощь Йазида, грабеж окрестностей Халкидона, занятие Амория и гибель арабского гарнизона среди зимы охватывают время не менее одного года, то придется отнести посольство Андрея к ранней весне 668 года, поход Йазида к осени, а гибель арабского гарнизона в Амории к зиме 668-669 гг. Эти соображения и послужили главным основанием для Брукса усомниться в возможности дать веру свидетельству Феофана о морском походе Константина в Сицилию, тем более, что в «Хронике пап» нет упоминания о личном участии Константина в подавлении мятежа в Сиракузах. Соглашаясь с Бруксом в этом вопросе, мы позволили себе высказать следующее соображение. — Возможно, что пребывание Фадалы в Эксаполе, отмеченное Феофаном два раза, под 667 и 668 годом, является раздвоением одного и того же события. В таком случае поездку Андрея к Муавии следует отнести к 667 году, поход Йазида в Халкидон к 668 году и отвоевание Амория к зиме 668-669 гг. Констант был убит, вероятно, в сентябре 668 года, и Константин справил свой консулат поздней осенью. Зимой в те времена не вели морских предприятий. К тому же вслед за воцарением Константина разыгрался бунт анатоликов, который отнесен Феофаном ко времени после возвращения Константина в столицу. Так как подавление претендентства Мизизия произошло через семь месяцев после убийства Константа, т. е. в апреле месяце 669 года, то дело обошлось, очевидно, без личного участия в нем Константина.[653]

Убийство Константа в Сиракузах и подавление мятежа на Сицилии дали повод арабам сделать морской набег на этот остров и вторжение в Африку. О последнем сохранил свидетельство Феофан под первым годом правления Константина. По его словам, в этом набеге было уведено в плен 80 тысяч человек.[654] Обильные свидетельства арабских историков о военных успехах в Африке в это время сплетают целый клубок легенд вокруг имени вождя Укбы ибн Нафи, которому приписывается создание нового плацдарма в Кайруване в 670 году. Укба действовал в Африке до 675 года, когда он был отозван Муавией и вернулся назад только при его преемнике

---

[650] В тексте *Феофана* город, в котором Андрей ожидал исполнения своего приказа клейсурарху и где он затем казнил Сергия, назван ’Αμνησία — 350, 6. Хотя город такого имени неизвестен, но *De-Boor* сохранил это название в тексте, а *Ramsay*. The Historical Geography of Asia Minor, 312, высказал догадку, что это имя следует связать с именем реки Amnias вблизи Помпейополя. Думаю, что имя’Αμνησία должно исчезнуть из текста и следует читать ’Αμασίαν, правописание, установившееся вместо древнего Ἀμασεία. Город этот был центром управления провинции Еленопонта и ввиду высокого положения, какое занимал Андрей, он более подходил для временного пребывания члена регентства, чем какой-то безвестный городок Амнесия, если бы он даже существовал.

[651] *Hierochles*. Synecdemus, p. 693, v. 8. С образованием провинции Гонориады город Адрианополь вошел в ее пределы. — Ср. *Georgii Cyprii*. Descriptio orbis Romani, ed. *Gelzer*, p. 15, v. 265.

[652] *Theoph*. 348, 29-350, 27; *Mich. Syr*. XI, 12, 451-452.

[653] В подтверждении того, что Константин не участвовал лично в подавлении мятежа Мизизия (или Мизеция, как называли его на Западе), можно привести еще одно важное свидетельство. — На 13 заседании Шестого Вселенского собора выяснялось между прочим отношение патриархов, преемников Петра, а именно: Фомы, Иоанна и Константина к вопросу о монофелитстве (*Mansi*. IX, 576). Библиотекарь патриархии Георгий читал текст синодального послания к папе патриарха Фомы, которое не было отослано в Рим вследствие тех тревог, какие создавали арабы. Фома занял кафедру 17 апреля 667 года, а скончался в конце 669 года. (Его правление Георгий исчисляет круглым счетом в два года.) Отсюда следует с уверенностью заключить, что в это время не было сношений с Римом и морской поход на Сицилию был немыслим.

[654] *Theoph*. 352, 12-13.

Йазиде в 682 году.[655]

Что касается набега на Сицилию, то свидетельство об этом событии сохранено в Хронике пап. Арабы напали на Сиракузы. Население бежало в горы, оставив на произвол судьбы свой город. Арабам досталась огромная добыча и в том числе много бронзовых позолоченных статуй, увезенных Константом из Рима во время посещения в 663 году.[656] Свидетельства арабских историков подтверждают это сообщение. Статуи были доставлены Муавии из Александрии в Дамаск. Он препроводил их в Куфу и приказал отослать для продажи в далекую Индию.[657]

Бедствия Сицилии и Африки не вызывали возмездия из центра империи, так как именно в это время Муавия расширял, свои военные предприятия против империи. Не ограничиваясь ежегодными нашествиями на территорию Малой Азии, Муавия развивал свои морские силы. В 670 году Фадала́ занял полуостров Кизик на Пропонтиде, который мог служить базой для морских предприятий против Константинополя.[658] В 672 году с сирийского побережья вышли три флота. Один под начальством Мухаммада, сына Абдаллы, обойдя Малую Азию, занял город Смирну и остался на зиму в ее гавани. Другой, под начальством Каиса, овладел побережьем Киликии и Ликии, а третий под начальством Али имел назначение помогать двум первым.[659] В Константинополе готовились к предстоящей опасности и сооружали военные суда. Один сирийский грек по имени Каллиник, бежавший в Константинополь, сделал великое изобретение, которое в течение долгих лет оставалось секретом для неприятеля.[660] То был взрывчатый состав, который метали из особых трубок на большое расстояние. Орудия для этого огненного состава назывались сифонами. Ими снабжались построенные во множестве новые суда, которые имели свою стоянку в гавани Кесария, составлявшей часть порта Софиан.[661]

Владея полуостровом Кизиком в Пропонтиде, арабы приступили с весны 673 года к осуществлению смелого плана Муавии сокрушить империю в ее центре. Огромный флот подступил к Константинополю и выстроился по всему протяжению стен города со стороны Пропонтиды. Битвы на море шли все лето, а к осени арабский флот отошел: на зимовку в Кизик. Весной следующего года арабский флот опять подступил к столице, и в непрерывных битвах прошло все лето. Одновременно с тем арабы продолжали свои завоевания в Эгейском море, и зиму 674-675 года Фадала́ и Абдалла, сын умершего Каиса, провели на острове Крит. Осада Константинополя продолжалась до 677 года, когда арабы, «посрамленные помощью Бога и Богоматери, потеряв огромное число людей и испытав множество потерь, обратили тыл с большой печалью» (Феофан).[662] Вблизи мыса Силлея в

---

[655] *Мюллер*. Ук. соч. II, 21-22.

[656] *Lib. Pontif*. 346.

[657] *Amari*. Storia dei musulmani in Sicilia, 1, 84, n. 4 — свидетельство историка Вакиди.

[658] *Theoph*. 353, 6-7.

[659] *Theoph*. 353, 14-17.

[660] *Михаил Сириец* называет его плотником из города Бальбека (Илиополь) — XI, 13, 455.

[661] *Theoph*. 353, 14-24.

[662] Столь важное событие правления Константина, каким является осада Константинополя арабами, засвидетельствовано в наших источниках крайне скудно. Продолжительность осады оба наши источника, Феофан и Никифор, определяют в семь лет — ἐπί ἑπτά τί ἔτη τά αὐτά τελέσαντες — *Theoph*. 354, 5; ἑπτά ου ν ἔτεσι τού πολέμου διαρκέσαντος — *Niceph*. 32, 17. Оба они считают битву при Силлее заключительным моментом. *Феофан* помещает рассказ о «семилетней» осаде под 5 годом правления Константина, т. е. в 673 г. Заключение мира он относит к 677 году и объясняет миролюбие Муавии не неудачным исходом осады, а тревогами, которые около этого времени начали причинять мардаиты. Даже если бы осада началась в 673 и закончилась в 677, то можно было бы говорить все-таки о пяти, а не о семи годах осады. Быть может, цифра семь исчислялась от какого-то другого начала. Указание в этом смысле можно извлечь из упомянутого выше эпизода 13-го заседания Шестого собора о синодальном послании патриарха Фомы; но преграждение морского пути в Италию не есть еще осада Константинополя, и приходится все-таки держаться даты Феофана, за отсутствием других свидетельств. *Агнелл* в биографии еп. Репарата сообщает, что Репарат совершил поездку в Константинополь, имел личные сношения с Константином и удостоился получить от него привилегии для равеннского клира, что и увековечено в мозаике церкви S. Apollinare in Classe (*Agnellus*. Ук. соч. 353). Так как Репарат умер в 677 году, то его поездка в Константинополь и возвращение в Равенну можно датировать вряд ли позднее 675 или 676 года. Таким образом, придется признать, что море было свободно в это время, и Константинополь уже не был в осаде. Оба наши источника единогласно свидетельствуют о посольствах в Константинополь от западных держав после отражения арабов; возможно, что и поездка Репарата была вызвана таким же мотивом, т. е. желанием принести поздравление императору по случаю спасения столицы от арабов. Радостное настроение императора использовал Репарат, чтобы исходатайствовать привилегии для членов клира своей церкви. По всему вероятию, эти «семь лет осады» пустая риторическая блестка какого-нибудь тогдашнего витии, который имел для этого гораздо меньше оснований, чем тот, кто уподобил подвиги Ираклия в войне с персами и возвращение его в столицу с семью днями творения.

Не имея возможности определить год, в который арабы отступили от Константинополя, мы точно знаем день, когда население столицы праздновало это событие церковным поминовением, а именно: 25 июня. С большей подробностью отмечено это празднование в одной иерусалимской рукописи. Полную цитату привел в указанной статье *Пападапуло-Керамевс*, которую воспроизводим в переводе: «В тот же день (25 июня) празднуется память помощи, дарованная нам сверх вероятия и всякого чаяния от Великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, молитвами бессеменно зачавшей Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, против безбожных сарацинов, окруживших с суши и с моря наш царствующий град» (*Виз. Врем*. X, 372-373).

Памфилии арабский флот страшно пострадал от бури, а сухопутное войско было разбито в Ликии имперскими войсками под начальством вождей Флора, Петроны и Киприана, причем, по счету Феофана, потери арабов дошли до 30 тысяч человек.[663] Скудные сведения арабских источников об этой морской войне против столицы ничем существенным не пополняют краткого сообщения Феофана.

Ожесточенная война с империей, которую с такой настойчивостью вел Муавия в течение многих лет, была парализована мятежным движением против господства арабов в Сирии, которое нашло свой центр в горах Ливана. Местные горцы, пользуясь удобствами своего положения, стали предпринимать грабительские походы с одной стороны в Палестину, с другой — до Евфрата. К мятежным горцам стали стекаться недовольные арабским игом туземцы и беглые рабы. Арабы называли их мардаитами, что значит разбойники, и это слово получило как бы этнический характер.[664] Состарившийся Муавия был в ту пору озабочен обеспечением преемства своему сыну Йазиду и, после неудачи продолжительной войны под стенами Константинополя, склонился к мысли заключить мир с императором. В ответ на его предложение из Константинополя был отправлен в Дамаск патриций Иоанн Пицигавд. Муавия принял его с большим почетом в собрании своих эмиров и корейшитов. Переговоры привели к заключению мира на тридцать лет на условии уплаты арабами ежегодно 3 тысяч золотых монет, 50 пленников и 50 благородных коней. Договор был облечен в письменную форму по старым обычаям, соблюдавшимся в сношениях с персами, в двух экземплярах на каждом языке, с обменом подлинниками и клятвенным обещанием с обеих сторон. Муавия отправил через посла щедрые подарки императору. Весть о счастливом окончании осады Константинополя и заключении мира с арабами огласилась далеко на запад и «цари, экзархи и кастальды» посылали императору свои приветствия с дарами и просьбой держать их в любви. «И настала великая беспечальность на востоке и на западе».[665]

Мир с арабами после долголетних усилий с их стороны овладеть столицей империи был событием великой важности в истории Европы. Восточный мусульманский мир, отторгнув от империи целый ряд областей, направил все свои силы на интеллектуальный центр государства и оплот христианства на востоке. Гордый замысел Муавии потерпел крушение под твердыней Константинополя и энергия арабов была разбита. Позднейшие попытки арабов в том же направлении не были так продолжительны и столь настойчивы, как эта первая осада. Запад Европы был с тех пор закрыт от опасности поглощения мусульманским миром с востока, а проявленный арабами позднее напор со стороны Африки и Испании был отражен под стенами Пуатье Карлом Мартеллом. На охране Европы с востока стояла Византия в течение ряда веков. В тех приветствиях, которые получал с запада император Константин, сказалось сознание общности интересов христианского мира против мусульманского востока.

ШЕСТОЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Хотя раскол с Римом и западом был устранен уступчивой политикой папы Виталиана, но запрет споров о единой и двух волях во Христе не являлся гарантией церковного мира на Востоке. Страстная борьба Максима против монофелитства не прошла бесследно для Востока, и он имел своих приверженцев в рядах многочисленного монашества. Пока арабский флот угрожал самому существованию империи, борьба противоположных течений должна была замолкнуть. При кратковременных преемниках патриарха Петра, умершего в 666 году, Фоме (с 17 апр. 667-669), Иоанне V (ум. в 671) и Константине (ум. в 675) не было поводов к обострению отношений с Римом, тем не менее преемники Виталиана, Адеодат (672-676) и Дон не были включены в диптихи Константинопольской церкви. Относительно первого это могло иметь своей причиной перерыв сношений с Римом вследствие господства арабов на море. Враждебное Риму настроение обострилось при патриархе Феодоре, занявшем Константинопольский престол 23 августа 677 года. Его сношения с проживавшим в Константинополе патриархом Антиохии Макарием привели к тому, что оба патриарха предъявили императору просьбу исключить имя папы Виталиана из церковных диптихов. Старания Ираклия насадить монофелитство в Сирии не были в свое время вполне бесплодны, и Макарий ревностно отстаивал монофелитскую доктрину, которая в глазах сирийских монофизитов являлась отрицанием Халкидонского собора.[666] Император отверг просьбу патриархов из благодарности за те услуги, которые Виталиан оказал в подавлении бунта в Сицилии, угрожавшего трону дома Ираклия. Но ходатайство патриархов послужило поводом для императора вникнуть в существо вопроса, и он пожелал положить конец спорам боровшихся партий, которые обострились в столице, благодаря воздействию Макария. На Востоке и в самой столице находились в обращении списки актов Пятого Вселенского собора с вставкой подложного послания патриарха Мины к папе Вигилию, на которое в свое время ссылался патриарх Сергий, и двух писем папы Вигилия к Юстиниану и Феодоре. Император не считал данное время удобным для созыва Вселенского собора и пришел к

---

[663] *Михаил Сириец* (XI, 13, 455) относит эту битву ко второму году правления Константина и локализует ее в Ликии, где арабы осаждали крепость, не названную им по имени.

[664] *Theoph*. 355, 6-10; *Mich. Syr*. XI, 13, 445 — Maridayé или Liphourê, а по-сирийски Gargoumayê. *Chabot* объясняет первое слово — rebelles, révoltés, второе — praedones от слова λάφυρα, третье — inverecundi, impudentes.

[665] *Theoph*. 355, 10-356, 8. — Близко и нередко дословно сообщение *Никифора. Brev*. 32, 3-33, 12.

[666] Живым свидетельством о распространении монофелитства в Сирии является эпизод на шестнадцатом заседании Шестого Вселенского собора. Пресвитер апамейской церкви, по имени Константин, был допущен на заседание и с полным убеждением исповедал учение о единой воле. Не владея греческим языком, он предлагал изложить свою веру по-сирийски. Над ним было произнесено отлучение. — *Mansi.* XI, 617-620.

мысли устроить в Константинополе совещание компетентных богословов с участием представителей западной церкви.

10 сентября 678 года он направил к папе Дону послание, в котором сообщил о своем желании покончить старые споры, упомянул о своем заступничестве за папу Виталиана и, заявляя о несвоевременности Вселенского собора, просил папу прислать на предполагаемое совещание представителей от своего престола, а также от собора епископов Италии до 12 человек и по четыре представителя от четырех греческих монастырей, существовавших на западе. Высказываясь за несвоевременность созыва Вселенского собора, император допускал, однако, его возможность. Экзарху Италии Феодору был отдан приказ обеспечить депутатов денежными средствами на путешествие в Константинополь и предоставить корабли императорского флота, находившиеся в его распоряжении. В заключение своего послания император уведомил папу об этом приказе экзарху.[667]

Когда составлялось это послание, обращенное к папе Дону, его не было уже в живых. Он скончался 11 апреля, и с 27 июня его преемником был Агафон. Папа замедлил с ответом императору, так как он пожелал предварительно вновь решить в своей церкви вопрос, который был уже решен Мартином на соборе в Латеране в 649 году. Он обратился ко всем митрополитам в пределах юрисдикции римского престола, предлагая им собрать поместные соборы и высказаться о спорном пункте христианской догмы. Такой собор состоялся в Медиолане под председательством епископа Мансвета, и соборное решение было препровождено императору.[668] Точно также в далекой Британнии собрались епископы на собор в городе Гетфильде под председательством Феодора Кентерберийского, грека по происхождению, родом из Тарса, который получил образование в Афинах и принял посвящение в духовный сан в Риме. Получив ответы от митрополитов своей церкви, папа Агафон собрал на Пасху 680 года собор итальянских епископов в Латеране и выработал общее определение с решительным осуждением монофелитства. На этом соборе присутствовало 125 епископов.

Промедление папы Агафона с ответом на предложение императора усилило в Константинополе агитацию приверженцев монофелитства, и патриархи Феодор и Макарий настояли на исключении имени папы Виталиана из церковных диптихов, чему сначала противился император.[669] Вскоре после того патриарх навлек на себя неудовольствие императора и был низложен. Кафедру занял Георгий (1 ноября 679 года), не разделявший монофелитских убеждений своего предшественника. Лишь в начале сентября 680 года прибыло в Константинополь посольство из Рима в таком составе: представители папы пресвитеры Феодор и Георгий, диакон Иоанн и иподиакон Константин; представители собора итальянских епископов: Иоанн — города Порта, другой Иоанн — города Регия, Абунданций и Патерна (Палермо); депутаты от трех греческих монастырей. На приеме в оратории св. Петра во дворце послы папы вручили императору два послания: одно от папы Агафона с обстоятельным богословским рассмотрением вопроса о волях во Христе, заканчивавшееся длинным списком выдержек из святоотческих писаний,[670] и другое от собора епископов Италии с подписями всех участвовавших.[671] Помещение депутатам было отведено во дворце Плацидии. В ближайший воскресный день был совершен крестный ход в храм Влахернской Божией Матери, к участию в котором были приглашены послы папы. Император выразил свое внимание к ним присылкой от дворца оседланных лошадей и свиты.[672] 10 сентября был издан манифест императора на имя патриарха Георгия с оповещением о прибытии представителей папы и предложением собрать собор с участием восточных патриархов.[673]

Собор открыл свои действия 7 ноября 680 года в зале дворца, носившем название Трулль. Председательство принял сам император, явившийся в собрание с 13 сановниками высших рангов, которые также были назначены членами собора по образцу того, как то было на Халкидонском соборе при Маркиане. По левую сторону от императора сидели представители папы и патриарха иерусалимского, по правую патриархи Георгий, Макарий и представители александрийского патриарха. Посредине было выставлено Евангелие. В глубине зала разместились епископы в числе около 150 человек. Собор имел 18 заседаний и последнее было 16 сентября 681 года. На одиннадцати первых и заключительном присутствовал император. В последовательных заседаниях были прочитаны определения первых Вселенских соборов, послание папы Агафона и его собора (четвертое заседание), все документы, касающиеся монофелитства, с включением синодики патриарха Иерусалима Софрония. Уже в первом заседании патриарх Макарий выступил защитником учения о монофелитстве, а в восьмом и девятом приводил свои доказательства; но они были опровергнуты, и он сам был осужден вместе со своим учеником Стефаном. На одиннадцатом заседании над Макарием было произнесено отлучение от церкви. Он был

---

[667] *Mansi.* IX, 196-201 — император именовал папу «архиепископом и вселенским папой». Что касается четырех греческих монастырей, то разумелись, вероятно, те, которые имели представителей в Латеранском соборе 649 года: Лавра в Африке, армянский монастырь в Риме, называвшийся τοῦ ’ Ρενάτου, киликийский — qui ponitur in Aquas Salvias. X, 904. — На соборе в Латеране в 649 году были представители трех названных в этом примечании монастырей. Хотя император просит прислать представителей от четырех греческих монастырей, но папа ограничился тремя: τῶν Βαιων в Сицилии, и τοῦ ’Ρενάτου καί τοῦ δόμου Ἀρσικίας в Риме. *Mansi.* XI 212 B.

[668] *Mansi.* XI, 203-208.

[669] *Mansi.* XI, 345. — На восьмом заседании собора, 8 марта 681 года, имя папы Виталиана было снова занесено в диптихи по предложению патриарха Георгия.

[670] Ib. XI, 238-258.

[671] Ib. 258-316.

[672] *Lib. Pontif*. 351.

[673] *Mansi.* XI, 201-204.

низложен, и на вакантную кафедру был назначен Феофан, архимандрит греческого монастыря Вайи в Сицилии.[674] На четырнадцатом заседании был облечен подлог в текстах седьмого заседания пятого Вселенского собора, хранившихся в патриаршей библиотеке, а именно: вставка поддельных документов: послания патриарха Мины к папе Вигилию и двух писем последнего к Юстиниану и Феодоре.[675] Пятнадцатое заседание имело публичный характер. Один пресвитер из Гераклеи, по имени Полихроний, убежденный сторонник монофелитства, подал императору свое исповедание веры и предложил испытать его истину наглядным способом: возложить его на мертвеца, который должен от того ожить. Опыт был сделан публично на площади в присутствии множества народа и членов собора. Так как мертвый не ожил, то Полихроний был лишен сана, признан еретиком и отлучен от церкви.[676]

На семнадцатом заседании, 11 сентября, было заслушано вероопределение с изложением учения о двух волях во Христе, осуждением патриархов Сергия, Кира, Пирра и Павла, папы Гонория, епископа Павла Фарранского, как чиноначальника ереси монофелитства, а также Макария с его учеником Стефаном. На восемнадцатом заседании, 16 сентября, на которое явился император, это вероопределение было поднесено ему за подписью всех членов собора с просьбой скрепить его своей подписью.[677] На вопрос императора, все ли так веруют, раздались единодушные крики в подтверждение общего согласия. Приняв хартию, император дал свою подпись,[678] и из собрания понеслись возгласы: «Многие лета императору! Ты разъяснил сущности (τελειότητες) двух природ Христа Бога. Храни, владыка, светоч мира! Новому Маркиану, Константину вечная память! Новому Юстиниану, Константину вечная память! Ты разогнал всех еретиков...»

По окончании собора император издал манифест об истинной вере с подробным изложением всего производства соборных решений. Эта вера была объявлена обязательной для все христиан. Текст заканчивался объявлением наказаний за непринятие ее: члены клира подлежат опале, состоящие на службе лишаются ее и подвергаются конфискации имущества, люди простого звания подлежат ссылке. Манифест этот был выставлен в третьем нароике храма св. Софии.[679] От имени собора было составлено послание к папе Агафону с подписью всех участвовавших в соборе епископов.[680] Но папа Агафон скончался 10 января 681 года и на ставший вакантным престол был избран Лев II. 7 мая 682 года папа Лев отправил свой ответ императору.[681] Его утверждение в сане последовало 17 августа 682 года. Император обратился с особым посланием к новому папе,[682] а также к собору епископов.[683] Распорядившись перевести соборные акты на латинский язык, папа Лев разослал их всем митрополитам своего патриархата с предложением принять их и потребовать подписи от всех епископов.

Император увековечил память о соборе, приказав изобразить его в картине, которая была написана (или, быть может, сделана мозаикой) в передней части дворца, на стене между четвертой и пятой схолой. Текст протоколов собора и изданное им вероопределение были переписаны под наблюдением асикрита Павла (впоследствии патриарха) нотарием Агафоном и под печатью положены на хранение в императорских покоях.[684] Низложенный антиохийский патриарх Макарий был отослан в Рим к папе и, как нераскаявшийся еретик, был заточен в одном монастыре.

Так закончились смуты во вселенской церкви, вызванные учением о едином действии и единой воле во Христе, и Константин остался в истории в ореоле восстановителя истинной православной веры. Иное отношение к этому событию было на монофизитском Востоке. Освобожденные арабским завоеванием от старой политической связи с империей, сирийцы видели в провозглашении догмата о двух волях лишь вящее торжество и дальнейшее утверждение ереси, в которую впади «греки» со времени принятия «томоса» папы Льва и Халкидонского собора. Михаил Сириец занес в свою летопись рассказ о том, как благодаря стараниям папы Агафона, «гибельная ересь Максима», которую предавали анафеме при Константе, была утверждена при его сыне. В своих стараниях утвердить эту ересь, папа Агафон поднес императору 170 кентенариев золота, задарил его приближенных и так как, по слову Экклезиаста, «подарок ослепляет глаза мудрецов», а глаза греков были уже ослеплены ересью двух природ, которая воздвиглась в Халкидоне, и так как они катились теперь от одного зла к другому и из одной ямы в другую, то они приняли, усвоили и утвердили нечестивое учение Максима, который провозглашал две воли во Христе и два действия при двух природах.[685] Так сирийский Восток, примирившийся с арабским господством, все более обособлялся от Византии.

ВОДВОРЕНИЕ БОЛГАР ЗА ДУНАЕМ И НАЧАЛО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА. ПОСЛЕДНИЕ

---

[674] *Mansi.* XI, 548.
[675] Ib. 584-601.
[676] Ib. 601-612.
[677] Ib. 632-653.
[678] Ib. 656. — Κωνσταντίνος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ βασιλεύς καί αὐτοκράτωρ των ' Ρωμαίων ἀνεγνωμεν καί συνηνεσαμεν.
[679] Ib. 697-712. — «поблизости от залы, носившей имя Дикимвал».
[680] Ib. 684-693.
[681] Ib. 725-738.
[682] Ib. 713-717.
[683] Ib. 720-724.
[684] *Mansi.* XII. Ep. Agathonis, p. 189 D, 192, D.
[685] *Mich. Syr.* XI, 11, 447-448; 457.

ГОДЫ ЖИЗНИ КОНСТАНТИНА И ЕГО СМЕРТЬ

Созыву Шестого Вселенского собора в Константинополе предшествовало одно весьма важное по своим последствиям для судеб империи событие внешней ее истории, а именно: водворение болгар на правом берегу Дуная в его нижнем течении и возникновение в старых пределах империи нового самостоятельного государственного организма, обнаружившего в скором времени завоевательные стремления в областях, заселенных славянами задолго до появление болгар. Ослабление державы аварского хана, начавшееся после знаменитой осады Константинополя в 626 году, сказалось на высвобождении славянских племен от зависимости аваров. В 658 году Констант сделал попытку привести в непосредственную зависимость от империи славян, заселивших Македонию. Его поход имел своим последствием покорение нескольких племен, которые признали над собой его власть и стали давать свои контингенты в его армию для действий против арабов. Но славяне оказались ненадежными солдатами и переходили на сторону врага, как записал это под 665 годом Феофан.[686] Тяжкая борьба с арабами, завершившаяся их попыткой овладеть Константинополем, когда империи приходилось бороться за самое свое существование, сосредоточивала на себе в течение многих лет все заботы императора, и византийский двор не имел возможности предпринимать что-либо в защиту уцелевшего и крайне скудного достояния в областях, лежавших к западу от столицы. Старые города и культурные центры, как Сардика, Филиппополь, Адрианополь, тяжко пострадавшие от нашествий аварского хана в первые десятилетия VII века, лежали в развалинах или, быть может, влачили жалкое существование, будучи отрезаны от столицы новым славянским населением, не стоявшим ни в каких отношениях зависимости от имперской администрации. Эти старые епископские кафедры не имели своих представителей на соборе 680-681 года, и митрополией провинции Эмимонта являлся приморский город, Мисембрия вместо Адрианополя, который в ту пору, вероятно, вовсе не имел епископа.

Заключение мира с Муавией облегчило общее состояние государства и дало возможность имп. Константину организовать большой поход в область низовий Дуная. Поводом к этому послужило появление с недавнего времени большой болгарской орды в низовьях Дуная, которая угрожала опасностью уцелевшим среди нового славянского населения старым культурным центрам в Нижней Мезии и Скифии. Повелителем этой орды был Аспарух, которого наше предание единогласно называет сыном некогда союзного империи хана Кубрата, отвоевавшего своим соплеменникам свободу от аваров.[687] Эта новая опасность с севера была вызвана завоевательным движением на запад, которое около того времени начали союзники Ираклия хазары. Владея степями западного побережья Каспийского моря и Дербентским проходом, который некогда охранялся персами, хазары стали распространять свое владычество на своих западных соседей. Старший сын Кубрата Байан, или Батбайан, как называют его византийцы, признал над собой власть хазар и стал их данником. Хазары подчинили себе морское побережье и проникали дальше на берега Черного моря. Нашествие хазар вызвало бегство на запад тех болгарских улусов, которые не желали подчиниться чужой власти, и ставший в их главе Аспарух водворился с целой ордой в местностях к северу от низовьев Дуная, которые тогда носили славянское имя Угол (Ὄγλος).

Появление этой орды, угрожавшей северным границам империи, вызвало тревогу в столице, и император снарядил большой поход в 679 году. Из малоазиатских областей, которые были теперь безопасны от арабского нашествия, вызваны были конные полки, а в Константинополе был снаряжен большой флот. Конные войска были направлены через Фракию на север, а император сделал поход морем. Высадка произошла, по-видимому, в местности к северу от устья Дуная, а направлявшиеся через Фракию войска были переправлены через Дунай и соединились с десантом. Появление больших военных сил на территории кочевок болгар заставило их укрыться в болотистые местности, столь обильные на левом берегу нижнего Дуная и в его дельте.[688] Топкие болота, окружавшие укрепленный лагерь болгар, явились неодолимой преградой для действия против них со стороны армии, совершенно незнакомой с условиями территории. Среди наступившего бездействия император захворал подагрой и, поручив ведение войны подначальным вождям, уехал со своей свитой на пяти кораблях в Месемврию, чтобы принять курс лечения на здешних минеральных водах. В конных полках, прибывших в Азию, прошел слух, что император бежал, и они отступили к берегам Дуная. Следившие за действиями противника болгары вышли из своего укрепленного лагеря и стали преследовать отступавших. Переправа через Дунай императорских войск под напорам болгар совершилась с большими потерями в их составе. Так как войска направлялись назад в столицу, то болгары сами переправились через Дунай и стали занимать уцелевшие в Скифии имперские города. Не встречая, по-видимому, никакого сопротивления, они дошли до приморского города Одисса (Варна), который издавна имел значение центра военного управления провинции Скифии, и утвердили в нем свою власть.

В Скифию и Нижнюю Мезию давно проникали славяне и уже при Юстиниане они утверждались здесь на постоянное жительство. С тех пор прошло много времени, и вся эта страна была по характеру населения славянской землей. Феофан дает имя «семи племен» славянскому населению области, занятой болгарами, и называет по имени одно племя — северяне, Σεβερεις, которое как бы противополагалось тем семи. Утвердившись

---

[686] *Theoph.* 348, 18-20.

[687] Именник болгарских царей дает ему имя Исперих. В современном армянском источнике его имя Aspar-hrug. *Soukry*. Ук. соч. 20.

[688] Армянский источник, современный событиям, помещает орду Аспаруха на острове Певке, как называлась у *Птолемея* дельта Дуная.

в Одиссе и заняв восточные проходы на Балканах, болгары распространили свою власть на запад по течению Дуная до тех местностей, которые признавали над собой власть аварского хана.

Кочевой народ, каким были тогда болгары, нуждался в охране своих границ привязанным к земле оседлым народом и, по свидетельству Феофана, болгары поселились к востоку от проходов северян, а к западу и по границе с аварами поселились другие, не названные по имени у Феофана, племена. Так из набега кочевого народа возникло новое государство. Феофан в своей записи об этом событии сводит все дело в один год, 679: но одно случайное свидетельство позволяет утверждать, что военные действия и утраты империи продолжались и в 681 году. Один сирийский пресвитер, по имени Сергий, выступавший защитником монофелитства на заседании 9 августа 681 года, признавал в неудачах «текущего года» на войне с болгарами кару Господа Бога за отступничество от истины христианского вероучения.[689] Военные неудачи побудили императора примириться с совершившейся утратой областей, находившихся в слабой зависимости от центра государства. Он признал за болгарами право на захваченные ими территории, заключил с Аспарухом мирный договор и обязался платить ежегодные поминки, издавно обычные в империи в сношениях с пограничными варварами.[690] Так было признано болгарское царство.

Тюрки по расе и языку, болгары сумели, как раньше их авары, явиться тем ферментом, который объединил в государственный союз раздробленные славянские племена, жившие в условиях родового быта, — «кийждо с родом своим», по выражению нашего летописца.

Открытые в недавнее время надписи в раскопках Абобы-Плиски, как назывался древнейший, основанный болгарами, город на реке Камчии, носившей тогда имя Тича, с наглядностью подтверждают тюркский характер народа. Повелитель орды носил титул хана — κάνας, с эпитетом ύβηγη, который лишь по догадке объясняется в смысле «великий», «могучий». Ближайшие его люди носили титулы — тархан, богатор, боила и жупан.[691] Этот последний титул указывает на смешение болгар со славянами и по времени, вероятно, позднее двух первых. Литературный памятник, открытый А. Поповым: «Именник болгарских царей», дает непреложное свидетельство о том, что цари болгар вели свой род от Аттилы и в частности от его сына Ирнаха, которого видел некогда в ставке Аттилы Приск (448 г.) и тогда же узнал предсказание о нем кудесников, что его потомство восстановит славу Аттилы, которая померкнет после его смерти.[692] Тот же памятник дает свидетельство о смешении болгар со славянами еще раньше их переселения за Дунай, а также и о том, что у них был свой счет годов по циклам, воспринятый тюрками от китайцев.[693]

Водворение болгар за Дунаем было последним крупным событием внешней истории Византии в правление Константина. На восточной границе было тихо со времени заключения мира с Муавией. Старания Муавии обеспечить преемство власти своему сыну Йазиду увенчались успехом, и Йазид после смерти отца (апрель 680 года) занял его место.[694] Правление его продолжалось три года; он скончался, не достигнув сорокалетнего возраста (10 ноября 683 г.). Византийское предание не сохранило никаких свидетельств о расширении халифата за счет империи во время правления Йазида; но арабские историки относят к этому времени возвращение в Африку Укбы, отозванного Муавией. В рассказах арабов о новых подвигах Укбы его врагами являются, однако, не имперские войска, а племена мавров с могущественным царем, по имени Коцейла. Успехи Укбы были непрочны. Коцейла сумел объединить под своей властью большие силы соплеменников, настиг Укбу на обратном его пути от океана к Кайрувану, нанес ему поражение и разрушил опорный пункт арабского владычества на юге Бизацены. Сам Укба погиб в битве.[695] Событие это относится к 683 г., в конце которого скончался Йазид. Приверженцам рода Омейядов удалось обеспечить переход верховной власти к сыну Йазида, но через два месяца тот умер, и с ним закончилась династия Омейядов. В течение целого года шли междоусобия, и наследие пророка утвердил за собой Мерван ибн Хакам. Его правление продолжалось недолго, и в апреле 685 года он погиб насильственной смертью. Хотя Мерван обеспечил положение тем, что добился присяги себе и своим сыновьям, но его старшему сыну Аль-Малику пришлось отстаивать за собой право наследования в кровавой борьбе с претендентами.

Междоусобия в конфликте после смерти Йазида в связи с установлением новой династии пошли на пользу Африке. Арабы не помышляли о восстановлении утраченного опорного пункта для завоевания латинских областей, и в течение двух десятилетий туземное население было свободно от ужасов грабежа и насилий, которые вносили арабские нашествия. Вселенский собор 680-681 гг., окончательно устранивший разномыслие в вопросах христианской догмы, содействовал более тесному сближению латинских областей Италии и Африки с империей. Свое благоволение к римскому престолу император выразил и тем, что уменьшил размеры податей, взимавшихся с церковных земельных имуществ в Калабрии и Сицилии.[696] Добрые отношения с Римом продолжались при преемниках папы Агафона, Льве II (682-683) и Бенедикте II (684-685). Император выразил свое благоволение римскому клиру тем, что разрешил на будущее время его избраннику немедленно вступать в

---

[689] *Mansi.* XI, 917 — ἐάν εισηκούσθην ᾗ ἐπάθομεν ἐφέτως ουκ ειχομεν παθεῖν, τουτεστιν εἴ τι ἐπάθομεν εις τον πόλεμον Βουλγαρίας.
[690] *Theoph.* 359, 19-21.
[691] Абоба-Плиска (*Изв. Р. Инст. в К-поле.* X, 1905), стр. 190 и сл.
[692] *Prísci* frg. 8, p. 93, *Müller.*
[693] См. особый экскурс.
[694] *Elias Nisìb. (Scr. Syri.* VII), 71, 5-8.
[695] *Wiel.* ук. соч. I, 290.
[696] *Lib. Pontif.* 366.

отправление функций патриаршего престола,[697] а лично папе тем, что прислал ему волосы своих сыновей (mallones) с милостивым рескриптом. Пострижение волос было символическим актом усыновления.[698] Из этого сообщения видно, что у Константина был, кроме старшего сына, Юстиниана, другой — Ираклий, который, по всему вероятию, вскоре умер, так как о нем нет никаких сведений от последующего времени. В начале сентября 685 года император Константин скончался в юном возрасте: ему было 32 года,[699] и сын его Юстиниан начал единоличное правление на 16-м году жизни.

Счастливая судьба сохранила нам портрет императора Константина, приложенный выше, изображающий его нежным юношей вместе с его братьями.[700] Это мозаика на стене одного из храмов Равенны, S. Apollinario in Classe. Поводом к возникновению этого изображения была благодарность епископа Репарата, занимавшего равеннский престол с 671 по 677 год, за те привилегии, которые, по его личной просьбе, были дарованы членам равеннского клира. Автор «Истории епископов равеннской церкви», Агнелл, писавший в IX веке, в житии еп. Репарата изложил об этой его заслуге, упомяну о портрете и записал то надписание, которое сохранилось над изображением трех соправителей. Увековечивший добрую мысль Репарата художник выдвинул на первое место не императора, а самого епископа, отметив и сам мотив в виде свитка привилегий.[701]

---

[697] Преемник Бенедикта Иоанн непосредственно после избрания в храме Спасителя был водворен в папский дворец. *Lib. Pontif.* 366 — post multorum pontificum tempora vel annorum, iuxta priscam consuetudinem...

[698] *Lib. Pontif.* 363. — О пострижении, как усыновлении, см. *Paul. Diac.* 4, 38, 6, 53.

[699] *Theopí* 361, 15-16; *Lib. Pontif.* 366 — defuncto patre in initia mensis septembris ind. XII.

[700] Снимок воспроизведен с одной из таблиц, приложенных к обзору равеннских церквей гр. *Уварова*, изданному в первом томе «Сборника мелких трудов». Москва. 1910. Статья озаглавлена «Месяц в Равенне».

[701] *Agnellus.* Historia pontificum Ecclesiae Ravennatis, c. 115, стр. 353-354. — Привилегии имели своим предметом освобождение членов равеннского клира от разного рода налогов и пошлин. Репарат представил свою просьбу лично императору во время своей поездки в Константинополь. Император соблаговолил узаконить все, о чем он просил, причем было сделано точное определение насчет отношений епископа равеннской церкви к папскому престолу.

ЮСТИНИАН II

МИР С АРАБАМИ. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МАРДАИТОВ. ПОКОРЕНИЕ СЛАВЯН И СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЯ В ВИФИНИИ. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КИПРИОТОВ В КИЗИК. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ С АРАБАМИ. СТРОИТЕЛЬСТВО В СТОЛИЦЕ. ВРЕМЕНЩИКИ

Юстиниан разделил общую судьбу своего отца и деда в том отношении, что верховная власть перешла в его руки, когда он был еще в очень юном возрасте. Одаренный большой энергией, смелый в своих замыслах, настойчивый в их проведении, как показали последующие события, властолюбивый и властный, он не имел, очевидно, в своем окружении опытных государственных мужей, которые могли бы сдерживать его порывы и направлять его энергию на благо государства. Носитель славного имени, он, видимо, хотел во многом подражать деяниям своего великого предшественника, но представлял по характеру полную ему противоположность и своим самовластием и жестокостью сам подготовил ту катастрофу, которая положила конец его правлению на десятом году власти. Заменивший его на троне Леонтий пощадил его жизнь в память его отца, подверг его обычному тогда увечью и отправил в далекую ссылку. Постигшее его несчастье не сломило его энергии, и он сумел через десять лет вернуть себе отчий трон. Пылая местью к своим врагам, он дал волю своей жестокости и водворил кровавый режим, какого дотоле не знала империя. Пять лет кровавых ужасов завершились на шестом году второго правления Юстиниана новой катастрофой, которая положила конец не только его правлению, но и династии Ираклия. Неудачи внешней политики Юстиниана в первое правление и та страшная жестокость, которую он проявил во второе, запечатлелись в памяти современников и отразились на характере летописного предания. Оно проникнуто резкой враждебностью к нему за все время его правления и в сообщениях об отдельных событиях того времени носит следы искажения действительных отношений, как будет то выяснено в дальнейшем изложении.

В ту пору, когда верховная власть перешла к Юстиниану, внешние отношения империи слагались для нее весьма благоприятно. Халиф Абд-аль-Малик, принявший в тот самый год наследие своего отца, оказался в чрезвычайно трудном положении, так как в разных местах поднялись против него видные претенденты, находившие поддержку в среде соплеменников. Наставшим в халифате смутным временем воспользовались также и мардаиты для своих разбойничьих подвигов. Занятый планами борьбы со своими соперниками, Абд-аль-Малик старался обеспечить себя со стороны империи заключением мира. Византийский двор отозвался на это предложение, и в Дамаск прибыл уполномоченный для выработки мирного договора магистриан Павел. Переговоры касались двух спорных территорий, острова Кипра и Армении. Сирийские и византийские известия единогласны в том, что остров Кипр был признан состоящим в двойном владении, и в договор было занесено положение о дележе доходов с населения пополам между двумя державами.[702] Что касается Армении, то, по свидетельству сирийских летописцев, халиф отказался в пользу империи не только от Армении, но и соседних земель: «Гурзана, Арзона и северной части Мидии, т. е. Атропатены»,[703] а по записи Феофана — Армения и Иверия были поставлены в такие же условия, как и остров Кипр, т. е. доходы с этих стран подлежали дележу пополам. Мир был заключен на десять лет. Выкуп мира арабами, установленный в договоре 677 года с Муавией, был сохранен и на будущее время, но в повышенном размере: Абд-аль-Малик обязался платить 1000 золотых монет, одного коня и одного раба за каждый день мира.[704] Со своей стороны император принял на себя обязательство, касавшееся мардаитов, которые умели отстаивать свою независимость и создавали большие затруднения для арабов своими набегами на соседние области. Мардаиты в своей внутренней организации представляли войско. Феофан определяет их, как военную часть — τάγμα του Λιβάνου, а Никифор видит в них воинов (ὁπλῖται), которые «с давнего времени были расквартированы в горах Ливана».[705] Так как военное звание было наследственным еще при Константине Великом, и горы Ливана составляли особое военное управление, то весьма вероятно, что главное ядро мардаитов составляли потомки тех воинов, которые числились некогда в старых имперских полках, расквартированных в горах Ливана и имевших там свою оседлость.

Халиф предложил императору переселить в свое христианское царство немирившихся с игом ислама христиан и встретил с его стороны полную готовность. Забота императора о христианах, живших под властью иноверных владык, была старой традицией византийского двора, и согласие Юстиниана принять мардаитов могло содействовать поднятию его престижа на Востоке, оторванном от империи. Переселение совершилось во второй год правления Юстиниана, очевидно, после сношений с мардаитами, и было с их стороны добровольным, так как император не имел в отношении к ним никаких способов воздействия силой. Все наши источники, отметившие это событие, дают точную цифру переселения, а именно: 12 тысяч человек.[706] Это число относится только к воинам, как и выражается Никифор (ὁπλῖται), и не обнимает собою жен, детей и неспособных к военной службе членов их семей. Переселение совершилось при личном участии в этом деле Юстиниана, который

---

[702] По свидетельству, сохраненному Евтихием, население Кипра платило по 7200 золотых в год обоим владыкам. — *Annales*, p. 1112 c.

[703] *Mich. Syr.* XI, 15, 469.

[704] *Theoph.* 360, 10. —Так как *Феофан* поместил сообщение о начале правления Абд-аль-Малика в 15-й год правления Константина, — 362, 1 — то он дважды помянул о заключении мира с императором: в первый раз под 16-м годом Константина — 361, 10-13, а во второй — под первым годом правления Юстиниана — 363, 6-10.

[705] *Theoph.* 363, 8; *Niceph.* 36, 27.

[706] *Theoph.* 363, 15; *Niceph.* 36, 28; *Mich. Syr.* XI, 15, 464.

побывал для этого в Армении. О том, где были поселены мардаиты, Феофан не упоминает. Но для IX и X веков имеются определенные сведения, что мардаиты составляли два военных корпуса, из которых один входил в состав морской фемы кивериотов и имел свой центр в приморском городе Атталии в провинции Памфилии, а другой — на западе империи: в Пелопоннесе, на острове Кефалонии и в Никополе, приморском городе провинции Эпира. Численность корпуса в Атталии была 5087 человек, а на западе — 4067. Первый корпус нес морскую службу на судах, которые назывались галерами, γαλαῖαι, и состоял под общим начальством командира, носившего имя ὁ κατεπάνω (капитан), которого назначал сам император. Офицерский корпус составляли 3 турмарха, 42 друнгария и 42 комита.[707]

Феофан сопровождает свое сообщение о переселении мардаитов в империю злостным осуждением Юстиниана за то, что он сам «разрушил медную стену», которая охраняла империю от арабских нашествий в малоазиатские области. По его словам, мардаиты своими набегами сделали необитаемыми города пограничной от империи полосы от города Мопсуестии в Киликии и до пределов Четвертой Армении, и лишь после их выселения в империю арабы могли утвердиться в этих городах, и «Романия» (т. е. Малая Азия) стала терпеть «неисчислимые бедствия, которые длятся и доселе». Но так как мардаиты сидели в горных ущельях Ливана, а арабы давно держали под своей властью северную Сирию, отвоевав ее у Ираклия, то утверждение Феофана является весьма сомнительным. Мардаиты тревожили своими набегами Палестину, а не далекие от их местожительства северные области, и в словах Феофана слышится лишь отзвук тех осуждений Юстиниана, которые могли возникнуть позднее, когда возобновились нашествия арабов и Абд-аль-Малик превратил в сильную крепость старый город Мопсуестию, что случилось, по всему вероятию, в 704 году. Исполнителем этого дела был Абдалла, сын Абд-аль-Малика.[708]

Переселению мардаитов в империю предшествовал поход имперских войск в Армению под начальством стратига анатоликов Леонтия, исавра по национальности, занимавшего, по-видимому, этот пост еще при имп. Константине. Феофан помещает этот поход в первый год правления Юстиниана; но так как его правление началось осенью, то, очевидно, следует иметь в виду весну и лето 686 года, как время военных действий в пределах Армении. По сообщению Феофана, Леонтий покорил целый ряд областей: Армению, Албанию, Буканию (?) и Мидию, причем истреблял повсюду арабские гарнизоны и обложил все эти земли податями в доход казны и препроводил императору большую сумму денег.[709] В этом предприятии Феофан видит проявление самовластия юного императора (ἀβούλως τα κατ᾽ αὐτόν διοικῶν) и прибавляет, будто Абд-аль-Малик, узнав об этом, завладел Киркезием и подчинил себе Феополь.[710]

В сообщении Феофана является вполне невероятным распространение военных действий Леонтия на Албанию и Мидию, тем более, что в Албании уже с давних пор хозяйничали хазары. Что же касается Киркезия и Феополя (т. е. Антиохии), то оба эти города давно находились под властью арабов. По свидетельству, сохраненному Михаилом Сирийцем, Абд-аль-Малик отступился от Армении в пользу императора, а тем самым и от Иверии. Таким образом, поход в Армению Леонтия мог иметь целью восстановление власти императора в восточных ее областях и не мог превратиться в войну с арабами, как это выходит в зложелательном к Юстиниану изложении Феофана. Насколько успешны были действия Леонтия и насколько прочны результаты его похода, судить об этом является весьма затруднительным ввиду скудости византийского предания и большой неясности и противоречий в свидетельствах армянских историков.[711] Гевонд в своей «Истории халифов» упоминает об этом походе, как о разбойническом набеге, сопровождавшемся грабежом, опустошением и пожарами.[712]

Мир с арабами обеспечивал спокойствие на восточной границе, а те тяжкие междоусобия, которые продолжались в халифате, давали надежду на его прочность в течение выговоренного десятилетнего срока. Эти благоприятные условия Юстиниан задумал использовать для военных предприятий против славян, заселивших области, ближайшие к столице с запада. Покорение некоторых славянских племен Константом в его походе 658 года имело характер эпизода, а в правление Константина не было, по-видимому, предпринято ничего с целью упрочить достигнутые тогда результаты. Водворение болгар на севере от Балканских гор и покорение ими славянских племен создавало новую опасность для империи. В третий год своего правления Юстиниан организовал большой поход на славян по следам деда в направлении города Фессалоники. Переправив из Малой Азии кавалерийские полки, он покорил войной много славянских племен, а некоторые из них подчинились ему добровольно. Повторяя попытку своего деда усилить армию организацией из славян новых военных частей, Юстиниан задумал переселить покоренных и подчинившихся ему славян на территорию Малой Азии и избрал для этой цели ближайшую к столице с востока область, провинцию Вифинию.

---

[707] *Constant. Porphyrog.* De cerim. II, c. 44, p. 654, 656, 660, 666, 668.

[708] *Scr. Syri.* IV, 176, 14-16; VII, 25, 12-13; *Mich. Syr.* XI, 17, 478. — *Феофан* — 372, 4 — относит это событие к 701 году.

[709] *Theoph.* 363, 27-31.

[710] Странное сведение *Феофана о* захвате Киркезия Абд-аль-Маликом в отместку за поход Леонтия в Армению является искажением какого-то другого свидетельства, не имевшего отношения к империи. *Михаил Сириец*, XI, 15, 469, в перечислении претендентов на халифат, оспаривавших права Абд-аль-Малика, называет Зофара, который занял Киркезий и там поднял бунт против Абд-аль-Малика. Что же до взятия халифом Феополя, т. е. Антиохии, то тут нет разгадки.

[711] Некоторый свет о судьбе Армении в VII, VIII и IX веках пытался пролить *Marquart*, ук. соч. 438-465, причем исправлял многие погрешности *Сен-Мартена*.

[712] История халифов *Вардапета Гевонда.* Перевод *Патканова.* СПб, 1862, стр. 10.

В это время эта страна составляла часть фемы, носившей старое имя Опсикия, от латинского слова obsequium, свита. При имп. Константине Опсикий составлял часть военного управления войск Фракии,[713] а при Юстиниане являлся особой самостоятельной фемой, во главе которой стоял командир, носивший старый титул комита.[714] Набеги арабов в первые годы правления Константина, доходившие до самого Халкидона и сопровождавшиеся зимовками арабов в Эксаполе, должны были иметь своим последствием значительное ослабление в количестве населения этих областей и, по всей вероятности, запустение тех местностей, откуда арабы выводили людей, как военную добычу. Переселение земледельческого народа в эту область может рассматриваться как разумная забота правителя, и такое дело не являлось новаторством со стороны Юстиниана. Феодосий Великий селил во Фригии пленных остготов, а в регентство Анфимия в Вифинии вблизи горы Олимпа поселены были скиры, принявшие участие в неудачном вторжении гуннского хана Ульдиса в придунайские страны.[715] Аналогичные меры принимались и при Юстиниане Великом. Но его соименник имел, по-видимому, при этом в виду не столько интересы земледельческой культуры, сколько надежду усилить при помощи новых варваров армию на Востоке, где предстояла великая борьба с арабами. Переправа на азиатский материк была организована в Абидосе.

Как были обустроены славяне на новых местах расселения, об этом нет сведений в нашем скудном предании; но можно предполагать, что переселение совершалось в составе целых племен с их князьями. Переселение славян, водворение их на новых местах жительства и устройство их быта и отношений в новых для них условиях являлось делом весьма сложным и потребовало немало времени, административных забот правительства, а также и расходов из государственных средств. Когда славяне были устроены на новых местах жительства, Юстиниан организовал из них новое войско, численность которого наши источники определяют в 30 тысяч человек. Оно имело характер национального ополчения, во главе которого стоял князь, — какой титул он носил, нам неизвестно, по имени небул — (Νεβοῦλος). Новое войско получило от Юстиниана название «сверх-комплектного», λαός περιούσιος.[716]

С тех пор славяне в Вифинии, или в феме Опсикии, составляли заметную часть туземного населения, которая жила на военном положении и считалась особой воинской частью имперской армии. Свидетельства Константина Багрянородного от X века позволяют утверждать, что ополчение славян состояло под начальством командиров, которые назывались «головами», κεφαλαί, их было три. Войско было конное.[717] Таким образом, и это начинание Юстиниана оказалось жизнеспособным и имело свою историю в судьбах имперской армии.

Феофан в своем кратком сообщении об этом предприятии Юстиниана сводит в один год как поход его в Македонию, так и переселение славян в Вифинию и осложняет эти события войной с болгарами. По его словам, Юстиниан выступил в поход «против Склавинии и Болгарии». О нарушении мира с болгарами говорит также и Никифор. Феофан знает о двух битвах Юстиниана с болгарами. Первая была в начале похода, когда императору удалось их отразить, а вторая по окончании покорения славян, когда Юстиниан был на обратном пути в столицу. Болгары заняли горное ущелье, нанесли тяжкое поражение имперским войскам, и сам Юстиниан едва спасся. Никифор не упоминает об этих битвах. Так как поход Юстиниана был направлен в Фессалонику, то его путь лежал далеко от той территории, которая была предоставлена болгарам по договору с имп. Константином. Если же Юстиниан встретил их на своем пути и отразил, то, значит, болгары делали грабительские походы в занятые славянами земли на юг от Балканских гор и сами не держали мира. А если бы армия Юстиниана потерпела тяжкий разгром от болгар при своем возвращении из Македонии, и само выступление болгар являлось бы следствием того, что Юстиниан нарушил заключенный с ними его отцом мир; то естественно было бы думать, что дело не могло ограничиться этими столкновениями и война должна была продолжаться.[718] Но в наших источниках нет никаких сведений о дальнейших враждебных отношениях между империей и болгарами, и те же болгары дружественно приняли Юстиниана, когда он в 705 году явился к ним, и помогли ему восстановить свои права на трон. Быть может, поражение Юстиниана болгарами на его обратном пути из «Склавинии» есть лишь зложелательное искажение какого-нибудь эпизода войны со славянами. Если бы болгары могли проложить пути имперской армии в южных областях Фракии, то и само передвижение большой массы славян из Македонии к Абидосу было бы вряд ли возможно. Как бы не обстояло дело относительно болгар, смелая политика Юстиниана в отношении славян увенчалась полным успехом и дала ему возможность не только заселить опустевшие местности в Вифинии, но и увеличить армию на 30 тысяч человек, что, по тогдашним условиям, представляло весьма большую силу.

От тех же причин, от которых пострадала Вифиния, пришел в запустение полуостров Кизик, который в течение нескольких лет находился во власти арабов в тяжкое время осады Константинополя с моря. Удача с переселением славян послужила, быть может, поводом применить аналогичную меру и к этой территории. Для

---

[713] *Mansi.* X, 317. — Комит Опсикия был в тоже время ипостратигом Фракии.

[714] См. мою статью: «К вопросу об имени и истории фемы Опсикий». *Виз. Врем.* XI (1904), 47-62.

[715] См. т. 1.

[716] *Theoph.* 364, 11-18; *Niceph.* 36, 16-25.

[717] *Constant. Porphyr.* De cerim. II, c. 44, p. 662, 22-663, 1; 666, 15-16; 669, IOI 2. Имя славян *Константин* передает в форме Σθλαβησιάνοι.

[718] Очевидно, *Феофан* перенес на болгар конца VII века те представления о них, как о соседнем царстве, то враждебном, то состоящем в мире, какие сложились и действовали в его время (IX-й век). Но болгары конца VII века были еще только дикой ордой, слагавшейся в государство.

этой местности славяне не годились. Кизик был городом старой культуры с мореходным населением. Юстиниан обратил свои взоры на остров Кипр, считавшийся по договору с халифом общим владением обеих держав, и решил переселить киприотов на полуостров Кизик.[719] Феофан считает эту затею бессмысленной (᾽ αλόγως) и выставляет дело так, что переселение не удалось. Флот, который перевозил переселенцев, потерпел крушение, множество народа потонуло, а уцелевшие от бури вернулись назад.[720] Само событие Феофан относит к шестому году правления Юстиниана, т. е. 690-691 гг. Но мы имеем современное свидетельство, а именно 39-й канон пято-шестого собора 692 г., на основании которого можно утверждать, что киприоты были переселены на полуостров Кизик вместе со своим епископом, резиденцией которого стал новый город Юстинианополь. Так как епископ Кипра был издавна автокефальным и не подчинен антиохийскому патриарху, то и после своего переселения он сохранил свою автокефальность и не был подчинен константинопольскому патриарху. Его права автокефального архиепископа были распространены на все пространство старой провинции Геллеспонта, и ему был подчинен епископ Кизика.[721] Таким образом, вопреки показанию Феофана, переселение киприотов несомненно совершилось. Из сообщений Константина Багрянородного о том же событии приходится заключить, что киприоты были поселены не только на полуострове Кизик, но и во многих местностях южных областей Малой Азии.[722]

Так как Кипр был по договору в общем владении, то выселение киприотов задевало интересы халифа. Абд-аль-Малик заявил протест на действия императора и убеждал его не нарушать мира до оговоренного десятилетнего срока. Дело не дошло до немедленного разрыва, как приходится заключить из эпизода с колоннами для храма Каабы в Мекке. Эта главная святыня ислама жестоко пострадала от пожара во время междоусобной войны, и Абд-аль-Малик, справившись со своими противниками, приступил к отстройке храма. Для его украшения он задумал взять колонны из Гефсиманского храма в Иерусалиме. Этому воспротивились два видных представителя христианской общины Иерусалима, Сергий и Патрикий. Они ручались халифу, что император пришлет ему новые колонны для храма в Мекке. По их просьбе Юстиниан выслал колонны из имперских мраморных ломок, и Гефсиманский храм не был лишен своего старого великолепия.[723]

Выставляя замысел Юстиниана переселить киприотов, как искание предлога нарушить мир с арабами, Феофан рассказывает о другой обиде халифу, которая имела будто бы ту же самую цель. Хотя арабы давно водворили в Сирии свое господство, но монета, которая чеканилась в сирийских городах, сохраняла старый тип и сопровождалась изображением императора по старой традиции римской империи. Сохраняя старый размер и вес монеты, Абд-аль-Малик заменил изображение императора изречениями из Корана. Обязательный платеж императору он сделал в новой монете. Но Юстиниан отказался принять деньги, несмотря на все уверения халифа о ее равноценности с прежней, что и привело в конце концов к расторжению мирного договора.

Таково повествование Феофана.[724] Но сирийские летописцы относят чекан новой монеты с изречениями из Корана к 695 или к 697 году, а не к 690-691, как выходит по Феофану, который помещает спор о монете в шестой год правления Юстиниана.[725] Таким образом, и в этом свидетельстве следует признать тенденциозную выдумку злоумышленников Юстиниана, а не подлинное историческое свидетельство, как принимали его все повествователи судеб Византии до последнего времени.

Если о монете не могло быть спора между Юстинианом и Абд-аль-Маликом, так как новый чекан возник через несколько лет после расторжения мира, то все-таки Феофан прав в своем утверждении, что вина возобновления войны лежит на Юстиниане. Мечтая о победных лаврах, Юстиниан готовился к войне и возлагал особые надежды на новое славянское воинство. В Дамаске знали о его приготовлениях к войне, и когда он на седьмой год правления стал во главе своей армии, чтобы начать поход в Сирию, арабы предупредили его. Во главе арабской армии стал брат халифа Мухаммад, состоявший правителем Месопотамии. Встреча произошла в пределах империи, на территории провинции Вторая Армения, близ города Севастополя. Феофан сообщает, будто Юстиниан, собравшись в поход, сам письменно известил арабов, что он отказывается от заключенного договора. Арабы протестовали и просили Юстиниана не нарушать мира до условленного срока, но он не внял их внушениям. Тогда арабы снарядили армию и дошли до Севастополя. Здесь они сделали еще раз попытку образумить Юстиниана, призывая Бога в свидетели. Но Юстиниан оставался глух к голосу благоразумия и спешил начать битву. Тогда арабы воткнули договорную хартию на пику и с этим знаменем выступили против императорских войск. Битва окончилась победой Юстиниана, но Мухаммад поправил дело и превратил свою

---

[719] Так как на острове Кипре была со времени правления Тиверия колония армян, выселенных из Арзанены, то возможно предположить, что Юстиниан имел в виду прежде всего эту часть населения.

[720] *Theoph.* 365, 9-12.

[721] *Mansi.* XI, 962. — Cum frater noster Johannes insulae Cypri praesul, una cum suo populo in Hellesponticam provinciam et propter barbaricas incursiones, et ut a Gentilium servitute liberaretur, a praeidieta insula emigraverit, dementis Dei providentia et pii Deique amantis imperatoris nostri labore...

[722] *Constant. Porphyrog.* De adm. imp. II, c. 47.

[723] *Theoph.* 365, 21-28.

[724] *Theoph.* 365, 13-20.

[725] *Scr. Syri.* VII, 73, 29-30. — Eo anno (1006) al Malik drachmas ac denarios cum moneta arabica cudi iussit. *Chr. min.* 176, 9-10. — Et anno 1008 (697) cuderunt Arabes zuze et denarios, quibus non cruces, sed scripturae impressae erant. *Mich. Syr.* XI, 16, 473 — та же дата «des dinars des zuze et des oboles». *Табари* относит это событие к 75 году геджры: с 21 апреля 695 по 8 апреля 696 г. Ср. *Marquart.* Ук. соч. 443.

неудачу в блестящую победу. Он послал вождю славян Небулу колчан, наполненный золотом, и щедрыми обещаниями склонил его к измене с 20 тысячами его войска. Когда измена славян, составлявших, по-видимому, главную силу армии, огласилась, остальное войско бежало. Юстиниан отомстил изменникам, перебив их семейства. Эти казни совершались в местности Левкакта (т. е. Белая скала) на берегу Никомидийского залива.[726]

Так как еще с 665 года близ Апамеи существовала большая колония славян, изменивших императору, то весьма вероятно, что сношения с Небулом велись при их посредстве. В сирийских источниках сохранено свидетельство, что число новых изменников было 7 тысяч человек, которые были поселены в области городов Антиохии и Кирра.[727] Перешедшие к арабам славяне сослужили им хорошую службу в последовавших затем набегах в малоазиатские области, являясь проводниками в передвижениях по знакомой им территории. Об этой помощи славян упоминается в записи о вторжении Мухаммада в 694 году.[728]

Жестокие казни, которым Юстиниан подверг семейства изменивших ему славян, нельзя понимать, как делали то многие повествователи судеб Византии, как истребление всех поселенных в Вифинии славян. Сопоставление общего числа «сверхкомплектного войска» участвовавших в походе славян и количества поселенных в Сирии приводит к выводу, что изменившие составляли около четвертой части славянского воинства. Весьма вероятно, что это событие повело за собой некоторые изменения в организации управления славянской колонией и самим ополчением. Во главе управления встал сановник высокого ранга. Заключение в этом смысле позволяет сделать один вещественный памятник, недавно вошедший в оборот науки, а именно: моливдовул одного «апоината», ведавшего славянским ополчением, дата которого, 8-й индикт, соответствует 694/05 или 709/10 годам.[729]

---

[726] *Theoph.* 366, 3-23. — *Илия Нисибинский* записал об этом успехе арабов так: Et eo (anno — 73 год геджры — с 23 мая 692 по 12 мая 693) Muhammad filius Marwan Sebastiam urbem Romanorum intravit et victor fuit et cum gaudio exiit. — О месте битвы, которую раньше помещали в Киликию, см. *Brooks.* The locality of battle of Sebastopolis. *Byz. Zeitsch.* XVIII (1909), 154-156.

[727] *Mich. Syr.* XI, 15, 470.

[728] *Theoph.* 367, 9-12. — *Феофан* помещает этот набег в девятый год правления Юстиниана. Так как рассказ о событиях этого года начинается с упоминания о затмении 5 ноября, а это затмение было в 693 году (*Oppolzer*), то, по всей вероятности, вторжение относится к весне 694 года.

[729] О существовании славянской колонии в Опсикии после казней, которые произвел Юстиниан в Левкакте, дает непреложное свидетельство один вещественный памятник, а именно: моливдовул, принадлежащий Русскому Археологическому институту в Константинополе, изданный в сопровождении обширного исследования, принадлежащего г. *Панченко,* в VIII томе «Известий» (1903), 15-62. На лицевой стороне моливдовула хорошо и отчетливо сохранилось изображение императора во весь рост, со скипетром в правой руке, который увенчан крестом. От надписи по верхнему краю уцелел титул ἀπό ὑπατων. По обеим сторонам изображения императора проставлена дата: перечеркнутое I (сокращение слова индикт) и буква H, т. е. цифра 8. Надпись на оборотной стороне г. *Панченко* прочел так: + τῶν ἀνδρας δόντων Σκλαβόων της Βιθύνῶν ἐπαρχίας+. Но *Шлюмберже,* перевидавший множество подобных памятников для своего издания *Sigillographie de l'Empire Byzantin* (Paris, 1884), прочел по снимку, приложенному к исследованию г. *Панченко,* надпись так: τῶν ἀνδραποδον τῶν Σκλαβόων τῆς Βιθυνῶν ἐπαρχίας (*Byz. Zeitsch.* XII, 1903, 277). Вглядываясь в буквы надписи по тому же снимку, я также не могу согласиться с чтением г. *Панченко.* вместо принятой им сигмы совершенно ясно видны буквы πο. Слово ἀνδραποδον — раб — *Шлюмберже* объясняет вряд ли правильно в смысле mercenaire, т. е. наемник. В слове ἀνδραποδον последний слог написан с ошибкой: о стоит вместо ω. Смысл будет такой: «рабов из славян Вифинской провинции». В тексте нет слова, от которого зависит родительный падеж τῶν ανδραπόδων. Восьмой индикт в правление Юстиниана приходился дважды: в 694/05 и 710/11 годах. О пребывании Юстиниана в 711 году в Никомидии, главном городе фемы Опсикия, в пределах которой жили славяне, дает нам сведение *Liber Pontificalis* в описании приезда папы Константина в Константинополь и свидания его с императором в Никее. Юстиниан был занят в это время снаряжением экспедиции в Херсон. Весьма возможно, что в нашем моливдовуле, принадлежавшем сановнику, заведовавшему славянами, изображением на нем императора и отмечено его пребывание в пределах фемы.

Для отождествления изображенного на моливдовуле императора ни с кем другим, как именно с Юстинианом, достаточно сличить его с изображением на следующих монетах: *Sauley.* Essai de classification des suites monaitéres Byzantines, Pl. III, n. 3; *Sabatier.* Description générale etc Pl. 38, nn. 5, 6 (p. 31); *Wroth.* Catalogue of the lmp. Byz. Coins, II, Pl. XXXVIII, nn. 15, 16, 20, 24.

Вместо того, чтобы искать на монетах сходное изображение, г. *Панченко,* уверив себя, что Юстиниан истребил всех славян, с такими заботами поселенных и устроенных в Вифинии, обратился к поискам 8 индикта и отнес этот памятник к 650 году, признав в этом изображении Константа, хотя множество монет этого императора не дает никакой черты сходства, и Констант в ту пору был занят совсем другими делами и никакого отношения к славянам не имел. Поход его в Фессалонику относится к 658, или, что вероятнее, к 659 году, и лишь после него он мог вербовать славян, которые, однако, оказались изменниками в 665 году.

Наименование славян, обитавших в Вифинии, рабами, ανδράποδα, может служить объяснением сообщений Константина Багрянородного о приниженном в его время положении фемы оптиматов. По его словам, эта фема «выделена на услужение» (εις γάρ δουλείαν μόνην προσείληπται). Офицеры и солдаты гвардейских полков брали оптиматов для личной службы на время похода. Когда царь выезжал в армию, оптиматы служили погонщиками в конном обозе и, кроме того, особая команда в 200 человек оптиматов распределялась пополам для услуг между

Ближайшим последствием неудачного исхода начатой Юстинианом войны с арабами было отпадение армян и добровольное подчинение верховной власти халифа. Измену совершил Сумбат Багратуни,[730] который незадолго до того получил от Юстиниана свой пост верховного начальника римской Армении. Эта измена не коснулась областей с армянским населением на верхнем течении Тигра, обозначавшихся термином Четвертая Армения, и победитель Юстиниана Мухаммад, брат Абд-аль-Малика, сделал вторжение в эту страну в 695 году и увел, по сообщению Феофана, огромное число пленных.[731]

После своей неудачи в войне с арабами Юстиниан отдался другим заботам. Таковы были церковные дела, о чем речь будет дальше, и строительство в столице, имевшее целью расширение и украшение дворца, который оставался в том виде и размерах, какие были даны ему при Юстине II. Быть может, к строительству побуждало Юстиниана имя великого строителя, которое он носил. Краткое сообщение Феофана существенно дополняется сообщениями, сохранившимися в «Обряд нике византийского двора» Константина Багрянородного. Юстиниан пристроил к дворцу огромный роскошный зал, носивший имя «Триклин». В длину он простирался от ипподрома и до Хрисотриклина, сооруженного Юстином. Вход в этот зал с западной стороны представлял роскошный вестибюль, называвшийся «Скиды», который получил значение второго парадного входа во дворец после Халки. Из Триклина был устроен особый ход на ипподром. К Триклину примыкала другая обширная пристройка: портик во всю длину Хрисотриклина с западной его стороны. Он получил название Лавзиака. Кроме этих огромных пристроек, Юстиниан возвел новую ограду вокруг дворца.[732] В завершение своих забот о великолепии дворца Юстиниан задумал соорудить фонтан на месте приема дима венетов, которые были, вероятно, его партией, как и его великого соименника, и помост (βάθρα), на котором располагались димоты во время приема и славословий императору. Но место, которое он считал подходящим для этого сооружения, было застроено: на нем стояла старая церковь во имя Богоматери, носившая название митрополичьей. Настойчивый в осуществлении своих замыслов Юстиниан решил сломать церковь и, чтобы смягчить впечатление, которое могло произвести разрушение храма на набожное настроение населения столицы, потребовал от патриарха, чтобы тот освятил это дело церковным служением. Патриарх — то был Каллиник, занявший кафедру осенью 694 г. — отказался, заявив, что в церковном обиходе имеется служба только на освящение храма, а не на его разрушение. Тем не менее император заставил патриарха исполнить его волю, и тот совершил моление, закончив его словами: «Слава тебе, Господи, терпящему вся, ныне и присно и во веки веков». Церковь была сломана и на ее месте сооружен фонтан для венетов. Вместо старой церкви была построена новая в квартале, носившем имя Петрин.[733]

Властный характер Юстиниана и тот дух инициативы, который он проявлял, вызывали, по-видимому, с самого начала его правления протест и раздражение в среде придворной знати. Юстиниан жестоко расправлялся с неугодными ему людьми, и тюрьма префекта города была наполнена узниками, из которых некоторые томились в ней по много лет. В их числе были люди военного звания, и видный полководец Леонтий, занимавший высокий пост уже при отце Юстиниана и обогативший казну своим походом в Армению, терпел заключение в течение трех лет. Самым влиятельным лицом при Юстиниане в последние годы его правления был придворный евнух, перс по происхождению, Стефан. Он занимал пост сакеллария, т. е. начальника императорской казны, который имел особое значение за время правления династии Ираклия. Грубый и жестокий по характеру, Стефан проявлял возмутительное самовластие в отношении людей высокого положения и однажды, в отсутствие Юстиниана, позволил себе подвергнуть телесному наказанию мать императора, Анастасию. Ближайшим помощником Стефана был Феодот, некогда монах, снявший с себя свои обеты. Он занимал пост главного начальника финансового управления, который носил в ту пору название генерального лагофета, γενικός λογοθέτης. Неумолимый в деле взыскания налогов, он применял конфискации и казни, вызывая к себе всеобщую ненависть. Постройками заведовал Стефан и дозволял себе всякие насилия и обиды в

начальником царской кухни и конюшим (De cerim. 476, 477, 478). Очевидно, эту службу несли в X веке славяне, потомки поселенных в Вифинии при Юстиниане Ринотмете, которые к тому времени, по всей вероятности, успели потерять свою национальность под воздействием соседей, как потеряли ее и готы. В приложенном ниже этюде об оптиматах выяснено, что царственный автор не прав в своем утверждении, будто служба оптиматов ограничивалась личным услужением императорской квартире и офицерам и солдатам гвардейских полков. Так как переселенные Юстинианом славяне жили в округе Никомидии, то, после выделения оптиматов из Опсикия, они оказались в пределах новой фемы оптиматов вместе с готогреками. Эти последние не были понижены в ранге и служили в качестве воинов, равно как и часть славян находилась в таком же положении, как известно о том из того же автора.

[730] Изменивший империи Сумбат Багратуни был прямым потомком одноименника-предка, верного слуги Хосрова, прозванного им Хосров-Шум. Его прадедом был Вараз-Тироц, бежавший к Ираклию, облагодетельствованный им и тем не менее принявший участие в заговоре 638 года. Дедом его был Сумбат, стратиг фракийских войск, убийца своего родича и тестя Мануила. Отец его носил имя Вараз-Тироц. Вину его убийства армянское предание возлагает на «греков». Ср. *Marquait.* Streifzüge, 443-450.

[731] *Theoph.* 368, 13-14.

[732] Ib. 367, 9-10. На основании данных *Константина Багрянородного* ясное представление о сооружениях Юстиниана представил *Ebersolt.* Le grand Palais de Constantinople (Paris, 1910). Ch. IX, p. 93-99.

[733] *Theoph.* 368, 1-11. — Имя Петрин носил склон пятого холма к Золотому Рогу. Оно живет и доселе в названии одних ворот: Петри-капусси.

отношении рабочих и мастеров.[734] Весьма возможно, что жестокости по взысканиям Феодота имели также связь с постройками, требовавшими больших расходов. Жестокость и самовластие Юстиниана, неудачи его личной политики, произвол его временщиков создавали благоприятную почву для мятежного брожения в столице. Число недовольных современным режимом нарастало, и наука астрологии и предсказаний, имевшая в те времена большое распространение, оказала со своей стороны поддержку глухому брожению, которое разразилось взрывом, положившим конец правлению Юстиниана. Но раньше, чем излагать об этом событии, необходимо обозреть сохранившиеся свидетельства о церковной политике Юстиниана и его отношениях к римскому престолу.

ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЛА. СНОШЕНИЯ С РИМОМ. ТРУЛЛЬСКИЙ СОБОР. РАЗДОР С ПАПОЙ. НИЗВЕРЖЕНИЕ ЮСТИНИАНА

Шестой Вселенский собор с его осуждением монофелитства и торжеством православия, как его отстаивал трон ап. Петра, не успокоил, по-видимому, на Востоке старых тревог. Такое заключение можно вывести из того, что Юстиниан счел своей обязанностью проверить и подтвердить соборные акты. Не ограничившись этим, он послал экземпляр актов, скрепленный своей подписью, папе в Рим, с препроводительным посланием от 17 февраля 687 года, которое проясняет нам внешнюю обстановку проверки актов, но не дает материала для выяснения самого повода этого события.[735] Быть может, дело это стояло в связи со сменой на патриаршем престоле. Георгий, при котором состоялся собор, скончался в начале 686 года, и его преемником стал его предшественник Феодор, который некогда склонялся к монофелитству и был устранен за год до открытия собора. Собрание, на котором происходила проверка соборных актов, имело характер всенародного представительства. Состав его перечислен в послании императора в таком виде: во-первых, патриархи и апокрисиарий папы; во-вторых, синклит, т. е. высшие чины двора и правительства; в-третьих, находившиеся в столице митрополиты и епископы, в-четвертых, военные чины, и притом в такой последовательности: схолы, т. е. дворцовая гвардия, димы — очевидно, как представители населения столицы, экскувиты и затем представители всех фем, составлявших в совокупности имперскую армию: «богохранимый императорский опсикий», анатолики, войско Фракии, арменияки, войско Италии, т. е. равеннского экзархата и Сицилии, карабисианы, т. е. имперский флот, и «сентенсианы», термин, который обнимал войска Африки и Сардинии, объединенных в одну административную единицу со времен владычества вандалов. Таким образом, император, признав нужным всенародно решить важное, касающееся всех его подданных, дело, собирает вокруг себя, помимо сановников духовных и светских, представительство от всех составных частей своей армии, как той силы, которая воплощала в себе идею государственного единства и при своем территориальном делении являлась как бы представительством всего населения империи. То был результат непрерывного военного времени, которое переживала империя, начиная со времен Ираклия и появления нового врага на востоке.

Соборные акты после их прочтения в собрании были скреплены подписями всех присутствовавших и самого императора. Для римского папы в его сознании главы вселенской церкви и хранителя истины церковного учения присылка экземпляра актов имела характер ручательства императора за правоверие всей империи. Быть может, в этом поступке Юстиниана была и другая сторона и действовал пример его великого соименника, который послал папе свое исповедание веры по вступлении на престол, и неукоснительно повторял это в отношении последующих заместителей трона ап. Петра. Поддерживая добрые отношения с папским престолом, которые закрепил его отец, Юстиниан, кроме препроводительного послания, направил к папе еще два других, которые заключали в себе льготы по обложению земельных имуществ, принадлежавших папскому престолу. В одном было облегчено податное бремя в пользу императорской казны с имуществ, расположенных в Лукании и Бруттии, в другом живой инвентарь папских имений освобождался от состояния в залоге у военных командиров экзархата. О получении этих документов в папской канцелярии сделана запись в Хронике пап.[736]

Престол св. Петра занимал в то время Конон, сын воина, родившийся и выросший в Сицилии, почтенный старец, на котором сошлись клир, народ и войско после больших смут из-за претендентства на престол двух более видных и честолюбивых кандидатов. 27 декабря 687 года скончался патриарх Феодор и его преемником оказался Павел, посвященный в епископы из мирян и занимавший раньше пост асикрита.[737] В его управление церковью добрые отношения Юстиниана с римским престолом были резко нарушены. Это случилось в непосредственной связи с собором в Константинополе, который состоялся, вероятно, в 692 году и заседал в том самом зале с куполом (Τροῦλλος), в котором происходил Шестой Вселенский собор.[738] От места заседаний он получил название Трулльского, но он имел и другое имя — «Пято-шестой». Это последнее наименование объясняется тем, что его участники и сам император, который был, по-видимому, его инициатором, быть может также в подражание своему соименнику, рассматривали его, как дополнение к двум предшествующим

---

[734] *Theoph.* 367, 15-29; *Niceph.* 37, 11-23.
[735] *Mansi.* XI, 737.
[736] *Lib Pontif.* 368, 7-369, 4.
[737] *Niceph.* Chr. synt. p. 119, 6. — Он помянут в протоколе 4 заседания Шестого Вселенского собора - ὁ μεγαλοπρεπέστατος ἀσεκρετις καί βασιλικός σεκρετάριος Παῦλος.
[738] Время собора определяется на основании того, что в 17 каноне 1 января 691 года отнесено к прошедшему 4-му индикту. *Mansi.* XI, 952. Таким образом, собор состоялся в течение 5 индикта, т. е. от 1 сентября 691 года до 31 августа 692.

Вселенским соборам, которые в своих определениях держались исключительно в пределах общих теоретических богословских вопросов, имели своей задачей установление и охрану истины христианского вероучения и вовсе не касались церковного строительства, обряда и быта. В этой последней сфере Юстиниан Великий законодательствовал от себя лично в виде приказов на имя патриарха, или административных распоряжений. Патриарх Иоанн Схоластик (555-567) свел церковное законодательство Юстиниана в особый сборник,[739] и дело на этом остановилось, если не считать нескольких указов Ираклия, имевших характер ограждения казны от излишних расходов. При всем своем властолюбии Юстиниан не пошел по следам своего великого соименника, но властно поддержал обнаружившееся в его время течение ревнителей чистоты христианских нравов. Предоставив собранию епископов уврачевать обнаружившиеся недочеты или оправдать вошедшие в жизнь и прочно укоренившиеся отступления от прежде действовавших узаконений, Юстиниан постарался придать этому собору характер вселенского.

Из 102 канонов собора только два первые имеют своим предметом веру. В них дано подтверждение символа веры, определений всех шести Вселенских соборов и признание канонического значения за так называемыми «апостольскими канонами» в полном их количестве 85. Все остальные постановления относятся к церковному строительству и заботе о чистоте христианских нравов. Отклонения от обязательного для христиан поведения ведут за собой или церковную кару, т. е. лишение сана для членов клира и отлучение для мирян, или же подлежат действию уголовного закона. В порядке последовательности остальных постановлений нет никакой системы и иной раз трудно уловить логическую связь.

Большинство канонов имеет своим содержанием запреты разного рода нестроений в жизни тогдашнего общества, которое, будучи издавна христианским, терпело в своей среде разные обычаи, державшиеся от давно искорененного в империи язычества. Таковы были празднества со старыми именами — календы, воты, брумалии и безымянный праздник 1 марта, знаменовавший, по-видимому, начало весны. На этих праздниках народ плясал на улицах и в плясках принимали участие как мужчины, так и женщины, были в ходу маски и ряженые (62). В полнолуние раскладывались костры на улицах перед домами и лавками, и люди прыгали через огонь (65). Сбор винограда являлся поводом для веселых песен в честь бога Диониса (62). Большое распространение имели гадания разного рода, предсказания, гороскопы и талисманы (61). Все эти остатки старины строго воспрещены на будущее время. Образ жизни представителей клира грешил нередко против высоких заветов христианской нравственности. Собор повторил старое запрещение Юстиниана Великого членам клира развлекаться конными ристаниями и театральными представлениями, причем наряду с клириками помянуты в числе виновных в этом грехе и монахи (24), а также — содержать заезжие дома и харчевни (9) и даже — торговать блудницами (86). В общественных банях мылись вместе женщины и мужчины, что позволяли себе и члены клира (77). Монахи в своих черных ризах и с длинными волосами скитались по городам и сквернили обеты своим зазорным поведением (42). Члены клира позволяли себе участие в азартных играх (50). Население проявляло пристрастие к разным увеселениям, азартным играм, звериным травлям. Широкое распространение имели картины грязного содержания (100). Церкви в некоторых местах не пользовались должным уважением (97), и в них загоняли на ночь скот (88).[740] Старый обычай, вечер любви (аган), выражался кое-где в безобразной форме обильных трапез в самих церквах (74). В некоторых местах молящиеся приносили виноград в церкви, и священники раздавали его вместе с причастием (28). Евхаристию давали умершим (83). За причащение св. Даров брали плату (23).

Воспрещая эти и подобные им дурные нравы и обычаи и грозя за них церковными карами, отцы собора отдавали дань своему времени, узаконивая исконную вражду христиан к иудеям. 11-й канон содержит запрещение не только есть опресноки, но также пользоваться услугами врача-иудея, мыться в бане вместе с иудеем и вступать с иудеями в какое бы то ни было общение.

Многие запрещения имеют характер полицейских распоряжений. Так, в портиках храмов воспрещается продавать съестные припасы и вообще заниматься торговлей (76). Женщинам запрещается разговаривать в церкви во время церковного служения (70). Пресвитерам, покинувшим свои церкви вследствие нашествия варваров, повелевается вернуться к месту служения (18). Изучающим право молодым людям в константинопольском университете запрещается устраивать театральные представления, надевать особую одежду и соблюдать любые языческие обычаи, утвердившиеся в школьном быту от старых времен (71). Подвергнуты запрету и ученые медведи, забавлявшие народ и в те времена (62). Наряду с вопросами добрых нравов и благочиния уделено было особое внимание дисциплине клира. Так, установлены были предельные наименьшие сроки для посвящения: для иподиакона — 20 лет (15), для пресвитера — 30 (4), для поступления в монахи — 10 (40). Вопреки старым узаконениям Юстиниана Великого о запрещении брачного сожительства для членов клира, отцы Пято-шестого собора не только не воспрещали его для пресвитеров и диаконов, но, напротив, строго запретили посвящаемым в духовный сан отпускать свою жену и расторгать брак под предлогом принятия сана. Воспрещение брачного сожительства было удержано лишь для епископов (13), причем жены посвящаемых обязаны были поступать в монастырь (68). Вступление во второй брак воспрещено было для всех членов клира (6).

Некоторые запреты имели местный характер. Так, в Армении по субботам и воскресеньям в течение Великого Поста ели яйца и сыр (56), Евхаристию приготовляли на чистом вине, не разбавляя его водой (32), посвящали в

---

[739] См. т. II.

[740] Отцы собора разрешают, однако, в пустынных местах вводить на ночлег лошадь в церковь, если нет другого убежища.

клир только детей клириков, устраняя других лиц (33). Все эти местные обычаи были на будущее время подвергнуты строгому запрету. С таким же неодобрением отнеслись отцы собора к обычаю римской церкви держать пост в субботу, осудили его и привели мотивы (55). Запрету подвергся также старый обычай изображать Иисуса Христа в виде агнца, зародившийся еще в катакомбах и перешедший в храмы, когда стали украшать их стены живописью и мозаиками (82).

Принятые на соборе определения (каноны) были поднесены императору с выраженной от имени собора просьбой, чтобы он утвердил их своей подписью. Юстиниан исполнил желание собора, и с целью придать ему вселенский характер, направил полный текст канонов, с предисловием в виде обращения к нему, к папе, оставив место для его подписи вслед за своей. Папский престол занимал тогда Сергий, антиохиец по происхождению, но родившийся уже в Панорме (Палермо) в Сицилии. Хотя папские апокрисиарии участвовали в соборе и приняли его постановления, но папа взглянул на дело иначе: отказался дать свою подпись и даже не допустил их к публичному чтению. Поводом к протесту послужило прежде всего то, что римская церковь признавала только первые 50 из числа «апостольских канонов», а на все 85. Помимо этого разногласия римская церковь держалась утвержденного в законодательстве Юстиниана Великого положения об обязательном расторжении брака при посвящении в клир, тогда как собор анафематствовал такое расторжение и признавал брачное состояние членов клира нормальным явлением. Наконец, прямым оскорблением папы являлось положение собора о запрещении поста в субботу.

Когда в Константинополе стало известно об отказе папы утвердить постановления собора, Юстиниан отправил в Рим магистриана Сергия с поручением арестовать и доставить в столицу епископа Порта Иоанна, участника Шестого собора, и консилиария папской курии Бонифация. Сергий исполнил поручение, и оба эти лица были отправлены в Константинополь. Вслед за тем Юстиниан потребовал приезда папы в Константинополь и отправил в Рим своего протоспафария Захарию. Путь его лежал через Равенну, и возложенное на него поручение не было тайной. Когда Захария прибыл в Рим и передал папе требование императора, то его положение оказалось весьма трудным. Равеннское войско решило не выдавать папу и двинулось на Рим. Захария распорядился закрыть все ворота, но, не имея опоры в римском войске, должен был искать защиты у папы. Равеннское войско вошло в город и, подступив к Латеранскому дворцу, заявляло громкими криками свое желание видеть папу. Захарию, который боялся за свою жизнь, папа спрятал в своей спальне, вышел сам к войску и успокоил его опасения. Войско и народ охраняли дворец, пока Захария не выехал из Рима под градом оскорблений.[741] Так завершилось торжество папы над императором. Дело не имело продолжения, так как около этого времени разыгрался бунт в Константинополе, положивший конец правлению Юстиниана. Наш единственный источник об этих событиях, Хроника пап, излагает только внешнюю сторону событий и причины столь решительного выступления равеннского войска против распоряжений императора остаются не вполне ясными.

Бунт против Юстиниана в Константинополе разыгрался очень быстро, и Феофан, изложивший его с живыми подробностями, выставляет его как бы случайным и совершенно неожиданным.[742] — В числе множества содержавшихся в заточении жертв жестокости императора находился в течение трех лет заслуженный полководец Леонтий. Неожиданно для себя он был освобожден и назначен командиром военных сил в Элладе. В его распоряжение были предоставлены три корабля, с которыми он должен был немедленно покинуть столицу. Корабли стояли в гавани Софиан. Мысль о низвержении Юстиниана назревала у Леонтия, когда он находился в заточении. В числе лиц, побуждавших его совершить переворот, были два монаха: один из монастыря Каллистрата, по имени Павел, обладавший познаниями по астрономии, которая в ту пору была нерасторжимо связана с астрологией и наукой предсказания будущего; другой — каппадокиец по происхождению, бывший клейсурарх, а в то время архимандрит монастыря Флора. Оба они утвердились в мысли, что Леонтию суждено занять императорский престол, о чем они и вели с ним речи во время его заточения. В ночь, когда ему предстояло уехать в Элладу, они явились к нему с другими заговорщиками и постарались убедить его отложить свои сомнения. Леонтий, решившись испытать свое счастье, направился в ночной тишине со своими единомышленниками и свитой к преторию и проник туда под предлогом, что его послал император, который немедленно сам прибудет, чтобы самолично произвести допрос некоторым узникам. Когда явился заведовавший тюрьмой и открыл ее двери, заговорщики схватили его и связали по рукам и ногам. Леонтий, войдя в тюрьму, освободил узников, в числе которых было много военных людей. Снабдив их оружием, Леонтий вышел на Форум Константина с громким кликом: «Все христиане — в святую Софию!» По всем регионам города прошли его посланцы с этим возгласом. В городе началось движение, и огромная толпа собралась в крещальню храма св. Софии. Леонтий с двумя монахами и более видными людьми из числа освобожденных им из заточения, явился к патриарху Каллинику и убедил его выйти к народу в крещальню и произнести слова псалма «Сей день, его же сотвори Господь» (возрадуемся и возвеселимся в оне). Патриарх подчинился обстоятельствам, и в ответ на эти слова из толпы раздались крики: «Да извергнуты будут кости Юстиниана». После этого народ направился на ипподром. На рассвете туда привели Юстиниана. Леонтий, из уважения к императору Константину, пощадил его жизнь и ограничился тем, что приказал отрезать нос низложенному императору и приговорил его к ссылке. Леонтий был провозглашен императором, и народ расправился с ненавистными слугами Юстиниана, Стефаном и Феодотом. Толпа волочила их по главной улице города до площади Тавра, где их растерзанные тела были

---

[741] *Lib. Pontif.* 372, 19-374, 9.

[742] *Theoph.* 348, 15-349, 30; *Niceph.* 37, 24-39, 11.

сожжены на костре. Так был низвержен Юстиниан на десятом году своего правления взбунтовавшимся против него населением столицы.

ЛЕОНТИЙ. АПСИМАР-ТИВЕРИЙ

УТРАТА АФРИКИ. ДЕЛА С АРАБАМИ. СУДЬБА АРМЕНИИ

Низвержение Юстиниана и воцарение Леонтия[743] было началом целого ряда революционных переворотов, которые следовали один за другим в течение более 20 лет и закончились воцарением Льва Исавра, основателя новой династии. Византийское летописное предание, скудное вообще для времен правления династии Ираклия, становится еще более скудным для этой тяжкой эпохи непрерывных бедствий империи, после которой она оказалась еще более умаленной в своих границах, оскудевшей в своих силах, едва отстаивавшей свое существование от напора врага с востока. Наиболее тяжкие утраты приходятся на краткое царствование Леонтия. Под вторым годом его правления Феофан поместил заметку об отпадении от империи Лазики и добровольном подчинении ее арабам вследствие измены патриция Сергия, сына Варпукия.[744] Кто был этот Сергий, местный ли князь, получивший сан патриция, или византийский сановник, назначенный императором представлять его особу в далекой стране, на это нет никаких указаний в нашем предании, как и вообще нет сведений об отношении Лазики к центральному правительству. Подновленная Ираклием связь Лазики с империей держалась при Константе, как видно из того, что Максим и его ученики были сосланы в Лазику, а также и при Юстиниане, как можно заключить из того, что на соборе 692 года присутствовали и оставили свои подписи два епископа: один из города Фазиды, другой — из крепости Петры.[745] По-видимому, измена Сергия не вызвала никаких мероприятий из центра империи с целью восстановить старые отношения, и Лазика надолго вышла из кругозора имперской политики.

Под тем же годом Феофан записал о вторжении арабов в Малую Азию и уводе в плен множества людей.[746] Со времени расторжения мира с арабами Юстинианом набеги в Малую Азию были бедствием, повторявшимся из года в год. Но Абд-аль-Малик подготавливал в это время новый, более тяжкий удар империи, нежели постоянная пограничная война. Его вождь Хасан, сын Нумана, Гассанид, предпринял во главе значительных сил вторжение в латинскую Африку, которая после гибели Укбы в 683 году не подвергалась набегам арабов и, по-видимому, наслаждалась миром под скипетром императора.[747] Правительство не воспользовалось этим спокойным временем для усиления охраны страны, и поход Хасана превратился в победное шествие, в завершение которого он взял Карфаген и поставил в нем гарнизон (697). Весть об этой тяжкой утрате побудила Леонтия немедленно снарядить большой флот на выручку Африки. Главное командование в этой экспедиции было предоставлено патрицию Иоанну. Когда флот подходил к Карфагену, гавань, по тогдашнему обычаю, была затянута цепью. Преграда была сокрушена, корабли вошли в порт, и войска Иоанна овладели городом. В короткое время Иоанну удалось очистить укрепленные города от арабских гарнизонов, и, восстановив власть императора во всей стране, он вернулся на зиму в Карфаген.[748] Быстрота и легкость отвоевания страны от арабов объясняется, по-видимому, тем, что Хасан вскоре после завоевания Карфагена потерпел сокрушительное поражение в Нумидии, где собрались для отпора ему маврские племена под начальством царицы, которую арабские источники называют «аль-Кахина», т. е. пророчица, вещунья. Илия Нисибинский в своей сводной летописи, вовсе не упоминая об отвоевании Карфагена византийцами, сохранил известие о полном истреблении войска Хасана маврами под начальством царицы, имени которой он не называет.[749]

Успех, достигнутый Иоанном, был, однако, непрочен. Весной 698 года Абд-аль-Малик направил в Карфагену огромный флот и одновременно с тем двинуты были по сухопутью большие силы арабов под начальством того же Хасана. Превосходство сил противника побудило Иоанна отступить, чтобы дождаться подкреплений. Покинув Карфаген, он избрал местом стоянки своего флота остров Крит. Высшие офицеры его воинства, имевшие какие-то свои основания бояться гнева императора, составили заговор и решили низложить его. Верховную власть они предложили друнгарию фемы кивиротов Апсимару, дав ему императорское имя Тиверия.[750]

---

[743] От правления Леонтия, хотя оно продолжалось около трех лет, до сих пор не найдено никаких монет. Тем больший интерес имеет недавно приобретенная *Мордтманом* печать с именем этого императора, которая была опубликована в *Byz. Zeitsch.* XV (1909), 614. Надпись на ней латинская. На реверсе значится: Deus aiuta Leontii и на аверсе продолжение: Aug(usti) Romion. Написание Romion представляет вульгаризм: ' Ρωμιοί вместо'Ρωμαῖοι, державшегося в литературном языке в то время, как и позднее.

[744] *Theoph.* 370, 2-3.

[745] *Mansi.* XI, 992 — Феодор, Φασιτοῦ τῶν Λαζῶν, 993 — Иоанн, Πετρῶν τῶν Λαζῶν.

[746] *Theoph.* 370, 1-2.

[747] В *Хронике пап* после упоминания о заключении Юстинианом мира с арабами есть такая заметка: Sed et provincia Africa subiugata est Romano imperio atque restaurata. — *Lib. Pontif.* 366.

[748] *Theoph.* 370, 6-14; *Niceph.* 39, 12-22.

[749] *Scr. Syri.* VII, 74, 9-11. — Eo (anno) Hassan filius Nu'manis Ghasanita mandato Abd al Malik filii Merwan dicionem Romanorum invasit, et cum victoria exiit. Et regina barbarorum ei obviam venit eumque superávit et omnes qui cum eo erant; et fugit Hassan ab ea et omnes qui cum eo errant perierunt et occisi sunt.

[750] *Theoph.* 370, 14-25; *Niceph.* 39, 22-40, 4. — *Михаил Сириец.* XI, 16, 473, ведет Апсимара из Киликии и восстание его против Леонтия, которое относит к 709 (1010) году, объясняет раздражением против него за непринятие мер против восставших славян, которые безнаказанно грабили римские области. Апсимар смирил славян, «стал могуществен», возмутился против Леонтия и низложил его. — *Bury.* H. E. R. E. II, 354, п. 1 — высказал предположение, что Апсимар был по происхождению гот, основываясь на том, что многие германские имена

Столицу империи в тот год посетила чума, свирепствовавшая четыре месяца и унесшая много жертв. Причиной этого несчастья считали очистительные работы, которые были предприняты в тот год в одной из гаваней столицы (Νεωρήσιος Λιμήν). Но так как сирийские летописцы сохранили под тем же годом свидетельство о том, что чума свирепствовала по всей Сирии, то вероятнее, что бедствие имело стихийный, а не местный характер. Едва город оправился от чумы, как его постигло новое бедствие. Мятежный флот подступил к столице, пристал в Сиках, и войска, признавшие своим царем Апсимара, осадили столицу с сухопутья. Население стояло за своего избранника, но среди войск, охранявших столицу, нашлись предатели. Офицеры, которым были под клятвой вручены ключи от ворот стены, окружавшей Влахерны, вступили в сношения с мятежниками и впустили их в город. Флотские солдаты вели себя в столице, как в завоеванном городе, и грабили дома богатых граждан. Леонтий был низложен, и его соперник подверг его такому же наказанию, какому он сам подверг три года назад Юстиниана, и заточил его в монастырь Далматия. Ближайшие к нему сановники были подвержены бичеванию и сосланы. Так началось новое царствование второго Тиверия.[751]

Утрата Карфагена и Африки не тревожила новое правительство, и Тиверий не делал попыток отвоевать его от арабов. Хасан беспрепятственно распространял и утверждал арабское господство в столь легко доставшемся богатом и культурном крае. Население во множестве бежало на острова, в Италию и Галлию. В 703 году Хасану удалось покончить с сопротивлением маврских племен в Нумидии. В большой битве, в которой, как и раньше, вождем мавров была та же Аль-Кахина, победа оказалась на стороне арабов, и в числе павших в битве была сама пророчица.[752] То был последний успех Хасана. В 704 г. его сменил Муса, который подчинил всю Мавританию и дошел до океана.[753] На материке уцелела лишь одна крепость на проливе, отделяющем африканский материк от Испании, носившая имя Septem, которое и ныне живет в форме Цеута. От африканского экзархата под властью империи остались острова: Сардиния и близ испанского берега — Майорка и Минорка. Прежняя терпимость к христианству, которую обнаруживали первые халифы, уступила место духу нетерпимости, а вскоре христианам было предложено принимать ислам или выселяться.

К первому году правления Апсимара приходится приурочить событие, свидетельство о котором сохранил Константин Багрянородный, а именно: возвращение на родину выселенных Юстинианом киприотов. Царственный автор представляет дело так, что остров Кипр оставался в течение семи лет под властью арабов и за это время совершенно запустел, так как арабы также вывозили жителей на материк и расселяли их в разных городах Сирии. Среди киприотов, живших в империи, возникла мысль об обратном переселении на родной остров, которая встретила сочувствие императора. В Дамаск было отправлено посольство, состоявшее из трех знатных киприотов, носивших фамилию Фангумов, и одного сановника византийского двора. Халиф отнесся сочувственно к предложению императора. Из всех городов расселения киприотов в Сирии, они были собраны и водворены на старой родине. Точно также выселились киприоты с полуострова Кизика и южного побережья Малой Азии. Так остров заселился вновь.[754] По-видимому, вместе с тем восстановилась и двойная зависимость острова от обеих держав. Так как переселение киприотов на полуостров Кизик было совершившимся фактом во время Пято-шестого собора, то возвращение их на родину, согласно показанию Константина о семи годах, приходится отнести к 698/699 году.

В самом начале своего правления Апсимар проявил деятельную заботу о лучшей организации охраны пограничных областей от арабских нашествий. Он назначил своего брата Ираклия, имевшего репутацию опытного и способного военачальника, стратигом анатоликов с титулом главнокомандующего (μονοστράτηγος), возложив на него наблюдение за горными проходами в Каппадокии, по которым совершались вторжения арабов, и подчинив ему все кавалерийские полки тех местностей.[755] Ираклий оправдал оказанное ему доверие, и положение на восточной границе за время правления Апсимара улучшилось по сравнению с прежним. Чума, обходившая Сирию в 698 году,[756] а также восстание Абдаррахмана против Абд-аль-Малика в Персии, были благоприятными для империи обстоятельствами, которые использовал Ираклий. Он предпринял вторжение в северную Сирию, дошел до города Самосаты, опустошил окрестную страну, перебил множество народа и с большим числом пленных и богатой добычей вернулся назад.[757] То был первый после долгого времени поход

имеют в своем окончании слово *маг* или *мег* (Hincmar, Gelimer и т. п.) Что до выбора имени Тиверия, то, очевидно, к тому побудили исторические воспоминания о Тиверии, преемнике Юстина. Он был также военный человек, предание называет его фракийцем, а этот этнический термин нередко употребляется у *Прокопия* в смысле указания на готов, живших во Фракии на правах федератов.

[751] *Theoph.* 370, 25-371, 9; *Niceph.* 40, 3-16. — По-видимому, переворот произошел летом, в третьем году правления Леонтия, как выражается *Никифор.*

[752] *Scr. Syri.* VII, 75, 13-15. — Et eo (anno) Hassan filius Nu'manis regionem Africae invasit et exiit regina barbarorum cum eo pugnatura, et ipsa occisa est et multi ex exercitu, qui cum ea erat.

[753] Ib. 76, 6-7. Et eo (anno, se. 1019) Walid Musam filium Nusair regioni Africae praefecit.

[754] *Constant. Porphyr.* De adm. imp. c. 47, p. 214-215.

[755] *Theoph.* 371, 9-13. — Термин μονοστράτηγος вошел в оборот в ту пору и попадается в языке *Хроники пап* и у *Агнелла.* Горные проходы в Каппадокии и прежде входили в фему анатоликов, и *Никифор* (42, 11) называет Ираклия «стратигом анатоликов» без указания на особый титул.

[756] *Scr. Syri.* VII, 74, 16-17.

[757] *Theoph.* 371, 27-30. *Mich. Syr.* XI, 16, 474. — *Феофан* дает огромную цифру убитых арабов — 200 тысяч человек, которую *Михаил Сириец* сводит на 5 тысяч. *Илья Нисибинский* дает странное сообщение об этом набеге: Et rex Romanorum Antiochenorum multos interemit. *Scr. Syri.* VII, 74, 17.

имперских войск в страну врага. На следующий год сын халифа Абдалла вторгся в пограничную область и осаждал одну крепость, но не имел успеха. Под 703 и 704 годом Феофан записал о повторном вторжении в Киликию арабских вождей. Но оба раза Ираклий успешно отразил нападение и нанес тяжкий урон арабам.[758] В связи с набегами в Киликию халиф создал новый опорный пункт, отстроив и укрепив старый запустевший город Мопсуестию.[759]

Успешная охрана границ Ираклием не предохранила империи от тяжкой утраты, постигшей ее на крайнем востоке ее пределов. Под 702 годом Феофан записал об отпадении от империи Четвертой Армении, т. е. областей верхнего течения Тигра, давно связанных тесными узами с империей. В своей краткой заметке об этом важном событии Феофан объясняет эту утрату изменой Ваана, имевшего прозвище «Семь бесов».[760] По всему вероятию, это событие стояло в связи с энергичными действиями арабов под предводительством Мухаммада, брата халифа, в северных и восточных областях Армении, что и заставило местную знать Четвертой Армении предпочесть иго ислама старой политической связи с христианской империей, которая была бессильна защитить свои владения от бедствий, какие причиняли арабские нашествия. С 16-го года правления Абд-аль-Малика в течение двух лет в пределах Армении действовал Мухаммад. Среди армянской знати, не умевшей сплотиться для борьбы с врагом общими силами, были люди, пытавшиеся восстановить связь с империей. Историк Гевонд сохранил свидетельство о поддержке, которую оказал армянам Апсимар; но присланное им войско, состоявшее также из армян, потерпело поражение от Мухаммада в битве, которая произошла в области Вананд. Отдельные успехи армян в войне с арабами, не предотвратили конечного исхода борьбы. Мухаммаду удалось значительно ослабить силу сопротивления армян истреблением значительного числа представителей местной знати.

Вызвав их к себе под предлогом составления списка для получения жалования за их военную службу, Мухаммад собрал их в одной церкви города Нахчавана и сжег заживо. Это событие кратко отмечено у Феофана под 703 годом и подробно описано у армянских историков. По-видимому, оно имеет более позднюю дату, 704 (Асохик), или 705 год, как принимает Маркварт.[761]

Равнодушие византийского двора в правление Апсимара к судьбе латинской Африки и слабая поддержка Армении может быть понято, как отказ от старых идеалов, живших дотоле в Византии, духовном центре империи. Армянская по крови династия Ираклия восприняла *и* осуществляла эти идеалы, но они были чужды безродному Апсимару, сократившему кругозор имперской политики на текущие интересы тесного круга уцелевших от пережитого крушения и удержавшихся в старом единстве греческих земель. По-видимому, Апсимар не был популярен в столице, в среде знати тлело недовольство и зарождались надежды на переворот. Под 703 годом Феофан занес в свою летопись известие о том, что Апсимар сослал на остров Кефалонию одного члена придворной знати, Вардана, сына патриция Никифора, армянина по происхождению, как и большинство знати во время правления династии Ираклия. Поводом к ссылке был вещий сон, который видел Вардан, будто его голову осенял орел.[762]

Тому направлению национальной политики, которое зарождалось при Апсимаре, не суждено было раскрыться и дать определенные результаты, так как на седьмом году его правления произошел новый переворот, отдавший трон законному императору, сверженному народным движением в 695 году. Апсимар понимал опасность, которую создавал ему далекий изгнанник, и прилагал старания к тому, чтобы овладеть его личностью; дело уже налаживалось, но Юстиниан сумел спасти свою жизнь и восстановить свои права.

В истории столицы Апсимар остался в памяти потомства, как тот император, который после долгого небрежения произвел капитальный ремонт стен со стороны моря, пришедших к тому времени в ветхость.[763]

---

[758] *Theoph.* 372, 18-21; 23-25. *Ser. Syri.* VII, 75, 6-8.

[759] *Theoph.* 372, 4; *Ser. Syri.* VII, 75, 12-13. — Полнее, чем в летописи *Илии Нисибинского,* заметка об укреплении Мопсуестии у *Михаила Сирийца* — XI, 17, 478: Les arabes rebâtirent Mopsuesate dont ils 'etaient emparés récemment; ils la munirent de murs très solides et d'autres beaux édifices, et ils placèrent une armée et en firent la frontière des Romains. Le roi des arabes Abd el Malik s'yrendit lui même et il mourut en cette année. Год, указанный *Михаилом Сирийцем*, неверен: 1017, т. е. 706, тогда как Абд-аль-Малик умер в 705 году.

[760] *Theoph.* 372, 6-7.

[761] *Theoph.* 372, 13-18; — *Гевонд.* стр. 22; *Асохик.* стр. 127; *Mich. Syr.* XI, 16, 479. Ср. *Marquart.* Ук. соч. 448-449.

[762] Ib. 372, 7-11.

[763] *Scr. orig. Const,* ed. *Praeger*. I, p. 20 (§ 3).

ВТОРИЧНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ЮСТИНИАНА

ПРЕБЫВАНИЕ ЮСТИНИАНА В ХЕРСОНЕ И У ХАЗАР. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НА ЦАРСТВЕ. ДЕЛА С БОЛГАРАМИ И АРАБАМИ. ПОСЕЩЕНИЕ ПАПОЙ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. ДЕЛА ЮСТИНИАНА В РАВЕННЕ И ХЕРСОНЕ. НИЗВЕРЖЕНИЕ ЕГО И ГИБЕЛЬ

Город Херсон служил местом ссылки для сановников высокого ранга еще в IV веке, и дед Юстиниана продолжил эту традицию, отправив туда папу Мартина. Его внук оказался сам в ссылке на этой далекой окраине. Население города, сохранявшее от глубокой старины свой греческий язык, давно уже ставшее христианским и связанное важными торговыми и культурными интересами с центром империи и торговыми городами северного побережья малоазиатского материка, умело своими силами отстаивать свою самостоятельность и политическую независимость от надвинувшегося на него варварского мира, не раз сменявшегося в своем этническом составе. Оно удержало от глубокой старины свой республиканский строй и свободные учреждения, имело свою аристократию, из среды которой организовалось правительство. Ни представителей власти императора, ни гарнизона из состава имперского войска Херсонес в ту пору не имел и не знал. Папа Мартин, сосланный на этот край света из мировой столицы и властного положения, страдал и томился в Херсоне, как говорят нам о том его письма из ссылки, до нас дошедшие. Для Юстиниана, попавшего в такую же ссылку под охрану местных властей, положение было не столь тяжко, как для папы, человека другого мира, другого языка, других нравов. Несмотря на свое состояние опального, он имел в своем окружении близких и преданных ему людей, не из туземцев, а из военных людей, связавших с ним свою судьбу. Искалечение, которое он перенес, и ссылка не сломили его энергии, и он не терял надежды вернуть себе трон.

Когда низложивший его Леонтий был сам низвергнут военной революцией, надежды Юстиниана оживились, и он стал вести себя настолько смело, что вызвал своими речами опасения у членов херсонского правительства, что он может причинить им затруднения и вовлечь их в мятежное движение. Быть может, это поведение Юстиниана стояло в связи с предсказанием ему от одного отшельника, проживавшего в Амастриде, что он вернет себе царство. Но среди местного населения он не вызвал к себе сочувствия, и правительство Херсона помышляло отослать его к новому императору, чтобы не иметь из-за него лишних тревог. Предупрежденный об опасности Юстиниан бежал из Херсона в недалекую от него горную крепость в центре расселения готов, вышедших на свет истории при Юстиниане Великом.[764] Имя крепости, наши источники различно передают: Δαρᾶς и Δόρος, а на надписях более позднего времени имя это читается Θεοδωρώ. Готы, сохранявшие раньше свободу от соседнего варварского мира, не удержали ее в это время и вынуждены были признать свою зависимость от хазар, которые стали распространять свое господство на запад во второй половине VII века. Юстиниан был, очевидно, осведомлен о местных отношениях и знал, что в Доросе сидит наместник хазарского хана, тудун, как называли таких лиц тюрки. Прибегнув к его посредству, Юстиниан просил хана дозволить ему явиться к нему. Весьма возможно, что хан имел и раньше официальные сношения с Юстинианом, как владыка дружественной державы, находившейся в то время во вражде с арабами. Он дал свое согласие на приезд к нему Юстиниана и оказал ему любезный прием. Хан носил имя Ἰβούζιρος Γλιάβανος, которое можно прочесть так: Ибузир Гляван. Юстиниан был в ту пору вдов[765] и породнился с ханом, женившись на его родной сестре, которая при крещении приняла имя Феодоры. В выборе этого имени было, несомненно, воспоминание об имени супруги Юстиниана Великого. С разрешения зятя Юстиниан поселился в старом греческом городе Фанагории, который находился под верховной властью хана, как и лежавший на европейской стороне Босфора Киммерийского город Боспор, имевший так же, как и готская крепость, своего тудуна. Когда в Византии стало известно о сближении Юстиниана с хазарским ханом, Апсимар отправил к хану посольство с просьбой выдать ему Юстиниана, или хотя бы прислать его голову. За исполнение этой просьбы он сулил щедрое вознаграждение. Хан соблазнился и под видом защиты Юстиниана от злых умыслов на него со стороны императора окружил его хазарской стражей. В Фанагорию он прислал представителя своей особы, по имени Панаций, на которого совместно с тудуном Боспора Бальгицием возложил поручение убить Юстиниана, когда они признают удобным это сделать.[766] Один верный слуга, знавший эти замыслы против Юстиниана, выдал их Феодоре, а та не утаила этого от супруга. Юстиниан пригласил к себе Панация для личной беседы и удавил его петлей. Таким же жестоким образом он справился и с правителем Боспора. Отослав жену к ее брату в Хазарию, Юстиниан тайком бежал в приморское селение Томы. Там он сел на рыбацкое судно с несколькими близкими людьми и поплыл вдоль берегов Таврического полуострова. Доехав до гавани Символов (Балаклава), он сделал остановку и вызвал своих приверженцев, проживавших в Херсоне. То были: Варисбакурий с братом, Салибан, Стефан, Моронавел и Феофил. Увеличив ими свою свиту, Юстиниан обогнул маяк Херсона, проехал часть моря, которая носила у древних греков имя Некропиль, прошел мимо устья Днепра и Днестра. В этих местах путников настигла страшная буря. Предвидя неизбежную гибель, Миакий, один из приближенных Юстиниана, сказал ему: «Вот грозит нам смерть, владыка!

---

[764] См. т. II.

[765] Первая жена Юстиниана называлась Евдокия. Ее прах покоился в храме св. Апостолов рядом с супругой Юстиниана Великого, Феодорой. Саркофаг был из розового мрамора Докименских ломок. — *Const. Porphyr.* De Cerim. II, c. 42, p. 644. (В тексте *Reiske* ошибка: τοῦ μεγάλου, вместо μικροῦ).

[766] *Феофан* не называет Бальгиция тудуном хана, а обозначает его положение словом ἀρχών — начальник, и *Бьюри* думает, что Боспор состоял и тогда под верховной властью императора, что несомненно лишь относительно Херсона. Если бы архонт Боспора был подчинен императору, то его услугами мог воспользоваться Апсимар и помимо хана.

Дай обет Богу за свое спасение, что если Бог возвратит тебе твое царство, ты не станешь мстить никому из своих врагов». На эти слова Юстиниан дал такой ответ: «Если я пощажу кого-нибудь из них, то пусть Бог меня потопит!» Корабль выдержал бурю, и путники вошли в устье Дуная. С места остановки Юстиниан послал своего верного слугу Стефана к болгарскому хану Тербелу с просьбой помочь ему отвоевать свое царство. За помощь он обещал хану щедрую плату, а также предложил отдать в жены свою дочь (которую он, очевидно, имел от первого брака). Обещания соблазнили хана, он принял Юстиниана с большой честью, собрал большое войско из болгар и славян и направился походом к Константинополю.[767]

Подступив к городу, войско хана расположилось на пространстве от ворот Харизия до Влахерн. Юстиниан заявил свои права на престол, но это заявление вызвало со стороны населения лишь насмешки. Очевидно, состоявшее из конников войско хана не представлялось опасным для крепких стен города. Так прошло три дня, а ночью, на четвертый, Юстиниан с немногими храбрецами проник в город через трубу водопровода. Началась паника, и Юстиниан занял Влахернский дворец. Лагерь Тербела остался за стеной у Влахерн. Столица оказалась во власти Юстиниана.

Предание наше ничего не говорит о сопротивлении со стороны Апсимара, а лишь о том, что он бежал в Аполлониаду, но был схвачен, привезен в столицу и заточен в тюрьму[768]. Туда же был переведен и Леонтий из монастыря Далматия. Немедленно начались казни. Ираклий, брат Апсимара, и все его офицеры были разысканы, арестованы и повешены близ городской стены. Во всех направлениях были разосланы агенты ловить разных чиновных лиц, которых затем предавали такой же казни. Низложенных императоров, Леонтия и Апсимара, водили с позором по улицам города, а самой казни их Юстиниан придал характер зрелища. Во время первых игр, которые он давал уже как восстановленный в своих правах законный император, были приведены в оковах оба его «заместителя» и повергнуты к его ногам справа и слева. Восседая на троне в кафизме, Юстиниан наступил ногами на их шеи, и до конца первого состязания народ возглашал: «На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия». Затем оба они были отведены в Кинегий и там казнены.

Водворившись на отчем троне, Юстиниан оказал высшие почести Тербелу. Пригласив его в столицу, он облек его в царские одежды, нарек кесарем, посадил рядом с собой и приказал народу совершить ему поклонение, как царю. Услуга Тербела была щедро оплачена деньгами и почетными дарами, в виде обстановки царского стола.

Отпустив Тербела, Юстиниан продолжал карать своих врагов. Патриарх Каллиник, скомпрометированный участием в деле Леонтия, был ослеплен и отослан в Рим к папе, как в 681 году имп. Константин отослал в Рим осужденного на соборе еретика, низложенного антиохийского патриарха Макария. Патриарший престол был предоставлен Киру, амастридскому затворнику, за его оправдавшееся предсказание. Казни не прекращались и принимали дикие формы. Приглашая к царскому столу лиц, имевших на то право по придворному этикету, Юстиниан по окончанию обеда одних посылал на виселицу, другим рубил головы.[769] В отношении многих как гражданских, так и военных чинов применялась казнь зашивания в мешок и утопления в море.[770]

Супруга Юстиниана Феодора проживала в ту пору у своего брата в далекой Хазарии. Чтобы водворить ее в столице, Юстиниан послал большой флот. Во время плавания флот сильно пострадал от бури, и много людей потонуло. Хан осудил эту ненужную пышность, и в рассказ летописца попали такие слова хана: «О несмышленый, не следовало ли тебе прислать за женой два или три корабля и не губить столько народа? Или ты думаешь, что берешь ее войной? Вот родился у тебя сын. Посылай, бери их». В ответ на это указание хана был отправлен кубикуларий Феофилакт, который благополучно доставил Феодору с ее сыном, получившим при крещении имя Тиверия. Юстиниан венчал жену и сына на царство и объявил Тиверия соправителем.[771] На монетах стало чеканиться изображение обоих императоров.

Все ближайшие помощники Юстиниана в благополучно окончившемся перевороте были вознаграждены возведением в сан патрициев, а Варисбакурий получил сан протопатриция и был назначен стратигом фемы Опсикия. Поддерживая родственные отношения с ханом хазар, Юстиниан имел случай принять его в Константинополе. Мы не знаем года, когда это случилось, так как враждебная Юстиниану летопись не сохранила свидетельства об этом событии; но в топографическом очерке столицы с перечислением достопримечательностей отмечено место, где состоялся прием и всенародное чествование хана. То была «Царская цистерна», где удостоился поклонения от народа Тербел. Там же были воздвигнуты статуи Юстиниана и Феодоры, причем Юстиниан был изображен коленопреклоненным.[772]

---

[767] Что сборы в поход потребовали некоторого времени, это разумеется само собой. *Bury*. Ук. соч. II, 360 — предполагает, что Юстиниан провел зиму 704-705 года у болгар. Я считаю это ошибкой. Дело могло бы огласиться, и Апсимар не был бы застигнут врасплох, как это случилось. Далее, возвращение Юстиниана приходится на осенние месяцы, что не вяжется с предположением, что поход состоялся весной. Болгары были еще кочевой ордой, и могли быстро собраться в поход. Один очень поздний источник дает цифру воинства хана, а именно 15 тысяч человек. — *Patria Constantinopoles*. 244, § 79.

[768] Из многих городов, носивших имя Аполлониады, в данном случае подходит близкий к столице приморский город в Вифинии.

[769] Упоминание об обедах позволяет предположить, что возвращение в столицу Юстиниана случилось поздней осенью, так как такие обеды правились по числу букв алфавита в ноябре и декабре.

[770] *Theoph.* 372, 26-375, 21; *Niceph.* 40, 17-43, 6.

[771] *Theoph.* 375, 21-28. — В краткой записи *Михаила Сирийца* о возвращении Юстиниана на царство воспроизведены слова хана в близкой форме — XI, 17, 478.

[772] *Scr. Orìg. Const*, ed. *Praeger*. I, 39, 10-40, 4.

События второго правления Юстиниана изложены в нашем главном источнике, летописи Феофана, в таком же зложелательном тоне, как и первого. Так, под третьим годом правления Феофан приписывает Юстиниану расторжение мира с болгарами и неудачный поход, окончившийся крупным поражением при Анхиале. По его сообщению, Юстиниан снарядил поход морем и сушей. Флот встал на якорь в гавани, а кавалерийские полки, прошедшие через Фракию, были распущены без всяких предосторожностей на фуражировку и кормежку лошадей в окрестных долинах. Болгарские лазутчики следили из горных ущелий за разбредшимся войском и, улучив момент, налетели на них внезапно, «как звери», перебили множество народа, захватили лошадей, обозы и взяли большой плен. Юстиниан с уцелевшими всадниками три дня отсиживался за стенами Анхиала и, отдав приказ резать жилы лошадям, чтобы лишить болгар добычи, бежал ночью на корабль и «со стыдом вернулся в город».[773] Так как в дальнейшем Феофан не упоминает о последствиях этого разгрома и не говорит о продолжении войны со стороны болгар, одержавших такую блестящую победу над императором, расторгнувшим мир, то весь этот эпизод получает иной смысл. Болгары в ту пору не были еще сложившимся царством, как в то время, когда жил сам Феофан. Они были дикой ордой, и отдельные их отряды предпринимали набеги в местности, далеко отстоявшие от уступленной им по договору с имп. Константином территории. Страна, в которой они кочевали, была в полном запустении, и ее славянское население не слагалось в какие-либо административные целые. Юстиниан сделал попытку отразить один из набегов и по неосторожности, в которой были виновны скорее офицеры его армии, чем он сам, потерпел неудачу. Войны с болгарами не было, и в 711 году тот же Тербел оказал Юстиниану военную помощь.

В тот самый год, когда Юстиниан возвратил себе трон, скончался Абд-аль-Малик. Ему наследовал старший сын его Аль-Валид. Хотя арабы вели в ту пору завоевательные войны на далеком севере, но их напор на империю не ослабевал. В 707 году вожди Масальма, брат халифа, и Аббас, сын Валида, осадили Тиану, главный город провинции Каппадокии Второй. Город храбро отбивался в ожидании помощи от императора. Осадные орудия арабов разбили часть стены, но город продолжал обороняться, и арабы, как сообщает Никифор, подумывали уже снять осаду и уйти назад. В эту пору подоспела помощь от императора. Страшные казни, которые произвел Юстиниан в розысках своих врагов, расстроили состав имперской армии, и для сформирования войска, которое должно было выручить Тиану, пришлось прибегнуть к экстренному набору. Командование над этим наспех собранным войском было предоставлено Феодору Картеруке и Феофилакту Салибану, участнику восстановления Юстиниана на царстве. Вожди были в раздоре, войско плохо обучено. Прервав осаду Тианы, арабы приняли сражение, произвели полный разгром, взяли в плен много людей, овладели обозом с провиантом, в котором они уже нуждались, и затем возобновили осаду, которая затянулась на 9 месяцев. Жители города, доведенные до крайности, потеряв надежду на помощь извне, сдались, выговорив себе право беспрепятственно удалиться в пределы империи. Но победители не сдержали слова, и часть населения увели с собой, других выгнали в пустыню. Город запустел и оставался в запустении и в то время, когда писал Феофан.[774] В 710 году Масальма занял пост эмира Месопотамии и в следующем году отвоевал несколько пограничных укреплений.[775] Феофан отмечает под 709 годом набег Аббаса без указания территории, а в 710 набег Усмана в Киликию, причем многие укрепления сдались арабам без сопротивления.[776] Никифор в своем кратком изложении характеризует общее положение указанием на полную беспомощность империи и отсутствие всякого сопротивления арабам в их набегах. Дело дошло до того, что отряд арабов в 30 человек дошел до Хрисополя на Босфоре, перебил много народа и поджег несколько кораблей в гавани.[777] Внешние бедствия, по-видимому, мало заботили Юстиниана, и свою богатую энергию он направляет на другие дела и прежде всего церковные.

Подражая своему великому соименнику, Юстиниан считал заботу о церковных делах первой обязанностью императора и всячески выставлял свое благочестие. На его монетах впервые появляется штамп с эпитетом Servus Dei (раб Божий), а на реверсе — лик Спасителя с надписанием: Rex regnantium (царь царствующих). Он не мог забыть о той неудаче, которая постигла его в сношениях с римским престолом по вопросу об утверждении определений Трулльского собора 692 года. Кафедру ап. Петра занимал с 1 марта того года, когда вернул себе трон Юстиниан, Иоанн VII, сын Платона, грек по происхождению, как и все его предшественники, начиная с Иоанна V (685-686).[778] Возобновляя старое дело с непременным желанием довести его до конца, император отправил в Рим посольство из двух митрополитов с просьбой о том, чтобы папа подверг обсуждению на соборе своих епископов каноны собора 692 года, утвердил то, что не возбуждает сомнений, и кассировал то, что является неприемлемым. По робости своего характера, папа не решился взяться за дело и ограничился тем, что отослал через тех же митрополитов полученный в свое время в Риме текст постановлений собора без всяких кассаций и

---

[773] *Theoph.* 376, 13-29; *Niceph.* 43, 9-18.

[774] *Theoph.* 376, 31-377, 14; *Niceph.* 43, 19-44, 5; *Mich. Syr.* XI, 17, *478*. Число погибших в битве *Михаил Сирец* определяет в 40 тысяч человек. Взятие Тианы он относит к марту месяцу 708 года. *Феофан* поместил сообщение об осаде и взятии Тианы под 4-м годом второго правления Юстиниана.

[775] *Mich. Syr.* XI, 17, 479.

[776] *Theoph.* 377, 16-22.

[777] *Niceph.* 44, 6-31. *Михаил Сирец.* XI, 17, 497, дает названия крепостей, занятых арабами в Киликийских проходах в 711 году.

[778] Эпитафия Платона, занимавшего в Риме пост Cura Palatii urbis Romae, была составлена в стихах его сыном и до конца XV века уцелела в церкви св. Анастасии. Текст ее сохранился, см. *Rossi.* Bullet. 1867, p. 11. Дата смерти Платона: 7 ноября 687 года.

возражений. Это было во второй половине 707 года, а 18 октября папа Иоанн скончался.[779] Привилегия, выданная римскому клиру имп. Константином о немедленном вступлении во власть его избранника, не действовала при Юстиниане, и только 25 марта 708 года вступил в управление римской церковью папа Константин. Вступив в сношения с ним, Юстиниан настойчиво просил его приехать на свидание в Константинополь. После долгих проволочек дело сладилось. Но раньше, чем состоялся приезд папы, Юстиниан справил другое близкое его сердцу дело — жестоко покарал Равенну за нанесение ему обиды в прежнее время. Об этом событии мы имеем очень подробный, риторически разукрашенный рассказ повествователя истории равеннской церкви Агнелла, писавшего при Карле Великом по живым преданиям прошлого.[780]

Во время столкновения Юстиниана с папой Сергием равеннское войско принимало видное участие в борьбе с императором, разыгравшейся в Риме, и, по всему вероятию, именно это обстоятельство и было причиной жестокой кары, постигшей Равенну. Но Агнелл выставляет другую причину, а именно, будто во время того публичного позора, которому подвергся Юстиниан после своего низложения в 705 году, в издевательстве над ним принимали живое участие находившиеся тогда в Константинополе равеннские граждане. В 709 году стратиг сицилийского войска Феодор получил приказание от императора произвести экзекуцию Равенны. Дело мести было обставлено очень хитро. По обычаям того времени военным сановникам высокого ранга устраивалась торжественная встреча, и они отвечали на нее угощением за столами, которые расставлялись на берегу реки вблизи места остановки корабля. Так было и в этот раз. Столы были расставлены, но вместо угощения произошло нечто другое. Явившихся представителей города и войска вызывали по двое к Феодору, забивали в колодки и сажали в трюм. В числе арестованных находился епископ Равенны Феликс, а также нотарий Иоанникис. Прибывшие с Феодором солдаты произвели в Равенне жестокий грабеж церковных сокровищ, расхитили сосуды из драгоценных металлов, позволяли себе всякие насилия над жителями и устроили большой пожар в гавани города, носившей имя Классис (Classis — флот). Арестованные были доставлены в Константинополь, и здесь все представители знати, в том числе и Иоанникис, были казнены, а епископ подвергся ослеплению и сослан в одно горное укрепление в Понте.[781]

Жестокая расправа с Равенной и кара, постигшая ее епископа, были известны в Риме, но не встретили там осуждения ввиду того, что епископ Феликс, когда он явился к папе для утверждения в своем сане, резко разошелся с ним, отстаивая свою автокефальность, и не подчинился его требованиям насчет одного обязательного с точки зрения римского престола письменного акта.[782] В постигшей его жестокой каре в Риме видели праведный гнев Божий за непочтение к римскому трону, и переговоры о поездке папы в Константинополь завершились путешествием его на восток. Юстиниан сделал распоряжение, чтобы папе по пути отдавались всеми чинами такие же почести, как и особе императора. Отъезд папы из Рима состоялся 5 октября 710 года. Папу сопровождала блестящая свита из членов его клира, и в числе ее был видный и ученый диакон Григорий, прославивший впоследствии свое имя борьбой против иконоборства. Папа ехал морем, и первая встреча ему была сделана в Неаполе, где его приветствовал вновь назначенный экзарх Равенны. Иоанн Ризокоп. На дальнейшем пути, в Панорме, или Мессине, торжественный прием был устроен Феодором, по-видимому, тем самым военачальником, который производил экзекуцию в Равенне. После кратких остановок в Регии и Каллиполи папа сделал остановку на время зимних непогод в Гидрунте (Отранто) и весной продолжил свое плавание. На острове Кеосе его встретил стратиг фемы карависиан Феофил и сопровождал на дальнейшем пути в столицу. Корабль папы пристал в гавани Евдома. Встреча папы была обставлена самым торжественным образом. Малолетний август Тиверий, патриарх Кир, весь синклит и константинопольский клир приветствовали папу. От дворца были высланы лошади в роскошном убранстве, и шествие тронулось через Золотые ворота по главной улице города во дворец. После состоявшегося здесь приема папу препроводили во дворец Плацидии, где обыкновенно имели свое пребывание апокрисиарии папы и где в свое время проживал папа Вигилий. Юстиниан находился в ту пору в Никее. Он прислал папе приветствие по поводу радостного события и просил его приехать на свидание в Никомидию, куда сам собирался немедленно выехать.[783]

Свидание состоялось в самой лестной для папы форме. Император пал ниц перед ним, облобызал его ноги и лишь затем они обнялись и поцеловались. В ближайший воскресный день папа служил со своим клиром литургию и император принял Св. Дары из его рук. По-видимому, пребывание папы в Константинополе было непродолжительно. По поводу разногласий, возникших из-за канонов собора 692 года, император имел беседу с диаконом Григорием, который, по словам его биографа, сумел все разъяснить и устранить недоразумения.[784] Юстиниан в личном общении с папой вновь подтвердил все старые привилегии римской церкви и расстался с ним в самых добрых чувствах. В византийских источниках нет об этом никаких сведений, равно как в летописном

---

[779] *Lib. Pontif.* 386.

[780] *Agnelli* Lib. Pontif. Eccl. Raven, c. 137-143, p. 367-372.

[781] *Агнелл* не упомянул о ссылке в своем подробном рассказе о каре, постигшей Феликса, но в приведенной им стихотворной эпитафии есть на это указание — Arto in tellure scopulo Ponti portatur. Под именем Понт вряд ли можно понимать Еленопонт, а, вероятно, ближайшую к столице область, именовавшуюся при Юстиниане Великом ἐπαρχία Ποντικής.

[782] *Lib. Pontif.* 389, 4-12.

[783] *Lib. Pontif*. 389-390.

[784] Ib. c. 91, p. 396, 9-11 — atque a Justiniano principe inquisitus de quibusdam capitulis optimam responsionem unamquamque solvit quaestionem.

предании не отмечено посещение папой Константинополя. Очевидно, это событие создавало ореол Юстиниану, и ненависть к нему побудила умолчать о нем при обработке истории его времени в летописном своде.

Об обратном путешествии папы на запад нет сведений в его жизнеописании. Отмечено лишь то, что папа высадился в Гаете, где ему была устроена торжественная встреча от римского клира, и 24 октября 711 года вернулся в Рим.[785] Любезным приемом папы Юстиниан оставил добрую по себе память, и биограф папы Константина дает ему лестные эпитеты christianissimus et orthodoxus. Через три месяца по возвращении папы в Рим было получено известие о низложении и гибели Юстиниана, которое было встречено с живым чувством сожаления и сострадания.

Экзекуция, которую произвел Юстиниан над Равенной, не смирила буйного настроения его жителей. Это сказалось в открытом бунте против императора, который разыгрался, как можно догадываться, в конце 710 или начале 711 года. Папа Константин, на первой своей остановке в Неаполе, был встречен новым экзархом, который тогда находился на пути к месту своего служения, Иоанном Ризокопом. Проводив папу из Неаполя, Иоанн направился в Рим и здесь по каким-то доносам учинил жестокую расправу с несколькими членами римского клира. В Равенне последовало «отмщение за его злодейства». Население взбунтовалось против него, и он был убит. Заметка об этом событии в Хронике пап является для нас единственным свидетельством о нем.[786] Агнелл вовсе не упоминает о гибели Иоанна Ризокопа, но рассказывает о том, как Георгий, сын казненного в Константинополе Иоанникиса, был избран правителем города и организовал свободное правление, которое держалось в течение некоторого времени, вероятно, до возвращения епископа Феликса, о чем придется упомянуть в другой связи.

В год посещения папой Константинополя Юстиниан организовал карательную экспедицию против того города, где он когда-то пребывал в ссылке. Об этом событии, которое оказалось роковым для самого Юстиниана, мы имеем подробное повествование из одного и тоже источника у Феофана и Никифора, причем в некоторых подробностях повествователи несколько расходятся, а кое в чем дополняют друг друга.[787] Мотивом экспедиции выставлено желание Юстиниана отомстить жителям Херсона за враждебное отношение к нему в то давнее время, когда он находился в ссылке под их надзором. Вероятно, однако, дело обстояло не совсем так, и в этом предприятии главным поводом была не месть, а нечто совсем другое, а именно: желание отстоять Херсон от подчинения его хазарам, с ханом которых связывали Юстиниана родственные узы и державшиеся поначалу добрые отношения. По свидетельству обоих наших источников, экспедиция была снаряжена с большим размахом, и число войска доходило до ста тысяч. Для снаряжения флота были подвергнуты особому обложению как члены синклита, так и население столицы. Для пополнения военных частей был сделан набор из землевладельческого и ремесленного населения. Главнокомандующим был назначен патриций Стефан, по прозвищу Асмикт, вероятно, тот близкий к Юстиниану человек, который устроил союз с Тербелом. Пристрастное к Юстиниану в смысле ненависти к нему предание свидетельствует, будто он приказал Стефану истребить население городов Херсона и Босфора и других «начальств» (αρχοντιῶν) в той стране. Правителем Херсона после экзекуции должен был остаться спафарий императора Илия, который и отправился вместе со Стефаном. Илия вез с собою в Херсон Вардана, которого Юстиниан вызвал с места его ссылки, Кефалонии, куда его сослал Апсимар, и теперь направлял в обычное в течение столетий место ссылки для знатных лиц.

Высадившись в Херсоне, Стефан арестовал хазарского тудуна,[788] местного представителя власти «протополита» Зоила и еще 40 знатных граждан, и всех их отослал в столицу с женами и детьми к императору. С остальными представителями знати он поступил гораздо более жестоко. Семь человек он сжег заживо, а 28 посадил на лодки и, навалив туда камней, пустил их ко дну.[789] Своему войску он позволил забирать местную молодежь в рабство. Юстиниан не остался доволен действиями Стефана и потребовал спешного возвращения флота назад в столицу. Был уже октябрь, и на обратном пути флот потерпел аварию. Число утонувших Никифор определяет в 73 тысячи, а Феофан еще больше — 83. Море долго выбрасывало трупы на всем побережье Малой Азии, от Амастриды до Гераклеи. Зложелательное предание заявляет, что кровожадный Юстиниан не только не скорбел о гибели стольких людей, но был этому рад и собирался снарядить новый флот для продолжения экзекуции, которая, по его мнению, была произведена недостаточно жестоко. По-видимому, такие слухи пошли в Херсоне и окрестной стране. Они вызвали большое возбуждение, и население стало усиливать укрепления, где они были, а херсонцы обратились к хазарскому хану через послов с просьбой прислать войско для защиты города. Верховная власть в Херсоне должна была, согласно распоряжению Юстиниана, принадлежать, за отсутствием протополита, Илии, но, по всей вероятности, Илия не располагал достаточной военной силой, чтобы осуществить свои права.

Известие о тревоге населения в Тавриде было получено в столице, и Юстиниан отправил в Херсон патриция Георгия по прозвищу Сириец, префекта Константинополя Иоанна, своего генерального логофета и с ними отряд

---

[785] *Lib. Pontif.* 391, 1-8.

[786] Ib. 389.

[787] *Theoph.* 377, 22-381, 6; *Nicephor.* 44, 14-48, 7. — На недостоверности многих деталей этого рассказа и искажении исторической истины мотивом мести настаивал в своем разборе свидетельств предания *Бертье-Делагард в* статье «Надпись времен императора Зинона». *Зап. Одес. Общ. Ист.* и *Древ.* XVII (1893), 78 и сл.

[788] Имени тудуна нет ни у *Феофана,* ни у *Никифора,* который, по-видимому, принимал само слово тудун за имя.

[789] Так как Стефан жил в Херсоне с Юстинианом, то в его жестокостях можно предположить и личные мотивы.

воинов в количестве 300 человек под начальством турмаха фракисийцев Христофора.[790] Сановники имели поручение восстановить тудуна и Зоила в их правах по управлению городом, отозвать Илию с его поста и вместе с Варданом отослать в Константинополь. Но то возбуждение, которое охватило население города, повернуло дело иначе. Херсонцы держали ворота на запоре под военной охраной и согласились впустить в город начальствующих лиц без военной свиты. Не сознавая опасности своего положения, сановники решили войти в город без охраны, но были тут же перебиты. Расправившись с начальствующими лицами, действовавшее в Херсоне правительство передало хазарам, находившимся в городе, тудуна, Зоила и военный отряд имперских войск с их командиром для препровождения их к хану. По дороге тудун умер, и хазары перебили на его поминках имперских солдат вместе с турмархом. Население Херсона отложилось от Юстиниана и провозгласило императором Вардана.

Когда в Константинополь пришло известие о том, что произошло в Херсоне, Юстиниан, в гневе на Илию, приказал зарезать его детей на глазах их матери и выдал ее замуж за ее же повара, раба, индийца по происхождению, крайне безобразного.[791] Удовлетворив свою жажду мести, Юстиниан снарядил новую экспедицию, которую поставил под начальство патриция Мавра.[792] Снабдив войска осадными орудиями различных бывших тогда в употреблении видов, Юстиниан приказал Мавру разрушить до основания Херсон и истребить его население. Поход был снаряжен весьма спешно, и для этого предприятия собраны были все наличные военные силы. Прибыв в Херсон, Мавр начал осаду, и скоро две городские башни со стороны моря, носившие имена Кентенарийская и Сиагрская, были разбиты осадными орудиями. Но на этом успехи Мавра и закончились. На защиту города прибыли большие силы хазар, и Мавр был вынужден прекратить осаду. Вардан, провозглашенный императором, бежал, вероятно еще до осады, к хану, который признал его в этом сане. Не исполнив возложенного на него поручения, Мавр не смел вернуться к Юстиниану, зная его мстительный нрав. Он вступил в сношения с херсонцами и признал императором Вардана, приведя свое войско к присяге на имя нового императора, который принял имя Филиппика. Так как Вардан находился у хана, то к нему было отправлено посольство с просьбой отпустить императора к его войску, которое было готово идти с ним отвоевывать столицу от объявленного низложенным Юстиниана. Но хан, в обеспечение безопасности Вардана от его новых подданных, потребовал от войска денежного залога в размере одной золотой монеты с каждого воина.[793] Залог был внесен, и Вардан прибыл к своей армии.

Так как Юстиниан истощил военные силы империи на эту экспедицию, то он обратился к Тербелу с просьбой прислать ему военную помощь. Хан прислал отряд в три тысячи человек. Юстиниан переправил болгар через Босфор и устроил их на лагерной стоянке в горной местности, называвшейся Даматрия, поставив вместе с ними отряд из фемы Опсикия.[794] Так как в то время обычный переезд по морю в сообщениях с Херсоном совершался в самом узком месте моря, из Синопа, то в нетерпеливом ожидании вестей о ходе предприятия Юстиниан покинул столицу и с небольшим отрядом войска прошел в приморское селение Гингилисс, неподалеку от Синопа. В ту пору он уже знал, по-видимому, об измене Мавра, и когда флот, направлявшийся из Херсона,

---

[790] То обстоятельство, что в числе сановников был послан в Херсон логофет, может служить указанием на то, что Юстиниан имел в виду урегулировать податные условия населения этой области и доходные статьи приморского торгового центра. На недостоверность многих черт рассказа о двух экспедициях Юстиниана против Херсона и искажении самой сущности события мотивом мести сделал весьма ценные указания заслуженный и авторитетнейший в настоящее время знаток прошлых судеб Тавриды, и особенно Херсонеса, *Бертье-Делагард в* своей статье «Надпись времен императора Зинона, в связи с отрывками из истории Херсонеса», помещенной в XVI томе *Записок Одес. Общ. Ист. и Древ.* (1893) 45-88. Не вполне могу согласиться с автором в его уверенности, что в Херсоне находился представитель власти императора. Рассказ о тех живых событиях свидетельствует, что Юстиниан посылал своего спафария Илию взамен туземного представителя, который был «протополитом» города. По надписям известен титул προτεύων, очевидно тождественный ему. Лишение Херсона его автономии и превращение его в фему с особым стратегом во главе случилось лишь в первой половине IX века при имп. Феофиле, а до тех пор Херсон оставался вольным городом. Не могу согласиться с почтенным исследователем и в том, будто еп. Феликс был сослан в Херсон. В его эпитафии место ссылки называется утесом на Понте. Последним именем могла обозначаться или провинция Еленопонт, на северо-восточном побережье Малой Азии, или что еще вероятнее — какое-нибудь прибрежное укрепление в Вифинии в пределах ἐπαρχία τῆς Ποντικῆς; термин, известный из *Гиерокла.* Темным пунктом во всем рассказе является присутствие в Херсоне тудуна хазарского хана. Очевидно, добрые отношения с ханом продержались недолго, что и вполне естественно, если Юстиниан имел уверенность, что хан, будучи подкуплен подарками и обещаниями, собирался убить его в угоду Апсимару. За своей женой Юстиниан послал целое войско, и хан посмеялся над этим; но, быть может, это было со стороны Юстиниана вполне понятно, раз он видел в нем врага, покушавшегося на его жизнь. Когда же хан, утверждая свою власть в Тавриде, не удовольствовался подчинением готов и, по соглашению с представителями города Херсона, поставил своего тудуна наряду с протополитом, то это и могло явиться для Юстиниана поводом предпринять первую экспедицию, которая имела целью ограничение автономии города и замену свободного управления подчинением наместнику, каким и явился спафарий Илия.

[791] Настоящих индийцев не знали в Византии, но, по-видимому, это имя давали неграм.

[792] В «Истории лангобардов» *Павла Диакона* есть упоминание об этой экспедиции, причем она направлена против Вардана, и папа в бытность в столице будто бы отговаривал Юстиниана от этого предприятия.

[793] Эту цифру дает *Феофан*; у *Никифора* — по сто номисм, что маловероятно.

[794] Эта местность, весьма близкая к столице, в позднейшее время прославилась под именем горы св. Авксентия.

повернул на его глазах на запад, Юстиниан «зарычал, как лев» и поспешил к тому войску, которое было собрано в Даматрии. Между тем, флот Вардана успел прибыть в столицу, которая сдалась ему без сопротивления.

Илия, пылавший местью к Юстиниану за гибель детей и позор жены, взял на себя поручение справиться с кровным врагом и с кавалерийским отрядом направился в Даматрию. Первым делом Вардана в обеспечении своего положения было убийство младенца-августа Тиверия, которого Юстиниан оставил в столице. Бабушка Тиверия, Анастасия, укрыла внука в храме Влахернской Богоматери, навесила ему на шею разные святыни, дала в одну руку древо Креста Господня, а другой приказала держаться за престол. Убийство Тиверия было поручено патрицию Мавру и спафарию Иоанну Струфу. Когда первый вошел в храм, чтобы вывести оттуда младенца, Анастасия пала пред ним на землю и, хватая его за ноги, молила пощадить жизнь невинного малютки. Иоанн снял с Тиверия покрывавшие его святые предметы и возложил их на себя, положил Крест на престол и вывел его из храма. В воротах стены, носивших имя Каллиника, убийцы разложили Тиверия на пороге, сняли одежду и зарезали, «как ягненка», приказав похоронить его в церкви Бессребреников, носившей имя Павлины.

Илья без труда склонил войско, собранное в Даматрии, отложиться от Юстиниана и признать нового императора. Болгарам было дано клятвенное обещание препроводить их обратно к их хану. Никто не защищал Юстиниана. Илия сам отрубил ему голову и отослал ее через спафария Романа Вардану. Тогда же погиб сохранивший верность Юстиниану комит Опсикия, протопатриций Варасбакурий, пособник его возвращения на царство. Он находился в столице, бежал, был схвачен и казнен. Кроме Варасбакурия были казнены и другие люди высокого положения, близкие Юстиниану. Голова Юстиниана была отослана на запад, побывала в Риме и Равенне, где на это зрелище сбегалось со злой радостью население и особенно женщины, потерявшие своих близких от его жестоких казней. Голову носили по улицам на пике. Эти подробности записал Агнелл, прямой потомок одного из казненных.[795]

Так в кровавом перевороте, имевшем характер военной революции, закончилось правление Юстиниана и в лице сына хазарской царевны Тиверия прекратил свое существование род Ираклия и династия, державшая в своих руках судьбы империи более ста лет.

В тот самый год, когда закончилась династия Ираклия, империя потеряла свой последний опорный пункт на крайнем западе, крепость Септем. Предприимчивый и счастливый в своих начинаниях Муса в краткий срок нескольких лет подчинил под власть халифа туземные племена Мавритании, достиг океана, овладел городом Тингисом (Танжер) и осадил Септем. Начальствовавший в этом городе от имени императора комит Юлиан, имевший в своем распоряжении морскую эскадру, чувствовал себя безопасным, и попытки арабов сокрушить этот последний остаток владений империи на территории Африки были безуспешны. Находясь в соседстве с вестготским царством, которое неоднократно пыталось овладеть южным берегом пролива, Юлиан был вовлечен в ближайшее участие к тем тревогам и смутам, которые происходили в Испании. Около этого времени был низвержен вестготский царь Витица и верховную власть в стране захватил герцог Родерих. Сыновья Витицы тщетно пытались отстоять свои права на отцовское наследие, и Юлиан был вовлечен в тревоги, раздиравшие на партии готскую знать. Имея личные мотивы вражды к Родериху, он вступил в соглашение с Мусой, чтобы при помощи арабов поддержать его врагов. Богатое побережье южной Испании давно манило грабительские инстинкты арабов. Свою флотилию Юлиан предоставил арабам для переправы на противоположный берег и впустил их в свою крепость. В июле месяце 710 года Муса послал своего вольноотпущенника Абу Зура Тарифа с небольшим отрядом в 500 человек для первого знакомства со страной. С богатой добычей Тариф вернулся назад, и весной следующего года переправился в Испанию другой вольноотпущенник Мусы, по имени Тарик ибн Зайд, с 7-ю тысячами мавров. Родерих, который был в ту пору занят борьбой со своими противниками в северных пределах страны, поспешил на юг, чтобы отразить вторжение нового и еще неведомого в Испании врага. Хотя он располагал значительными силами, но встреча с врагом в местности неподалеку от города Кадиса оказалась роковой для него. Он был разбит и пал в бою (19 июля 711 г.) Тарик сумел использовать победу и успешно продолжал завоевание страны. Раздоры в среде готской знати, угнетенное положение низших классов населения, вражда и ненависть иудеев к готам за тяжкие притеснения их религии, все это вместе создавало благоприятные условия для завоевательного стремления арабов. Получив известие о блестящих успехах своего вольноотпущенника, Муса явился сам на территорию Испании в 712 году, отстранил Тарика, сам продолжил завоевание страны до ее естественных границ и простер свои походы за Пиренеи. Арабы прочно утвердились в Испании, оба берега пролива оказались в их власти, и последний остаток владений империи на территории Африки был утрачен.

Эти важные для последующего хода истории события не привлекали к себе внимания в далекой столице империи, и в византийском предании нет никаких известий об утрате крепости Септем.[796]

---

[795] *Agnellus.* Ук. соч., с. 142, p. 371.

[796] Эпизод утраты крепости Септем я изложил, следуя *Мюллеру.* Ист. Исл. II, 100-106, и считал комита Юлиана представителем власти императора. *Ranke.* Weltgeschichte. V, 1, Abth. (Leipzig, 1884), 204 и сл., в изложении о вторжении арабов в Испанию и гибели вестготского царства совершенно игнорирует связь крепости Септем с империей и называет Юлиана вестготским магнатом. Он не превращает его в легендарное лицо, как делали некоторые критики, ввиду свидетельства, что внук Юлиана принял ислам.

ФИЛИППИК (ВАРДАН)

ПРЕДРЕЧЕНИЕ ЦАРСТВА. ТОРЖЕСТВО МОНОФЕЛИТСТВА. ВНЕШНИЕ БЕДСТВИЯ ИМПЕРИИ. НИЗЛОЖЕНИЕ

Военная революция смела старую династию и возвела на трон императоров нового человека, который в предшествующей своей деятельности ничем себя не проявил и не имел никаких заслуг перед государством. Почти десять лет он был в опале и не имел даже возможности осуществлять свои права на участие в служении государству, какие ему давала его принадлежность по происхождению к придворной знати. Его отец носил имя Никифора. Весьма вероятно, что он стоял во главе той армии, которая была отправлена в Малую Азию для борьбы с мятежным стратигом армениаков Шапуром, когда полномочия верховной власти исправляло регентство от имени трех малолетних августов, сыновей Константа. Диакон Агафон, переживший правление его сына, называет Никифира пергаменцем по роду, т. е. указывает на наследственную оседлость в Пергаме.[797] Мы не вправе отвергать это свидетельство, но имя Вардан, которое носил его сын, с полной определенностью указывает на армянское происхождение его рода. Вероятно, это был знатный род, давно выселившийся на запад и оказавшийся в составе служилой знати византийского двора. Феофан характеризует его, как человека образованного, владевшего словом, умевшего рассуждать, но лишенного энергии, любившего роскошь и удовольствия, которым он отдавался со страстью, переходя границы дозволенного.[798] Бездеятельный и не способный осуществлять тяжкие обязанности самодержавного государя в это столь трудное время, когда Юстиниан своими казнями расстроил и без того слабые военные силы империи, Филиппик брал от своего высокого положения то, что мог, и бессмысленно расточил огромные денежные средства, которые были скоплены в государственной казне его предшественниками и особенно Юстинианом. Об этой заслуге Юстиниана упоминает и его современник, диакон Агафон, переживший оба периода его царствования, вовсе не склонный хвалить его.[799]

Оказавшись, благодаря роковому сцеплению обстоятельств, на троне императоров, Вардан проявил инициативу в одном смелом начинании, которое считал заветом судьбы. Воспитанный в семье, исповедовавшей монофелитство, он имел в годы юности своим учителем Стефана, ученика антиохийского патриарха Макария, который выступал вместе со своим патроном на Шестом Вселенском соборе, как убежденный защитник доктрины монофелитства, был осужден и анафематствован. Предречение Вардану царства стояло в связи с его монофелитскими убеждениями. Последствием утверждения актов собора в первые годы Юстиниана было преследование упорствующих. В одном из столичных монастырей содержался в заточении за свои монофелитские убеждения один монах, имевший славу провидца. Вардан посетил его, и он ему предрек царство. Вардан был страшно смущен этим откровением, но провидец успокоил его словами: «Если такова воля Божия, то к чему ты возражаешь? Вот что я тебе говорю: Шестой собор решил вопрос плохо. Если ты воцаришься, то отвергни его, и твое царство будет мощно и продолжительно». Когда произошел переворот и царство досталось Леонтию, Вардан побывал у провидца и в ответ на вопрос о предсказании получил ответ: «Не спеши! Исполнится». Тоже повторилось, когда через три года новый переворот отдал царство Апсимару. Монах сказал: «Не спеши! Дело в будущем». Уверенность предсказателя заразила Вардана. Он поверил, что ему суждено быть царем и не скрывал этого от близких людей. Один из них выдал его Апсимару, и тот сослал его на далекий остров Кефалонию, где он и томился в тяжком заточении в течение нескольких лет.[800] Юстиниан вызвал его из ссылки, как жертву узурпатора, но затем решил вновь сослать его уже в Херсон, знакомый ему по личному опыту. Дело повернулось иначе, и ссыльный на месте ссылки был провозглашен императором.

Предсказание провидца сбылось при самых неожиданных обстоятельствах и близком участии в этом деле хазарского хана. Живший столько лет в ожидании исполнения великого рока, Вардан считал своей первой обязанностью исполнить завет, данный ему провидцем его судьбы. Когда переворот совершился, и голова Юстиниана была в его руках, он заявил, что не вступит в императорский дворец раньше, чем не будет уничтожено изображение Шестого собора в передних покоях дворца, и оно было сбито со стены. Точно также была уничтожена запись о Шестом соборе на арке Милия на площади Августея, и на этом месте были нарисованы портреты Вардана и патриарха Сергия. Страх перед самодержавным владыкой у одних, равнодушие к тонкостям богословской догмы у других, искреннее убеждение в неправильности решения вопроса, так долго волновавшего церковь, у некоторых имели своим последствием то, что круг лиц, выказавших единомыслие с новым императором, оказался весьма широким. Феофан называет целый ряд имен людей видного положения, ставших на сторону монофелитства. То были: епископ Кизика Герман, занявший впоследствии патриарший престол, епископ Крита Андрей, квестор и префект города, специалист по врачебной науке Николай, диакон храма св. Софии Ельпидий, библиотекарь того же храма Антиох и много других представителей тогдашней образованности как из клира, так и синклита. Патриарх Кир, твердый в православии, был низложен, и на его

---

[797] *Mansi.* XII, 192 C.

[798] *Theoph.* 381, 20-30.

[799] *Mansi.* XII, 193 A. ...Ἰουστινιανόν, μή μόνον εις ἅπαξ διά την κακίστην αὐτοῦ ἑξ αρχῆς καί μιαιφονον προαίρεσιν, τῆς βασιλείας ἐκπεσεῖν καί ἁπορρινῆναι, ἀλλα καί δίς μετά Λεόντιον καί Τιβέριον... ...τοῦτο ὑπομεμενηκότα, ἐν τῳ ἰσχάῳ καί ὑπὸ τοῦ ξίφους ἐν τῳ Λαματικῳ λεγομένῳ τόπῳ τῆς Βιθυνῶν ἐπρχίας χαρατομηθῆναι. (*Mansi*, XII, 192, A-B). — Феофан называет место гибели Юстиниана Δαματρῦς, которое я передавал как Даматрия.

[800] *Theoph.* 381, 6-20.

кафедру был возведен диакон Иоанн, состоявший библиотекарем патриархии.

В изложении Феофана оживление монофелитства является делом целой группы видных и образованных людей из среды клира и синклита. Но, наряду с этим освещением события, имеется и другая версия, которую представил не только современник, но и непосредственный участник этого движения, патриарх Иоанн, в своем послании к папе Константину, которое было составлено уже после гибели Вардана. Иоанн выставляет дело совсем в ином свете. По его словам, Вардан имел единомышленников, которые шли дальше оживления монофелитства и готовы были посягнуть не только на Шестой собор, но и на Халкидонский, и для проведения этой программы Вардан наметил своего кандидата на патриарший престол из светских лиц. Опасаясь последствий такой радикальной перемены в направлении церковной политики, константинопольский клир единодушным протестом заставил императора отказаться от своего кандидата и принять того, которого намечал клир. Так был назначен Иоанн, который пошел на уступки ввиду непреклонной решимости императора кассировать Шестой собор с его осуждением монофелитства. Иоанн не брал на себя инициативы борьбы, но мирился с обстоятельствами, преклоняясь перед волей властьимущего и считая опасным открытый протест. Такой образ действий в Византии называли экономией (οικονομία). Вардан от своего имени издал повеление, в котором объявил кассацию Шестого собора, признал догмат о единой воле во Христе, восстановил память патриарха Сергия, папы Гонория и других осужденных на том соборе епископов и повелел восстановить их портреты на прежних местах и имена внести в церковные диптихи. Когда около того времени был разыскан упомянутый выше экземпляр актов собора, хранившийся во внутренних покоях дворца, Вардан приказал сжечь его в своей канцелярии. По словам диакона Агафона, многие, заявлявшие открыто протест и не принимавшие «томоса» императора, терпели преследования и подвергались ссылке.[801]

Оповещение о своем вступлении на царство, свой портрет и манифест о вере Вардан направил папе Константину в Рим, куда была отослана и голова Юстиниана в свидетельство его гибели. Папа, его клир, римское войско и народ отказались признать еретика-императора. Его портрет не был принят, его имя не возглашалось во время церковных служб и монета с его изображением не имела обращения в Риме. Когда в Рим прибыл новый, назначенный Варданом, дукс римского войска, по имени Петр, то он не был принят, и между ним и прежним дуксом Христофором произошла кровавая схватка на via Sacra, конец которой положили посланные папой члены клира с евангелием и крестами.[802] Весть о том, что Вардан уничтожил картину, изображавшую Шестой собор, побудила папу распорядиться, чтобы на стенах базилики ап. Петра были изображены в картинах все шесть соборов.[803] Так как папа Константин был вполне удовлетворен тем почетом и вниманием, которые были оказаны ему во время путешествия на восток, пребывания в столице и личного свидания с императором, то весть о смерти «христианнейшего и православного» императора, пришедшая в Рим в конце января, вызвала живейшее чувство сожаления, а тот дерзкий вызов, который бросил папе Вардан, имел своим последствием то, что Рим с его духовным главой отложился от империи.

Иначе было в Равенне. Весть о смерти Юстиниана вызвала здесь живейшую радость и на зрелище его головы, которую носили по улицам воткнутой на пику, сбегалось население с чувством удовлетворенного злорадства. После восстания, в котором погиб экзарх Иоанн Ризокоп, Равенна устроилась, как самостоятельная община, и имела свое правительство под верховенством избранного народом сына Иоанникиса, Георгия. Еретический манифест Вардана туда не дошел, но вскоре вернулся на свою кафедру епископ Равенны Феликс, ослепленный Юстинианом, настроенный самым благожелательным образом к новому императору. Как жертва свирепости низвергнутого тирана, Феликс был возвращен из своей ссылки и встретил в новом дворе самый ласковый прием. Вардан, по его просьбе, распорядился разыскать все церковные сокровища, награбленные в Равенне солдатами производившего экзекуцию Феодора, и епископ Феликс привез их обратно в свой город. Слепой архипастырь смягчил свой прежний тон в отношениях к римскому престолу, удовлетворил требования папы, которые он отверг во время своего посвящения, и в мире с Римом правил своей церковью до самой смерти, последовавшей 25 ноября 724 года.[804]

Первый год правления Вардана ознаменовался тяжкими бедствиями, как в западных, так и в восточных областях империи. Болгарский хан Тербел, объявленный кесарем и принимавший поклонение от народа в столице империи, оказал Юстиниану военную помощь в его затруднениях перед катастрофой. Присланный ханом трехтысячный отряд был отпущен. Но дело этим не кончилось. Хан воспользовался переворотом, чтобы, выставляя себя мстителем за своего союзника, сделать грабительский набег под самые стены столицы. Болгары, ходившие на помощь Юстиниану, видели пригородные местности с дворцами и виллами византийской знати, и это не могло не разжечь грабительских инстинктов дикарей. Пройдя через горный проход в Балканах, Тербел направился в более населенные и богатые местности южной части Фракии и дошел с грабежом и разбоем до Херсонеса Фракийского. Предприятие хана имело характер стремительного набега и совпало с тем временем,

---

[801] *Mansi.* XII, 191-192 (Ep. Agaphonis), 197, 210 (Ep. Ioannis).

[802] *Lib. Pontif.* 391, 11-14; 392, 3-13. — Дукс римского войска впервые помянут в нашем предании. Раньше во главе римского войска стоял хартуларий экзарха.

[803] *Lib. Pontif.* 391: imaginem, quod Greci Botarea vocant sex continentem sanc- tos et universales synodos in ecclesia beati Pet, i erecta est. — Проф. *Бьюри* предложил поправку Cibotarea — *Byz. Zeitsch.* V (1896), 570 — и высказал предположение, что то был роскошно украшенный ларец с текстами соборных актов. Но *Павел Диакон* упоминает в своем изложении о том, что то были картины на стенах собора (VI, 34, p. 176).

[804] *Agnellus.* Ук. соч., с. 143; 150, p. 371, 375; *Lib. Pontif.* 391, 16-19.

когда богатые люди выезжали на побывку в свои виллы, привозя с собой богатую обстановку роскошного стола, которая, по тогдашнему обыкновению, состояла в посуде из драгоценных металлов. Болгары направились в пригородные местности, грабили, убивали и забирали все ценное, что попадало к ним в руки. Дерзость их простерлась до того, что их отряды появились под стенами столицы и подъезжали к Золотым воротам. Никакого сопротивления не было, по-видимому, оказано насильникам, которые с несметной добычей и множеством пленных вернулись в свои улусы.[805] Хотя Фракия имела свое войско и была организована, как фема, но это событие свидетельствует о полном расстройстве военных сил империи. На защиту Фракии против болгар было переправлено войско из фемы Опсикия, которое осталось здесь вместе со своим комитом и весной следующего года. Болгары не повторили набега, но присутствие в непосредственной близости к столице войск Опсикия имело роковые последствия для разыгравшихся тогда событий.

Расстройство военных сил империи, обнаружившееся в беспомощности, проявленной в отношении болгар, сказывалось в еще большей степени в восточных областях, подвергавшихся непрерывным вторжениям арабов. Эмир Месопотамии Масальма продолжал теснить северные области Малой Азии и в 712 году овладел городом Амасией, центром провинции Понта (или Еленопонта) и разорил другие укрепленные пункты в стране. Одновременно с тем другой вождь, Аббас, сын Валида, действовал в южных областях Романии и овладел городом Мисфия в Писидии.[806] На следующий год Аббас прошел дальше к западу и овладел городом Антиохией в Писидии.[807]

Под 712 годом Феофан сохранил загадочное известие о том, что Вардан изгнал армян из империи и принудил их поселиться в Мелитене и Четвертой Армении.[808] Какие были эти армяне и откуда выгнал их Вардан, остается неясным, а равно и то, как он мог заставить изгнанников поселиться в областях, находившихся под властью арабов. Михаил Сириец также сохранил известие об изгнании армян и поселении их в Мелитене и Четвертой Армении, но последнее является у него делом арабов, принявших к себе изгнанников, которые на новых местах жительства умножились, стали верными союзниками арабов и врагами империи. В общем замечании, которым заканчивается это сообщение, Михаил Сириец дает ключ к пониманию этого эпизода своим порицанием «римлян» за их «ненависть к православным» (т. е. монофизитам).[809] Таким образом, приходится предположить, что указ об истинной вере, изданный Варданом, имел своим последствием не примирение армян с халкидонитами, а возбудил неудовольствие и борьбу, окончившуюся выходом части армянского населения из Каппадокии и Понта.

Религиозная политика Вардана, бедствия от нашествия болгар, во время которого пострадали многие члены византийской знати, беспомощность перед напором арабов и недостойное поведение императора в личной жизни, его страсть к удовольствиям, причем ему ставились в упрек бесчинства в женских монастырях близких к нему людей, подняли волну недовольства против него среди войска, знати и населения столицы, которое он подкупал роскошью увеселений и празднеств. На втором году правления Вардана произошел новый переворот. Он осуществился по личному почину комита фемы Опсикия Георгия Вурама в соучастии с патрицием Феодором Миакием.[810] Войска Опсикия находились во Фракии. 2 июня император отпраздновал день своего рождения ристаниями, на которых победа осталась за прасинами. На следующий день, в субботу перед Троицей, император устроил себе особое увеселение. С большой свитой знати, предававшейся по его примеру веселой жизни, он сделал выезд на коне с музыкой на разных инструментах в баню Завксиппа, а затем во дворце состоялся большой обед, после которого император отправился на покой. Когда спускались сумерки, в столицу через Золотые ворота вступил протостратор комита Опсикия, по имени Руф, с несколькими воинами. Проникнув во дворец, он прошел в опочивальню императора, схватил его сонного, привел в уборную дима прасинов, — здание, связанное с ипподромом, — ослепил его на оба глаза и уехал из города. Страшное дело в тот день прошло без огласки. На следующий день, в Троицу, народ собрался в храм св. Софии. С большим торжеством и при полном единодушии военных чинов, членов синклита и народа был провозглашен императором протоасикрит Артемий, которого тут же, в храме, патриарх Иоанн венчал на царство.[811] В непосредственной связи с этим событием был возглашен Шестой собор. Артемий был при этом переименован в Анастасия.

Наше скудное предание не дает ответа на вопрос, кто был инициатором выбора и как был подготовлен переворот. Характерно то, что избран был гражданский сановник, в прямой обход военных чинов. В имени, которое было дано новому императору, нельзя не видеть воспоминания о силенциарии Анастасии, который жил

---

[805] *Theoph.* 382, 2-30; *Niceph.* 48, 15-24.

[806] Город в Ликаонии (*Hierocles*. Synecd. 675, 3, p. 23). У *Никифора* — Мидия. *Киперт* помещает Мисфию на северном берегу озера Карала.

[807] *Theoph.* 383, 2-3; *Mich. Syr.* XI, 17, 479.

[808] Ib. 382, 2-3.

[809] *Mich. Syr.* XI, 17, 482.

[810] Вероятно, это был один из приверженцев Юстиниана, спутник его в плавании из Хазарии.

[811] Надежды, которые возлагали участники переворота на Артемия, выражены в письме патриарха Иоанна к папе: ’ Ιησοῦς Χριστός... ἐδωρήσατο δὲ ἡμῖν την μεγάλην τών πραγμάτων γαλήνην, εὐσεβή βασιλέα καί κατά πάντα ἐνάρετόν, ἐφάμιλλόν τε καί ἄξιον τοῦ ὑψους τῆς βασιλείας, κεκτημένον τής ὀρθοδοξίας τον ζήλον, και τών τρόπων το κόσμιον, φερωνύμως ἀναστήσαντα ἡμιν τήν ἐκκλεσιαστικήν ειρήνην τε καί ομόνοιαν Πεποίθαμεν δε τῳ ταύτην ἡμιν χαρισαμενῳ, ὁτι και τών της πολιτείας πραγμάτων τήν ἀνεγερσιν ἡμίν ἐπονυμικώς προοιμιάζεται. *Mansi.* XII, 204 D-E.

в памяти последующих поколений в ореоле умелого администратора, умиротворившего и укрепившего империю после тяжкого и тревожного правления исавра Зинона. Намеренность устранения военных чинов видна из того, что осуществивший через своего подчиненного низложение Вардана Георгий Вурам и его вдохновитель, патриций Феодор Миакий, стали сами жертвами переворота. Оба были ослеплены и отправлены в ссылку в город Фессалонику. Феодор претерпел казнь в субботу троичной недели, а Георгий — ровно через семь дней после того.[812] Очевидно, кружок заговорщиков действовал весьма уверенно и сумел обеспечить выбор намеченного лица, пользуясь легкомыслием и беспечностью Вардана, который, проведя кассацию Шестого собора, мог верить, что царство его будет прочно и продолжительно по обещанию провидца, предсказавшего ему трон.

[812] *Theoph.* 383, 5-21; *Niceph.* 49, 1-24.

АНАСТАСИЙ И ФЕОДОСИЙ. ЛЕВ, ЕГО ПРОШЛОЕ И ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

Первой заботой нового правления было восстановить мир в церкви. Признание Шестого Вселенского собора было возглашено одновременно с венчанием на царство Анастасия. Портреты Вардана и патриарха Сергия на арке Милия были устранены и на том месте было восстановлено изображение Шестого собора.[813] Вскоре после того патриарх Иоанн отправил к папе Константину синодику, в которой оправдывал свое поведение при Вардане и просил снисхождения, ссылаясь на примеры из Ветхого Завета и аналогичные события в жизни церкви предшествующего времени. Упомянув о том, что он клятвенно подтвердил свое православие перед апокрисиарием папы в ту пору, когда по условиям времени приходилось его скрывать, он свидетельствовал, что сохранил экземпляр актов Собора, собственноручно написанный асикритом Павлом, принадлежавший патриаршей библиотеке, и просил папу принять его в общение.[814] Известие о гибели Вардана пришло в Рим сначала из Сицилии и было встречено ликованием. Когда же прибыл в Рим вновь назначенный экзарх Италии, патриций Схоластик, и представил папе послание от императора с исповеданием веры, Рим воссоединился с империей. Портрет Анастасия был принят с обычными почестями, имя его стало возглашаться в церквях, как верховного повелителя христианского мира. Тогда же был допущен к исправлению своих функций и дукс римского войска Петр.[815] Так восстановились добрые отношения с римским престолом.

Через два года после смерти патриарха Иоанна происходил выбор нового лица на константинопольскую кафедру, непосредственное участие в этом важном деле принимал апокрисиарий папы Михаил, как это отмечено в записи Феофана. Тот же источник сохранил нам полный текст грамоты о назначении патриарха. Этот единственный в своем роде документ интересен и в том отношении, что в его тексте как бы устранено участие императора в этом деле, и выбор патриарха представляется делом всенародным: «Голосом и решением благочестивых пресвитеров и диаконов и всего почтенного клира, и святого синклита, и христолюбивого населения этого богохранимого царствующего града, божественная благодать, вся немощная врачующая и недостаточествующая восполняющая, поставляет Германа, святейшего предстоятеля митрополии кизикийцев, епископом этого богохранимого царствующего града». Герман занял кафедру 11 августа 715 года[816] и прославил впоследствии свое имя борьбой за иконопочитание.

Утвердив православие, Анастасий направил свои заботы на то, чтобы улучшить состав командиров армии и во главе отдельных фем поставить надежных и опытных в военном деле вождей. В числе вновь назначенных стратигов был человек испытанной храбрости, по имени Лев, будущий император. Для того, чтобы поднять военную мощь империи, нужно было время, но арабы не ждали, и Масальма в 714 году сделал вторжение в Романию, проник до Галатии и невозбранно ушел с богатой добычей и множеством пленных.[817] В Константинополь доходили слухи о том, что арабы собираются повторить попытку Муавии напасть на столицу с моря и с суши. В целях большей осведомленности о замыслах и сборах арабов, император отправил в Дамаск посольство, под предлогом переговоров о заключении мира. Глава посольства, Даниил из Синопа, занимавший пост префекта города, имел специальное поручение собрать точные сведения о замыслах арабов и силах, какие они намерены направить против столицы. Послы не привезли назад надежды на возможность достигнуть мира, и на основании полученных сведений в Константинополе начались деятельные приготовления к предстоящему испытанию. Были отремонтированы стены города с суши и с моря, и началась постройка новых кораблей для усиления флота. В предвидении возможности продолжительной осады были сделаны большие запасы хлеба в государственных зернохранилищах, и населению столицы было объявлено повеление запасаться, кто может, припасами на три года, а тем, кому это не по средствам, было предложено покидать столицу и переселяться в другие места. Спешно шло сооружение метательных орудий разного вида, которые расставлялись на башнях для придания городу боевой готовности.[818]

В 715 году скончался халиф Валид и его преемником стал брат Сулейман. По всему вероятию, это событие задержало наступление арабов, которого с такой тревогой ожидали в столице империи. Когда в Константинополе было получено известие о выходе из Александрии большого флота, который направлялся к берегам Финикии для заготовки кипарисового леса для сооружения новых судов, то Анастасий, желая предупредить неприятеля в его сборах, составил план нападения на арабский флот. Местом сбора военных отрядов из разных фем был избран остров Родос. Главнокомандующим был назначен диакон Иоанн, занимавший пост генерального логофета. В Константинополе была снаряжена эскадра быстроходных судов, на которую был посажен десант из войск фемы Опсикия. С нею Иоанн прибыл на Родос, куда собрались другие эскадры. Военный план Иоанна состоял в том, чтобы напасть на арабов во время их сборов и сжечь их заготовки. Все военачальники отозвались сочувственно, но протест раздался со стороны опсикиан. Они открыто заявили, что

---

[813] *Mansi.* XII, p. 193 D-E.
[814] Ib. 196-208.
[815] *Lib. Pontif.* 392, 14-393, 2. — Scholasticus... veniens Romam, deferens secum sacra Anastasii principis, per quam vere se orthodoxae fidei praedicatorem et sancti sexti concilii confessorem esse omnibus declaravit.
[816] *Theoph.* 384, 20-385, 4. — *Brooks* в своем исследовании: On the lists of the partriarchs of Constantinople from 638 to 715. *Byz. Zeitsch.* VI (1897), 53 — склоняется к мысли, что Иоанн был низложен.
[817] *Theoph.* 383, 27-28. — *Михаил Сириец.* XI, 17, 479, отметил это событие под 715 годом.
[818] *Theoph.* 384, 1-14, *Niceph.* 50, 4-13.

отказываются от присяги Анастасию и зарубили мечами главнокомандующего. Таким образом, дело расстроилось, и эскадры, собранные для выполнения смелого плана, покинули Родос и направились на свои стоянки. Возмутившиеся опсикиане поплыли на север и, доехав до гавани Адрамиттия (в заливе, который закрыт от моря островом Лесбосом), решили поставить во главе своего бунта императора. Не покушаясь выбрать его из своей среды, они предложили эту честь некоему Феодосию, сборщику государственных податей в округе, составлявшем южную часть фемы Опсикия. Не помышлявший о такой судьбе Феодосий, человек простой и скромный, бежал от мятежников в окрестные горы; но они разыскали его и насильно провозгласили императором. Вернувшись в места своего расквартирования, мятежники взбунтовали всю фему Опсикия, причем нашли живой отклик у «готогреков». Это имя впервые появляется в нашем предании в связи с этими событиями. Само имя с ясностью свидетельствует, что это были готы, давно обжившиеся в империи и не сохранившие в чистоте своей национальности. В их составе могли быть потомки остготов, поселенных во Фригии при Феодосии Старшем (Великом), вождь, которых Трибигильд, причинил большие тревоги империи в правление Аркадия: далее — потомки скиров, поселенных близ горы Олимпа, которых видел пашущими землю Созомен в 40-х годах V столетия.[819] Быть может, к этому основному ядру присоединились и готы, переведенные сюда из Фракии, где они были так многочисленны еще при Юстиниане Великом. Позднее готогреки были выделены в особое военное управление, фему оптиматов, занимавшую северо-западную оконечность малоазиатского материка.[820]

Когда в Константинополь пришла весть о гибели Иоанна и бунте опсикиан, Анастасий назначил начальниками охраны города верных людей, предоставил в их распоряжение флот, умноженный и усиленный его трудами, а сам, не будучи военным человеком и опасаясь быть запертым в столице, переехал в город Никею и здесь укрепился.[821]

Усилив себя присоединением готогреков, опсикиане заняли Хрисополь (Скутари), прибыв туда как сухим путем, так и по морю на «больших и малых судах», которые они захватили в гаванях побережья. Располагая этим флотом, мятежники выходили из гавани Хрисополя навстречу кораблям имперского флота, который имел свою стоянку в гавани св. Маманта. Стычки происходили ежедневно в течение шести месяцев. Защитники города сделали ошибку, перейдя в гавань Неорий. Это дало возможность Феодосию переправиться на фракийский берег Босфора и подойти к сухопутной стене Константинополя в самом слабом ее месте, со стороны Влахерн. В городе нашлись предатели, и мятежники проникли через ворота стены, сооруженной при Ираклии, называвшейся Μονότειχος (одиночная стена, в противоположность двойной стене, носившей имя Феодосия), и овладели городом. В ту же ночь опсикиане и готогреки подвергли жестокому грабежу дома богатых горожан, не давая никому пощады.

Феодосий, оказавшись вопреки всяких ожиданий владыкой столицы, что превратило его из претендента в императора, обратился к посредству патриарха Германа и отправил вместе с ним в Никею к Анастасию всех поставленных им начальников охраны города. В сознании полной невозможности отстаивать свои права против опиравшегося на военную силу Феодосия, Анастасий сложил с себя сан императора. Выговорив себе личную неприкосновенность, он принял монашеский постриг и явился к Феодосию, который отправил его на жительство в Фессалонику.[822]

Положение нового императора было весьма непрочно. Возведение его на трон было делом одной фемы Опсикия. А в эту пору Лев, стратиг фемы анатоликов, под видом приверженности к Анастасию, от которого получил свой пост, отказался признать Феодосия и задумал занять трон. Для этой цели он вступил в соглашение со стратигом фемы армениаков, армянином Артаваздом, и скрепил этот союз тем, что помолвил с ним свою дочь.[823]

Лев был родом из киликийского рода Германикеи, а по крови — исавр. Имя, нареченное ему при крещении, было Конон, типичное для исавров.[824] В памяти истории он остался с именем Льва, которое принял впоследствии, неизвестно по какому поводу. В первое правление Юстиниана его отец вместе со своим семейством был переселен на запад, в город Месембрию во Фракии на берегу Черного моря.[825] По всей вероятности, он принадлежал к военному сословию, и после заключения мира с арабами был переведен с отрядом, к которому принадлежал, или командиром которого состоял, в крепость, представлявшую важный опорный пункт на территории, которой тогда угрожали болгары. Когда Юстиниан в 705 году шел через Фракию

---

[819] См. т. 1.

[820] См. особый экскурс в приложении к этому тому.

[821] *Theoph.* 385, 5-27; *Niceph.* 50, 13-51, 12.

[822] *Theoph.* 385, 27-386, 13; *Niceph.* 51, 13-52, 2. — Краткое сведение о бунте на о. Родосе, провозглашении Феодосия и низложении Анастасия записал и *Михаил Сириец*. XI, 17, 479.

[823] Ib. 386, 13-19.

[824] Собственное свидетельство Льва, что он был крещен Кононом, см. *Theoph.* 407, 21 — *Cyril. Scythopol.* v. S. Sabae, c. 9. Отец св. Савы, Иоанн, будучи зачислен в легион исавров, переменил свое имя и стал называться Кононом. *Schenk* в своем весьма основательном исследовании: Kaiser Leos III Walten im Inneren. *Byz. Zeitsch.* V (1896), с большой уверенностью настаивал на том, что Лев был не исавр, а сириец (стр. 296-298), и убедил в том *Gelzer'a;* но это ошибка, и сообщение *Феофана о* его исаврском происхождении не может быть отвергнуто.

[825] Рассказ о сношениях Льва с арабами в 716-м году позволяет предполагать, что Лев вынес со своей родины живое знакомство с арабским языком.

с болгарским войском отвоевывать свои права на отчий трон, Лев, тогда уже молодой человек, выразил со своей стороны переход на сторону законного императора тем, что вышел ему навстречу и пригнал в лагерь болгар 500 голов баранов. Вероятно, он тогда же присоединился к свите Юстиниана, а после его воцарения был взыскан царской милостью. Юстиниан дал ему придворное звание спафария, т. е. оруженосца, приблизил к себе и «держал его, как сына». Возвышение безродного человека вызвало зависть в среде близких к особе императора людей, и на Льва был сделан донос, будто он питает честолюбивые замыслы — достигнуть трона. Произведенное по этому поводу следствие не подтвердило обвинения, но в подозрительной душе Юстиниана зародилось недоверие, и он придумал план отделаться от возвышенного им самим человека, возложив на него трудное и опасное поручение.

Лазика, или Колхида, область реки Риона на южном Кавказе, отвоеванная от персов Юстинианом Великим и поддерживавшая свои старые связи с империей и при его соименнике, как видно из того, что в соборе 692 года участвовали епископы Фазида и Петры, отпала от империи в правление Леонтия и добровольно признала над собой верховную власть арабов. Одновременно с Лазикой отложились от империи и соседние с нею земли абазгов и апсилов, искони связанные с царством лазов. Слабое центральное правительство не приняло никаких мер к восстановлению старых отношений зависимости этих христианских стран от Византии. По-видимому, Юстиниан, который был знаком с историей правления своего великого соименника, помышлял поправить оплошность своих преемников и отвоевать от арабов эти далекие области. Раньше чем организовать поход на Лазику, он задумал покарать абазгов за их отсоединение, возбудив вражду против них со стороны племени алан, которые жили на северном склоне Кавказского хребта и в прежние времена служили нередко посредниками в сношениях империи с северными варварами. Снабдив Льва большой суммой денег, Юстиниан отправил его исполнить трудное поручение. Лев имел при себе небольшую свиту, в которой были и армяне, как люди более знакомые с тем краем. В Фазиде, приморском городе, поддерживавшем торговые сношения с Трапезунтом, нашлись люди, которые могли оказать содействие спафарию императора в его трудном деле. Привезенные Львом деньги были оставлены в надежных руках, а он сам, набрав в качестве провожатых местных людей, прошел по горным дорогам в Аланию и явился к царю племени, по имени Итаксису.[826] Аланы, отрезанные крутыми хребтами от южных соседей, сохраняли свою самостоятельность и не состояли тогда ни в каких отношениях с арабами. Они приняли царского посла с великой честью и исполнили желание императора: вторглись в землю абазгов и подвергли ее жестокому опустошению, нарушив мир, который, по-видимому, до того держался в течение долгого времени.

Между тем Юстиниан, который, как утверждает наш источник, желал лишь погубить Льва возложенным на него поручением, распорядился увезти назад деньги, оставленные в Фазиде. Царь абазгов узнал об этом и известил Итаксиса, прося его выдать Льва, как виновника нарушения мира между соседями, и предложил уплатить за него выкуп в три тысячи золотых. Но аланский царь заявил, что он исполнил волю императора не из корысти, а из уважения к нему, и отказался выдать царского спафария. Царь абазгов удвоил сумму выкупа. Это соблазнило алан; но они сумели получить деньги, не предавая Льва. Они говорили ему так: «Дорога, ведущая к римлянам, как ты сам видишь, закрыта, и тебе нельзя по ней пройти. Мы сговоримся с ними о выдаче тебя и отпустим вместе с ними наших людей, чтобы узнать их проходы (клисуры); а потом мы сделаем набег, опустошим их землю и справим нашу службу». Аланские послы, отправившиеся к абазгам, чтобы договориться насчет выдачи Льва, вернулись назад со щедрыми подарками. Абазги привезли обещанный выкуп и, получив выданного им Льва с его свитой, связали их и повели в свою землю. Но аланы устроили засаду на пути, перебили абазгов, выручили Льва и укрыли его в безопасное место. Собравшись затем большим войском, они сделали вторжение в земли абазгов, когда те считали мир обеспеченным, подвергли их новому опустошению и с большой добычей вернулись из набега.

Дело Льва вступило в новую фазу, когда до Юстиниана дошло известие, что он и без денег устроил возложенное на него поручение. Он послал грамоту абазгам, в которой обещал простить их вину,[827] если они доставят ему неприкосновенным его спафария. Абазги приняли предложение императора и опять обратились к аланам с просьбой выдать им Льва, предлагая со своей стороны в заложники за его безопасность своих детей. Но Лев сам отказался довериться абазгам или, быть может, понял злоумышление против себя со стороны императора и остался у аланов в ожидании случая, который позволит ему вернуться назад. Через некоторое время в Аланию дошли вести, что в Лазику вступило войско, состоявшее «из римлян и армян», осаждало крепость Археополь, но по слуху о прибытии арабов бежало в Фазид.[828] От этого войска отбился один отряд, проникший в Апсилию, и, потеряв надежду выбраться назад, жил грабежом. По совету алан, Лев решил соединиться со своими и в сопутствии 50 туземцев и своей свиты прошел в мае месяце по снегам на лыжах (κυκλοπόδες) через горные ущелья, — и, действительно, встретился с отбившимся от армии отрядом, в котором было 200 человек. Он узнал от них, что они пробивались к аланам. Приняв их под свое начальство, Лев решил искать выхода к морю.

Он знал, что путь преграждает недоступная горная крепость, которую наш источник называет «Железной» — Σίδηρόν. В ней сидел некто Фарасманий, признававший над собой власть арабов, но имевший также добрые

---

[826] Путь его должен был лежать по тем ущельям, по которым теперь идет Военно-Осетинская дорога.

[827] Πταίσματα — возможно предположить, что абазги грабили торговые корабли трапезунтских купцов, ведших торговый обмен с кавказским побережьем.

[828] Археополь — Даба-Цвели (старый город), на истоках реки Дзеврулы.

отношения с армянами. Лев отправил к нему посла с просьбой дать ему возможность пройти к морю и переправиться в Трапезунт; он ссылался при этом на его добрые отношения к армянам и предлагал Фарасманию признать над собой власть императора. Но тот отказался вступить с ним в сношения. Тогда Лев устроил вблизи крепости засаду и наказал своим воинам, выждав время, когда люди из крепости выйдут на работы, овладеть воротами и захватить как можно больше людей. Он надеялся, что таким образом удастся ввести в крепость весь отряд. Дело не совсем удалось, так как Фарасманий успел запереть ворота и не пустил людей Льва в свою крепость. Приходилось брать крепость силой, что, ввиду ее крутого положения, было не по силам слабому числом войску Льва.

Помощь пришла неожиданно. Царь апсилов, по имени Марин, до которого дошел слух об осаде крепости спафарием императора, предполагая, что в соседнюю область вступило большое войско, явился с 300 человек и предложил Льву проводить его к морю.[829] После этого Фарасманий заявил свою готовность признать над собой власть императора и предложил Льву взять его сына в заложники. Считая для себя опасным оставить в тылу за собой крепость, Лев, получив заложника, потребовал от Фарасмания, в доказательство подданства императору, чтоб тот пустил его в крепость. Фарасманий поставил предварительным условием выдачу ему ручательства личной безопасности. Лев исполнил его желание и обещал войти в крепость только с тридцатью из своих людей. Но он не сдержал слова и отдал своим приказ, как только откроются ворота, входить всем. Войдя в крепость, люди Льва подожгли здание; разгорелся пожар, и все население высыпало из своих жилищ, спасая свое добро от огня. Лев пробыл в крепости три дня и разрушил до основания ее стены, а затем вместе с Марином прошел в Апсилию, где его встретили с большой честью, как царского спафария. Пройдя затем к морю, он переехал в Трапезунт и прибыл благополучно в столицу.[830]

Феофан, который вставил в свое схематическое и сухое изложение этот живой рассказ, написанный современником и, по всей вероятности, со слов самого Льва, заканчивает его словами: «и пришел к Юстиниану». Но гораздо вероятнее, что Лев вернулся после его низложения и гибели, около того времени, когда в столице зарождался заговор, имевший целью низложить Вардана. Когда престол занял Артемий, переименованный в Анастасия, и искал дельных и опытных людей для назначения на высокие и ответственные посты, он обратил внимание на Льва, назначил его стратигом фемы анатоликов и возвратил его, таким образом, на родину. Фема анатоликов, в пределах которой находились горные проходы из Сирии в Романию, требовала особого внимания к себе со стороны правительства ввиду грозных приготовлений арабов к большому походу, цель которого, как знали то в Византии, была овладеть столицей и положить тем конец самому существованию империи.

Бунт на острове Родосе подняли опсикиане. Возможно предположить, что их мятежное настроение было последствием того возбуждения против Анастасия, которое было вызвано тяжкой карой, постигшей их стратега, взявшего на себя инициативу низложения Вардана. Выбор кандидата на престол из среды гражданских сановников в такое трудное время свидетельствует о том, что военные сановники не имели своего кандидата, или, быть может, таковым был Георгий Вурам, патриций и комит Опсикия, не успевший использовать свою инициативу в деле низложения Вардана. Хотя, по свидетельству Феофана, Анастасий немедленно направил свои заботы на то, чтобы во главе войск стояли способные и надежные люди, но, очевидно, он не сумел создать себе популярности в армии, и когда опсикиане подняли бунт и убили главнокомандующего, то все отряды из других фем разошлись по своим стоянкам, предоставив полную свободу действий восставшим опсикианам. Бунт опсикиан не был делом какого-нибудь одного влиятельного среди них вождя, так как они остановили свой выбор на случайно известном им гражданском чине. Когда опсикиане с приставшими к ним готогреками пошли на столицу, Анастасий перенес свою резиденцию в Никею, очевидно, в том расчете, что ему удастся привлечь на защиту своих прав войска самых сильных тогда фем, живших в постоянных боевых тревогах, анатоликов и армениаков. Но этого не случилось, император оказался беззащитным, и когда мятежники проникли в столицу и тем самым получили возможность узаконить императорское достоинство за своим избранником. Анастасий покорился своей судьбе и уступил трон Феодосию. Лев, обязанный Анастасию предоставлением ему поста стратига анатоликов, не выступил на его защиту, а предпочел заключить частное соглашение со стратигом фемы армениаков Артаваздом с тем, чтобы самому занять престол, который оспаривали между собой законно поставленный Анастасий и случайный кандидат опсикиан Феодосий. Спор был решен в пользу Феодосия, но две самые сильные фемы остались в стороне от этого затянувшегося на шесть месяцев тяжкого кризиса.

Опираясь на сочувствие своих войск и заручившись поддержкой армениаков, Лев не держал в тайне своего претендентства; оно огласилось в империи и стало известно арабам, которые заканчивали свои приготовления и ставили целью похода взятие столицы и тем самым полное покорение империи. Так как Лев оставался на Востоке, в пределах своей фемы, а в столице сидел непризнанный им император, то прямой расчет арабов состоял в том, чтобы приблизиться к столице, не растрачивая своих сил на борьбу с сопротивлением по пути через Романию. На этой почве между Львом и халифом завязались сношения, и Лев беспрепятственно пропустил первую армию арабов, находившуюся под командованием вождя Сулеймана, из Киликии до крепости, лежавшей близко от западной границы его фемы, Амория. Военный план арабов состоял в том, чтобы

---

[829] Алсилия — по течению реки Кодора. В области этого племени, имевшего живые сношения с империей еще в правление имп. Адриана, был расположен на побережье старый греческий город Диоскурия, имя которого живет и доселе в названии мыса — Искуриас.

[830] *Theoph.* 391, 5-395, 1. — По всему вероятию, Лев прошел по тому самому пути, по которому в свое время возвращался Зимарх из своего посольства к великому хану турок. *Menandri* frg. 22.

заняв Аморий, утвердиться в этой крепости и на зимовку передвинуться в Азию. Потому ли что этот план не был в точности известен Льву, или же он, занятый другими делами, не успел позаботиться о судьбе Амория, гарнизон этой важной крепости не был усилен, и она легко могла оказаться во власти арабов. В Дамаске имели свои сведения об Амории, и арабы предполагали, что этот город, сохраняя верность императору, не признает над собой власти Льва, открыто выступившего претендентом на престол.

Сулейман во главе своего конного войска беспрепятственно совершил путь через области, входившие в фему анатоликов, и, подойдя к Аморию, обложил его и ждал прибытия главных сил, находившихся под командованием Масальма. Подходя к стенам города, арабы возглашали с большим задором многолетие Льву, как императору, и предлагали населению сделать то же самое. Аморийцы ответили им такими же кликами. Из лагеря под Аморием Сулейман обратился с письмом ко Льву такого содержания: «Мы знаем, что римская держава должна принадлежать тебе. Поэтому приходи к нам, и будем вести переговоры о мире». Где находился Лев в ту пору — не сказано в нашем источнике. На это обращение Лев дал такой ответ: «Если ты хочешь, чтобы я явился к тебе для переговоров о мире, то зачем ты держишь город в осаде?» Сулейман ответил на это: «Приходи, и я отступлю». Получив от Сулеймана «слово», λόγον, т. е. грамоту личной безопасности, Лев с конной свитой в триста человек направился к лагерю арабов. Завидев его приближение, арабы сделали ему торжественную встречу в полном боевом снаряжении и разбили палатки на расстоянии полумили от своего лагеря. В течение трех дней шли переговоры об условиях мира, причем Лев выставил требование, чтобы арабы отступили от города. Но арабы отвечали на это требование заявлением: «Заключи мир, и мы отступим». Лев имел основания подозревать, что Сулейман хочет захватить его, а сам думал о том, как бы не допустить взятия арабами беззащитного Амория. Он задал большой обед, на который пригласил много видных офицеров арабского войска. Во время затянувшегося роскошного пира он получил известие от своих сторожевых постов (βίγλα), что три тысячи всадников окружили его лагерь. Один из всадников, по имени Зубер, вошел в палатку, где шел пир, и заявил, что Сулейман послал их окружить лагерь, так как из арабского лагеря бежал один раб, стащивший большую сумму денег. Понимая коварную хитрость противника, Лев сказал: «Не беспокойтесь. Куда бы он ни ушел в наши укрепления, мы его сыщем». Тревожась за судьбу Амория, Лев тайком послал в город верного человека сказать населению: «Побойтесь Бога; не выдавайте себя. Ведь вот приближается Масальма». Епископ Амория, получив эту весть, явился ко Льву в лагерь, и Лев сумел тайком от арабов повторить ему те же слова, а одному из своих приближенных приказал немедленно переодеть епископа дровосеком или водоносом и выслать его в окрестные горы.[831] Это произошло во время пира. Сулейману стало каким-то образом известно, что ко Льву являлся епископ, и он прислал требование выдать его. Пировавшие у Льва арабские офицеры настаивали на исполнении этого требования, но Лев заявил, что епископа нет в его лагере, и, заканчивая пир, предложил своим гостям возвратиться к эмиру, обещая и сам вскоре явиться, чтобы потолковать обо всем. Арабы, соображая, что им будет еще легче захватить Льва, когда он будет среди них в их лагере, оставили его.

Избавившись от опасных гостей, Лев немедленно выехал из своего лагеря с двумястами всадниками под видом охоты, которая уже давно в имперской армии имела характер обычного и обязательного для военных людей занятия и упражнения.[832] Несколько арабов выехало вместе с ним; но когда он повернул на север и сказал им, что едет на луга, куда хочет перевести свой лагерь, то эти нежелательные спутники повернули назад. Тогда Лев, обращаясь к своим воинам, сказал: «Дав нам “слово”, они хотели нас захватить и через нас погубить христиан. Из людей и коней, которых мы оставили, они не возьмут ни одного». Проехав десять миль вперед, он разбил лагерь на новом месте; а на следующее утро послал своего доместика страторов сказать Сулейману такие слова: «Вы дали мне “слово”, и хотели меня схватить. Поэтому я от вас ухожу».[833]

Сторожевая служба у Льва была хорошо организована, и он знал, что Масальма прошел уже горные проходы в Каппадокии; но это не было известно Сулейману и его войску. Продолжительное бездействие под стенами Амория наскучило арабам, они хотели рассыпаться отдельными отрядами для грабежа страны, и Сулейман принужден был отступить. Сняв свой лагерь, арабы покинули Аморий. Этим воспользовался Лев и распорядился, чтобы турмарх его фемы, по имени Никея, вступил в Аморий с 800 воинов и выселил из него женщин и детей ввиду возможности осады в скором времени. Обеспечив Аморий, он сам переехал в Писидию.

Когда Масальма вступил в Каппадокию, местное население в страхе перед нашествием, так как Лев, очевидно, по соглашению с халифом, не организовал отпора и защиты, заявило Масальме через своих представителей готовность покориться ему. Убедившись из расспросов, что эта область находится под властью Льва, Масальма обещал им полную безопасность и отдал по войску приказ с запрещением производить грабеж и насилия во всех областях фемы анатоликов.[834] Когда Лев получил известие об этом, то, принимая в соображение, что Сулейман должен был довести до сведения Масальма о своих сношениях с ним и о том, как он от него ушел, отправил письмо к Масальме такого содержания: «Я хотел явиться к тебе; но Сулейман, когда я был у него, хотел схватить меня, и я боюсь теперь отправиться к тебе». Между посланным Льва с Масальмой произошел такой разговор: «Масальма сказал: “Я знаю, что стратиг обманывает меня ради того, чтобы я не грабил его областей”. Посланный

---

[831] Тревожный тон обращения Льва к населению Амория и то обстоятельство, что епископ немедленно явился к нему, делают вероятным предположение, что власть Льва до того времени не признавалась в этом городе, ввиду его претендентства.

[832] *Maurìcii* Strategicon. I, 9, p. 44; III, 11, p. 96; VII, 1, p. 137; IX, 5, p. 233.

[833] *Theoph.* 386, 23-388, 24. — Μίλιον — римская миля, т. е. тысяча шагов, на современную меру 1480 метров.

[834] В нашем источнике передан разговор Масальмы с каппадокийцами.

возразил: “Нет, не так, он пишет тебе правду”. Масальма спросил: “А как у него с Аморием?”, на что последовал ответ: “Прекрасно! Город в подчинении у него”. Масальма сказал: “Что ты лжешь?” Посланный возразил: “Дело обстоит так, как я сказал. Он поставил туда воинов с турмархом и выслал лишние семейства”. Масальма страшно рассердился и прогнал посланного. Это сведение об Амории шло вразрез с его планом сделать этот город местом остановки для организации дальнейшего похода в провинцию Азию, где он предполагал провести зиму. Через некоторое времени он позвал к себе посланного, и тот ему подтвердил, что в Амории стоит гарнизон Льва, причем определил его численность в тысячу человек. Тогда Масальма написал Льву такое письмо: “Приди ко мне, и я заключу с тобой мир и сделаю все, чего ты хочешь”».

Когда Лев получил это письмо, он рассчитал, что Масальма находится близ города Масалея,[835] и что в течение пяти дней он должен будет перейти границу его фемы, и отправил к нему письмо такого содержания: «Я получил твое письмо и принял твое предложение, и вот отправляюсь к тебе. Но, как ты знаешь, я стратиг и меня должны сопровождать и деньги, и серебро,[836] и мои люди. Пришли мне о каждой статье “слово”. И если, как я прошу у вас, дело мое справится, то хорошо; а если нет, то чтобы мне возвратиться назад без всяких затруднений и неприятностей». На этот раз письмо привезли два «ипата», — термин, обозначающий знатных людей. Они встретили Масальму в городе Феодосианах.[837] Прочитав письмо, Масальма сказал: «Я знал, что меня обманывает ваш стратиг». Послы заверяли, что это не так, и Масальма выдал им охранную грамоту, какой хотел Лев, для него и свиты. Так как войско Масальмы было весьма многочисленно, то он не мог задерживаться в пути, чтобы иметь подножный корм как для конного войска, так и для лошадей и верблюдов огромного обоза, и вскоре дошел до города Акроина, расположенного на границе фемы анатоликов.[838] Лев, избавив своей хитростью области своей фемы от грабежа и разорения при проходе арабского воинства, не считал себя связанным обещанием явиться к Масальме и направился в Никомидию. Масальма, продолжая продвигаться на запад, вступил в провинцию Азию, взял города Сарды и Пергам и остановился на зимовку в этой области (716/717 г.) Флот в количестве 1800 судов, состоявший под начальством Омара, зимовал на Киликийском побережье.[839]

В Никомидии, главном городе фемы Опсикия, проживал сын имп. Феодосия, которого отец приобщил к верховной власти, провозгласив его августом. Соответственно своему сану он имел большой штат придворных чинов. Лев захватил его со всем его штатом, переехал в Хрисополь и завел сношения с двором непризнанного им императора. Надвигавшаяся с востока страшная гроза, встретить которую готовился еще Анастасий с самого начала своего правления, держала столицу империи в тревожном напряжении. Двор и синклит, окружавшие трон Феодосия, сознавали его полную неспособность справиться с предстоящей опасностью, и сам Феодосий понимал несоответствие своих сил с трудностью положения, когда к тому же против него стоял, как претендент на трон, такой сильный человек, каким был стратиг анатоликов, вступивший в частный договор со стратигом армениаков. Патриарх Герман, который, покоряясь необходимости, год тому назад сам венчал Феодосия на царство и вел затем переговоры с Анастасием о сложении им сана в угоду ставленнику опсикиан и готогреков, принял на себя опять роль посредника в сношениях между двором и властным претендентом. Феодосию и его сыну была обеспечена личная безопасность; они сложил сан, приняли посвящение в клир, и местом жительства низложенным августам был назначен город Эфес, свободный в те времена от военных тревог и опасностей.

Когда дело было окончательно оформлено, Лев переехал на европейский берег Босфора и вступил в столицу в триумфальном шествии через Золотые ворота. Шествие направилось в храм св. Софии, где и произошло 25 марта 717 года венчание Льва на царство, которое совершил патриарх Герман.[840] В лице Льва закончился длинный ряд переворотов, начавшийся с низложения Юстиниана в 695 году, отдававших последовательно трон семи императорам. Лев взял в свои сильные руки руль государственного корабля в трудную минуту, благополучно вывел его из страшной опасности, поднял военную мощь государства, обеспечил дальнейшее его существование и дал империи новую династию, которая направляла судьбы Византии в течение VIII века.

Столетие, в течение которого империя жила под верховной властью династии Ираклия, было отмечено крушением старого величия и оскудением жизненных сил государства. Выступление арабов на арену мировой истории и победное шествие ислама тяжко отразились на судьбах империи. Ираклий и его преемники оказались бессильными перед новым врагом, и империя утратила из старого своего достояния все восточные области, Египет и северное побережье Африки. Вместе с тем Средиземное море перестало быть “римским озером”, и арабы сумели создать себе морское могущество и разделить власть над морем. Относительно Сирии и Египта этот тяжкий переворот был подготовлен в предшествующее время на почве разобщения сирийцев и египтян с империей в сфере религиозного сознания. Сирийцы и египтяне, национальное сознание которых

---

[835] Этот город, как расположенный в феме анатоликов, упомянут в житии св. Никиты, AA. SS. Apr. III, app. p. 30. *Ramsay*, ук. соч. 356, локализует его на пути из Киликии в Акроин.

[836] Следует понимать обычную в то время обстановку стола у знатных людей. Ср. *Theoph.* 382,20 — о выезде знатных людей на свои пригородные виллы.

[837] *Рамсай*, ук. соч. 199, помещает город Акроин на месте нынешнего Афиом Кара Гиссар.

[838] Город Феодосианы лежал в западной половине Фригии, носившей имя Капатианской. Он упомянут у *Гиерокла. Synecdemus*, p. 20 (668, 16), рядом с городом Кады, лежавшим на верховьях реки Герма, впадающей в Смирнский залив.

[839] Сведение о числе судов сохранил *Никифор* (52, 13).

[840] *Theoph.* 390, 19-26; *Niceph.* 52, 9-26.

объединилось с монофизитским исповеданием христианского учения, предпочли иго ислама старой политической связи с империей. Первые сохранили под властью арабов свою национальность, свою церковь и свою образованность, которая получила у них исключительно богословский характер. Ислам лишь постепенно отягчал свое иго над ними, и отпадение от христианства сводилось к отдельным случаям и не имело массового характера. Иначе было в Египте, где отпадение от христианства началось немедленно после завоевания и впоследствии получило массовый характер. Еще более тяжко было положение африканского побережья. Старая латинская культура, упрочившаяся за продолжительное время зависимости от Рима и ставшая христианской, была сметена арабским завоеванием, а туземные маврские племена легко подчинились арабам, восприняли ислам вместо господствовавшего раньше христианства и, променяв мощное воздействие латинской культуры на объединение с арабами, оказали им огромные услуги в дальнейших завоеваниях на западе.

За время правления той же династии империя потеряла почти все свои области с армянским населением. Издавна пребывавшая в разделении между империей и персидской державой Армения после крушения последней сблизилась с империей, как христианским царством. Этого сближения искали даже крайние восточные области, не имевшие раньше никаких сношений с империей и не входившие в ее политический горизонт. Но мощная энергия завоевательного стремления арабов и слабость политических форм внутреннего объединения армянского народа имели своим последствием то, что от империи были отторгнуты не только слабо связанные с нею области, но и те земли, которые прочно вошли в ее состав еще при Феодосии Великом. Северо-восточная граница империи отодвинулась далеко от линии Евфрата и прошла по горным кряжам провинций Еленопонта, Первой и Второй Армении. Армяне сохранили под властью арабов свою национальную церковь св. Григория, восполнявшую отсутствие политических форм единения народа, и в дальнейших своих судьбах были обречены на объединение с Сирией.

После утраты огромных территорий чуждых по языку и крови племен, входивших в великое единство римской мировой державы, империя в правление династии Ираклия постепенно превращалась в греческое национальное государство с интеллектуальным единым центром в Византии. По старой традиции это государство сохранило имя державы римлян, *βασιλεία τῶν Ῥωμαίων* и удержало в своем единстве области латинской культуры на территории Италии и островах западной половины Средиземного моря. Начавшееся при Ираклии монофелитство грозило оторвать от империи этот скудный придаток к основному ядру империи. Вселенский собор 680-681 года, на котором империя отказалась от монофелитства, явился последним отблеском вселенского значения римского императора, и слабый правитель, которым был имп. Константин, остался в памяти потомства в ореоле верховного хранителя истины христианской догмы. Этот отблеск не поднял политической мощи государства и лишь отсрочил на несколько десятилетий утрату областей латинской культуры.

Водворение болгар на территории Балканского полуострова при том же императоре положило начало существованию новой враждебной силы в ближайшем соседстве со столицей империи, и эта угроза выросла благодаря тому, что болгарская кочевая орда сумела дать политическую организацию той славянской массе, в воздействии на которую империя оказывалась бессильной.

Опасность со стороны востока вырастала все более и более грозно, подтачивала силы империи и была остановлена в тот момент, когда арабы покусились на само существование империи, ополчившись на ее столицу. То была заслуга родоначальника новой династии, сменившей, хотя и не непосредственно, дом Ираклия. Непрерывные военные тревоги ослабляли населенность восточных областей империи, составлявших главное ее ядро, расстраивали и огрубляли ее административную систему. Гражданское управление, действовавшее в прежнее время, захирело, и административная власть перешла фактически в руки властных военачальников, стоявших во главе армии, поделенной по территориальным округам. Значение военного элемента в жизни государства непрерывно возрастало, и первое, неокончательное, как потом оказалось, устранение династии Ираклия отдало трон стратигу, которого вскоре сменил другой. Когда после низвержения Вардана придворная столичная знать возвела на трон гражданского сановника в надежде на его административные таланты и опыт, бунт одной фемы устранил его от власти, а через год после того опять стратиг взял в свои руки верховную власть в ясном сознании, что только представитель военной силы может спасти государство от конечного крушения под напором внешнего врага.

В сфере духовного творчества столетие династии Ираклия было крайне скудно. Писателей не было, не было и поэтов, так как вряд ли заслуживает названия поэта певец славы Ираклия, Георгий Писида, хотя он и был обильным стихотворцем. Умственные интересы тогдашних поколений были сосредоточены на богословских вопросах в тесном круге признанных авторитетами в век Юстиниана Великого церковных писателей старого времени. В этой сфере век Ираклидов имел одного наиболее даровитого и цельного выразителя умственных и нравственных запросов и настроений того времени в лице Максима Исповедника. Но этот видный представитель своего века звал не к жизни с ее стремлениями к лучшему будущему, а к созерцанию в тиши монашеской кельи и отрицанию мира с его тревогами, бедствиями и страданиями.[841] То же бесплодие и господство старых традиций царило в искусстве, которое по-прежнему оставалось в служении интересам церкви и грубой роскоши, в которой погряз высший класс тогдашнего общества.[842]

---

[841] О Максиме Исповеднике недавно появилось прекрасное исследование проф. *Епифановича*: «Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие». Киев. 1915.

[842] Ср. *Diehl*. Manuel d'Art Byzantin. Paris. 1910. Ch. IX, 309-315.

Эллинизм, который еще в век Юстиниана Великого был отождествлен с язычеством и подвергался тяжким гонениям, был задавлен окончательно и умер. Вместе с тем пало образование, почерпавшее свою силу в изучении дивного и бесконечно богатого наследия греческой творческой культуры старых времен. Если в эпитафии несчастной вдовы имп. Маврикия и ее дочерей, написанной, по всей вероятности, вскоре после низложения Фоки, чувствуется воздействие языка Гомера и знакомство с ним,[843] то во всем обильном и столь убогом стихотворстве Георгия Писиды тщетно было бы искать следов знакомства автора с богатым наследием древней греческой поэзии. Образование оскудевало. Нравы грубели. Красноречивое свидетельство об этом дает Пято-шестой собор в своих запретах. Это огрубение нравов сказалось в широком применении жестоких членовредительских казней, как ослепление, урезание языка и носа, которые вошли в обычай даже к особам императорского дома: Мартина и ее дети, братья имп. Константина, Юстиниан, оставшийся в истории с эпите-том «Ринотмет» (т. е. «с отрезанным носом»).

[843] Эпитафия императрицы Константины в храме св. Маманта. *Cedr.* 1, 707 *(Zonara.* 14, 14, 14).

ἀδ' ἐγώ ἡ τριτάλαινα και αμφοτέρων βασιλήων
Τιβερίου θυγάτηρ Μαυρίκιου δε δάμαρ,
ἡ πολύπαις βασίλεια καί ἡ δείξασα λοχείη
ὡς ἀγαθόν τελεθεί καί πολυκοιρανίη,
κεῖμα: συν τεκέεσσι και ἡμετέρω παρακοίτη
δήημου ἀτασδαλίη καί μανίη στρατιής.
Τῆς ' Εκάβης ετλην πολύ χείρονα, τής ' Ιοκάστης
αι αι τῆς Νιόβης εμπνοός εἴμι νεκυς,
ναι ναί τον γενετήν τί μάτην τα νεογνά εκτειναν
ανθρώπων κακίης μηδέν ἐπιστάμενα:
ἀμετεροις πετάλοισι κατάσκιος ούκέτι ' Ρώμη
ρίζα γάρ ἐκλάσθη Θρηικίοις ἀνέμοις.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Экскурс I

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМ ИЗ ПЕРСИДСКОГО ПЛЕНА[844]

Возвращение Креста Господня из персидского плена и водворение его в Иерусалим — события такого великого значения для современников — засвидетельствованы в предании византийских хронистов крайне скудно и притом в двух противоречивых версиях. По одной из них, которую представляет Феофан, Крест Господень был возвращен Ираклию первым преемником Хосрова, царем Широе. Свидетельство об этом имеет вид краткого общего замечания, прибавленного в заключение весьма полного и детального описания последнего похода Ираклия в Персию, имевшего роковые последствия для Хосрова, и дано в таких словах: «Тогда Широе пишет Ираклию, оповещая его о гибели нечестивого Хосрова и заключает с ним (Ираклием) вечный мир, выдал ему всех находившихся в заточении христиан и содержавшихся в Персии пленных, вместе с патриархом Захарией и честным животворящим древом, которое было увезено из Иерусалима Шахрбаразом, когда он его взял».[845] — Военные события последнего похода Ираклия в Персию и его последствия для царя Хосрова, а также и это заключительное замечание отнесены Феофаном к 17-му году правления Ираклия. Под 18-м — Феофан рассказывает о возвращении Ираклия в столицу, сводя это событие к описанию торжественной встречи императора клиром, синклитом и народом в Иерии, на азиатской стороне Босфора, причем вовсе не упомянуто о Кресте Господнем, который, по предыдущему сообщению того же автора, был уже возвращен Ираклию царем Широе. А под 19-м годом помещено известие об отъезде Ираклия, «в начале весны», на восток и водворении Креста Господня в Иерусалиме.

Гораздо полнее и богаче подробностями, касающимися судьбы Креста Господня, другая версия, которую сохранил Никифор. По его сообщению, в ответ на первое сообщение преемника Хосрова, Широе, полученное в Армении, Ираклий потребовал незамедлительного возвращения Креста Господня. Но Широе этого требования не исполнил и писал Ираклию, что Крест будет отослан, когда его удастся найти. Вскоре Широе впал в тяжкую болезнь и скончался. В предсмертном письме он просил Ираклия принять под свое покровительство его младенца-сына, и Никифор сохранил цитату из этого письма такого содержания: «Как по вашим верованиям ваш Бог был вручен старцу Симеону, так я предаю в твои руки раба твоего, моего сына. Да узрит Господь, как ты с ним поступишь».[846] В дальнейшем повествовании Никифор рассказывает о сближении Ираклия с Шахрбаразом и заключении договора с ним, по которому были очищены от персидских гарнизонов занятые ими области империи и отослан Ираклию Крест Господен. О возвращении Креста Никифор говорит так: «Сам он (Ираклий), получив Животворящее древо запечатанным, как оно было увезено (из Иерусалима), прибыл в Иерусалим и отдал его епископу Модесту и клиру. Они признали печать целою и возблагодарили Бога за то, что Креста не касались нечистыми руками варвары. Патриарх принес ключ, хранившийся у него, и все совершили поклонение открытому (Древу). Когда оно было там (т. е. в Иерусалиме) воздвигнуто, царь тотчас отослал его в Византию... Шел второй индикт, когда это случилось. Вскоре затем Ираклий отправился в Византию».[847]

Не входя в разъяснение и критику приведенных известий, укажем лишь на главный пункт разногласия Никифора с Феофаном: Крест был получен от Шахрбараза и немедленно привезен Ираклием в Иерусалим, после чего Ираклий и сам отправился в Константинополь.[848] Эти события Никифор датирует вторым индиктом, т. е. годом от 1 сентября 628 до 31 августа 629.

Бароний в своих *Annales Ecclesiastici,* сославшись на свидетельство Феофана, отнес возвращение Креста Ираклию и водворение его в Иерусалиме к 628 году и без всяких оснований связал последнее событие с праздником Воздвижения Креста.[849] Ему последовал и Гиббон. Лебо в своей Histoire du Bas-Empire (т. XI, изд. S. Martin, стр. 168-169), отнесясь более внимательно к свидетельству того же Феофана, приурочил возвращение Креста в Иерусалим к 629 году, удержав мнимую связь его с днем 14 сентября. Драпейрон в монографии об Ираклии (1869) принял тот же год для водворения Креста в Иерусалиме, а на 14 сентября 628 года поместил фантастическое событие: торжественное водворение Креста Господня в константинопольском храме св. Софии. Дату 14 сентября 629 года принимал также столь авторитетный ученый и глубокий критик, каким был проф. Нёльдеке.[850]

---

[844] Напечатано в «Сборнике статей в честь Владислава Петровича Бузескула». Харьков. 1913-1914, 163-171.

[845] *Theoph.* 327 — передаю буквально, не устраняя шероховатостей стиля.

[846] *Никифор* не называет имени Ардашира, известного нам из других источников, и преемниками Широе называет двух царей — Καβόης Ὁρμίσδας, которые будто бы умерли один за другим. *Brev.* 21,4.

[847] *Niceph.* Brev. 3-19.

[848] Сообщение *Никифора,* что Крест был немедленно отослан из Иерусалима в Константинополь, не соответствует истине. Это случилось лишь после битвы при Ярмуке, когда Ираклий потерял надежду отстоять Сирию от арабов.

[849] Том XI нового издания.

[850] *Nöldeke.* Tabari. 392, прим. 1.

В новейшей монографии об Ираклии, принадлежащей итальянскому ученому Перниче (Imperatore Eraclio. Firenze, 1905), принята та же самая дата, и автор постарался подтвердить приуроченные события к 14 сентября весьма сомнительными свидетельствами позднейших западных источников (Appendix III, стр. 319-320). В противоположность своим предшественникам, Перниче в изложении общего хода событий принял версию, сохраненную Никифором. Его побудило к тому не только знакомство с весьма важным для событий того времени армянским историком Себеосом, но также свидетельство нового источника, каким явилась поэма певца славы Ираклия, Георгия Писиды, на возвращение Креста в Иерусалим. Заслуга опубликования этого памятника принадлежит Штернбаху (*Wiener Studien,* т. XIII). Скудная в смысле сообщения исторических данных эта поэма начинается с такого возгласа: «Торжествуй, Голгофа! Вся тварь чтит тебя опять и именует преемницей Бога, ибо царь, придя из Персии (ἐκ Περσνδος ἀφιγμένος), показывает в тебе водруженный Крест...» Слова: «придя из Персии» побудили Перниче произвольно дополнить сведения источников предположением, высказанным в категорической форме, о том, будто Ираклий перешел из Армении, где он находился по окончании войны, в Сирию (но в ту пору Сирия еще не была оставлена персами).

Задолго до того, когда вышла в свет монография Перниче, хронологией событий времени Ираклия занимался наш знаменитый ученый, профессор Петербургской Духовной Академии, В. В. Болотов, скончавшийся в 1900 году. Из бумаг покойного был извлечен его незаконченный этюд, который появился в журнале «*Византийский Временник*» за 1909 год (т. XIV). Болотов начал свое исследование с доказательства того положения, что Ираклий вернулся в столицу осенью 629 года, а не немедленно по окончании войны в 628 году, как это принимали все ученые, касавшиеся этого вопроса раньше. Пребывание Ираклия в Армении Болотов связывал с его заботами об устранении церковного раскола и на конец 628 и начало 629 года помещал собор в Феодосиополе (Карине), на котором армянская церковь приняла Халкидонский собор. Наряду с этой, весьма слабой гипотезой, Болотов выставил другую, а именно, что Крест был возвращен немедленно по смерти царя Широе от имени малолетнего преемника его Ардашира посольством, которое исполнял католикос Ишояб, вступивший тогда же в церковное общение с Ираклием. Болотов предполагал далее, что Крест был отослан в столицу раньше возвращения императора, а не привезен им самим осенью 629 г. Исправляя показание Феофана о 19-м годе правления Ираклия, как дате водворения Креста в Иерусалиме, на основании других сохраненных Феофаном свидетельств, Болотов отнес поездку Ираклия на восток и водворение Креста в Иерусалиме к 630 году. В поисках для определения дня возвращения Креста в Иерусалим Болотов остановился на существовании у коптов праздника Креста Господня 6 марта и предположил, что этот праздник установлен был в память именно этого события. Крестопоклонная неделя в тот год приходилась на 11 марта, и в этот именно день Крест был воздвигнут на Голгофе.

Такой тонкий критик, каким был покойный Болотов, допустил в этом этюде целый ряд слабо обоснованных гипотез и предположений, и его друзья, издавшие этот незаконченный им этюд без проверки и дополнений в доказательствах выставленных им гипотез, отнеслись без должного уважения к его научному авторитету. Из всех выводов Болотова несомненное значение должно быть признано только за одним, а именно, что Ираклий вернулся в столицу не раньше осени 629 года и, прожив там зиму, ранней весной 630 года отправился в Иерусалим, где водворил Честной Крест, а затем отбыл на восток. К такой хронологии событий Болотов пришел кружным путем критики разнообразных свидетельств предания и собственных гипотез, но установленные им даты находят полное подтверждение в одном современном источнике, который остался ему неизвестен. Разумею Мученические Акты Анастасия Перса в издании Узенера по неизданным дотоле греческим подлинникам (актовая программа Боннского университета).[851] Этот текст существенно отличается от того, по которому был сделан латинский перевод, вошедший в издание болландистов Acta Sanctorum под 22 января, тем, что кроме повествования о жизни и мученической смерти Анастасия, он включает рассказ о водворении мощей святого из Персии в Палестинский монастырь св. Анастасия, в котором он проживал в течение семи лет после своего обращения.[852] Текст этот написан современником и очевидцем пребывания Ираклия в Иерусалиме, который воспользовался отъездом императора из Иерусалима в Месопотамию, чтобы совершить путешествие в Персию, имевшее целью привезти мощи Анастасия в родной ему монастырь. Год пребывания Ираклия в Иерусалиме автор обозначает так: «в третий индикт, в двадцатый год своего царствования». Присоединившись к свите царя, монах доехал с ним до Константины (Телла) и оттуда уже один отправился в Персию, осуществил свое благочестивое намерение и, овладев останками Анастасия, привез их по другой дороге, через пустыню, на Пальмиру и Тир в Палестину. Он возвратился в родной монастырь 2 ноября пятого индикта, т. е. 631 года.[853] Это свидетельство устанавливает справедливость показания Феофана, что Ираклий вернулся в столицу раньше, чем водворил Крест в Иерусалиме. Отсюда следует, что слова ἐκ Περσιδος ἀφιγμενος у Георгия Писиды не имеют того значения, которое им дал Перниче, а должны быть истолкованы в более общем значении — после возвращения с войны с персами.

Сообщение Никифора о целости печатей на ящике, в котором был перевезен Крест в Иерусалим, и тождестве их с теми, которые были наложены при отправке Креста в Персию Шахрбаразом, сохранности у патриарха

---

[851] *Acta martyris Anastasii Persae* graece primum edidit *Hermannus Usener*. Bonnae. 1894.

[852] Дата мученической смерти Анастасия указана в греческом тексте неверно и должна быть исправлена на 22 декабря, как это выяснил *Nöldeke* в своем переводе арабского историка *Табари,* стр. 296, прим. 1. Декабрь и январь назывались у сирийцев одним именем: kenun — первый и второй. В данном случае был кенун первый.

[853] Ук. соч. p. 12, a. 31; 14 b, 6.

ключа от ящика, все это обрывки легенд, возникших позднее в оправдание и доказательство подлинности Креста. В сирийских источниках имеются прямые свидетельства о том, что Крест не остался под спудом. Йездин, главный начальник финансового управления в Персии при Хосрове, пользовавшийся большим его расположением, христианин несторианского исповедания, взял часть от Животворящего Древа с разрешения Хосрова и поднес драгоценнейший золотой крест с частицей Креста Господня знаменитому отшельнику Мар-Бабаю, подвизавшемуся в горах Изалы.[854]

Если мученические акты Анастасия удостоверяют год события, то новый памятник, изданный проф. Марром в 1909 г., дал нам свидетельство современника о дне прибытия Ираклия в Иерусалим. Разумею «Повесть о пленении Иерусалима», принадлежащую монаху монастыря св. Савы близ Иерусалима, Антиоху Стратигу.[855] Извлечение из этого творения было опубликовано в арабском тексте с французским переводом в журнале *Revue de l'Orient Chrétien* за 1897 г. Проф. Марру посчастливилось найти полный его текст на грузинском языке, который он издал с русским переводом и обширным исследованием в виде предисловия. Весьма подробное, расцвеченное риторикой повествование Антиоха заканчивается кратким сообщением о возвращении Креста Господня в Иерусалим. Позволю себе привести из него следующее свидетельство: «В лето семнадцатое от пленения Иерусалима, в третий год по убиении Хосрова, в двадцать первый год воцарения Ираклия, третьего индикта персидский военачальник Разми-Озан (т. е. Шахрбараз) убил персидского царя Ардашира. Разми-Озан завладел царством, подружился с греками и пожаловал царю Ираклию животворящий Крест Христов в благодарность, как сокровище всего мира и как обогащающий дар. А царь Ираклий принес его в Иерусалим, куда прибыл с Мартиною... Вступил к нам в Иерусалим двадцать первого марта, водрузил опять на своем же месте славное и честное древо Креста, запечатанное по-прежнему в ящике, как он был взят. Ящик оставался, как ковчег завета, нераскрытым среди иноплеменников».[856]

Сравнение Креста с ковчегом завета в судьбе его среди иноплеменников является указанием на сам мотив возникновения легенды, которая была известна Никифору, как указано выше.

Мученические акты Анастасия и повесть Антиоха Стратига должны бы, казалось, устранить всякие сомнения в определении даты возвращения Креста в Иерусалим. Но этого не случилось, и в апрельской книжке журнала *English Historical Review* за 1912 год английский ученый Норман Бейнз, ознакомившись со статьей проф. Болотова, выступил с полемикой против 630 г. и пытался доказать правильность датировки этого события 629 годом, как ее принял по старой традиции Перниче.[857]

Поводом к этой полемике послужило то обстоятельство, что в поэме Георгия Писиды сделано указание на то, что весть о водворении Креста в Иерусалиме пришла в Константинополь в Лазареву субботу. В 630 году Лазарева суббота приходилась на 31 марта, а в 629 — на 8 апреля. Принимая в соображение тогдашние средства сообщения, Бейнз находил промежуток между 21 и 31 марта слишком кратким для того, чтобы могло прийти известие из Иерусалима в столицу, и считал более правильным держаться 629 года. Вступив в переписку с г-ном Бейнзом, я узнал от него, что, ознакомившись с актами Анастасия, он считает вопрос решенным в смысле 630 года и постарается в печати отказаться от высказанного им недавно мнения. Весьма детальный анализ материала византийских хронистов, который представил Бейнз в своей статье, не лишает ее ученого значения, несмотря на ошибочность положения о дате, которую он отстаивал.

В заключение этого обзора позволю себе указать на одно свидетельство хроники Михаила Сирийца, которое является подтверждением вывода Никифора о судьбе Креста. — В биографии епископа Севера имеется такое свидетельство: — Il y avait aussi un général de Mabboug qui était parent du saint (Sévère). C'est celui qui avait ramené de Perse et reçu de Schahrbaraz le bois sacré de la crucifixion et l'empereur Héracle l'avait rezu de lui á Mabboug.[858]

Это свидетельство, являясь в дополнение к другим, сохраненным у Себеоса, Фомы Маргского и Табари, позволяет представить себе дело в такой последовательности. — Вступив в союз с Шахрбаразом в июле 629 года на свидании в Арависсе Триречном, в восточной Каппадокии, Ираклий оказал ему военную поддержку для его похода в Персию, имевшего целью отстранить своих личных врагов от влиятельного положения при дворе малолетнего Ардашира и занять первое место в государстве. В ожидании исполнения обязательств, принятых на себя Шахрбаразом, Ираклий отправился в столицу и провел так зиму, получая, очевидно, оповещения от своих людей, сопровождавших Шахрбараза,[859] и от него самого о ходе дел в Персии. Шахрбараз взял Ктесифон после сопротивления (о чем сохранил сведение Табари), отомстил своим врагам, упрочил за собою первое место при малолетнем царе, не посягая на его жизнь (что случилось позднее: 17 апреля 630 года).[860] Военные отряды

---

[854] *Script. Syri*. Ser. 3, t. 4, *Chron. min*. 1 (1903), p. 21-22 (*Anonym. Guidi*).

[855] Тексты и исследования по армяно-грузинской филологии. Вып. IX. Спб. 1909.

[856] Ib. стр. 65 рус. перевода.

[857] *Norman Baynes.* The Exaltation of the Cross.

[858] *Michel le Syrien.* Chronique ed. Chabot, II, p. 427.

[859] В одном армянском источнике сохранились имена вождей. — См. *Марр.* Антиох Стратиг, стр. 57 предисловия.

[860] *Nöldeke*. Tabari. 388; 432, — точные сведения об этом событии, сохраненные Табари, и свидетельства монет о двух годах правления Ардашира дают право отстранить показание *Антиоха Стратига* (стр. 64, 24), будто Ардашир был убит через три месяца после провозглашения царем. Свою малую осведомленность в истории *Антиох* доказал и тем, что упомянул в той же связи о походе в Персию Нарзеса (что случилось при Маврикии). *Моисей Каганкатваци* — История Агван, гл. 16 (стр. 131-133) — рассказывает о походе хазар против персов «во второй год правления Ардашира». Всевластный при малолетнем царе Шахрбараз организовал армию для

имперской армии, ходившие с Шахрбаразом в Персию, вернулись в Сирию и привезли с собою Крест Господень. Ираклий покинул столицу в конце зимы, и получив в Иераполе (Маббуг) Крест, повез его через Тивериаду (о чем упоминает Феофан) в Иерусалим, куда вступил 21 марта 630 г.

Если в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что Ираклий привез Крест Господень в Иерусалим 21 марта 630 г., то тем самым окончательно устраняется возможность связывать возвращение Креста в Иерусалим с днем 14 сентября, праздником Воздвижения. Это старое заблуждение держится в научной литературе со времен Барония, было много раз повторено в научных работах, его старался поддержать Перниче в специальном экскурсе и в самое последнее время повторил акад. Успенский.[861] Это тем более странно, что в Пасхальной Хронике (p. 531, 9-12) имеется точная дата возникновения праздника Воздвижения, а именно: 7-й индикт, т. е. 335 год, когда 17 сентября был освящен храм, сооруженный на Голгофе имп. Константином Великим.[862] Свидетельство о том, что праздник Воздвижения отмечался в Иерусалиме 14 сентября, имеется у Псевдо-Захарии Ритора в рассказе об одном событии в год смерти имп. Анастасия: «В тот год (т. е. 518) к празднику 14 элула (сентябрь) сошлось в Иерусалиме много бесноватых из Египта, Александрии, области за Иорданом, эдомитов и арабов. Собравшись перед Крестом Господним в день праздника, они выли как собаки. Лишь впоследствии выяснилось, что это было предзнаменованием возгоревшихся вскоре церковных разногласий и споров».[863] Так как автор греческого оригинала, с которого переводил сирийский автор, закончил свой труд в 558 году, то в этом рассказе мы имеем неопровержимое свидетельство о том, что в день 14 сентября правилось в VI веке Воздвижение Креста, σταυροφάνεια, как назван этот праздник в Пасхальной Хронике. Водворение Креста Господня на старом месте Ираклием не было отмечено установлением нового праздника, и в святцах сохранялся лишь издавна существовавший праздник 14 сентября.

выступления против хазар и в связи с этим делом начал агитацию, имевшую целью низвергнуть дом Сасанидов.

[861] История Византийской Империи, т. 1: «Церковное предание соединяет с обстоятельствами походов Ираклия следующие два празднества, соблюдающиеся доселе в практике Византийской церкви; это, во-первых, акафист Богоматери “Взбранной воеводе” и, во-вторых, “Воздвижение Креста”». — Позволю себе заметить, что почтенный автор, очевидно, игнорировал обширную литературу об акафисте Богоматери.

[862] Ср. *Clinton.* Fasti Romani. 1, 392.

[863] *Zacharias Rhetor.* Kirchengeschichte. *Ahrens* und *Krüger,* p. 137.

Экскурс II

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВОДВОРЕНИИ БОЛГАР ЗА ДУНАЕМ И ИМЕННИК БОЛГАРСКИХ ХАНОВ

Водворение болгар за Дунаем послужило поводом для какого-то современного византийского книжника сопоставить сведения об этом племени и расселении его на обширной территории от Приазовья и до Италии. Это произведение послужило источником для Феофана (356-358) и Никифора (33-34), которые пользовались им независимо друг от друга. Автор представил общее географическое описание тех далеких северных стран, где находилась родина болгар. Ему известна «величайшая река Атель (тюркское название Волги), которая, протекая "через земли сарматов от океана"», впадает в Меотийское болото. Река Танаид, источники которой находятся у Иверских ворот в Кавказских горах, впадает в Атель. В местности, где они соединяются, берет свое начало Куфис, которая впадает «в конец Евксинского моря, поблизости от Некропил, в местности мыса "Баранья морда"». От Меотийского болота «море, подобное реке (т. е. пролив) впадает в Евксинский Понт через землю Босфора и Киммерии». Земли к востоку от Меотийского болота в направлении города Фанагории и «обитающих там иудеев заселены множеством народов». От Меотийского болота по течению реки Куфиса лежит область, которая называется Великая Болгария, и в соседстве с нею живут соплеменные болгарам котраги. Властителем Великой Болгарии и котрагов был Кубрат (Кробат), который скончался в правление имп. Константа. Перед смертью он наказал своим пяти сыновьям держаться вместе на родине, так как это даст им возможность сохранить независимость и удержать властное положение относительно других народов. Но дети не послушались отцовского завета и, оставив старшего брата Батбайана на родине, искали новых мест жительства, каждый для себя отдельно. Второй сын, Котраг, перешел через Танаид со своей ордой и остался в соседстве с Великой Болгарией. Четвертый и пятый (не названные по именам) прошли дальше на запад, переправились через Дунай, и один остался жить в Паннонии, признав над собой власть аварского хана, а другой — поселился в Пентаполе и вступил в подданство императора. Третий, по имени Аспарух, перевел свою орду через Днепр и Днестр «и, захватив "Ογλος (Угол), водворился в местностях по северным притокам Дуная, считая эту область безопасной и труднодоступной, так как она спереди болотиста, а с других сторон окружена реками». Никифор, упомянув о переправе через Днепр и Днестр, характеризует область, занятую болгарами, так: «Аспарух... водворяется на Истре, заняв местность, удобную для жительства, называемую на их языке Ογλος, которая является трудной и недоступной для неприятелей. Она безопасна спереди вследствие отсутствия дорог и своего болотистого характера, а сзади защищена непроходимыми горами».

Расселение болгар ослабило их родину, и вскоре «из глубины Берзилии, области Первой Сарматии», могущественный народ хазар стал распространять свою власть на запад, подчинил себе Батбайана и простер свое господство до берегов Евксинского Понта. Таково повествование неизвестного нам по имени современника водворения болгар за Дунаем.

Представленное анонимным автором описание стран к северу от Черного моря позволяет предполагать, что он имел перед глазами карту, которая была очень далека от градусной сетки Птолемея и приближалась к живописным картам Косьмы Индикоплова и тем, что дошли до нас от средних веков.[864] Очертания материков были искажены, и местности, весьма отдаленные, сближены. Эти недостатки карты объясняют погрешности географического описания, сохраненного нам через посредство Феофана. Так, имя «Некропилы» древние географы давали части моря между западным побережьем Тавриды и «Бегом Ахилла» (Тендра). Феофан в другом месте своего изложения, в рассказе о морском путешествии Юстиниана из Хазарии, знает истинное положение Некропил (373, 20); между тем как в этом заимствовании из Анонима устье реки Куфиса (Кубани) оказывается поблизости от Некропил и мыса, которому он дает название «Баранья морда» вместо «Бараний лоб», как называлась южная оконечность Тавриды у всех греческих географов. Танаид превращен в приток Волги и течет не из Рипейских гор, как у Птолемея, а от Иверских ворот Кавказского хребта. По-видимому, дурным прочтением того, что было на карте, объясняется превращение имени пролива Босфор Киммерийский в «земли Босфора и Киммерии».

Неправильные представления о географии края не мешали автору иметь точные сведения о рыбном богатстве тех мест. Он знает, что в проливе ловится рыба «мурзулис и ей подобные». И доныне в Керченском проливе ловятся осетр, севрюга и белуга, которые, очевидно, уже тогда поступали на византийский рынок. Кроме рыбы, автор упоминает о «болгарском лакомстве», которое обозначил словом ξυστόν. Вряд ли будет ошибкой признать в этом лакомстве нашу икру. Упоминание об иудеях в Фанагории является указанием на посредников, при участии которых продукты рыбного промысла того края поступали на византийский рынок.

Исторические сведения о болгарах крайне скудны. Ему совершенно неизвестно, что после крушения державы Аттилы, не вся масса гуннских племен отхлынула на восток, что значительная их часть осталась в Паннонии, где они воевали с остготами до их переселения за Дунай и делали набеги в Иллирик в правление имп. Льва; далее, что те же гунны, уже под именем болгар, приняли участие в переселении лангобардов в Италию, а затем явились союзниками гепидов в защите Сирмия, преграждавшего Феодориху его путь в Италию. Он не знал также ничего о том разгроме, который потерпели гуннские племена от аваров, потеснивших значительную часть кутургуров в Паннонию, откуда часть их выселилась сначала к славянам, а затем нашла приют в Беневентском герцогстве как раз около того времени, когда хазары стали подчинять себе гуннские племена, жившие по реке Кубань. Об этом переселение болгар в Италию имел, очевидно, смутные сведения автор, как о событии современном; но

---

[864] *Konrad Miller.* Die àltesten Weltkarten. Heft IV-V.

неправильно поселил их в Пентаполе и сделал подданными императора. Слабое знакомство автора с историческими судьбами болгар имело своим последствием установление неправильной связи событий, а именно, будто выселение Аспаруха и его братьев с родины, «Великой Болгарии», было причиной того ослабления болгар, которое облегчило хазарам их завоевание. Дело обстояло иначе: переселение болгар в Италию не имело отношения к судьбам Великой Болгарии, а выселение Аспаруха на запад было вызвано нашествием хазар и бегством тех улусов, которые не хотели подчиниться сродному по расе, но чуждому по истории народу. Такая связь событий засвидетельствована современным армянским писателем, автором «Географии Моисея Хоренского по Птолемею». Обозревая географию Фракии (гл. 10), он помещает в дельту Дуная, которой дает имя «острова Певки», как называл ее Птолемей, Аспаруха — Aspar Hroug, сына Кубрата, Khoubratha, «бежавшего от хазар» (стр. 20).

Так как смерть Кубрата приурочена в нашем предании ко времени правления Константа, а вторжение Аспаруха во Фракию и война против него Константина IV к 679 году, то получается промежуток более десяти лет, в течение которых совершилось нашествие хазар в припонтийские области и переселение бежавшей от них орды Аспаруха на низовья Дуная, в местности, давно и прочно заселенные славянами. Иордан, происходивший из алан, смешавшихся с готами в нынешней Добрудже, засвидетельствовал для своего времени (труд его вышел в свет в 551 году), что к северу от города Новиодуна (Исакча) начинается славянская земля.[865] Разгром антов аварами в их передвижении на запад, о чем сохранились некоторые сведения во фрагментах Менандра, совершился ок. 560 года в Приднестровье. Хотя река Днестр известна под этим именем (в форме Danastius) уже Аммиану Марцеллину, в пору, когда в тех местах жили вестготы,[866] но старое ее имя Тира, Τύρας, не исчезло, как можно заключить из того, что Константин Багрянородный знает имя Τροϋλλις, передавая этим словом турецкое название Чорлу, как звали его печенеги.[867] Наша летопись знает имя славянского племени тиверцев, производное от старого имени этой реки. Черпавшие из одного источника Феофан и Никифор упоминают о переправе орды Аспаруха через Днестр и называют область, в которой поселилась его орда, именем"Ογλος (Угол),[868] описывая ее как недоступную для нападения вследствие болот спереди и гор — позади.[869] Феофан, который вдается в большие подробности, нежели Никифор, вполне определенно говорит, что орда Аспаруха расселилась по северным притокам нижнего Дуная. Таким образом, термин "θγλος естественно приурочивается к нынешней Бессарабии, южная часть которой долго служила впоследствии местом жительства татарской буджацкой орды, а само слово буджак значит в переводе угол. Константин Багрянородный знал в свое время имя племени "Ούλτίνοι, которое соответствует нашему летописному уличи или угличи.[870]

Утвердившись в славянских землях к северу от Дуная, болгары начали набеги за Дунай и явились угрозой для скудных остатков старого, ютившегося в городах населения, поддерживавшего свои связи с центром империи.[871] Когда мир с арабами облегчил положение империи, имп. Константин снарядил против болгар большой поход морем и сушей. В своем изложении событий я сохранил ту локализацию войны, которая дана в источнике Феофана и Никифора, т. е. местности к северу от низовий Дуная. Оба наши источника в полном согласии упоминают о переправе болгар через Дунай лишь после отступления и бегства имперской армии. Но в научных работах последнего времени это ясное свидетельство нашего предания не препятствует их авторам переносить «Угол» на правый берег Дуная. Так поступает проф. Златарский, который в своем этюде, посвященном сличению свидетельств Феофана и Никифора, основываясь на показании армянского географа, локализует орду Аспаруха в дельте Дуная и приводит в подтверждение известные ему топографические условия этой местности.[872] Со времени открытия большого городища неподалеку от Исакчи, древнего Новибдуна, близ селения Николицель, Шкорпил, Бьюри и тот же Златарский стал помещать Угол именно в это место, называя его главным становищем орды Аспаруха, где он отсиживался от императора Константина и его войска. Некоторое основание для такого превращения Угла из страны в укрепление дает Феофан, который определил раньше Угол как страну, в дальнейшем рассказе о самой войне употребил такое выражение: εις το προλεχθεν οχύρωμα καταφεύγουσι (358, 22). Но это выражение — лишь оплошность со стороны Феофана. Никифор, пользовавшийся тем же источником, выразился иначе: προς τα εαυτῶν οχυρώματα ἐφυγον (35, 3-4). Это выражение дает более вероятную картину события, так как болгарская орда была довольно многочисленна и не могла укрыться в одном укрепленном лагере, как бы велик он ни был, а распределилась в разных безопасных от нападения местах. Превращение главных из этих защитных мест, где был сам Аспарух, в Угол есть недоразумение, допущенное Феофаном, а не прямое свидетельство нашего предания.

Дело пошло дальше передвижения Угла на правый берег Дуная: Бьюри и за ним Златарский передвинули и

---

[865] См. мою статью: «Где начинается территория славян по Иордану?» *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1905, март.
[866] *Ам. Марц.* 3, 244 (31, 3, 3).
[867] *Const. Porphyr.* De adm. imp., c. 38, p. 171, 11. Ср. *Marquait.* Streifzuge, 189.
[868] *Никифор* считает это слово болгарским — τῆ σφών καλούμενον φωνῆ.
[869] Для тюрка «спереди» значило с востока, «сзади» — с запада. Таково свидетельство Орхонских надписей. Но кто в данном случае определял положение, это трудно решить. Если смотреть с точки зрения имперских областей, то «спереди» будет значить — с юга, а «сзади» — с севера.
[870] *Const. Porph.* De adm. imp., c. 37, p. 166, 10.
[871] Καί τά πλησιάζοντα τῷ Δανουβίῳ έντρέχει και λυμαίνεται, τούτ έστι τήν νῦν κρατουμενην οπ' αύτών χώραν, ύπο Χριστινιανῶν τότε κρατουμένην... 358, 13- 15.
[872] Периодическое Описание. LXIII, 1900, 313-340.

саму дату водворения Аспаруха на Дунае к 660 году, в правление Константа. Точной даты появления Аспаруха в низовьях Дуная нет и не могло быть в нашем предании. О походе имп. Константина рассказано у Феофана под 679 годом. Так как это крупное военное предприятие было результатом выяснившейся уже опасности со стороны болгар для Мезии, то само водворение орды Аспаруха в Угле следует отодвинуть на несколько лет, приблизительно к 675 году или, может быть, к тому трудному времени, когда арабы осаждали Константинополь, и все заботы правительства должны были сосредоточиться на борьбе с этим страшным врагом. Но передвигать это событие на 20 лет от 679 г. нет достаточных оснований. Бьюри нашел их не в источниках, а в теоретических построениях, вызванных его гипотезой о существе болгарского национального летосчисления, материал для которой дал памятник, давно уже введенный в оборот науки: «Именник болгарских князей».

Честь открытия «Именника» принадлежит А. Попову, который нашел его в тексте «Летописца Еллинского и Римского» и издал в «Обзоре хронографов русской редакции». I — II. Москва, 1866-1869. Акад. Куник в сотрудничестве с акад. Радловым занялся этим памятником и в 1878 году издал о нем «Разыскание» под заглавием: «О родстве Хагано-Болгар с Чувашами по славяно-болгарскому Именнику» (Прилож. К XXXII т. *Зап. Имп. Акад. Наук,* № 2, стр. 118-161). Двадцать лет спустя памятник этот заинтересовал проф. Маркварта, который посвятил ему особый экскурс (стр. 72-92) в своем исследовании: Die Chronologie der alttürkischen Inschriften (Leipzig. 1898) по поводу орхонских находок, а в 1911 году вновь вернулся к нему в специальной статье: Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fiirstenliste (*Изв. рус. арх. Инст. в К-поле,* XV, 1-30). Эта последняя статья вызвана полемическими мотивами против теории болгарского летосчисления, которую предложил проф. Бьюри в исследовании: The chronological Cycle of the Bulgarians *(Byz. Zeitsch.* XIX, 1910, 127-144). Проф. Златарский, принявший большинство положений Бьюри, выступал, однако, несколько раз с возражениями против его построений и принятого им метода. Проф. П. М. Петровский оказал большую услугу своим переводом исследования Бьюри с экскурсами из полемики Златарского: «О летосчислении древних болгар» *(Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Имп. Каз. Унив.,* т. XXVII, 1911, стр. 432-502).

В 1912 году проф. Златарский поместил статью: «Болгарское летосчисление» в *Изв. Отд. рус. яз. и слав. И. А. Н.,* т. XVII, 28-59. В том же издании в XVIII т. (стр. 116-131) появилась полемическая статья г. Степанова: «Заметка об исследовании Bury болгарского летосчисления». К той же литературе примыкает и краткая заметка г. Микколы: «Тюрко-болгарское летосчисление» в том же томе «Известий», стр. 243-247, в которой дана новая теория объяснения загадочных слов болгарского летосчисления, отклоняющаяся от принимавшегося раньше их цифрового значения.

В «Именнике» перечислено 13 имен князей с подразделениями на две группы, причем моментом деления является переход болгар на правый берег Дуная. Пять имен первой группы характеризованы признаком: (с) «остриженными главами». Период их правления определен в 515 лет, причем первому царю, Авитолоху, отведено 300 лет, второму, Ирнику, 108. Так как на остальных трех отведено в общей сложности 65 лет, то, очевидно, цифру 108 следует поправить на 150, половину 300 годов Авитолоха. Цифры 300 и 150 представляют, очевидно, время правления целых династий, а не отдельных правителей, и в имени Ирник нельзя не узнать сына Аттилы Ирнаха, Ἥρναχ, которого видел в ставке Атиллы Приск в 448 году и занес в свое описание посольства рассказ о предсказаниях насчет него кудесников. Дальнейшие три князя даны в такой последовательности: Гостун — 2 года, Курт — 60 и Безмер — 3. Имя Курт нельзя не сблизить с Кубратом Никифора, Кробатом — Феофана, Хубрата — армянского географа, которого все три автора называют отцом Аспаруха. «Именник» не дает оснований для родства между царями и затрудняет дело тем, что между Куртом и Аспарухом помещено трехлетнее правление Безмера.

Вторая группа из семи имен начинается с Есперихa, или Исперихa (оба написания даны в тексте), т. е. Аспаруха византийцев, так как ему приписывается переход через Дунай («приде на страну Дуная»). Его правление исчислено в 61 год, и преемником его является хорошо нам известный современник Юстиниана II, Тервель (или Тербел), правивший 21 год. Из остальных шести имен два: Кормисош (10) и Телец (12) известны нам по сообщению Феофана (стр. 432-433), как современники имп. Константина V.

Особый интерес придают «Именнику» загадочные слова, которые заканчивают сообщение о каждом царе: «а лет ему дилом твирем, дохс твирем, шегор вечем, верени алем, тек вечем, дванш ехтем, тох алтом, шегор твирем, сомор алем, шегор алем, дилом тутом». Куник не сомневается, что слова эти обозначают цифры на том языке, каким говорили болгары. Радлов сопоставил обозначения цифр в разных тюркских языках и гадательно истолковал большинство этих слов: верени — 1, сомор — 2, дванш — 4, дилом — 5, шегор — 8, дохе — 9, твирем — 20, вечем — 30, тутом — 40, алем — 50, альтом — 60, шехтем — 80. Приведя эти определения, Куник не пытался воспользоваться ими для определения хронологических дат по болгарскому счислению. Маркварт в своем разборе «Именника» в 1898 году склонился к мысли, что эти слова не цифры, а какие-то характеристики царей (стр. 92). Но в 1905 году найден был в раскопках на полях между селениями Чаталар (н. Крумово) и Труджи (н. Троица), к югу от Шумлы каменный столб с греческой надписью времени хана Омортага о сооружении им моста на Тыче (Τοῦζα) и дворца, который стал новой резиденцией. Текст надписи заканчивается такими словами: «ήτο σε καιρός, όταν έκτίσθην, βουλγαριστι σιγορελεμ, γραικιστί ίνδικτιῶνος ιέ». Сопоставление слова σιγορελεμ с названием индикта с ясностью свидетельствует, что в слове σιγορελεμ следует видеть хронологическую дату, и слово это нельзя не сблизить с написанием *шегор алем* в «Именнике». В правление Омортага 15-й индикт приходится на год с 1 сентября 821 по 31 авг. 822. Таким образом, не может быть сомнения в том, что загадочные слова «Именника» суть числовые обозначения годов. В одном памятнике болгарской письменности, хранящемся в Московской Синодальной библиотеке (перевод речей Афанасия, еп. Александрии, против ариан),

также сохранилась болгарская датировка крещения болгар при царе Борисе: «болгар крестил есть в лето ехть бехти».

Чаталарская надпись была для проф. Бьюри поводом заняться исследованием болгарской хронологии на основании материала, который представляет «Именник». Основные положения предложенной им теории таковы: болгарские числительные представляют собой даты воцарения ханов, и из двух числительных, обозначающих дату, первое есть единица, а второе десяток, причем 1. 20 значит не 21, а 11. Летосчисление болгар велось по 60-годичным циклам и годы были лунными без интеркаляции. Он приравнял их к годам геджры и считал возможным допустить заимствование этой системы летосчисления от арабов. Путем различных выкладок и соображений он определил числовое значение загадочных слов «Именника» так: верени — 1, дванш — 2, тох — 3, самор — 4, дилом — 5, дохе — 6, шегор — 8, тек — 9, ехтем (или шехтем) — 10, альтом — 20, твирем — 30, вечем — 40, алем — 50, тутом — 60.

На основании принятых положений Бьюри дал исправленный вид «Именнику», причем вступление во власть Ирника пришлось на 449-450 год по Р. Х., Курта — на лунный год с ноября 578 по ноябрь 579, Есперихa — 2 янв. 640 — 28 декабря, Тервела — 10 апр. 696 — 20 марта 697 и т. д., а также явились вставки безымянных ханов; Кормисош и Телец были переставлены согласно свидетельствам византийского предания об этих ханах.

Златарский принял главные положения Бьюри и заполнил пробел в списке единиц, приняв для семи слово "ехт", но констатировал, однако, погрешности в исчислениях Бьюри и дал свой исправленный вид «Именника», в котором для вступления во власть Курта оказался 579 год, Исперихa — 642, Тервела — 16 мая 700 — 4 мая 701. Проф. Маркварт не принял теории Бьюри, считая ее искусственной и произвольной. Со своей стороны он представил исправленный текст «Именника», в котором переставил имя Безмера в соседство с Гостуном и изъяснил существование этих славянских имен в списке болгарских ханов тем, что болгары были в подчинении у антов около времени аварского нашествия (554-558). Он остался при мысли, что загадочные слова обозначают не годы, а лишь девизы правлений, оставил Курта на старом месте: 619-678, правлению Исперихa отвел годы: 679-699, а Тервела — 700-720.

Искусственность теории Бьюри и гадательный характер многих его положений, лишают его гипотезу твердой почвы, а в самое недавнее время появилась новая теория, которая обещает дать вопросу о болгарском летосчислении новое направление. Разумею работу финнолога Микколы. Он полагает, что болгары держались в своем летосчислении 12-летнего цикла, как и их соплеменники, от которых остались надписи на Орхоне, причем годы обозначались, по обычаю китайцев, именами животных. Из двух слов каждого написания в «Именнике» первое обозначает год, второе — месяц, и притом в виде имени числительного. Пользуясь фонетическими данными тюркских языков, г. Миккола дает такой смысл первым словам отдельных пар: *дилом* — змея, *шегор* — вол, *дохе* — свинья, *вер* — (точнее "вери") — волк, *дванш* — заяц, *тох*— курица, *итемит* — собака. Объяснить слово *сомор* г. Миккола "пока" не решился. Что до названия месяцев, то *алем* ελεμ значит первый, *вечем* — третий, *тутом* — четвертый, *бехти* — пятый, *алтом* — шестой, *шехтем* — восьмой, *твирем* — десятый, *аниалем* — одиннадцатый. — Какой вид должен получить «Именник» в освещении этой новой гипотезы, остается неизвестным, так как автор представил для печати лишь извлечение из своего доклада.

Не имея своего суждения по существу спорных вопросов, поскольку они связаны с объяснением загадочных слов «Именника», позволю себе, однако, выразить полное несогласие с Бьюри в том, что в угоду своей теории он передвинул смерть Курта в правление Ираклия (стр. 138), а водворение болгар за Дунаем отнес к 40-м годам VII века. Не считаю также нужным передвигать Безмера и переставлять его в VI век, как делает Маркварт, так как это славянское имя могло принадлежать князю той земли, где нашли приют болгары во время своего бегства от хазар, раньше чем Аспарух перевел их за Дунай и начал новую эпоху в жизни своей орды. Не понимаю и того, почему Маркварт продлевает правление Курта до 678 г., тогда как византийское предание относит его смерть ко времени правления Константа.

Приходится признать, что завязавшийся около «Именника» живой спор, который был вызван блестящей на первый взгляд теорией Бьюри, не дал пока никаких прочных результатов, не углубил научного знания о давнем прошлом болгар и лишь вызвал много праздных гипотез, к каковым позволю себе причислить локализацию «Угла» на правом берегу Дуная, тогда как в нашем предании он засвидетельствован в виде целой области к северу от низовий Дуная, чем и объясняется существование племени угличей наряду с тиверцами.

Как бы ни закончился научный спор, возгоревшийся около «Именника», несомненным остается одно, что болгары имели свое особое летосчисление и обозначение хронологических дат выражали словами, которые своими звуками свидетельствуют о принадлежности их племени к тюркской расе. Этнографическое изучение Кавказа позволяет констатировать существование одного весьма незначительного по численности племени горцев, обособленного от своих соседей, которое называет себя именем ''Болкар". Это племя живет в горных ущельях по верхнему течению рек: Черек, Черек-тхяхо, Чегем и Баскан, входящих в водную систему Терека. Оно говорит на тюркском языке, близком к кумыцкому, и исповедует мусульманство шиитского толка. По народным преданиям, сохранившимся у болкар, они жили некогда на равнине и были вытеснены в горные ущелья черкесским племенем кабардой. Подавшись в горы, они сами вытеснили осетин, отдельные поселки которых уцелели кое-где к северу от них.[873] Имя этого племени позволяет видеть в нем остаток болгар, уцелевший на старой

[873] *Карауловъ.* Этнографический очерк болкар. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. XXXVIII (1908). 131-149. Эта работа была известна *Марквартy*, и он отметил ее в своем исследовании: Die altbulgarischen Ausdrücke etc.

родине и сохранивший свою особенность среди других племен, явившихся позднее их в степи переднего Кавказа.

Общепринятое в настоящее время положение о принадлежности болгар к тюркской расе имеет доселе в среде русских историков одного неколебимого противника в лице маститого Д. И. Иловайского. Отстаивая славянство гуннов и Аттилы, он видит славян как в сабирах, так и болгарах, и ведет полемику со всеми, кто держится противоположного мнения. Несколько раз удостаивал он своей полемики и меня, а в самое последнее время обратил свои стрелы против акад. Успенского, превратив свой отзыв о первом томе «Истории Византийской Империи» в защиту своей теории, причем довел полемику до того, что слово κανας, написанное греческими буквами в абобских надписях, переделал в славянское "князь" («Кремль», №№ 56, 57 и 58).

Экскурс III

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФЕМНОГО СТРОЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ [874]

В числе вопросов по истории политической организации Византийской империи одним из самых живых в научной литературе за последнее время является вопрос о фемах. Со времени появления этюда французского византиниста Диля в 1896 году: L'origine du régime des thèmes dans l'Empire Byzantin, вопросу этому посвятил целое исследование немецкий ученый Гельцер: Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung (Leipzig, 1899), подходил к нему акад. Ф. И. Успенский в своей работе: «Военное устройство Византийской империи» *(Изв. Р. Арх. Инст. в К-поле.* VI, 1900), его же коснулся в самое недавнее время Б. А. Панченко в специальной статье, посвященной разъяснению интересного вещественного памятника, заключающего в себе упоминание славян в Вифинии в VII веке *(Изв. Р. Арх. Инст. в К-поле.* VIII, 1903, стр. 40 и сл.). Не задаваясь целью подвести итоги разработки вопроса в названных выше трудах и нимало не претендуя дать новую его постановку, позволяю себе надеяться, что в видах всестороннего выяснения этого сложного вопроса не окажется излишней предлагаемая вниманию читателя заметка.

В разъяснении вопроса о происхождении и сущности деления Византийского государства на фемы, τά θέματα, важно прежде всего установить историю этого слова и древность терминологического его значения на языке византийских писателей. Этимология слова ясна. Ее совершенно правильно чувствовал Константин Багрянородный, когда сделал по поводу этого слова такое замечание: αύτό γάρ το όνομα τοῦ θέματος Ελληνικόν έστι καί ού Ρωμαϊκόν άπο τῆς θέσεως όνομαζόμενον (De them. p. 13 B.). В греческом языке классического периода слово θέμα употреблялось как имя существительное в значении: *утверждение, положение,* откуда и то специальное его значение в языке школы, с каким оно перешло и в наш язык (не непосредственно, впрочем, из греческого) — тема; древние грамматики употребляли это слово для обозначения основы в противоположность флексии; наконец, в гражданском обороте оно применялось в сфере денежных дел в значении — вклад. В языке права оно нередко встречается в новеллах Юстиниана в смысле — положение, пункт, данный случай.[875] В сохранившихся памятниках VI века первый по времени случай употребления этого слова можно констатировать в Стратегиконе, носящем имя Маврикия. Во 2 гл. I кн. в изложении о боевом снаряжении кавалеристов, сделано такое замечание о знаменах отдельных боевых частей: χρή τάς μεν κεφαλάς των βάνδων έκαστου μέρους όμοχρόους γίνεσθαι, τα δε φλάμμουλα έκαστης μοίρας ίδιόχροα είναι. ίνα δε και το καθ' έκαστον θέμα ευκόλως έπιγινώσκη τό ίδιον βάνδον, δε"ι έτερα ιδικά σημεία προτιθέναί ταις κεφαλαίς των βάνδων, έγνωσμένα τοίς στρατιώταις, ώστε έκ τούτου ευκόλως έπιγινώσκεσθαι αύτά καί κατά το μέρος, καί κατά την μοίραν, καί κατά το τάγμα. (p. 25 Scheffer). Это единственный случай употребления слова τό θέμα у Маврикия. Речь идет о кавалерии. В походе и в бою кавалерия подразделяется на «меры», которые в свою очередь делятся на «миры», слагающиеся из «тагм». В каждой «мере» верхушки знамен должны быть одноцветны, а развевающийся на знамени кусок материи должен быть разного цвета по отдельным «мирам»; таким образом легко различаются строевые части. А для того, чтобы солдаты в пределах каждой «миры» легко различали место своей «тагмы», верхушки значков «тагм» должны быть снабжены отличительными предметами. Вместо термина μοῖρα автор употребил слово θέμα, как общее обозначение боевой единицы, составляющей в строю одно целое.

Современник Маврикия, Евагрий, не знает слова θέμα, равно как и писатель первой половины VII века, Феофилакт Симокатта, в изложении которого описание военных событий играет первенствующую роль. Вполне обычным, и притом в смысле термина, становится это слово в языке писателя, литературная деятельность которого принадлежит началу IX века, Феофана.

Феофан очень часто употребляет слово θέμα; но в высшей степени интересно отметить, что оно входит в его язык только уже с описания событий времени имп. Ираклия. В первый раз употреблено это слово в записи о событиях второго года правления этого императора: Έρευνήσας (sc. Heraclius) γάρ τον στρατόν εί άρα έσώζοντο έκ τών μετά Φωκά κατά Μαυρίκιον στρατευσάντων έπι της τούτου τυραν-νιδος, δύο μόνους ευρεν έν πάσι τοῖς φέμασιν.[876] Так как Феофан не занес в свою хронику никаких свидетельств о реформах в организации военной силы государства и в дальнейшем упоминает постоянно слово θέμα в смысле территориальных частей военной силы: θέμα τών 'Ανατολικών, τών 'Αρμενιάκων, τών Θρακκησίων, τοῦ Όψικίου и понимает именно эту организацию также и тогда, когда говорит: πάντα τα θέματα, περατικά θέματα, τά έξω θέματα, άρχοντες τών θεμάτων — то, очевидно, и в том первом случае употребления этого слова он придавал ему такое же значение, не отдавая себе отчета, что состав военной силы империи мог быть в ту пору еще иной. Тот же писатель наименование частей военной силы применяет и к обозначению территории. Так, например, он говорит:

---

[874] Было напечатано в издании: «Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову». Киев. 1904, стр. 396-403.

[875] *Nov. 5,* c. 2, p. 30 Scholl: Ει γάρ έν πολλο'ις θέμασι και ύπό του νόμου τούτο γίνεται... *Nov.* 115, c. 4, 7, p. 545: τούτοις τοις θέμασι καί την της αιχμαλωσίας συμφοράν προστίθεμεν... *Nov.* 117, c. 12, p. 562: έπι τούτοις γάρ τοίς τρισί θέμασι τά περί αύτών τοίς προτέροις ήμών νόμοις περιεχόμενα βέβαια είναι θεσπίζμεν — Первое из этих мест приведено было *Ф. И. Успенским,* ук. соч., стр. 188, прим. 2, и сопровождается таким странным замечанием: «смысл, усвоямый этому термину, не подходит ни под понятие гражданского округа, ни военной части».

[876] *Theoph.* p. 300. *De-Boor.*

έξελθών έν το"ις μέρεσι τοῦ Όφικίου (414, 19), προσδραμών τφ θέματι τών ἀνατολικών (414, 29).[877] В одном месте, желая обозначить территорию фракийской фемы, он выражается очень своеобразно: πάντα μοναχόν καί μονάστριαν τούς ὑπό το θέμα τών Θρςκκησίων όντας συνήξεν εις Εφεσον ό Λαχονοδράκων) (445, 4).

Патриарх Никифор (ум. в 829) не употребляет слова το θέμα; но в его языке войско и область нередко тождественны. Так, он говорит: στρατηγός ' Ανατολής τά της ' Ανατολής χωρία, ή χώρα τών ἀνατολικών, ό τών ἀνατολικών στρατός, στραιηγός τοϋ καλουμενου τών 'Αρμενιάκων στρατού, ή τοϋ ' Οψικίου λέγομένη χώρα, ό τοϋ ' Οψικίου στρατός, ο Οψίκιος στρατός, στρατηγός τοϋ Όψικίου λαού ήγεμών τοϋ λεγομένου βασιλικού ' Οψικίου, άρχων τής ὑπό Κιβυραιωτών χώρας.

В Тактике имп. Льва Мудрого, т. е. памятнике конца IX века,[878] слово το θέμα встречается как в смысле территории, так и военного контингента. В одном месте своего изложения царственный автор дает очень точное указание на то, что разумелось под словом θέμα в смысле контингента данной области, а именно: έπι του ενός θέματος έπιλεγεσθωσαν ανδρείοι στρατιωται καί πληρούτωσαν τό λεγόμενον στρατιωτικόν θέμα ήτοι των δ' τον αριθμόν επίλεκτων (XIII, 149). Итак, нормальная численность фемы в смысле военного контингента, то στρατιωτικόν θέμα, в пору Льва Мудрого была 4000 человек.

В языке Константина Багрянородного слово θέμα имеет те же два значения, что и в писаниях его отца. Примеры приводить было бы излишне; но отметим одно место, где слово это употреблено для обозначения строевой кавалерийской части вообще. В описании царского похода на восточную границу империи, *De cerim.*, p. 489, Константин дает точные указания относительно охраны особы царя. Ввиде авангарда идет 500 человек, на расстоянии двух миль с обоих флангов, а с тыла держат охрану кавалерийские отряды, назначаемые друнгарием виглы, πλαγιοφύλακες и οπισθοφύλακες. Говоря о них вообще, автор называет их τα φέματα, не определяя тем ни их численности, ни принадлежности к определенной части армии, а лишь квалифицируя этим термином их строевую обособленность, совершенно так же, как выражался Маврикий, употребляя то же самое слово.

Предложенное в предшествующем краткое сопоставление данных по истории слова θέμα позволяет сделать важный исторический вывод, а именно, что слово θέμα в значении «военный отряд» древнее в языке византийских писателей, нежели в другом — область, состоящая под властью стратига. Рамбо, посвятивший вопросу о фемах обширную главу своей книги: *L'Empire byzantin au X-me siècle,* отметив двойственное значение слова τό θέμα, останавливался в нерешительности перед тем, к какому из двух столь различных учреждений первоначально прилагалось это обозначение.[879] Бьюри в своем рассмотрении вопроса о фемах совершенно определенно высказался за первенство значения в смысле военной части.[880] С такой же определенностью говорит об этом и Диль.[881] Но последний по времени высказывавшийся по этому вопросу ученый, Ф. И. Успенский, дал с полной решительностью иной ответ. «Первоначальный смысл *фемы,* — говорит он, — есть гражданско-административный округ, в который входят жители городов и деревень, управляемые гражданскими чиновниками и отбываю-, щие определенные повинности, в числе которых была и военноподатная».[882] Ссылаясь на Дюканжа под словом θεματικοί — *provinciales,* акад. Успенский считает излишним доказывать свое положение. Но справка у Дюканжа является скорее возражением, чем подтверждением этой теории: все приведенные у Дюканжа цитаты относятся уже к позднейшему времени и не восходят раньше X века. Само собою разумеется, что слово θεματικοί стало употребляться в значении *provinciales* только уже в ту пору, когда утвердилось деление на фемы в смысле административных округов. Если бы первоначальный смысл слова θέμα был именно «гражданско-административный округ», то никакого вопроса о фемах не существовало бы в научной литературе и оставалось бы только указать, когда исчезло из употребления слово επαρχία (=provincia) и явилось на смену новое — θέμα. Но и сам Ф. И. Успенский не только признает существование вопроса, но и считает его настолько трудным, что, по его словам, «он с пользой для дела может быть поставлен на очередь много раз, несмотря на появление работ Диля и Гельцера». Потому именно, что первоначальное значение слова *фема* есть военный отряд, и существует в науке вопрос о фемах, над разъяснением которого со своей стороны потрудился и Ф. И. Успенский в своей недавней работе.

Как и почему этот военный по существу термин стал прилагаться к обозначению области и военные командиры стали во главе гражданского управления страны, — эти стороны вопроса о фемах остаются и доселе неясными, несмотря на наличность обширной литературы. Прослеживая словоупотребление писателей, можно лишь констатировать факт, что раньше половины VII века слово το θέμα не применялось для обозначения территории. Полагая сущность фемного строя в устранении гражданских начальников областей и перенесения функций гражданской власти на военных начальников, Гельцер в своем исследовании о происхождении фемного строя возводит начало этого порядка к Льву Исавру.[883] Но ученый автор не мог привести ни одного прямого

---

[877] События 780 года.

[878] Позволю себе сослаться на свою заметку о хронологии этого памятника: *Виз. Врем.* V, 1898, № 3.

[879] P. 184: Il est difficile á savoir à laquelle des deux choses, à la province ou au corps d'armée, s'est appliqué d'abord le mot grec θεμα.

[880] History of the later Roman Empire, II, стр. 340: The word *theme* meant properly a military division or regiment, and this fait indicates that the geographical themes had a military origin, and that the new division was due at least primarily and partly to needs of warfare.

[881] Ук. соч. 56-57: mais incontestablement, il c'est appliqué au corps d'armée bien avant de designer la province.

[882] Ук. соч. стр. 188.

[883] Ук. соч. p. 72-77.

свидетельства из источников в подтверждение своей гипотезы, хотя и старался дать ей вид твердо установленного научного положения. Общая вероятность не есть еще историческая достоверность, и положение, отстаиваемое Гельцером, остается пока гипотезой. Если бы он был даже прав в своем утверждении, то и тогда здесь никоим образом не было бы дано полного ответа на поставленный себе исследователем вопрос о происхождении *фемного* строя. Так как по существу фемы являются делением военных сил государства и такой именно характер этого учреждения с полной определенностью виден даже у Константина Багрянородного при всей неясности, недостаточности и путаности его исторических сведений о прошлом империи, то выяснение *начала* фемного строя, его *происхождения,* возможно только на почве изучения военных древностей Византии.[884] Гельцер под началом фемного строя понимает факт соединения военной и гражданской власти в пределах данной области в руках одного лица и поэтому возводит начало фем к той эпохе, от которой нет более прямых свидетельств о существовании *эпархов.* Но этот argumentum a silentio совершенно недостаточен. Для того, чтобы придать ему значение и силу, необходимо на конкретных фактах — раз отсутствуют свидетельства законодательных актов — выяснить, какие функции гражданской власти перешли к стратигам фем. Ни сам Гельцер, ни другие ученые не вели исследования в этом направлении, и дело остается, таким образом, далеко не ясным. Ф. И. Успенский, коснувшийся вопроса о разграничении компетенции стратига и чинов, осуществлявших гражданское управление, пришел к выводу, который он сформулировал в таких словах: «при полном развитии фемного устройства гражданская администрация в провинциях была независима от стратига».[885] Но если это так, то фемного строя в том смысле, как его обыкновенно понимают и что в нем видит Гельцер, никогда не существовало в Византийской империи. — Вопрос о фемах ждет, таким образом, более широкой постановки и большего углубления анализа свидетельств, которые могут быть вовлечены в круг исследования, направленного к тому, чтобы выяснить историю и сущность этого учреждения.

Позволю себе в заключение указать на один текст, который доселе не вовлекался в обиход исследования по этому вопросу. Разумею красноречивые жалобы на притеснения стратиотов в сочинении: *De velitatione bellica,* приписываемом имп. Никифору Фоке. Здесь читается между прочим следующее: «Стыжусь сказать, эти мужи, что душу свою полагают за службу нашим святым царям и за свободу и за отмщение христиан подвергаются побоям! И это терпят они от ничтожных людишек, сборщиков податей, которые не только не приносят никакой пользы государству, но лишь притесняют и мучат бедняков, собирая себе из обид и многой крови бедняков много талантов золота. Не следует, чтобы они, защитники и, с Божией помощью, спасители христиан, полагающие, так сказать, каждый день душу свою за святых наших царей, терпели бесчестие от судей фем (τῶν θεματικῶν κριτῶν), чтобы их пытали как рабов, подвергали побоям, налагали на них (о, ужас!) узы и оковы. Сам закон повелевает, чтобы каждый командир имел власть над своими людьми и судил их. А чьи же фемные солдаты (λαός οικεῖος ὁ τοῦ θέματος), как не исключительно стратига, какого ставит феме святой царь? Поэтому-то древние римляне предоставили стратигу законом власть над его провинцией (τοῦ ἰδιου θέματος), право судить обращающихся к нему по военным делам, разрешать тяжбы, возникающие в его провинции, имея своим сотрудником и помощником судью; со своей стороны, он оказывает содействие протонатарию и остальным чинам, ведающим гражданские дела...»[886]

Автор настоятельно требует в интересах безопасности государства от внешнего врага, восстановления «старого», по его словам, порядка неподсудности военных людей гражданским чиновникам. Известны ли были автору «законы», обусловливавшие прежний порядок, и даже существовали ли такие законы, этого мы не знаем. Но интересно отметить эту жалобу военного человека на притеснения гражданских чиновников. Она раздается во второй половине X века, т. е. в пору полного развития фемного строя в Византийской империи. Гражданская власть во всей своей силе простирается на военных людей, они от нее не изъяты, хотя имеют своих военных начальников в лице стратига и подчиненных ему турмархов. Итак, фемный строй нельзя рассматривать, как устранение унаследованного Византией от Римской империи порядка, по которому в пределах отдельных провинций! гражданская и военная власть были строго разграничены. Вопрос о фемах сложнее и труднее, чем то обыкновенно представляется, и разыскание дат, когда впервые названа та или другая фема, ничего не проясняет в поисках о *происхождении* фемного строя.

За десять лет, истекших с того времени, как была напечатана эта моя статья, вопрос о фемах не продвинулся в научной разработке. Но я не считаю себя вправе обойти молчанием того, что изложил по этому вопросу акад. Успенский в первом томе своей «Истории Византийской Империи», который вышел в свет в 1913 году. В своем изложении судеб Византии автор дошел до конца династии Ираклия, а потому не мог не коснуться вопроса о фемах. Он сделал это два раза: в первой главе «третьего периода», где в заголовке значится «о возникновении фемного строя» (стр. 651-658), и в седьмой, которая озаглавлена: «Основания фемного устройства» (789-812). Свое суждение о существе фемного строя он сформулировал в таких словах: «В смысле учреждения, возникшего в VII веке и развившегося при асаврах, фемное устройство обозначало особенную организацию гражданского населения провинций, приспособленную специально для отбывания воинской повинности. Таким образом, раскрыть историю фемного устройства значит выяснить меры правительства по отношению к землевладению и земельному устройству крестьянского населения, так как военноподатная система в конце концов основывалась

---

[884] *Диль* в своем этюде несколько подвинул исследование вопроса в этом направлении сопоставлением некоторых данных о делении императорской армии в V и VII веке.

[885] Ук. соч. p. 189, прим. 2.

[886] *Nic. Phoc.* De vel. bell. XIX, p. 239-240 B.

на организации военноподатных земельных участков» (стр. 655-656). Оба специалиста, выступавшие с отзывами о сочинениях акад. Успенского, П. В. Безобразов в журнале «Византийский Временник», XX (1913), 294-301, и А. А. Васильев — в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в январской книжке 1915 года (стр. 227-241), отнеслись отрицательно к выставленному автором положению. Г-н Безобразов признал неправильным его толкование одного свидетельства Константина Багрянородного, которое было им приведено в доказательство этого положения (De cerim. I, 657-658), а г-н Васильев, не предлагая от себя никаких разъяснений, заявил, что он вполне согласен с г-ном Безобразовым. Со своей стороны могу прибавить, что акад. Успенский не только не разъяснил темных сторон вопроса о фемном строе, но скорее запутал его в целую сеть противоречий, которые способны поставить читателя в полное недоумение. Так, по его словам, Ираклий, собравшись в поход против персов, «остановился на довольно продолжительное время в областях, получивших фемное устройство, и производил здесь обучение новобранцев новой системе военного искусства» (651). В дальнейшем изложении он утверждает, что «фема Армениак» образовалась «до Ираклия», а также и «фема Анатолика» (657).[887] На стр. 685 он делает такое сообщение: «Здесь, в провинции Вифинии, были те фемы, где устроен был Ираклием защищенный лагерь (?), где он провел шесть месяцев, занимаясь набором (?) войска и обучением новобранцев»; и далее: «Не подлежит сомнению, что главная часть новобранцев происходила из славян, которые к тому времени наводнили Балканский полуостров и содействовали к (sic!) образованию фемного устройства Малой Азии, давая из себя значительное число охотников для колонизации Вифинии» (686).

Итак, выходит, что фемы существовали до Ираклия, что в одной провинции Вифинии Ираклий застал несколько фем, что славяне добровольно переселялись в Малую Азию и воздействовали на образование фем. Что же осталось делать исаврам, которым автор приписывает однако «развитие» фемного строя? И в чем могло состоять это развитие, если фемы существовали даже до Ираклия? При такой неясности общих представлений автор не мог ничего дать от себя в углубление и уяснение вопроса о возникновении фемного строя и его существа. Он не только не использовал источников, но затемнил их ясные свидетельства домыслами, каков, например, этот «укрепленный лагерь в Вифинии», где Ираклий будто бы оставался шесть месяцев. Георгий Писида и заимствовавший из него Феофан писали не для акад. Успенского: он оставил их в стороне и все переделал по своему. Никакой новой системы военного искусства Ираклий не создавал, и вовсе не ей обучал свое войско, а делал лишь то, что должен был делать каждый начальник экспедиционной армии по условиям тогдашнего состава военных сил государства. Ясные и вполне определенные сведения об этом дает автор «Стратегикона» Маврикия и Феофилакт Симокатта в описании войн конца VI столетия. Ни о какой иммиграции славян в Вифинию, раньше насильственного переселения их при Юстиниане II, нет известий в нашем предании, никакой «конторы» для записи добровольцев из славян не было в Фессалонике, вопреки заверению почтенного академика (стр. 802). Процесс образования фем шел не с запада от славян, как хочет уверить своего читателя акад. Успенский, а с востока, от угрожаемой границы, и первой фемой, которую знает наше предание, были армениаки.

В том христолюбивом воинстве, с которым Ираклий совершил два своих вторжения в недра персидской державы, в 623 и 627-628 годах, армяне составляли видную часть, и в числе вождей выделялись представители армянской знати. После разгрома персидской державы Ираклий восстановил зависимость от империи армянских областей в тех границах, какие были установлены по договору Хосрова с имп. Маврикием. Но так как области с армянским населением были отвоеваны персами еще в правление Фоки, и более 20 лет не состояли под властью императора, то восстановление прежних отношений зависимости от центра государства получило иной вид. Ираклий поставил полномочного наместника из среды армянской знати, своего боевого сподвижника, Мжежа-Гнуни (Мезезий Феофана). После его смерти этот пост был предоставлен по настоянию местной знати его убийце, Давиду Сааруни. После переворота, отдавшего верховную власть Константу, его занял Валентин Аршакуни, а когда и он погиб во время народного движения в столице, — Феодор Рыштуни. Так как наместник Армении был, по условиям того времени, главнокомандующим в охране страны от внешнего врага, то мероприятие Ираклия было как бы восстановлением возникшего при Юстиниане Великом, в начале его правления, особого армянского командования, наряду с существованием магистра армии Востока. Новый пост был предоставлен знатному армянину Ситте (или Тцитте), за которого была выдана сестра императрицы Феодоры. Его титул был magister militum per Armeniam,[888] и пост этот замещался до тех пор, пока персы не отвоевали всех армянских областей в правление Фоки. Мероприятие Ираклия заключало в себе то существенное отличие от прежде действующих условий, что наряду с Мжежем-Гнуни и его преемниками не было назначаемых от двора представителей гражданской администрации в стране. Император назначал лишь своего полномочного наместника и притом из местной знати, которая сохраняла свои владельческие права относительно соплеменников. Охрана страны была организована в Армении в форме выступления в поход отдельных князей с известным контингентом своих людей, и наместник императора был общим командиром этой сборной силы. Епископ Себеос, который, живя в местных условиях, не представлял себе иной формы военной организации, определил положение Сумбата, сына Вараз-Тироца, когда он при Константе был назначен на старый пост магистра армии во Фракии, в таких словах: «начальник фракийских князей». Армянское войско, ходившее с Ираклием в его последний поход в Персию, Феофан называет армениаками: Γεώργιος τουρμάρχης των

[887] Нельзя не отметить, что фем «Армениак» и «Анатолика» никогда не было, а были только армениаки и анатолики, как названия частей территориальной армии.
[888] См. т. II.

Ἀρμενιάκων (325, 3), и этот термин живет с тех пор в течение столетий. Завоевания арабов и отпадение армянских князей от империи сократили армянские области империи на скудный остаток Понта и Каппадокии, и местные войска этих территорий удержали название армениаков. Они имели во главе назначаемого от двора стратига, по всему вероятию из местной знати, а в конце правления Константа, когда в Константинополе правление было в руках регентства ввиду малолетства императоров, стратигом армениаков оказался перс Шапур.

Если бы почтенный академик обратил внимание на то обстоятельство, что армениаки были первой по времени фемой, о которой дает свидетельство наше предание, он вряд ли бы стал путать славян, мнимая и будто бы добровольная иммиграция которых в Вифинию «содействовала к образованию фемного строя». Насильственно переселенные в Вифинию Юстинианом славяне вступили в готовые с давних пор условия существования военного сословия в империи. Наследственность военного звания засвидетельствована в императорских указах еще со времени Константина Великого, а переселение готов в пределы империи в конце IV века, продолжавшееся и в течение V-го, имело своим последствием возникновение привилегированного военного сословия, не только не платившего никаких податей за предоставленную ему землю, но и пользовавшегося изъятиями от действия строгих законов о еретиках. Термин федераты самым существенным образом изменился в своем значении, и акад. Успенский только по недоразумению смешивает его то с «наемниками», то с «союзниками», σύμμαχοι Прокопия (стр. 651). Старые полки, имена которых сохранила Notitia dignitatum времен Феодосия Младшего, превратились в кадры, состоявшие на учете в центральном управлении (κατάλογοι), и для организации действующей армии (состояния in expedito) вызывались отряды, из которых главнокомандующий формировал армию. Такая действительность представлена нам в «Стратегиконе» Маврикия, так поступали Петр и Приск при Маврикии (Феофилакт Симокатта) и Ираклий в своих приготовлениях к войне с персами. Акад. Успенский совсем напрасно говорит о вербовке новобранцев, да притом еще из славян. От времени вторичного правления Юстиниана II есть, правда, свидетельства о производстве набора из гражданского населения империи, а именно: для снаряжения похода на выручку осажденной арабами Тианы в Киликии и для карательной экспедиции против Херсона. Сообщения Феофана слишком кратки, чтобы на основании их можно было составить представление о том, в каких формах и условиях происходил набор и для какой части населения он являлся принудительным; но ясно одно, а именно, что это мероприятие имело характер чрезвычайного события, и современники видели в нем проявление деспотических наклонностей ненавистного тирана, который своими жестокими казнями расстроил состав имеющегося военного сословия в государстве, а потому и был вынужден прибегнуть к набору, который, однако, не оправдал себя, так как обе экспедиции окончились полным неуспехом.

Итак, в вопросе о возникновении фемного строя следует исходить из наличия в империи военного сословия и воздействия тех порядков, которые определились в областях с армянским населением, начиная со времен имп. Ираклия в связи с отвоеванием утраченных при Фоке земель, и акад. Успенский глубоко ошибается в своем утверждении, что «раскрыть историю фемного устройства, значит выяснить меры правительства по отношению к землевладению и земельному устройству крестьянского населения», а равно погрешает и в том, что отводит в вопросе о возникновении «фемного устройства» видную роль славянам. Его домыслы отодвигают научное исследование вопроса с того пути, на который оно поставлено в трудах его предшественников.

Экскурс IV

К ВОПРОСУ О ФЕМАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[889]

Фемный строй Византийской империи, известный для X века главным образом по сочинению Константина Багрянородного *De thematibus,* вызвал за последние годы целый ряд исследований, в которых отдельные ученые делали попытки общего рассмотрения вопроса, ставили его на принципиальную почву или освещали отдельные его детали.[890] Вопрос о фемах, их происхождении и существе настолько сложен и темен, что, по справедливому замечанию нашего известного византиниста Ф. И. Успенского, он «может с пользою для дела быть поставлен на очередь еще много раз».[891] Обыкновенно фемный строй рассматривается, как оригинальное создание политической мысли византийцев. Но так как Византийская империя была непосредственным продолжением Римской, то ее учреждения нерасторжимыми узами связаны со своим далеким прошлым и нередко только тогда становятся нам понятны, когда удается выяснить эту связь. Для меня лично вопрос о фемах интересен именно с этой точки зрения.

В появившихся за последнее время работах ученых византинистов в рассмотрении этого вопроса господствует и обусловливает направление исследования не эта точка зрения; ввиду этого считаю не лишним остановиться на разъяснении некоторых занимавших меня сторонах и деталях общего вопроса, которые, как мне кажется, заслуживают специального рассмотрения, а в видах большей определенности и конкретности ограничусь в частности фемой «оптиматов».[892]

Фема оптиматов, в смысле области, занимает северо-западную оконечность материка Малой Азии. Константин Багрянородный перечисляет пять городов в пределах этой фемы: Никомидия, Еленополь, Пренет, Астак и Парфенополь.[893] Положение последнего неизвестно; что же до остальных, то три из них были расположены на южном побережье Астаканского, ныне Исмидского, залива Мраморного моря, если направляться с запада на восток, в такой последовательности: Еленополь, Пренет, Астак; Никомидия, главный город фемы, ныне Исмид, расположена в северо-восточном углу залива. Этнографический состав населения области царственный автор определяет так: Βιθυνοί Ταρσιᾶται, Θυνοί. Древние географы помещали племя финов на северо-восточный угол материка, полуостров, омываемый с севера Черным морем, а с юга ныне Исмидским заливом; главное же племя, вифинян, давшее имя всей области, — к югу и востоку от Исмидского залива,[894] что же касается тарсиатов, то как племя они нам неизвестны; но имя Ταρσία засвидетельствовано у Никиты Хониата, Георгия Акрополиты и в агиографических памятниках в смысле обозначения местности на нижнем течении реки Сангария, к востоку от Никомидии.[895] Так как город Пилы на Астаканском заливе и Никея, расположенная в столь недалеком расстоянии от Никомидии, входили в пределы другой фемы, Опсикия, то, очевидно, южная граница фемы оптиматов шла не на далеком расстоянии от городов Еленополя, Пренета и Астака. В своем дальнейшем направлении к востоку она проходила через реку Сангарий и, охватив местность Тарсию, поднималась затем к северу до морского берега, оставляя к востоку округ города Прусы (или Прусиады, Προυσιάς у Константина) на реке Гиппии, входившего в пределы соседней фемы букелляриев.[896] Таким образом, фема оптиматов, в смысле области, составляла лишь незначительную часть древней римской провинции Вифинии.

В общем обзоре Константина Багрянородного фема оптиматов занимает особенное и, можно сказать, загадочное положение. Хотя в общем счете она оказывается пятой фемой, но царственный автор замечает о ней, что с остальными фемами она не имеет ничего общего (οὐδεμίαν ἔχει κοινωνίαν προς δέματα) и даже не считается фемой (ουδέ εις θέματος τάξιν λελόγισται). Командир ее носит титул *доместика,* состоит в ранге ниже стратига и даже подчинен стратигу (ὑπό χε'ιρα ών στρατηγου). К сожалению, автор не сказал, какому именно стратигу подчинен доместик оптиматов. — Она не поделена на турмы и друнги, как другие фемы. Службу, которую несут оптиматы, Константин называет рабством (δουλεία) и дает пояснение, что оптиматы привлекаются на службу в том случае, если царь выступает в поход со своей гвардией. Царскую гвардию, как известно,

---

[889] Напечатано в издании: «Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому». Киев. 1904, стр. 82-118.

[890] *Bury.* History of the later Roman Empire. 1889. II, 339-351; *Diehl.* L'origine du régime des thèmes dans l'Empire Byzantin (Etudes d'histore du Moyen âge, dédiées á Monod. Paris. 1896); *Gelzer.* Die Genesis der byzanti nischen Themenverfassung. 1889; *Успенский.* Военное устройство Византийской империи (Изв. р. Арх. Инст. в Константинополе, т. VI. 1900); *Панченко.* Памятник славян в Вифинии VII века (Ib. т. VII, 1902).

[891] Ук. соч., стр. 194.

[892] На истории оптиматов остановился во введении ко второму тому своей Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη греческий ученый *Сафа,* стр. 36. Но произвольные толкования и ни на чем не основанные домыслы, которыми испещрен этот экскурс, лишают это рассмотрение научного значения. *Bury* поминает эти домыслов в примечаниях на стр. 344 второго тома своей истории, исправив только одну ошибку.

[893] *Const.* De them. p. 27 B.

[894] *Strabo.* XII, 3, 3; 4.

[895] *Ramsay.* Historical Geograry of Asia Minor. 1890, стр. 191. *Tomaschek.* Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, his.-phil. Klasse (1891), стр. 8. Св. Евстратий (Acta SS. 17 января, 1 p. 598) происходил — εκ τῆς Ταρσίας, κώμης Βιτζιανῆς του δέματος τών ' Οπτιμάτων; св. Елевферий погребен — έν Ταρσῷ τής Βιθυνίας *Georg. Acrop.;* p. 173: ηγεμονία Βιθυνίας και Ταρσίας; *Nic. Chon.* p. 553: κατά την άγχουρον Νικομηδεῦσι Ταρσίαν.

[896] *Const.* De Them. p. 29 B.

составляли четыре полка (τάγματα): схолы,[897] экскувиты,[898] иканаты и арифмы. По словам Константина, каждый из воинов этих полков берет себе оптимата для личных услуг. Состояние это он приравнивает положению класса «кортелинов».[899] В той же связи Константин делает замечание и о том, что такую же личную службу (τοιαύτην δουλείαν) оптиматы несут при особе царя. Некоторое разъяснение к этому общему замечанию можно извлечь из подробного описания царского похода на восточную границу империи, помещенного в приложении к первой книге сочинения *De cerimoniis.* — Местом высадки царя на малоазиатском берегу была гавань Пилы. Доместик фемы оптиматов должен был являться туда «со всеми оптиматами» и доставлять нужное число погонщиков из своих людей; для этой службы люди должны быть занесены в особый список с обозначением имени и принадлежащего каждому участка земли (p. 476). Кроме того, под начальством комита оптиматов, должна была являться особая команда в 200 человек; из них сто вместе с комитом поступали в распоряжение стольника (ὁ ἐπὶ τραπέζης) и доместика прислуги (p. 477) и несли службу погонщиков при царской кухне (p. 477); а другие сто отправлялись в распоряжение конюшего (κόμης τοῦ στάβλου) и хартулария, которые принимали людей по точному списку (p. 474). — Таковы данные, которые дает об оптиматах Константин.[900]

[Что касается приниженного состояния оптиматов и превращения их в прислугу, то свидетельство моливдовула о «славянских рабах» до некоторой степени разъясняет дело. См. выше].

В хронике Феофана оптиматы упомянуты только два раза, первый — в рассказе о походе имп. Константина Копронима против болгар в 774 году с огромной армией в 50 тысяч человек. Царь выступил со своими тагмами, которые были усилены оптиматами: ἑνώσας τοῖς τάγματι τούς ὀπτιμάτους.[901] Таким образом, в этом свидетельстве как бы подтверждается показание Константина, что оптиматы не составляют во время похода самостоятельной военной части, подобно другим фемам. Император лишь *присоединяет* их к регулярным полкам византийской армии, которые имели пребывание в Константинополе и составляли царскую гвардию. Но во всяком случае нельзя заключить из слов Феофана, будто оптиматы принимали участие в походе только лишь в качестве личной прислуги при стратиотах и офицерах гвардии. Скорее следует представлять себе дело так, что для укомплектования и численного увеличения состава этих четырех полков был вызван контингент оптиматов. — В другой раз, занеся в свою хронику под 799 годом известие о поражении, которое нанесли арабы комиту Опсикия Павлу, Феофан отмечает, что его армия состояла из «всей» его фемы и оптиматов.[902] Таким образом, и здесь как бы подтверждается свидетельство Константина о том, что оптиматы не составляли особого военного командования, а лишь служили для усиления других военных частей. В данном случае ими командует комит соседней с ними фемы Опсикия.

Оба упоминания оптиматов у Феофана не давали бы даже сами по себе права утверждать, что оптиматы составляли особую фему. Если же тем не менее все исследователи вопроса о фемах видят в показании Феофана под 774 годом первое историческое свидетельство о существовании фемы оптиматов, то такое представление основано прежде всего на показании Константина Багрянородного и подтверждается свидетельствами арабских источников. Так, оптиматы названы в первом по времени арабском списке византийских фем Ибн Хордазбеха (ок. середины IX века).[903] Не лишено интереса отметить, что Ибн Хордазбех, в тексте которого имя оптиматов звучит «офтимати», дает народную этимологию этого слова: «уши и глаза».[904] В описании Византийской империи Кодамы число войска фемы оптиматов указано в количестве 4000 человек.[905] Та же цифра дана у Кодамы для армениаков, Каппадокии и Хальдии, для других фем она выше; отсюда следует, что эта фема, по сведениям арабов, принадлежала к меньшим и менее значительным.

Константин Багрянородный представляет деление военных сил империи и ее территории на фемы, как процесс последовательного раздробления более крупных целых на меньшие единицы, и это представление имеет за собой историческую достоверность. В интересном документе 687 г., послании имп. Юстиниана II к римскому папе Иоанну, весь Восток империи разделен на четыре командования: Опсикий, анатолики,

---

[897] По своему началу этот полк восходит к временам Константина Великого. См. *Mommsen.* Das römische Militarwesen seit Diocletian (*Hermes,* XXIV, 1889), стр. 222.

[898] Отряд этого имени основан имп. Львом (457-474). — *Lyd.* De mag. I, 16, p. 134 — в количестве 300 человек.

[899] *Gloss. Basilic.* Κορτελίνον τῶν ευτελών. Κορτελινον ευτελείς θυρωροί τοῦ πραι τορών — *Du Cange.* Gloss, med. et inf. Latin, s. v. *cortis* 3. — Κορταλινοι — *cohorlates.* Так назывались *officiales* чинов гражданского управления, praesides provinciarum. См. *Cod. Theod.* 16, 5, 48; 63, 4; *Cod. Just.* 1, 5, 12, 6 (от 527 г.); XII, 57.

[900] *Рамзай* в своем смелом исправлении одного места *De cet.* p. 444-445 (Hist. Geog., стр. 202) прибавил еще одно сведение; будто «стратиг» оптиматов встречал царя на пути его на восток в Малагинах, *Гельцер,* ук. соч. p. 110, исправлявший по своему этот текст, указал на ошибку *Рамзая. Г. Панченко,* ук. соч. p. 57, принял вставку *Рамзая* за подлинное свидетельство Константина.

[901] *Theoph.* p. 447, *20. De-Boor.*

[902] Ib. p. 473, 30.

[903] *De Goeje.* Bibl. geogr. Arab. VI, стр. 77.

[904] am (=ώτίον) и μάτι (=όμμάτιον) — объяснение, предложенное *Гельцером.* ук. соч. стр. 82, прим. 2. *Barbie de Meynard* — άφτί — μάτι новогреческая форма αύτί = ώτίον.

[905] *De Goeje.* Bibl. geogr. Arab. VI, стр. 197. — Проф. *Васильев,* в своей рецензии на книгу *Gelzefa (Виз. Врем.* X, 1901) называет статью *Brooks'a:* Arabic lists of the Byzantine themes, помещенную в издании: The Journal of Hellenic Studies, vol. XXI (1903), p. 67-77, которой я, к сожалению, не смог воспользоваться за отсутствием этого журнала в библиотеке нашего университета.

арменияки и флот.[906] Таким образом, тогда еще не существовали в качестве особых фем ни букелларии, ни оптиматы. Очевидно, территория этих фем входила в Опсикий. Прямого указания на время возникновения этих фем нет в наших источниках, и оптиматы упомянуты впервые, как уже сказано, под 774 годом. Гельцер выставил предположение, что возникновение обеих этих фем следует привести в связь с событиями первого года правления Константина Копронима, сына и преемника Льва Исавра. Близкий родственник императорского дома, Артавазд, верный сотрудник почившего императора, поднял в 741 году против его наследника большое восстание, опираясь на силы фемы Опсикия, которым он командовал. Константину удалось подавить восстание к концу 743 года.[907] Так как под 767 годом встречается первое упоминание о феме букелляриев, а под 774 годом — оптиматов, то Гельцер предполагает, что выделение этих обоих командований и территорий из фемы Опсикия произведено было Константином после подавления восстания Артавазда с целью уменьшить могущество командира этой фемы.[908] Гипотезе Гельцера нельзя отказать в вероятности; но во всяком случае она оставляет неразрешенным другой вопрос, гораздо более трудный и неясный, который ставят перед нами сами названия этих фем. Смысл названий «букелларии» и «оптиматы» могут открыть нам только свидетельства V и VI веков. Появление их в VIII веке в значении названий византийских фем — является своего рода загадкой, разрешение которой может бросить широкий просвет в скрытое от нас прошлое фем, и, быть может, повести к разгадке самого происхождения этого учреждения. Оставляя на этот раз в стороне интересный вопрос о букелляриях, остановимся на оптиматах.

Древнейшее сохранившееся для нас упоминание имени оптиматов относится к началу V века. Оно дошло в извлечениях, сделанных Фотием из исторического труда Олимпиодора, писателя времен Аркадия и Феодосия II, гласит так: ὁτι τῶν μετά Ροδογάίσον Γότθων οι κεφαλαιῶται ὁπτίματοι ἑκαλοῦντο, εις δώδεκα ουντείνοντες χιλιάδας, οῦς καταπολεμήσας Στελίχων Ροδογάίσον προσηταιρίσατο.[909] — Нашествие Родогайса, или Радагайса, на Италию, успешно отраженное Стилихоном, относится к 405 году. Краткое сообщение об этом событии сохранил Зосим (V, 26), несколько полнее — Орозий (VII, 37, 4-17), расцветивший свое изложение своеобразной риторикой, упомянули о нем блаж. Августин[910] и хронисты: Марцеллин Комит, Исидор, Проспер.[911] Все свидетельства единогласны в том, что вторгшиеся с Радагайсом варвары потерпели страшный разгром. Хронисты и Орозий упоминают о продаже в рабство огромного множества пленных по невероятно низкой, по тем временам, цене. У Зосима есть замечание, подтверждающее свидетельство Олимпиодора: ῶστε μηδενα σχεδόν έκ τούτων περισωθήναι, πλήν έλαχίστους, οσους αύτος τή Ρωμαίων προσεθηκε συμμαχίςχ.

Прием варваров на службу в римскую армию мог в ту пору совершаться в различной форме. Издавна уже варвары, свободно или по принуждению, поступали в одиночку или группами в регулярные полки империи. В роковой 378 год, ознаменовавшийся переходом в придунайские провинции вестготов, готские контингенты во множестве состояли на службе, между прочим, в полках, расположенных далеко от Дуная, на восточных границах империи. Аммиан Марцеллин с признанием отмечает заслугу командовавшего в тех пределах генерала по имени Юлий. Узнав о событиях во Фракии, Юлий отдал секретный приказ всем начальникам частей перебить в определенный день всех готов, состоявших под их командой. Приказ был исполнен «без шума и замедления, и восточные провинции были этим исторгнуты из великих опасностей», как выражается Аммиан.[912] Этот эпизод не изменил условий на будущее время, и варвары по-прежнему во множестве служили в римских войсках. Варваризация армии особенно усилилась при Феодосии.[913]

Другой вид службы варваров в имперской армии — поставка военных отрядов под командой национальных вождей в силу договора между империей и представителем целого племени или его части. Империя давала племени территорию для поселения в ее пределах с возложением обязательства поставки военных контингентов определенной численности под римские знамена, за что государство со своей стороны уплачивало оговоренную сумму денег. При Феодосии точнее определились эти отношения, и в его армии, и в той, которую он оставил своим сыновьям, состояли весьма значительные по своей численности отряды варваров, и прежде всего готов, под общей командой своих национальных вождей. Кровавый эпизод, связанный с именем Гайны, разыгравшийся в

---

[906] *Mansi.* Collectio conciliorum, XI, 737-738. — Направляя к папе акты Вселенского собора, император сообщает о составе собрания, в каком они были приняты в его присутствии. Помянув патриархов, папского апокрисиария, Константинопольский сенат, пребывавших в столице епископов, император называет затем гвардию, димы и представителей армии: quosdam de Christo dilectis exercitibus, tam o Deo conservando Obsequio, quamque ab Orientali... similiter et ab Armeniano... diende ex Cabarisianis (следует читать: Carabisianis, поправка *Диля).* — Этот документ привлек к исследованию вопроса о фемах *Диль*: подробный его анализ см. в названном сочинении *Гельцера.*

[907] *Muralt.* Chr. Byz. p. 350.

[908] *Gelzer.* ук. соч. p. 79. — Забывая о продолжительности борьбы Константина с Артаваздом, *Гельцер* датирует возникновение новых фем 741 годом.

[909] *Olympiodorí* fragmenta. 9. *Müller,* F. H. G. IV, p. 59.

[910] *August.* De civ. Dei. V, 23; Serm, 105, c. 10.

[911] *Marc. Com.* p. 68-69; *Mommsen.* Chr. min. XI, 1; *Isid.* p. 272. *Mom.* ib. XI, 2; *Prosp.* p. 406. *Mom.* — Сопоставление всех данных и некоторые догадки о ходе событий см. *Wiethersheim-Dahn,* Geschichte der Völkerwanderung. 1881, II, 132-138. *Mommsen* в своей статье Stilicho und Alarich (*Hermes.* 1903) не остановился на этом эпизоде, хотя и отметил его, стр. 114, пр. 2.

[912] *Amm. Marc.* 31, 10, 8. — Более подробное сообщение о том же эпизоде см. *Zosim.* IV, 26.

[913] *Zosim*. IV, 30; *Paneg. Pacati*, c. 32.

восточной половине империи в 399 году, определенно говорит о силе и численности варварских контингентов на службе римского императора.[914] Так как эти отношения устанавливались на основании договора, *foedus,* то производное от этого слова — *foederati* — являлось общим обозначением варваров, состоящих на службе империи. В случаях поселения целого племени в пределах империи термин *foederati* прилагался к нему в целом его составе в смысле общего обозначения его правового положения в империи. Оглядываясь на прошлое остготов, Прокопий говорит о нем в таких словах: — μετά δε δόντος βασιλεως ῳκήσαντο ές τα έπ'ι Θράκης χωρ'ια, καί τά μεν ουνεμάχουν Ρωμαίοις, τάς τε συντάξεις ώσπερ οι άλλοι στρατιωται προς βασιλέως κομιζόμενοι άνά πάν ετος καί φοιδεράτοι έπικληθέντεζ οϋτω γάρ αυτούς τή Λατίνων φωνή έκάλεσαν Ρωμαῖοι...[915]

Наряду с этой формой определения постоянных отношений между империей и варварами существовала другая, столь же древняя в государственном строе римского государства, как и договор, но менее почетная для варваров, *deditio,* т. е. признание подданства, откуда термин *dediticii* как правовое понятие. В одном указе от 406 года, наряду с федератами, названы *dediticii*, причем содержание указа не оставляет никакого сомнения в том, что под обоими терминами понимаются германцы.[916]

В начале V века существовала еще одна форма службы варваров империи. Термином для нее было слово *bucellarii.* Древнейшее свидетельство о букелляриях сохранил нам Олимпиодор в таких словах: "Οτι το Βουκελλάριος όνομα έν τάίς ήμεραις ' Ονωρίον έφέρετο κατά στρατιωτών ού μόνον Ρωμαίων, άλλα καί Γότφων τινῶν.[917] Этот термин обозначал военные и вооруженные дружины, который составляли на свой страх и на свои средства частные лица. Будучи по существу преступлением, как нарушение главной прерогативы государственной власти, злоупотребление это было не только терпимо в империи в V веке, но настолько вошло в обычай, что получило вид особого учреждения, которое несло службу государству.[918] Источники наши для V века далеко не настолько полны и обильны, чтобы возможно было с точностью проследить историю отдельных учреждений и форм быта, получивших свое развитие среди смутных событий внешней и внутренней истории того времени. Как в возникновении, так и в развитии института букелляриев сказалось воздействие германских нравов и форм быта на империю. Прототипом кондотьеров римского происхождения были, несомненно, германские князья, служившие империи в качестве и звании федератов. По свидетельству Олимпиодора дружины букелляриев набирались из людей разных национальностей, но преобладали в них готы и вообще германцы, как в ту пору, так и при Юстиниане, как это видно из сообщений Прокопия в его описаниях войн того времени. Между федератами и букелляриями не было резкой грани по условиям жизни того времени, и во многих свидетельствах источников институты эти, различные по существу, объединяются в одном термине — *foederati.* Таково, для примера, следующее место Малалы в повествовании о событиях 471 года, когда император Зенон отделался от Аспара с его сыновьями: είχεγάρ (se. Aspar) πλῆθος Γότθων καί κόμητας πολλούς και άλλους παιδας καί παραμενοντας αύτοίζ άν&ρωπους οῦς έκαλεσε φοιδεράτους άφ ῶν καί φοιδερατικάι άννωναι κατάγονται.[919] В языке Прокопия термином для обозначения установления отношений дружинника служило слово έταιριζεσθαι.[920]

Возвращаясь после этих общих разъяснений к эпизоду 405 года и в частности к вопросу о принятии на службу империи остатков полчищ Радагайса, приходится признать, что, по их положению оставшихся без главы и покинувших свою родину людей, их отношения к империи естественнее всего могли быть установлены по третьей или четвертой из указанных выше форм. Зосим называет дело Стилихона словом — προσηταιρίσατο. Если употребление здесь этого слова не случайно, то можно прийти к мысли, что оптиматы вошли в состав личной дружины Стилихона. По тогдашнему положению Стилихона — фактического главы государства — включение в его личную дружину было равносильно принятию в состав имперской армии. Но с другой стороны нельзя не прибавить, что от начала V века у нас нет свидетельств о существовании столь значительных личных дружин, как во времена Юстиниана, когда дорифоры и ипасписты Велизария составляли дружину в семь тысяч человек. Да и само положение Стилихона устраняло всякую надобность для него заботы о создании себе личной дружины, когда он располагал средствами и силами всей западной половины империи. Вероятнее поэтому будет

---

[914] *Zosim.* V, 13-22. — О численности готов под командой Гайны красноречиво говорит тот факт, что истребление за один раз 7 тысяч человек было только одним из эпизодов в ходе событий.

[915] *Procop.* b. G. IV, 5, p. 477-478.

[916] *Cod. Theod.* VII, 13, 16. Contra hostiles impetus non solas iubemus personas considerar!, sed vires et licet ingenuos amore patriae credamus incitari, servos etiam huius auctoritate Edicti exhortamur, ut cum primum se bellicis sudoribus offerant, praemium libertatis, si apti ad militiam arma sumpserint, Pulveratici etiam nomine binos solidos accepturi: Praecipue sane *eorum servos, quos miltia armata detentat, Foederatorum nihilominus et Deditiorum: quoniam ipsos quoque una cum dominis constat bella tractare.* — О том, что у германцев рабы сражались вместе с господами, имеется целый ряд свидетельств. — Факт сдачи на волю победителя предполагает, как свое последствие, дальнейшее определение условий пребывания в пределах империи. Таково начало института летов, *laeti, terrae laeticae* в западной половине империи. Но в данном случае текста указа под термином *dediticii* понимается состояние.

[917] *Olimp.* fg. 7, p. 59 Müller.

[918] О букелляриях см. *Mommsem.* Das röm. Militarwesen seit Diocletian. (*Hermes..* XXIV, 1889) стр. 233-239; *Lecrivain.* Les soldats privés au Bas Empire (*Mélanges d'archéologie et d'histoire.* X, 1890); стр. 267-283; *Beniamin.* De Justiniani temporibus quaestiones militares. Ber. 1892; *Seeck.* Das deutsche Gefolgswesen auf rôm. Boden (*Zetschrift der Savigny-Stiñung fur Rechtsgeschichte.* XVII, (1896. Germ. Abth., стр. 97-119) и *Pauly-Wissowa Real encycl.* s.v.

[919] *Hermes.* VI, стр. 369.

[920] *Proc.* b. P. I, 25, p. 130 B.

признать, что оптиматы Радагайса остались в империи как *deditìcii.* Весьма возможно, что и в самом тексте упомянутого выше указа от 406 года под названными там *deditìcii* следует понимать не кого другого, как именно *оптиматов,* принятых незадолго до того на римскую службу. В указе они названы наряду с федератами, как совершенно однородная группа живущих в пределах империи варваров. В позднейших свидетельствах, как в законодательных актах, так и у писателей, термин *deditìcii* в применении к германцам, поселившимся в пределах империи, более не встречается. Единство национальности и однородность положения естественно могли повести к тому, что исчезла и сама память о весьма существенном различии между племенными группами, служившими империи в силу договора и принятыми ею в качестве сдавшихся на милость победителя с возложением той же службы.

Олимпиодор в своем сообщении определяет общее количество готов, принятых на службу империи Стилихоном, в 12 тысяч человек. Так как нашествие Радагайса, по всем свидетельствам об этом событии, имело характер не грабительского набега, а народного переселения, то эта цифра не представляет сама по себе ничего невероятного. Но весьма странно наименование варваров, принятых Стилихоном на службу, главарями готов — κεφαλαιωται τών Γότθων, слово, которым Олимпиодор передает их латинское название *optimates.*

В языке того времени слово *optimates* применялось нередко для обозначения знатных лиц и знати у варваров. Так, например, Орозий называет этим словом галльскую знать времен Цезаря (VI, 7, 4), для обозначения которых сам Цезарь в свое время пользовался словом *principes.* Аммиан Марцеллин употребляет слово *optimates* в применении к германцам (XXXI, 3, 5), но лишь в отношении нескольких лиц. Между тем остатки готов Радагайса во всем количестве 12 тысяч именуются *оптиматами.* Этой загадки мы не умеем разрешить. Затруднительным представляется и следующий вопрос: где была отведена территория оптиматам для постоянного их поселения? В 405 году Стилихон стоял во главе западной половины империи: армия, с которой он разбил полчища Радагайса, была расквартирована в северной Италии, и центром ее расположения был город Тицин (ныне Павия), как сохранил о том сведение Зосим.[921] Очевидно, места для поселения оптиматов Стилихон мог отвести только в западной половине империи, в пределах своей власти. Но никаких следов существования оптиматов на западе нет в наших источниках, и такой богатый сведениями о составе военных сил империи памятник, как *Notitia dignitatum utriusque imperii,* в котором названо столько постоянных частей имперской армии, составленных из варваров разных национальностей, не дает никаких указаний на то, под каким термином можно бы отгадать оптиматов Радагайса. Проще всего было бы предположить, что они не удержались в своей особенности и растворились в огромной массе германцев, служивших под знаменами римского императора.[922] Но один источник конца VI века ставит дело иначе. Имеем в виду «Стратегикон» Маврикия.[923]

Армия, находящаяся под командой военачальников, в поучение которым составлен «Стратегикон» этим одноименным современником императора Маврикия (582-602), очень далека от той, какую имела империя в цветущую пору своего могущества, но она не похожа также и на армии, которые прославили победами имя Юстиниана. Она имеет характер ополчения, которое собирается по мере надобности и по приказу правительства в определенном месте и получает свою организацию, а также и выправку от главнокомандующего. Люди, обязанные военной службой, получают денежное довольствие из казны, которое называется χρυσικη ρόγα.[924] Они являются для похода с конем и оружием. Во время уплаты жалованья подлежащие чины должны иметь наблюдение за наличностью и исправностью боевого снаряжения людей.

Главнокомандующий сам формирует свою армию в отряды, которые носят общее обозначение тагм, то τάγμα, и могут иметь различную численность, не свыше 400 и не меньше 200.[925] Из тагм образуются большие строевые и боевые единицы: миры (μοίρα) и меры (μέρος). В этой новой и отличной от прошлого армии, охранявшей империю от славян на западе и персов на востоке, лучшими и наиболее надежными частями являются тагмы федератов и оптиматов. Те и другие входят в состав армии, как интегральные ее части, и резко отличаются от «союзников», σύμμαχοι, под которыми разумеются инородцы — εθνικοί. В боевом построении те и другие имеют свое определенное место, а именно: федераты занимают центр первой линии (πρόμαχος), а оптиматы строятся во второй линии (βοηθός).[926] Как оптиматы, так и федераты выступают в поход с

---

[921] *Zosim.* V, 26: ἀναλαβῶν ὁ Στελίχων ἅπαν το ἐν τφ Τικηνῷ τής Λιγυσικῆς ἐνιδρυμενον στρατόπεδον. — p. 249 *Mendelsohn.*

[922] Возможно было бы предположить, что, будучи лично связаны со Стилихоном, оптиматы оказались в числе тех варваров, которые оставались верны Стилихону и после его смерти соединились с Аларихом. Рассказ об этих событиях см. у *Зосима,* V, 30-35.

[923] Свидетельства этого богатого разного рода данными источника далеко не в достаточной степени введены в общий оборот, быть может отчасти потому, что единственное издание *Маврикия — Scheffer.* Upsalae, 1794, составляло библиографическую редкость уже в XVIII веке. В 1903 году появился русский перевод *Маврикия,* принадлежащий капитану *Цыбышеву.* Позволю себе сослаться на свою рецензию перевода в *Жур. Мин. Проев.* 1903, декабрь.

[924] P. 24 (II, 2).

[925] Слово τάγμα имеет у *Маврикия* значение технического термина, тогда как в предшествующую пору, напр., в языке *имп. Юлиана* и у *Зосима,* и даже *Созомена,* оно употребляется в виде общего обозначения военной части. Sozom. II, 8, τα 'Ρωμαίων τάγματα, ανῦναριθμούςκαλοῦσιν.

[926] P. 60 (II, 5).

оруженосцами: у первых они зовутся арматами, ἄρματοι,[927] у вторых — отроками, παίδες. Каждая тагма имеет определенное число оруженосцев, которые принимают участие в бою, выстраиваясь на определенных местах в своих тагмах.[928] Ряд у оптиматов строится по семь человек, из них пять воины и два — оруженосцы.[929] Оптиматы имеют некоторые свои особенности, в отличие как от остальных частей, так и от федератов. Так, их тагмы не подлежат ограничению в численном составе, применяемому ко всем другим,[930] а равно и офицеры, командующие несколькими тагмами, зовутся у них не мирархами (μοιράρχαι), как в других частях, а таксиархами, ταξίαρχοι.[931] Неискусный писатель и скупой на разъяснения Маврикий нигде не оговаривается насчет народности оптиматов и федератов. В одном лишь месте, в изложении о боевом построении первой линии в трех мирах, он помещает федератов в центр, отводит правое крыло тагмам, которые называет Ἰλλυρικιανοί, а левое — вексилляциям, βηξιλλατίονες τῶν ἀριθμῶν (p. 60). Vexillatio — старый термин, который в Notitia Dignìtatum служит для обозначения регулярного кавалерийского полка. Из того же источника известны нам иллирийцы, в значении особых кавалерийских отрядов.[932] Таким образом, это место Маврикия позволяет с большой вероятностью догадываться, что федератами и оптиматами времен Маврикия были германцы и главным образом готы, осевшие в пределах империи и сохранившие тот характер военного сословия, какой они получили с самого начала прямых сношений с империей и установили в виде нормального порядка в Италии, когда прочно устроились в этой стране под властной рукой Теодориха Великого.[933]

Во времена имп. Юстиниана федераты были давним и определенно сложившимся учреждением. Времена нашествия в самые недра империи целых народов были в далеком прошлом. В пограничных областях жили германские племена: эрулы, гепиды, лангобарды; занятие ими имперской территории совершалось на основе договора, и Прокопий называет их ἔνσπονδόι; но к ним не применялся старый римский термин foederati, изменивший в ту пору свое значение. Он обозначал людей другого состояния; осевшие в разных местностях империи германцы составляли класс военных людей, и обозначавший их термин *foederati* подводился под понятие *milites.* Это сказал сам император в одном указе сенату в таких словах: milites autem appellamus eos, qui tam sub excelsis magistris militum tolerare noscuntur militiam, quam in undecim devotissimis scholis taxati sunt, nec non eos, qui sub deversis optionibus foederatorum nomine sunt decorati.[934] В этом определении устанавливаются три категории военных людей с точки зрения подчинения их различным ведомствам: на первом месте названа регулярная армия, которая состоит под командой высших военных чинов — magistri militum; на втором одиннадцать схол, т. е. личная гвардия императора, состоящая в ведении высшего придворного чина — magister officiorum;[935] в качестве третьей категории являются федераты, наличностью которых ведают чиновники, выплачивающие им жалованье, optiones.

Исконный в римской армии солдатский чин optio, означавший помощника центуриона в пехоте и декуриона в кавалерии, имел уже в армии времен Константина Великого особое и специальное значение, а именно: заведовать получением и раздачей солдатского довольствия в своей части.[936] Так оставалось это при Анастасии[937] и при Юстиниане.[938] По аналогии со строевыми частями, федераты имели своих оптионов, которые являлись промежуточной инстанцией в самом жизненном и существенном отношении между ними и центральным правительством. В этой связи интересно свидетельство указа Юстиниана от 542 года. Император борется против злоупотребления, ослаблявшего военные силы государства: отвлечения частными силами солдат и федератов на личную себе службу. Грозя тяжкими наказаниями виновным, император повелевает солдатам возвращаться в свои полки, а федератам — к своим оптионам: οί μεν στρατιῶται εις τούς ίδιους αριθμούς, οίδε φοιδεράτος προς

---

[927] P. 28. Και ἄρματος προσαγορεύεται ὁ σύμμαχος τοῦ ὀπτιμάτου, ἤτοι *ὁ* αὐτοῦ ὑπασπιστής (I, 3).

[928] P. 61 τοις μέν ὀπτιμάτοις τάγμασιν οι ἄρματοι συντάσσουται, τοις δέ φοιδεράτοις οί ἐν δυνάμει εὑρισκόμενοι εις αὐτούς πάϊδες (II, 5).

[929] P. 60. Τά μέν τῶν ὀπτιμάτων τάγματα ὡς ἐν δεύτερα τάξει τασσόμενα και ἐν ἐπιλογη δντα, ἀπο πέντε μέν στρατωτῶν, δύο δέ ἀρμάτῶυ ποιε'ιν ζ ἀνδρας της δεκαρχίας ὀφειλούσης ἐχειν (II, 5). У федератов ряд имеет также семь человек, один из них πάίς, p. 59.

[930] P. 31. Χpf| μηδέ τάγματα πλέον τετρακοσίων ἀνδρῶν γίνεσθαι δίχα τῶν ὀπτιμά — τῶν βάνδων (I, 4).

[931] P. 28. Ταξίαρχοι δέ λέγονται οί μοιράρχαι τῶν ὀπτιμάτον (I, 3).

[932] Вопроса об «иллирийцах» в армии коснулся *Ritterling* в своей статье: Zum rom. Heerwesen des ausgehenden dritten Jahrhunderts (Beiträge zur alten Geschichte. Festschrift zu Otto Hirschfeld 60-tem Geburtstage. 1903, стр. 345-349).

[933] *Mommsem.* Ostgothiche Studien. *Neues Archiv fiir Geschichtskunde* XIV, 1886. — Sie (die Gothen) gelten... auch als Angesiedelte, sâmmtlich als Soldaten. Es liegt im Wesen der sesshaften Soldatesca, dass jeder Dienstfâhige angeseben wird als dienend; aber auch auf Frauen, Kinder, Greise muss diese Auffassung sich erstreckt haben (стр. 529); die Gothen zeigen sich.., recht deutlich was sie sind, Soldaten und Offiziere des rômischen Kaizerreichs (стр. 540).

[934] *Cod. Just.* IV, 65, 35.

[935] О состоянии схол при Юстиниане и количестве людей в них см. *Procop.* Hist. arc. 24 p. 135 B. — Звание *magister officiorum* впервые упомянуто в указе Константина Великого. *Cod. Theod.* 16, 10, 1 — от 320 года.

[936] *Cod. Theod.* VIII, 4, 1 (указ имп. Константина от 325 года) с примечанием *Годофреда.*

[937] *Cod. Just.* XII, 37, 19.

[938] *Novell* 130, 1: και τούς μέν ἑκαστου τάγματος ὀπτίονας ὑποδέχεσθαι τά εἴδη δίχα τινός διαστροφής καί ρογεύειν τοις ἑξάχοις καί τοις στρατκάταις τάς ἐν ειδει χορηγουμένας ἀννόνας. — Ср. *Procop.* b. VII, 20, p. 498: Γέζων ἦν ἐν τοίς στρατκόταις πεξός, τοῦ καταλόγου ὀπτίων... οῦτω γάρ τον τών συντάξεων χορηγόν καλοῦσι РομαΊοι.

τούς εαυτών όπτίονας έπανελθωσι.[939] Отсюда следует заключить, что оптионы каждого контингента федератов имели свое определенное местопребывание, где и исполняли лежащие на них обязанности.[940]

Источники наши, к сожалению, не дают возможности точно выяснить, было ли вообще централизовано управление федератами. Правда, из времен Юстиниана известны имена двух лиц, носивших звание Κόμης τῶν φοιδεράτων: Артабан, соединявший это звание с командованием военными силами столицы, т. е. magister militum praesentalis,[941] и Евсевий, занимавший этот пост в 562 г.[942] Из предшествующего времени это звание упоминается при имп. Анастасии,[943] а из позднейшего — в последний год правления Тиверия, когда в этом звании состоял будущий император Маврикий.[944] Эти немногие случаи упоминания титула комита федератов не достаточны сами по себе, чтобы дать определенный ответ на поставленный выше вопрос.

Институт федератов удовлетворял своему назначению усиливать военные средства государства. Как при Юстиниане отряды федератов составляли главную силу его армий, так к наиболее надежным боевым силам причислял их и Маврикий в своем «Стратегиконе». Империя имела в их лице военное сословие, которое содержала на своем иждивении, уплачивая им жалование, именовавшееся ρόγα.

Совместная жизнь с населением другого языка и другой культуры должна была иметь своим последствием устранение той резкой грани, которая существовала некогда между туземцами и германцами. Уже во времена Юстиниана в состав федератов могли попадать туземцы. Замечание об этом обронил Прокопий в следующих словах: έν δε δή φοιδεράτος πρότερον μεν μόνοι βάρβαροι κατελεγοντο, όσοι οϋκ έπ'ι τό δούλοι είναι, άτε μή πρός Ρωμαίων ήσσημενοι άλλ έπί τη ιση καί τή Ίση και τή όμοίςκ ές την πολιτείαν άφίκοντο, φοίδερα γάρ τάς πρός τούς πολεμίους σπονδάς καλούσι' Ρωμαίοι το δε νύν άπασι τού ονόματος τούτου έπιβατεύειν ούκ έν κολύμη έστι, τού χρόνου τάς προσηγορίας έφ ών τίθεινται ήκιστα άξιούντος τηρείν.. .[945]

Естественный ход вещей должен был привести к тому, что германцы смешались с туземцами, и, столетие спустя после Маврикия, мы не слышим больше имен федератов и оптиматов, а ему на смену является военная сила под именем Γοτθογράϊκες. Этот замысловатый, хотя и ясный по своему словесному составу, термин для обозначения военных людей употреблен всего один раз у Феофана и не встречается у других хронистов. Под 715 годом Феофан рассказывает о восстании против имп. Анастасия, в результате которого византийский престол занял на самый короткий срок Феодосий, низвергнутый вскоре Львом Исавром. — Анастасий снарядил большой морской поход против арабов. На корабли царского флота был посажен десант из фемы Опсикия, ταξάτοιέκτου 'Οφικιου θέματος, который и направился к сборному пункту для всех эскадр, участвовавших в походе, острову Родосу. Там была объявлена цель похода. Опсикиане возмутились, убили главнокомандующего, логофета Иоанна, эскадры разошлись по своим местам, а бунтовщики прибыли в Адрамитий. Там они нашли, в лице чиновника финансового ведомства по имени Феодосия, человека, которому и предложили императорский венец. Бунтовщикам удалось привлечь на свою сторону всю фему и «готогреков», Γοτθογραίκους. По морю и сухим путем бунтовщики собрались в Хризополе — портовый город севернее Халкидона на азиатском берегу, напротив Византии. Шесть месяцев шла борьба. Наконец, бунтовщикам удалось переправиться. Еще задолго до того Анастасий покинул столицу, чтобы организовать борьбу с бунтовщиками из Никеи, главного города фемы Опсикия. «Нечестивые люди», παράνομοι λαοί, Опсикия вместе с готогреками проникли в Константинополь через Влахернские ворота, врывались ночью в дома сановников и простых граждан и совершали разные бесчинства.[946] Так рассказывает об этом событии Феофан; у Никифора этот бунт выставлен как дело одних опсикиан, и действует у него άπας ό τοῦ' Οψικίου στρατός.[947] На основании сообщения Феофана можно вывести заключение, что «готогреки» были такими же солдатами империи, как и опсикиане, и далее, что место их расположения находится в соседстве с Опсикием.[948]

К этому, остававшемуся долго единственным, упоминанию о готогреках можно прибавить второе в опубликованном болландистами тексте жития трех лесбосских святых, Давида, Симеона и Георгия, подвизавшихся в конце VIII и начале IX века: Φίλου γάρ τίνος έν τοῖς τῆς Γοτθογροικίας (σιψ) μερεσι νοσήματι

---

[939] *Novell*. 116.

[940] По аналогии с государственными оптионами создавались и частные в сфере института букелляриев — δορυφοροι и ύπασπισται *Прокопия.* Таков оптион Велизария Иоанн — τῶν υπασπιστών τριακοσίους άπολέξας (Βελισάριος)... 'Ιωάννη παρέδωκεν, δς οί έπεμλεῖ,το τῆς περί τήν οικίαν δαπάνης' όπτίωνα τούτον καλοῦςι 'Ρωμαίοι. — b. V. I, 17, ρ. 381.

[941] *Procop.* b. G. III, 31, p. 406, 20.

[942] *Theoph.* 237, 26.

[943] *Theoph.* 156, 11. — Патрициол, отец Виталиана, поднявшего бунт против имп. Анастасия в 513 году. — Отметим, что у *Кедрина* — p. 599 — это звание дано Ареобинду, прославившемуся в войне с персами при Феодосии II в 422 году.

[944] Ib. 251, 27.

[945] *Procop.* b. V. I, 11, p. 35, 9.

[946] *Theoph.* 385-386.

[947] *Nie. br.* 50, 16. De-Boor.

[948] *Loewe.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle, 1896, стр. 1-12, подробным анализом единственного свидетельства о готогреках пытается установить положение, будто в них следует видеть остатки поселения готов на берегах Пропонтиды в пору первых грабительских походов, которые они предпринимали во второй половине III века. Предположение совершенно невероятное.

δεινοτάτφ περιπεσόντος... και τῷ ἁγίῳ μή κατοκνήσαι παρελθείν εις αύτόν ικετικως διαμηνυσαμενου, ή θαυμασία... ψυχή μήτε προς το του καιροῦ χειμέριον ἀπιδών, ή το της ὡρας ὄψε, των τε ές ἀπαγωνήν ἑλθόντων αὐτοῦ ναι τών φιλικῶς αὖτῷ συνοδεῦσαι προθυμηθέντων, ἐπί τη του ὑετού και χειμώνος συνοχή δειλανδρισάντων, μηδέν ἀναμείνας λόγοις τε τούτοις (читать следует τούτους) παραθαρρύνας, δυσιν ήμεραις και επι τοσαύταις νυξίν ὑετού ραγδαιοτάτου ἀστραπταν τε και βροντών και κεραυνών καταφερομενών ἐν όλή (очевидно, вместо όλη) τή περιγείώ τής νήσου... τήν ἐπι τον φίλον ἀόκνωζ και μετά προθυμίας ἐβάδισεν...[949]

Издатель этого текста прочел имя страны Готθογροικίας и сделал такое примечание: «Hoc nomine rarius usurpato Gotthiam seu Chersonesum Tauricam designari putaverim». Не подвергая сомнению, что издатель прочел верно и в рукописи стояло именно такое написание, мы готовы однако без малейшего колебания сделать поправку и читать Готθογραικίας. Что же до предложенного издателем объяснения, будто под этим именем следует разуметь Таврический полуостров, то это простое недоразумение, которое изобличает самый текст. Речь идет о морском путешествии: в течение двух полных суток, при бурной погоде, путешественники, отправившись из Лесбоса, достигли области Готогреции. Нельзя не видеть, что этого срока слишком мало для расстояния, какое приходится между Лесбосом и Тавридой. Очевидно, следует искать Готогрецию гораздо ближе. И так как нельзя не отожествить этой области с теми местностями, где жили готогреки, грабившие дома жителей столицы в 715 г., то естественно прийти к мысли, что св. Георгий ездил в какой-нибудь город малоазиатского побережья к северу от области фемы Опсикия, т. е. в пределы фемы оптиматов, как она описана у Константина Багрянородного. Отсюда дальнейший вывод, что готогреки Феофана тождественны с оптиматами Константина.

Если имя «оптиматы» являлось в значении особой фемы в конце VIII века, то, очевидно, оно никогда не выходило из употребления и официального языка, так как этот неизвестный византийцам термин не мог воскреснуть, если бы он вышел из употребления. Появление этого имени на данной территории вынуждает предположить, что в этой местности были некогда поселены оптиматы, являвшиеся со своим военным строем в пору Маврикия в походы имперской армии, имевшие в ней значение «отборных» частей и разнившиеся кое в чем и от близких к ним федератов. Когда и почему оптиматы были именно здесь поселены, гадать об этом трудно и бесцельно; но устойчивость имени ручается за самый факт. Давность и непрерывность с тех пор оптиматов доказывает и самый титул их начальника в смысле фемы — «доместик». Константин Багрянородный видит в этом титуле их начальника свидетельство приниженности их положения в общем ряду фем. Вряд ли однако это так. Титул доместика носили командиры гвардейских полков, как первого по рангу, т. е. схол, так и экскувитов, иканатов, а равно и «нумера».[950] В общей табели рангов доместик оптиматов стоял на 43 месте.[951] При Юстиниане титул доместика принадлежал ближайшему после главнокомандующего генералу, его помощнику. Во время похода против вандалов его носил Соломон. Прокопий, упоминая об этом, определяет положение Соломона в армии такими словами: ός τήν Βελιασαρίου ἐπετρόπευε στρατηγίαν δομεστικον τούτον καλοῦσι Ρωμαῖοι.[952] Из того, что командир фемы оптиматов носил титул доместика, можно заключить не о приниженном ее состоянии, а о другом, а именно, что выделение оптиматов в особое командование, хотя и не равносильно по значению с соседним то βασιλικόν Ὀψίκιον, было непрерывной традицией того прошлого, когда этот титул сохранял еще свой исконный смысл, когда в обеих половинах империи существовали *domestici pedites* и *domestici équités,* состоявшие под начальством лиц, именовавшихся *viri illustres comités dom es ti corum*.[953]

В том же смысле, т. е. как свидетельство давности и непрерывного существования оптиматов, может быть понято показание Константина, что эта фема не поделена на турмы и друнги. Сравнительно незначительные по своему пространству пределы территории фемы оптиматов заставляют предположить, что количество людей военного сословия, удержавших от старины это свое историческое имя, было не особенно велико; с другой стороны деление фем на турмы и друнги, т. е. перенесение терминов боевого строя на территорию, было более поздним фактом, чем возникновение оптиматов, которые уже в пору Маврикия имели кое-какие свои особенности тактических делений в боевом строю. Сообщение Константина о том, будто оптиматы исполняли только службу денщиков гвардии во время царского похода и служили прислугой царю, не находит, как было указано, подтверждения в свидетельствах Феофана об их участии в военных предприятиях империи. Но во всяком случае остается в силе связь оптиматов с лицом императора и его гвардией. Показание в том же смысле дает и титул их главного начальника, доместик. Как в конце VI века оптиматы принадлежали к лучшим боевым силам имперской армии, так в VIII веке они привлекались к укомплектованию имперской гвардии. Весьма возможно, конечно, что в X веке боевые качества оптиматов ослабли, ввиду отдаления их от границ империи и мирного положения их области в противоположность напряженной боевой жизни пограничных фем с их ежегодным опытом «курсов», τα κούρσα, как назывались набеги арабов и аналогичные предприятия византийцев. Оптиматы, по своему удаленному положению, были свободны от этих постоянных тревог военного времени и могли в X веке уступать другим фемам в военном духе и опыте. Но как бы то ни было, трудно поверить Константину в том, что вся их служба в царской гвардии сводилась к роли денщиков или хотя бы оруженосцев. И тут, очевидно, Константин допустил недоразумение, каких много в его сочинении *De thematibus*.

---

[949] *Analecta Bollandiana.* XVII, fase. III, 1899, стр. 256.

[950] *Const.* De cer. p. 731.

[951] Ib. 714, 1.

[952] *Procop.* b. V. I, II, p. 359.

[953] *Notitia dignitatum*. 1, 45, II, 55, *Böcking*.

Представленная в предшествующем попытка углубиться в розыски относительно оптиматов приводит нас невольно к той общей мысли, что фемный строй, как организация военных сил византийского государства, не был созданием политической мудрости того или иного императора, не имеет определенной хронологической даты для своего начала, а был в самом своем существе наследием давнего прошлого, когда вместо регулярной армии, основанной на системе набора из всего населения государства, в империи оказалось *сословие военных людей и* притом как на границах в виде milites limitanei или castellani, владевших землей и обрабатывавших ее с обязательством наследственной военной службы как на месте, так и внутри государства — в виде военного сословия, каким являлись проникавшие и принимаемые в пределы империи варвары и прежде, и больше всего — готы. Когда империя еще в VI веке растеряла мало-помалу свою регулярную армию, comitatus, как гласило общее ее обозначение со времен Константина Великого, жалкие остатки которой еще как бы проявляются у Маврикия; когда убийца имп. Маврикия, имп. Фока, окончательно расстроил военные силы государства, то восстановление их совершилось путем возведения в общую систему принципа военного сословия, наличность которого была унаследована империей из прошлого. Эта заслуга принадлежит императору Ираклию и относится ко времени подготовления войны с персами. Константин не без основания называет несколько раз его имя, говоря о начале фем. Но, по своему полному неведению о прошлом своей империи, он совершенно неправильно представляет дело Ираклия и последующих императоров, как праздную забаву дробления территории государства на малые части.

Экскурс V.

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНИ И ИСТОРИИ ФЕМЫ «ОПСИКИЙ»[954]

В интересном и весьма обстоятельном исследовании: «Памятник славян в Вифинии VII века», принадлежащем Б. А. Панченко, затронут между прочим вопрос о происхождении имени фемы «Опсикий». Почтенный автор коснулся его лишь попутно и оставил многое неясным, ограничившись по некоторым существенным пунктам общими соображениями. В дополнение к сделанной им постановке вопроса, я позволю себе войти в некоторые детали, которые, быть может, поведут исследование несколько дальше по пути решения этого интересного и темного вопроса.

I.

Слово ὀψίκιον и производный от него глагол ὀψικεύειν имеют в языке византийских писателей терминологическое значение. В связи с этим стоит то объяснение имени фемы, которое дано в сочинении Константина Багрянородного «De thematibus»: τὸ δε θέμα τὸ καλοὺμενον ' Οψίκιον πᾶσιν ἔχει γνώριμον την προσηγορίαν' ὁ ψικιον γάρ Ρωμαιστι λέγεται, οπερ οημαίνει τή τών Ελλήνων φωνή τους προπορευομένους έμπροσθεν τοῦ βασιλέως έπι εύταξίςκ και τιμή (p. 24). Еще определеннее и полнее изъясняет царственный автор смысл имени фемы в дальнейшем замечании такого рода: διά το προπορεύεσθαι έμπροσθεν τοῦ βασιλέως και καταρτίζειν και διευθύνειν τάς οδούς αύτοῦ και μονάς (p. 5). Итак, по Константину, в самом значении латинского *obsequium*, получившем в выговоре византийских греков форму ὀψίκιον, будто бы дан смысл почетного конвоя, предшествующего императору в его путях, на обязанности которого лежит забота об исправности дороги и устройстве остановок в дороге. Само собой разумеется, что никакого подобного смысла не заключено в латинском слове obsequium. Если же Константин именно так разъясняет слово ὀψίκιον, то в его словах мы имеем лишь осмысление термина фактами тогдашней действительности, хотя и тут возможно некоторое сомнение в полной точности представленного им толкования. В исторических сведениях об участии опсикиан в походах и войнах тех времен тщетно стали бы мы искать подтверждения засвидетельствованного Константином специального отношения войск этой фемы к особе императора. Не упоминает об этом и сам Константин там, где он подробно излагает об условиях и обстановке царского похода на восточную границу империи.[955] Но во всяком случае утверждаемое Константином тождество слова ὀψίκιον, с латинским obsequium стоит вне всякого сомнения, а если это так, то и учреждение, которое обозначается термином ὀψίκιον, получает свою довизантийскую историю, ведет нас в те времена, когда империя была не только по названию, но и в действительности — римской, как она продолжала называться и тогда, когда уже стала греческой. Г-н Панченко не повел исследования в этом направлении, интересуясь другими сторонами вопроса. Он отметил лишь один случай употребления слова obsequentes в военном обиходе времен Марка Аврелия. По свидетельству Капитолина этим именем был назван отряд гладиаторов, сформированный Марком Аврелием для военных целей в трудные времена войн на Дунае (cap. 21). С этим свидетельством г-н Панченко сопоставляет другое, сохраненное писателем очень поздней даты, а именно Кодином, об имп. Аркадии, который набрал шесть тысяч константинопольских граждан — είς ὀψίκιον ήγουντά πρόκενσα αὐποῦ (De aedif. p. 79).

Если первое свидетельство имеет свой интерес в вопросе об истории терминологического употребления слова obsequium в сфере военных древностей империи, то второму вряд ли можно придать какое-нибудь значение. Не говоря уже о поздней дате писателя, его сохранившего, нельзя не обратить внимания и на то, что у Кодина не сказано, чтобы эти шесть тысяч горожан, составившие дружину Аркадия, получили название obsequium или obsequentes: он лишь утверждает, что они имели назначением служить почетной свитой императора. Таким образом, второе свидетельство оказывается мнимым и остается лишь одно показание Капитолина о гладиаторах Марка Аврелия, получивших название obsequentes. — Обращение к гладиаторам в военное время не было новшеством, а, напротив, оправдывалось давней традицией. Тацит в описании выступления в поход Отона против Вителлия упоминает о гладиаторах: ac deforme insuper auxilium, duo milia gladiatorum, sed per civilia arma etiam severis ducibus usurpatum (Hist. II, 11). Тот же Тацит упоминает о гладиаторах при особе легата Паннонии Блеза в 14 году,[956] имп. Нерона, [957] в составе гарнизона Таррацины в 69 г.[958] Если, таким образом, привлечение на военную службу гладиаторов при Марке Аврелии не было новшеством, то нельзя не отметить того, что в социальном строе империи люди этого ремесла стояли слишком низко, чтобы сформированный при Марке Аврелии отряд, получивший название obsequentes, мог послужить началом возникновения особой военной части. То был преходящий и случайный факт, и можно с полной уверенностью сказать, что между obsequentes Марка Аврелия и «Опсикием» византийских императоров не было никакой исторической связи.

Чтобы попытаться разъяснить довизантийскую историю «Опсикия», следует обратиться к данным латинского языка IV, V, VI вв. Материал представляют как писатели, так и тексты указов Феодосиева Кодекса. Дюканж в

---

[954] Напечатано в *Виз. Врем.*, т. XI (1904), 49-62.

[955] *Const*. De cer. p. 452-454.

[956] *Tac*. Ann. I, 22, 23.

[957] Ib. XII, 25. — Nero tamen metuentior in posterum milites sibi et plerosque gladiatores circumdedit.

[958] *Tac*. Hist. III. 57. 13: 77. 8.

своем «Glossarium mediae et infimae latinitatis» привел несколько относящихся сюда текстов. Таково место из того же Капитолина, v. Pertin., c. II: qui (=milites) cum de castris ad obsequium principis convenissent. Из контекста ясно, что слово obsequium имеет здесь отвлеченное значение: проводы, сопровождение. Оставляя в стороне остальные цитаты Дюканжа, дополним его материал данными из Кассиодора и языка императорских указов. Кассиодор употребляет слово obsequium как в отвлеченном значении, так и в конкретном. Из множества примеров второй категории ограничимся указанием на следующие тексты: Var. hist. I, 4: tristis ab obsequio suo reliquit, quem sibi necessarium fuisse cognovit (p. 15 Mommsen); V, 28: viris nobilibus obsequia nostra decorentur (p. 159); VII, 31: Si quos etiam comitiacorum ad comitatum indicaveris esse dirigendos consulens obsequio nostro, tuo subiacebit arbitrio (p. 220). Обращаясь к языку императорских указов, ограничимся лишь некоторыми из большого множества, которое дает Феодосиев Кодекс. — VII, 1, 2 (349 года): Si quis miles per commeatum dimissus fuerit a tribuno vel praeposito, aut inconsulto eodem de obsequio militari signisque discesserit, per singulos milites tribuni et praepositi quina pondo auri fisco inférant. — Ib. 15 (396 год): Si quis posthac militem in privato obsequio repertus fuerit retinere, quinqué libras auri multae nomine feriatur. — VI, 23, 1 (415 год): Decuriones nostri Palatii, post emensum fideliter obsequium, post deposita sacramenta militae... Ib. 27, 1 (354): De agentibus in rebus. Si quis annos viginti transierit in obsequio, minime eum ad curiam revocari. — Во всех приведенных случаях слово *obsequium* может быть передано на русский язык словом «служба». То же самое значение имеет это слово и в том тексте, который нам остается привести, чтобы ближе подойти к византийскому Опсикию. Имеем в виду указ имп. Аркадия от 398 года — VII, 1, 17: «Si qui miles, ex his qui praesentes divino obsequio Nostrae Clementiae deputati sunt et qui in hac esse urbe praesente comitatu concessi sunt, quive de aliis numeris vel legionibus sunt, repertus fuerit sibi vacans, vel alieno obsequio contentus, nobis ilico nuncietur, ita ut conscii, qui talium praesentiam non praebuerint, viginti libras auri sciant esse multandos. Sin vero quisquam missus a numero vel a tribuno ad Comitatum Serenitatis Nostrae pervenerit, ilico se Viris Inlustribus Comitibus offerre festinet, et causas profectionis exponat, ut et responsum Cadeste mereatur et citam remeandi accipiant (*lege* accipiat) facultatem».[959] В тексте указа различаются прежде всего два разряда военных людей (milites): 1) состоящие при главной квартире и 2) расквартированные в пределах провинций. Первый из этих разрядов, *in praesenti, praesentales,* обнимает военные части двух категорий: отряды, состоящие непосредственно при особе императора, и полки регулярной армии, *comitatus.* Для обозначения первой категории употреблено описание: *praesentes divino obsequio Nostrae Clementiae.* Обращаясь к источнику, в котором дано полное перечисление военных сил империи в начале V века, «Notitia dignitatum», мы можем пополнить представленную классификацию указанием на двойной состав личной гвардии императора; в нее входили: 1) *scholae,* находившиеся в ведении высшего придворного сановника, magister officiorum и 2) *domestici* — eqnites et pedites, составлявшие особое ведомство над командой двух сановников: comités domesticorum — один для конницы, другой — для пехоты.[960] Полки регулярной армии, делившиеся в свою очередь по рангам на: *palatini, comitatenses* и *pseudocomitatenses,* находились под командой пяти военачальников - magistri militum. Два из этих последних назывались *praesentales.* Этот термин указывал на ближайшее их отношение к особе императора и определял их постоянную квартиру: в столице или в походе с императором. Круг власти трех остальных magistri militum определялся указанием на территорию расположения войск, состоявших под их командованием, а именно: per Orientem, per Thraciam, per Illyricum. Описание — *milites, qui praesentes divino obsequio Nostrae Clementiae deputati sunt* — в указе 398 года относится, очевидно, к личной гвардии императора, т. е. обнимает собою как доместиков, так и схолы. В распределении имперской армии по территориальным командованиям лежит зародыш византийского фемного строя, как на то справедливо указывал французский византинист, Диль, в своем прекрасном этюде «О происхождении фемного строя».[961] В частности относительно фемы Опсикия можно, думается нам, с полной уверенностью искать ее начало в употреблении слова *obsequium* в указе 398 года. В документе 687 года, который привлек к исследованию вопроса о фемах тот же Диль, а именно: послание императора Юстиниана II к римскому папе Иоанну, перечисляются отдельные части имперской армии — Christo dilecti exercitus: a Deo conservandum imperiale obsequium, Orientalis, Thacianus, Armenianus.[962]

Хотя текст указа имп. Аркадия и послание имп. Юстиниана II далеко отстоят друг от друга по времени, но вряд ли возможно какое- либо сомнение в том, что *divinum obsequium Nostrae Clementiae* и *a Deo conservandum imperiale obsequium* находятся между собой в живой генетической связи. Латинский термин в документе 687 года соответствует греческому Θεοφύλακτον βασιλικόν Ὀψίκιον, как звучит полное имя фемы, засвидетельствованное на печатях,[963] и для времени послания было, конечно, переводом этого установившегося греческого термина на

---

[959] В более полной форме этот указ имеется в Юстиниановом Кодексе. XIII, 35, 13.

[960] *Not. dign*. Orientis. cc. X и XIV, p. 38 и 45 Booking. — Касательно времени редакции этого памятника, Моммзен в статье: Aetius (Hermes. 36, 1891, стр. 547) высказался за 425 год. Прежде его датировали 410 годом. — О схолах имел случай весьма часто упоминать Аммиан Марцеллин. Приводить цитаты было бы излишне; но укажем на одно место *Прокопия*: Bell. Got. IV, 27, p. 602: ἀρχοντα τε κατεστησατο (se. Iustiniánus Langobardum Ildiscal) ἑνός τῶν ἐπί τοῦ παλατιού φυλακῆς τεταγμενων λόχων, οδσπερ σχολάς όνομάζουσιν.

[961] *Ch. Diehl*. L'origine du régime des thèmes dans l'Empire Byzantin. (Etudes d'histoire du Moyen Age, dediées á Gabriel Monod). Paris. 1896, стр. 47-60.

[962] *Mansi*. Collectio Conciliorum, XI, p. 137.

[963] *Schlumberger*. Sigillographie de l'Empire Byzantin, стр. 249.

латинский язык, давно замолкший в Византии и понадобившийся для обращения в Рим.

Признавая генетическую связь между тем живым фактом, который в указе 398 года обозначен термином divinum obsequium, а в послании 678 года — imperiale obsequium, мы должны, однако, отметить, что эти термины относились к реальностям, различным по существу. В 398 году под этим термином обозначены domestici protectores domestici) и scholae, а в 687 году дело обстояло иначе: император сначала называет свою гвардию, а именно: militantes incolae sancti Palatii (т. е. scholae palatinae) и excubitores, а затем уже перечисляет отдельные части своего Christo dilecti exercitus, в числе которых на первом месте оказывается a Deo conservandum imperiale obsequium.

Доместики, в виде особого военного корпуса, в эту пору уже не существовали; что же до excubitores, то в виде особой гвардейской части они возникли при имп. Льве I (457-474)[964] и с тех пор невозбранно существовали в Византии до самых поздних времен. Итак, *imperiale obsequium* 687 года не есть гвардия,[965] а часть имперской армии того времени. Проследить процесс изменения конкретного содержания термина obsequium мы лишены возможности из-за скудности наших источников; но мы позволяем себе тем не менее настаивать на указанной выше генетической связи, за которую ручается прежде всего единство термина, а кроме того и достоверные исторические факты IV и VI веков.

В пору сложившегося фемного строя Опсикий обнимает территорию передней Малой Азии. Мы можем привести целый ряд указаний на то, что гвардейские части были некогда расквартированы в пределах позднейшего византийского Опсикия.

От конца IV века есть прямые свидетельства о том, что доместики не были сосредоточены в столице при особе императора. Так, в указе имп. Юлиана от 362 года, данном на имя префекта претория Востока, император повелевает, чтобы доместики, состоящие в схолах сверх комплекта (причем последний определен в 500 человек), не оставались *in praesenti,* т. е. при главной квартире, чтобы на них отпускалось довольствие и они возвращались — ad plurimos suos ac términos.[966] Отсюда следует заключить, что доместики были не просто военной частью, а классом военных людей, живших в разных местностях империи в виде кадров для пополнения части, состоящей in praesenti.[967] Такому положению дела содействовало то обстоятельство, что на доместиков распространял свое действие принцип закрепощения детей за службой их отцов. Об этом с полной определенностью свидетельствует указ императоров Валентиниана и Валента от 364 года. Он издан на имя комита доместиков, как именовался начальник этой военной части: Domesticorum filios vel propinquos parvos vel impúberes, domesticorum coetibus adgregamus, ita ut non solum matriculis inferantur, verum etiam annorum (annonarum?) subsidiis locupletentur. Quaternas enim annonas eos, quos armis gestandis et procinctibus bellicis idoneos adhuc non esse constiterit, in sedibus jubemus adipisci: his condicionibus, ut annonae, quae amplius insumuntur, vel per tractorias deteruntur, recidantur.[968] Итак, несовершеннолетние доместики, хотя и получают от казны содержание, на службу не вызываются, и должны оставаться *in sedibus*.[969] Это выражение соответствует, очевидно, употребленному в указе имп. Юлиана — ad plurimos suos ac términos — и обозначает оно расквартирование на стоянках мирного времени, в противоположность тому, что называли *expeditus* (или *procinctus),* т. е. когда армия сконцентрирована в одном месте для военных предприятий или находится уже в походе против врага. Не лишено интереса отметить, что латинское слово sedes в этом своем терминологическом значении перешло в греческий язык в форме τὸ σεδετον, τα σεδετα и что то были обыкновенно провинциальные города, как видно из одного указа имп. Анастасия I.[970]

Приведенные свидетельства не дают точных указаний на местности, где именно были расквартированы не состоявшие при особе императора доместики. Но от времен Юстиниана имеется целый ряд свидетельств о том, что как доместики, так и схолы были расквартированы в разных местностях передней Малой Азии, т. е. на территории, называвшейся впоследствии фемой Опсикий. Таково показание Прокопия в его «Historia arcana». В перечислении разных неправд и обид, которые позволял себе имп. Юстиниан относительно военных людей, Прокопий упоминает о высшем разряде гвардии ('έτεροι τών έν παλατύρ πολλοί άξιώτεροι, έπεί καί πλείω το δημόσιον αύτο'ις χορηγε'ιν έιωθεν), — «которые именуются доместиками и протекторами» и делает о них такое

---

[964] *Lyd*. De mag. I, 16; ὸ Λέων δε ό βασιλεύς πρώτος τούς λεγομένους έξκουβί- торас των παρεξόδων του παλατιού φύλακας προστησάμενος τριακοσίους μόνους έστράτευσε.

[965] Таким образом, сами собой отпадают рассуждения г-на Панченко, на стр. 42, которые ведут его на ложный путь: различение obsequium от λαός τού 'Οψίκιον.

[966] *Cod. Theod*. VI, 24, 1. — Scias senum capitum domesticis per singulas quasque scholas quinquagenas iussis in praesenti esse juxta morem debere praestari: ceteris, qui ultra numerum in praesenti esse voluerint, ñeque annonarias neque capitum esse mandandum, sed omnes cogendos ad plurimos suos ac términos redire.

[967] Термин plurimos разъяснил Годофред в своем комментарии к тексту этого указа: Cod. Theod. Изд. 1740 года, II, стр. 126.

[968] *Cod. Theod*. VI, 24, 2.

[969] Таково словоупотребление Вегеция, Epit. rei milit. Ill, 4, p. 70-71 Lang.

[970] *Cod. Just*. I, 4, 18 — Οι ύφεστώτες και τη παραφυλακη προσκαρτεροϋντες στρατιώται έν τοις σεδετοις αύτών το προσφερόμενον είδος έκ τών έν τη πόλει ή τπ ένορία αύτής γεωργουμενων δεχέσθωσαν υπέρ τών άννόνων αύτών δοκιμασία τοῦ έπισκόπου καί τοϋ άρχονίος ή τοϋ έκδίκου έξ απολείψεως τοϋ άρχοντος, καί ούκ αναγκάζεται ό συντελεστής άπαργυρισμόν διδόναι.

замечание: одни из них расквартированы в Византии, другие же — издревле в Галатии и других местностях.[971] Такое же свидетельство, и притом с существенным дополнением относительно схол, дает указ имп. Юстиниана от 548 года (Edict. VIII). Восстановляя временно упраздненную административную инстанцию: викариат Понтийского диоцеза, император предоставляет этому сановнику не только гражданскую власть, но также и военную, подчиняя ему всех военных людей, находящихся в пределах десяти составлявших этот диоцез провинций, т. е. всей' северной половины Малой Азии, начиная от Вифинии и до персидской границы.[972] Разряды военных людей обозначены указанием на их верховных командиров, власть которых над ними суспендирует этот указ: καί τοῦ ἑνδοξοτάτου μαγίστρου τῶν θείων ημών ὁφφικίων καί πρός γε τών ἑνδοξοτατών στρατηγών ἔτι γε καί τών μεγαλοπρεπεστάτων αρχονττσν, οι... πρός γε δομεστίκοις καί προτίκτορσιν ἑφεστάσι (c. I); ὑπακούσεται δε αὐτῷ πάσα στρατεία ὑπ' ἐκείνους οὐσα τούς τόπους, καί ὑπουργησουσι το'ις παρ'αὐτού λεγομενοις δομεστικοί τε καί προτίκτορες, οχολάριοι τε καί στρατιώται ού δεόμενοι προστάξεως αρχικής ή κελεύσεως ήμετέρας... (c. III, 3). Доместики, протекторы и схоларии сопоставлены в тексте указа со стратиотами регулярных полков. Таким образом, речь идет не о случайном откомандировании отдельных людей из гвардейских частей для исполнения той или другой экстренной надобности, а о целых воинских частях, имеющих свои квартиры в пределах провинций Понтийского диоцеза. Восстановление викариата и предоставление военной власти викарию вызвано обнаружившимися в тех местностях беспорядками и разбоями, о чем упомянуто во вступительных словах указа. Для более энергичных мероприятий в борьбе с этим злом, полки регулярной армии, расквартированные в тех местах, выведены из-под власти соответственных magistri militum, схолы — magistri officiorum, а доместики и протекторы — своего пребывающего в столице начальства.

Точно также в указе 536 года, которым был создан проконсулат Каппадокии, сделана оговорка относительно находящейся в Каппадокии схолы.[973]

К приведенным свидетельствам можно присоединить также сообщение Феофана, записанное под 562 годом.[974] В феврале месяце этого года сделано было распоряжение о переводе во Фракию семи схол из следующих малоазиатских городов: Никомидия, Киос, Пруса, Кизик и Дорилей, и расквартирования их в Гераклее и соседних местностях. Всего схол при Юстиниане было одиннадцать, как засвидетельствовано то в одном его указе к сенату.[975] Если предположить, что четыре остальные находились в столице, при особе императора для придворной службы, то оказывается, что в 562 году большая часть этого корпуса имела свои квартиры в пределах будущего византийского Опсикия. Феофан не оговаривается ни одним словом относительно мотивов, вызвавших это распоряжение императора; не говорит он также ничего о том, были ли эти семь схол навсегда переведены на европейский материк, или же распоряжение это имело экстренный характер и впоследствии эта военные части были возвращены на места своих прежних стоянок. В пору набега Забергана в 559 году стоявшие в Константинополе схолы участвовали в охране города, но оказались слишком слабыми для активных действий против врага, которого сумел отразить от самых стен столицы лишь Велизарий, организовавший военную силу из своих людей.[976] Под 562 годом Феофан упоминает о новых бедствиях от нашествия Гуннов во Фракию. Возможно предположить, что перевод семи схол из Азии стоял в связи с получением известия о готовящемся новом нашествии, для отражения которого и был послан родственник императора, стратилат Маркелл «со множеством войска», как упоминает о том Феофан.[977]

Какова бы ни была дальнейшая судьба семи схол, т. е. остались ли они навсегда на новых квартирах, или же были возвращены на свои прежние стоянки, во всяком случае до 562 года они были на постоянных квартирах в названных шести городах Малой Азии, из которых один, а именно Дорилей, находился в довольно значительном расстоянии от морского берега, в глубине материка. Пять из этих городов лежат в пределах позднейшей фемы Опсикия, один — Никомидия — был впоследствии главным городом фемы оптиматов. Но так как эта последняя фема выделилась в самостоятельную позднее и в 687 году существовал, наряду с exercitus Orientalis и Armenianus, единый a Deo conservandum imperiale obsequium, то указанное различие не имеет существенного значения, а потому свидетельство Феофана под 562 годом дает в целом объяснение того, почему передняя Малая Азия могла получить название Опсикия.

---

971 *Proc.* Hist. arc. 24, p. 136-137.

972 *Not. dign*. Orientis c. XXIII, p. 62. Booking — перечислены провинции Понтийского диоцеза в таком порядке: Bithynia, Galatia, Paflagonia, Honorias, Galatia Salutaris, Cappadocia prima, Cappadocia secunda, Helenopolis, Pontus Polemoniacus, Armenia prima, Armenia secunda.

973 Nov. XXX, 6, 2 — μενειν γάρ έπί Καππαδοκίρ και αύτην (se. sacri cubiculi praepositum) και την υπ αύτην των καθοσιομενων παλατίνων σχολήν έπί τής όμοίας έξονσίας τε και τάξεως και ταύτοῦ σχήματος θεσπίζομεν.

974 Theoph. 236, 16-20.

975 *Cod. Just*. IV, 65, 35, 1.

976 *Theoph*. 233. Подробное описание этого события см. *Agath*. V, 15-19, p. 374 *Dindorf*.

977 *Theoph*. 236, 25.

II.

Переходим к другому частному вопросу касательно фемы Опсикия, которого также коснулся г-н Панченко в своем исследовании, хотя и не предложил никакого решения, а именно: о титуле командира этой фемы. В документе 687 года Deo conservandum imperiale obsequium занимает первое место в ряду Christo dilecti exercitus византийского императора. По всему вероятию, это положение соответствовало и военному значению этой части военных сил. Так было, несомненно, при Льве Исавре, когда во главе этой фемы стоял самый близкий сподвижник императора и его свойственник, Артавазд, оспаривавший по смерти Льва византийский престол у его сына и преемника Константина Копронима.[978] Позднее из Опсикия были выделены две фемы: букелляриев и оптиматов, что случилось, вероятно, в середине VIII века и, быть может, стояло в связи с восстанием Артавазда.[979] В X веке фемы анатоликов, армениаков и фракисийцев стояли в ранге выше Опсикия, и в общих перечислениях Опсикий следовал за ними на четвертом месте.[980] Но тогда как не только те три фемы, но и многие другие, стоявшие в ранге ниже Опсикия, имели во главе командиров с титулом *стратигов,* начальник Опсикия всегда носил титул «*комит*». Это различие в титуле командира требует разъяснения, и мы попытаемся подойти к нему.

В организации государственного управления в IV веке, когда действовала стройная, иерархически расчлененная система чинов и рангов, исконный в империи титул *comes* имел двоякое значение. Во-первых, он имел чисто титулярное значение ранга (comitiva primi, secundi, tertii ordinis), или прилагался как почетное звание к некоторым высоким санам (comes et magister equitum или peditum, comes et quaestor, comes et magister officiorum). Во-вторых, он мог иметь терминологическое значение определенного поста, который специфицировался прибавлением другого слова в род. пад. Таковы были посты в центральном гражданском управлении: comes largitionum, comes privatarum; в сфере управления провинциями: comes Orientis (первый по рангу из пяти викариев восточной половины империи); в военном ведомстве этот титул искони обозначал пост командира доместиков, comes domesticonim,[981] а также принадлежал некоторым из числа командиров пограничных войск, как-то: comes limitis Aegypti, comes Armeniae,[982] comes Isauriae,[983] при имп. Льве — comes Lycaoniae et Pisidiae.[984] 14-й титул VI книги Феодосиева Кодекса дает сведения о существовании в IV веке общего ранга comes rei militaris (указы 372, 397 и 413 гг.) двух степеней (primi et secundi ordinis); лица, получившие этот титул первой степени, могли заменять magistri militum.[985]

При Юстиниане Великом титул comes, κόμης, получил новое применение в системе административных постов. 535-му году принадлежит новелла VIII, в которой перечислены все посты провинциального управления. Из текста ее видно, что comes Orientis сохранял свое прежнее положение первого в ранге викария и свой старый титул. Диоцезы Понтийский и Азиатский были упразднены и прежних викариев заменили комиты, власть которых была ограничена пределами: первого — провинции Galatia prima,[986] второго — Phrygia Pacatiana (c.II, III). В том же году был издан указ, в силу которого тот же титул был сообщен и правителю Исаврии (Nov. XXVII). Полномочия, которые были возложены на этих трех комитов, обнимают как гражданскую, так и военную власть с подчинением им находящихся в пределах отведенных им территорий военных частей. К этим трем комитам с такими же полномочиями присоединен был четвертый в указе 536 года, а именно: comes tertiae Armeniae (Nov. XXXI).[987] Итак, старый принцип римской имперской администрации — отделение функций гражданской и военной власти — отменялся для отдельных территорий. В перечисленных областях этот правитель нового типа назывался комитом, в других, как то: Писидии,[988] Ликаонии,[989] Пафлагонии,[990] Фракии[991] — претором, в одной, а

---

[978] *Theoph*. 416 и сл.

[979] Ср. *Gelzer*. Die Genesis der Themenverfassung, стр. 79.

[980] *Const*. De cer. p. 696.

[981] В 354 году лицо этого звания упоминается у *Аммиана:* 14, 10, 8. При Валентиане в 636 году эту должность исполнял Север, к которому обращены два указа — *Cod. Theod.* VI, 24, 2, 3.

[982] Первый случай известен от 371 года, *Amm. Marc.* 29, 1, 2, но в *Notitia diga* он называется dux, Or. c. 35.

[983] Впервые известен в 353 году. *Amm. Marc.* 14, 2, 14.

[984] *Cod. Just.* XII, 59, 6.

[985] VI, 14, 3. Eos, qui sub comitivae primi ordinis dignitate peculiariter ad quamlibet provinciam vel provincias defendendas, milite credito, auctoritate nostri numinis destinantur et eos, que te vicem illustrium virorum magistrorum militum susceperint peragendum, ducibus, qui praeter Aegyptum et Ponticam in aliis provinciis administraverint, adaequamus. — C. Iust. XII, 12, 2.

[986] Титул комита Галатии удержался недолго в имперской чиновной иерархии: в 542 году был восстановлен викариат Понтийского диоцеза и правитель Галатии был ограничен функциями гражданской власти (μηδέν ετερον ή πολιτικόν μόνον άρχοντα είναι καδά πρότερον ην). В то же время на викария перешли полномочия высшей военной власти в пределах провинций, входивших в Понтийский диоцез.

[987] Nov. XXXI, c. III — έπειδήπερ τον της τρίτης'Αρμενίας κόμητα ού πολιτικόν μόνον, άλλα καί στρατιωτικόν πεποιηκαμεν άρχοντα, άναγκαίως εχειν καί τούς στρατιώτας αύτφ τούς κατ αύτην ιδρυμένους ύποκεισθαι...

[988] Nov. XXIV.

[989] Nov. XXV.

[990] Nov. XXIX.

именно: Каппадокии[992] — проконсулом.

Отмечая приведенные факты из истории титула comes, мы не можем, однако, искать в них начала фемы Опсикия, так как фемы, раньше чем означать область, имели отношение только к делению на части военных сил империи, получившему территориальный характер. Таким образом, происхождение титула «комит Опсикия» приходится все-таки искать в сфере военных учреждений. Divinum obsequium IV века составляли доместики и схолы. Первые, как было указано выше, имели своим командиром комита. Что касается схол, то об одном общем командире этих частей у нас нет сведений из IV и V веков. Но звание comes получали командиры отдельных схол, praepositi ac tribuni. Свидетельство об этом сохранено в указе 413 г.,[993] а новелла Феодосия II от 441 года уже прямо называет командиров отдельных схол — comités.[994] Одно сообщение Феофана под 562 годом позволяет предполагать, что в ту пору существовал один комит, как общий командир всех или определенного числа схол. Вслед за приведенным выше сообщением о переводе семи схол на территорию Фракии, Феофан упоминает о бунте «схол» против своего комита, возникшем по поводу сокращения окладов.[995]

Так как в передней Малой Азии были расквартированы доместики и схоларии, то весьма естественно предположить, что общий командир находившихся там военных сил, - когда возникло такое командование, - получил титул, какой издавна применялся в отношении командира военных частей этого ранга.

Доместики — в виде особой воинской части — исчезли, гвардия сократилась в своем составе и сконцентрировалась в столице при особе императора (схолы в документе 687 года названы militantes incolae sancti Palatii), а та часть военного сословия империи, которая удержалась в пределах Малой Азии на месте прежнего распространения доместиков и схол, сохранила, очевидно, свое латинское название obsequium и получила общего командира с титулом «комит». Exercitus Orientalis и Thracianus имп. Юстиниана II стоят в преемственной связи с армиями Востока и Фракии времен, о которых сохранила нам столь полные сведения Notitia dignitatum, и как командиры последних носили титул magistri militum per Orientem и per Thracias, так и к их преемникам применялись титулы στρατηλάτης, στρατηγός, которые были переводом латинского термина magister militum. Гвардия стояла вне подчинения магистрам, и к командиру того imperiale obsequium, который существовал при Юстиниане II, не мог применяться титул στρατηγός, взамен существовавшего с давних пор титула κόμης.[996] Таким образом, мы позволяем себе думать, что как самый термин obsequium, превратившийся в Ὀψίκιον, как и титул comes для командира этой фемы ведут нас в довизантийский период фемного строя, свидетельствуя о том давнем прошлом, о котором не имел никаких сведений имп. Константин Багрянородный и ученые люди того времени, помогавшие ему в составлении его сочинения *De thematibus*.

---

[991] Nov. XXVI.

[992] Nov. XXX.

[993] *Cod. Theod.* VI, 13: Praepositos ac tribunos scholarum, qui et divinis epulis adhibentur et adorandi principis facultatem antiquitus meruerunt... si primi ordinis comitivam cum praepositura meruerint... Sin absque honore comitivae cuiuslibet scholae regimen fuerint nacti...

[994] Nov. XXIX.

[995] *Theoph.* p. 235, 20.

[996] Полагаю, что название стратига, которое дает в одном месте *Никифор* командиру Опсикия (59, 19), не является возражением, так как *Никифор* дает не титул, а лишь хочет обозначить военачальника и пользуется общим термином для лиц этого ранга.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПЕРВОМУ ТОМУ [997]

Абгары, династия царей Осроены — 351
Абунданций, сподвижник Феодосия I — 141
Абунданций, управитель Египта — 195
Август, римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — 19, 30, 31, 34, 35, 38, 39, 42, 43, 46, 47, 55, 59, 61, 62, 64, 67, 73-76, 78, 82-84, 89, 92, 93, 114, 203, 251, 293, 304, 360, 396
Август, солдат — 260
Августин Блаженный, епископ Гиппона — 185, 215
Авдий, миссионер среди готов — 120
Авиен, римский сенатор — 273
Авит, епископ Виенны — 289, 322, 382, 396, 404
Аврелиан, римский император (270-275 гг.) — 20, 37, 43, 63, 64, 98, 117, 118, 237
Аврелиан, префект претория Востока — 147, 150, 151, 192
Автокион Карамалл, пантомим — 355
Агафий Миринейский, известный ранневизантийский историк — 171
Агесилай, спартанский царь, полководец, дипломат — 421
Агриппина, мать Нерона (см.) — 32
Адамантий, сын Вивиана, патриций — 329-331
Адамий, управляющий делами Креки (см.) — 231
Адриан, римский император (117-138) — 36, 38, 43, 95, 202
Айдоинг, командир доместиков — 329
Акакий, патриарх константинопольский — 313, 318, 319, 335, 345-351, 360, 385, 386, 403
Акакий, епископ — 161
Акакий, епископ Амиды — 219
Акакий, епископ Мелитены — 239
Аксинайа, см. также Филоксен — 349, 416
Алавиа, готский вождь — 123
Аламундар, лахмидский династ — 218
Аларих, царь вестготов — 46, 138, 139, 140, 143, 170, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 180-186, 190, 209-211, 214, 273, 288, 380
Алафар, магистр армии во Фракии — 397, 398, 401
Алафей, готский вождь — 123, 125, 126
Александр Македонский, наиболее известный представитель македонский династии в древнегреческой истории — 21, 421
Александр Север, римский император (222-235 гг.) — 19, 39, 51, 63, 65, 97, 115
Александр, основатель монастыря акимитов — 249, 250
Александр, патриарх александрийский — 102
Александр, пресвитер в Софийском храме — 191
Александр, комит — 325
Алипий, дукс Константины — 370, 374, 376
Алипий, сын Аттала (см.) — 184
Алипия, дочь императора Анфимия — 291
Аллобих, комит доместиков — 181, 183, 184, 209
Альцисс, епископ Никополя — 403
Амалафреда, сестра Теодориха Великого — 341
Амалы, царский остготский род — 293, 303, 326, 343
Амантий, препозит опочивальни — 416
Амбазук, гуннский царь — 378
Амвросий, епископ медиоланский — 105, 109, 110, 130
Аморкес, филарх арабов — 301, 302, 368
Аммиан Марцеллин, известный римский историк — 45, 69, 76, 123, 126, 167, 168, 276, 279, 281, 284, 287, 351, 369, 398, 409
Амминта, царь Галатии — 166
Аммоний, монах-оригенист — 157, 158, 195
Аммоний, монах отшельник в Египте — 110
Аммоний, грамматик — 108
Аммоний Буйвол, монах — 317
Амфилохий, епископ Сидона — 285, 286
Анагаст, магистр армии во Фракии — 295, 302, 305

[997] Указатель к данному тому составлен А. Г. Грушевым, Е. Н. Мещерской и Т. Е. Сиволап.

Анастасий, византийский император (494-518) — 27, 72, 219, 261, 324, 328, 354, 356-371, 375, 378-391, 393-423
Анастасий, оруженосец Виталиана (см.) — 401
Анастасий, дукс Палестины — 395
Анастасий, патриарх иерусалимский — 318
Анастасий, папа римский 386
Анастасий, патриций — 249
Анастасий, пресвитер 236
Анастасия, жена Помпея, двоюродного брата имп. Анастасия — 392, 414, 415
Анастасия, святая — 309
Анатолий, патриарх константинопольский — 248, 263-265, 267, 280, 285, 308, 391
Анатолий, магистр армии — 219, 220, 226, 227, 228, 229, 232, 251
Андаг, остгот — 273, 303
Аниций Фавст, префект города Рима — 202
Антиох, епископ — 161
Антиох, евнух — 208
Антиох, префект города — 256
Антиох, доверенное лицо Йездигерда (см.) — 171, 172
Антоний, известный политический деятель конца республики — 32, 33, 34, 61
Антонин Пий, римский император (138-161) — 94
Антонин, епископ эфесский — 154, 155
Антонин, епископ города Герм в Геллеспонте — 235
Анфим, поэт — 422
Анфимий, придворный медик — 326
Анфимий, правитель в малолетство Феодосия Младшего — 171, 250, 258, 262
Анфимий, внук Анфимия, придворного Феодосия Младшего — 261
Анфимий, западно-римский император (467-472) — 291, 296, 298, 299, 304, 323, 332, 407
Анфимий, дед императора Анфимия — 291
Анфимий, префект претория Востока — 170, 187-192
Анфимий, сын императора Анфимия — 406, 407
Анфуса, мать Иоанна Златоуста (см.) — 152
Анфуса, дочь Илла (см.) — 339
Апион, начальник интендантской части — 372, 375, 397
Аполлинарий Сидоний, поэт — 291
Аполлоний, византийский дипломат — 272
Апсикал, ипостратиг — 363
Апсил, византийский военачальник — 216
Арбазакий, византийский полководец — 169
Арбогаст, убийца Валентиниана II — 22, 132, 137, 138
Ардабурий, алан, отец Аспара (см.) — 279, 280
Ардабурий, сын Аспара, магистр армии Востока — 214, 217, 218, 276, 280, 295, 296, 307, 371
Ареобинд, магистр армии Востока — 216, 218, 371-376, 392, 393, 415
Арета, филарх арабов — 369
Арзакий, патриарх константинопольский — 162, 163, 164, 191
Арзаций, придворный евнух — 177, 179, 181
Ариадна, дочь императора Льва I (см.) — 279, 288, 294, 312, 314, 316, 321, 322, 332, 335, 336, 356-361, 393, 407, 413, 421
Арий, александрийский священник, зачинатель ереси арианства — 102, 103
Ариовист, царь германцев — 323
Арист, магистр армии Иллирика — 383
Аристолай, нотарий — 243
Аристотель, известный греческий философ — 25
Аркадий, византийский император (395-423) — 22, 40, 87, 108, 132,135, 136,137,139,144,146,147, 154, 165, 169-172,176, 187, 189, 190, 192, 208, 250, 258
Аркадий, префект претория — 356
Аркадий, епископ — 240
Аркадия, младшая сестра Пульхерии (см.) — 192
Арнегиск, магистр армии во Фракии — 208, 225
Арсакиды, династия в Армении — 220
Арсений, префект-августал — 350
Арсений, дьякон — 136
Артамий, сын Плинта(см.), консул 419 г. — 232

Артемидор, телохранитель Трокунда (см.) — 338, 339
Асигней, офицер — 398
Асклепиад, дукс Палестины — 353
Аспар, сын Ардабурия, магистр армии — 214, 215, 219, 249, 260, 261, 279, 280, 284, 286-288, 293-297, 302-307, 311, 312, 371, 418
Астерий, византийский военачальник — 153
Асхолий, епископ Фессалоники — 105
Аталарих, сын Алариха (см.) — 380
Атаульф, царь вестготов — 178, 180, 181, 183, 184, 187, 209, 210, 211, 212, 275
Атанарих, готский царь — 118, 119, 120, 121,122, 128,129
Аттакам, гунн царского рода — 223
Аттал, префект города Рима — 180, 183, 184,209-213
Аттик, патриарх константинопольский — 164, 191, 192, 195, 217, 220, 233, 234
Аттила, вождь гуннского союза племён — 46, 208, 216, 219, 222-233, 245, 253, 256, 258, 259, 272-275, 287, 295, 300, 302, 303, 305, 309, 320, 322, 323, 338, 379
Аттила, сын Мунджука (см.) — 222, 223
Афанасий, патриарх александрийский — 103, 271, 387
Афинаида, дочь афинского философа Гераклита (*Леонтия*) См. также Евдокия, императрица — 197, 198
Афинодор, византийский военачальник — 364
Афинодор, вождь восставших исавров — 387
Ахолий, человек, покушавшийся на жизнь патриарха Македония (см.) — 389
Аэций, полководец западно-римской империи — 214, 215, 216, 221, 222, 225, 228, 272, 278, 275, 290, 303

Бабай, царь сарматов — 305
Бавай, аспебед — 374
Бадихарим (Бадикарим), филарх арабов — 369
Бакур-Варад, царь Иверии, отец Петра Ивера — 268
Барг, византийский военачальник — 141, 142
Барсаума, профессор Нисибинской школы — 248, 351
Бар-Хадад, епископ Теллы — 374
Басса, монахиня — 269
Бахрам V, персидский шах (421-439) — 217, 218, 219
Бахрам, персидский полководец — 300
Бесса, командир готов — 372
Блед, сын Мунджука — 222, 223, 224, 225, 227
Блед, арианский епископ — 276
Бледа, вдова брата Аттилы — 229
Билимер, магистр армии — 299
Бонифаций, византийский военачальник — 260
Бонифаций, пресвитер — 263
Бонифаций, правитель Африки — 213, 215, 221
Ботанарий, комит Африки — 179
Брисон, евнух императрицы Евдоксии (см.) — 154, 159, 164
Бурк, организатор побега императрицы Евдокии (см.) — 325
Бусальб, византийский военачальник — 332-334
Бусальг, кампидуктор — 280
Бутерид, готский вождь на службе империи — 130

Валамир, царь остготов — 294, 303, 304
Валезий, римский историк — 279, 314
Валент, римский император (364-378) — 22, 45, 105, 118, 119, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 135, 142, 261, 277
Валент, бывший командир далматских полков — 180, 181
Валент, магистр армии — 183
Валентин, римский офицер, — 145
Валентиниан, римский император (364-375) — 22, 40, 45 52, 105
Валентиниан II, Младший, римский император (375-392) — 22, 46, 59, 131, 132, 135, 179
Валентиниан III, западно-римский император (425-455) — 202, 203, 204, 207, 213-217, 221, 222, 232, 233, 249, 251, 272, 273, 275, 288, 290, 371
Валентиниан, племянник Гонория — 201
Валериан, римский император (253-260) — 97, 115
Валериан, магистр, брат Афинаиды (Евдокии) — 198

Валериана, сестра Виталиана — 399
Валерий, брат Едокии (см.) — 207
Валерия, знатная дама — 362
Валлия, царь готов — 212
Варнава, апостол — 354
Василий, епископ Селевкии Исаврийской — 264
Василий, комит Эдессы — 367
Василий, эдессянин — 374
Василий Великий, один из отцов церкви — 110, 116, 200
Василий Македонянин, византийский император — 26
Василиск, византийский император (475-476) — 292-294, 296, 305, 307, 315-321, 326, 336, 344, 348
Вассиан, святой — 388
Вегеций, автор сочинения «Краткое изложение военного дела» — 38, 132, 279, 398
Велизарий, знаменитый полководец времен Юстиниана — 186, 352
Венанций, пресвитер — 402
Вергилий, известный римский поэт — 23, 34
Верениан, родственник Гонория (см.) — 175, 180, 182
Верина, супруга императора Льва (см.) — 279, 292, 294, 296, 314, 316, 320-322, 329, 335-340
Верих, князь, приближённый к Аттиле (см.) — 230, 231
Веспасиан, римский император (69-79) — 19, 82, 200,
Виатор, комит — 324
Вивиан, префект претория — 294
Вигила, гот, переводчик — 228, 229, 231, 232
Вигилянций, византийский военачальник — 181
Видерих, сын Витимира — 122
Видигойя, готский царь — 118
Видимир, остгот — 303-306
Викентий, магистр конницы — 177
Виктор Витенский, историк — 288
Виктор Тонненский, хронист — 314
Виктор, магистр армии — 126
Виталиан сын Патрикиола — 372, 374, 395-401,415, 419
Виталий, дьякон — 402
Витимир, готский царь — 121, 122
Волузиан, римский сенатор — 204

Габала, филарх арабов — 368
Гай, известный римский юрист II в. — 36
Гайан Нисский, епископ — 403
Галла, сестра Валентиниана II — 179
Галла Плацидия, сестра Гонория (см.) — 185
Гауденций, сын Аэция (см.) — 275, 290
Гайна, магистр армии — 139, 140, 141, 145-151, 154, 187, 258
Галерий, римский император (293-311) — 20, 98
Галлиен, римский император (253-268) — 65, 115, 117, 118, 167
Гальба, римский император (69) — 75
Гауденций, византийский полководец — 214
Гезий, префект префектуры Иллирика, брат Афинаиды (Евдокии) — 198
Геласий, папа римский — 365, 385
Геллади́й, грамматик — 108, 201
Гелион, магистр оффиций — 214, 215, 219
Гензерих, царь вандалов — 215-217, 224, 253, 260, 261, 272, 275, 276, 288-293, 298, 315, 324, 325, 351, 352, 401
Геннадий, епископ Геромополя — 345
Геннадий, патриарх константинопольский — 307, 309, 348
Генцон, сын Гензериха — 293, 325
Георгий, патриарх александрийский —271
Гераклиан, убийца Стилихона, магистр Африки — 177, 179, 183, 184, 211,
Гераклит (Леонтий)[998], афинский философ — 197
Герман, епископ — 212

[998] Без указания причин Ю. А. Кулаковский в скобках указывает совершенно другое имя этого философа.

Герман, византийский военачальник — 216
Геронтий, командир гарнизона города Томы — 129, 139
Геронтий, византийский полководец — 182, 210
Гета, префект ночной стражи — 398
Гигин, римский писатель — 63
Гиларий, нотарий — 402
Гиларий, папа римский — 248
Гильдон, маврский царевич, комит войск Африки, брат Фирма (см.) — 143, 144
Гильперих бургундский, магистр армии — 381
Глицерий, западно-римский император (473-474) — 299, 305
Глона, вождь в армии Кавада, см. также Эглон — 371, 373
Гоар, царь алан — 174, 211
Гобаз, царь Иверии — 277
Годигискл, командир готов — 372
Годисфея, мать Ареобинда — 371
Гомер, легендарный автор «Илиады» и «Одиссеи» — 25, 34, 204, 319
Гонорий, император западной римской империи (395-423) — 22, 87, 132, 135, 136, 144, 165, 166, 172, 175-186, 201, 207, 210-214, 250 Гонория, дочь императора Валентиниана — 272
Гонория, дочь Плацидии (гм.) и Констанция-полководца (см.) — 213, 232, 233,
Гораций, известный римский поэт — 23, 25, 34
Гордиан III, римский император — 115
Гормизд, папа римский — 396, 401, 404, 414
Грациан, римский император (367-383) — 22, 45, 105, 124, 125, 126, 127, 128, 131, 137, 179, 284
Григорий, папа римский — 24
Григорий, епископ константинопольский — 106
Григорий Великий, один из отцов церкви — 200
Григорий Нисский, один из отцов церкви — 105, 107
Гундиох, царь Бургундии — 381
Гунерид, главнокомандующий военными силами в Далмации, Паннонии, Регии и Норике — 181
Гундобад, бургундский царевич, магистр армии — 299, 332, 381, 396
Гунерих, сын Гензериха (см.) — 216, 272, 274, 290, 325, 351, 352
Гунтерих, царь вандалов — 217

Давид, библейский царь — 265
Дагалайф, представитель константинопольской знати — 371, 392
Далматий, архимандрит — 240, 241, 245
Дамиан, святой — 394
Дамоник, дукс, командир десанта — 293
Даниил, святой — 373
Даниил, столпник — 308, 311, 319
Дардан, префект — 211
Демосфен, начальник области Эдессы[999] — 411
Денгизих, сын Аттилы (см.), царя гуннов — 302, 304, 305
Демофил, епископ константинопольский — 106
Деций, римский император (249-251) — 115
Дидим, родственник Гонория (см.) — 175, 180, 182
Дий, мученик — 388
Диоген, командир — 364
Диодор, богослов — 389
Диоклетиан, римский император (284—305) — 20, 37, 38, 43, 47, 48, 55, 63, 64, 76, 98, 135, 167, 202, 276, 277
Дионисий, дукс — 270, 271
Дионисий, сановник — 277
Дионисий, магистр оффиций — 333
Диоскор, патриарх александрийский — 245, 247, 248, 249, 259, 263-265, 268-270, 306, 318, 344
Диоскор, монах-оригенист — 158
Домициан, римский император (81-96) — 93, 94, 114
Домн, патриарх антиохийский — 246, 248
Домник, оруженосец Виталиана (см.) — 401
Дорофей, епископ фессалоникийский — 403

[999] Формулировка принадлежит Ю. А. Кулаковскому.

Дорофей, монах — 390
Донат, епископ карфагенский — 101
Друм, предводитель готов — 184

Евагрий, юрист, церковный историк — 269, 271, 285, 308, 320, 350, 361, 363, 383, 387, 388, 394, 401, 407, 409
Евгений, римский император (392-394) — 22, 104, 132, 137, 138, 143
Евгений, дукс Евфратезии — 368
Евгений, дукс Мелитены — 370
Евгений, офицер придворных войск (возможно, прокуратор) — 232
Евграфия, знатная дама — 156
Евдокия, супруга Гунериха (см.) — 275, 290, 325
Евдокия, императрица — 199, 201, 203, 204, 207 209, 219, 237, 268, 269, 275, 395
Евдоксия, императрица —146, 154, 156, 157,159, 164, 165, 169, 192, 201, 205, 206, 216, 249, 275, 290
Евдоксия, дочь Афинаиды (Евдокии) и Феодосия II — 198, 201
Евдоксия, дочь франка, генерала римской армии Баутона — 137
Евлогий, нотарий — 247
Евнапий, византийский историк — 136, 194
Евсевий, епископ анкирский — 264
Евсевий, епископ Пелузия — 271
Евсевий, известный церковный историк — 102, 103
Евсевий, епископ валентинианопольский — 154, 155
Евсевий, магистр оффиций — 313
Евсевий, препозит опочивальни — 181, 183, 184
Евсевий, ритор, схоластик — 237
Евстафий Епифанийский, византийский хронист — 288, 363, 376, 407
Евстафий, епископ Берита — 264
Евсевий, поэт — 152
Евсевий, епископ города Дорилея — 246
Евтих, первый проповедник христианства среди готов — 116
Евтихиан, епископ Дары — 378
Евтихий, монах, идеолог монофизитства — 263, 264, 268, 286, 329, 346, 389, 395, 402
Евтихий, архимандрит — 245, 246, 247, 248
Евтропий, препозит царской опочивальни — 136, 137, 140-144, 145, 146, 147, 153, 154, 172, 204, 208
Евтропий, чтец — 162
Евфимий, магистр оффиций — 277
Евфимий, патриарх константинопольский — 308, 350, 357, 360, 361, 386, 387, 399
Евфимий, палестинский отшельник — 207
Евфимия, сестра императора Льва — 312
Евфимия, святая — 263
Евхерий, сын Стилихона (см.) — 176, 177, 179
Елефверий, человек, убитый никтеархом Миной (см.) — 367, 368
Елена, святая, мать императора Константина Великого — 203, 265, 282, 389
Ельпидий, пресвитер — 161, 168
Ельпидий, комит — 247
Епиген, квестор — 222
Епифаний, епископ кипрский — 120, 157
Епифаний, епископ Тицина — 298
Епифаний, архидиакон — 243
Ерельева, конкубина Теодемира (см.) — 304
Ефрем Сирин, сирийский поэт — 351

Захария Ритор, сирийский историк — 268, 271, 286, 319, 371, 372, 376, 378, 387, 392, 415
Зенобия, пальмирская царица — 98
Зенон, магистр армии Востока — 287
Зенон, византийский император (474-475; 476-491) — 294-297, 304-307, 312, 314-317, 319-324, 326-329, 331-346, 348, 350, 353-358. 360-365. 385. 386. 389. 399. 405-407. 420
Зенон, сын императора Зенона — 314
Зеркон, шут Аэция (см.) — 225, 230
Зимарх, византийский военачальник — 372
Зинон, знатный исавр — 226, 231, 256[1000]
Зиноида, супруга императора Василиска — 315, 318

[1000] В последнем случае орфография Ю. А. Кулаковского — Зенон.

Зольбан, начальник гуннской конницы — 363
Зонара, византийский историк — 279
Зосим, византийский историк — 130, 141, 146, 149, 159, 169, 175, 176-178, 279
Зотик, префект претория — 411

Иакинф, евнух при царевне Гонории — 232, 233
Ива, епископ Эдессы — 248, 266
Иеремия, пророк — 384
Иероним, один из отцов церкви — 137
Иешу Стилит, сирийский историк — 58, 321, 337, 339, 367-369, 371, 373, 374, 376, 406, 408, 411
Иларион Газский, отец палестинского монашества — 110
Илия, патриарх иерусалимский — 394, 395, 417
Илл, исавр, магистр оффиций — 315-317, 319, 321, 322, 332-340, 345, 346, 348, 349, 352, 355, 362, 363
Иллулинг, сын Илла — 337
Ильдикона, невеста Аттилы — 274
Иннокентий, папа римский — 164, 166, 180, 185
Иоанн, византийский военачальник — 207
Иоанн, врач Кирилла (см.) — 242
Иоанн, диакон — 206
Иоанн, епископ Равенны — 343
Иоанн, ипостратиг — 293
Иоанн, комит — 147, 151
Иоанн, комит царских щедрот — 241
Иоанн, нотарий — 207, 213, 214, 215, 262
Иоанн, патриарх александрийский — 394
Иоанн, патриарх антиохийский — 237, 239, 240
Иоанн, патриарх иерусалимский — 395
Иоанн, патриарх константинопольский — 146, 147, 148, 404, 414
Иоанн, первый силенциарий — 270
Иоанн, префект претория Иллирика — 394
Иоанн, святой — 367
Иоанн, сын Валерианы — 399
Иоанн, трибун нотариев — 179
Иоанн, флотоводец — 338
Иоанн, пресвитер — 350
Иоанн Амидский, византийский историк — 269
Иоанн Антиохийский, византийский хронист — 199, 240, 244, 256, 305, 308, 321, 333, 337, 338, 363, 364, 398, 399,401, 411
Иоанн Винкомал, магистр оффиций — 249, 308
Иоанн Малала, византийский хронист — 45
Иоанн Златоуст, патриарх константинопольский — 85, 112, 116, 143, 146, 149, 152, 153, 154-166, 168, 170, 171, 191, 194, 233, 235, 236, 242, 245, 250, 252, 353
Иоанн Каландион, патриарх антиохийский — 349, 350
Иоанн Кирт, магистр армии — 338, 340, 363, 364
Иоанн Кодонат, патриарх антиохийский — 348, 349
Иоанн Креститель (Предтеча) — 282-284, 308, 345
Иоанн Лаврентий Лид (Лидиец), византийский историк — 187, 292, 311, 355, 372, 406, 407, 409, 410, 420
Иоанн Никиусский, византийский хронист — 341, 362, 368, 388
Иоанн Скиф, магистр армии Востока — 335, 336, 338, 363, 364, 370
Иоанн Талайя, эконом церкви Иоанна Предтечи — 345-347
Иоанн Эгейский, византийский историк — 307
Иоанн Эфесский, епископ, сирийской историк — 371
Иовиан, римский император (363-364) — 22, 105, 351
Иовий (Иовин), префект претория в Иллирике — 178, 181, 182, 183, 184, 210, 211
Иордан, готский историк — 113, 120, 121, 138, 273, 278, 287, 302, 304, 306, 313, 335, 338, 342, 343, 384, 386, 401
Иордан, сын Иоанна, вандал — 262, 278
Иосиф Флавий, известный иудейский историк I—II вв. — 33
Индак, исавр, сын Папирия — 294, 338
Индак, исавр, сын Коттуны — 339[1001]

[1001] Характеристики обоих Индаков настолько близки (ср. стр. 339 и 338 прим. 3), что невольно возникает мысль о

Индобинд, византийский военачальник — 216
Иоанн, вандал — 262
Иоанн, епископ никопольский — 403
Ипатий, монах — 111
Ипатий, магистр армии во Фракии — 372, 373, 375, 395-399, 415, 421
Ипатия, египетский математик и философ — 196
Ираклид, диакон — 155
Ираклий, византийский император (610-641) — 45
Ираклий, магистр армии во Фракии — 315
Ираклий, византийский полководец — 292, 293
Ираклий, евнух императора Валентиниана — 275
Ирина, святая — 160
Ириней, комит — 238, 241, 245
Ириней, римский сенатор — 385
Ириней Пентадиаст, комит Востока — 368
Ирнах, сын Аттилы (см.) — 231[1002], 274, 302, 303
Исаак, основатель древнейшего монастыря в Константинополе — 111
Исла, слуга Роила — 222, 229, 231
Исокасий, киликиец, квестор — 309, 310

Йездигерд I , иранский шах (389-421) — 171, 187, 217, 299
Йездигерд II, сын Бахрама, иранский шах (439-457) — 219, 299

Кавад, иранский шах — 368-378
Калигула[1003], римский император (37-41) — 32, 33, 92
Каллиопа, возница — 367
Каллиопий, комит Востока — 367, 375, 376
Каллоподий, эконом церкви Св. Софии — 390
Камисосолей, полководец Галлиена — 167
Кандак, царь аланов — 274
Кандид Исавр, историк — 279, 288, 292, 294, 316
Кандидиан, византийский полководец — 214
Кандидиан, комит доместиков — 238, 239, 240, 241
Кар, римский император (282-283) — 97
Каракалла, римский император (211-217) — 19
Карин, чиновник финансового ведомства — 396
Карл Великий, известный император франков — 24
Картелион, сын Аэция (см.) — 225
Кассиодор, римский историк — 202, 222, 303, 306, 380, 384
Кастриция, знатная дама — 156
Кацалий из Кизика, пантомим — 355
Квинтилиан, известный ритор — 200
Квирин, святой — 271
Кедрин, византийский хронист — 171, 416, 417
Келер, главнокомандующий при императоре Анастасии — 375-377, 391-393, 415
Келерин, офицер — 396
Кесарий, брат Аврелиана, префект города — 147
Кесарий, префект Востока — 148, 149, 151
Кесария, сестра императора Анастасия (см.) — 362, 372, 415
Киприан, святой — 98
Кир, персидский царь — 421
Кир, префект города — 208, 209, 252, 253
Кирилл, архимандрит — 347
Кирилл, магистр армии — 397, 401
Кирилл, патриарх александрийский— 191, 194-196, 235, 237-245, 247, 249, 259, 265, 266, 344, 346, 347
Кирилл Скифопольский, известный агиограф — 408, 410, 415, 417
Клавдиан, римский поэт — 140, 144, 147, 152
Клавдий, римский император (41-54) — 35, 36, 42, 117, 118

небрежности в мелочах. Весьма вероятно, что речь идёт об одном и том же человеке.
[1002] В этом случае орфография Ю. А. Кулаковского — Ирна.
[1003] Ю. А. Кулаковский называет его — Гай (Калигула).

Клавдий Готский, римский император (268-270) — 167
Клеопатра, египетская царица династии Птолемеев — 34
Книва, готский царь — 115
Кодрат, начальник области Антиохии[1004] — 354
Коммод, римский император (180-192) — 19
Конон, соратник Илла (см.) — 339
Конон, сын Фускиана, епископ Апамеи — 363, 364
Констант, византийский военачальник — 183, 184
Константин I Великий, римский император (306-337) — 20, 21, 38, 39, 40, 43-45, 51, 58, 63, 65, 74, 77-80, 84, 86, 98, 99,100,102, 103, 104, 109, 118, 162, 174-177, 180, 184, 188, 191, 202, 203, 226, 265, 282, 318, 361, 365, 400, 408
Константин Багрянородный, византийский император (913-959, до 945 — номинально) — 228
Константин, византийский полководец — 182, 208-210
Константин, лидиец, офицер — 396
Константин, епископ Селевкии — 389
Константин, префект Константинополя — 254
Константин из Тарса, комит Востока — 367
Констанций, римский император (337-361) — 21, 22, 45, 74, 79, 86, 88, 104, 107, 118, 120, 142, 187, 210, 280, 382
Констанций Хлор, римский император (293-306) — 20
Констанций, византийский полководец — 182, 210, 212, 213, 226
Констанций, посол императора Льва — 300
Констанций, секретарь Аттилы (см.) — 227, 228
Констанций, другой (второй) секретарь Аттилы — 228, 231, 232
Контрадий, пират — 253 Косма, святой — 394
Косма, оруженосец императора Зенона — 350
Коттомена, магистр обоих разрядов армии — 338
Крека, жена Аттилы (см.) — 231
Ксенофонт, древнегреческий историк — 421

Лаврентий, римский дьякон — 98
Лаврентий, епископ Нуцерии — 386
Лаврентий, святой — 367
Лампадий, сенатор — 175, 176, 183
Лев, византийский император (457-474)— 261, 262, 277, 279-282, 284-288, 290, 291, 293-306, 308-312, 314, 315, 317, 326, 327, 332, 337, 344, 348, 349, 359, 368, 396, 413, 418, 422
Лев Малый (младший), византийский император (474) — 312-314
Лев III, византийский император (717-741) — 26
Лев, папа римский — 207, 234, 247, 249, 263-267, 269, 271-273, 285, 286, 318, 344, 350, 388, 402, 418
Лев, приятель Евтропия (см.), командир, несведующий в военном деле — 145
Лев, пресвитер — 263
Леонтий, епископ анкирский — 163
Леонтий, законовед — 201
Леонтий, сенатор — 335-340
Леонтий, византийский военачальник — 374
Леонтия, дочь императора Льва, супруга императора Маркиана (см.) - 295, 312, 332, 333, 407
Лета, вдова императора Грациана — 179
Либаний, известный антиохийский ритор и оратор — 111, 152
Либерат, византийский историк — 270, 337, 345
Либий Север, западно-римский император (461-465) — 290
Лимений, префект претория в Галлии — 177
Лициний, римский император (308-324) — 20, 98, 102, 118
Лонгин, брат императора Зенона — 321, 336, 339, 355, 356, 362
Лонгин из Кардал, магистр оффиций — 338, 362-364
Лонгин, монах — 271
Лонгина, дочь Валерии, знатной дамы — 362
Лонгин Селинунтский, исавр из Антиохии Исаврийский — 364
Лонгиниан, префект претория Италии — 177
Лупицин, магистр армии во Фракии — 123
Луценций, епископ — 263

[1004] Формулировка принадлежит Ю. А. Кулаковскому.

Мавр, гастат — 281
Мавриан, оруженосец императора Зенона — 356
Маврикий, византийский император (582-602) — 24
Магн, комит царских щедрот — 310
Магна, племянница императора Анастасия (см.) — 390
Македоний, патриарх константинопольский — 361, 387-391, 393, 399, 414, 415
Максим (Магн Максим), римский император (383-388) — 22, 131,132,210
Максим, сенатор — 275
Максимиан, патриарх константинопольский — 242, 243, 244
Максимин, дипломат, дукс Нижней Мезии — 269, 276, 287, 396
Максимин, асессор Гелиона (см.) — 219
Майориан, западно-римский император (457-461) — 289, 290
Майориан, епископ карфагенский — 101
Малала (Иоанн Малала), известный ранневизантийский хронист — 172, 205, 270, 279, 293, 296, 297, 321, 335, 337, 338, 341, 354, 355, 367, 368, 372, 379, 383, 393, 397, 401, 407, 413, 417
Малх Филадельфиец, византийский историк — 301, 312, 314, 319, 326-328
Мам, гунн царского рода — 223
Мамант, святой — 311
Максенций, римский император (307-312) — 20, 98
Максим, греческий ритор — 201
Максимиан, римский император (286-305; 307-310) — 20
Максимин, римский император (235-238) — 19, 97
Максимин, посол к Гонорию от римского сената — 180
Максимин, сенатор — 228, 229
Максимин Дайя, римский император (305-313) — 98
Марий Гай, известный политический деятель конца республики — 32
Марис, перс — 266
Марий Авен, бургундский хронист[1005] — 380
Марин, комит — 211
Марин, префект претория, организатор финансовой реформы — 410, 411, 414, 416
Марин, комит царских щедрот — 392, 393, 401
Марк Аврелий, римский император (161-180) — 19, 20, 50, 62, 64, 71, 83, 84, 94, 114, 200
Маробод, готский царь — 113
Мария, знатная дама — 156
Мария, старшая дочь Стилихона — 144, 172
Марк, святой — 271, 344, 346, 347, 354
Марк, сын императора Василиска — 316, 318
Марк Марцилий Авит, сенатор — 275
Маркелл, архимандрит монастыря «неусыпных» — 249, 311
Маркелл, монах — 295
Маркелл, епископ Апамеи — 108
Маркелл, чиновное лицо[1006] в Константинополе — 326
Маркиан, византийский император (450-457) — 87, 207, 215, 249, 260-264, 267, 269, 270, 272-280, 287, 290, 296, 303, 305, 306, 308, 312, 322, 344, 355, 359, 361, 406, 418
Маркиан, сын императора Анфимия — 312, 332-334, 336, 346, 407
Маркиан, трибун — 257
Марс, консул — 336, 339
Мартин, святой — 381
Мартин, сподвижник Аспара — 295
Мартин, греческий ритор — 201
Мартиниан, византийский полководец — 327
Мартирий, патриарх антиохийский — 307
Мартирий, византийский дипломат — 398
Маруфа, епископ мартирополький — 164, 171, 187
Марцеллин, магистр армии западно-римской империи — 289-293, 299
Марцеллин Комит, византийский хронист — 219, 253, 262, 302, 305, 311, 312, 316, 352, 364-366, 368, 379, 399

[1005] Ю. А. Кулаковский назвал Мария не лучшим образом, ибо «Авен» представляет собой странный гибрид русской и латинской характеристик этого хрониста. Правильная латинская характеристика — Marius Aventìsentis, правильная русская характеристика — Марий из Аванша.
[1006] Формулировка Ю. А. Кулаковского.

Марциан, префект Константинополя — 183
Масцизель, сын Нубеля (см.), брат Фирма (см.) и Гильдона (см.) — 143, 144
Матрона, святая — 388
Матрониан, префект претория — 407
Матрониан, брат супруги Илла (см.) — 322,338
Матфей, апостол — 354
Мина, никтенарх — 310, 367, 368
Мелания, знатная римлянка — 69, 203, 204
Мелетий, епископ антиохийский — 152
Мемнон, епископ — 239, 240, 241, 242
Мензурий, епископ карфагенский — 100
Михаил Сириец, сирийский историк — 268, 286, 371
Михрамы, персидский род — 300
Модарес, гот на службе империи — 127
Модест, магистрианин — 298, 299
Моисей Хоренский, армянский историк — 220, 399
Монаксий, префект города — 188
Мунд, владетель области в Иллирике — 379, 380
Мунджук, брат Руа (см.) — 221, 222
Мурван, языческое имя Петра Ивера (см.) — 268

Нааман, филарх арабов — 368, 370, 373
Нарсай, профессор Нисибийской школы — 351
Нарсей, персидский полководец — 218
Нектарий, патриарх константинопольский — 153, 162
Неморий, магистр дворцовых войск — 177
Неон, исавр — 338
Нерва, римский император (96-98) — 19
Нерон, римский император (54-68) — 19, 32, 62, 93
Несторий, патриарх константинопольский — 234-246, 248, 249, 255, 266, 268, 307, 319, 349, 389, 395, 402
Никий, епископ Лаодикеи — 389
Никита, командир полка — 332
Никифор Каллист, византийский историк — 171, 296, 368
Ном, магистр оффиций — 224
Нубель, мавританский царь — 143

Овида, комит — 324
Огар (Худжр), филарх арабов — 368, 369
Одоакр, правитель Италии — 299, 323, 324, 326, 330, 336, 340-343, 384
Одофей, вождь остготов — 131
Октар, брат Руа (см.) — 221
Октавиан — (см. подробнее: Август) — 29, 32, 33
Олибрий, сенатор — 290, 298, 299
Олибрий, западно-римский император (472) — 328, 371, 392
Олибрий, сын Ареобинда, внук императора Олибрия — 371
Олимпиада, диаконисса — 162, 163
Олимпий, дукс Палестины — 395
Олимпий, магистр армии — 176, 177, 178, 180, 181
Олимпий, монах — 319
Олимпий, философ — 108
Олимпиодор, римский историк — 69, 136, 174
Онигисий, знатный гунн — 230
Онигискл, начальник охраны Дуная — 302
Онульф, магистр армии Иллирика — 320, 330, 341
Оптат, префект города — 162
Оптила, гот, оруженосец Аэция (см.) — 275
Орест, магистр армии Западной Империи — 322, 323
Орест, префект Египта — 195, 196,
Орест, переводчик — 228, 229
Ориген, известный раннехристианский писатель — 156
Ормузд III, царь Сагастана — 300
Орозий, византийский историк — 135, 185

Осия, епископ кордубский — 102
Острие, телохранитель Аспара (см.) — 296, 297
Острогота, готский царь — 115

Павел, апостол — 93, 265, 386
Павел, брат императора Анастасия (см.) — 421
Павел, епископ города Эмесса — 243
Павел, митрополит Эфеса — 318
Павел, сакелларий — 338
Павел, софист — 317, 350
Павел, чтец — 196
Павел, экдик — 387
Павел Диакон, византийский историк — 420
Павел Самосатский, епископ антиохийский — 98
Павлин, сын комита доместиков, товарищ Феодосия II по учению - 193, 197, 198, 206, 207, 237
Палладий, римский писатель — 69
Пальфруерий, разбойник — 167
Пампрений, преподаватель университета в Константинополе — 322, 332, 336, 339
Папим, начальник конницы — 338
Папирий, владелец крепости — 338
Пасхазин, епископ — 263
Патрикий, магистр оффиций — 315, 316
Патрикий, протосалкрит — 356
Патрикий, сын Аспара (см.), консул — 372, 373, 375, 376, 393, 397
Патрикиол, отец Виталиана (см.) — 372, 374, 396
Пахомий, известный основатель монастырей в Египте — 110
Пелагий, посол — 334, 356
Пелагий, силенциарий — 297
Пергамий, августал Египта — 346
Пероз, персидский шах — 299, 300
Пётр, апостол — 96, 344, 386
Пётр, епископ Эдессы — 411
Пётр Магистр, историк — 280
Пётр Ивер, епископ Майюмы — 268, 269, 271, 277, 390
Пётр Кнафей, патриарх александрийский — 306, 307, 318, 348-350, 402, 403
Пётр Монг, патриарх александрийский — 344-350, 402, 403
Пётр, комит — 373
Пётр I, русский император (1694-1725) — 28
Петроний, высокопоставленный чиновник финансового ведомства — 177
Писистрат, афинский тиран — 421
Писсамена, мать Леты (см.) — 179
Пиция Гердуик, комит — 379, 380
Платон, префект города — 365, 392, 393
Платон, греческий философ — 25
Плацидия, сестра императора Феодосия II (см.) — 179, 275, 290, 298, 392
Плацидия, мать Валентиниана, племянника Гонория — 201, 249
Плацидия, сестра Гонория (см.) — 211-215, 226, 371, 392
Плиний Младший, известный римский писатель — 33, 50, 93
Плиний Старший, известный римский писатель — 89
Плинт, магистр армии во Фракии - 222, 232 Плинта, гот, консул — 280, 315
Полибий, корреспондент Иоанна Златоуста — 168
Полихроний, византийский дипломат — 398
Помпей, римский полководец и государственный деятель конца республики — 418
Помпей, двоюродный брат императора Анастасия (см.) — 392, 414, 415
Порфирий, патриарх антиохийский — 163, 191
Потамий, квестор — 183
Приск, комендант Филиппополя — 115
Приск, византийский историк — 253, 269, 272, 276, 277, 292, 296, 300, 305
Приск, комит — 364
Приск, секретарь Максимина-сенатора — 228, 229

Присциан, ритор — 362, 366, 405, 406, 410, 415, 420, 421
Проб, римский император (276-282) — 118, 122, 167
Проб, сын Олибрия (см.), претор — 69
Проба, благочестивая женщина в Риме — 185
Проект, епископ — 240
Прокл, патриарх константинопольский — 222, 234, 244, 245
Прокл, епископ Кизика — 236, 237,
Прокл, философ — 401, 416
Прокопий, зять императора Валента (см.) — 142
Прокопий, византийский полководец — 218
Прокопий Кесарийский, известный ранневизантийский историк — 116, 170, 171, 172, 186, 289, 292, 293, 301, 362, 367, 371-373, 377, 384, 399
Прокопий Газский, византийский историк — 354, 360, 366, 383, 406, 421
Прокопий, сын императора Анфимия — 332, 407
Прокопий, святой — 353
Прокопий, комит Востока — 367, 368
Прокопий, магистр армии — 291
Прокопий, глава восстания против Валента — 118, 119
Промота, знатная дама —156
Промот, сподвижник Феодосия II — 131
Промот, магистр армии — 137
Промот, правитель Норика — 229
Протерий, патриарх антиохийский — 269-271, 285, 306, 307
Профутур, римский полководец — 124
Птолемей (Клавдий Птолемей), известный математик и географ — 113
Пузей, префект претория — 310
Пульхерия, старшая дочь Аркадия и Евдоксии — 192-194, 196, 197, 198, 205, 207, 208, 232, 233, 236, 237, 238, 243, 247, 249, 251, 252, 255, 257, 258, 261-264, 267-269, 279, 309, 344, 418

Радагайс, вождь готов — 173, 174
Радульф, царь гепидов — 379, 384, 385
Регис, чиновник Кесарии Палестинской — 353
Рекитах, сын Теодориха Косого (см.) — 340, 341
Рехимер, магистр армии западно-римской империи — 275, 286, 289-291, 293, 298, 299, 323
Род Хрисомалл, пантомим — 355
Рихомер, галльский вождь на западно-римской службе — 124, 125
Роман, военачальник в Палестине — 368
Роман, дукс — 372, 376, 377
Роман, комит доместиков — 380
Роман Сладкопевец, гимнограф — 422, 423
Ромул, легендарный первый царь Рима — 80
Ромул Августул, западно-римский император (475-476) — 332, 407
Ромул, комит — 229
Руа, Руга или Роила — хан гуннов — 221, 222 Рустик, комит схол — 380
Русумбладеот, отец Тарасикодисса (Зенона) — 288
Руф, брат посла Аполлония — 272
Руф, родич Зинона (см.) — 231
Руфин, магистр армии во Фракии — 370, 371, 400, 401
Руфин, префект претория Востока — 111, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 157, 172, 204, 256

Сабиниан, командир войск Иллирика — 330, 331, 334
Сабиниан, магистр армии Иллирика, сын предыдущего Сабиниана — 379, 380
Савва Освященный, святой — 392-395, 408, 410, 411, 413, 416
Сагак, епископ — 220
Саллустий, патриарх иерусалимский — 387
Сальвиан, историк — 409
Сальвий, квестор императорского двора — 177
Сальвий, комит доместиков — 177
Самуил, архимандрит монастыря в Габале — 391
Сангибан, царь аланов — 273
Сар, предводитель готов — 173, 175, 176, 177, 184, 185, 211, 212

Сатурнин, консул 383 г. — 129
Сатурнин, комит доместиков — 206
Сатурнин, тесть Руфа — 272
Саул, полководец, подчинённый Стилихону (см.) — 173
Сафрак, готский вождь — 123, 125, 126
Св. Савва, гот-христианин — 120, 121
Себастиан, римский полководец — 125
Себастиан, префект претория — 355
Себастиан, брат Иовия (Иовина) (см.) — 211
Север, епископ — 269
Север, пресвитер — 206
Север, монах — 390
Север, сенатор — 324, 325
Север Антиохийский — монофизит — 390, 393-395, 405, 414
Севериан, епископ Скифополя — 268
Северин, консул — 324
Северин, святой — 340
Сегасафий, арианский епископ — 183
Секундин, префект города, зять императора Анастасия — 362, 371, 415
Септимий Север, римский император (193-211) — 19, 37, 51
Серапион, архидиакон — 158
Серапион, учитель патриарха Кирилла (см.) — 194
Сервилий, победитель исавров — 166
Серена, племянница Федосия I — 136, 176, 179
Сиагрий, сын Тимасия (см.) — 142
Сиагрий, магистр армии — 380
Сигерих, брат Сара (см.) — 212
Сигизан, начальник гуннской конницы — 363
Сигизвульд, магистр армии — 216
Сигизмунд, сын Гундобада бургундского — 381, 382, 396
Сигизмунд, гот — 329, 330
Сильван, готский (авдианский) епископ — 120
Сильван, префект монетного двора — 227
Симеон Бетаршамский, сирийский монах, агиограф — 391
Симеон, монах — 347
Симеон Столпник, святой — 207, 285, 307, 308, 353
Симмах, папа римский — 386
Симмах, сенатор — 69
Симплиций, папа римский — 345, 347-349
Синезий, епископ Кирены — 169, 196
Сириан, греческий грамматик — 201
Сисинний, патриарх константинопольский — 234, 236
Созомен, церковный историк — 189, 257, 271
Сократ, церковный историк — 100, 108, 152, 218
Сотерих, епископ Кесарии Каппадокийской — 393, 395
Стефан, святой — 251, 354, 389, 395
Стефан, патриарх антиохийский — 348
Стефан, чиновник — 326
Стила, сановник — 285
Стилихон, магистр армии, затем — главнокомандующий военных сил Западной Римской Империи — 136, 139, 140, 143, 144, 146, 147, 148, 152, 170, 172-179, 180, 181, 183, 209, 211, 287
Стракодисс, см. также Тарасикодисс — 337
Студий, патриций — 308 Сфоракий, солдат схолы — 335

Талассий, епископ Кесарии Каппадокийской — 264
Талассий, начальник области Антиохии — 353, 354
Тарасикодисс, вождь исавров, см. также Стракодисс — 288, 294
Таррах, гунн — 397, 401
Тациан, префект города — 260, 261, 290, 294
Тацит, известный римский историк — 33, 35, 47, 89, 92, 113, 131

Тацит, римский император (275-276) — 118
Тевтимунд, брат Теодориха Великого — 331
Теодемир, царь остготов — 294, 303-306
Теодорих I, вестготский — 273, 303
Теодорих, сын Теодемира, царь остготов — 217[1007], 303-306, 315, 317, 326-331, 334-336, 338, 340-343, 355, 379-386, 399, 402, 418
Теодорих сын Триария, царь остготов — 297, 303, 305, 306, 314, 326, 327, 328, 331, 333, 334, 340
Теребинфий, епископ Неаполя — 353
Теренций, придворный евнух — 177, 179, 181
Теренций, поэт — 310
Терманция, младшая дочь Стилихона — 179
Тертуллиан, известный раннехристианский писатель — 93, 95, 96
Тиберий, римский император (14-37) — 31, 33, 35, 73, 92, 360
Тигрис, пресвитер — 162
Тимасий, сподвижник Феодосия I — 141, 142
Тимокл, поэт — 422
Тимострат, дукс — 373-376
Тимофей, патриарх константинопольский — 391, 392, 394, 404, 414
Тимофей, протектор — 398
Тимофей Салофакиол, патриарх александрийский — 306, 318, 344, 345
Тимофей Элур, патриарх александрийский — 270-272, 285, 286, 306, 317-319, 344, 350, 396, 402, 403
Тит, римский император (79-81) — 82
Тразамунд, царь вандалов — 341, 419
Тразерик, сын царя Фравстилы (см.) — 379
Траян, римский император (98-117) — 33, 49, 50, 62, 76, 78, 93, 114
Траян, римский полководец — 124
Требеллиан, «император» исавров — 167
Триарий, остгот, отец Теодориха — 293, 297, 303, 305
Трибигильд, командир готов, поселённых во Фригии — 144, 145, 147, 148, 168
Трибониан, юрист — 420
Тригенций, римский сенатор — 273
Трокунд, брат Илла (см.) — 316, 317, 319, 324, 333, 334, 336, 338, 339
Тургун, гунн — 401
Турпилион, византийский военачальник — 181
Туфа, магистр армии — 343

Уллиб, гот — 295
Ульдил, гуннский вождь — 150
Ульдис, предводитель гуннов — 173, 189
Ульпиан, известный римский юрист III в. — 36, 37
Ульфила, переводчик Священного Писания на готский язык — 119, 120, 293, 343, 382
Ульфила, гот на византийской службе, военачальник — 210
Ульцинур, вождь гуннов — 274
Унила, епископ готов — 116, 148, 164
Ураний, готский (авдианский) епископ — 120
Ураний, начальник канцелярии магистра оффиций — 398
Урбикий, препозит — 321, 335, 358, 411

Фарнобий, готский вождь — 123
Фауст, глава римского сената — 343, 385, 386
Фева, царь ругов — 340, 341
Фекла, дочь Илла (см.) — 339
Фекла, святая — 320
Феликиссим, дукс Амиды — 378
Феликс III, папа римский — 347, 350, 360, 385, 387
Фемистий, константинопольский ритор — 127, 129, 136
Феодор, епископ Мопсуестии — 240, 389
Феодор, епископ Петры — 395
Феодор, комит Востока — 354

[1007] На с. 217 — Феодорих.

Феодор, комит царских щедрот — 397
Феодор, префект Египта — 269
Феодор, сатрап Софанены — 369, 376
Феодор, святой — 392
Феодор Чтец, византийский историк — 261, 293, 295, 307, 314, 354, 390, 399
Феодора, императрица — 355
Феодорит Кирекий, известный раннехристианский писатель — 154, 244, 247, 248, 249, 266, 308, 344
Феодосий, византийский полководец — 143
Феодосий I, римский император (379-395) — 22, 24, 40, 45, 67, 69, 71, 86, 87, 104, 107, 109,110,111,127-132,135, 136, 137, 138, 139, 145, 147, 156, 165, 191, 195, 309, 377
Феодосий II, византийский император (408-450) — 38, 46, 69, 79, 85, 88, 105, 106, 108, 166, 170-172, 176, 179, 185, 188, 193,197-199, 201, 202, 205, 206-209, 213-217, 219, 223, 224, 231, 232, 233, 236, 238, 240, 241, 242, 244, 245, 247-249, 251-259, 260-262, 268, 272, 275, 277, 279, 280, 282, 287, 291, 299, 307, 318, 332, 344, 353, 398, 417, 418, 420, 421
Феодосий, сын Плацидии (см.) и Атаульфа (см.) — 212
Феодосий, епископ иерусалимский — 268, 269
Феодосий, египетский монах — 267
Феоктист, августал Египта — 345
Феоктист, брат Феопомпа — 319
Феопомп, посол из Александрии — 317
Феопомп, магистр оффиций, брат Феоктиста — 319
Феодот, диакон — 168, 169
Феодот, епископ Анкиры — 239
Феодул, дукс Фракии — 227
Феона, мать Ипатии (см.) — 196
Феопемпт, епископ — 195
Феофан Исповедник, известный византийский хронист — 171, 172, 207, 254, 261, 262, 279, 285, 292, 297, 309, 337, 379, 389, 391, 393, 400, 404, 416, 417
Феофил, патриарх александрийский — 107, 153, 156, 157, 158, 160, 163, 165, 191, 194
Феофил, епископ готов, участник Никейского собора — 119
Феофил, латинский грамматик — 201
Феофил, правитель Египта — 269
Ферасман, византийский военачальник — 372, 376
Феретрий, епископ Кесарии Каппадокийской — 163
Фест, сенатор — 386
Филарх, посол императора Льва — 290, 291
Филипп, царь Македонии, отец Александра Македонского — 421
Филипп Араб, римский император (244-249) — 20
Филипп, дед Анфимия (см.) — 187
Филипп, пресвитер — 240
Филипп, префект претория — 115
Филоксен, сирийский писатель-богослов. См. также Аксинайя — 349, 389, 393, 394, 416
Филоксен, посол императора Зенона — 328
Филосторг, церковный историк[1008] — 136, 212
Фирм, мавританский князь, сын Нубеля (см.) — 143
Флавиан, патриарх константинопольский — 245, 246, 247, 248, 249, 263, 391, 399
Флавиан, патриарх антиохийский — 388-390, 394
Флор, префект Египта — 269
Флорентий, начальник гарнизона — 145
Флорентий, префект города — 234
Флорентий, сановник — 246
Фока, секретарь императора Зенона — 329
Фома, епископ — 378
Фортунат, епископ — 402
Фотий, патриарх константинопольский — 27
Фравита, патриарх константинопольский — 350, 360
Фравита, готский вождь на службе империи — 130, 149, 150, 151, 181
Фравстила, гот, оруженосец Аэция — 275
Фравстила, царь гепидов — 379

[1008] Орфография Ю. А. Кулаковского — Филосторгий.

Фригерид, полководец западно-римской империи — 124

Фридрих, сын царя Февы (см.) — 341, 342
Фритигерн, готский царь — 121, 123, 124, 125, 128, 129
Фускиан, отец епископа Конона (см.) — 336, 363

Хлодвиг, царь франков — 380, 381
Хорикий, византийский писатель — 367
Хрисафий, евнух — 205, 207-209, 228, 229, 232, 245, 249, 256, 259, 262, 263, 278

Цезарь Гай Юлий (100-44 гг. до н. э.), один из известнейших политиков Поздней Республики в Риме, заложивший основы монархического режима принципата — 21, 29, 32, 49, 55, 82, 418
Целестин, папа римский — 236, 237, 239, 240, 242, 244
Цецилиан, дьякон, затем епископ карфагенской церкви — 100, 101
Цецилиан, префект претория Италии — 180
Цицерон Марк Тулий, известный римский оратор и политический деятель — 23

Шапур II[1009], персидский шах (309-379) — 277

Эгерия, знатная и образованная дама из Южной Галлии — 203
Эгидий, представитель галльской знати — 290
Эглон, см. Глон — 373
Эдекон, отец Одоакра — 323
Эдекон, германец, слуга Аттилы — 228, 229
Эдессий, сановник высокого ранга — 196
Эдобих, византийский полководец — 210
Экдиций, глава галльской знати — 291, 323
Элагабал, римский император (218-222) — 19, 97
Элевзиний, епископ Сасима — 389
Элиан, префект претория — 326, 338
Элладий из Эмессы, пантомим — 355
Элий Аристид, греческий философ II в. н. э. — 94
Эллод, гот — 375
Эмнецур, вождь гуннов — 274
Эннодий[1010], епископ — 342, 380, 402, 404
Эпиник, комит царских щедрот — 321, 333
Эриульф, готский вождь на службе империи — 130, 149
Эрманарих, царь остготов — 119, 121
Эритрий, префект претория — 314

Ювеналий, патриарх иерусалимский — 240, 264, 267, 269, 318
Юлиан, римский император (361-363) — 21, 44, 73, 104, 105, 118, 119, 152, 198, 199, 200, 204, 271, 281, 284, 332, 351
Юлиан, епископ галикарнасский — 390
Юлиан, младший сын Константина-полководца — 210
Юлиан, патриарх антиохийский — 307
Юлиан, византийский военачальник — 383
Юлиан, посол императора Зенона (см.) — 328
Юлиан, пресвитер — 350
Юлиан, префект города — 358, 362
Юлиан, примицерий нотариев — 183
Юлиан, святой — 418
Юлиан, чиновник императорской канцелярии — 398
Юлиана, дочь импертора Олибрия (см.) — 371, 392, 393, 415
Юлий, магистр армии Востока — 46, 126
Юлий, префект Ливии — 260, 261
Юлий Непот, племянник Марцеллина (см.) — 299, 324, 328
Юний Боран, дукс Скифии — 121
Юст, византийский полководец — 182
Юстас, разбойник — 353
Юстин, византийский император (518-527) — 172, 348, 363, 372, 376, 400, 401, 414, 416, 417, 423
Юстин II, византийский император (565-578) — 254
Юстина, мать Валентиниана II — 22, 131

[1009] Орфография Ю. А. Кулаковского — Сапор.
[1010] В одном случае (с. 380) орфография Ю. А. Кулаковского — Еннодий.

Юстиниан, византийский император (527—565) — 24, 27, 38, 116, 132, 175, 194, 262, 271, 274, 276, 280, 292, 314, 326, 343, 352, 355, 385, 389, 399, 402, 410, 412, 414, 416, 420, 423
Юстиниан, консул — 336

Яков, врач, комит — 302, 309
Яков, комит четвёртой схолы — 241
Яков, сирийский отшельник — 285
Ясон, сын бывшего префекта претория Иллирика — 178

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ КО ВТОРОМУ ТОМУ [1011]

Абукариб, правитель Фойникона — 60
Август, римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — 27, 67, 238, 241
Авдуин, царь лангобардов — 149, 178, 179, 278
Авраам, химьяритский царь — 29
Авраам, дипломат времени Юстина и Юстиниана, отец Нонна (см.) — 30, 58
Аврелиан, римский император (270-275) — 107
Автарих, царь лангобардов — 380-383
Агапит, папа римский — 103, 105, 197
Агапит, дьякон Св. Софии — 44
Агафий Миринейский, византийский историк VI в. — 165, 248, 252, 258
Агила, вестготский царь — 148
Агилюльф, царь лангобардов — 383-386
Адарман, персидский полководец — 293, 318, 342
Адолий, сын Акакия, главы администрации в Армении (см.) — 118, 127
Адриан, римский император (117-138) — 35, 50, 57
Азинарий, готский военачальник — 106
Айган, доместик, один из начальников конницы в войске Велизария — 90, 129
Акакий, смотритель медведей партии зелёных, отец Феодоры (см.) — 42
Акакий, проконсул, глава администрации Великой Армении — 118, 119
Акакий, куратор — 263
Акакий, сын Архелая, главнокомандующий на Востоке — 293, 294
Акум, магистр армии Иллирика — 54
Аламундар, лахмидский династ — 28, 33, 58, 60, 64, 65, 117, 198, 171, 289, 333, 344
Александр, логофет — 116
Александр, сенатор — 101, 167
Александр, посол к Каваду — 63, 66
Александр, офицер, близкий к Фоке (см.) — 394
Александр, офицер Приска (см.) — 367
Алигерн, брат Тейи (см.) — 154-156
Альбоин, царь лангобардов — 279-283
Альбсвинта, дочь Альбоина — 283
Амабилис, магистр армии — 284
Амазасп, глава администрации Великой Армении — 118
Амаласунта, дочь Теодориха (см.), царица остготов — 101-103, 157
Амалафреда, сестра Теодориха (см.) — 88, 89, 102
Амалафред, сын Амалафреды, византийский военачальник — 218, 255
Амантий, препозит опочивальни — 18, 20
Аминг, франкский вождь — 157
Аммат, брат Гелимера (см.) — 92, 93
Аммиан Марцеллин, известный византийский историк — 218
Амр, лахмидский династ — 172, 174, 286
Анагей, хан утургуров — 323, 324
Анастасий, византийский император (491-518) — 15, 16, 18-23, 29-30, 32, 37, 40, 52, 60, 67, 77, 79, 124, 177, 178, 197, 215, 216, 220, 224, 225, 227, 230, 233, 235, 237, 243, 249, 267, 271, 275, 284, 296, 314, 320
Анастасий, патриарх антиохийский — 386
Анастасия, дочь Маврикия (см.) — 341
Анастасия, императрица, жена Тиверия (см.) — 308
Ананкаст, посол от тюркского хана — 323
Анатолий, профессор права в Берите — 69
Анатолий, заместитель префекта при комите Востока — 329-331
Ангила, византийский военачальник — 169
Андиган, персидский дипломат — 318
Андрей, префект Константинополя — 264
Андрей Лавсиак, кубикуларий — 20
Андрей, оруженосец Маврикия — 348
Анзала, дорифор Нарзеса (см.) — 152
Антала, мавританский царь — 108, 131, 134, 136, 137

[1011] Указатель к тому составлен А. Г. Грушевым.

Антонина, жена Велизария (см.) — 126, 146, 202, 232
Анфим, патриарх константинопольский — 198-202
Анфимий из Тралл, архитектор — 81
Аорн, брат Филемута (см.) — 180
Аппион, префект претория — 19
Аполлинарий, командир эскадры в войске Велизария — 103
Аполлинарий, патриарх александрийский — 214
Апсих, ипостратиг — 345
Апсих, полководец аварского хана — 376
Аратий, персидский полководец армянского происхождения, перешедший затем на службу императору — 34, 61, 115, 180, 181, 184, 187
Ардагаст, славянский царь — 367
Ареобинд, византийский полководец, впоследствии префект претория — 135, 136, 137, 210, 234
Арефа=Арета(ал-Харис), гассанидский династ — 58, 59, 117, 124, 129, 206, 292
Арихис, герцог Беневента — 384
Ариульф, византийский военачальник — 344
Ариульф, герцог Сполета — 384
Аркадий, византийский император (395-408) — 243, 341
Арматон, византийский дипломат — 374
Арриан, известный римский историк — 35
Арсак, глава заговора против Юстиниана — 146
Арсений, сын Сильвана, сенатор (см.) — 52, 53
Артабан, византийский военачальник в войске Ареобинда, впоследствии магистр армии in praesenti — 135, 137, 140, 147, 149, 151, 156, 240, 246, 250
Архелай, префект претория Африки — 98, 100
Архелай, интендант войска Велизария — 91
Аруф, византийский военачальник в войске Нарзеса — 151
Асбад, гепидский вождь в войске Нарзеса — 150, 153
Асклепиодот, префект Константинополя — 53
Асклепий, епископ эдесский — 24
Астерий, комит Востока — 348
Аталарих, сын Амаласунты (см.) — 101-103, 116, 158
Атанагильд, вестготский царь — 149
Афанасий, внук императрицы Феодоры — 298, 300, 301
Афанасий, сенатор — 105
Афанасий, префект претория — 116

Баба, византийский военачальник — 163, 164, 165, 169
Бадуарий, магистр армии во Фракии — 54
Бадуарий, византийский военачальник — 175
Бадуарий, зять Юстина II — 274, 284, 297
Балах, хан гуннов-сабиров — 28
Балос, один из командиров «союзных» войск в войске Велизария — 97
Бараид, племянник Юстиниана — 78
Барбат, один из начальников конницы в войске Велизария — 91
Басс, префект претория — 226, 236
Бахрам Чобин, претендент на шахский престол в Сасанидском Иране — 349, 351-356, 358, 358, 363
Баян, аварский хан — 192, 193, 279, 280, 320, 350, 363, 366
Бенеат, епископ Первой Юстинианы — 209
Бенил, византийский военачальник — 163
Берсабус., знатный перс — 166
Бесса, византийский полководец — 65, 66, 107, 116, 140, 141, 143, 144, 163, 164, 165, 166, 167, 248
Биган, командир гарнизона Хломара — 318
Биндой, брат жены Хормизда (см.) — 351, 352, 353, 356, 358
Бистам, брат Биндоя — 351, 353, 356, 358
Блесхан, персидский военачальник — 123, 124, 140
Боа, вдова Балаха — 36
Бон, римский сенатор — 157
Бонифаций, прокурор — 96
Боноз, византийский военачальник — 377
Буза, византийский полководец — 46, 120, 122, 126, 127, 167, 169, 180, 248, 251

Бутилин, аламанский вождь — 155-157

Вакх, брат Соломона (см.) — 134
Валент, византийский император (364-378) — 243
Валентин, оруженосец Велизария — 142, 143
Валентин, оруженосец Юстиниана — 192
Валентин, посол к тюркскому хану — 323, 324, 350
Валериан, византийский полководец — 120, 152, 154, 156, 169
Валериан, главнокомандующий византийским войском в Нумидии — 132
Валериан, магистр армии в Армении — 127
Валериана, жена Цафия (см.) — 32
Вардан, посол от Хосрова — 126
Вардан Мамиконид, глава антиперсидского восстания в Армении — 291, 292
Вариз, персидский полководец — 290
Василид, бывший префект Востока — 68, 75[1012]
Василид, квестор — 85
Василий, консул 541 г. — 239, 240
Василиск, византийский полководец — 90
Вахо, царь лангобардов — 114, 255[1013]
Вафиз, византийский военачальник — 170
Велизарий, известный византийский полководец — 34, 35, 56, 61, 63, 64, 77, 88, 90-100, 110, 102-115, 120, 123, 125, 126, 130, 132, 138, 139, 141, 146, 147, 149, 151, 183, 187, 188, 215, 232, 234, 245, 251, 255, 265
Вигилянция, сестра Юстиниана — 147, 272
Вигилий, папа римский — 110, 143, 146, 149, 201-203, 207-212
Виктор, епископ Тоннена — 213
Виталиан, магистр армии in praesenti — 16, 21-23, 242
Виталиан, посол к Баяну (см.) — 280
Виталий, византийский полководец, магистр армии Иллирика — 115, 139, 142
Витигес, царь остготов — 106, 107, 109-112, 114-116, 120, 139, 150, 181, 202, 232, 249, 251

Гайян, патриарх антиохийский — 199
Гарибальд, царь баварцев — 383
Гармул, царь мавров — 285
Гекеболий, префект Пентаполя — 42
Геласий, ученик Саввы (см.) — 204
Гелимер, царь вандалов — 90-98, 249
Гельмехис, молочный брат Розамунды (см.) — 283
Гензерих, царь вандалов — 67, 88, 89, 92
Геннадий, магистр армии в Африке — 326, 378, 379
Генцон, византийский военачальник — 367
Георгий, комендант Дары — 129
Георгий, ипостратиг Филиппика (см.) — 394
Георгий, префект претория Востока — 358
Георгий Кипрский, византийский географ — 360
Герман, племянник Юстиниана — 121, 133, 147, 149, 150, 184, 250, 251, 252
Герман, дукс Дамаска — 346-348, 382, 391-394
Гермия, один из последних представителей кафедр афинской Академии — 53
Гермоген, посол к Каваду — 62
Геронтий, префект города — 263
Гефест, адвокат, префект-августал в Александрии — 230
Гибамунд, племянник Гелимера — 98
Гибр, византийский военачальник — 169
Гизульф, племянник Альбоина — 281
Гильдерих, сын Гунериха, царь вандалов — 27, 35, 89, 90, 92, 97, 98
Гильперих[1014] франкский царь — 326
Гильдерих, византийский полководец — 35
Глом, гуннский хан — 36

[1012] В первом случае этот человек ошибочно назван — «Басилид».
[1013] Ю. А. Кулаковский называет этого царя лангобардов во втором случае Вахоном.
[1014] В тексте — Хильперих, что в принципе возможно, но представляется нежелательным ввиду передачи в книге сходных имён именно через «Г».

Года, глава мятежа против вандалов в Сардинии — 95
Годила, кампидуктор — 54
Годила, византийский военачальник — 175
Гонтарид, византийский полководец — 134, 136, 137, 240, 246, 250
Гордия, жена Филиппика (см.), сестра Маврикия (см.) — 338, 396
Гормизд, папа римский — 20, 21, 22, 201
Грат, сенатор — 21, 24
Гретис, царь эрулов — 178
Григорий, епископ антиохийский — 294
Григорий (Великий), папа римский — 240, 335, 379, 387, 389, 391
Григорий, патриарх антиохийский — 297, 330, 331, 332, 334, 343, 348, 353, 354, 357, 386, 388, 389
Григорий, брат Ираклия, экзарха Африки (см.) — 379
Григорий Турский, франкский историк — 310, 336
Грод, хан гуннов — 175
Губаз, царь в Лазике — 125, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 170
Гудуин, византийский военачальник — 372, 377, 378

Даврита, славянский царь — 320
Дагисфей, византийский военачальник — 150, 152, 154, 162-163
Далмаций, один из последних представителей кафедр афинской Академии — 53
Далмаций, трибун — 175
Дамиан, один из военачальников в войске Нарзеса — 154
Дамиан, таксиарх в войске Тиверия — 283
Дамиан, монофизитский монах в Антиохии — 334, 335
Дамназ, царь Колхиды — 32
Деций, епископ Медиолана — ИЗ, 207, 212
Димитрий, епископ Кесарии Палестинской — 196
Димитрий, магистр армии — 141
Диоген, один из последних представителей кафедр афинской Академии — 53
Диоген, оруженосец Велизария — 147
Диогениан, магистр армии Востока — 19
Диоклетиан, римский император (284-305) — 46, 67, 218, 230, 327, 390
Дитибист, брат Юстина (см.) — 15
Диоскор, патриарх александрийский — 25
Диоскор, константинопольский адвокат — 69
Долбаз, знатный перс — 354
Доменциол, византийский полководец — 248, 359
Дометиан, епископ анкирский — 204
Домициан, епископ Мелитены — 338, 353, 354, 382, 387, 390
Домник, член римского сената — 115, 133
Дорофей, византийский полководец — 65
Дорофей, общий начальник федератов в войске Велизария — 91
Дорофей, профессор права в Берите — 70, 71
Дроктульф, лангбардский герцог — 363, 381

Евагрий, византийский историк — 138, 272, 274, 319, 338, 339, 357, 387, 396
Евгений, епископ Селевкии в Киликии — 208, 301
Евдемон, префект Константинополя — 74
Евдокия, дочь императора Валентиниана III, жена Гильдериха (см.) — 27
Евдоксия, императрица, жена императора Аркадия — 341
Евлогий, патриарх александрийский — 386
Евнапий, один из последних представителей кафедры афинской Академии — 53
Евримунт, зять Теодагата (см.) — 105, 106
Еврих, муж Амаласунты (см.) — 101
Евсевий, дипломат — 172
Евсевий, епископ Кизика — 232
Евсевий, комит федератов — 246
Евсевий, патриарх иерусалимский — 204, 205
Евтихий, патриарх антиохийский — 223
Евтихий, посол к тюркскому хану — 323
Евтальмий, константинопольский адвокат — 70
Евтихий, патриарх константинопольский — 210, 264, 327, 328, 330, 335

Евфимий, патриарх константинопольский — 19, 20
Евфимия, дочь Иоанна Каппадокийца — 232
Евфрасий, патриарх антиохийский — 25, 40, 41
Ельпидий, сенатор, посол к аварскому хану — 361
Ефремий, кандидат — 77
Епифаний, патриарх константинопольский — 23, 91, 195, 198
Есдиласа, мавританский царь — 101
Ефрата, посланник Юстиниана в Абазгию — 160
Ефрем, комит Востока — 40, 41
Ефрем, патриарх антиохийский — 59, 199, 204, 206

Заберган, хан кутургуров — 188, 189, 190, 255
Задеспра, персидский военачальник — 351, 353[1015]
Зам, сын Кавада (см.) — 30, 65, 150
Захария Ритор, сирийский писатель — 23, 28, 33, 78, 198
Захария, придворный врач и посол Юстина II — 297, 298, 310, 314, 316, 318
Зенон, византийский император (474-491) — 22, 32, 38, 88, 92, 185, 230, 254
Зилигд, гуннский хан — 36
Зимарх, брат Юстина (см.) — 15
Зимарх, комит Востока — 214
Зимарх, посол — 289-292, 323
Зимарх, префект Константинополя — 264-265
Зоанаб, персидский полководец — 351
Зоил, патриарх мелькитов — 206
Зоил, патриарх александрийский — 213
Зоора, монофизитствующий монах в Константинополе — 197, 200
Зотик, префект Константинополя — 235
Зу-навас, химьяритский царь — 28, 29

Игнатий, один из мастеров, строивших храм Св. Софии — 84
Издигун, персидский дипломат — 129, 130, 161, 166, 170, 172, 288
Илауф, организатор готского флота — 147
Илия, магистр армии — 203
Илия, патриарх иерусалимский — 53
Ильбальд, остготский царь — 116, 139, 154, 252
Ильдигер, зять жены Велизария — 132
Ильдигискл, член лангобардской королевской фамилии на византийской службе — 55
Иннокентий, епископ Маронеи — 195
Иоанн Антиохийский, византийский историк — 375, 395
Иоанн Арсакид, предводитель восстания в Армении — 120
Иоанн Асконаг, монофизитский богослов — 300
Иоанн Бикларийский, епископ города Герунда в Испании — 311
Иоанн Златоуст, патриарх константинопольский — 175, 221
Иоанн Каппадокиец, префект претория — 73, 75, 79, 80, 219, 225, 226, 227-233, 238, 239, 262
Иоанн Кирт, византийский полководец — 15
Иоанн Коменциол, византийский посол к Хосрову — 286
Иоанн Лидиец, известный византийский историк — 219, 226, 227, 239, 269
Иоанн Мистакон, командующий римских войск в Армении — 343, 353, 355, 357, 358, 63
Иоанн Никиусский, византийский историк — 337, 389
Иоанн Постник, патриарх константинопольский — 336
Иоанн Рогатин, магистр армии Африки — 137
Иоанн Троглита, магистр армии Африки — 137
Иоанн Фага, византийский военачальник — 127, 137, 151, 184
Иоанн Филопон, александрийский философ и учёный — 300, 301
Иоанн Эфесский, известный сирийский церковный историк — 208, 214, 233, 241, 259, 283, 294, 300, 301, 303, 307, 309, 312, 314, 319, 320, 322, 328, 332, 334, 338, 339, 341
Иоанн, сын Сисинниола, византийский военачальник — 136
Иоанн, сын Тимострата, начальник гарнизона в Нисибине — 295
Иоанн, епископ Константинополя — 201
Иоанн, епископ Фессалоники — 371

[1015] Ю. А. Кулаковский называет этого человека во втором случае Задеспратой.

Иоанн, патриарх александрийский — 215
Иоанн, патриарх константинопольский — 17, 19, 20, 21, 23
Иоанн, патриарх константинопольский[1016] — 299, 303, 327, 328, 340, 388,
Иоанн, папа римский — 26, 49, 102
Иоанн II, папа римский — 196
Иоанн IV, патриарх мелькитов — 332
Иоанн, патриарх антиохийский — 223
Иоанн, католикос в Феодосиополе — 359
Иоанн, византийский дипломат — 314
Иоанн, квестор двора — 336
Иоанн, комит царских щедрот — 236
Иоанн, константинопольский адвокат — 70, 71
Иоанн, иллириец, полководец в войске Велизария — 91, 92, 95, 96
Иоанн, командир морской экспедиции против гуннов — 175
Иоанн, племянник Виталиана, византийский полководец — 111-116, 140, 141, 144, 145, 150, 180, 184
Иоанн Арсакид, военачальник в войске Ареобинда — 135
Иоанн, сын Фомы, армянин, византийский военачальник — 164
Иоанн, брат Рустика (см.) — 168, 170
Иоанн, византийский полководец — 30
Иоанн, правитель Африки — 151
Иоанн, магистр армии Иллирика — 151, 152, 155, 156, 320
Иоанн, скриниарий — 227
Иордан, готский историк — 149
Ипатий, племянник Анастасия (см.) — 33, 76-79
Ипатий, епископ эфесский — 195, 196, 204
Ираклий, экзарх Африки, отец императора Ираклия (610-641) — 346, 349, 359, 373, 379
Ираклий, византийский император (610-641) — 240
Ириней, комит Востока — 21
Ириней, дукс Палестины — 52
Ириней, византийский полководец — 35
Иродиан, посол к тюркскому хану — 323
Иродиан, сподвижник Велизария — 250, 252
Исаак, византийский военачальник — 62, 144
Исидор — один из последних представителей кафедры афинской Академии — 53
Исидор из Милета, архитектор — 81

Кабус, лахмидский династ — 294
Кавад, персидский шах (481-531) — 27, 29, 30, 32, 33, 36, 52, 61-65, 90, 126, 150
Кайс, сын Ареты, филарх маабитов — 60
Каллиник, экзарх Равенны — 385, 386
Каллоподий, кубикуларий и царский оруженосец — 74
Калоним, адмирал флота — 91, 94
Калотих, кубикуларий императорского двора — 199
Каллук, магистр армии Иллирика — 179
Кандид, епископ Сергиополя — 120
Кандих, посол от Баяна (см.) — 192
Каос, старший сын Кавада — 30
Карамалл, актёр-плясун ипподрома — 38
Карин, комит — 41
Кассиодор, римский историк VI в. — 104
Каст, византийский военачальник — 362
Келер, магистр оффиций — 16, 22, 23
Киприан, византийский военачальник — 140, 141, 143
Кир, сын Вакха (см.), правитель Пентаполя — 134
Кириак, патриарх константинопольский — 388, 393
Кирик, византийский полководец — 35
Кирилл Скифопольский, известный ранневизантийский агиограф — 21, 53
Кирилл, византийский полководец — 90, 91, 96
Клеопатра, дочь Маврикия (см.) — 341

[1016] Речь идёт о разных лицах, живших соответственно в начале и в конце VI в.

Клеф, царь лангобардов — 284, 380
Кокка, готский воин — 152
Коменциол, оруженосец Маврикия, византийский полководец — 349, 353, 354, 361-363, 374-377, 392, 394
Комит, посол к Баяну (см.) — 280
Комито, сестра Феодоры (см.) — 56
Конон, вождь исавров — 111, 143
Конон, епископ Тарса — 206, 300, 301, 302
Конон, командир императорских войск в Риме — 252
Константин I, Великий, римский император (306-337) — 218, 234, 242, 252, 390
Константин Багрянородный, византийский император (913-959, до 945 — номинально) — 16, 42, 47, 265
Константин, профессор права в Константинополе — 68, 70, 71
Константин, константинопольский адвокат — 70
Константин Лард, сенатор — 393, 395
Константин, один из военачальников в войске Велизария — 107
Константин, византийский военачальник — 319
Константина, августа, императрица, жена Маврикия (см.) — 341,391,395
Константина, дочь Тиверия — 336
Константиниан, византийский военачальник — 180
Констанциан, византийский полководец — 105, 107, 116, 117, 184
Констанциан, адвокат, посол от императора к Хосрову — 127, 129, 161
Констанций, римский император (337-361) — 37
Констанций, трибун — 384
Констанциол, дукс Мезии — 64, 75
Корипп, византийский поэт VI в. — 137, 215, 273, 275, 276, 285
Косма, димарх венетов — 392, 394
Кох, посол к Приску от аварского хана — 367
Кратин, магистр царских щедрот — 70
Кунимунд, царь гепидов — 279
Курс, византийский военачальник — 293, 310, 311, 316, 344
Куцина, мавританский царь — 101, 136, 137, 138

Лев, византийский император (457-474) — 15, 31, 90, 209, 225, 230
Лев, папа римский — 19, 20, 24, 198
Левтарид, аламанский вождь — 155-157
Леовегильд, вестготский царь — 286
Леонид, константинопольский адвокат — 70
Леонтий, член комиссии кодификации права — 68
Леонтий, сенатор, посол к Теодебальду — 146
Леонтий, константинопольский адвокат — 70
Леонтия, августа, императрица, жена Фоки (см.) — 394
Либеларий, дукс Дары — 34
Либерат, дьякон — 202
Либерий, член римского сената — 103, 148, 149, 151, 204
Лилий, палач Маврикия (см.) — 394
Лонгин, экзарх Равенны — 283, 379
Лотарь, царь франков — 157, 279
Лупицина, императрица жена Юстина (см.). Царское имя — Евфимия — 38, 42

Мавризион, византийский военачальник — 384
Маврикий, византийский император (582-602) — 191, 239, 241, 314, 316-319, 321, 336-338, 342-345, 349, 352, 354-356, 358, 361, 363, 364, 370, 371, 374, 380, 385-387, 389-396
Магн, друг Мундара (см.) — 342, 343
Магн, интендант в армии Востока — 296
Мадисинисса, мавританский царь — 101, 130
Македоний, патриарх константинопольский — 19, 20
Максимин, член римского сената — 115
Максимин, префект претория — 141
Малала (Иоанн Малала), известный византийский хронист VI в. - 29, 33, 35, 36, 41, 57, 62, 138, 185, 263,
Марий, епископ Авентики — 157
Марин, иллюстрий — 20
Маркиан, племянник Юстиниана — 138
Маркиан, византийский император (450-457) — 209, 216, 239

Маркий, готский военачальник — 107
Маркиан, главнокомандующий на Востоке — 294, 295, 296, 311
Мартин, один из военачальников в войске Велизария — 110, 113, 115, 127, 128, 132, 167-170
Мартин, дукс Халкиды — 335, 362
Мартин, византийский военачальник — 318
Мартин, комит экскувитов — 263
Маруза, персидский военачальник — 347
Марцелл, главнокомандующий в Нумидии — 133
Марцелл, брат Юстина II — 241, 274, 275, 338
Марцелл, племянник Юстиниана, комит экскувитов — 147, 232
Марцеллин, комит — 39
Марцеллин, византийский хронист — 185
Марцений, начальник гарнизонов в Нумидии — 137
Массона, мавританский царь — 101
Масрук, царь химьяритов — 291
Мастина, мавританский царь — 101
Мебод, персидский полководец — 33
Мебод, командир гарнизона в Нисибине — 345, 349
Мебод, сын Сурены, персидский дипломат — 287, 314
Мегас, епископ Берои (Алеппо) — 121
Мезамир — посол к Баяну (см.) от антов — 192
Менандр Протектор, византийский историк — 172, 288, 289, 293, 319, 322, 323, 324, 326, 328
Мермероис, персидский полководец — 60, 162-168, 170
Метасвинта, дочь Амаласунты (см.) — 101, 106, 112, 116, 139, 150
Мина, префект претория — 69, 71
Мина, константинопольский адвокат — 70
Мина, патриарх константинопольский — 200, 203, 205, 207, 208, 210
Михрам, персидский полководец — 294
Моисей, католикос в Двине — 359
Муагерий, гуннский хан — 175
Мунд, магистр армии в Иллирике — 54-56, 64, 75, 77, 78, 103, 151, 185, 199
Мундар, гассанидский династ — 294, 311, 312, 318, 319, 333-335, 342-343, 387
Мундила, военачальник в войске Велизария — 113
Мусокий, славянский царь — 367
Мусоний, префект Константинополя — 220, 262[1017]
Мушег Мимиконид, армянский военачальник — 359

Нааман, сын Мундара (см.) — 343
Набед, персидский полководец — 128
Надой, персидский посол — 314
Назар, византийский военачальник — 184
Нарзес, оруженосец Коменциола — 346, 354-356
Нарзес, персидский полководец армянского происхождения, перешедший затем на службу императору — 34, 61, 116.
Нарзес, известный византийский полководец VI в. — 65, 113, 114, 151, 152, 154-157, 159, 179, 181, 183, 187, 212, 249, 281
Нахогаран, персидский полководец — 167-170
Несторий, патриарх константинопольский — 19, 49, 207
Нонн, дипломатический агент Юстиниана по сношениям с Востоком — 30, 60

Одонах, византийский военачальник — 163-165
Опилион, член римского сената — 103
Опсит, царь абазгов — 161, 163
Ортайя, мавританский царь — 101
Охон, царь эрулов — 178

Павел, нотарий — 23

[1017] Ю. А. Кулаковский проявляет непоследовательность в транскрипции данного имени. Этот человек назван у него то Мусоний, то Музоний. (Научный редактор нового издания «Истории Византии» был не более последователен как в этом, так и в других случаях. Многочисленные разночтения в тексте исправлены издательским корректором. (прим. *Издателя*).

Павел, знаменитый римский юрист — 70
Павел, патриарх антиохийский — 24
Павел, патриарх антиохийский[1018] — 301, 302
Павел, патриарх александрийский — 202-204
Павел, силенциарий — 86
Павел, сын Маврикия (см.) — 341
Павел, один из вождей исавров, посланных в подкрепление Велизарию — 111
Павел, отец Маврикия (см.) — 338
Павел Диакон, итальянский средневековый историк — 282, 284, 337, 381
Павел Киликиец — посол к тюркскому хану — 323
Памфроний, римский сенатор — 157, 325
Папиниан, знаменитый римский юрист — 68, 70
Папп, один из начальников конницы в войске Велизария — 91
Патерн, епископ города Томы — 23
Патрикий, магистр армии Востока — 33, 58
Патрикий, сын Мунда — 105
Пелагий, папа римский — 143, 144, 158, 204, 207, 212
Пелагий, апокрисиарий Вигилия (см.) при императоре — 203
Пелагий II, папа римский — 379-382
Передео, убийца Альбоина (см.) — 283, 284
Пероз, персидский полководец — 62
Пётр, византийский дипломат — 314
Пётр, византийский военачальник — 127
Пётр, епископ Апамеи — 200
Пётр, магистр двора — 47
Пётр, магистр оффиций — 254
Пётр Варсима, префект претория — 219, 234, 238, 265
Пётр Киликиец, доместик Велизария (см.) — 148
Пётр, патриарх иерусалимский — 204
Пётр, патриарх монофизитов — 332, 334
Пётр, стратилат, византийский полководец — 34, 35
Пётр, секретарь Юстиниана — 124, 125
Пётр Ивер, епископ Майюмы — 32
Пётр, посол от императора — 102-105, 172, 174
Пётр, брат императора Маврикия (см.) — 241, 338, 342, 368-371, 377, 378, 390, 392, 394, 397
Пётр, сын Маврикия (см.) — 341
Пирогост, славянский вождь — 370
Платон, константинопольский адвокат —70
Помпей, племянник Анастасия (см.) — 76, 78, 79
Порфирий, актёр-плясун ипподрома — 38
Презентин, константинопольский адвокат — 69
Презентин, доместик Петра, брата Маврикия — 394
Приск, комит экскувитов — 46
Приск, византийский полководец — 346, 367, 368, 371-373, 376, 377, 391
Прискиан, один из последних представителей кафедры афинской Академии — 53
Присциан, ритор и грамматик, учитель Юстиниана — 18
Проб, дукс — 352
Проб, епископ Халкидона — 357
Проб, племянник Анастасия (см.) — 76
Прокл, квестор — 30, 31
Проклиан, дукс Финикии — 61
Прокопий Кесарийский, известный византийский историк VI в. — 29, 30, 34, 35, 46, 55, 59, 62, 66, 73, 74, 81, 82, 84, 89, 95, 107, 108, 110, 111, 115, 127, 128, 187, 189, 224, 227, 229, 231-233, 237, 238, 240, 241, 243, 248-250, 252, 254, 258, 261, 262, 269-271
Прокопий, префект Константинополя — 264
Просдокий, константинопольский адвокат — 70
Псой, дьякон — 203, 204
Пуденций, глава мятежа против вандалов в Триполитании — 90

[1018] Речь идёт о разных людях, живших в первой и второй половине шестого века н. э. соответственно.

Реквинарий, посол к Хосрову от императора — 129
Рекифанг, византийский военачальник — 163
Репарат, член римского сената — 112, 114
Репарат, епископ карфагенский — 137, 209
Ретилон, племянник Кунимунда — 279
Родон, префект Египта — 204
Розамунда, дочь царя гепидов Кунимунда — 279, 283, 284
Роман, экзарх Равенны — 384, 385
Роман, византийский военачальник — 316, 318
Рустик, пресвитер — 104
Рустик, казначей армии — 167, 168, 170
Руфин, византийский дипломат — 33, 63—66
Руфин, доместик, один из начальников конницы в войске Велизария — 91, 130
Руфин, язычник, инициатор беспорядков в Гелиополе — 329

Сабиниан, апокрисиарий Маврикия — 388
Савва, знаменитый монах в Палестине — 54, 204, 224
Сайф, царь химьяритов — 291
Салах, посол от аварского хана — 322
Сальвиан, византийский военачальник — 366
Самбика, дочь Кавада (см.) — 27
Саммона, епископ в Иерусалиме — 52
Сандильх, славянский царь — 188
Сарам, персидский полководец — 350, 351
Саросий, царь алан — 192, 289, 290
Свартуя — царь эрулов, «назначенный» Юстинианом — 178, 180, 254
Себеос, армянский историк — 358, 359
Себохт, персидский посол в Константинополе — 293
Север, патриарх антиохийский — 19, 21, 22, 24, 25, 194, 200, 201, 206, 214, 300, 328
Севериан, префект Константинополя — 331
Сезоис, высший сановник в Иране при Каваде — 33
Сергий, дьякон — 64
Сергий, адвокат, посол от императора к Хосрову — 127, 129, 161
Сергий, византийский военачальник — 294
Сергий, димарх прасинов — 392
Сергий, начальник гарнизона Нисибина — 296
Сергий, патриарх антиохийский — 206
Сергий Решайнский, врач и священник в Сирии — 199
Сергий, сын Вакха (с.м.), правитель Триполиса — 134-136
Сигиберт, царь франков — 279
Сильван, епископ химьяритов — 28
Сильван, именитый гражданин Скифополя — 52
Сильверий, папа римский — 106, 110, 201, 202
Сильзибул, тюркский хан — 191, 288
Симеон, епископ Бет-Арсамский — 28
Симеон, разработчик золотых россыпей — 61
Симеон, архимандрит монастыря в городе Габала — 28
Симеон, глава администрации Великой Армении — 119
Симмах, сенатор — 76, 133
Синдвальд, царь эрулов — 158
Синион, один из командиров союзных войск в войске Велизария — 91, 187[1019]
Ситта, византийский полководец — 34, 56-58, 60, 61, 64, 65, 118, 120, 171, 247
Сиф, начальник гарнизона в Сингидоне — 321
Скепарна, царь абазгов — 161
Соломон, доместик Велизария — 91, 97, 100, 130-132, 134, 135, 198
Солхан, начальник персидского гарнизона в Нисибине — 353
Сотерих, византийский военачальник — 168, 170
София, императрица, августа, жена Юстина II — 273, 274, 275, 277, 282, 298, 303, 309-310, 337, 391

[1019] Во втором случае фамилия этого человека написана с двумя «н» — Синнион.

Стефан, константинопольский адвокат — 70
Стефан, оруженосец Тиверия — 345
Стотца, оруженосец Мартина (см.) — 132, 133, 135-136, 137, 250
Стратигий, комит царских щедрот — 117, 195
Стратигий, ответственный за выдачу жалованья рабочим, строившим храм Св. Софии — 85
Сумм, дукс Палестины — 117
Сурена, персидский дипломат — 172
Сурена, персидский полководец — 292
Схоластик, византийский военачальник — 184
Сцевола, знаменитый римский юрист — 70

Табари, знаменитый арабский историк — 291, 350
Тагман, тюркский посол в Византию — 290
Таргитай, посол аварского хана — 275, 280, 321, 361
Тарду, один из тюркских ханов — 324
Тамхосров, персидский полководец — 311, 314, 315, 319, 358
Татиан, магистр оффиций — 254
Татимер, византийский военачальник — 367, 368
Таттимунт, византийский полководец — 90
Тафар, арабский филарх — 61
Тевдис, царь вестготов — 94, 96, 149
Тейя, племянник Тотилы (см.), остготский царь — 151, 152, 154, 155
Теодебальд, царь франков — 146, 157
Теодеберт, царь франков — 103, 106, 113, 114, 145, 146, 325
Теоделинда, дочь Гарибальда, жена Автариха — 383, 385
Теодигискл, сын Теодагата (см.) — 106, 149
Теодорих, остготский царь — 26, 54, 88, 89, 101, 102, 106, 131, 141, 150, 179, 185, 194, 246, 250, 255, 269 Теодорих, византийский военачальник — 318, 319
Тиберий, римский император (14—37 гг.) — 68
Тиверий, византийский император (578-582 гг.) — 72, 273, 278, 280, 281, 298, 304, 310-317, 320, 322, 324, 326, 329, 331-333, 335, 336, 337, 339, 340, 342, 343, 365, 371, 379, 386, 390
Тиверий, сын Маврикия (см.) — 341
Тимострат, византийский полководец — 30
Тимострат, дукс Дары — 61
Тимофей Элур, патриарх александрийский — 25
Тимофей IV, патриарх александрийский — 25, 26, 199
Тимофей, константинопольский адвокат — 70
Тиранке, гуннский хан — 36
Тодасий, царь эрулов — 178, 180
Торизин, царь гепидов — 180
Торимут, византийский военачальник — 142
Тотила, племянник Илибальда (см.), остготский царь — 116, 140-155, 158, 164, 184, 210, 249, 250, 252 Трасимунд, царь вандалов — 27, 89
Траян, патриций, византийский посол к Хосрову II — 310, 311
Трибониан, магистр канцелярии прошений и судебных дел — 68-71, 73, 75, 79, 80
Трибониан, квестор двора — 217
Трибун, знаменитый константинопольский врач — 129
Трифон, префект Константинополя — 55, 79
Турксанф, тюркский хан — 323, 324, 350, 373
Тцафий, царь лазов — 168

Улиарис, военачальник в войске Велизария — 93
Улигаг, эрул на византийской службе — 163
Улисигаг, готский полководец — 107
Ульпиан, знаменитый римский юрист — 68, 70
Урайя, племянник Витигеса (см.) — 112-117
Устригот, царь гепидов — 180

Фабриз, персидский полководец — 161, 162
Факунд, африканский богослов, епископ Гермианы — 208, 209
Фалькарид, царь эрулов — 156
Фара, царь эрулов — 91, 96, 97

Феликс, епископ Тарвизия — 281
Феогнид, посол к аварскому хану — 322
Феодагат (Теодагат), сын Амалафреды (см.), остготский царь — 102, 103, 104, 105, 106, 158, 177, 201
Феодор, врач и посол — 368
Феодор, дукс Палестины — 52
Феодор, византийский военачальник — 310—311
Феодора, императрица, жена Юстиниана — 42, 45, 46, 52, 53, 57, 77-79, 83, 86, 127, 146, 194, 205, 208, 211, 229, 231, 232, 237, 249, 255, 271, 272
Феодор Аскида, епископ в Кесарии Каппадокийской — 204, 207, 210
Феодор Каппадокиец, офицер, приближённый к Соломону — 130, 132
Феодор Тегенист, префект Константинополя — 38, 39
Феодор, инженер в крепости Дара — 123
Феодор, византийский военачальник — 167, 169, 171, 293, 294
Феодор, епископ Бостры — 206
Феодор, епископ Мопсуестийский — 207, 21
Феодор, комит царских щедрот — 314
Феодор, магистр Африки — 285
Феодор, римский адвокат — 144
Феодор, сын Вакха, посол к Хосрову — 312, 313, 316
Феодосий I (379-395), римский император — 243
Феодосий II (408-450), византийский император — 174, 209, 242, 253, 268
Феодосий, сын Маврикия (см.) — 341, 390-393, 395
Феодосий Стикка, иллюстрий — 29
Феодосий, патриарх александрийский — 202, 203, 205, 206, 299
Феодосий, патриарх антиохийский — 199
Феодот, префект Константинополя — 39
Феодот, префект претория — 233, 234, 251
Феокрит, племянник Амантия (см.) — 18, 20
Феоктист, магистр армии — 285
Феоктиста, сестра Маврикия (см.) — 338, 382, 385
Феоктиста, дочь Маврикия (см.) — 341
Феофан Византийский, византийский хронист времен Маврикия — 191
Феофан Исповедник, известный византийский хронист — 35, 39, 185, 255, 278, 298, 309, 373, 375, 395
Феофил, комит консистория, профессор права — 68, 70
Феофил, посланник императора — 329, 330
Феофилакт Симокатта, византийский историк — 240, 290, 339, 343, 349, 350, 357, 365, 366, 370, 372, 373, 375-378, 390, 391, 396
Ферогдат, посол к Тиверию от Хосрова — 316
Ферранд, дьякон карфагенской церкви — 196, 207, 213
Фиделий, член римского сената —106
Филемут, царь эрулов — 150, 155, 156, 180
Филиппик, зять Маврикия (см.) — 338, 342, 344-346, 348, 349, 375, 395, 396
Филоксен, консул 525 г. — 19
Филомафий, византийский военачальник — 169
Фока, патриций — 53
Фока, бывший магистр армии — 68, 75
Фома, квестор — 53
Фока, сын Кратера, префект претория — 226
Фока, византийский военачальник в войске Велизария (см.) — 143
Фока, византийский император (602-610) — 375, 378, 386, 389, 392-394, 397
Фома, византийский дипломат — 66
Фома, глава администрации Четвертой Армении — 119
Фома, квестор двора — 68
Фома, асикрит — 77, 78
Фотий, сын Антонины (см.), пасынок Велизария (см.) — 301
Фронтин, митрополит Иллирика — 212
Фтасааран, сын Кавада (см.) — 27

Харито, дочь Тиверия — 336
Хильбудий, магистр армии во Фракии — 56, 182, 183, 185
Хильдеберт, царь франков — 157, 380, 381

Хиниал, хан гуннов-кутургуров — 180, 187
Хлотсвинта, дочь Лотаря, царя франков — 283
Хормизд, шах Сасанидского Ирана (579-590) — 191, 317, 349, 351
Хосров, шах Сасанидского Ирана (Хосров I — 531-579) — 129, 134, 146, 159, 160-162, 165, 166, 170, 172, 174, 191, 234, 250, 251, 268, 286, 287, 293, 295-298, 300, 312, 314, 317, 326
Хосров II, шах Сасанидского Ирана (591-628) — 347, 351-358, 364, 393

Цафий, сын Дамназа (см.), впоследствии силенциарий двора — 32, 33
Цазон, брат Гелимера[1020] (см.) — 96, 101, 103, 104
Цетег, глава римского сената — 143, 210
Цервентин, член римского сената — 110

Шаба, хан западных турок — 350
Ширин, любимая жена Хосрова II — 357

Эла-Ашбеха, царь аксумитов — 29
Эрарих, остготский царь — 116, 117
Эсимфей, царь химьяритов — 29
Эсимфей, родственник Кайса (см.) — 60
Эферий, сенатор — 277

Ювентин, дукс Халкиды — 294
Юлиан Галикарнасский, теолог-монофизит — 25
Юлиан, пресвитер — 206
Юлиан, посол к химьяритам — 60
Юлиан, бывший префект Константинополя — 77
Юлиан, префект Константинополя[1021] — 331
Юлиан, референдарий — 265
Юлиан, сын Савара, глава первого самаритянского восстания — 52
Юст, племянник Юстиниана — 78
Юст, сын Германа (см.), византийский военачальник — 126, 181
Юстин, начальник гарнизонов в Скифии — 54
Юстин, сын Германа (см.), византийский военачальник — 140, 141, 152, 166, 167, 169, 171, 174, 240, 272-275, 277
Юстин, сын Маврикия (см.) — 341
Юстин I, византийский император (518-525) — 15-18, 21-23, 26, 27, 29, 30, 35-41, 44, 56, 61, 79, 124, 185, 192, 201, 253, 254, 256, 274, 324 Юстин II, византийский император (565—578) — 72, 189, 193, 203, 241, 253, 254, 264, 272-275, 277-280, 284, 286, 289, 292-296, 298-312, 314, 326, 327, 329, 333, 349, 358, 379
Юстиниан, византийский император (527-565) — 18, 19, 21, 23, 25-27, 29-30, 34, 35, 38, 39, 42, 47, 48, 51, 53, 56, 58-60, 62-64, 73, 75, 83, 84, 88-90, 98-101, 103, 105, 112, 113, 116, 117, 120, 123, 127-130, 134, 136, 138, 139, 145, 148-150, 159-163, 167, 168, 170, 172, 174-185, 190, 192-198, 201, 205, 206, 210, 211, 221, 224, 227-235, 237-254, 256-258, 260, 261, 264-274, 277, 286, 288, 298, 300, 303, 308, 310, 311, 317-320, 320, 325, 333, 344, 360, 378, 379, 390, 391 Юстиниан, сын Германа (см.), магистр армии востока — 181, 292, 311, 313, 314, 315, 358.
Юстиниан, сын Маврикия (см.) — 341.

Яков, константинопольский адвокат — 70
Яков, придворный врач Хосрова I — 298
Яков Барадей, епископ Эдессы — 206, 213, 299, 300, 302, 332, 333, 334
Яуда, мавританский царь — 101, 131, 134, 136, 137.

[1020] В тексте ошибочно имя этого человека во всех случаях передано — «Цацон».
[1021] Речь идёт о разных лицах.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ[1022]

Аббас, сын аль-Валида (см.) — 278, 279, 295
Абдалла, сын Абд-аль-Малика (см.) — 246, 270
Абдалла, сын Каиса (см.) — арабский флотоводец — 227
Абд-Аллах б. Саад, соправитель Амра (см.), затем наместник Египта — 182, 188, 191, 212
Абд-Аллах, сын Амра (см.), правитель Египта — 212
Абд-аль-Малик, халиф — 191, 240, 243, 245, 246, 250, 251, 252, 266, 270, 278
Абдаррахман, арабский полководец — 198, 219, 222
Абу Бекр, преемник Мухаммада, халиф — 138, 142, 150-152
Абулафар, командир арабского флота — 195
Абунданций, епископ Патерна (Палермо) — 232
Абу Зур Тариф, вольноотпущенник Мусы (см.) — 298
Абу Убайда, арабский полководец — 139, 147, 148, 152
Августина, дочь императора Ираклия — 159
Авраам, патриарх двинский — 120
Авраам, митрополит Нисибина — 124
Агафон, папа римский — 231, 233, 234, 235, 240
Агафон, диакон — 290, 291, 292
Агилюльф, царь лангобардов — 17, 51
Агнелл, историк равеннской церкви — 280, 282, 287
Адеодат, папа римский — 229
Азармидохт, дочь Хосрова (см.), царица Ирана — 126, 150
Александр, убийца самозванца Феодосия (см.) — 7, 8
Али, халиф — 196, 212
Али, командир арабского флота — 226
Альциок (Альцек), болгарский хан — 87
Амр ибн Аси, один из арабских полководцев во главе войска, двинувшегося в Сирию — 138, 139, 144, 147, 153, 154, 163, 164, 171, 173, 174, 182-184, 212
Анастасий, византийский император (491-518) — 297
Анастасий, заместитель наместника Египта — 163
Анастасий, пресвитер — 41
Анастасий, патриарх александрийский — 43
Анастасий, патриарх антиохийский — 14
Анастасия, дочь императора Ираклия — 159
Анастасия, мать Юстиниана II — 256
Андрей, епископ критский — 292
Андрей, посланник Ираклия — 90
Андрей, убийца императора Константа (см.) — 213
Андрей, посол от императора к Муавии — 223, 224, 225
Андроник, монофизитский патриарх Египта — 47, 127
Антиох Стратиг, византийский писатель — 13, 36, 37, 112
Антонин, помощник Валентина Аршакуни — 179
Апсимар (Тиверий II), византийский император (698-705) — 267, 268, 269, 270, 271, 274, 275, 291, 292
Ариперт, царь лангобардов — 209
Аркадий, византийский император — 301
Аркадий, епископ кипрский — 121, 130, 173
Артабун (Аретион), византийский полководец — 154
Аспад-Гушнасп, военачальник персидской гвардии — 98, 99, 101
Аспарух, болгарский хан — 237, 239
Ардашир, основатель династии сассанидов — 66
Ардашир, сын Широе Кавада (см), персидский шах — 105, 107, 115, 116, 118
Артавазд, стратиг фемы армениаков — 302, 308
Артемий (Анастасий II), византийский император (713-715) — 297, 298, 300, 301, 302, 319, 307, 308, 312
Атриба, командир в войске Воноза — 13
Афанасий, комит царских щедрот — 10
Афанасий, член посольства к аварскому хану — 53, 78
Афанасий, патриарх константинопольский — 75,131
Афанасий, патриарх антиохийский — 44, 117, 118, 123, 124, 131
Аштар-Йестайар, персидский полководец — 11, 12[1023]

[1022] Указатель составлен А. Г. Грушевым. В указатель не включались имена из экскурсов (приложений).

Байан, аварский хан — 52
Байан (Батбайан), старший сын Кубрата (см.) — 237
Барсаума, сирийский учёный и теолог — 117
Барсамуисс, знатный ибер — 94
Бенедикт II, папа римский — 240
Бонакис, начальник отряда, выступивший в поддержку Ираклия в Триполитании — 20, 21
Бонифаций III, римский папа — 17
Бонифаций IV, римский папа — 17
Бонифаций, консилиарий папской курии — 262
Боран, дочь шаха Хосрова, жена Широе Кавада — 116, 125, 126
Бусур, арабский полководец — 218

Ваан, стратилат в войске Ираклия — 93, 108, 143, 144, 145
Ваган Хорхоруни, один из заговорщиков против Ираклия — 157, 181
Валентин Аршакуни, оруженосец Филагрия (см.) — 164, 168, 169, 171, 173, 178, 179, 187, 216
аль-Валид, старший сын Абд-аль-Малика, халиф — 278, 300
Вараз-Тироц, правитель персидской Армении — 122, 157, 181
Варисбакурий, протопатрикий, стратиг фемы Опсикия — 276, 287
Вениамин, монофизитский патриарх Египта — 47, 127, 128, 184
Вениамин, иудейский вельможа — 112
Вениамин, папа римский — 213
Вигилий, папа римский — 121, 130, 233, 282
Виктор, епископ файюмский — 129
Виталиан, папа римский — 204, 205, 212, 214, 230
Витица, вестготский царь — 288
Вон, магистр, регент при Константине, сыне Ираклия, во время отсутствия Ираклия — 73, 75, 76, 80, 81, 85
Воноз, византийский полководец — 13, 20, 21, 22, 23, 25, 26
Вутилин, кандидат[1024] —31

Гамазасп Мамиконян, куропалат, правитель Армении — 196
Гевонд, армянский историк — 270
Геннадий, экзарх Африки — 19
Георгий, префект Африки — 141
Георгий Кедрин, византийский хронист — 208
Георгий Кипрский, византийский географ VI в. — 140
Георгий Писида, византийский писатель — 51, 52, 57-62, 66, 75, 86, 93, 113, 315, 316
Георгий Синкелл, византийский хронист — 54
Георгий Вураф, комит фемы Опсикия — 296, 297, 307
Георгий, патриарх александрийский — 127, 128
Георгий, патриарх константинопольский — 232, 257
Георгий, пресвитер, член посольства от папы римского в Константинополь — 232
Георгий, сын Иоанникиса, правитель Равенны — 282, 293
Георгий, турмарх в войске Ираклия — 94, 97, 108
Георгий, патриций — 79
Георгий Сириец, патриций — 284
Георгий, экзарх Африки — 185, 186, 187
Герман, главнокомандующий армией на восточной границе — 6, 7, 8, 9, 10, 11
Герман, патриарх константинопольский — 292, 302, 312, 313
Гиза, сестра Ромвальда (см.) — 210
Годеперт, сын Ариперта (см.) — 209
Гонорий, папа римский — 130, 131, 158, 165, 233, 292
Григорий, диакон — 281, 282 Григорий, магистр армии — 20
Григорий, брат Ираклия — 19
Григорий, папа римский — 4, 5, 17, 48, 119
Григорий, префект, придворный евнух — 203
Григорий, экзарх Африки — 187, 188, 189, 206, 212
Григорий, сын Феодора, брата императора Ираклия — 192, 193
Григория, дочь Никиты, двоюродного брата Ираклия — 29, 110, 111
Гримвальд, царь лангобардов, впоследствии — герцог беневентский — 87, 209, 210

[1023] Во втором случае это имя у Ю. А. Кулаковского написано без дефиса.
[1024] Кандидат — особый разряд придворных чинов военного звания.

Гунтимир, вестготский царь — 48

Давид, сын императора Ираклия — 111 , 158, 171
Давид, логофет — 171
Давид, один из армянских военачальников в войске Ираклия — 108
Давид Сааруни, правитель византийской Армении — 157
Давид Уртайя, военачальник армянского войска — 179, 180
Дагобер, франкский царь — 85, 87, 141
Дамиан, патриарх александрийский — 43
Даниил, префект Синопа, глава посольства к халифу — 300
Джабала б. ал Айхам, гассанид — 145, 146
Джебухан, верховный повелитель державы западных турок — 90
Доменциан, командир византийских подразделений в Египте — 155, 163, 167, 168
Доменция, дочь Фоки (см.) — 14
Доменциол, брат Фоки — 3, 10, 24, 26
Дометий, один из ближайших ко двору императора Ираклия патрициев — 159
Домициан, епископ, родственник императора Маврикия — 4
Домициан, римский император (81-96) — 117
Дон, магистр, византийский полководец — 177
Дон, папа римский — 229, 230, 231

Евгений, один лидеров монофизитских общин в Египте — 117
Евгений, папа римский — 204
Евдокиан, брат Доменциана (см.) — 167
Евдокия, императрица — 35, 147
Евдокия, дочь Ираклия — 28
Евлогий, патриарх александрийский — 119
Евстафий, табуларий при Ираклии в действующей армии — 101, 103
Евстафий, житель Неаполя (Сихема) — 112
Евстафий, магистр — 159
Евстафий, магистриан — 131
Евтихий, арабский христианский историк — 112, 114, 124
Езр, католикос армянской церкви[1025] — 122, 126, 127, 180
Елевферий, экзарх Равенны — 49
Елевферий, правитель Африки — 189
Елена, мать императора Константина — 37
Ельпидий, иллюстрий — 11
Епифаний, патриций, посланник от императора — 207, 208

Зайд, названный сын Мухаммада — 136, 137
Захария, патриарх иерусалимский — 36, 37, 43, 47, 114, 118
Захария, протоспафарий — 262, 263
Зенон, византийский император — 104, 117, 297
Зороастр, основатель иранской религии — 66
аз-Зубайр, арабский полководец — 155

Ибузир Глиаван, хазарский хан — 273
Ийад, арабский полководец — 148, 149, 150, 151, 180
Илия, правитель Херсона — 283, 285, 287
Илия Барсок, магистр армии в войске Ираклия — 101
Илия Нисибинский, сирийский хронист — 222, 267
Иоанн, августал Египта — 20
Иоанн, византийский полководец — 154
Иоанн, влиятельный евнух при дворе — 186
Иоанн, дьякон патриарха Кира (см.) — 129
Иоанн, патриций, командующий византийским флотом — 266, 267
Иоанн, генеральный логофет, командующий византийским флотом — 300, 301
Иоанн, магистр императорской канцелярии — 10
Иоанн, префект Константинополя — 284

[1025] Всех католикосов армян Ю. А. Кулаковский называет то католикосами, то патриархами. За этим скрывается не более чем непоследовательность словоупотребления автора.(См. примечание Издателя на стр. 437).

Иоанн Катея, правитель Осроены — 148, 149, 160
Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский — 38, 44, 46, 118, 127
Иоанн Пелларий, представитель императора — 201
Иоанн, диакон, член посольства от папы римского в Константинополь — 232
Иоанн, епископ Порта — 232, 262
Иоанн, епископ Регия — 232
Иоанн, епископ Филадельфии, викарий папы на сирийском Востоке — 200
Иоанн, один из ближайших патрициев ко двору императора Ираклия — 159
Иоанн, папа римский — 132, 165, 177, 178, 206
Иоанн V, папа римский — 229, 279
Иоанн VII, папа римский — 279, 280
Иоанн, патриарх константинопольский — 292, 297, 298, 299
Иоанн, патриарх феодосиопольский — 120
Иоанн, побочный сын патриция и магистра Вона — 58
Иоанн, правитель области Антинуполя в Египте — 164
Иоанн, синкелл патриарха Афанасия — 118
Иоанн, соперник католикоса Комитаса (см.) в церковных спорах — 126, 127
Иоанн, спафарий — 10
Иоанн, экзарх Равенны — 49
Иоанн, несторианский епископ — 125
Иоанн, глава монофизитской церкви — 124
Иоанн (Аларих), незаконный сын Ираклия[1026] — 58, 157
Иоанн Крукис, димарх прасинов — 8
Иоанн Мосх, византийский писатель — 8
Иоанн Никиусский, византийский историк — 13, 14, 17, 23,30, 44, 88, 154, 170, 171, 172, 174, 175, 179, 216
Иоанн Пицигавд, патриций, посол к Муавии (см.) — 228
Иоанн Ризокоп, экзарх Равенны — 279, 282, 293
Иоанн Струф, спафарий — 287
Иоанн Схим — заведующий раздачей хлеба в Константинополе — 76
Иоанн Схоластик, патриарх константинопольский — 260
Иоанникис, нотарий — 281
Иосиф, житель Эдессы — 122
Иосиф, автор сочинения «Доктрина новокрещенца Якова» — 141
Ираклий, экзарх Африки, отец императора Ираклия — 19, 24
Ираклий, византийский император (610-641) — 10, 16, 18, 21, 23-27, 30, 31, 33, 34, 35, 39-42, 44, 47-49, 51, 52, 54-67, 68-73, 75, 76, 84-86, 88-100, 102-108, 110, 112, 113, 115, 119-123, 125-128, 130, 132, 133,135,137, 140-146, 148-150, 154-162, 164, 166, 170, 173, 176-178, 185, 186, 197, 205,230, 237, 242, 256, 258, 260, 265, 273, 288, 302, 313, 314, 315
Ираклий (Ираклон, иногда — Ираклеон), сын императора Ираклия. Был императором в 641 г. — 111, 158, 159, 162, 166, 168, 169, 171, 172
Ираклий, сын Константа (см.) — 216, 217
Ираклий, брат Апсимара, стратиг фемы анатоликов — 270, 275
Ираклий, второй сын Константина IV — 240
Исаакий, экзарх Равенны[1027] — 131, 132, 177, 178
Исайя, епископ эдесский — 118, 122, 123
Исидор Севильский, раннесредневековый испанский историк — 15. 51
Итаксис, царь племени аланов — 304
Ишояб, католикос сирийцев-монофизитов — 125, 126

Йазид, сын Абу Суфьяна — один из арабских полководцев во главе войска, двинувшегося в Сирию — 138, 139
Йазид, сын Муавии (см.) — 224, 225, 228, 239, 240
Йездин, начальник финансового управления при Хосрове (см.) — 38, 40, 46, 95, 103, 109, 115
Йездигерд, внук Хосрова, последний шах Сасанидского Ирана — 126, 150, 152

Каис, арабский флотоводец — 226
Каллиник, изобретатель «греческого огня» — 227
Каллиник, патриарх константинопольский — 256, 275
Каллиник, экзарх в Паннонии — 50

[1026] Проявляя непоследовательность, Ю. А. Кулаковский во второй раз называет его просто Аларихом.
[1027] Ю. А. Кулаковский допускает фактически ошибку, характеризуя в первый раз этого человека как экзарха Италии.

Кардариган, персидский полководец — 105
Карл Мартелл, царь франков — 229
Кацейла, царь мавров — 239
Киприан, византийский полководец — 227
Кир Батнский, сирийский писатель — 5
Кир, епископ Фазида — 121
Кир, патриарх александрийский — 128-131, 140, 153, 155, 156, 158, 160, 163, 166, 167, 171, 172, 173, 174, 186, 200, 233
Кир, патриарх константинопольский — 275, 282, 292
Кир, епископ никиусский — 129
Кириак, патриарх константинопольский — 5, 17
Комитас, католикос армянской церкви — 38, 120, 122, 126
Конон, папа римский — 259
Конон, один лидеров монофизитских общин в Египте — 117
Косма, префект Константинополя — 16
Константин, римский император (306-337) — 244, 280
Константин, старший сын Ираклия (см.), как император — Константин III (641) — 28, 29, 58, 84, 105, 105, 109, 111, 143, 159, 162, 164-166, 169, 171, 185, 186
Константин IV, византийский император (668-685) — 214, 215, 217, 219, 222, 225, 226, 239, 240, 241, 247, 248, 275, 314, 316
Константин Багрянородный, византийский император (913-959, до 945 — номинально) — 86, 160, 216, 248, 250, 255, 269
Константин, иподиакон — 232
Константин, начальник военных сил Египта — 167, 172
Константин, папа римский — 229
Константин, папа римский[1028] — 280, 282, 292, 293
Константина, императрица, жена императора Маврикия — 10, 11
Констант II (Ираклий), византийский император (641-668) — 168, 169, 173, 176, 178, 179, 189, 193, 195, 198, 208-217, 225, 236, 247, 264, 265, 290
Кортак, сын Йездина (см.) — 159
Косма, перебежчик от персов — 72
Косма, квестор двора, член посольства к аварскому хану — 53
Коттона, магистр армии Востока — 13, 20
Кубрат, хан унногундуров — 87, 88, 171, 237

Лев, папа римский — 130, 235
Лев II, папа римский — 234, 240
Лев III Исавр, византийский император (717-741) — 84, 265, 299, 302-313
Леонтий, член посольства к Хосрову — 104
Леонтий, префект Мареотиды — 20
Леонтий, префект Константинополя при Фоке — 8, 9, 10
Леонтий, начальник императорской казны при Фоке — 26, 27
Леонтий, византийский император (695-698) — 242, 246, 256, 263-266, 268, 273, 275, 291, 303
Леонтия, императрица, жена императора Фоки — 4
Лилий, один из ближайших помощников Фоки — 6

Мавр, епископ Равенны — 199, 211
Мавр, патриций, византийский полководец — 285, 286, 287
Мавриан, византийский полководец — 193, 195
Маврикий, византийский император (582-602) — 3-6, 9, 14, 18, 19, 22, 28, 30, 40, 50, 57, 58, 75, 989, 104, 112, 117, 121, 122, 136, 316
Маврикий, хартуларий в Риме — 132, 177, 178
Макарий, патриарх антиохийский — 206, 229-233, 235, 276
Максим Исповедник, известный византийский теолог — 120, 133, 186, 187, 205, 207, 208, 213, 229, 235, 265 Мансур, сын Сергия, правитель Дамаска — 112, 154
Мануил, командующий флотом, затем магистр армии — 183, 184, 188
Марин, царь апсилов — 306
Мария, сестра Ираклия — 58
Мария, жена Мухаммада (см.) — 135

[1028] Речь идёт о разных персонажах. Первый Константин, папа римский, умер, как указывает Ю. А.Кулаковский, в 675 году, а второй вступил на папский престол в 708 году.

Маркиан, командир в войске Воноза, префект Атриба — 21, 22
Мартина, сестра Ираклия (см.) — 29
Мартин, муж сестры Ираклия (см.) — 29
Мартин, папа римский — 178, 199, 200, 201, 203, 204, 207, 213, 231, 272
Мартин, сын императора Ираклия — 159
Мартина, вторая жена Ираклия и императрица. Царское имя — Анастасия 29, 30, 58, 64, 108, 111, 113, 157, 159, 160, 162, 164-167, 169-173, 186, 316
Масальма, брат аль-Валида (см.) — 278, 286, 299, 308-312
Мафусал, армянский богослов — 127
Мердасан, сын Хосрова (см.) — 98
Мезезий (Мжеж-Гнуни), — византийский военачальник — 99, 122, 157, 158
Менандр Протектор, византийский историк — 103
Мех-Адар Гушнасп,[1029] влиятельный сановник при Ардашире (см.) — 105, 107, 108
Мизизий, офицер армии Константа, провозглашённый императором — 213, 214, 225
Мина, архимандрит монастыря в Александрии — 8
Мина, глава администрации Нижнего Египта — 167, 168, 173
Мина, патриарх константинопольский — 121, 130, 230, 23
Мина, брат Вениамина (см.), монофизитского патриарха Египта — 128
Михаил, апокрисиарий папского престола — 299
Михаил Сириец, известный сирийский писатель — 12, 13, 44, 106, 112, 117, 118, 125, 140, 146, 149, 180, 219, 223, 235, 246, 295, 296
Модест, настоятель монастыря Феодосия — 36
Модест, монах, местоблюститель патриаршего престола в Иерусалиме — 38, 39, 47, 114, 115, 129
Муавия, наместник Сирии, впоследствии халиф — 148, 163, 164, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 212, 219, 222, 224-229, 237, 239, 243, 300
Муавия, сын Худейджа, правитель Египта — 212
Муса, арабский полководец — 268, 288, 289
Мусанна б. Харис, арабский полководец — 149, 151
Мухаммад, пророк, основатель ислама — 133, 135, 136, 137, 138
Мухаммад, брат Абд-аль-Малика (см.) — 252, 255, 270
Мухаммад, сын Абдаллы, арабский флотоводец — 226

Нагормизд, сын падоспана юга — 99, 100
Надар-Гушнасп, спахбад областей юга иранской державы — 108
Нарзес, византийский полководец — 5, 6, 9, 10
Нарзес, католикос армянской церкви — 127, 180, 181, 193
Небул, славянский князь — 248, 252, 253
Несторий, патриарх константинопольский — 122, 124
Ника, дочь Шахрбараза — 108
Никея, турмарх фемы анатоликов — 310
Никита, наместник Египта — 20-23, 33, 34, 38, 43, 45, 46, 127
Никита, двоюродный брат Ираклия — 29
Никита, сын Шахрбараза — 108, 159
Никифор, византийский историк — 31, 33, 42, 52, 54, 73, 87, 88, 91, 105, 110, 137, 156, 164, 244, 279, 283, 284 Никифор, византийский полководец — 224

Олимпий, экзарх Равенны — 200, 201, 202, 203
Олимпий, консуляр, префект Константинополя — 41
Омар, халиф — 138, 139, 147, 148, 150, 153, 182, 191
Омар, командующий арабским флотом — 312
Орган, дядя Кубрата (см.) — 88
Ормузд, персидский полководец — 151
Ормузд, правитель Атропатены — 157
Осам, сын Зайда (см.) — 138
Осман, халиф — 182, 195, 196
Осман, арабский полководец — 279

Павел, антипат, представитель императора — 207
Павел, главнокомандующий флотом — 22

[1029] Написание этого имени у Кулаковского встречается с разной орфографией. Иногда дефис стоит только между первым и вторым элементами имени, иногда — между всеми.

Павел, патриарх константинопольский — 165, 178, 203, 206, 259
Павел Диакон, итальянский средневековый историк — 14, 50, 87,210,211
Павел, епископ Фарана на Синае — 119, 121, 200, 233
Павел, магистриан, посол к Абд-аль-Малику (см.) — 243
Павел, монах монастыря Каллистрата — 264
Павел, патриарх антиохийский — 43
Павел, патриарх константинопольский — 171, 176, 189, 200, 203, 233, 235
Павел, префект города Себеннита в Египте — 21
Патрикий, иллюстрий — 9
Пектарит, сын Ариперта (см.) — 208
Пероз, персидский шах — 117
Петрония — автор доноса о заговоре против Фоки — 11
Пётр, житель Александрии в начале VII в. — 46
Пётр, патриарх александрийский — 174
Пётр, патриарх константинопольский — 204, 206
Пётр, антиохийский патриарх — 43
Пётр, папа римский — 229
Пётр, префект Нумидии, 206
Пётр, византийский полководец — 57
Пётр, дукс — 293, 299
Петрона, византийский полководец — 227
Пирр, патриарх константинопольский — 132, 133, 160, 164-166, 169-171, 187, 187, 189, 200, 203, 204, 233
Приск, византийский полководец — 3, 15, 16, 19, 24, 25, 27, 32, 33, 34, 57
Прокопий, посол от императора к Муавии — 192
Птолемей, стратилат правитель Осроены — 149

Рахзад, персидский полководец — 34, 92, 93, 96
Расми-Озан, персидский полководец — 12 (см. Шахрбараз)
Рекадер, вестготский царь, перешедший в православие — 48
Родерих, герцог, правитель Испании — 288
Роман Сладкопевец, византийский писатель — 84
Роман, спафарий — 287
Роман, схоластик — 10
Ромвальд, сын Гримвальда (см.) — 209, 210
Рустем, временщик при малолетнем Йездигерде (см.) — 150, 152
Руф, протостратор фемы Опсикия — 296

Саад б. Абу-Вакасс, арабский полководец — 152
Само, славянский царь — 85
Свида, византийский лексикограф — 110
Свинтилла, вестготский полководец, затем вестготский царь — 48
Себастиан, римский папа — 17
Себеос, армянский историк — 6, 9, 36, 37, 39, 42, 43, 64, 68, 74, 90, 94, 100, 103, 18, 113, 122, 142, 146, 157, 176, 179, 193
Север, епископ Эдессы — 5
Северин, папа римский — 131
Сеголеба, член императорской канцелярии — 203
Сергий, дукс Палестины — 137, 139, 141, 142
Сергий, патриарх константинопольский — 17, 27, 29, 47, 56, 57, 77, 78, 83, 109-111, 119, 121, 123, 129-131, 157, 161, 164, 167, 200, 219, 230, 233, 292, 298
Сергий, папа римский — 280
Сергий, сын Варнукия, патриций — 265, 266
Сергий, стратилат, посол от Шапура (Сабория) к Муавии — 223, 224
Сергий Евкрата, царский стольник — 206
Сергий Макарон, епископ Арсинои в Египте — 119
Синет, кастриций двора — 28
Сисебут, вестготский царь — 48
Смарагд, экзарх Равенны — 5, 17, 18, 49
Созомен, византийский историк — 301
Софроний, патриарх иерусалимский — 8, 36, 124-131, 143, 145, 148, 158, 185, 199, 200, 207, 233
Спададуар, вестник Шахина (см.) — 41
Стефан, царь Иверии — 91
Стефан, армянский богослов — 127

Стефан, епископ города Дора в Палестине — 199
Стефан, сакелларий, влиятельный евнух при дворе Юстиниана II — 256, 264
Стефан, сын сестры Ираклия — 58
Стефан, ученик Макария, патриарха антиохийского — 291
Стефан Асмикт, патриций, византийский полководец — 283, 284
Сулейман, халиф — 300
Сулейман, арабский полководец — 308, 309, 310
Сумбат, один из армянских военачальников в войске Ираклия — 108
Сумбат, протоспафарий, сын Вараз-Тироца (см.) — 181, 184
Сумбат Багратуни, правитель римской Армении — 255
Схоластик, придворный евнух, глава заговора против Фоки — 8
Схоластик, патриций, экзарх Италии — 296

Табари, арабский историк — 37, 92, 100, 106, 108
Тарик б. Зайд, вольноотпущенник Мусы (см.) — 288, 289
Тербел, болгарский хан — 275, 277, 278, 286, 294
Тиверий, византийский император (578-582) — 5, 9, 19, 121
Тиверий, сын Константа (см.) — 216, 217
Тиверий, сын Юстиниана II — 276, 287, 288
Траян, римский император (98-117) — 164
Трибигильд, вождь остготов — 301
Троил, патриций, посланник от императора — 206, 207
Тцитта, спафарий — 10

Укба б. Нафи, арабский полководец — 212, 226, 239, 266

Фабия (Евдокия), императрица, первая жена императора Ираклия — 27, 29
Фадала, арабский полководец — 222, 223, 224, 225, 226, 227
Фарасманий, командир «Железной» крепости — 305, 308
Фауста, супруга Константа (см.) — 216
Феликс, епископ равеннский — 281, 293, 294
Феодор, августал Египта при Маврикии — 19
Феодор, главнокомандующий в Египте — 154, 155, 167,[1030] 170, 172, 174
Феодор, епископ города Никиус — 21, 22
Феодор, брат императора Ираклия — 32, 34, 57, 73, 82, 84, 104, 108, 122, 143
Феодор, викарий в городе Мута — 136
Феодор, друнгарий в войске Ираклия — 101
Феодор, епископ кентерберийский — 231
Феодор, магистр, племянник императора Ираклия — 157
Феодор, наместник Египта — 163
Феодор, папа римский — 165, 178, 187, 189, 190, 203
Феодор, патриарх константинопольский — 229, 231, 258, 259
Феодор, патриарх александрийский — 20, 44
Феодор, префект претория — 10
Феодор, начальник финансового управления в Египте — 20
Феодор, стратиг сицилийского войска — 280, 281
Феодор Синкелл, византийский хронист — 52, 54, 55, 75, 78, 79, 80, 83, 106
Феодор Каллиопа,[1031] экзарх Равенны — 178, 201, 202, 231
Феодор Рыштуни, главнокомандующий в Армении — 180, 181, 191, 193, 194
Феодор Трифирий, сакелларий Ираклия — 143, 145
Феодор Сикейский, агиограф — 10, 17
Феодора, императрица жена Юстиниана I — 24, 149, 230, 233
Феодора, императрица, жена Юстиниана II — 274, 276, 277
Феодор, синкелл Софийского храма — 79
Феодор Картерук, византийский полководец — 278
Феодосий, епископ Кесарии Вифинской — 207, 208
Феодосий, антипат, представитель императора — 207
Феодосий, помощник Иоанна, магистра императорской канцелярии — 10
Феодосий, младший брат императора Константа — 208

[1030] Без указаний источников, Ю. А. Кулаковский называет этого человека, начиная со стр. 176, августалом Египта.
[1031] В некоторых случаях Ю. А. Кулаковский называет этого человека только вторым именем.

Феодосий, сын императора Маврикия — 11
Феодосий, самозванец, выдавший себя за сына Маврикия — 6, 8, 11
Феодосий, сын императора Ираклия — 29, 108
Феодосий, сын Константина III — 168
Феодосий II, византийский император (409-450) — 222, 301
Феодосий III, византийский император (715-717) — 301, 302, 308, 312, 313
Феодот, логофет, ближайший помощник сакеллария Стефана (см.) — 257, 264
Феопемпт, префект Константинополя — 11
Феофан, патриарх антиохийский — 233
Феофан Исповедник, византийский хронист — 9, 10, 14, 24, 34, 35, 41, 52, 55, 57, 59, 60, 64, 67, 68, 72, 73, 84, 92, 93, 95, 97, 103, 104, 105, 106, 110, 112, 114, 137, 142, 144, 145, 156, 171, 179, 198, 211, 214, 217, 218, 223-227, 236, 238, 239, 243-246, 248-252, 255, 263, 265, 266, 270-272, 276, 283, 290, 292, 299, 307
Феофил, стратиг фемы каравасиан — 282
Феофилакт, кубикуларий — 276
Феофилакт Салибан, византийский полководец — 278
Феофилакт Симокатта, византийский историк — 89
Феррухан, брат Шахрбараза (см.) — 106
Филагрий, комит царских щедрот — 164, 166, 168, 171, 173
Филаид, правитель Аркадии — 167
Филарет, кубикуларий двора — 28
Филиппик, зять императора Маврикия — 9, 34, 57
Филиппик Вардан, византийский император (711-713) — 271, 283, 285-287, 290-294, 296, 298, 307, 315
Филоксен, правитель Аркадии — 173
Флавий, сын Ираклия — 29
Флор, византийский полководец — 227
Фока, византийский император (602-610) — 3-10, 13, 15-28, 29, 31, 40, 44, 50, 57, 64, 316
Фома, папа римский — 229
Фома, патриарх константинопольский — 17
Фома Пресвитер, византийский хронист — 107
Фома Маргский, сирийский писатель — 125
Фотий, патриарх константинопольский — 84
Фотий, куратор дворца Плацидии — 26
Фредегар, историк франков — 85, 87, 140

Хабиб б. Мусальма, арабский полководец — 191, 294
Халид б. Валид, арабский полководец — 136, 138, 139, 144, 151
ал-Харис, гассанидский династ — 134 Хасан, сын Али (см.) — 196
Хасан, сын Нумана, арабский полководец — 266, 268
Хацон, славянский князь — 197
Хорох-Азат, персидский полководец — 152
Хосров, персидский шах — 3, 6, 7, 11, 12, 30, 32, 33, 38-40, 42, 51, 63-66, 68, 73, 85, 92, 93, 95, 97, 99-102, 104, 104, 106, 115, 116, 118, 133, 135, 140, 157, 180, 181
Хосров, претендент на престол в Иране — 150
Христофор, митрополит монастыря Мар-Маттаи — 118
Христофор, католикос армянской церкви — 122
Христофор, турмарх фемы фракисийцев — 285
Хузаи (он же Файяк), секретарь персидского двора — 101

Шапур (Саборий), главнокомандующий фемы армениаков — 223, 224, 225, 290
Шахин, персидский полководец — 12, 32-34, 39, 41, 42, 51, 67, 69, 72-74, 84, 104
Шахраплакан (Сарабланган), персидский полководец — 68, 69
Шахрбараз, полководец персидского войска — 30, 33-38, 43, 44, 46, 47, 55, 59, 61-63, 67, 68, 70-75, 79, 82, 98, 99, 103, 104-109, 112, 115, 116
Шамта, сын Йездина (см.) — 100, 109, 115
Ширин, любимая жена Хосрова — 38, 97, 100, 118
Широе-Кавад, сын Хосрова, шах Ирана — 98-103, 104, 107, 116, 122
Шурахбиль б. Амр, шейх из дома гассанидов — 136
Шурахбиль б. Хасан, один из арабских полководцев во главе войска, двинувшегося в Сирию — 138, 139, 144, 148

Юлиан, патриарх антиохийский — 44
Юстин II, византийский император (565-578) — 25, 48, 50, 89
Юстиниан I, византийский император (527-565) — 49, 57, 104, 116, 152, 174, 210, 233, 238, 248, 260-262, 273, 274, 301,

316
Юстиниан II, византийский император (685-695; 705-711) — 240-245, 247-257, 259, 262, 264-266, 268, 269, 272, 273, 275-288, 291, 292, 302-305 , 307, 313, 315, 316

Яков Барадей, иерарх сирийской монофизитской церкви — 116

Директор издательства: Абышко О. Л. Главный редактор: Савкин И. А.

Научный редактор: Грушевой А. Г. Художественный редактор: Кучукбаев В. С.
Корректор: Румянцева Л. Ю.

Кулаковский Юлиан Андреевич «История Византии», том третий (серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования»)

ЛР № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство « Алетейя »
Санкт-Петербург, Конногвардейский бульвар, д.6, кв. 30 Телефон издательства: (812) 219-4670

Сдано в набор 20. 12. 1995 г. Подписано в печать 23. 09. 1996 г. Гарнитура «Петербург». Бумага офсетная. Формат 60x90'/16· Печать офсетная. Объем 25 п. л. Тираж 3000. Заказ № 3292

Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской типографии №1 РАН «Наука» 199034, 9 линия, д. 12.

Издательство «Алетейя» готовит к выходу в свет

Ю. А. Кулаковский

«История Византии» в 3-х томах

Юлиан Андреевич Кулаковский (1855—1919) — выдающийся русский антиковед, археолог и византинист. Показательно, в сколь положительных тонах выдержана о нем био-библиографическая заметка в известном энциклопедическом словаре Брокгауза и Евфрона (т. 33, стр. 952). Не менее, однако, важно, что даже в таком очень идеологизированном по подаче материала многотомнике, каким было второе издание Большой Советской Энциклопедии, имеется небольшая заметка о Ю. А. Кулаковском, написанная, учитывая специфику издания, в достаточно положительном и объективном духе. Ко многому из того, что великий ученый и подвижник своей эпохи успел сделать, можно отнести слово «впервые». Впервые в российской историографии он издал в своем переводе «Историю» Аммиана Марцеллина — последнего крупного историка античности (отредактированный перевод «Римской истории» с новыми комментариями вышел в 1994 г. в серии «Античная библиотека»). Также впервые в отечественной византинистике, расцвет которой пришелся именно на начало нашего века, Кулаковским написан обобщающий труд по истории Византии. За достаточно короткий срок вышли все три тома «Истории Византии» — успех превзошел самые смелые ожидания. Тут же выходят несколько дополнительных изданий, доработанных и исправленных автором. За повышенным интересом общества к истории Византии, которым воспользовались русские ученые, стояло многое. Здесь и поиск идеала мудрого, справедливого правителя, способного преодолеть возникающие в обществе трения и способного установить мир и согласие; здесь и интерес к собственной истории, к истокам своей культуры и государственности, хорошо понятный в условиях углубляющегося общественного кризиса в начале XX века; здесь, наконец, и внешнеполитический фактор — повышенный интерес к восточному вопросу, Палестине, Православию на востоке.

По своему характеру сочинение Ю. А. Кулаковского традиционно. В истории науки можно привести множество примеров обобщающих или конкретно-исторических исследований, выдержанных в подобном стиле, который можно было бы назвать позитивистским. Особенностью таких исследований, бесспорно имеющих право на существование наряду с любыми другими, является предпочтение их авторов излагать факты на основе источников и при этом по возможности воздерживаться от аналитических обобщений и общих рассуждений.

Здесь представляется излишним пересказывать содержание и структуру работы, ибо принцип организации материала, выбранный Ю. А. Кулаковским, чрезвычайно прост. Изложение идет строго хронологически, по годам правления императоров. После пространного введения изложение собственно византийской истории начинается с момента разделения империи в 395 году и доведено до 717 года, до начала правления Льва III. В первом томе изложены события от Аркадия до конца правления Анастасия. Во втором томе — от Юстина до конца правления Маврикия. В третьем томе — от Фоки до воцарения Льва III. (Список императоров с годами их правления приведен в Приложении к первому тому.)

В сочинении Ю. А. Кулаковского хорошо изложена по сочинениям светских и церковных историков внешнеполитическая история, жизнь столицы, двора, дворцовые интриги, приведены интересные характеристики всех императоров. В работе достаточно много говорится о церковных делах и государственных учреждениях ранневизантийского времени.

Интересное и точное определение стиля изложения в «Истории Византии» дано в рецензии на эту работу другого известного византиниста П. В. Безобразова — ***летописное изложение.*** Не все специалисты однозначно одобряют метод Кулаковского: особенно если при этом брать за образец работы «немецкой школы» (например, известные исследования Т. Моммзена по римскому государственному праву) с их массивными комментариями, сличениями и разборами различных первоисточников, бесконечными ссылками друг на друга. Действительно, «Истории Византии» Кулаковского чужд подобных подход. Нет в ней и «единственно верной концепции» развития византийской истории. Главное здесь — богатейший фактический материал, органичное вхождение текстов первоисточников в текст авторского повествования, яркие и живые характеристики основных действующих лиц византийской истории, непосредственный интерес к церковной истории и догматическим спорам, к историческому пути Православия (что «немецкую школу», скажем прямо, мало интересовало). По собственным словам автора, "я веду читателя своим изложением в самый templum hi- storiae byzantinae (храм истории Византии)". Не всем также нравилась личная пристрастность Ю. А. Кулаковского, например, к личности Феодосия II, не самого выдающегося из императоров ранневизантийского времени. Видимо, дело в том, что здесь, как и при оценке императора Анастасия, сказались политические пристрастия самого Ю. А. Кулаковского (монархизм), перенесенные им из современной ему действительности. Правление любимых Ю. А. Кулаковским императоров было достаточно длительным и относительно мирным. Скорее всего, как раз поэтому Ю. А. Кулаковский и восхваляет императоров, оказавшихся способными в достаточно сложное время не только сохранять власть, но и поддерживать в обществе спокойствие, «жить заодно со своим народом, сердцем чувствовать долг государя», утверждать «монархическую идею на основе христианских воззрений и принципов».

В заключении хотелось бы сказать, что «История Византии» Ю. А. Кулаковского осталась в истории русской науки произведением уникального жанра. Это своего рода талантливо и ярко написанная историческая летопись первых веков византийской истории и — в отличии от других работ этого времени по византинистике — с хорошо ощутимыми политическими симпатиями и антипатиями автора.

Ю. А. Кулаковскому удалось создать произведение в чем-то — хотя и отдаленно — напоминающее

знаменитую работу английского историка XVIII века Э. Гиббона об упадке римской империи. Однако если яркость изложения и наличие типичных для своего времени концепций обеспечили Э. Гиббону долгую жизнь (как известно, в англоязычных странах эта работа переиздается до сих пор), то революции в России и отказ Ю. А. Кулаковского от концептуального подхода привели к тому, что его труд оказался быстро забыт. Хочется надеяться, что нынешнее переиздание ярко и талантливо написанной работы позволит вернуть из небытия незаслуженно забытое широкой читающей публикой имя.

Переиздание труда Ю. А. Кулаковского представляется целесообразным и полезным для студентов и аспирантов и просто для людей интересующихся в качестве добротного научно-популярного пособия, раскрывающего основные моменты первого периода истории государства, которому столь многим в культурном, политическом и историческом плане обязана Россия.

Предпринимая грандиозный замысел издания «Византийской библиотеки», издательство «Алетейя» (г. С.-Петербург) не случайно открывает новую серию именно «Историей Византии» Ю. А. Кулаковского — ярким, доступным для широкого круга читателей и наиболее интересным исследованием по внешней и духовной истории византийского общества. Все три тома заново отредактированы, значительно дополнены разнообразными вспомогательными материалами и хронологическими таблицами. Приведены очерк жизни и творчества Ю. А. Кулаковского и новейшая библиография по отдельным разделам. Объем каждого тома около 450 страниц, единое оформление, улучшенное полиграфическое исполнение.

Издание выходит в III—IV кв. 1996 г.